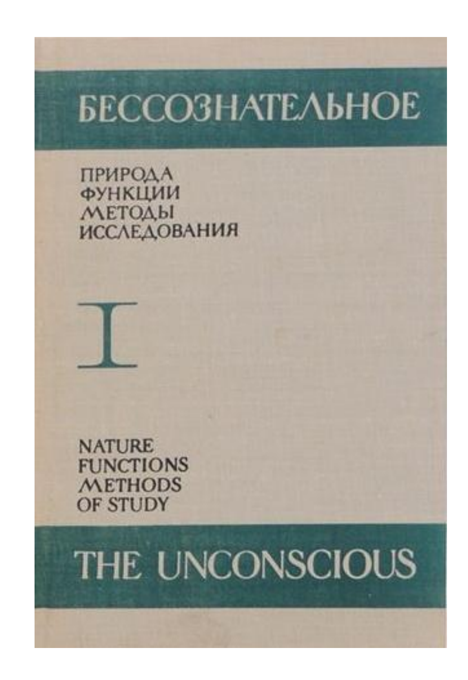
Бессознательное. Природа. Функции. Методы исследования. Том I

А. С. Прангишвили, А. Е. Шерозия, Ф. В. Бассина - Бессознательное. Природа. Функции. Методы исследования. Том I

Бессознательное. Природа. Функции. Методы исследования. Том I

Настоящая коллективная монография необычна как по своему содержанию, так и по истории своего возникновения. Ее содержанием является разносторонне выполненный анализ еще очень мало изученной проблемы неосознаваемой психической деятельности. Созданием этого труда мы обязаны группе ученых, в состав которой, наряду с советскими исследователями - психолотами, клиницистами, физиологами, философами, лингвистами, литературоведами - и специалистами разного профиля из социалистических стран, вошли также многие их коллеги из стран Западной Европы и Америки.

Источник:
- *'Бессознательное. Природа. Функции. Методы исследования. Том I' - Тбилиси: 'Мецниереба', 1978 - с.788*

Введение (Introduction)

1. К истории и современной постановке вопроса. От редакции (Towards the History and the Modern Statement of the Problem. Editorial Introduction)

1. К истории и современной постановке вопроса. От редакции

(1) Одним из больших вопросов, история которых особенно тесно связана с борьбой мнений, является на протяжении уже долгих десятилетий вопрос о бессознательном психическом. Понятие бессознательного психического это, по-видимому, одно из самых старых психологических понятий. Его можно проследить еще у основателей древнегреческой философии. У Платона, например, оно выступает в форме идеи "скрытого знания", которое есть предпосылка знания обычного, и поэтому для Платона "знание на самом деле не что иное, как припоминание". А споры, имеющие более строгий, научный характер и уходящие своими логическими корнями в философию еще XVII века, во времена Лейбница и Лежка, Канта и Декарта, длились не умолкая века. В наши дни они привели постепенно к резкому размежеванию относящихся к ним принципиально несовместимых диалектико-материалистических и идеалистических интерпретаций.

Подобное размежевание приходится наблюдать сегодня, как это хорошо известно, в очень многих областях знания. Однако, когда обсуждается тема неосознаваемой психической деятельности и проводятся в этой связи разграничительные линии между разными концептуальными подходами, следует считаться с некоторыми специфическими обстоятельствами, на которые необходимо с самого начала отчетливо указать.

Прежде всего следует учитывать тот факт, что сформировавшиеся в рамках идеалистических систем методологически неадекватные, а иногда и явно псевдонаучные истолкования бессознательного оказываются тесно переплетенными **с реальной фактологией** - с описанием психических и психопатологических феноменов, в отвлечении от которых глубокое понимание закономерностей душевной жизни человека оказывается затрудненным, если не невозможным вовсе. Другой не менее важный момент, заставляющий нередко оставлять незавершенными трудные исследования и острые споры, - допуская тем самым невольно недостаточную определенность позиций и выводов, - заключается в том, что подлинно точные и надежные методы изучения проявлений бессознательного остаются, несмотря на огромные усилия их создать, все еще очень мало разработанными.

И, наконец, третий момент, который в научных дискуссиях следует учитывать всегда, а в спорах, происходящих по поводу проблемы бессознательного, - чтобы эти споры были ориентированы на методологически главное, а не второстепенное, - особенно: необходимость отчетливо представлять себе подлинную позицию оппонентов. На этом обстоятельстве приходится ставить акцент, т. к. сложное и глубокое развитие идеи бессознательного, имевшее место на протяжении последних десятилетий в Советском Союзе, находило лишь очень скудное, к сожалению, отражение в западной литературе, оставшись поэтому малоизвестным многим западным исследователям. Что же касается нас, то нельзя не признать, что нами нередко допускалась недооценка значения сдвигов, которые произошли в теории психоанализа, начиная приблизительно с рубежа 50-х - 60-х гг. Структурно-лингвистически ориентированный психоанализ Ж. Лакана и отвергающая фрейдовскую метапсихологию концепция Дж. Клайна ("психоанализ как психология смыслов и синтезов, возникающих при кризисах в личной жизни" - Дж. Клайн) это, конечно, нечто совсем иное, чем столь же наивная, сколь и реакционная мифология Юнга или Ференчи. И учет этих сдвигов необходим, чтобы наша критика не исчерпывалась повторением доводов, бывших адекватными в 30-х и 40-х гг., но не являющихся достаточными как реакция на очень своеобразную - и во многом серьезную - позднюю эволюцию психоанализа.

Нетрудно понять, какой своеобразный колорит привносится хотя бы только одними этими тремя моментами в дискуссии о бессознательном, насколько ответственным и нелегким является проведение в подобных условиях методологически адекватной линии, занятие позиций, которые обеспечивают строгую философскую обоснованность научных поисков и правильность стратегии их дальнейшего развертывания. Вряд ли поэтому можно преувеличить важность, которую имеет для современной психологии тщательное исследование всей этой тематики, до сих пор сохраняющей характер одного из самых больших - и самых досадных, сковывающих мысль - белых пятен на карте общих представлений о природе и закономерностях психики человека.

(2) Настоящая монография является коллективным трудом видных советских и зарубежных исследователей, работы которых так или иначе связаны с проблемой неосознаваемой психической деятельности. Какие соображения побудили к ее составлению и почему для участия в ее создании был приглашен столь широкий круг разносторонне ориентированных и высококомпетентных ученых? Чтобы ответить на эти вопросы, мы напомним некоторые уже полузабытые страницы из истории представлений о бессознательном и остановимся кратко на роли, которую идея бессознательного психического выполняет в контексте современного научного знания.

(3) Первое, насколько мы можем судить по литературе, международное совещание, созванное специально для обсуждения проблемы бессознательного (во всем ее объеме, а не только, как это не раз предпринималось ранее, различных специальных ее аспектов), состоялось почти 70 лет назад, в 1910 г., в Бостоне (США).

Интеллектуальная атмосфера, в которой происходила подготовка и работа этого совещания, была очень своеобразной. Если мы просмотрим научные источники, художественную литературу, труды, посвященные вопросам искусства, и даже публицистику тех далеких лет, то не сможем не испытать чувства удивления перед тем, до какой степени широко было распространено в тот период представление о бессознательном, как о факторе, учет которого необходим при анализе самых различных вопросов поведения, клиники, наследственности, природы эмоций, произведений искусства, взаимоотношения людей в больших и малых группах, истории общей и истории культуры. Все более ранние представления о бессознательном, начиная с давно сформировавшихся в рамках теистических и спекулятивно-философских систем и кончая едва зарождавшимися попытками его объективного клинического и экспериментального истолкований, причудливо в этот период смешивались. Эта эклектика говорила, однако, только о том, что, столкнувшись с проявлениями бессознательного, исследователи того времени гораздо скорее интуитивно почувствовали, что им довелось затронуть какие-то неизвестные ранее особенности психической деятельности, чем поняли, в чем именно эти особенности заключаются.

Подобные установки характеризовали исследователей не только конца XIX века, но и перешагнувших за рубеж XX. Бессознательное, как объясняющий фактор, ими называлось, но путей к осмыслению его особенностей и закономерностей, к его строгой концептуализации не предлагалось. И нарушаться эта традиция стала только после появления трудов 3. Фрейда. То, что Фрейд выступил в качестве создателя, хорошей ли, плохой ли, об этом мы будем немало говорить позже, но неоспоримо оригинальной позиции, заместившей простое коллекционирование парадоксальных фактов и их изумленное созерцание, явилось, конечно, одной из главных причин, обеспечивших психоаналитическому направлению такой шумный успех. Было бы ошибкой, возможной только при плохом знании истории психологии, утверждать, что Фрейд впервые поставил проблему бессознательного. Эта проблема была поставлена задолго до него. Но вряд ли найдутся несогласные с тем, что в отношении теоретизации бессознательного, в отношении перехода от довольно путанной феноменологии этой проблемы к попыткам ее аналитического раскрытия с периода работ Фрейда началась подлинно новая эра.

Надо думать, что эти обстоятельства хорошо понимались и теми оппонентами психоанализа, которые явились инициаторами организации в 1910 г. в Бостоне своеобразного смотра идей, способных при всей их малой разработанности быть все же как-то противопоставленными психоаналитическому подходу. На Бостонском совещании не происходил поэтому непосредственно спор с психоанализом. Его организаторы преследовали не столько критическую, сколько конструктивную цель: подытожить позиции, с которых можно было бы, в ожидании предвидимых ими идейных сражений, как-то осмыслить бессознательное, его роль и функции, не прибегая при этом ни в какой форме к представлениям и постулатам психоанализа. Труды этого совещания, в которые были включены работы таких крупнейших авторитетов того времени, как П. Жанэ, Т. Рибо, Ф. Брентано, М. Принс и др., создали впечатляющую картину необычайной пестроты и противоречивости мнений, преобладавших в те годы по поводу проявлений бессознательного. Одновременно они показали, что в центре споров оставались все те же коренные вопросы, которые были поставлены в еще более ранний период, но к сколько-нибудь уверенному решению которых участники Бостонского симпозиума были отнюдь не намного ближе, чем их предшественники - виднейшие психологи и клиницисты XIX века. В истории развития представлений о бессознательном Бостонский симпозиум представляет собою поэтому очень поучительный эпизод. Это была последняя попытка затормозить уже поднимавшийся вал популярности психоанализа, которая, однако, заранее была обречена на неуспех.

Несколько, может быть, схематизируя, можно сказать, что целью участников Бостонского симпозиума было отстоять право на существование представления о неосознаваемых формах мозговой деятельности, определяющих сложные акты поведения, и понять эти формы как механизм (то ли психологический, то ли чисто физиологический - по этому поводу согласия не было), без учета которого мы ни сами эти акты, ни их клинические расстройства объяснять не можем. Никакими, однако, функциями, антагонистическими сознанию, бессознательное при этом не наделялось, никакое представление о возможности конфликта или каких-то других еще более сложных отношений между сознанием и бессознательным в рамках этих непсихоаналитических концепций не звучало. И это, конечно, существенно обедняло представление об организации психической деятельности, которое эти концепции пытались обосновать.

Работами симпозиума было только лишний раз показано, как резко упрощаются концептуальные схемы при игнорировании внутренней диалектики, внутренней противоречивости исследуемых феноменов. Мы полагаем, - и еще вернемся к этому, - что фрейдизм поставил проблему взаимоотношений между сознанием и бессознательным, недооценивая идею **синергического аспекта** этих отношений. Участники же Бостонского симпозиума нанесли не меньший ущерб разработке той же проблемы, исключив из рассмотрения **аспект конфликта**. Подобные односторонности толкований должны были сыграть и в конечном счете сыграли роковую роль в судьбе каждого из этих направлений. Разница здесь проявилась только в том, что обеспложивающее влияние недоучета отношений синергии выявилось на несколько десятков лет позже, чем аналогичный эффект недоучета отношений конфликта.

(4) Мы не будем сейчас задерживаться на детальном прослеживании дальнейшей эволюции представлений о существе и закономерностях неосознаваемой психической деятельности. Эта тема глубоко и разносторонне освещена как в советской, так и в западной литературе. Для ясности последующего изложения здесь важно отметить только некоторые узловые моменты.

Хорошо известна история отношений советской психологии и советской медицины к идеям психоанализа. Мы останавливаемся именно на психоаналитической концепции, ибо ее нельзя не рассматривать как наиболее значительную из представленных в западной литературе попыток разработки теории бессознательного. После довольно оживленной первоначальной, - как критической, так и одобряющей, - реакции на эти идеи, оставившей в советской литературе 20-х гг. заметный след, диалог между советскими исследователями и сторонниками психоанализа стал постепенно угасать. Даже стойкое сохранение интереса к проблематике бессознательного, которое с самого же начала характеризовало грузинскую психологическую школу Д. Н. Узнадзе, не смогло остановить этот процесс. Причиной здесь явилось, как мы полагаем, постепенное преобразование теории психоанализа из относительно узкой клинико-психологической концепции, в форме которой она выступила на заре своего существования, в доктрину широкого философского и социального плана, окрашенную, с одной стороны, в биологизирующие, а с другой - в идеалистические тона. Дух психоанализа как системы социальных, мировоззренческих обобщений, характерная для него очень своеобразная методология познания оказались настолько чуждыми идеологическим установкам советской психологии и медицины, стилю и традициям осмысления природы человека, которых придерживаются советские исследователи, что находить обязательный исходный "минимум общности" толкования, без которого никакой диалог немыслим, стало невозможным.

Именно в этом, как нам думается, корни молчания, которое замещало с начала 30-х до середины 50-х гг. обмен мнений, звучавший в более ранний период. В 1955 г. на страницах журнала "Вопросы психологии" была начата дискуссия по поводу теории установки, в которой затрагивалась, в частности, и проблема бессознательного с подчеркиванием ее принципиальной важности для современной психологии. Так, одним из нас при подытоживании этой дискуссии было подчеркнуто, что у нас крайне мало разработан вопрос о бессознательном

психическом, и для того, чтобы занять правильную позицию "в этом вопросе, нам следует не уклоняться от изучения его, а в плотную заняться им" (А. С. Прангишвили, там же, 6, стр. 107). С конца же 50-х гг., - в значительной степени по инициативе АМН ССР, организовавшей в 1958 г. специальную конференцию, посвященную проблеме отношения к психоанализу, - диалог был вновь возобновлен, а в 1962 г. на Всесоюзном совещании по философским вопросам физиологии высшей нервной деятельности и психологии еще более углублен. И важно ясно представлять, какие общественные и научные факторы этот сдвиг стимулировали.

(5) На протяжении 30-50 гг. развитие идей психоаналитической школы совершалось в полном отрыве от сложной эволюции представлений о бессознательном, происходившей в этот период в Советском Союзе и связанной исходно с именем И. П. Павлова, а несколько позже с именем Д. Н. Узнадзе и его школы. Повлекла ли эта изолированность отрицательные последствия для теории психоанализа? Имея определенное мнение по этому поводу, мы не станем, однако, сейчас на нем задерживаться: здесь мы касаемся темы, в отношении которой первое слово должно быть предоставлено, по справедливости, самим психоаналитикам.

Что же касается советской психологии, то нельзя не признать, что в эти годы ею допускалась своеобразная ошибка "выбрасывания из ванны вместе с выплескиваемой водой и ребенка". Реакция советских исследователей на дефекты методологии психоанализа, которые они видели в идеалистическом и одновременно биологизирующем характере его социологических обобщений, в нередкой подмене им строгого доказательства выдвигаемых положений аналогиями, а иногда даже только эффектными метафорами, в допускаемых им гиперболизациях, приводящих к смещению акцентов и тем самым к искаженному изображению действительности, была настолько глубокой, что критика этих слабых сторон перерастала в скептическое отношение к объектам психоанализа, к психологическим феноменам и процессам, которые психоанализ объявил предметом (и даже предметом монопольным!) своего исследования. Так скепсис в отношении психоаналитического истолкования проявлений бессознательного переходил постепенно в понижение интереса к самой проблеме бессознательного, долгие годы не находившей вследствие этого должного отражения в работах советских врачей и психологов.

Изменение ситуации обрисовывается, как уже было упомянуто, только с конца 50-х - начала 60-х гг., причем мощные импульсы были ей даны событиями развернувшимися в трех разных областях.

Во-первых, постепенным упрочением в рамках советской поихологии особого подхода к проблеме бессознательного, теоретические основы которого были заложены еще в 20-х - 30-х гг. выдающимся советским мыслителем Д. Н. Узнадзе и развиты впоследствии его многочисленными учениками. Мы имеем в виду теорию неосознаваемой психологической установки, являющуюся в работах современных советских исследователей концептуальным фундаментом представлений о бессознательном.

Во-вторых, - об этом мы уже кратко упомянули, - здесь сказалась очень сложная и своеобразная поздняя эволюция психоанализа, возникновение в нем новых направлений, в которых пересматривались, а иногда и полностью отвергались некоторые из исходных догм ортодоксального фрейдизма. Особое значение для этого последнего этапа развития психоанализа имело создание в его рамках более широких подходов, порывавших с его исходными биологизирующими тенденциями, преодолевавших тем самым его односторонность и увлекавших его, как это выяснилось (несколько позже, на неожиданный для многих путь сближения с теорией речи, с проблемами логики, лингвистики и антропологии, даже теории игр и математической топологии. Не менее важным в данном аспекте оказалось особое внимание, проявляемое современным психоанализом к проблемам значения и смысла переживаний в их широком понимании, т. е. с выходом опять-.таки его интересов далеко за рамки ортодоксальной фрейдовской теории сексуальности; то же можно сказать о сближении некоторых его аспектов с представлениями, разрабатываемыми в смежных с психологией областях, например в современной теории сна и т. д.

Все эти сдвиги, в совокупности, привели к тому, что освещение проблемы бессознательного стало постепенно даваться психоанализом с позиций, довольно резко отличающихся от тех, с которых оно производилось четверть и более века назад. И это, естественно, не могло не создать многих поводов для новых обсуждений и споров.

И, наконец, третья группа факторов, действовавших в том же общем направлении. Развитие знаний, происшедшее за последние десятилетия, с огромной силой подчеркнуло **реальность** проблемы неосознаваемой психической деятельности и важность роли, которую составляющие ее процессы выполняют при разных формах жизнедеятельности организма и поведения человека. Постепенно становилось все более ясным, что **недостаточная разработанность теории бессознательного и методов его анализа оказывает сдерживающее влияние на развитие целого ряда важнейших направлений современной научной мысли как в рамках психологии, так и за ее пределами**. Это относится например, к психосоматическому направлению в медицине, трактовка коренной проблемы которого (роль эмоций в болезни) оказывается резко обедненной, если игнорируется существование наряду с осознаваемыми переживаниями и мотивами поведения также мотивов

неосознаваемых; к нейрофизиологии с ее попытками разобраться в закономерностях локализации мозговых функций, в частности в вопросе о т. н. межполушарных мозговых асимметриях; в механизмах сна и гипноза, истолкование которых в отвлечении от проблемы вербализуемого и невербализуемого, т. е. по существу от проблемы осознаваемого и неосознаваемого, заранее обречено на поверхностность; к теории художественного творчества как литературного и сценического, так и изобразительного, одним из неустранимых психологических механизмов которого является активность бессознательного; к проблеме восприятия и переживания музыкальных образов; к в высшей степени важной в социальном плане проблеме закономерностей речевой и внеязыковой межиндивидуальной коммуникации и тесно связанной с нею проблеме суггестии; к теории обучения и неосознаваемых форм переработки информации; к коренной проблеме психологии - к вопросу формирования неосознаваемых психологических установок, определяющих структуру личности; к теории закономерностей душевной жизни человека со всей сложностью ее зависимости от бессознательного в его широком понимании, - и этот перечень можно было бы продолжить.

Вряд ли требует разъяснения, какой ущерб нашим знаниям наносится замедлением разработки этих, как и многих других сходных вопросов, происходящим вследствие малой изученности междисциплинарной проблемы бессознательного. И не менее очевидно, что любые усилия, направленные на устранение этого замедления, более чем оправданы.

(6) Итак. Возобновлению диалога советских исследователей с учеными, придерживающимися в той или иной степени психоаналитической ориентации, способствовали три причины: возникновение в рамках советской психологии оригинального концептуального подхода к проблеме бессознательного, и уже тем самым признание советской психологией реальности этой проблемы; сложное позднее развитие психоаналитических представлений, во многом их преобразовавшее, позволившее им проникать в области, к которым ортодоксальный фрейдизм отношения не имел, ставить и решать проблемы, которыми фрейдизм исходно не занимался; и, наконец, выявление весьма широкого круга областей знания, тормозимых в своем развитии отсутствием разработанных представлений о природе и закономерностях неосознаваемой психической деятельности.

Эти три фактора создали предпосылки для диалога. Но какой может быть его цель? И каким хотелось бы видеть его предмет, его непосредственное содержание? Вряд ли нужно доказывать, насколько выиграл бы диалог в отношении глубины и продуктивности, если бы ответы на эти вопросы были с самого начала отчетливо сформулированы.

Приблизиться к ответу на первый вопрос нетрудно. Новейшее развитие психоанализа, об отличительных особенностях которого мы уже упоминали, повлекло за собою определенные, порой даже далеко идущие сдвиги в понимании им проблемы бессознательного. Эти новые подходы представляют в ряде отношений неоспоримый интерес, и обмен мнений по их поводу может быть не менее продуктивным, чем обсуждение представлений о природе бессознательного, вытекающих из концепции психологической установки Д. Н. Узнадзе и еще весьма мало освещенных в западной литературе.

Логическая структура настоящей монографии определялась именно таким общим пониманием возможностей, создаваемых ее появлением, и задач, которые на этой основе возникают. Монография построена так, чтобы достигалось разностороннее освещение вопросов общей теории бессознательного, представляющих, насколько это можно предполагать заранее, интерес для весьма широкого круга и теоретиков, и представителей прикладного знания.

В монографии содержатся работы ведущих советских исследователей разного профиля, так или иначе связанных с разработкой проблемы бессознательного. Разнообразие их специальностей ярко подчеркивает междисциплинарный характер темы бессознательного и широту диапазона откликов, которые вызывает эта тема. В монографию включены также статьи видных зарубежных исследователей, вклад которых в разработку проблемы бессознательного связывается в некоторых случаях с неприемлемой для нас общей методологией, но является, вопреки этому, интересным и важным в определенных частных аспектах. Критическое рассмотрение этих работ может способствовать включению в общую теорию бессознательного данных, полученных на основе направлений исследования, недостаточно привлекавших в последние годы внимание советских ученых.

Тематические разделы монографии - их всего десять - посвящены разным, тесно между собой связанным аспектам проблемы бессознательного. В первом тематическом разделе монографии подвергается рассмотрению основной, еще не снятый, по мнению некоторых исследователей, вопрос о реальности бессознательного как **психологического феномена**. Рассмотрение этого вопроса заставляет обратиться к анализу разных представлений о природе и функциях бессознательного, и поэтому во втором тематическом разделе приводятся сообщения, создающие в совокупности общую картину существующих на сегодня в западной литературе

направлений мысли, затрагивающих проблему неосознаваемой психической деятельности с разных теоретических позиций. Эту картину менее всего, конечно, следует рассматривать как исчерпывающую. Целый ряд важных направлений в ней освещен лишь эскизно, другие не упомянуты вовсе. Следует, однако, иметь в виду, что задача исчерпывающего обзора редколлегией монографии в данном случае и не ставилась. Важно было охарактеризовать лишь более типичные направления, дабы дать представление об общем стиле и духе ведущихся в этой области поисков. И этой цели содержащиеся во втором разделе сообщения, в их ансамбле, по-видимому, достигают.

Следующие три тематических раздела включают сообщения, посвященные приложениям концепции бессознательного в тесно между собой связанных областях, - нейрофизиологии (с выделением в особый раздел статей, затрагивающих вопросы теории сна и гипноза) и клинической патологии. В последнем из этих разделов обсуждаются вопросы психосоматики в их связи с осознаваемой и неосознаваемой мотивацией, проблема межполушарных мозговых асимметрий с анализом связей между нарушениями речи и нарушением осознания, вопросы зависимости психотерапевтических эффектов от осознаваемых и неосознаваемых психологических установок, отражение нарушений неосознаваемой психической деятельности в симптоматике неврозов, проблема неосознаваемых компонентов отношения больного к окружающей его среде и др.

В следующих пяти тематических разделах (VI-X) проблема бессознательного освещается в плане ее связи с закономерностями высших форм психической деятельности. Шестой раздел посвящен проблеме роли бессознательного в процессах художественного восприятия и творчества, в основном литературного и музыкального. В седьмом разделе обсуждается роль бессознательного в структуре гнозиса, анализируются вопросы неосознаваемой переработки информации (и в этой связи затрагивается проблема искусственного интеллекта), интуиции, теории неосознаваемых компонентов целенаправленных, движений, а также навыков и автоматизмов, участвующих в управлении человеком машиной. В восьмом разделе освещаются с разных сторон функции бессознательного в активности речи, особое внимание уделяется при этом процессам овладения языком на ранних этапах онтогенеза в естественных и учебных условиях. Девятый раздел посвящен центральным, по существу, проблемам всей теории бессознательного- вопросу взаимоотношения бессознательного и сознания, роли бессознательного в формировании личности, значению, которое имеют психологические установки в наиболее сложных формах деятельности субъекта, проявлениям бессознательного в структуре межиндивидуальных отношений. И, наконец, - десятый раздел, затрагивающий самую, пожалуй, трудную область: теорию методов исследования бессознательного. В этом разделе заостряются дискуссионные проблемы проективных и субсенсорных методик и обсуждаются общие принципы экспериментального подхода к активности бессознательного. За этим следует "Заключение" от редколлегии, в котором дается общий критический анализ представленного в монографии материала и формулируются исходные конструктивные положения, от которых должна, как нам кажется, отправляться на сегодня диалектико-материалистическая теория бессознательного. (Каждый из тематических разделов сопровождается редакционной статьей, имеющей более специальный характер: введения в конкретную проблематику данного раздела).

Такова общая структура тематических разделов, составляющих три тома настоящей монографии. Поскольку в каждом из этих тематических разделов участвуют как советские, так и зарубежные исследователи, можно ожидать, что возникающие на этой основе картины, характеризующие основные направления разработки соответствующих проблем, будут иметь достаточно полный и разносторонний характер.

Монография охватывает, таким образом, весьма широкий круг разнородных вопросов и включает немало дискуссионных положений и представлений, что делает желательным ее тщательное обсуждение. В этой связи установлено по истечении определенного срока после ее опубликования созвать Международный симпозиум, на котором подобное обсуждение можно было бы адекватно произвести. Основные результаты такого обсуждения будут, как мы полагаем, представлены и обобщены в четвертом томе данной монографии.

(7) Естественно поэтому полагать, основываясь на характере представленного в монографии материала, что центральное место на предстоящем симпозиуме займет проблема различных интерпретаций бессознательного. Можно также предвидеть, что значительное внимание будет на нем привлечено к расхождениям между ее диалектико-мате-риалистическим и психоаналитическим пониманием.

В этой связи представляется целесообразным заранее сформулировать некоторые теоретические общие положения, позволяющие уточнить, **в чем именно подобные расхождения на настоящий момент заключаются**. Такой подход позволил бы с самого начала наметить круг вопросов, с которых могла бы начаться дискуссия. Кроме того, предварительное определение существа расхождений придало бы прочтению материалов монографии определенную направленность, способствующую их более глубокому пониманию.

Вернемся в этой связи вновь к критике идей психоаналитической школы, к характерному для них представлению о природе и функциях бессознательного.

Было бы нетрудно показать, что некоторыми из советских критиков фрейдизма еще в 20-х-30-х гг. обращалось внимание на то немаловажное обстоятельство, что слабость этого направления обнаруживается не тогда, когда оно **описывает** весьма подчас тонко улавливаемые им клинические и психологические соотношения, а когда пытается эти соотношения **объяснять**. При этом подчеркивалось, что допускаемые им ошибки концептуализации логически однотипны: это почти всегда **ошибки возведения в ранг общего (или даже всеобщего) закона таких черт, тенденций, особенностей, которые характеризуют в действительности лишь довольно ограниченный, узкий круг явлений, наблюдаемых к тому же при наличии только специфических условий**. Именно отсюда возникает, по мнению критиков фрейдизма, характерная односторонность многих психоаналитических построений, не позволяющая им подняться до оперирования более обобщенными понятиями, при которых частное не вытесняет общее, а занимает лишь то более скромное место, на которое ему дает право его природа.

Эта тенденция психоанализа к недостаточно обоснованным генера-/лизациям (к рассмотрению как обязательного и универсального того, что является в действительности лишь условным и специфическим) проявляется в рамках любого из его фундаментальных теоретических построений. Проследим это на нескольких примерах.

В качестве первого сошлемся на односторонность, к которой приводит столь характерная для психоанализа универсализация**антагонистических** отношений между сознанием и бессознательным, т. е. отношений, которые складываются в действительности не неизменно, а лишь при определенных специфических условиях. В результате этой неадекватной универсализации идеи антагонизма проблема **синергических** отношений между сознанием и бессознательным оказалась для психоанализа если не полностью закрытой, то во всяком случае оттесненной на задний план, а тем самым весь вопрос о диалектике взаимоотношений сознания и бессознательного был поставлен психоаналитической теорией неадекватно. Ущерб, который был этим нанесен психоанализу в его попытках осветить природу бессознательного, трудно преувеличить.

Другой пример. Психоаналитической школой было обосновано представление о "психической защите" и была разработана определенная концепция форм этой защиты. В более поздний период идея подобных "защит" разрабатывалась с позиции теории психологической установки грузинской школы Д. Н. Узнадзе. При этом было установлено, что эта "защита" (понимаемая как перестройка психологических установок, устраняющая патогенность травмирующих переживаний путем изменения их "значимости" для субъекта) гораздо шире представлена в душевной жизни человека, чем это вытекает из ее психоаналитической трактовки. Описываемые теорией психоанализа специфические формы "психической защиты" (проекция, вымещение и т. п.) выступили в этой связи как формы защитной активности сознания, проявляющиеся в условиях лишь особых, не часто возникающих специальных психологических ситуаций. Недостаточное знакомство с концепцией психологической установки не дало, однако, психоанализу даже в более поздний период возможности распознать, что созданные им теоретические конструкции - это гораздо скорее частные проявления закономерности весьма общего порядка, чем ее исчерпывающие проявления.

Логические ошибки этого типа очень обедняли в некоторых случаях весь психоаналитический подход. Психоанализ ввел, например, еще на заре своего существования идею вытеснения, т. е. "выключения" переживания из сферы осознаваемого. Но уже очень скоро стало ясным, что этот феномен - лишь частный случай в гораздо более сложной системе разнотипных форм и степеней неосознаваемости. В советской психологической литературе неоднократно отмечалось, что психоаналитической концепцией предусматривается только строгая альтернатива: либо адекватное осознание переживаемого, либо отсутствие подобного осознания ("вытеснение"). Следовательно, весь огромный диапазон переходных состояний между этими полюсами, представленный разнообразными клиническими формами сложных частичных нарушений осознания, из основной психоаналитической схемы выпадает, хотя советскими исследователями приводились соображения в пользу многочисленности и исключительного разнообразия этих переходных состояний. Отмечалось, что "неосознаваемость" проявляется иногда в том, что отражение воздействий, оказываемых на объект, отсутствует не только в сознании последнего, но и в системе его переживаний (субсенсорика по Г. В. Гершуни, неосознаваемая и непереживаемая переработка информации на определенных этапах творческого процесса и т. п.). В других же случаях, напротив, "неосознаваемость" отнюдь не исключает того, что отражение действительности отчетливо "переживается" его субъектом: неосознаваемость выражается в подобных случаях лишь в том, что сам факт этого отражения не становится предметом мыслительной активности субъекта, субъект не может произвольно направить на него свое внимание (неосознаваемость, например, переживаний в ранней фазе детства). Возможны и такие случаи, когда регуляция поведения отражается как в системе переживаний, так и в содержании мыслительной деятельности, но только - на уровне формальных "значений": она выпадает из сферы осознаваемого на более

глубоком уровне - "интимных смыслов", которыми наполнены соответствующие содержания переживаний для их субъекта (*Подробнее об этом см. вступительную статью к VIII тематическому разделу монографии*).

Характерно, что при описании этого последнего феномена А. Н. Леонтьев и Дж. Клайн употребляют, - совершенно независимо друг от друга, - идентичную терминологию: "личностный смысл" (А. Н. Леонтьев) и "personal meaning" (Дж. Клайн).

Сторонникам психоаналитической ортодоксии очень трудно было бы оспаривать, что при таком общем подходе "вытеснение", в его исходном фрейдовском понимании, выступает лишь как некая **частная форма** неосознания, отнюдь не исчерпывающая собой широкий круг, а, может быть, правильнее было бы даже сказать - широкую систему психологических феноменов родственного порядка.

Можно было бы привести очень много и других доводов в пользу того, что рассматриваемая тенденция (постулировать общее там, где описывается, фактически, лишь частное) проходит красной нитью сквозь всю долгую историю психоаналитической мысли - от комплексов Эдипа и Электры (верных, как это было показано специальными исследованиями довольно больших контингентов, только как факты, порождаемые специфическим совпадением семейных отношений) до объявления Лаканом общим законом активности сознания того, что является гораздо, по-видимому, скорее, модусом работы лишь сознания, сновидно измененного. Мы остановимся, однако, сейчас еще только на одном проявлении, более близком связям, которые существуют между теорией бессознательного и теорией психологической установки.

В психоаналитической литературе можно встретить утверждение, что советские критики психоанализа не только отвергают идею бессознательного как важную философскую и психологическую категорию, но отклоняют и представление о реальности неосознаваемых мотивов поведения. Такое толкование, однако, ошибочно. В советской литературе неоднократно подчеркивались (С. Л. Рубинштейном, А. Н. Леонтьевым и др.) неосознаваемость мотивов деятельности, не перестающих из-за этой неосознаваемости быть факторами, порождающими деятельность; существование изменений психического состояния, вызванных переживаниями, которые не осознаются; возможность путем анализа непосредственно осознаваемого осознать и то, что находится для сознания до какого-то времени "за занавесом" и т. д.

И, однако, нельзя не согласиться, что идея неосознаваемого мотива, идея роли и самого существа этого мотива звучит в советской литературе **не так**, как в западной. Основное различие здесь заключается в том, что представление о подобном мотиве вводится (по крайней мере теми из советских психологов, которые близки к школе Узнадзе) в функциональную структуру более емкого представления - представления о неосознаваемой психологической установке (*Более емкого, ибо психологические установки могут включать в свою структуру не только мотивы поведения, но и активность восприятия, направленность мыслительной деятельности, процессы вынесения решений и многое другое. Все эти феномены, включаясь в структуру установки, подчиняются законам устанавок и вследствие этого могут, в частности, проявляться как на осознаваемом, так и на неосознаваемом уровне*).

Мы не будем задерживаться на причинах и преимуществах такого подчинения идеи неосознаваемого мотива идее психологической установки, это - проблема, заслуживающая специального рассмотрения. В интересующем нас сейчас плане важно подчеркнуть лишь то, что и на этот раз одна из основных категорий психоанализа - неосознаваемый мотив - выступает как **частный**элемент значительно **более широкого** класса неосознаваемых психических феноменов, объединяемых представлением о неосознаваемой психологической установке.

Касаясь этих вопросов, нельзя не отметить, что бессознательное в понимании Узнадзе вообще выступает как система категории более общего порядка, чем бессознательное в понимании Фрейда. Это различие в степени обобщенности понятий, которыми оперирует каждая из этих концепций, - различие, имеющее фундаментальный и принципиальный характер, - в значительной степени определяет как их взаимоотношение, так и создаваемые ими возможности анализа и общий стиль.

Для сохранения же правильности исторической перспективы надо учитывать, что Д. Н. Узнадзе создавал свою теорию несколько позже, чем З. Фрейд свою. Поэтому, когда Узнадзе развивает широкую идею психологической установки, он отвергает и опровергает Фрейда, но само это опровержение означает определенный отклик на идеи Фрейда и их переработку. В этом проявляется неустранимая диалектика естественного развития больших идей, которую можно проследить в самых разных областях знания, ибо ни одна из подобных идей не создается без опоры на наследие прошлого, на труды и мечты предшествующих поколений, которые должны быть восприняты и **изменены**, чтобы дать возможность выступить на передний план обобщениям более высокого порядка.

(8) Мы ограничимся сейчас этими немногими замечаниями по поводу тенденции к замещению в психоаналитических построениях общего частным. Понимание этой тенденции позволяет осмыслить и принять как весьма подчас ценные многие из элементов той фактологии, которая создана упорным трудом сторонников психоанализа, особенно на последних, новейших этапах эволюции этой концепции. Вместе с тем мы уверены, что только учитывая эту тенденцию и ее соответствующим образом методологически корригируя, можно правильно расставить акценты в сложнейшей картине активности бессознательного, с которой все мы в наших теоретических исследованиях и на практике сталкиваемся. Представляется, что если мы будем отправляться от такого общего понимания, то это во многом будет способствовать продуктивности дискуссии, поводы для которой материалы настоящей коллективной монографии дают в изобилии. И, во всяком случаемы полагаем, что оригинальные подходы к проблеме бессознательного, все более уверенно дающие о себе знать в рамках советской психологии и основанные на тесном увязывании новых идей со сложившимся категориальным аппаратом концепции психологической установки, подвергнутся в ближайшие годы глубокому дальнейшему развитию.

1. Towards the History and the Modern Statement of the Problem. Editorial Introduction

Summary

The general iheorefcal positions taken by the editorial board as the basis for tackling the problem of unconscious mental activity are described. The reasons are indicated for which it is advisable to compare the approaches to the unconscious mind as developed in Soviet psychology and in the West. The history of the problem of the unconscious is briefly discussed, with en pbasis on the role played by the work of the D. N. Uznadze Georgian school of psychology.

The logical structure of the monograph (the problems and sequence of the sections) is described.

A tentative idea is put forward concerning the critical position adopted by the editorial board in regard to the approach to the problem of the unconscious by the psychoanalytical school (a more detailed statement of this position is given in the 'closing article' of the present monograph). The proposition that taking the particular for the general constitutes the major weakness of psychoanalytical interpritations forms the logical core of the editorial position.

Finally, a comparison is made between the general conception of the problem as developed by S. Freud and that of unconscious psychological set.

2. Психоанализ и теория неосознаваемой психологической установки: итоги и перспективы. А. Е. Шерозия (Psychoanalysis and the Theory of Unconscious Psychological Set: Findings and Prospects A. E. Sherozia)

2. Психоанализ и теория неосознаваемой психологической установки: итоги и перспективы. А. Е. Шерозия

Академия наук Груз. ССР, Институт психологии им. Д. Н. Узнадзе Тбилисский государственный университет, факультет философии и психологии

I. Два разных подхода к проблеме сознания и бессознательного психического. Постановка вопроса

(1) Мы попытаемся предпринять концептуальный анализ современного научного понимания проблемы бессознательного психического, избрав при этом в качестве исходного пункта теорию психоанализа и теорию неосознаваемой психологической установки. Сопоставление этих направлений облегчает рассмотрение интересующей нас проблематики, ибо, в отличие от других направлений, психоанализ и теория неосознаваемой психологической установки предоставляют в наше распоряжение два совершенно разных способа оперирования феноменом бессознательного в его связях с психикой в целом. Одновременно, и то и другое направление предпринимают попытку выдвинуть, наряду с сознанием, идею бессознательного как особой формы отношения к действительности, которую можно проследить во всем диапазоне основных проявлений личности.

(2) Психоанализ рассматривает сознание и бессознательное как взаимоисключающие - при их функционировании!-элементы психики, утверждая их непримиримый антагонизм. Тем самым разрушается феноменологическая целостность не только системы "сознание - бессознательное", но и самой личности. Бессознательное выступает при этом только как отрицательный элемент, только как отрицательное качество данной системы [36; 37; 38; 39; 40; 41]. Психология же установки, наоборот, в лице открытого ею феномена установки, предлагает положительное определение и наиболее адекватное, пока, представление о способе существования исходной целостности психики.

В противоположность психоанализу, психология установки рассматривает отношения в системе "сознание - бессознательное" не только и не столько в свете идеи антагонизма, сколько в свете неустранимым образом проявляющегося в них синергизма. Ибо, в отличие от психоанализа, психология эта опирается на представление о **фундаментальном единстве** человеческой личности, выражаемом, как своеобразной моделью, феноменом установки.

(3) Отсюда достаточно ясно вытекают преимущества психологического концепта установки как научной основы интересующей нас сейчас общей теории сознания и бессознательного психического, этих неразрывно, хотя и противоречиво, связанных между собой образований человеческой психики. Мы постараемся поэтому, выдвинув в качестве непосредственной исходной единицы предстоящего анализа психологию установки, в основном, именно с этой точки зрения и противопоставить ее психоанализу, в научной дискуссии с которым она в свое время сложилась как одно из основных направлений советской психологии, исходящее, одновременно, из трех фундаментальных категорий- личности, установки и деятельности. Ибо с момента ее возникновения и вплоть до наших дней психология установки выступает у нас как **психология деятельности и личности** в их нерасчленимом единстве, только благодаря которому и то и другое - деятельность и личность - превращаются в предмет психологии.

Мы попытаемся далее обобщить некоторые результаты как своих исследований [48; 49; 50; 51; 52], так и исследований своих коллег [4; 5; 21; 22; 23; 45; 46; 47], проводимых в этой связи в рамках советской психологии за последние десятилетия.

II. Формирование неклассически ориентированной стратегии исследования. Дискуссия с Фрейдом

(1) Фрейд - центральная фигура, вокруг которой группируются почти все теории бессознательного, после того как им была предложена тотальная система анализа человеческой психики, вплоть до анализа ее подспудных образований - бессознательной психики. Причем это касается не только теорий, одна за другой потянувшихся вслед за ним, но и теорий, также одна за другой поднявшихся против него. Как раз в этом и заключается смысл "коперниковского поворота", совершенного им в современной психологии - в психологии XX века. Поэтому за Фрейдом остается роль одного из основателей этой психологии как науки не только о человеческой психике - сознании и бессознательном психическом, но и о личности, их носителе.

(2) Однако "коперниковский поворот", совершенный Фрейдом, радикально изменив представление о предмете психологии, не коснулся представления о самой природе психического. Ибо у Фрейда, как и у Аристотеля, это последнее, будь оно сознательным или бессознательным, выступает не иначе как через явления познания, чувства и воли - этих издавна известных образований человеческой психики, как неких непосредственно данных нам качеств. Поэтому естественно, что как в системе классического психоанализа, так и его современных модификаций, в том числе т. н. "неофрейдистских" течений, отсутствует понятие об онтологическом статусе существования бессознательной психики. Более того, онтология бессознательного, по существу, всегда совпадает в психоанализе с онтологией сознания. Фрейд, подобно своим великим предшественникам, Лейбницу и Канту, строит свою систему анализа - психоанализ в целом - на одном только отрицательном понятии - бессознательного, понимая таковое как**психика минус** сознание. Отсюда и последствия: психоанализ Фрейда, как и многих современных психоаналитиков, свободно может трактовать любые **отщепленные** от сознания представления, желания, идеи, мысли, как наши "бессознательные психические переживания", будучи вовсе не в состоянии при этом сказать что-либо определенное об их **онтической** сущности, т. е. о том, как они существуют сами по себе и почему благодаря дополнительному акту - акту обращения на них внимания ("замечания") - они могут вновь выступить для нас как наши вполне осознаваемые переживания. Фрейд не знает, **во что**превращаются подобные явления нашей психики после того, как они "вытесняются" из сознания. Он знает только, опять-таки по аналогии, что мы должны считать их за те же самые наши психические представления, желания, идеи, мысли и т. д. и т. п. **минус сознание**. В этом и кроется основная причина внутренних противоречий и концептуальной несостоятельности психоанализа и как собственно-психологического метода, и как собственно-психологической теории.

Однако, это вовсе не значит, что сведения, которые психоаналитики добывают о бессознательном психическом, не могут быть использованы при построении логически более последовательной теории - так называемой положительной теории об этом психическом. Наоборот, во многих отношениях как раз эти сведения и выступают важными носителями собственно-психологической информации для этой теории. Несостоятельность психоанализа в данном случае обуславливается лишь тем, что научно-последовательную теорию о бессознательном психическом просто невозможно построить на одном только отрицательном понятии - бессознательного. Отрицательные понятия вообще не могут быть основными концептами научных теорий, а тем более психологических. Как таковые они только **дополняют** положительные понятия этих теорий.

(3) Хотя Фрейду и его последователям удалось на огромном материале психоаналитической фактологии раскрыть отрицательное (негативное) содержание бессознательного психического, психология нуждалась и в положительном содержании этого понятия, которое могло бы объяснять, каким образом бессознательное выполняет свою собственную (специфическую) функцию, независимо от своего логического коррелята - сознания. В поисках именно такого содержания и возникла теория неосознаваемой психологической установки - теория Узнадзе.

Эта теория обращает на себя внимание прежде всего введенным ею понятием так называемой первичной, нефиксированной и нереализованной еще унитарной установки личности, - этой своего рода целостно-личностной организации и внутренней мобилизации (готовности) индивида к осуществлению тон или иной предстоящей актуальной ("здесь и сейчас") деятельности. Отсюда и возникает основной смысл дискуссии Узнадзе с Фрейдом, происходившей по мере становления психологической концепции последнего, то есть на протяжении нескольких десятилетий. С самого же начала этой дискуссии Узнадзе видит в феномене установки личности на ту или иную деятельность положительные характеристики всего того, что у Фрейда выступает в форме одного только отрицательного начала - бессознательной психики, одновременно предлагая при этом определение онтологического статуса последней, объясняющего ее существование независимо от сознания. Это и заставляет Узнадзе отказаться в концептуальном отношении от любого известного до него отрицательного толкования бессознательного психического и заменить его положительным понятием этого психического - понятием установки.

(4) Чтобы еще глубже вникнуть в основной смысл обсуждаемой дискуссии, надо иметь в виду следующее.

Будучи в свое время учеником и сотрудником Вундта, интересовавшегося положительным содержанием того, что издавна называлось бессознательным психическим, Узнадзе строит свою теорию об этом психическом на основе экспериментальных исследований открытого им особого качества психической реальности - феномена установки, функционирующего только в его целостно-психической модификации в связи с актуальными потребностями личности. Узнадзе проводит эти исследования, используя разработанный им метод анализа иллюзий установки - метод так называемой фиксированной установки [67; 31; 68; 17; 69; 34]. Опираясь на отечественную и мировую науку, Узнадзе основывает в Тбилисском университете специальную психологическую школу, которая с самого же своего возникновения, еще в 20-е годы, квалифицирует этот феномен (установку) как "промежуточное переменное" между психикой и "транспсихической" (вне-психической, объективной) реальностью, выступая тем самым против основного постулата как всей традиционной психологии сознания, так и всей традиционной психологии бессознательных психических переживаний (включая и психоаналитическую школу Фрейда) - против постулата непосредственности.

Так Узнадзе отмежевывает свою **неклассически** ориентированную теорию неосознаваемой психологической установки от все еще доминировавшей в современной буржуазной науке теории бессознательного психического - теории Фрейда.

III. Система категорий. О психологической сущности и оперативных возможностях категории установки

(1) Принцип динамизма, принцип диалектики, в его наиболее конкретном понимании, - вот то первое, что мы должны положить в основу теории неосознаваемой психологической установки, как и системы ее собственно-психологических категорий. Взятая сама по себе установка вовсе "не является состоянием субъекта, которое выработалось у него в других условиях и с тех пор, при переживании любого нового события, всегда сопровождает и определяет его", напротив, любое новое событие вызывает к жизни прежде всего новую установку, ибо "первично субъект подступает к действительности не с готовой установкой, а установка возникает у него в самом процессе воздействия этой действительности, предоставляя ему возможность переживать и соответственно осуществлять поведение" [32, 73-74]. Любое возникающее таким образом состояние субъекта - состояние установки, первично по отношению к возникающей вместе с ним деятельности. Это прообраз, идеальное начало и собственно-психологический механизм данной деятельности, и как определенной последовательности возникающих при этом отдельных переживаний субъекта, и как определенной последовательности возникающих при этом отдельных операций.

Это одно из фундаментальных положений общей (теории и) психологии установки, на основе которого феномен установки рассматривается как особая форма модификации психики человека (и животных), лежащая в основе каждого из производимых им "насилий" над миром в виде "предметной деятельности", будь то "насилие" познавательное (перцептивное, экспрессивное) или производственное (практическое), сознательное или бессознательное. Бессознательна при этом прежде всего сама эта особая модификация психики человека - установка, и как определенный прообраз, и как определенная готовность к той или иной определенной

деятельности, ибо она есть выражение целостной структуры его личности "с постоянным набором характеристик" [22, 57].

(2) Стало быть, поворот, который несет с собой, в отличие от психоанализа, теория неосознаваемой психологической установки, одинаково касается как предмета психологии, так и природы психического, поскольку она, эта теория, всю систему своих знаний и категорий стоит, исходя именно из этой структуры фундаментального единства человека, его психики и деятельности. При этом следует учитывать, что данные экспериментальной психологии установки, если подойти к ним с позиций современной теории информации, не оставляют сомнений, что установка как определенная система отражения и сумма информации относится к числу психических (идеальных), а не физических (или физиологических) систем отражения. Но в отличие от всех остальных собственно-психических систем отражения, в частности от сознания, она выступает как система отражения, качественно очень своеобразная, поскольку она не является ни созерцательным ("контем-плятивным"), ни действенным, практическим, отражением, каковыми вообще признано считать психические отражения. Это - "своеобразная, специфическая система отражения, своего рода целостное отражение, на основе которого, смотря по условиям, может возникнуть либо созерцательное, либо действенное отражение. Она состоит в такой предуготовленности, в такой настройке целостного субъекта, благодаря которым в нем проявляются именно те психические или моторные акты, которые обеспечивают либо созерцательное, либо действенное отражение ситуации. Она есть, так сказать, **установочное отражение**, соответствующее определенной ситуации, первичная модификация целостного субъекта. Содержание психики субъекта и вообще всего его поведения следует признать реализацией этой установки, следовательно, вторичным явлением" [33, 26].

Важно при этом подчеркнуть, что эта структура - структура установки - и как опережающее отражение действительности, и как целостно-личностное состояние субъекта, получает научное подтверждение своей реальности не только непосредственно в самой общей и экспериментальной психологии установки [30; 34; 43; 44; 70], но и в современной психологии деятельности, в том смысле, в каком последняя выступает в системе советской психологии [1; 3; 14] и в физиологии активности [2; 6]. Наличие единой структуры установки, в том виде, в каком она определяется нами, подтверждают также данные современной науки о связи и управлении - кибернетики и теории информации [7; 18; "25].

(3) Теперь о психологической сущности и системе категорий, лежащих в основе общей теории психологии установки. Это, прежде всего, категории потребности, ситуации и установки, а также категория объективации, как и более общие категории деятельности и личности. Первая и вторая из этих категорий - потребность и ситуация - образуют собою структуру самой установки, как основные элементы ее феноменологической целостности. Личность рассматривается здесь как субъект деятельности, который, будучи носителем определенной потребности, одновременно выступает и как субъект реализации данной потребности посредством деятельности: деятельность, в которой не реализуется никакая реальная потребность личности, не есть и не может стать деятельностью в собственном смысле слова. Во всяком случае, она, как таковая, не есть и не может стать **предметом психологии**.

Но так как в сфере отношений личности определение и "опредмечивание" любой отдельно взятой потребности происходит не иначе, как только через ее первичную, нереализованную и не фиксированную еще установку, последняя первична (в буквальном смысле слова) не по отношению к личности и, пожалуй, даже не по отношению к деятельности человека, а по отношению к его**сознанию**, в каждом конкретном случае возникающему на ее основе в процессе осуществляемой в согласии с ней "здесь и сейчас" деятельности и через объективизацию ее. Поэтому посредством объективизации, как одной из основных категорий психологии установки, происходит не формирование установки, а лишь переход представленных в ней невербализованных сообщений (информации). Это и раскрывает суть отношения "установка - сознание": установка это "модус" системы этого отношения, как отношения личности, но не сама эта система и не сама эта личность в целом. Точнее, в системе деятельности индивида, как личности, "место" установки там, где психический (субъективный) и физический (объективный) "элементы" этой системы - внешнее и внутреннее - впервые "встречаются" друг с другом и создают **целостную структуру отношений** - структуру установки, в которой потребность данного индивида "находит" ситуацию, необходимую для своего удовлетворения так, что его сознание ничего не знает об этом, хотя объективно как первая (потребность), так и вторая (ситуация) входят в сферу его непосредственной интенции и субъективно им переживаются как некая неудовлетворенность ("drive"). В сознании, следовательно, "переживается" не установка как информация, а нехватка этой информации, и объективация, производимая в этом отношении сознанием, состоит, прежде всего, в "восполнении себя", т. е. в проявлении семантической сущности той информации, которую оно получает из установки как **установочную** информацию. С этой точки зрения, "встреча" потребности с предметом, на которую в системе советской психологии впервые обратил внимание Узнадзе, "есть акт чрезвычайный, акт опредмечивания потребности - "наполнения" ее содержанием, которое черпается из окружающего мира. Это и переводит потребность на собственно-психологический уровень" [14, 88].

Будучи психологом принципиально новой ориентации, Узнадзе еще в начале своей научной деятельности обратил внимание "а этот "чрезвычайный акт" и выразил его в категориях теории неосознаваемой психологической установки [29; 30; 31], согласно которой именно эта установка представляет собой особую сферу модификации личности. Благодаря ей происходит трансформация той или иной внутренней потребности через ту или иную внешнюю ситуацию, могущую эту потребность удовлетворить. Именно это обстоятельство и обуславливает широкие оперативные возможности системообразующей категории установки как одного из объяснительных понятий современной психологии.

IV. Критика постулата непосредственности. К общей онтологии установки как особой сферы психической реальности

(1) Среди принимаемых за основу принципов теории неосознаваемой психологической установки наиболее фундаментальным является принцип личности - личности, как основного принципа психологии: "Исходный пункт психологии - не психические явления, а сами живые индивиды, имеющие эти психические явления" [34, 166; сравни сопоставительно: 14, 161]. При этом существенно меняется старый взгляд как на эти психические явления, рассматривавшиеся как вступающие в систему своих отношений с миром непосредственно, так и на эту личность, в которой традиционная психология видела нечто, непосредственно дедуцируемое из этих явлений. Психические явления больше не рассматриваются как обособленные от личности единицы научных исследований; личность, в качестве определенного принципа, выступает теперь и как начало и как конец всех исследований. Ибо, согласно психологии установки, "в активные отношения сдействительностью вступает непосредственно сам субъект, но не отдельные акты его психической деятельности и если принять этот несомненный факт за исходное положение, то, бесспорно, психология как наука должна исходить не из понятия отдельных психических процессов, а из понятия самого целостного субъекта, который, вступая во взаимодействие с действительностью, становится вынужденным прибегнуть к помощи отдельных психических процессов" [34, 166].

Следовательно, за первичное здесь принимаются не какие бы то ни было отдельные психические явления, а сама личность, как субъект этих явлений, что созвучно различию, какое проводит Маркс между традиционным и своим собственным подходом к научной теории сознания: "При первом способе рассмотрения исходят из сознания как из живого индивида; при втором, соответствующем действительной жизни, исходят из самих действительных живых индивидов и рассматривают сознание только как их сознание" [16, 17].

Такое понимание не значит, однако, что теория неосознаваемой психологической установки, как общая теория психологии, не создает своей собственной психологической структуры личности - личности как предмета психологии, как чего-то собственно-психологического. Напротив, она, прежде всего, пытается раскрыть сущность как раз этой собственно-психологической структуры личности, понимаемой как структура установки. Однако способ, каким эта теория разрешает свою задачу, своеобразен: почти во всех других вариантах психологической концепции личности категория личности **конструируется** как структура, слагающаяся из отдельных психических образований - сознания, бессознательного психического и др., как это делается, например, при персоналистском и при фрейдистском анализах личности, когда по существу под ней не подразумевается ничего, кроме этих ее отдельных составляющих, в силу чего она - личность персоналистов и психоаналитиков - становится совершенно непригодной в качестве психологического принципа "опосредующей связи" ни между психическим и транспсихическим, ни,внутри самого психического -между отдельными его компонентами. У представителей же занимающей нас психологической теории установки структура личности - это прежде всего структура этой самой установки, как готовности к осуществлению той или иной деятельности. Будучи первичной системой, установка отражает наличие не только субъективной потребности и не только объективной ситуации, могущей удовлетворить эту потребность, но является системой, объединяющей и ту и другую в виде **целостной организации**данной личности, in nuce содержащей в себе уже "разрешенную задачу" предстоящей быть ею осуществленной актуальной деятельности. Именно поэтому она и вполне пригодна в качестве психологического принципа "опосредующей связи" как между психическим и транспсихическим, так и внутри самого психического - между отдельными его проявлениями.

Это значит, что понятие установки вводится в психологию не только как понятие, объясняющее на высшем - философском - уровне абстракций, но и как вполне пригодное для выполнения на его основе соответствующих конкретно-психологических операций, как понятие, с помощью которого можно по-особому исследовать как сознание, так и бессознательное психическое переживание, а следовательно, и феномен самой личности как предмета психологии.

(2) Итак, представителями психологической школы Узнадзе установка трактуется как "особая сфера" реальности, для которой совершенно чужды "противоположные полюсы" психического (субъективного) и физического (объективного) и в которой мы имеем дело с "неизвращенным фактом" их внутренне

"нерасчлененного", хотя и "неслиянного" существования в психике [29]. Отсюда и соответствующее толкование нами феномена установки как своего рода "принципа двусторонней связи", опосредующего отношения не только между психическим (субъективным) и физическим (объективным) в широком смысле слова, но и внутри самого психического. Во всяком случае, Узнадзе и сторонники его ориентации полагают, что "без участия установки вообще никаких психических процессов, как сознательных явлений, не существует" и что "для того, чтобы сознание начало работать в каком-нибудь, определенном направлении, предварительно необходимо, чтобы была налицо актуальность установки, которая, собственно, в каждом отдельном случае и определяет это направление" [34, 41].

По мысли Узнадзе и его сотрудников, ни одну из произведенных в рамках традиционной психологии попыток преодоления постулата непосредственности (постулата непосредственной связи между стимулом и реакцией) - безразлично, будь то типа предпринятых в этом отношении Келером (феномен "Einsicht"), Толменом ("промежуточные переменные"), Уайтом ("культурная детерминация") - нельзя считать адекватной их главной задаче, хотя при всех этих попытках указываются некие "промежуточные", некие "внутренние условия", через которые воздействуют внешние причины.

В частности, исследования Узнадзе и его школы показали, что, когда под подобными "внутренними условиями" подразумевается нечто вроде "текущих состояний субъекта" (А. Н. Леонтьев) или его "обычных познавательных процессов" (Д. Н. Узнадзе), - а те "промежуточные переменные", о которых речь шла выше, таковыми и являются, - то они "не вносят в схему S - R ничего принципиально нового", хотя, конечно, и обогащают в каких-то отношениях традиционную двучленную схему анализа человеческой психики, равно как и феномен деятельности, поведения.

С позиций теории неосознаваемой психологической установки и солидаризующейся с ней ныне теории деятельности (А. Н. Леонтьев и другие), сказанное относится также ко всем остальным попыткам преодоления двучленной схемы анализа человеческой психики, производившимся как в рамках бихевиоризма и школы Левина, так и в рамках различных модификаций психоанализа, поскольку ни в одном из этих случаев предлагаемые дополнительные факторы объективно не могут быть приняты в качестве "среднего звена" системы. Постулат непосредственности остается при них неустраненным. А "никакие усложнения исходной схемы, вытекающие из этого постулата, так сказать, "изнутри", не в состоянии устранить те методологические трудности, которые она создает в психологии. Чтобы сиять их, нужно заменить двучленную схему анализа принципиально другой схемой, а этого нельзя сделать, не отказавшись от постулата непосредственности" [14, 80].

(3) Главный тезис, обоснованию которого посвящается вся совокупность основных теоретических и экспериментальных исследований психологической школы Узнадзе, заключается в том, что реальный путь к преодолению "рокового" постулата непосредственности лежит через открытие современной психологией принципиально нового измерения психической реальности - категории установки [сравни сопоставительно: 14, 80 и дальше]. Поэтому нам особенно важно констатировать любое подтверждение необходимости преодоления методологических трудностей, вызываемых постулатом непосредственности, даже если эта необходимость обосновывается анализом не психологической категории установки, а непосредственно и неразрывно связанной с ней категории деятельности, как это, например, делает сегодня глава советской психологии А. Н. Леонтьев. Следует учитывать, что для представителей психологии установки ни одно из конкретных проявлений деятельности не может стать предметом собственно-психологических исследований без его соответствующей модификации через посредство установки.

(4) Такое понимание предопределяет наш принцип **системного** подхода к психологической проблеме человека - прицип единства его личности, сознания и деятельности на основе его единой установки, как определенного "модуса" его целостности в каждый конкретный момент его деятельности, представляющей собой высший уровень организации его "человеческих сущностных сил" и как-бы по-настоящему фокусирующей "все те внутренние динамические отношения, которые опосредуют в индивиде психологический эффект стимульных воздействий на него и на базе которого возникает деятельность с определенной направленностью, как уравновешение отношений между индивидом и средой" [22, 78].

С этой точки зрения, принцип единства личности, сознания и деятельности уточняет не только структуру, но и психологическую сущность каждой из этих категорий, прежде всего категории самой личности, как исходного принципа любой психологической рефлексии. При этом отнюдь не происходит абсолютизация личностного подхода в психологии типа той, которая наблюдается у психологов персоналистской ориентации, считающих личность "хозяином" всех своих психических функций - "определителем поведений и мыслей" через свою "внутреннюю структуру" бытия [55, 194]. Личностный поход психологов узнадзевской школы отличается и от позиции, характеризуемой старым афоризмом: "мыслит не мышление, а человек", а также от подходов, о которых

иногда заходит речь у отдельных представителей советской школы психологии деятельности. В частности, не только от тех, при которых личность остается "центром, исходя из которого только и можно решать все проблемы психологии" [53, 29-30], но и от предлагающих совершенно иной подход ко всей этой проблематике. Имеется в виду известная формула С. Д. Рубинштейна, согласно которой **"внешние причины действуют через внутренние условия"** [26, 226], и формула, полученная А. Н. Леонтьевым путем инверсии ее исходного тезиса: **"внутреннее (субъект) действует через внешнее и этим само себя изменяет"** [14, 181, в обоих случаях подчеркнуто нами. - **А. Ш.**].

Мы позволим себе противопоставить этим определениям формулу, выражающую суть нашего подхода к данной проблеме: **и внутреннее и внешнее взаимодействуют в субъекте не иначе, как только через фундаментальную целостность его единой системообразующей "установкина"**. То есть, и внутреннее (субъективное, субъект) и внешнее (объективное, объект) взаимодействуют в субъекте, превращая его в **целостность** благодаря возникновению в нем установки на ту или иную предстоящую быть им осуществленной "здесь и сейчас" деятельность, вплоть до их реализации через сознание субъекта в процессе его общественного труда, - материального или духовного, одинаково объективирующих всю динамическую структуру его личности - и это его сознание, и эту его деятельность, и эту его установку, вместе взятые. Причем объективирует не иначе, как в виде той или иной конкретной "вещи" ("продукта труда"), которая как и все остальные "вещи", при той или иной потребности того же субъекта снова может "субъектироваться", но опять-таки не иначе, как только через эту самую его единую системообразующую "установку-на". Так совершается весь цикл человеческих "усилий" со всеми его основными "образующими", из коих нельзя исключить ни одной-ни сознание, ни деятельность, ни установку, - как это фактически склонны делать авторы двух первых упомянутых выше формулировок, исключая из этих категорий категорию установки, что еще раз возвращает нас к вопросу, что же следует считать исходным при построении общей теории современной психологии, а тем самым - и психологии деятельности.

V. Место категории установки в единой структуре деятельности. Анализ исходных позиций

(1) Деятельность - не только процесс, имеющий свое определенное содержание, но и структура, имеющая свою определенную форму, в которой реализуются возможности личности, иначе она лишилась бы всякого смысла и не могла бы быть вообще воспринимаема как самостоятельная категория реальности. Ибо если что вообще нуждается в деятельности, так это более всего - личность, вечно стоящая перед своей "еще неразрешенной задачей". Деятельность - это способ разрешения этой задачи личностью, а следовательно, и изначальная форма проявления личности. Там, где нет деятельности, нет и личности как субъекта этой деятельности. Личность и деятельность не только взаимообусловливают, но и взаимодополняют друг друга: личность только благодаря деятельности делается таковой, деятельность же это единственно возможная форма существования личности, форма существования того, что единственно позволяет говорить о личности как об объективной реальности. Деятельность входит поэтому в "экзистенциальную структуру" личности, она лежит в основе этой структуры.

(2) В структуру личности входит, естественно, и сознание. Сознание - внутренне необходимая форма проявления как самой личности, так и ее предметной деятельности. Системы, лишенные способности к сознанию, не поднимаются до уровня деятельности в полном смысле этого слова, а тем более до уровня предметной деятельности человека. Будучи фундаментальной характеристикой бытия личности, сознание всегда выступает и как фундаментальная характеристика деятельности. Более того, сознание - одна из "образующих" категорию деятельности, а в определенной мере оно образует и категорию личности. Во всяком случае, сознание это доминирующая составляющая во всем этом общем строении деятельности и личности, хотя мотивы, которые могут вызывать к жизни ту или иную предметную деятельность личности или влиять и на деятельность и на личность в целом, не так уж редко возникают и функционируют **независимо** от сознания. Поэтому сознание не может быть взято за исходную единицу исследования ни категории личности и ни категории предметной деятельности. Как носитель определенной цели и **высшего смысла бытия**, оно, в конечном счете, лишь **управляет** ими [сравни сопоставительно у Фрейда: 39; 41 и др.].

Однако и управлять оно может не иначе, как только через мотивы, которые могут оставаться скрытыми от него, т. е. через неосознаваемые мотивы, которые заставляют признать за фундаментальную характеристику и самой личности, и этой ее предметной деятельности, наряду с сознанием, **также** бессознательное. Отсюда возможность не только разрушающего антагонизма, но и творческого синергизма между двумя основными взаимоисключающими и взаимокомпенсирующими системами человеческой психики - сознанием и бессознательным психическим [50; 51].

(3) Ни сознание, ни бессознательное психическое, даже вместе взятые, не могут быть приняты за исходное мерило при исследовании категории личности и предметной деятельности. И то и другое неизбежно входят, как неустранимые компоненты, в общую возникающую здесь систему отношений "психика - деятельность - личность",

но **не** как "исходное начало", не как "принцип связи" самой системы или какого-либо из ее составных образований - личности, психики, деятельности.

А если всю эту систему отношений принять за **единую сферу** деятельности личности, вплоть до полной реализации ее "сущностных сил", к чему понуждает нас весь опыт современной психологии, то тем самым мы вплотную подойдем к исходному свойству и "принципу связи" рассматриваемой системы отношений - к **категории потребности**, этой наиболее динамичной и в то же время наиболее элементарной инстанции во всей сфере предметной деятельности человека. Ибо именно этот динамизм потребностей и **осуждает** человека на непрерывную постановку новых и новых задач, для разрешения которых ему приходится вновь и вновь развивать предметную деятельность, а следовательно, и свою психику, что, в свою очередь, развивает и сами потребности, с повторением этого замкнутого созидательного цикла без конца. Однако потребность остается "нейтральной" по отношению к любой определенной деятельности, пока она пребывает в своем непосредственном, "естественном" состоянии - в состоянии только "нужды" организма, вплоть до того момента, когда она встретится с объектом своего удовлетворения и вступит тем самым на собственно-психологический уровень - уровень установки. Именно в рамках формирования установки и происходит переход объекта в его субъективную форму - в форму того или иного **идеального образа**, который непосредственно сливается с данной потребностью и входит через нее в структуру определенной деятельности.

Потом этот процесс продолжается, и сама эта деятельность, но теперь уже в основном через сознание, переходит в свой объективный результат - в продукт деятельности. А это, благодаря вновь возникающей установке, порождает новую потребность в деятельности, которая направляется и регулируется установкой не только на высших уровнях сознания, как вторичный, производный психический процесс, но и на более низких уровнях - бессознательного.

Поэтому психическая установка есть нечто **большее**, чем любая потребность. Только благодаря установке потребность и делается таковой, как она есть, - неосознанным фактором и мотивом поведения; будучи же осознанной, в процессе поведения, она завершает его в его непосредственном продукте - в продукте человеческого труда, одновременно выступающем для человека и как феномен культуры, которому, в силу его магической привлекательности, снова предстоит, посредством вновь и вновь возникающих установок, превратиться в форму того или иного **нового** идеального образа, опять-таки непосредственно сливающегося с новой потребностью, и т. д. до бесконечности. Отсюда должно быть ясно, что иначе, как через установку, потребность оказывается совершенно не способной направлять и регулировать деятельность, а следовательно, и выполнять свою главную функцию - функцию одного из основных факторов и мотивов данной деятельности.

Иначе говоря, не потребность, а скорее установка есть направляющее и регулирующее начало деятельности, которая при исключении этого начала перестала бы быть таковой, во всяком случае как предмет психологии. Однако потребность участвует в формировании установок. Естественно поэтому, что, наряду с категорией личности, категория потребности занимает одно из центральных мест в психологии установки.

(4) Исходя из всего этого, установку следует принимать за не поддающийся исключению компонент деятельности в системе отношений "личность - сознание - деятельность", превращающий эту систему в более адекватную систему отношений "личность - установка - сознание - деятельность", где установка выступает как исходный "принцип двусторонней связи" между сознанием и деятельностью и между ними обоими и личностью, способствуя тем самым образованию надстраивающихся над этой системой фундаментальных отношений личности - к самой себе, к "Другому" и к "Суперличности".

Таким, во всяком случае, представляется нам одно из главных направлений дальнейшего развития проблемы установки, так выразительно охарактеризованной на XVIII международном психологическом конгрессе (Москва, 1966) президентом этого конгресса, одним из выдающихся психологов Франции - П. Фрессом, который назвал ее "основной проблемой современной психологии" [42, 25]. При этом мы имеем в виду концепцию установки в том понимании, в каком она выступает у нас: как проблема**фундаментальной целостности** личности, психики и деятельности, а тем самым как проблема фундаментальной целостности феномена психики вообще. По сути - это проблема бессознательного, но поставленная в принципиально ином аспекте, чем тот, который имел в виду Фрейд. Нет сомнения, что в последнее время и в психоаналитической литературе происходит определенное перемещение акцентов в понимании природы бессознательного, особенно отчетливо звучащее в работах таких видных психоаналитиков, как Ж. Лакан, А. Эй, Г. Аммон, Д. Клайн, Э. Джозеф, М. Гилл и др. [56; 58; 59; 60; 62; 63; 65]. Эти сдвиги могут создать определенные предпосылки для широкого сотрудничества в рассмотрении проблемы неосознаваемой психической деятельности на **новом уровне** научного познания личности - на уровне признания важной роли этой деятельности во всех процессах функционирования психики и в социально-психологической организации личности в целом.

VI. Феномен установки и проблема единой структуры психики - сознания и бессознательного психического. Принцип систематизации

(1) Наиболее актуальной на сегодня и наиболее трудной для понимания представляется проблема целостности структуры бессознательного в глобальном процессе функционирования человеческой психики. Мы коснемся сейчас лишь некоторых принципиальных аспектов этой проблемы, осветив их с точки зрения теории установки.

Мы попытаемся, в частности, интерпретировать теорию неосознаваемой психологической установки - теорию Узнадзе, исключив из этой теории выдвинутую ее автором идею о **тождестве** бессознательного и установки, а следовательно, и о "ненужности" для этой теории какого-бы то ни было понятия бессознательного, оправданную поначалу наличием, по меньшей мере, двух серьезных причин: во-первых, явной непригодностью этого понятия в качестве психологического концепта, объясняющего динамику психики в ее глобальном функционировании (в расчете на что оно, по существу, и было в свое время введено в психологию), и, во-вторых, необходимостью возможно более резкого отмежевания от фрейдовской концепции бессознательного, как и от предшествующих ей теорий типа лейбницевской, трактующих человеческую психику с псевдонаучных позиций, при сплошной ее биологизации и мистификации. К этому следует добавить еще одну важную причину - наличие казавшегося в свое время абсолютно императивным принципа недопустимости антиномических (противоречивых) суждений в научном мышлении (в науке вообще), опираясь на который психология (и философия) картезианского стиля с ходу отвергла как недопустимое логическое противоречие ("contradictio in adjecto") всякую мысль о бессознательном психическом, т. е. о бессознательном психическом **переживании** (представлении, мысли, идеи и т. д.). Это обстоятельство следует иметь в виду хотя бы потому, что ни Фрейд - и никто другой вслед за ним - не смог по-настоящему, конструктивно, преодолеть его. В отличие от других, Фрейд сделал антиномию сознания и бессознательного психического научным фактом. Но объяснял он этот факт на основе лишь "отрицательного" понятия - неосознаваемой психики, понимаемой **только** путем отрицания за ней атрибута сознания. Этого, однако, для создания глубокой теории было мало.

(2) Позиция, занятая в этом вопросе Узнадзе и его учениками, хорошо известна. Узнадзе очень критически воспринял "логические противоречия" в концепциях Фрейда о бессознательном психическом, как и в концепциях его предшественников, вплоть до Платона, и категорически отказался от любого только "отрицательного" толкования этого понятия, впервые предложив при этом в форме своего феномена установки положительную собственно-психологическую характеристику бессознательного. Но, отмежевываясь столь резко от своих предшественников и современников, Узнадзе отнюдь не отказывает самой неосознаваемой психике в реальном существовании, как пытаются сегодня представить дело некоторые наши коллеги [9; 10]. Скорее, наоборот, он отказывает любой психологической теории в праве представлять эту психику с помощью одних только ее отрицательных характеристик, лишив, таким образом, понятие бессознательного какого бы то ни было изначального положительного психологического и психоаналитического смысла. Благодаря предложенному Узнадзе понятию установки любое, как он полагает, собственно-психологическое и психоаналитическое "понятие бессознательного перестает быть **отныне лишь** отрицательным понятием, оно приобретает целиком положительное значение и должно быть разрабатываемо в науке на основе обычных методов исследования" [34, 178: подчеркнуто нами].

Введением фундаментального понятия установки Узнадзе, несомненно, наметил **принципиально новый** и весьма перспективный путь разработки проблемы бессознательного, что впоследствии повлекло за собой возникновение его собственной психологической школы, которая занимается сегодня всеми основными аспектами этой проблематики (в психологии общей, экспериментальной, сравнительной, патологической, медицинской, социальной и пр.). Результаты научных поисков этой школы широко известны, и нет надобности в данном случае останавливаться на них сколько-нибудь подробно. Заинтересованный читатель может извлечь нужные в этой связи сведения как из наших обобщающих исследований, так и из обобщающих исследований наших коллег.

Мы коснемся сейчас, однако, того отрицательного, с нашей точки зрения, последствия, к которому ведет отождествление структуры (и категории) бессознательного психического со структурой (и категорией) установки, устраняющее множество возможных ракурсов рассмотрения. Дело в том, что в концептуальном отношении понятие установки может, как нам представляется, оказаться гораздо более продуктивным, будучи принято лишь **за одну из** основных для психологии объяснительных категорий, лишь **за одну из** фундаментальных форм проявления неосознаваемой психической деятельности.

(3) При отказе от такого отождествления теория неосознаваемой психологической установки не перестанет быть общей теорией бессознательного. Отказавшись от положения о "ненужности" идеи бессознательного, она (теория установки), наоборот, только и получит **реальную возможность** представить установку как обязательный, не разлагаемый далее элемент всякой психики - и сознательной и бессознательной. Только опираясь на такое

понимание природы установки, можно, как нам кажется, внести определенную ясность в концептуальную структуру обсуждаемой проблемы "психика - сознание - бессознательное психическое".

VII. Трехчленная схема анализа психики. Установка и сознание. Установка и бессознательное психическое

(1) Таким образом, интерпретируя теорию неосознаваемой психической установки, мы опираемся на трехчленную схему анализа человеческой психики "установка - сознание - бессознательное психическое", вместо двучленной "установка - сознание", благодаря чему она (установка) оказывается в центре современных научных споров, во многом уточняя и обогащая содержание этих споров.

Попытаемся теперь сопоставить некоторые результаты исследований. Если развивать мысль по классической схеме психоанализа, то обнаруживается довольно парадоксальная в методологическом отношении ситуация. Мы имеем в виду принципиальную, как нам кажется, непреодолеваемость возникающего в рамках психоанализа логического парадокса, который можно было бы назвать **парадоксом причины**, порождаемой следствием, или, выражаясь более обобщенно, происхождением**того, что должно быть первым во времени и по рангу, от того, что является вторым и во времени и по рангу**.

В рамках ортодоксального психоанализа последовательность психических систем "бессознательное - предсознательное - сознание", с одной стороны, принципиально необратима, так как для Фрейда все психические процессы исходно и по существу бессознательны (*Несмотря на широкую известность подобных утверждений Фрейда, для лишней убедительности мы все же приведем его слова о том, что для него "все душевные процессы по существу бессознательны" и что концептуально ему всегда "удобнее выразиться" так, будто бы каждый из этих процессов "сперва принадлежит психической системе бессознательного и при определенных условиях может перейти в систему сознательного" [37 (II), 84]. Можно думать, что Фрейд предпочитает так поступать далеко не только ради удобства изложения. Здесь сказывается, гораздо скорее, основная тенденция его теории - считать бессознательное доминирующим свойством и изначальным принципом всего глобального процесса функционирования человеческой психики*), тогда как, с другой стороны, именно принцип их обратимости и лежит в основе теории психоанализа, поскольку любые формы проявления бессознательной психики у Фрейда выступают лишь как своего рода "недра", как "лоно", если можно так выразиться, сознания, которые реализуются только через это сознание и путем его отрицания.

Именовать "недрами" или "лоном" сознания любое проявление бессознательной психики - это не только и не столько образная характеристика психоаналитической теории бессознательного, сколько выражение самой сути этой теории. В то же время, следуя за последней, мы не можем не принять эти явления за так называемые первичные психические процессы, не говоря уже о том, что в рампах психоанализа все они выступают в виде **единой системы** бессознательного, образуя при этом доминирующее свойство и изначальный принцип функционирования всей человеческой психики. Вследствие этого возникает противоречие, которое в границах самого психоанализа является, как нам кажется, в принципе неразрешимым. И неразрешимым не потому, что наблюдаемые психоанализом проявления психических систем бессознательного или предсознательного не соответствуют действительности. Наоборот, почти все эти непосредственно наблюдаемые при психоанализе явления наглядным образом только подтверждают реальность "безобразной" психики. Причины внутренней противоречивости психоанализа заключаются не в этих фактах, как таковых, а в самом подходе к ним, поскольку при одном только отрицательном толковании бессознательного они не могут объяснить ни глобального процесса функционирования человеческой психики, ни самих себя - ни как **"антиэлементы" сознания** и ни как **"пост-(или над-) сознательные" образования** данной психики, в роли каковых они сплошь и рядом фигурируют в психоанализе.

Выдвигая их, психоанализ тем самым лишает себя логической возможности выдвинуть бессознательное как **объяснительное**понятие психологии. Он не пытается сделать объяснительным концептом и сознание, в силу чего впоследствии ему, возможно, придется отказаться и от того и от другого.

Из всего этого не следует, однако, что его "предсознательное" больше отвечает такой цели. Напротив, по психоанализу, оно вовсе не располагает какой-нибудь строго определенной структурой, и ради удобства изложения его вообще можно было бы исключить из предложенной Фрейдом трехчленной схемы психики, сделав эту схему двучленной: Ubw (Vbw) - Bw или Ubw - (Vbw)Bw, ничего не нарушая тем в самой психоаналитической "топике". А если вспомнить в этой связи о третьей собственно-психологической категории Фрейда - категории "вытеснения", то станет ясно, что при психоаналитической схеме объяснению поддается ни качественное различие между двумя основными сторонами человеческой психики - сознанием и бессознательным психическим, ни сам факт этого "вытеснения". В рамках психоанализа "вытеснение" - это отнюдь не то, что может объяснить нам вечное движение отдельных образований психики (представлений, мыслей, идей) между этими ее двумя

взаимоисключающими и взаимокомпенсирующими инстанциями, а то, что прежде всего **само нуждается в объяснении**. Психоанализ не в силах, как нам кажется, дать **научное** объяснение психологическому феномену вытеснения, хотя он **первый** делает его бесспорным фактом науки.

(2) Мы позволим себе поэтому предложить свою трехчленную схему рассмотрения человеческой психики, вместо предлагаемой Фрейдом двучленной Ubw (Vbw) - Bw, чтобы в дальнейшей дискуссии использовать собранные им бесспорные факты как**необходимые предпосылки** для построения общей теории сознания и бессознательного психического. Нам представляется, что данная схема более адекватна для построения такой теории. Нас убеждает в этом опыт и психоанализа, и психологии установки. Опыт психоанализа - тем, что он предоставляет в наше распоряжение идею о **расщепленном состоянии** и о **непрерывной расщепляемости** психики на сознание и бессознательное. Опыт же психологии установки - тем, что опираясь на эту категорию, мы можем предложить определенный принцип их непрекращающейся связи - принцип их **феноменологической целостности**, проявляющейся в фундаментальном единстве личности.

Во всяком случае, в отличие от фрейдовской схемы "бессознательное - предсознательное - сознание" (средний член которой не представляет собой никакой самостоятельной единицы исследования ни в структурном, ни в функциональном отношении), каждый из составных элементов нашей схемы (установка - сознание - бессознательное психическое переживание) располагает своей собственной структурой, выполняющей специфическую для нее функцию. Причем сознание в нашей схеме занимает центральное место, и по отношению к нему установка может быть только **до**-сознательным, а бессознательное психическое переживание - только **пост-** (или **над-**) сознательным образованием человеческой психики, ибо, взятая с этой точки зрения, предлагаемая схема соответствует не всякой, а лишь собственно-человеческой психике, хотя, оперируя ею, одновременно можно проследить структуру также и любой иной психики.

VIII. До- и постсознательные модификации человеческой психики. Место и основная функция установки в единой структуре бессознательного

(1) Под единой структурой бессознательного мы понимаем **как** (1) подструктуру его "досознательной" модификации, в виде единой (унитарной) установки на ту или иную предстоящую "здесь и сейчас" деятельность, **так** и (2) подструктуры его "пост-(или над-) сознательных" модификаций в форме обычных неосознаваемых переживаний индивида в их широком смысле, какими они открываются психоанализу и многим другим направлениям современной психологии. В частности, как неосознаваемые желания, воспоминания, цели и связанные с ними представления, мысли, эмоции и т. д. и т. п.; неосознаваемая переработка информации во сне, в грезах наяву и при глубинных гностических операциях психики (сюда относится символика сновидений, сознания; неосознаваемое формирование значений и значимых переживаний; неосознаваемые мотивы поведения; невербализуемая активность языка; феномен "инсайта"; неосознаваемые компоненты творчества; феномен отщепления и т. д.); некоторые социально обуславливаемые психические процессы (неосознаваемые социальные установки, неосознаваемые ценностно-личностные ориентации, феномен внушения, гипноз и постгипнотические состояния, религиозные и поэтические экстазы, эффекты гипнопедии и суггестопедии, феномен трансфера и т. п.).

(2) В сложной взаимосвязи всех этих феноменов можно выделить единую в своей сущности структуру бессознательного с двумя четко выраженными подструктурами - его до- и постсознательных модификаций. Первая из этих подструктур - это не только подструктура **собственно-бессознательных** психических образований внутри целостной сферы бессознательного, но и подструктура, одновременно лежащая в основе **всякой** психической деятельности вообще, тогда как в отношении второй подструктуры бессознательного мы не можем сказать ни того и ни другого. Проявления второй подструктуры не могут быть ни собственно-бессознательными, ни принципиально-бессознательными, а тем более явлениями, составляющими основу какой-либо психической структуры.

Это одно из фундаментальных различий между этими двумя **взаимодополняющими** подструктурами единой структуры бессознательного, которое мы кладем в основу предлагаемой нами классификации. Дело в том, что в данном случае их следует рассматривать не только по их отношению к сознанию, но и по их отношению друг к другу, так как и в том и в другом плане между ними можно констатировать как существенное сходство, так и существенное различие, благодаря чему они и выступают как взаимодополняющие и одинаково необходимые подструктуры иерархически организованной структуры человеческой психики, в первую очередь иерархически организованной структуры психики бессознательной.

(3) Выделение феномена установки в качестве **первичной подструктуры** человеческой психики помогает, как нам кажется, лучше понять все эти крайне сложные механизмы. Прежде всего, внутри единой структуры бессознательной психики феномен установки, будучи собственно-бессознательным и принципиально-

бессознательным, **приводит в движение** и - в соответствии с потребностями личности - **регулирует связь** "отщепленных" от сознания его обычных перцептивных, экспрессивных и иных образований.

Это одно из фундаментальных положений выдвигаемой нами общей теории сознания и бессознательного психического, которая тем и отличается, что предлагает схему, по которой в пределах психологии установки удается объяснить, с одной стороны, **как** и**почему** могут "вытесняться" из сознания любые его психические образования, вплоть до самых сокровенных, а с другой - **как** и**почему** в нужный момент (или вопреки всякой надобности) они "возвращаются" к нему, чтобы должным образом заполнить (или, наоборот, умножить) возникающие в нем "пробелы" при решении им любой новой задачи. Благодаря этой схеме, исходя из некоторых экспериментально установленных характеристик функции установки, мы можем объяснить довольно странное и на первый взгляд весьма свободное движение этих пост- и над-сознательных бессознательных модификаций человеческой психики, так образно описываемых психоанализом, объяснить на строго научной собственно-психологической основе, не наделяя их предварительно никакой "психической энергией" и т. п., т. е. без всего того, что все еще вынуждены делать представители психоанализа.

Дело в том, что установка сама есть источник психической энергии, которую она через имманентную потребность личности черпает из реального мира при первой же встрече данной потребности с ним как с единственно возможным объектом своего удовлетворения. Ибо установка не только **переводит** энергию внешнего раздражения в ту или иную определенную потребность в том или ином определенном предмете, а затем и в деятельность, но и посредством следующей за этим объективации **делает возможным** переход самой этой потребности в сознание, за чем следует побуждение к активности непосредственно связанных с ней (с установкой) "сущностных сил" личности, вплоть до побуждения к активности скрытыхпсихических образований, как **под-**, так и **над**сознательных. Будучи носителем определенной неудовлетворенной потребности, установка управляет ими, как бы заставляя личность извлекать из себя свои "старые знания" - весь свой прошлый опыт, в систему которого входят не только отдельные отщепленные от сознания явления ее бессознательной психики, ее неосознаваемые психические переживания и "мотивы" в целом, но и возникшие и реализовавшиеся **раньше** вместе с ними ее фиксированные установки, ныне выступающие как своего рода**готовые формы** (шаблоны) деятельности, через которые, при наличии той или иной актуальной установки, снова пробивают себе дорогу все эти подспудные бессознательные психические образования личности - и те же ее неосознаваемые психические "мотивы", и те же ее неосознаваемые психические переживания вообще.

(4) При таком подходе к глобальному процессу функционирования человеческой психики, предложенную нами выше трехчленную схему "установка - сознание - бессознательное психическое" можно представить более адекватно как "установка - бессознательное - сознание", где в отношении последнего обе эти подсистемы - установка и бессознательное - выполняют свои определенные функции. В отношении сознания одна из основных функций бессознательного заключается, например, в том, что при возникновении **неудовлетворенной** актуальной установки (потребности) на ту или иную предстоящую к осуществлению "здесь и сейчас" деятельность оно **способствует** или, наоборот, **мешает** реализации данной установки, как и данной деятельности в целом, через сознание и только посредством него. С этой точки зрения фиксированные установки любой модальности, как и все непосредственно связанные с ними и вместе с ними **отщепленные** от сознания отдельные неосознаваемые психические образования (желания, представления, идеи, мысли), составляющие прошлый опыт индивида, выступают одновременно как основные факторы реализации его первичной, принципиально неосознаваемой унитарной установки через определенную деятельность.

(5) В системе образующих деятельность собственно-психологических категорий категорию объективации следует считать наиболее важной, ибо посредством нее происходит "встреча" с сознанием не только так называемых вторичных психических установок всех модальностей и непосредственно связанных с ними переживаний из прошлого опыта личности, но, через них, и любой первичностной установки в процессе стимулируемой ею деятельности, вследствие чего вся эта деятельность переходит на высший уровень - на уровень сознания.

Однако в сознание переходит при этом не установка как **способ** целостной модификации личности на осуществление какой-либо определенной деятельности, а переходит сама эта потребность как информация, как конечная цель данной деятельности, если последняя неизбежно потребует этого, т. е. сразу же, когда на одном первично-установочном основании становится невозможным завершить ее. Естественно поэтому, что любая развертываемая таким образом на основе сознания деятельность, с точки зрения теории установки, представляет собой качественно новый уровень развития установочной деятельности, но не единственно возможную саму по себе форму всякой деятельности вообще.

И опять-таки, с точки зрения теории установки, это вовсе не значит, будто **все**, что в данном случае происходит в деятельности, происходит в ней обязательно осознанно, и будто все, что происходит в деятельности на первично-установочном уровне, происходит в ней только оессознательно. Наоборот, с этой точки зрения, само психологическое строение деятельности, как и лежащей в его основе человеческой психики (целостно-личностная установка плюс сознание со всеми уже "отработанными" ими содержаниями данной психики), представляет собой весьма сложную, полиморфную и внутренне противоречивую систему отношений, где сознание и бессознательное психическое вовсе не **отделены** друг от друга какой-то непроходимой стеной и где между ними происходит непрекращающийся процесс сотрудничества (синергии) и столкновения (антагонизма), через которые и то и другое **непрерывно взаимопроникают** друг в друга и друг друга **взаимодополняют**.

Поэтому, когда мы говорим о принципиально неосознаваемом уровне деятельности в ее первично-установочной модификации, как и о принципиально неосознаваемом характере самой первичной унитарной установки, мы имеем в виду наличие неосознаваемой конечной цели осуществляемой "здесь и сейчас" деятельности, несмотря на непосредственную направленность последней именно к этой цели, которая только впоследствии, благодаря соответствующей объективации субъектом своей деятельности, может быть осознана.

Точно так же, с другой стороны, выдвигая положение о побуждающей и направляющей роли первичной установки в отношении деятельности, имеют в виду, во-первых, то, что иначе как через эту установку и непосредственно связанный с ней специфически-человеческий акт объективации невозможно **снова** вызвать к жизни из прошлого опыта индивида и привести в действие уже "отработанные" ранее сознанием конкретные содержания его психики, в том числе и его вторичные фиксированные психические установки; во-вторых, то, что даже при осознании человеком конечной цели той или иной деятельности эти его неосознаваемые фиксированные ранее психические установки во многом опять-таки продолжают управляться последней, как это подтверждается неоспоримыми фактами, добытыми, особенно за последние годы, наукой, начиная с психофизики и до социальной психологии установки [11; 22], не говоря уже о классических экспериментальных данных общепсихологических, сравнительно-психологических, психо-лингвистических и патопсихологических исследований [17; 18; 21; 24; 25; 27; 28; 34; 43; 44; 54; 57; 61; 66; 70...] феномена установки, подтверждающих фундаментальное положение Узнадзе **о регулирующей функции установки** как в отношении деятельности личности, так и в отношении черт самой личности, как таковой.

Вряд ли поэтому допустимо пренебрегать основными положениями теории установки, не произведя тщательного анализа обрисованных выше представлений и объяснять сложную структуру деятельности и личности, исходя из одной только психологии сознания.

IX. К вопросу об исходной инстанции психологического анализа. Личность, установка, деятельность

(1) Итак. Теория неосознаваемой психологической установки исходит из данных, добытых общепсихологическими, экспериментально-психологическими, сравнительно-психологическими, патопсихологическими, психо-лингвистическими и социально-психологическими исследованиями феномена установки. Вот почему не нравы те, кто вместо того, чтобы объяснять конкретные факты психологии установки с позиций той или иной психологической теории деятельности, проявляют стремление отказаться от выдвигаемого нами тезиса о принципиальной неосознаваемое™ феномена первичной установки [50; 51]. И тем более ошибаются те, кто делает отсюда совершенно неожиданный вывод о "противопоставлении" установки и деятельности в системе занимающей нас психологии установки [3, 10]. А неправы они потому, что тем самым, как это ни странно, они обходят главный вопрос развиваемой ими же теории деятельности - вопрос о **соотношении** сознания и бессознательного психического в единой структуре деятельности, как и в единой структуре личности.

А между тем, если вопрос этот соответствующим образом расчленить и углубить, то едва ли окажется возможным оспаривать положение о том, что любая современная психологическая теория деятельности должна как раз путем **сопоставления** в какой-то мере уяснить себе роль как сознания, так и бессознательного психического в единой структуре психики человека, прежде чем судить об удельном весе каждой из этих соотносительных психологических категорий в единой структуре деятельности, а вслед за этим и в единой структуре субъекта данной деятельности - личности. Однако, по существу, ни одна из этих собственночпсихологических категорий в интересующей нас в данном случае теории деятельности в подобном контексте и для названной нами цели не поднимается. Более того, одни из числа тех, кто заложил основу психологической теории деятельности, вопреки пониманию Узнадзе и его психологической школы, вообще исключают бессознательное из круга явлений, составляющих предмет современной психологии, а следовательно, и из круга явлений, образующих категорию деятельности [15], другие же, по сути, рассматривают его всего лишь как непосредственный "элемент" конкретных содержаний сознания в виде тех или иных неосознаваемых мотивов или неосознаваемой переработки информации в структуре переживаний, но не как вполне определенную

самостоятельную категорию из числа тех, которые составляют **ядро** человеческой психики и человеческой деятельности, как и самой человеческой личности, вместе взятых.

Тут следует сказать, что основная характеристика категорий установки и деятельности, которую предлагают представители психологической школы Узнадзе и которая существенно отличается от соответствующей интерпретации у представителей психологической школы Выгодского, в том и заключается, что трактует установку как одну из-наиболее обобщенных и объективно детерминированных "смыслом" ситуаций форм отражения действительности. Будучи неосознаваемой, она, как свидетельствуют их эксперименты, самым непосредственным образом влияет на все последующие психические и психомоторные процессы - на нейрофизиологическую динамику и на деятельность в целом, вплоть до **высших** проявлений личности через сознание. По существу, ни принцип первичной унитарной установки, ни принцип неосознаваемой, в данном случае, психической установки, от которых мы в настоящем анализе отправляемся, для нас по крайней мере, ничего больше не означают. Скорее даже, как мы уже говорили, это принцип первичности установки не по отношению к категории деятельности, а по отношению к категории сознания. Ибо установка эта как "установка-на", то есть как установка на предстоящую быть осуществленной "здесь и сейчас" деятельность, есть не что иное, как уже воплощаемое в психическую структуру данной деятельности целостно-личностное состояние, из которого она и возникает в таком вполне определенном виде - в виде той или иной конкретной деятельности человека.

(2) Во всяком случае, ни в одном из тончайших исследований психологической структуры деятельности, предпринимаемых сегодня а рамках психологии деятельности, не удается, как нам кажется, довести до конца концептуальный анализ этой структуры, исключив из нее категорию унитарной установки. Здесь мы коснемся лишь некоторых аспектов общей методологии, лежащей в основе такой попытки, предпринимаемой отдельными представителями общей и экспериментальной психологии деятельности, сославшись при этом на следующие два положения, так или иначе всегда выдвигаемые ими против одного из исходных положений общей и экспериментальной психологии установки* об организующей и системообразующей роли установки.

Первое из этих положений крайне общо и, скорее всего, выражает суть философской теории человека (личности): **"В начале было дело"** [14]. Второе, по сравнению с ним, более конкретно и, пожалуй, более непосредственым образом затрагивает суть вопроса: **"Не деятельность должна выводиться из установки, а установка из деятельности",** в силу чего, по их мнению, "необходимо перевернуть исходную формулу, долгое время определяющую ход исследований проблемы установки" [3, 22; подчеркнуто нами. - **А. Ш**].

Как же возражать и надо ли вообще возражать против этих четко выраженных положений, которые ради краткости можно, однако, объединить в одно, еще более уточняя их основной смысл: **"Начало всего - деятельность".** Во всяком случае, если тут иметь в виду деятельность как философскую категорию, с помощью которой обозначают вечно обновляющий себя и свои "исполнительные органы" процесс бытия, то мы могли бы и не возражать против такого решения вопроса. Ибо человеку никогда не дано обособиться, он не может отделить себя ни от природы, ни от другого человека в сфере создаваемой им культуры, не может оказаться вне этой "всепроникающей характеристики" (Гегель) своего бытия - категории деятельности, хотя в действительности внедеятельностные факторы бытия во многом определяют характер самой этой его "всепроникающей характеристики". Из их числа при рассмотрении категории деятельности мы всегда должны иметь в виду, с одной стороны, порождаемую ими, выражаясь словами того же Гегеля, эту самую "характеристику" - потребность человека в самоизменении через изменение, как добавил бы Маркс, природы, и, с другой стороны, наличие человеческих идеалов и ценностей, лежащих в основе любой сознательно вырабатываемой цели человеческой деятельности [51; 52].

Но не означает ли это, однако, что деятельность даже в этой своей универсальной форме - в форме проявления бытия, будучи предметом философской онтологии, а тем более в своей конкретно-эмпирической форме, будучи предметом психологии - возникает **не из самой себя** и определяется не только через самое себя. Надо полагать, что в качестве опосредующего во всех этих случаях "звена" деятельности выступают прежде всего и главным образом эта самая вечно стоящая перед своей неразрешенной задачей (и в силу этого вечно обновляющая себя и свое общественное бытие) личность, с ее изначальной потребностью в самоизменении через изменение природы.

Именно это **вечное стояние** перед своей "еще неразрешенной задачей" и заставляет человека действовать и находить для своей деятельности конкретные формы. Он и находит их благодаря своей способности к целостно-личностной модификации, при которой он обращен, с одной стороны, к себе самому, как субъекту, тогда как с другой, напротив, он обращается к природе - и как к внешнему миру объектов и как к себе подобному - "Другому".

А если так, то это значит, что как психологические категории, если брать их сами по себе, ни установка из деятельности, ни деятельность из установки не выводятся; как таковые они только обуславливают друг друга в

общей для них сфере их отношений - в сфере личности: установка обуславливает деятельность, ибо содержит в себе ее изначальную "программу", будучи содержанием ее операциональной структуры и основой ее целенаправленности; деятельность обуславливает установку, ибо она по сути является адекватной формой реализации этой "программы", вплоть до ее реализации через практику и сознание.

Такое положение вещей заставляет нас пренебречь часто возникающей в последнее время в советской психологии **мнимой дилеммой** установки и деятельности и решить вопрос в пользу общей теории установки, если, конечно, мы не хотим при исследовании категории деятельности, как и категории личности, покинуть позицию собственно-психологии. Психологии при этом, как "кесарю кесарево", должно быть отдано свое, ибо в любом собственно-психологическом анализе той или иной социальной структуры, будь то структура деятельности, сознания или личности, прежде всего необходимо исходить из наиболее конкретной и в то же время наиболее обобщенной собственно-психологической единицы данной структуры, какой в силу целого ряда отмеченных выше причин, и в первую очередь в силу своей **нерасчленимой целостности**, выступает здесь феномен установки. Будучи такой исходной "клеточкой" каждого из этих образований - и этой деятельности, и этого сознания, и этой личности, - установка в этом своем основном качестве одновременно выступает и как исходная единица их психологического анализа.

(3) Важно в этой связи отметить, что правомерность такого решения вопроса подтверждается не только всем ходом развития современной психологии установки, но и основными результатами развития самой психологии деятельности в пределах интересующего нас в данном случае направления. Из этих результатов мы напомним лишь следующие три.

Во-первых, это - результаты, подтверждающие чрезвычайно важную роль психического "акта", возникающего у нас вследствие "встречи" любой нашей потребности с объектом, ей отвечающим, - акта опредмечивания потребности и "наполнения" ее конкретным содержанием, извлекаемым из внешнего мира, что и переводит, как об этом было сказано выше, эту потребность **"на собственно психологический** уровень" [14, 88], благодаря чему она **"впервые становится способной направлять и регулировать деятельность"** [14, 87: в обоих случаях подчеркнуто нами]. Ибо то, что в данном случае у А. Н. Леонтьева и сторонников его психологической ориентации выступает как следствие первой "встречи" потребности с объектом, ей отвечающим, как эффект опредмечивания данной потребности, у представителей психологической школы Узнадзе уже долгое время, начиная с 20-х годов и вплоть до наших дней, определяет ход исследования категорий деятельности и личности, как эффект первичной установки, который закономернее всего следовало бы назвать "эффектом Узнадзе" [сравни сопоставительно с Ж. Пиаже: 64].

Во-вторых, это - результаты весьма ценных общепсихологических исследований, позволяющие в рамках самой психологии деятельности ставить проблему об иерархической уровневой структуре ранее не учитывавшихся при этом "установочных явлений", без "стабилизирующей" активности которых "невозможно, как это справедливо отмечают сегодня представители данной психологии, объяснить устойчивый характер протекания направленной деятельности субъекта. Установки различных уровней стабилизируют деятельность, позволяя, несмотря на разнообразные сбивающие воздействия, сохранять направленность деятельности, и они же выступают как консервативный момент деятельности, затрудняя приспособление к новым ситуациям и феноменально проявляясь лишь в тех случаях, когда развертывающаяся деятельность встречает на своем пути препятствие" [3, 23].

От этой позиции всего один шаг до полного признания оспариваемого ею принципа первичной установки, тем более, что этот принцип выступает у нас скорее не как принцип первичной установки по отношению к деятельности, а как,принцип первичной установки по отношению к сознанию, на уровне которого впоследствии ей (этой деятельности) приходится развертываться **через объективацию**. Ибо, исключив из целостной психологической структуры какой-либо осуществляемой человеком "здесь и сейчас" деятельности наличие феномена первичной унитарной установки, мы никогда не смогли бы по-настоящему понять ни активность его "установочных явлений", "стабилизирующих" деятельность на различных уровнях, ни того, почему этим "консервативным" самим по себе явлениям не удается все же помешать "приспособлению" человека к новым ситуациям, когда та или иная развертываемая им деятельность встречает на своем пути препятствия. В экспериментальных исследованиях человека именно на материале подобных новых ситуаций и был обнаружен феномен его фундаментальной целостности - его так называемая первичная унитарная установка, выступающая как одно из кардинально необходимых условий и как способ возникновения деятельности при еще полном отсутствии ее сознания. Иначе мы не смогли бы принять эту установку ни за основную психологическую единицу анализа психики человека, ни за основную психологическую единицу анализа его предметной деятельности.

И, наконец, в-третьих, это - результаты наиболее обобщенных теоретических и экспериментальных исследований при "деятельностном" подходе ко всей интересующей нас здесь проблематике, заставляющие

отказаться от исходной, столь давно уже лежащей в основе всей традиционной психологии и смежных ей наук предпосылки - постулата непосредственности, который еще Узнадзе и его ученики считали абсолютно неприемлемым в качестве принципа конкретных исследований личности человека и его психики. На основе этих результатов возникает принцип их новой методологии, опосредующий связь между воздействием объекта (R) и изменением текущих состояний субъекта (S), - принцип их двусторонне "опосредующей связи", как мы предпочитаем его называть. От этого принципа требуется не только разъединять, но и объединять оба элемента двучленной схемы S - R. А отсюда вытекает еще более обобщенное представление об этом принципе, как об опосредующей связи между сознанием и бессознательным психичееким внутри единой системы самой психики, с одной стороны, и между ними и личностью, их носителем, с другой. Значение, которое в данном случае придается принципу опосредующей связи, обуславливается тем, что на современном этапе развития психологии, как и смежных ей наук, между двумя элементами схемы S - R, в качестве их опосредующей и системообразующей связи, мы ничего иного поставить не можем.

X. Проблема опосредующей связи в современной психологии. Анализ исходных понятий

(1) Несколько слов о конкретно-научных понятиях, конкурирующих в этой связи с понятием психической установки, в частности, о категории деятельности, выступающей у А. Н. Леонтьева [14] как принцип интересующей нас здесь "опосредующей связи" между элементами двучленной схемы S - R. При всей важности категории деятельности как наиболее обобщенной формы проявления душевной жизни человека, она не может выступать в качестве интересующего нас здесь принципа "опосредующей связи" в силу хотя бы одного характерного обстоятельства: как определенная форма (структура) существования реальности - как форма внутренней организации бытия, направленной на достижение той или иной цели, - деятельность есть **результат** "встречи" нашей психики с окружающим нас миром "транспсихичееким" или, выражаясь более конкретно, той или иной нашей потребности с тем или иным предметом, ее удовлетворяющим, но не способ этой "встречи", определяющий и нашу деятельность и нашу психику как определенные собственно-психологические теоретические категории.

(2) Не целесообразнее ли поэтому, с точки зрения той же психологии деятельности, на место опосредующей связи между двумя противоположными элементами самой этой деятельности, поставить категорию установки? Во всяком случае, не отказавшись от своих позиций, представители теории деятельности не могут отвергать психологический концепт, который выступает как принцип опосредующей связи между действием и сознанием внутри единой структуры любой занимающей их предметной деятельности, а через нее и между наиболее обобщенными выражениями самой системы S - R. Пока они не объяснят нам принцип опосредующей связи между действием и сознанием внутри структуры деятельности, мы вправе в качестве такого обобщенного психологического принципа предложить категорию установки, способную взять на себя всю функцию внутренне опосредующей связи при любой психологической и психофизиологической вариации системы отношений S - R. Сама категория деятельности лишена этой функции, ибо иначе как через **опосредующую связь** ее качественно отличающихся друг от друга элементов - действия и сознания - она вообще не может стать предметом психологии. То же самое следует сказать относительно категории личности, которая иначе как через **опосредующую связь** таких ее взаимоисключающих ,и взаимокомпенсирующих собственно-психологических характеристик, как сознание и бессознательное психическое, также не может стать в полной мере предметом собственно психологии.

(3) Что же касается ряда других научных концептов, конкурирующих в этой связи с категорией установки с позиций нейропсихологии или нейрофизиологии, то здесь этот вопрос принимает несколько другой оборот, хотя в принципе и остается тем же. Мы имеем в виду те психофизиологические или нейропсихологические аналогии феномена установки, о которых речь шла выше. Возьмем, например, предложенную Д. Миллером, Ю. Галантером и К. Прибрамом [19] схему Т - О - Т - Е: Test (проба) - Operate (операция) - Test (проба) - Exit (результат), наиболее адекватную, как они полагают, сложной структуре поведения. В данном случае мы не собираемся выяснять положительные или отрицательные стороны данной схемы как определенной нейроисихологической категории, заполняющей, по их мнению, "вакуум между познанием и действием" [19, 24]. Отметим только, что иначе как через **опосредующую связь** между так скрупулезно вычленяемыми Д. Миллером, Ю. Галантером и К. Прибрамом информационным и алгоритмическим аспектами поведения - "Образом" и "Планом", т. е. иначе как через определенное единство этих противоположных элементов поведения, выступающих, с одной стороны, в виде конкретных "Образов", возникающих на основе всех ранее "накопленных и организованных знаний" индивида, а с другой стороны, в виде конкретных "Планов", осуществляющих "контроль порядка последовательности" его последующих операций, ни одна из подобных нейропсихологических категорий не в состоянии выполнить такую "заполняющую вакуум между познанием и действием" функцию.

И эта центральная для нас в данном контексте идея подтверждается ходом анализа самих Д. Миллера, Ю. Галантера и К. Прибрама, хотя как "субъективные бихевиористы" в своих исследованиях отношений,

существующих между "Образом" и "Планом", они и не пытаются снять их антиномию, подобно тому, как это пытаемся сделать мы, оперируя категорией установки, в которой и этот информативный аспект, и этот алгоритмический аспект поведения слиты воедино. Примечательно, что в результате своих исследований этих различных аспектов единой структуры поведения - "Образов" и "Планов" Д. Миллер, Ю. Галантер и К. Прибрам формулируют следующую мысль: "По мере того, как растет понимание этих сложных систем, уменьшается необходимость различения понятий, возникших на основе интроспекции и на основе описаний поведения, пока в конечном счете наш внутренний опыт и наше поведение не сольются в одно понятие. Тогда и только тогда психологи уничтожат разрыв между Образом и Поведением" [19, 237].

Вызывает поэтому сожаление, что весь более чем полувековой опыт и усилия психологов узнадзевской школы в этом направлении, вплоть до введенного ими наиболее обобщенного понятия установки, авторам этих слов все еще, по-видимому, продолжают оставаться неизвестными. Более того, до последнего времени они, по сути, все еще остаются вне поля зрения и многих наших советских коллег, разрабатывающих теорию деятельности [см., например, 13].

(4) Таково на сегодня положение вещей с изучением единой структуры деятельности (поведения), причем соответствующие советские и зарубежные литературные источники безоговорочно отвергают исходную предпосылку всякой традиционной психологии и физиологии - постулат непосредственности, равно как и само собой вытекающую из этого постулата двучленную схему анализа психики с ее непосредственной связью между категориями деятельности и личности. В этом отношении на сегодня нет, пожалуй, почти никаких принципиальных разногласий не только среди представителей интересующих нас здесь теорий установки и деятельности, но и между ними и "субъективными бихе-виористамп" типа Д. Миллера, Ю. Галантера и К. Прибрама, хотя способы, коими они стремятся преодолеть постулат непосредственности в этом центральном для современной психологии и физиологии вопросе, остаются разными.

Таким образом, основная цель последующих исканий в области исследования единой структуры деятельности, в частности вопроса о соотношении в ней категорий сознания и действия и принципа их опосредующей связи, - это установить наиболее адекватную в данном аспекте теорию, идя при этом не путем огульного исключения других теорий, а путем оптимальной систематизации их наиболее ценных научных результатов. Мы полагаем, что успешнее всего такой цели может служить с самого же начала специально сложившаяся с ориентацией на нее теория установки, располагающая глубоко обобщенным понятием первичной унитарной установки и способная с помощью этого понятия подытожить все основные направления современной научной мысли, относящиеся к структуре деятельности. Причем на основе этого четко определенного понятия - понятия установки - мы будем в состоянии также систематизировать весь опыт современной психологической и психоаналитической мысли, вплоть до данных, относящихся к общей теории сознания и бессознательного психического как общей теории личности, предусматривающей всю систему фундаментальных отправлений последней.

В общем, думается, что предложенная нами схема анализа человеческой психики: "установка - сознание - бессознательное" адекватна данной задаче, ибо, будучи инструментом этого анализа, она все больше и больше открывает нам свои возможности по мере того, как мы углубляем свои знания о психическом. А пока мы, как ни странно, очень мало, по существу, о нем знаем. И одна из причин этого заключается, как нам кажется, в том, что мы привыкли смотреть на психику примерно так же, как мы смотрим на "вещи", т. е. как на однозначно определяемые феномены реальности. А это еще и еще раз возвращает нас к старой, но все еще далеко не в полной мере разрешенной проблеме - к проблеме методов исследования и принципов общей методологии собственно психологии.

(5) Подводя итоги сказанному и учитывая определенную перспективу развития обсуждаемой проблемы, мы предпочитаем исследовать ее на новой концептуальной основе, в частности, на основе общей теории сознания и бессознательного психического. В отличие от традиции, сознание и бессознательное рассматриваются в этой теории как **единая система отношений**, проявляющаяся через фундаментальное единство человеческой личности, характеризующее человека в каждый данный момент его поисковой активности как его актуальная "установка-на". Отсюда и соответствующая характеристика самой этой установки как однозначно не определяемой психической реальности, а именно, как вероятностного принципа внутренней организации м регуляции порождаемой ею любой предметной деятельности человека.

Только исходя из обобщенной теории сознания и бессознательного, можно, как нам кажется, ставить и в какой-то мере адекватно решать на сегодня в психологии проблему конкретных методов и общей методологии изучения психики, систематически преодолевая вместе с тем классический (галилеевский) принцип анализа этой структуры как одного из наиболее сложных и внутренне противоречивых образований бытия.

2. Psychoanalysis and the Theory of Unconscious Psychological Set: Findings and Prospects A. E. Sherozia

Academy of Sciences of the Georgian SSR, The D. Uznadze Institute of Psychology Tbilisi State University, Department of Philosophy and Psychology

Summary

A generalized study is made of psychoanalysis and the theory of psychological set - the two rival trends in modern psychology. An attempt is made at elucidating some aspects of qualitatively different - though related - categories of the science in question: mind, consciousness and the unconscious, on the one hand, and set, activity and personality, on the other. Each of the above named trends and categories is analysed on the basis of the author's general theory of consciousness and the unconscious mind-these two mutually exclusive and reciprocally compensating components of the human mind which emerge as a single system of relations based on the person's integrate set to some activity to be carried out 'here and now'. Hence the description of this set as a specific mental reality: a probabilistic principle of the internal organization and regulation of any purposive activity initiated by it.

It is stated in conclusion that the problem of concrete techniques and general methodology of the study of the mind can today be posed - and solved with some degree of adequacy - only on the basis of a generalized theory of consciousness and the unconscious, systematically overcoming the classical (Galilean) principle of analyzing the latter as one of the most involved and internally contradictory phenomena of life.

The introduction of the idea of the unconscious compels psychology to radically change its entire categorial apparatus.

Литература

1. Абульханова К. А., О субъекте психической деятельности, М., 1973.

2. Анохин П. К. Психическая форма отражения действительности, ЛТО, Москва-София, 1969.

3. Асмолов А. Г., О месте установки в структуре деятельности, М., 1976.

4. Бассин Ф. В., Вопросы психологии, 5, 1958, 4, 1971, 3, 1972, 6, 1973; Вопросы философии, 2, 1969, 9, 1971, 10, 1975.

5. Бассин Ф. В., Проблема бессознательного, М., 1968.

6. Бернштеин Н. А., Очерки по физиологии активности, М., 1966.

7. Бжалава И. Т., Психология установки и кибернетика, М., 1966.

8. Бжалава И. Т., К проблеме бессознательного в теории установки Д. Н. Узнадзе. Вопросы психологии, 1, 1967.

9. Бочоришвили А. Т., Проблема бессознательного в психологии, Тб., 1961.

10. Бочоришвили А. Т., Проблема бессознательного в теории установки Д. Н. Узнадзе. Вопросы психологии, 1, 1966.

11. Вопросы инженерной и социальной психологии, Тб., 1974.

12. Клеман К., Брюно П., Сэв Л., Марксистская критика психоанализа, М., 1976.

13. Леонтьев А. Н., Лурия А. Р., Предисловие к книге Д. Миллера, Ю. Галантера и К. Прибрама: Планы и структура поведения, М., 1969.

14. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность, М., 1975.

15. Лурия А. Р., Физиология человека и психологическая наука. Физиология человека, т. 1, № 1, 1975.

16. Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. IV, 1933.

17. Материалы к психологии установки, т. I, Тб., 1938 (на груз. яз.).

18. XVIII Международный психологический конгресс. Материалы 14-го симпозиума по экспериментальным исслед. установки, М., 1966.

19. Миллер Д., Галантер Ю., Прибрам К., Планы и структура поведения, М., 1965.

20. Натадзе Р. Г., Экспериментальные основы теории установки Д. Н. Узнадзе. Психологическая наука в СССР, т. II, М., i960.

21. Прангишвили А. С. О понятии установки в системе советской психологии. Вопросы психологии, 3 и 6, 1955, 4, 1958.

22. Прангишвили А. С. Исследования по психологии установки, Тб., 1967.

23. Прангишвили А. С. Психологические очерки, Тб., 1975.

24. Психологические исследования. К XVIII международному психологическому конгрессу, Тб., 1966.

25. Психологические исследования, посвященные 85-летию Д. Н. Узнадзе, Тб., 1973.

26. Рубинштейн С. Л., Бытие и сознание, М., 1975.

27. Труды ТГУ, т. 133. К XVIII международному психол. конгрессу, Тб., 1966.

28. Узнадзе Д. Н., Место "petites perceptions" Лейбница в психологии. Изв. Тбил. гос. ун-та, I, 1919.

29. Узнадзе Д. Н., Impersonalia. Чвени мецниереба, I, 1923 (на груз. яз.).

30. Узнадзе Д. Н., Основы экспериментальной психологии, т. I, Тб., 1925 (на груз. яз.).

31. Узнадзе Д. Н., К вопросу об основном законе смены установки. Психология, М., 1930.

32. Узнадзе Д. Н., Общая психология, Тб., 1940 (на груз. яз.).

33. Узнадзе Д. Н., Основные положения теории установки. Труды ТГУ, т. 19, То., 1941 (на груз. яз.).

34. Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. То., (1949) 1961.

35. Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии, М., 1963.

36. Фрейд 3., Толкование сновидений, М., 1913.

37. Фрейд 3., Лекции по введению в психоанализ, т. I-II, 1923.

38. Фрейд 3., Основные психологические теории в психоанализе, М., 1923.

39. Фрейд 3., Бессознательное, М., 1925.

40. Фрейд 3., Психология масс и анализ человеческого "Я", М., 1925.

41. Фрейд 3., Я и Оно, Л., 1927.

42. Фресс П., Вопросы психологии, 2, 1967.

43. Хачапуридзе Б. Н., Проблемы и закономерности действия фиксированной установки. То.. 1962.

44. Ходжава 3. И., Проблема навыка в психологии, Тб., 1960.

45. Чхартишвили Ш. Н., Проблема бессознательного в советской психологии, Тб., 1966.

46. Чхартишвили Ш. Н., Некоторые спорные проблемы психологии установки, Тб., 1971.

47. Чхартишвили Ш. Н., Установка и сознание, Тб., 1975 (на груз. яз.).

48. Шерозия А. Е., Разносферные закономерности психики и проблема бессознательного. Труды Ин-та философии АН ГССР, т. VII, 1957.

49. Шерозия А. Е., Опыт обоснования новой теории психики и проблема бессознательного (установки), Тб., 1963.

50. Шерозия А. Е., К проблеме сознания и бессознательного психического. Опыт исследования на основе данных психологии установки, т. I, Тб., 1969.

51. Шерозия А. Е., К проблеме сознания и бессознательного психического. Опыт интерпретации и изложения общей теории, т. II, Тб., 1973.

52. Шерозия А. Е., Психика - Сознание - Бессознательное. К проблеме обобщенной теории психологии, Тб., 1978 (в печати).

53. Дорохова Э. В., Некоторые методологические вопросы психологии личности. В сб.: Проблемы личности, М., 1970.

54. Экспериментальные исследования по психологии установки, Тб., т. I, 1958, т. II, 1963, т. III, 1966, т. IV, 1970, т. V, 1971.

55. Allport. G.. Pattern and Growth in Personality. N.Y.. 1961.

56. Ammon, G. Psychoanalyse und Psychosomatik. Munchen, 1974.

57. Einstellung Psychologic In deutscher Sprache, herausgegeben von M. Vorwerg, Berlin, 1976.

58. EY. H.. (Ed.), LTnconscient. VI Colloque de Bormeval. Paris. 1966.

59. Freud and the 20th Century, N. Y.. 1957.

60. GLLL M. M. and HOLZMAN. P. S. (Eds.). Psychological Issues, vol. IX. monograph. 36, N. Y.. 1976.

61. IASP Translations from Original Soviet Sources. Special issue on Georgian psychology. vol. YII. No 2, N.Y.. 1968 - 69.

62. Klein. G.. Two Theories or One? Bull. Menninger Clin.. 37, 1973.

63. Lacan J.. LTnstance de la lettre dans I'inconscient, Ecrits. Paris. 1966.

64. Piaget. J. et LAMBERCIER. M.. Arch. d. Psychol.. Geneve, t. XXX. 1944.

65. Psychoanalysis and Contemporary Science, N. Y.. 1973.

66. Uznadze. D. N.. Ein experimenteller Beitrag zum Problem der psychologischen Grundlagen der Namengebung. Psychoiogische Forschung. Bd. 5, 1924.

67. Uznadze. D. N.. Einstellungsumschlag als Grundlage der Kontrasttauschungen. Ninth International Congress of Psychology, 1929.

68. Uznadze. D. N.. Cber die Gewichtstauschimg und ihre Analogie. Psychoiogische Forschung. Bd. XIV. H. 3-4. 1931.

69. Uznadze. D. N.. Untersuchungen zur Psychologie der Einstellung. Acta Phychologica, Bd. IV. No 3 - 4, 1939.

70. Uznadze. D. N.. The Psychology of Set. N. Y.. 1966.

Том первый. Развитие идей

Предисловие к первому тому

В настоящий том монографии включены три начальных ее тематических раздела: первый, посвященный проблеме реальности бессознательного как психологического феномена; второй, освещающий эволюцию представлений о бессознательном психическом в современной психоаналитической литературе (60-е-70-е гг.), и третий, в котором затрагиваются вопросы нейрофизиологических основ бессознательного. Содержанию этих разделов предпослано "Введение", где характеризуются кратко история развития концепций бессознательного, особенности современной постановки этой проблемы и положения, на основе которых последняя в настоящее время разрабатывается в психологической школе Д. Н. Узнадзе. Нам представляется, что такое расположение материала с выделением его в отдельный том способствует логической упорядоченности изложения и облегчает его понимание.

В каждом из трех разделов первого тома дается, в конечном счете, описание современного состояния затрагиваемых в нем проблем. Однако в каждом из них отчетливо выражен исторический аспект рассмотрения, ибо современное состояние этих проблем может быть адекватно понято, только если мы учтем сложный процесс их постепенного формирования.

В первом разделе этот аспект представлен описанием долгих, весьма порой напряженных споров н концептуальных подходов, взаимовлияния и антагонизм которых позволили отвергнуть представление о неосознаваемых формах работы мозга как об активности только нейрофизиологического порядка. Конструктивный элемент этой эволюции выразился в обосновании (Противоположной точки зрения, согласно которой определенные формы неосознаваемой мозговой активности связаны в своей динамике с семантическими категориями цели, значения, смысла. Такое понимание выявило психологическую ориентированность бессознательного, принципиальную невозможность его рассмотрения иначе как в структурном и функциональном отношении совершенно своеобразной и весьма важной формы именно психической деятель-сти.

Во втором разделе основное внимание уделяется нелегко поддающейся анализу крайне сложной эволюции психоаналитических представлений, в результате которой современный психоанализ приобрел черты, качественно отличающие его во многом от ортодоксального фрейдизма 20-х-30-х гг. Главная черта этой эволюции - переход к гораздо более широкому пониманию движущих мотивов поведения, чем обоснованное в свое время Фрейдом, и часто происходящий в этой связи определенный (хотя и не доводимый до логического конца) пересмотр биологизирующих трактовок, долгое время сковывающих и упрощавших психоаналитическую мысль.

В статьях третьего раздела содержатся разнообразные материалы, характеризующие вклад, последовательно внесенный в развитие представлений о неойрофизиологической основе бессознательного павловской школой, классическими электроэнцефалографическими работами 50-х-60-х гг. изучением проблемы функциональной асимметрии мозговых полушарий, а также выявленными в самое последнее время возможностями исследования активности нейронных популяций, связанной с кодированием и декодированием нервных сигналов. Смена этих направлений и соответствующих гипотез о конкретных нейрофизиологических основах неосознаваемой психической деятельности сопровождалась и сменой методов, которым в исследовании этой деятельности отводилась в разные периоды решающая роль.

Следовательно, можно, обобщая, сказать, что первый том монографии - это, в целом, разносторонне прослеженная история постепенного созревания идеи бессознательного, история, происходившая на основе мультидисциплинарных поисков и создавшая те более или менее определенные теоретические позиции, лишь опираясь на которые мы можем продолжать сегодня дальнейшее изучение, все более и более его углубляя. Во втором и третьем томах мы проследим возможности и перспективы, которые создаются опорой на эти позиции при разработке основных проблем психологии и областей знания, с нею смежных.

В пользу важности рассмотрения исторического аспекта проблемы бессознательного, намеченного в статьях первого тома, говорит следующее. История этой проблемы - характерный пример происходившего в свое время во всех областях знания нелегкого перехода от донаучного, мистически окрашенного иррационализма ко все более точным формам отражения объективной действительности, утверждающим идеи вначале механистически, а затем диалектико-материалисти-чеоки ориентированного общего миропонимания. В истории проблемы бессознательного этот процесс постепенного становления научных представлений проявился с особой отчетливостью, развиваясь замедленно и неоднократно осложняясь рецидивами то более грубого и откровенного, то более тонкого и замаскированного иррационализма. В некоторых отношениях он не может считаться полностью завершенным даже в наши дни.

Именно поэтому на характерное для марксистской методологии общее требование - рассматривать любые явления мира в их движении и историческом развитии - при исследовании проблемы бессознательного должно быть обращено особое внимание.

Раздел первый. Проблема реальности бессознательного как психологического феномена (Section one. The Problem of the Realness of the Unconscious as a Psychological Phenomenon)

3. Основные критерии рассмотрения бессознательного в качестве своеобразной формы психической деятельности. Вступительная статья от редакции (The Basic Criteria for Viewing the Unconscious as a Peculiar Form of Mental Activity. Editorial introduction)

3. Основные критерии рассмотрения бессознательного в качестве своеобразной формы психической деятельности. Вступительная статья от редакции

(1) Одной из характерных - и парадоксальных - особенностей истории проблемы бессознательного является то, что эта проблема, с одной стороны, вызвала появление огромной, трудно обозримой из-за своего объема литературы, служила на протяжении десятилетий и продолжает служить поныне предметом страстных споров, в которые вовлекаются представители самых разных областей знания, а с другой - не обосновала достаточно убедительным образом своего права на существование как проблемы психологического порядка. Если в настоящее время вряд ли нужно доказывать, что существуют даже весьма сложные формы приспособительной работы мозга, не сопровождающиеся осознанием этой работы ее субъектом, то гораздо меньше согласия обнаруживается, когда ставится вопрос: являются ли эти неосознаваемые адаптивные процессы активностью психологической или только физиологической, подлежат ли они ведению психологии или для их анализа вполне достаточно нейрофизиологической компетенции и использовация методов изучения, которые традиционно применяются в лабораториях нейрофизиологического, биофизического или биохимического профиля. И литература последних лет, как советская, так и западная, дает немало примеров этого характерного расхождения мнений.

Как уже было отмечено, при составлении настоящей монографии обращалось внимание на то, чтобы в ней были представлены разные оттенки современного научного подхода к проблеме бессознательного. В настоящем разделе читатели встретят поэтому высказывания не только тех, кто полагает доказанным существование бессознательного психического, но и авторов, относящихся к этой проблеме более сдержанным образом, трактующих ее с оговорками, ограничительно, а также исследователей, которые занимают в отношении нее позицию явно негативную, т. е. отвергают правомерность рассмотрения бессознательного KaiK предмета психологии.

Чтобы охарактеризовать понимание тех, кто отрицает правомерность рассмотрения неосознаваемых форм работы мозга как активности психической, напомним высказывания одного из крупных западноевропейских психологов Г. Рорахера. "Не существует, - говорит он, - неосознаваемой психической деятельности как промежуточного звена между мозговыми процессами и активностью сознания, существуют только разные степени ясности сознания... В мозге... непрерывно разыгрываются процессы возбуждения, которых мы совершенно не

замечаем: это процессы неосознаваемые в точном смысле этого слова, но это не неосознаваемые психические процессы - неосознаваемые мысли, представления, стремления и т. п., - а неосознаваемые процессы нервного возбуждения, т. е. органические, электрохимические проявления. Необходимо ясно понимать это различие, чтобы избежать недоразумений" [15].

В советской литературе также представлены исследователи, защищающие аналогичную точку зрения. К ним относится, например, А. Т. Бочоришвили, во многих своих работах [3; 2] убежденно поддерживающий эту позицию. Так, он пишет: "Если условно называть гипотезу о бессознательном, когда под этим подразумевается психическое содержание, психологической, то соответственно можно будет называть гипотезу о бессознательном, где содержанием является физиологический процесс, физиологической... Мы решительно стоим на стороне последней и также решительно отвергаем первую, психологическую концепцию... Эта (психологическая. - Редколл.) интерпретация несовместима с научно-материалистической точкой зрения..." [2]. При любом отношении к такому истолкованию нельзя не признать, что простота логической схемы, положенной в его основу, составляет, на первый взгляд, его очень сильную, многим импонирующую сторону. И естественно, что сторонники этой позиции отрицательно относятся ко всему кругу представлений, введенных в психологию 3. Фрейдом. Рорахер высказывается по этому поводу, применяя весьма решительные формулировки. Он подчеркивает, что учение Фрейда "достигло больших успехов, но внесло и немало путаницы", что оно "создало опасность все непонятное объяснять неосознаваемыми психическими процессами" и имеет в настоящее время "лишь исторический интерес" и т. д. [15].

Представление о совпадении сферы объектов психологии со сферой осознаваемого и, следовательно, об отнесении того, что не осознается, к области нейрофизиологии, поддерживается столь многими исследователями, что его можно было бы с правом назвать традиционным. Сторонники этого понимания обосновывают его, используя весьма разные аргументы, - как философские, так и прагматические. Остановимся на некоторых из сообщений, включенных в настоящую монографию, иллюстрирующих это направление мысли.

В статье А. Т. Бочоришвили вновь подтверждается его уже выше охарактеризованное общее понимание. Своеобразно подходит к проблеме бессознательного как категории психологической Р. Мак-Кензи (Канада). Признавая, что многие мотивы поведения уходят своими корнями в темные, трудно познаваемые глубины психики, этот автор полагает вместе с тем, что традиционное представление о бессознательном имеет сомнительную ценность как научная категория, призванная объяснять истки побудительных сил человеческой деятельности. Он считает, что обсуждение всей этой проблемы на настоящем этапе преждевременно и может оказаться малопродуктивным, ибо оно не опирается ни на достаточно строгую лабораторную документацию, ни на бесспорные терапевтические эффекты. Позицию, в какой-то степени близкую мысли Р. Мак-Кензи, занимает и известный западногерманский психиатр В. Кречмер. Он полагает, что бессознательное нередко выступает как категория преимущественно негативного порядка и что если мы его гипостазируем, то рискуем впасть в трудно преодолимые противоречия.

Радикальное отклонение идеи бессознательного как психического феномена обосновывается, однако, не только прагматически, но и концептуально. Так, П. Я. Гальперин полагает, что гипотеза бессознательной психической деятельности является излишней, если отказаться от ошибочного сведения материального только к физическому и от ограничения физического только энергетическими характеристиками. На основе диалектико-материалистического понятия материи и учета информационного содержания процессов высшей нервной деятельности, указывает он, "феномены автоматической осмысленной деятельности" могут быть объяснены без гипотезы бессознательного. "А все явления, - подчеркивает П. Я. Гальперин далее, - для объяснения которых привлекалась бессознательная психическая деятельность, как раз и составляют автоматические явления. Для них... психическая деятельность не нужна" (*Нельзя сразу же не отметить, насколько отличается эта трактовка от аргументов тех, кто отстаивает необходимость пользования идеей бессознательного психического. Если П. Я. Гальперин отрицает полезность этой идеи, рассматривая ее как применявшуюся - на протяжении всей ее истории - только для объяснения "автоматизмов", то сторонники ее использования основной свой аргумент видят в том, что эта идея - и только она - позволяет объяснять определенные наиболее сложные, отнюдь не "автоматические", а, напротив, смысловым образом, семантически организованные формы поведения и деятельности. Контраст этих подходов очевиден. Но тем, по-видимому, больше оснований ждать продуктивных результатов от их сопоставительного исследования, к которому мы еще вернемся*).

Соображения и аргументация, содержащиеся в статье В. Л. Какабадзе, во многом перекликаются с позицией, которую занимает в отношении проблемы бессознательного психического А. Т. Бочоришвили и на которой мы уже останавливались. Так, В. Л. Какабадзе полагает, что даже существование поведения, движимого неосознаваемым мотивом, не является достаточным для положительного решения проблемы бессознательного как психического феномена, ибо мы не можем утверждать, что "мотив, который побуждает... поведение... в бессознательном состоянии..., является... психикой, а не состоянием высшей нервной деятельности". По его

мнению, экспериментальное подтверждение бессознательной психики принципиально невозможно, поскольку оно наталкивается на неразрешимое противоречие: "прямое обоснование существования бессознательной психики требует ее существования в сознании, понятие же бессознательной психики исключает это условие". Позиция А. Т. Бочоришвили, к которой В. Л. Какабадзе относится здесь сочувственно, характеризуется им в следующих выражениях: "А. Т. Бочоришвили считает (основной) проблемой (теории) бессознательной психики - возможность существования сознательных психических содержаний (т. е. переживаний) независимо от сознания (т. е. от непосредственного видения, переживания этих содержаний). Он отрицает существование бессознательных психических содержаний (т. е. таких психических содержаний, которые не переживаются, не сознаются) и проблему бессознательного психического решает отрицательно".

Следует отметить, что негативную позицию в отношении целесообразности пользования понятием бессознательного занимают также видный болгарский философ Т. Павлов [13] и ряд других ученых.

Если мы попытаемся теперь обобщить все эти скептические и негативные высказывания, то легко заметим, что они представляют собою, по существу, разные формы развития трех основных положений, высказываемых в разных случаях с разной степенью четкости: (а) бессознательное реально, но только как форма существования процессов физиологических, (б) неосознаваемая психическая деятельность - это понятие, внутренне противоречивое, малопродуктивное и, в конечном счете, фиктивное и, наконец, (в) - тезис, подчеркиваемый оотдельными советскими авторами, - бессознательное психическое - это категория, пользование которой несовместимо с диалектико-материа-листическим (марксистским) пониманием.

(2) При всей распространенности охарактеризованного выше негативного подхода не вызывает сомнений, что опять-таки как в советской, так и в западной литературе есть немало сторонников понимания бессознательного как неоспоримо психологического феномена, хотя, конечно, раскрывается идея бессознательного как категории психологической западными и советскими исследователями весьма по-разному. Расхождения мнений здесь имеют глубокий характер, и одной из важных задач настоящей монографии является проследить корни и существо этих разногласий, чтобы возможно более строго разграничить то, что является в них принципиальным и второстепенным. Вряд ли можно сомневаться в том, что для дальнейшего методологически адекватного развития теории бессознательного, - процесса, исключительная трудность и замедленность которого всем хорошо известны, - подобный дифференцирующий концептуальный анализ представляется не только полезным, но в силу многих и научных, и социальных факторов даже необходимым.

Хорошо известно, что в советскую психологическую литературу представление о неосознаваемости как об имманентной характеристике одного из фундаментальных психологических феноменов (и, следовательно, как о категории принципиально психологического порядка) было введено еще десятилетия назад трудами Д. Н. Узнадзе и его школы при обосновании и последующем развитии идеи психологической установки. Принимая во многом фактологию, разработанную психоаналитическим направлением, соглашаясь даже с принципиальным тезисом Фрейда о невозможности объяснить работу сознания, поведение, деятельность человека в отвлечении от категории бессознательного, Д. Н. Узнадзе резко, однако, разошелся с Фрейдом в вопросе о путях, о методологии изучения бессознательного, о возможности для последнего стать предметом экспериментального анализа. В отличие от Фрейда, - здесь оба эти исследователи заняли позиции, действительно друг по отношению к другу полярные, - Узнадзе с самого начала пошел в разработке концепции бессознательного (логическим ядром которой являлась для него теория психологической установки) строго экспериментальным путем, и именно это обстоятельство в значительной степени предопределило глубокую научную обоснованность всех его позднейших теоретических построений.

Характеристике этого подхода посвящена серия статей, открывающая настоящий тематический раздел (работы А. С. Прангишвили, Ш. Н. Чхартишвили, Ш. А. Надирашвили, В. В. Григолава).

Представление о бессознательном как о психологическом феномене по настоящее время является одним из основных положений общей концепции психики, разработка которой продолжается в рамках школы Узнадзе. Однако работы этой школы далеко, конечно, не единственное направление, подготовлявшее постепенно освоение идеи бессознательного советской психологией. Немало в этом отношении было сделано другим крупным течением, основы которого были в свое время заложены Л. С. Выготским. Хотя проблема бессознательного так и не стала для самого Л. С. Выготского предметом непосредственного экспериментального изучения, сохранились его высказывания, не оставляющие сомнения в его принципиальном отношении к этой проблеме: "Бессознательное, - писал он, - не отделено от сознания какой-то непроходимой стеной. Процессы, начинающиеся в нем, часто имеют свое продолжение в сознании, и, наоборот, многое сознательное вытесняется нами в подсознательную сферу. Существует постоянная, ни на минуту не прекращающаяся, живая динамическая связь между обеими сферами нашего сознания. Бессознательное влияет на наши поступки, обнаруживается в нашем

поведении, и по этим следам и проявлениям мы научаемся распознавать бессознательное и законы, управляющие им" [6].

Дальнейшее развитие представления о неосознаваемом, происходившее под влиянием идей Л. С. Выготского, можно проследить в последних работах А. Н. Леонтьева, связавшего это представление с разрабатываемой им общей концепцией деятельности. Мы напомним позицию этого исследователя как пример одного из характерных для советской психологии подходов к проблеме неосознания в ее психологической интерпретации.

Касаясь этой проблемы, А. Н. Леонтьев ставит ее в прямую связь с анализом мотивов поведения. Мотивы, побуждающие деятельность и придающие ей "личностный смысл", мотивы "смыслообразующие", могут "оставаться "за занавесом" и со стороны сознания и со стороны своей непосредственной эффективности", т. е., очевидно, ни "осознаваться", ни "переживаться". Сформулировав это положение, А. Н. Леонтьев подчеркивает ряд моментов, направленных на отграничение его позиции от психоаналитических трактовок бессознательного и концепций, близких к психоанализу. "Факт существования актуально неосознаваемых мотивов вовсе не выражает собой особого, таящегося в глубинах психики начала. Неосознаваемые мотивы имеют ту же детерминацию, что и всякое психическое отражение: реальное бытие, деятельность человека в объективном мире. Неосознаваемое и сознаваемое не противостоят друг другу; это лишь разные уровни психического отражения..." и т. д. [8]. А затем он приводит конкретный пример, показывающий, как в результате "внутренней работы" срывается покров с того, что, являясь подлинным мотивом поведения, остается, - до выполнения этой работы, - неосознаваемым. "День, наполненный множеством действий, казалось бы... успешных... может испортить человеку настроение... на фоне забот дня этот осадок едва замечается. Но вот наступает минута, когда человек... мысленно перебирает впечатления дня... И вот... когда в памяти всплывает определенное событие... возникает... сигнал, что именно данное событие оставило... эмоциональный осадок. Может статься, например, что это - его негативная реакция на чей-то успех в достижении общей цели, единственно ради которой, как ему думалось, он действовал. И вот оказывается, что это не вполне так и что едва ли не главным для него мотивом было достижение успеха для себя, Он стоит перед задачей-на "личностный смысл", но она не решается сама собой. Нужна особая внутренняя работа, чтобы решить такую задачу..." и т. д. [там же].

В этом небольшом фрагменте оттенены характерные особенности проявлений неосознаваемой психической деятельности: неосознаваемость мотива деятельности (достижение успеха для себя); неосознаваемость события (успех другого), которое вызвало дисфорию и на протяжении какого-то времени давало о себе знать только этим эмоциональным сдвигом; необходимость выполнения анализа переживаний, чтобы было осознано то, что оставалось неосознанным. Эти три момента (неосознаваемость мотивов деятельности, не перестающих из-за этой неосознаваемости быть факторами, порождающими деятельность; существование изменений психического состояния, обуславливаемых переживаниями, которые не осознаются; возможность путем анализа непосредственно осознаваемого осознать и то, что находится для сознания до какого-то времени "за занавесом") подводят нас вплотную к ядру обсуждаемой нами проблемы, ибо они выявляют связь неосознаваемого с семантическими категориями цели, значения, смысла или, иначе говоря, выявляют психологическую ориентированность бессознательного, невозможность описания его активности в отвлечении от психологических категорий.

Неосознаваемые формы работы мозга оказываются, следовательно, связанными в своей динамике с этими семантическими категориями, зависящими от последних, аналогично тому, как зависят от них формы мозговой активности, ясно осознаваемые их субъектом. Именно это обстоятельство является основным аргументом тех, кто отстаивает идею психологического характера бессознательного, кто полагает, что понять активность бессознательного, законы его работы, можно, только допустив его "соучастие" (обычно более или менее скрытое) в формировании наиболее сложных форм поведения, активной, целенаправленной, осмысленной деятельности, открыто регулируемой сознанием. Но если для бессознательного характерно такое "соучастие", то очевидно, что редуцировать бессознательное до уровня "только физиологических" состояний или факторов столь же нелогично, как требовать редукции до этого уровня самого сознания на том основании, что любой акт осознаваемой психической деятельности реализуется физиологическими механизмами (*Мы приведем несколько конкретных примеров работы мозга, остающейся неосознаваемой вопреки ее непосредственному участию в целенаправленной, осмысленной деятельности. Эксперимент с больным, страдающим глухотой функционального (истерического) происхождения. Экспериментатор предлагает такому больному списывать предъявленный ему текст. Во время работы испытуемого экспериментатор произносит несколько раз требование писать быстрее. Больной не слышит (осознаваемым образом) эту инструкцию (т. е. ничего о ней не "знает"), однако под ее влиянием, вопреки потере способности к осознаваемому восприятию звуков, ускоряет движения руки. Затем следует инструкция замедлить темп письма, которая также выполняется. На вопрос о том, почему испытуемый писал то быстрее, то медленнее, ясного ответа получить не удается. Перед нами, таким образом, характерный случай регуляции поведения, при котором управление действиями основывается на неосознаваемом восприятии смысла речевых высказываний. Другой пример, относящийся к изменениям сознания, связанным с так*

называемыми отрицательными галлюцинациями (выпадением из области осознаваемого тех восприятий, на которые наложен гипнотический запрет). Испытуемому, погруженному в гипнотический сон, внушается, что в ряду карточек, на каждой из которых нанесены числа, он не будет видеть ту, на которой изображена формула, дающая после выполнения указанных в ней действий число 6. Карточку, на которой изображено математическое выражение 6√16/2(или даже какое-нибудь более сложное эквивалентное) испытуемый перестает после этого воспринимать. Интерес этого опыта заключается не в многократно описывавшемся феномене отрицательной галлюцинации, а в том, что определение предмета, на который наложен запрет, требует от испытуемого предварительного решения определенной математической задачи, которое завершается успешно, вопреки тому, что вычисления происходят неосознаваемым образом. Перед нами, таким образом, вновь случай регуляции сложной интеллектуальной деятельности, протекающей без того, чтобы субъект эту регуляцию осознавал. В обоих приведенных выше примерах речь шла о регулирующих функциях бессознательного, наблюдаемых в условиях предварительного изменения сознания. Осуществляется ли, однако, подобное вмешательство также в условиях сознания ясного? Положительный ответ на этот вопрос дается в одной из статей настоящего тематического раздела (И. М. Фейгенберг) на основе использования экспериментальной методики, позволившей установить, что при определенных условиях человек способен адекватно действовать в сложной ситуации, прогнозируя практически ее дальнейшее развертывание, хотя вербализовать этот свой прогноз он не в состоянии, ибо он его не осознает. Аналогичный эффект описан в содержащейся в X тематическом разделе настоящей монографии статье Е. А. Умрюхина. Приведенные выше экпериментальные иллюстрации семантической ориентированности бессознательного были уже описаны одним из нас в соавторстве с В. Е. Рожновым [1]).

(3) Сказанного выше достаточно, чтобы дать в основных чертах представление о существующих на сегодня подходах к проблеме бессознательного как психологического феномена. Мы не задерживаемся поэтому вовсе на очень важных для теории этой проблемы высказываниях С. Л. Рубинштейна и многих других ученых. В рамках настоящей вступительной статьи подобный обзор и невозможен и не нужен. Для того, однако, чтобы дальнейшее обсуждение этой проблемы, к которому мы еще будем по разным поводам возвращаться, не задерживалось из-за возникающих иногда неясностей, необходимо уточнить еще два принципиально важных момента.

Первый из них это вопрос о том, в каких формах выступает бессознательное, понимаемое как фактор психологического порядка. Здесь необходимо обратить внимание на следующее.

Хорошо известно, какой большой отклик получила в психологической литературе несколько лет назад монография Д. Миллера, Ю. Галантера и К. Прибрама "Планы и структура поведения" [12]. Независимо от отношения к концепции поведения, которая представлена в этой книге, нельзя не признать весьма глубокой основную идею, от которой отправляются ее авторы: необходимость различать в структуре сознания и поведения как их основные элементы, с одной стороны, информативный аспект ("все накопленные и организованные знания"), т. е. "Образ", а с другой стороны - аспект алгоритмический ("контроль порядка последовательности операций"), т. е. "План". Это разграничение оправдано, т. к. оно отражает реально существующую дихотомию, но не исключает, естественно, поиска категории, позволяющей заполнить "вакуум между познанием и действием", поиска понятия, самое существо которого направлено на объединение аспектов действительности, обозначаемых как "Образ" и "План". И в советской литературе неоднократно указывалось, что такой категорией является "установка" ("эта основная проблема современной психологии", по мнению П. Фресса, высказанному им на XVIII Международном психологическом конгрессе в 1966 г., в Москве [4]), в понимании,, придаваемом этому понятию школой Д. Н. Узнадзе.

Для психологической установки основным, в интерпретации этой школы, является то, что она влияет на психические процессы, на нейрофизиологическую динамику и, следовательно, на деятельность, вплоть до высших ее проявлений, будучи сама детерминируема конкретным психологическим содержанием, "смыслом" объективных ситуаций, и относится поэтому к числу наиболее сложных, наиболее обобщенных форм отражения действительности. Характерным для этого понятия является и то, что в нем аспект информативный и аспект алгоритмический слиты воедино. Можно сказать даже более резко: все значение понятия "установка", все оправдание использования этой категории, весь скрытый пафос основной мысли Д. Н. Узнадзе заключается в стремлении найти наиболее адекватное выражение для идеи неразрывного единства содержаний сознания и регуляции поведения. Именно этим объясняется, что идея установки уже давно приобрела роль центрального теоретического понятия в системе взглядов Д. Н. Узнадзе, а в какой-то мере и во все возрастающей степени - и за рамками этой системы.

Если теперь мы вспомним, что с самого начала разработки идеи психологической установки Д. Н. Узнадзе настойчиво подчеркивал неосознаваемость установок, то обстоятельство, что они выступают не как "элемент" конкретного содержания сознания, а как "модус" (т. е. как качественная особенность, как способ функционирования) сознания, то станет более ясным, какое большое значение приобретает установка как форма проявления бессознательного.

И, однако, надо ясно представлять, что при всей важности категории психологической установки, последняя отнюдь не является единственной формой проявления бессознательного. Неосознание мотива, неосознание переработки информации, неосознание вообще какого бы то ни было переживания -все это особенности психической деятельности, проявляющиеся очень полиморфно и тем самым выявляющие исключительную сложность самого понятия "неосознание". Мы уже говорили об этом кратко во "Введении", подчеркнув, что неосоэнаваемость проявляется иногда в том, что отражение воздействий, оказываемых на субъект, отсутствует не только в сознании последнего, но и в системе его переживаний; что, напротив, в других случаях эта неосоэнаваемость отнюдь не исключает того, что бессознательное отражение действительности отчетливо переживается субъектом (субъект не может лишь произвольно направить на него свое внимание); что могут осознаваться формальные "значения" событий, при неосознании их более глубокого и скрытого "смысла". Неосознаваемыми могут быть как переработка информации, так и восприятие сигнала, процессы созревания отношения или решения, сопутствующие созданию установки, и даже реализация конкретного действия или деятельности, в которых установка находит свое конечное выражение. И эта психологическая полиморфность неосознания оказывается важной в двух отношениях.

Во-первых потому, что она является не менее веским аргументом в пользу психологической природы бессознательного, чем семантическая ориентированность последнего. Касаясь этой темы, нельзя не вспомнить, что теоретической и экспериментальной отработкой идеи этой полиморфности мы обязаны в значительной степени Л. С. Выготскому [5], уделившему большое внимание как онтогенезу, очень постепенному формированию функций осознания, так и разграничению между тем, что в структуре переживания воплощает в себе, с одной стороны, значение, а с другой - смысл, т. е. моменты, по-разному опять-таки связанные с функцией осознания.

Во-вторых же потому, что из-за этой неконгруентности понятий "установка" и "неосознаваемая деятельность" вытекает немалая сложность отношений между ними. Этот вопрос затрагивается, в частности, в помещенной в настоящем тематическом разделе статье А. Г. Асмолова, посвященной проблеме иерархической структуры установки как механизма регуляции деятельности. В этой работе содержится попытка дальнейшего углубления идеи установки как теоретической категории на основе сочетания двух направлений мысли, сложившихся в советской психологии: концепции Д. Н. Узнадзе о роли установки как фактора регуляции деятельности и теории иерархического строения деятельности, разработанной А. Н. Леонтьевым. Отправляясь от этих представлений, А. Г. Асмолов формулирует определенные заключения о факторах, обуславливающих осознаваемость и неосоэнаваемость различных уровней установочной регуляции деятельности.

Вопрос об отношениях, существующих между категориями установки и деятельности, обсуждался в советской психологической литературе последних лет не только, однако, в этом неоспоримо важном, но все же скорее частном плане. Он постепенно приобрел характер большой проблемы, от решения которой зависит многое в понимании самих основ душевной жизни человека. Этой теме посвящена представленная в данном разделе статья В. П. Зинченко. Автор считает неадекватным как идею первичности деятельности в отношении установки, так и концепцию примата установки. Он подчеркивает (имея, по-видимому, в виду деятельность только в ее объективном выражении), что любой психический процесс неустранимо включает в себя как операциональные ("деятельностные"), так и установочные и когнитивные компоненты, и становится реальностью только на основе неразрывной взаимосвязи этих составляющих. Оба понятия (установка и деятельность), по автору, "равноправны и соотносимы" как в их осознаваемых, так и в их неосознаваемых проявлениях. Одностороннее преувеличение роли любого из них может только затруднять анализ. Эта не легко оспоримая и логически завершенная трактовка имеет и то преимущество, что она предостерегает от упрощенного сведения идей бессознательного к идее установки.

В этой связи обращает на себя внимание обобщенный анализ вопроса о структуре и о статусе существования бессознательного психического в его непосредственной связи с сознанием и лежащей в их основе единой системообразующей установкой личности на ту или иную предстоящую быть осуществленной "здесь" и "сейчас" деятельность, проведенный одним из нас во втором параграфе открывающего настоящую монографию "Введения".

Мы приходим, таким образом, в итоге к выводу, что "бессознательное" - это понятие во всяком случае гораздо более широкое, чем "психологическая установка". Неоспоримо, однако, что в ряду форм конкретного выражения неосознаваемой психической деятельности психологическим установкам принадлежит очень важное место. А вследствие того, что психологические установки в большой степени значительно легче, чем другие формы проявления бессознательного, поддаются экспериментальному изучению, есть много оснований думать, что на первых этапах исследования проблемы бессознательного, через которые мы все еще (вопреки многовековой длительности истории этой проблемы) проходим, работам, направленным на доказательство реальности бессознательного как психологического феномена, целесообразно иметь дело именно с психологическими установками во всем их необозримом качественном разнообразии, во всей их трудно-описуемой структурной и функциональной сложности.

(4) Второй момент, на котором мы хотели бы остановиться, завершая настоящую статью, это вопрос о методологической адекватности понятия бессознательного, о его строгости с точки зрения марксистской философии.

Этому вопросу посвящены две публикации настоящего тематического раздела - Г. Х. Шингарова и видного французского марксиста П. Брюно ("Бессознательное и категория отражения"). В первой из этих работ освещен марксистский подход к проблеме реальности бессознательного в его связи с развитием сыгравших в этом пункте большую роль идей павловской школы. Автор второй работы также останавливается на проблеме философской адекватности категории бессознательного и решает этот вопрос позитивно, различая между реальностью психической (неосознаваемые желания, фантазмы) и реальностью материальной. Он показывает, что отношение между обоими этими видами действительности может быть раскрыто только на основе использования идеи бессознательного как одной из форм нереализованного, объективного отражения субъектом окружающего его мира. "Бессознательное, - пишет П. Брюно, - это нереализованное отражение реального". В какой степени эта короткая формула специфична для бессознательного (а не применима также к нереализованным в поведении осознаваемым формам отражения), могло бы послужить предметом интересного спора, уточняющего философские и психологические категории. Для нас наиболее важна в данном случае вытекающая из статьи мысль о том, что, не учитывая бессознательного, нельзя сформулировать теорию отражения в ее марксистском понимании.

Сказать, однако, что отвлекаясь от идеи бессознательного, элли-минируя этот фактор, мы не можем охарактеризовать разработанное Марксом представление о психологическом отношении человека к окружающему его миру - значит утверждать меньше необходимого. Мы гораздо точнее выразим подлинное положение вещей, если отметим, что только благодаря марксистскому истолкованию психологии человека как социального, исторически формируемого существа перед нами раскрылась во всей глубине роль бессознательного в становлении и представлений, и действий людей.

К. Клеман, хорошо известная в марксистских кругах Франции как исследователь, интерпретирующий вопросы мышления и речи с позиций концепции Ж- Лакана, приводит [14] как характерный пример расхождения между тем, что люди делают, и тем, как они представляют себе эти свои действия, слова Маркса из "18-го Брюмера Луи Бонапарта": "Люди сами делают свою историю, но они делают ее не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые... даны им и перешли от прошлого. Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых. И как раз тогда, когда люди как будто только тем и заняты, что переделывают себя и окружающее и создают нечто еще небывалое... они боязливо прибегают к заклинаниям, вызывая к себе на помощь духов прошлого, заимствуя у них имена, боевые лозунги, костюмы, чтобы в этом освященном древностью наряде, на этом заимствованном языке разыгрывать новую сцену всемирной истории" [10].

Этот образ "заимствованного" языка, к которому люди прибегают, когда совершается "нечто еще небывалое", лучше, пожалуй, чем что-либо иное, показывает, в какой степени то, что осознается, может не столько отражать, сколько мистифицировать то, что делается. "Логика действий" и "лотика представлений" здесь взаимопротивопоставлены Марксом с необыкновенной отчетливостью, и идею этого противопоставления, как важнейшего принципа отношения человека к миру, можно проследить во множестве философских построений, разработанных Марксом.

Лишь как частные примеры этого расщепления между тем, что дано сознанию, и тем, что движет действия, могут быть приведены марксистская концепция отчуждения и марксистское понимание фетишизма. Характерно, что еще Гегель, освещая проблему отчуждения, поставил проблему объективной закономерности исторического процесса как того, что проявляется в деятельности людей, но вместе с тем и как того, что на протяжении всего этого процесса "не сознавалось ими" и осуществление чего "не входило в их намерения" [7]. Однако, если у Гегеля вся эта проблема отчуждения подается в рамках идеалистически-спекулятивного понимания и истории, и сознания, то у Маркса она впервые выступает как интерпретируемая на основе учета подлинных двигателей исторического процесса, а связанное с нею расщепление между осознаваемым и неосознаваемым - как одна из важнейших особенностей психики человека в его как абстрактно-коллективном, так и конкретно-индивидуальном обличьи.

Не в меньшей степени это же расщепление проявляется в психологии фетишизма, от его архаических форм, при которых происходит отождествление примитивного символа с бытием, предмета с функцией, вплоть до его проявлений в развитом сознании современных людей. И здесь за тем, что непосредственно предстоит сознанию, скрывается множество психологических содержаний, которые могут очень плохо или даже вовсе не осознаваться, плохо или даже вовсе не быть между собою логически связанными и, тем не менее, весьма жестко, императивно влиять на поведение. Именно поэтому Маркс отмечает связь категории фетишизма с категорией отчуждения [9], а

в "18-м Брюмере" иронизирует над алчностью, мистическим характером осознаваемых представлений, возникающих в условиях фетишизма [11]. Вряд ли допустимо сомневаться в том, что, игнорируя реальность и - при определенных условиях - императивность того, что не осознается, объяснить психологию фетишизма было бы вообще невозможно.

Можно привести и много других примеров, показывающих, насколько марксистски ориентированная психология-именно потому,что это психология реального человека - связана с идеей бессознательного. Ограничение сферы психологии только сферой осознаваемого исключает для нее возможность исследования реальной психики. И именно поэтому такая психология в рамках марксистского понимания существовать не может.

Звучащие же иногда в литературе указания на несовместимость идеи бессознательного с марксистским пониманием принципиально неправильны и ни в какой мере не смогут затормозить дальнейшее развитие этой идеи.

3. The Basic Criteria for Viewing the Unconscious as a Peculiar Form of Mental Activity. Editorial introduction

Summary

The various current approaches to the problem of the realness of the unconscious as a psychological phenomenon are described. The position of those researchers is set forth who view the unconscious forms of the functioning of the brain as merely neurophysiological activity. This point of view is contrasted with the conception that certain forms of the unconscious operation of the brain are related in their dynamics to the semantic categories of goal, meaning, and sense. It is emphasized that this approach points to the psychological orientedness of the unconscious and that the activity of the latter cannot be described unless psychological categories are invoked. The relation of such an interpretation to notions introduced into Soviet psychology by the works of D. N. Uznadze, L. S. Vygotski, S. L. Rubinstein, and A. N. Leontyev is pointed out. The thesis on the impossibility of treating the unconscious as anything but a peculiar - functionally highly important - form of mental activity is formulated from the foregoing as the basic conclusion. Psychological and clinical experimenetal evidence illustrating and substantiating this thesis is presented-

Section Two of the paper deals with the problem of the interrelationship of the categories of the unconscious and psychological set; the polymorphousness of the manifestations of the unconscious which are not reducible to the dynamics of psychological sets is emphasized.

In conclusion the question of the correspondence of the idea of the unconscious to the general theoretical notions and spirit of Marxist philosophy is examined.

Литература

1. Бассин Ф. В., Рожнов В. Е., Вопросы философии, 10, 1066.

2. Бочоришвили А. Т., Может ли психика (переживание) существовать вне сознания? В сб.: Проблема сознания, М., 1966, стр. 268, 270.

3. Бочоришвили А. Т., Проблема бессознательного в психологии, Тбилиси, 1966.

4. Вопросы психологии, 1967, 2, стр. 5.

5. Выготский Л. С, Мышление и речь, М., 1934.

6. Выготский Л. С, Психология искусства, М., 1965, стр. 94.

7. Гегель, Соч., т. 8, М. -Л., 1935, стр. 27.

8. Леонтьев А. Н., Деятельность и личность. Вопросы философии 5, 1974, стр. 69.

9. Маркс К., Выписки из экономистов, 1844, Вопросы философии 2, 1966, стр. 115.

10. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 8, стр. 119.

11. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 8 стр 208.

12. Миллер Д., Галантер Ю., Прибрам К., Планы и структура поведения М., 1965.

13. Павлов Т., Избранные философские произведения, т. I, М., 1961, стр. 269.

14. Clement. C. B., "Le solfreudienetlesmutationsde ia psychanalyse". C. B. Clement, P. Bruno, L. Seve, Pour une critique marxiste de la theorie psychanalitique. Paris,' 1973, p. 94.

15. Rohracher. H., Die Arbeitsweise des Gehirns und diepsychischen Vorgance. Munchen 1967, S. 164-165.

4. К проблеме бессознательного в свете теории установки: школа Д. Н. Узнадзе. А. С. Прангишвили

Институт психологии им. Д. Н. Узнадзе АН Груз. ССР, Тбилиси

1. Развитие советской психологии на новой, марксистско-ленинской теоретической основе вызвало перестройку всего категориального строя психологической науки, в том числе и категории бессознательного.

Попытка решения проблемы бессознательного в свете теории установки (школа Д. Н. Узнадзе) стала предметом дискуссии. Рассмотрим ряд дискутируемых положений, причем некоторые из них мы не будем цитировать, как не будем называть и их авторов, полагая, что читатель легко соотнесет рассуждения с тем или иным дискутируемым положением.

Категория бессознательного находится в неразрывной связи с другими психологическими категориями. Мы, в частности, рассмотрим ее во взаимосвязи с такими основными категориями системы марксистско-ленинской теории психологии, как отражение, деятельность, сознание и личность.

2. В контексте идеалистических психологических учений бессознательное, прежде всего, означает субстанциональное бессознательное духовное начало - философский двойник картезианской субстанциональной сознательной души.

С точки зрения материалистического монизма, проблема бессознательного как некоего нематериального бессознательного духовного начала неправомерна, но это вовсе не значит, что в системе советской психологии вообще нет места никакому психологическому содержанию понятия бессознательного.

Ленин пишет: "Материя исчезает" - это значит исчезает тот предел, до которого мы знали материю до сих пор, наше знание идет глубже... Единственное "свойство" материи, с признанием которого связал философский материализм, есть свойство быть объективной реальностью, существовать вне нашего сознания" 12, 247].

Аналогичным образом следует рассуждать и относительно философского понятия психического; единственное "свойство" психического, с признанием которого -связан материалистический монизм, состоит в том, что оно (психическое) есть "функция мозга, отражение объективной реальности внешнего мира" [2, 78]. Философское понятие психического - это та основа, опираясь на которую научно-психологическое исследование природы психического "может идти глубже...".

Исходя из ленинского учения о диалектической связи между философскими и естественнонаучными понятиями, нетрудно понять ошибочность подхода, согласно которому проблема "бессознательного психического" требует лишь теоретического рассмотрения понятий, а не анализа данных психологического научного исследования (Гейгер и др.).

Говоря о путях и методах изучения проблемы бессознательного, следует прежде всего помнить, что психологическое содержание понятия "бессознательное" должно разрабатываться в науке "на основе обычных методов научного исследования" [10, 178]. Общей базой для любой дискуссии вокруг толкования бессознательного в психологии могут служить лишь результаты научного изучения природы психического. При научном исследовании психического единственным постулатом остается признание существования объективной реальности независимо от познающего субъекта [7, 49]. Толкование психического в марксистской

материалистической философии не подразумевает ничего, ?что указывало бы на незаконность исследования психологического содержания понятия бессознательного в пределах "относительности противоположения материи и сознания" [2, 135], а это является основой признания правомерности научного поиска в области психологии.

3. Но возможно, в свете методологических принципов марксистской материалистической психологии научное понятие бессознательного может иметь лишь физиологическое содержание, тогда как психологическому содержанию этого понятия нет места в научной психологии, построенной на принципах марксистско-ленинской методологии?

Как правильно указывает С. Л. Рубинштейн, материалистическое учение, согласно которому психическое есть функция мозга, не может означать и не означает "что оно (психическое. - А. П.) является всецело изнутри детерминированным отправлением мозга, его клеточной структуры". "Представление о психическом, как об отправлении мозга... ведет к физиологическому идеализму... Мозг только орган психической деятельности, а не ее источник". "Отправная же точка для преодоления субъективистического понимания психической деятельности заключается в признании того..., что внешний мир изначально участвует в детерминации психических явлений" [9, 5-9]. "Правильно поставленный вопрос о связи психических явлений с мозгом, - пишет С. Л. Рубинштейн, - неизбежно переходит в вопрос о зависимости психических явлений от взаимодействия человека с миром, от его жизни" [9, 30]. Ясно, что взаимодействие человека с миром не может быть исчерпывающе познанным посредством категорий лишь физиологического содержания.

Ошибочной является также и попытка определения понятия бессознательного в плане какой-то "психофизически нейтральной реальности", мыслимой как нечто, стоящее якобы выше противоположностей психического и физического.

У В. И. Ленина ясно показана ошибочность, "основная неправильность" представления махистов о "нейтральности" элементов опыта по отношению к "физическому" и "психическому" [2, 46]. В. И. Ленин писал: "ссылка на "третье" есть простой выверт... Этим вывертом Авенариус заметал следы, на деле объявляя Я первичным, а природу вторичным" [2, 134]. Кроме двух, прямо противоположных, способов устранения "дуализма духа и тела" - "материалистического устранения" (т. е. материалистического монизма) и "идеалистического устранения" (т. е. идеалистического монизма), как писал В. И. Ленин, "не может быть никакого третьего способа, если не считать эклектицизма, т. е. бестолкового перепутывания материализма и идеализма" [2, 78].

Рассмотрим попытки определения бессознательного в плане его отношения к содержанию сознательных переживаний.

4. Как пишет Д. Н. Узнадзе, "наши представления и мысли, наши чувства и эмоции, наши акты волевых решений (Представляют собой содержание нашей сознательной психической жизни, и когда эти психические (процессы начинают проявляться и действовать, они с необходимостью сопровождаются сознанием. Поэтому сознавать - это значит представлять и мыслить, переживать эмоционально и совершать волевые акты. Иного содержания, кроме этого, сознание не имеет вовсе" [10, 41].

Итак, определять психологическое содержание бессознательного как неосознаваемые переживания значит впадать в логическую ошибку (Contradictio in adjecto).

5. Введение в психологию понятия отражения положило начало развитию нового направления исследования природы неосознаваемой психической деятельности. "Психическое, изначалыность которого постулировалась идеализмом, превращается в проблему научного исследования" [7, 49].

В буржуазной психологии, исходящей из постулата изначальноети психического, догматически допускалось, что психика, "проявляющаяся в акте познания, чувства и воли, является первичной данностью, и поэтому сводить ее к более ранним ступеням развития вряд ли могло кому-нибудь прийти в голову" [10, 8]. Поэтому, писал Д. Н. Узнадзе, "вопрос о том, какие же ступени предшествуют возникновению психики как сознательного процесса, как готовится возникновение этого процесса и переход его в активное состояние... в буржуазной науке до настоящего времени остается без должного внимания" [10, 7]. В результате этого в буржуазной психологии бессознательное психическое рассматривается как чисто негативное понятие; оно не получило положительной характеристики, т. е. характеристики, которая определялась бы его положительным значением. В этом отношении особый интерес представляет теория Фрейда о бессознательном.

Ф. В. Бассин, говоря о том, что Фрейд не смог определить положительного значения участвующих в формировании поведения сложных форм неосознаваемого психического отражения, совершенно правильно

констатирует: "Д. Н. Узнадзе был, по-видимому, одним из первых, кто отметил и понял принципиальное значение следующей характернейшей черты фрейдизма. Теория психоанализа представляет опосредующий механизм "бессознательного", так, как его и можно только представлять, не разработав предварительно никакой психологической теории этого механизма, т. е. как наши обычные мысли, эмоции, аффекты, стремления, только лишенные качества осознаваемости; как привычные для нас переживания, лишь ушедшие в какую-то, специально постулируемую фрейдизмом, сферу, содержание которой сознанию недоступно. "Бессознательное" Фрейда - это, таким образом, совокупность психических процессов, своеобразие которых определяется лишь негативно - тем, что они неосознаваемы (их положительная характеристика почти полностью исчерпывается указанием на их тенденцию выражаться поеимущественно символически)" [4, 462].

Характеристика бессознательного как сферы неосознаваемых переживаний не дает положительного определения этого самого бессознательного (отсюда "бессознательное" Фрейда по своей внутренней природе и структуре тождественно с сознательными процессами).

6. К совершенно новому пути решения проблемы содержания бессознательного приводит анализ принципа развития теории отражения. Исходя из этого принципа, проблему психологического содержания бессознательного следует решать в плане исследования природы, специфики и формы отражения объективной реальности, которую представляет собой бессознательное психическое.

Исходя из принципа активности отражения, вопрос о положительном определении содержания понятия "бессознательное" в психологии неизбежно переходит в вопрос о природе зависимости психических явлений от взаимодействия человека с миром, от его бытия. Взаимодействие человека с миром, его жизнь, практику следует рассматривать как реальную основу, в рамках которой раскрывается неосознаваемая психическая деятельность как деятельность, осуществляющая отражение мира и управляющая действиями людей [9, 30]. Это значит, что положительное содержание неосознаваемых форм психического отражения должно быть определено, по выражению А. Н. Леонтьева, "в не отторжим ости от порождающих эту форму психического отражения и им опосредуемых моментов человеческой деятельности" [7]. Таким образом, понятие неосознаваемых форм психической деятельности не может быть определено в отрыве от общепсихологической теории деятельности. Задача положительной характеристики особенностей "бессознательного" сводится к исследованию участия в формировании человеческой деятельности, наряду с сознательными, и неосознаваемых форм психического отражения.

В изучении неосознаваемой формы психической деятельности в "неотторжимости от порождающих эту форму психического отражения и им опосредуемых моментов человеческой деятельности" особое место, в силу их принципиального значения, занимают высказывания классиков марксизма относительно того, что факт реализации человеческой активности посредством осознания еще не свидетельствует о ее зависимости исключительно от сознания.

Ф. Энгельс в письме к Мерингу писал:

"Кроме этого, упущен еще только один момент, который, правда, и в работах Маркса и моих, как правило, недостаточно подчеркивался..., а именно: главный упор мы делали сначала на выведении идеологических представлений и обусловленных ими действий из экономических фактов, лежащих в их основе. При этом из-за содержания мы тогда пренебрегали вопросом о форме: какими путями идет образование этих представлений..." [1. 82].

Рассматривая этот психологически ориентированный относительно формы образования и содержаний сознания вопрос, Энгельс констатирует, что этот процесс происходит в таких условиях, когда "истинные движущие силы, которые побуждают его (мыслящее существо. - А. П.) к деятельности, остаются ему неизвестными... (неосознанными.- А. П.)... Он создает себе, следовательно, представления о ложных или кажущихся побудительных силах. Так как речь идет о мыслительном процессе, он и выводит как содержание, так и форму из чистого мышления. Он имеет дело исключительно с материалом мыслительным; без дальнейших околичностей он считает, что этот материал порожден мышлением, и вообще не занимается исследованием никакого другого, более отдаленного и от мышления независимого источника. Такой подход к делу кажется ему само собой разумеющимся, так как для него всякое действие кажется основанным в последнем счете на мышлении, потому что совершается при посредстве (мышления" [1, 82].

Таким образом, Энгельс констатирует факт "мыслительного (т. е. сознательного. - А. П.) процесса", действительные движущие мотивы которого остаются для самого человека неизвестными, неосознанными. В трудах классиков марксизма приводится множество наблюдений, разными путями приводящих их к одному и тому

же факту участия в формировании доведения, наряду с осознаваемыми формами, и неосознанных форм психического отражения. К примеру, приведем факт "товарного фетишизма". В условиях товарного производства, основой которого является частная собственность на средства производства, общественные отношения товаропроизводителей без того, чтобы этот факт в какой-нибудь степени ими осознавался, принимают форму отношений между вещами (явление, названное К. Марксом "товарным фетишизмом"). При культе золота, господствующем в капиталистическом обществе, мы имеем дело с фактом неосознанного отражения в головах людей власти над ними общественной стихии как сверхъестественного свойства вещей.

Тот же факт участия неосознанных форм психического отражения в формировании поведения констатируется, когда К. Маркс характеризует личность как персонифицированное выражение социально значимых черт: личностные черты капиталиста он описывает как персонификацию капитала; личностные черты земельного собственника - как персонификацию одного из существенных условий капитала, или когда он отмечает, что торговец минералами не видит их красоты.

Таким образом, классики марксизма, разносторонне изучив процесс формирования у людей их "принципов, идей... и т. д." как отражения бытия, реальной деятельности человека, показали, что сознание не следует понимать как неизбежную форму существования психического и, тем более, не следует отождествлять природу психического отражения с сознательным процессом познания.

В советской психологии, естественно, возникла настоятельная необходимость освободиться от отождествления психического и сознательного и признать, что "сознательными переживаниями не исчерпывается все, что свойственно человеку, не считая его физического организма". "Кроме сознательных процессов, в нем совершается еще нечто, что само не является содержанием сознания, но определяет его в значительной степени, лежит, так сказать, в основе этих сознательных процессов" [10, 41].

Таким образом, вопрос о том, какими путями идет образование в сознании индивидов "собственных принципов, идей, категорий" и т. д. сообразно их реальным социальным отношениям, неизбежно переходит в вопрос о природе скрытых от сознания промежуточных звеньев между различного рода объективными воздействиями и последующим выражением эффектов этих воздействий в сознании и поведении людей.

7. Вышеприведенные соображения (Классиков марксизма относительно "скрытых от сознания связей" подсказывают и методологический принцип подхода к анализу человеческого поведения. Становится очевидной ошибочность т. н. "постулата неопосредственности", лежащего в основе господствующей в традиционной психологии двухчленной схемы анализа поведения, согласно которой внешние воздействия на субъект и вызываемые данными воздействиями явления сознания и поведения находятся в непосредственной связи (схема: стимул - реакция).

Если исходить из диалектико-материалистического принципа детерминизма ("внешние причины действуют через внутренние условия" - С. Л. Рубинштейн), то становится бесспорной правомерность "постулата опосредованности" (Д. Н. Узнадзе). Этот постулат лежит в основе трехчленной схемы анализа, включающей "промежуточную переменную", опосредующую связь между объективными воздействиями к вызываемыми этими воздействиями эффектами в сознании и поведении людей.

8. В исследованиях грузинских психологов в качестве такого рода промежуточной переменной, т. е. таких "скрытых от сознания связей", выступает установка.

В понятии установки обобщен ряд существенных выводных особенностей психической организации, регуляции деятельности индивида как определенным образом организованной системы.

В каждый дискретный момент деятельности процессы восприятия, памяти, воображения, решения задачи и т. д. выступают как процессы, протекающие в определенной форме психической организации индивида.

В психической организации переживаний и действий, имеющих место при осуществлении деятельности, проявляется весьма значительный факт: единство и целостность повеления, т. е. "структурная устойчивость и внутренняя связанная последовательность поведения и опыта индивида" (Г. Олнорт). В этом выражается относительная константность, независимость поведения и опыта индивида от случайных, частных ситуаций. Целостность поведения и опыта индивида выступает не как "пустая целостность", а как направленность, целенаправленность (в широком пониманий) переживаний и действий, проявляющихся при осуществлении деятельности.

Установка-модус субъекта в каждый дискретный момент его деятельности (Д. Н. Узнадзе), это состояние, которое придает деятельности субъекта определенную направленность, вносит в эту деятельность специфическую настроенность действовать именно таким, а не каким-либо иным образом.

В условиях постоянного изменения ситуации факт относительной устойчивости (психической организации поведения и опыта индивида свидетельствует о возникновении в результате индивидуального опыта определенных установок (диспозиций).

Экспериментальные исследования по определению роли установки, которую она играет в возникновении, развитии и угасании иллюзии восприятия и других аналогичных психических процессов, показали, что индивид постольку является субъектом деятельности, поскольку он организует свои "сущностные силы" (К. Маркс) не в самый момент деятельности а предуготовлен к ней и направлен, так сказать, в определенную сторону и на определенную активность; деятельность начинается не на "пустом месте", а на базе некоторой преориентации (установки) индивида. Тем самым установка, как готовность индивида к определенной форме реагирования, выступает в качестве "промежуточной переменной" (расположенной между стимулом и реакцией), "внутренней организации", "внутренней среды " индивида.

Пренебрегая знанием этого первичного целостного состояния индивида, невозможно ни описать, ни объяснить, ни, тем более, изменить деятельность.

Таким образом, психическая регуляция деятельности при взаимодействии "индивид-среда" осуществляется не по "парциальному принципу" - "стимул-реакция". Реакция, ответ наступает в результате преломления внешнего воздействия через всю систему индивидуальной психической организации - систему-индивид (*Характеризуя отдельные психические процессы как "органы индивидуальности", Маркс тем самым прямо указывает на то, что индивидуальность является единством, не сводимым к простому конгломерату "физических и духовных способностей" (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. III, 1929, стр. 625)*) (т. е. установку); иначе говоря, ответ опосредован целостным состоянием, установкой индивида как определенным образам организованной системы [3, 252].

Понятие установки как "модуса целостного состояния индивида в каждый дискретный .момент его деятельности", на |базе которого возникает деятельность с определенной направленностью, находится в прямой связи с комплексом представлений, которым заменяется в узнадзевекой теории установки "постулат непосредственности" и концепция мозаики психических функций, изолированных от внутренней динамической живой системы целостного индивида.

Фундаментальное значение для решения вопроса о психологическом содержании бессознательного имеет то обстоятельство, что системность индивидуальной психической организации, системность деятельности ("система-индивид", модус целостного состояния субъекта в каждый дискретный момент его деятельности") не является фактом непосредственного переживания субъекта.

Само собой разумеется, что целостное состояние "не отражается в сознании субъекта в виде его отдельных самостоятельных переживаний" (Д. Н. Узнадзе). "Поэтому, - писал Д. Н. Узнадзе, - если что у нас и протекает действительно бессознательно, так это, в первую очередь, конечно, наша установка", состояние субъекта в целом, которое не может быть "отдельным актом сознания" [10, 178]. А. Н. Леонтьев отмечает: "Неосознаваемое и сознаваемое не противостоят друг другу; это лишь разные уровни психического отражения, находящиеся в строгой соотнесенности с тем местом, которое занимает отражаемое в структуре деятельности" (см. "Вопросы философии", № 5, 1974, стр. 69). Активность установки, как системной особенности деятельности, не достигает уровня сознания. Вследствие этого системный анализ деятельности, пользуясь выражением А. Н. Леонтьева, оказался также по-уровневым анализом, выявившим, что "помимо сознательных психических процессов, существуют в известном смысле "внесознательные". Однако это не мешает им играть очень существенную роль" [10, 40].

Исследования по психологии установки свидетельствуют о том, что, кроме обычных психических фактов, отдельных сознательных переживаний, существует специфическая сфера психического, сфера установки - "модуса целостного состояния субъекта" (Д. Н. Узнадзе), индивида как определенным образом организованной системы, на базе которой возникает деятельность с определенной направленностью. Установка, согласно учению Д. Н. Узнадзе, является закономерным компонентом деятельности именно как неосознаваемое системное качество. Установка - это активное состояние субъекта деятельности, не принимающее формы, характерной для содержания сознания (*Нельзя согласиться с той точкой зрения, что установка выступает как в форме бессознательного, так и в форме данных сознания (как, скажем, направленность субъекта на выполнение определенной задачи).*

Допустив (в таком понимании) двойственную природу установки, мы вынуждены будем вернуться к отклоненной нами концепции, согласно которой сознательные и бессознательные процессы, будучи по существу одинаковыми, различаются лишь тем, что первый из них сопровождается сознанием, в то время как второй такого сопровождения не имеет. Развитие концепции, приводящей к отказу от основного положения теории установки о том, что латентные для сознания психические процессы и состояния принимают специфическую для них форму существования, отличную от форм содержания сознания, означает фактически "движение от Фрейда не вперед, а вспять").

9. В буржуазной психологии направленность как функция установки толкуется субъективистски: будто бы эта направленность вносит в переживания и действия индивида "субъективную основу".

В исследованиях грузинских психологов установка, на базе которой возникает деятельность с конкретной направленностью, была выявлена как фактор целесообразной деятельности, как психологическое содержание взаимодействия между конкретной потребностью и ситуацией ее удовлетворения (Д. Н. Узнадзе) - этими двумя детерминантами поведения (именно это и определяет удобство использования установки как объяснительного понятия).

При наличии потребности и ситуации ее удовлетворения происходит "опредмечивание потребности" (А. Н. Леонтьев); в субъекте возникает "специфическое состояние направленности к совершению акта, могущего удовлетворить конкретную потребность в условиях конкретной ситуации" (Д. Н. Узнадзе).

А. Н. Леонтьев считает, что "бытие - это реальная деятельность человека", "взятая не только объективно, но и субъективно, т. е. со стороны мотивации" [8, 36].

Грузинскими психологами установка как отражение бытия, т. е. реальной деятельности, изучалась в различных аспектах. Остановимся на некоторых их результатах.

Так, Д. И. Рамишвили на основе своего исследования о повседневных понятиях доказала, что в речевой деятельности слово (например, "трава"), как правило, употребляется по отношению к определенному предмету. Однако знание тех общих признаков, на основе которых осуществляется выделение данного явления (травы) данным словом, не всегда представлено в сознании. Например, испытуемые отвечают, что фиалка - не трава, потому что она цветок, и те же испытуемые говорят, что клевер, как и всякая другая трава, имеет цветок. Установка закрепляет в плане человеческой деятельности, практического контакта с предметами раскрываемые общие объективные отношения, в данном случае, например, тразы как растения, используемого в качестве зеленой массы, и тем самым обусловливает определенное употребление слова, выделение этим словом того или иного конкретного явления при совершенно сознательном процессе речевой деятельности (Д. И. Рамишвили).

Эти и аналогичные им факты свидетельствуют о правильности выдвинутого А. Н. Леонтьевым положения о том, что "осуществленная деятельность богаче, истиннее, чем предваряющее ее сознание. При этом для сознания субъекта вклады, которые вносятся его деятельностью, остаются скрытыми" [7, 22].

Концепция установки грузинской школы психологов тем и обогащает анализ поведения, что установка, как некое переменное, "промежуточное", трактуется именно в значении "для сознания скрытого" специфического уровня отражения бытия, т. е. реальной деятельности. Но это вовсе не значит, что концепция установки приводит к "недооценке активной роли сознания". Понятие установки является релевантным и по отношению к понятиям "образующим сознание", в отношении функции, которую каждое из них выполняет в процессах "презентирования субъекту картины мира" [7, 22].

Согласно результатам исследований, проведенных в Институте психологии АН Груз. ССР, существенной предпосылкой "презектирова-ния" объекта сознания следует считать акт объективации, т. е. "акт, дающий нам возможность выделить предмет сознания как нечто-данное, как некий объект" (Д. Н. Узнадзе). Особо слеяует выделить психическую активность, которая представляет собой надстройку над полученным Е результате объективации фактом.

Зависимость акта объективации от установки ясно показана в опытах Н. Л. Элиава. В одном из вариантов опыта испытуемым читался определенный рассказ, и у них фиксировалась установка на его продолжение; на деле же им предлагали затем фрагмент совершенно другого рассказа. Испытуемые объективировали содержание вставленного фрагмента посредством отношений, выступающих на основе выработанной установки как "модуса целостного состояния индивида в каждый дискретный момент его деятельности", в результате чего они доходили иногда до явных несуразностей в осознавании ("презентификации") вставленного текста. Под влиянием установки

они пытались выявить и объективировать то содержание, которое не соответствовало системе отношений вставленного фрагмента.

В этой связи весьма важны также результаты исследования процесса мышления. А. В. Брушлинским было показано, как различие между требованием задачи и искомым выявляет особое качество мыслительного процесса - превращение объективного требования задачи в то, что оно означает для данного индивида [6, 125].

В свете теории установки Д. Н. Узнадзе акт объективации связан с задержкой реализации установки, вызванной неадекватностью фиксированной и актуализированной установки индивида по отношению к изменившейся ситуации деятельности. Возникновение плана сознательной активности обусловлено особенностями действия актуализированных установок, а результаты активности, осуществленной в плане объективации, в свою очередь, ложатся в основу смены актуализированной установки установкой, соответствующей изменениям в объективных условиях деятельности. Так представляется в свете взаимоотношения двух планов деятельности (плана установки и плана о ъективации) синергия неосознаваемых и осознанных форм психического отражения в зависимости от уровня отношений, складывающихся между индивидом и средой.

Пользуясь выражением Ф. В. Бассина, функцией установки является не только создание потенциального предрасположения к еще не наступившей активности, но и актуальное управление уже реализующейся активностью. Эта особенность установки была раскрыта в отношениях, существующих между объективацией и надстраиваемой над ней психической активностью теоретического плана, с одной стороны, и действием установки - с другой. Установка как направляющая психические процессы "промежуточная переменная" со своей стороны постоянно "коррегируется на основе той информации, которая поступает в порядке обратной связи в результате сознательной активности, развернутой в плане объективации" [5, 25].

Итак, теория установки занимает позицию, предельно далекую от концепции, пытающейся утвердить в человеческой деятельности гегемонию областей, в которые сознание не проникает.

10. Как уже было отмечено, установка не принимает форм, характерных для содержаний сознания как системная особенность; ее нельзя непосредственно обнаружить как факт сознательного переживания. Но это вовсе не значит, что установка - трансфеноменальная структура, относительно которой субъект не может иметь знания. Установка как "промежуточная переменная" проявляется в феноменальных процессах, в ориентированной активной динамической организации процессов переживаний и действий, имеющих место при осуществлении деятельности.

По отношению к проблеме природы такой "промежуточной переменной", "скрытых от сознания опосредующих связей" релевантными могут быть т. н. "гипотетические конструкты", аналогичные разрабатываемым в других науках (физиологии, механике и т. д.) относительно выводных сущностей, не выступающих в виде непосредственных переживаний сознания.

Вопрос о сознании, как направленности, как отношении совершенно закономерно ставить в виде вопроса о зависимости от установки того, что осознается.

"Для того, чтобы сознание начало работать в каком-нибудь определенном направлении, предварительно необходимо, чтобы была налицо активность установки, которая, собственно, в каждом отдельном случае и определяет это направление" [10. 41].

Из всего вышесказанного совершенно ясно, что концепция установки вовсе не приводит к недооценке активной роли сознания. К. А. Абульханова правильно отмечает, что концепция установки разрешила "мнимую альтернативу предшествования сознания деятельности или деятельности сознанию". "Д. Н. Узнадзе, выделив специфику психического и сознания по отношению к деятельности, поставил проблему сознания и деятельности в более общем виде - как проблему субъекта и его соотношения с действительностью, в плане константных и изменчивых, стереотипных и нестереотипных способов соотношения субъекта с действительностью" [3, 241-242].

Установка (направленность субъекта, не принимающая форм, характерных для содержания сознания) относится к сфере психического, ибо она как "промежуточная переменная", с одной стороны, является отражением объективной ситуации поведения, а с другой стороны, определяет направленность процессов сознания и деятельности. Ясно, что эта промежуточная переменная, как содержательная категория, не может быть исчерпана физиологической характеристикой процесса.

Итак, исследования по психологии установки позволяют определить положительное психологическое содержание понятия "бессознательного", которое до этого рассматривалось в психологии как понятие чисто негативное.

Литература

1. Маркс К., ЭНГЕЛЬС Ф.; Соч., т. 39, 1966.

2. Ленин В. И., Соч., т. 14, 4-е издание.

3. Абульханова К. А., О субъекте психической деятельности, М., 1973.

4. Бассин Ф. В., Сознание и бессознательное. Сб.: Философские вопросы физиологи" высшей нервной деятельности и психологии, М.. 1962.

5. Бассин Ф. В., Вступительное слово на симпозиуме (№ 14) по установке на 18 Международн. псих, конгрессе, М., 1966.

6. Брушлинский А. В., Психология мышления и кибернетика, М., 1970.

7. Леонтьев А. Н., Сознание. Деятельность. Личность, М., 1975.

8. Леонтьев А. Н., Некоторые психологические вопросы воздействия на личность. Проблемы научного коммунизма, выл. 2, М., 1968.

9. Рубинштейн С. Л., Бытие и сознание, М., 1957.

10. Узнадзе Д. Н., Экспериментальные основы психологии установки, Тб., 1961

. К вопросу об онтологической природе бессознательного. Ш. Н. Чхартишвили

Институт психологии им. Д. Н. Узнадзе АН Груз. ССР, Тбилиси

Правильность постановки и успех разрешения проблемы бессознательного во многом зависят от того, насколько правильно определение психического, используемое при этом. Определение, данное психическому Декартом, легло в основу психологических исследований, осуществленных в последующие века. Приписав душевным и телесным явлениям взаимоисключающие свойства (одним - сознание, другим, - протяженность), Декарт так разобщил эти стороны действительности, что последующее научное мышление, исходящее из декартовских определений, уже не смогло соединить их.

Мир оказался абсолютно раздвоен. Последствия, вытекающие из декартовского определения предмета психологии, тяжелым бременем легли на науку психологии.

На неправомерность декартовского толкования психики указывало хотя бы то, что оно explicite категорически отвергало идею бессознательного, но implicite требовало ее по логической необходимости. То, что сознание было объявлено существенным признаком психического, устранило возможность постановки вопроса о существовании бессознательного психического, однако сделало необходимым признание психофизического параллелизма. А этот последний, ,в свою очередь, для подтверждения существования беспрерывного ряда причинно связанных друг с другом психических явлений (без чего психофизический параллелизм немыслим) потребовал допущения бессознательного психического. Мысль, ищущая истину, запуталась в противоречиях: тот, ?кто существенным признаком психического считал сознание, был вынужден допустить существование бессознательного психического. Чтобы выпутаться из этого противоречия, часть исследователей вместо того, чтобы проверить правильность декартовского определения, пошла по совершенно ложному пути, начав и так и эдак искать бессознательное психическое в самом сознании [4; 6; 13].

Другие психологи избрали еще более неправильный путь: они сохранили декартовские определения, но отказались от признания бессознательного психического и выдвинули гипотезу о взаимовлиянии психического и

физического (физиологического) [16; 17J, хотя эта гипотеза явно противоречит бесспорному положению: "Вещи, не имеющие между собою ничего общего, не могут быть причиной одна другой" [10, 2].

Для преодоления подобных противоречий и для правильной постановки и решения проблемы бессознательного необходимо, прежде всего, адекватно определить специфические особенности психического, охарактеризовать психическое не по тому признаку, который оно приобретает вследствие того, что становится объектом сознания, а по той функции, которую оно выполняет в общем протекании явлений мира. Объявив сознание единственным признаком психического, Декарт свел все психическое к интеллектуальным процессам. Восприятие, представление, воображение, мышление являются, как полагал он, процессами сознания, а все, что осознается, осознается только в форме этих процессов, т. е. воспринимается, представляется, воображается или мыслится. Сознание не имеет других форм. Но то, что воспринимается, представляется, воображается и мыслится, не является самим сознанием, в одном случае оно может быть физическим, в другом - логическим или психическим.

И в самом деле, если отождествлять психику с сознанием, то приходится свести всю психику к вышеназванным четырем процессам. Но в таком случае остается непонятным, почему возникает факт сознания, что управляет процессом сознания, что даст нам право говорить о его целесообразном развертывании. Этот последний вопрос возникает на том основании, что целесообразная ориентация и динамика сознания не определяются ни им самим, ни его объектом. Такую определенность сознание приобретает только в связи с могивационным фактором, который стоит за ним и который его побуждает.

Акты сознания возникают не для себя и не сами по себе, а под влиянием того мотивационного фактора, который посредством актов сознания ищет пути своей реализации. Правильность этого соображения яснее всех показал путем логического анализа М. Гейгер [18]. Подтверждением этого служит и богатый научный материал, имеющийся в распоряжении школы психоанализа.

Исследователь, считающий неотъемлемым сущностным признаком психики сознание, не имеет права допустить существования бессознательного психического. Но, если он не приписывает психическому никаких других признаков, кроме сознания, он должен объявить психическим само сознание, а все, что не является сознанием, оставить за пределами психического. В таком случае за пределами психического, по существу, окажутся весь волитивный мир, мотивационные факторы и эмоциональные состояния, поскольку сами по себе они не являются сознанием.

Волитивные явления, потребности и интересы, решения и намерения являются побудителями и возможными объектами сознания. Они, вместе с соответствующими условиями жизни, представляют собою основные явления человеческого бытия. Их общей природой является не сознание, а стремление к активности, направленной на определенную сферу действительности. Акты сознания основаны на этой тенденции и служат ее реализации. Поэтому "сознание (das Bewuβtsein) никогда не может быть чем-либо иным, как только сознанным бытием (das Bewuδtesein), а бытие людей есть реальный процесс их жизни... Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание" [9, 16-17].

То обстоятельство, что волитивные процессы выступают для нас только в виде объектов сознания, вовсе не означает, что они могут существовать только в таком виде. Беркли и его последователи считали явления внешнего мира существующими только тогда, когда они даны в восприятии в виде объектов сознания. Вряд ли кто-нибудь у нас разделяет этот взгляд, и, тем не менее, часть психологов считает его правильным в отношении психики и полагает, что психическое существует лишь тогда, когда оно выступает в качестве объекта сознания. По мнению же большинства психологов, психическое не дает основания для подобного определения.

Правильность постановки как и решения проблемы бессознательною затрудняется еще и тем, что само сознание понимается неоднозначно. Часть психологов не отграничивает друг от друга само сознание (акт видения) и его объект (содержание). Оба эти явления обозначаются термином "сознание", хотя они существенно отличаются друг от друга.

Еще больше осложняет дело то обстоятельство, что часть исследователей называет сознанием все, что когда-то вошло в психику через сознание, утвердилось в ней и теперь, хотя само не осознается, влияет па протекание нашего поведения. Рассмотрим с этой точки зрения цель и план поведения. Когда мы ставим себе цель и составляем план ее достижения, то как цель, так и план являются ясным содержанием нашего сознания. Однако в самом процессе практического осуществления поведения цель и план поведения не всегда осознаются. Чаще все наше сознание занято заданиями, связанными с объективными условиями протекающего конкретного поведения, так что в сознании не остается места для цели и плана всего поведения в целом. Для тех, кто признает существование бессознательного, в этом и нет необходимости. По мнению А. П. Леонтьева, "для того, чтобы

воспринимаемое содержание было сознано, нужно, чтобы оно заняло в деятельности субъекта место непосредственной цели действия" [8, 248]. Конечно, цель поведения (которую А. Н. Леонтьев называет мотивом) и план поведения устанавливаются посредством сознания, но наблюдение показывает, что они регулируют соответствующее поведение, будучи не непосредственно сознательными и не непосредственно с помощью сознания. Несмотря на это, говорят, что поведением, протекающим в соответствии с заранее осмысленной целью и по плану, целиком управляет сознание - осознанный план и осознанная цель. Но такое понимание не соответствует действительности. Возникновение подобного мнения объясняется тем, что, когда мы осознаем цель или план протекания процесса поведения, у нас возникает впечатление, будто они и до этого были как-то актуально даны и выполняли определенную функцию в реализации поведения. На самом же деле они функционировали не в поле сознания, а ниже этого поля, в самой основе целостной психической структуры.

Говорить о существовании бессознательного психического значит считать, что сознание не является основным атрибутом психического, и усматривать существенный и всеобщий признак психического в чем-то другом. По мнению большинства психологов, сознание является высшей формой психического, тогда как низшие формы психического не характеризуются признаком сознания.

Существует мнение, согласно которому сознание и психика существенно отличаются друг от друга. Сторонники этого мнения считают, что психическим является переживание, существующее лишь при выполнении функции объекта сознания. Сознанность является гносеологической категорией, тогда как переживание относится к психологической категории. Психическое явление так же нуждается в отражении, как и явление объективного порядка, но, в отличие от последнего, "оно существует только в одном акте, в одном моменте сознания как нечто такое, что исчезает при своем возникновении же и никогда уже не повторяется. Если мы представим психику в виде отражения действительности, то она уже перестает быть предметом психологии и переходит в сферу гносеологического" [2, 300]. Сознание - условие существования психики, психическое может существовать лишь до тех пор, пока оно является объектом сознания.

На основе изложенного выше материала по вопросу о взаимоотношении сознания и психического можно различить три существенно отличающихся друг от друга взгляда:

1. Сознание - атрибут психического. Согласно этому определению, психическому не приписываются другие существенные признаки. Поэтому понятие психического и сознания покрывают друг друга как по объему, так и по содержанию.

2. Сознание и психическое - явления разных категорий. Поэтому эти два понятия по содержанию не совпадают друг с другом ни в одном из пунктов. По объему психическое совпадает с частью сознания, поскольку оно является одним из его объектов. Психическое не существует Ене сознания, но сознание существует без психического, когда оно своим объектом делает какое-нибудь явление внешнего мира.

3. Сознание является одним из основных признаков высших форм психического. Оно не свойственно низшим формам. Поэтому понятие "сознание" как по содержанию, так и по объему частично покрывает понятие "психическое". Но если это так, то необходимо указать такой признак психического, который одинаково характеризовал бы обе формы психического - и сознание, и бессознательное психическое.

Мы разделяем этот последний взгляд, поэтому и постараемся привести аргументы, необходимые для его обоснования.

Бессознательное психическое не воспринимается непосредственно так, как воспринимаются сознательные психические процессы. Оно является понятием гипотетического характера. Ввиду этого общий признак, выражающий сущность всего психического, приходится искать в сознательных психических процессах. Следует поставить вопрос следующим образом: обладают ли непосредственно переживаемые психические явления каким-нибудь другим признаком, помимо сознания, отличающим их от физических явлений?

Чтобы правильно ответить на этот вопрос, нужно отказаться от традиционной интроспективной точки зрения, возникающей на основе психофизического параллелизма и представляющей психический мир в виде замкнутой в самой себе действительности, и рассматривать психические процессы в структуре поведения (в деятельности), где эти процессы естественно возникают, развиваются и функционируют.

Какую функцию выполняет психическое в этой структуре? Психическое дает смысл возникновению, направлению и финалу поведения и определяет его целесообразную организацию. Без него поведение утратило бы свои специфические особенности и стало бы простой последовательностью физических операций. Психическое

появляется не само по себе и не для себя. Оно появляется не для того, чтобы быть объектом сознания, а для того, чтобы придать активности смысл и целесообразный характер. Поэтому его основные признаки - это значимость и целесообразность, а не осознанность. Психическое служит не самому себе, а субъекту того поведения, в структуре которого оно появляется и развивается. Сознание, как его частное проявление, также служит этой цели.

Нам могут возразить: придавать смысл поведению и определять его целесообразность психическому удается только благодаря его сознательности. Однако, как известно, целесообразное (соответствующее задачам поведения) протекание явлений сознания само является проблемой. Его нельзя понять из самого сознания. Помимо того, если в поведении обнаруживаются целесообразные явления (динамика и структура), которые в данный момент не учитываются сознанием, то мы вынуждены приписать их действию бессознательной психики.

Бессознательным психическим нужно называть явление, которое, участвуя в организации целесообразного поведения, само не становится непосредственным содержанием сознания субъекта этого поведения. Функционируя, оно остается вне внутреннего поля зрения субъекта. Его существование и его осознание не покрывают друг друга.

Мысль о существовании бессознательных психических явлений проникла в науку двумя существенно отличающимися путями. Впервые она появилась в философии в связи с попытками обосновать гипотезу психофизического параллелизма посредством спекулятивных суждений. С другой стороны, к необходимости допущения бессознательного психического привели ученых факты, накопленные в результате наблюдений над явлениями психической жизни, объяснить и понять которые на основе физиологических закономерностей не удалось. Важные в этом отношении факты были накоплены в результате наблюдений над психическими заболеваниями и результатами гипнотического внушения. Имевшихся в распоряжении Фрейда и его последователей фактов было достаточно для того, чтобы признать необходимость допущения бессознательного психического. Однако необходимость признания бессознательного психического существует и в отношении обычных явлений повседневной психической жизни нормального человека. А это, на наш взгляд, имеет более важное значение для установления общей закономерности психических явлений.

Остановимся на некоторых явлениях, которые в силу строгой логической необходимости заставляют нас признать существование бессознательной психической деятельности по соображениям, в корне отличающимся от основания, выдвинутого психоанализом.

1. Начнем с памяти. Можно ли наши знания, наш опыт, которые в данный момент не представлены в сознании и сохранены где-то в памяти, представить в виде физического факта, аналогичного, скажем, следу на пленке магнитофона? Головной мозг, как всякое тело, всякое материальное образование, есть, в первую очередь, нечто подчиненное физическим закономерностям. Только мозг гораздо более сложен по своему строению и действию, чем любой аппарат, созданный человеческой рукой. Поэтому ничто не мешает нам представить себе сохранившийся в памяти опыт как нечто, состоящее из явлений той же природы, что и материальный, физический отпечаток. Наука, вероятно, когда-нибудь доищется до подлинной природы отпечатков этого рода и представит нам память в виде своего рода сокровищницы книг и документов, хранящей в себе весь опыт человечества, запечатленный на основе чисто физических закономерностей. Вне физических закономерностей не может произойти никакого изменения ни в одном явлении, существующем во времени и пространстве.

Однако, стоит только поставить вопрос, каким образом в соответствии с жизненными задачами создаются и используются запечатленные в памяти содержания, и дать ясный ответ окажется совершенно невозможным, если опираться на аналогии с физическими отпечатками на пленке или, и примеру, с буквенными знаками в книгах и документах. Дело тут в том, что факт, имеющий природу, аналогичную отпечатку на пленке или же на бумаге, не может сам лрезентировать себя и притом именно в нужный момент. Еще менее вероятно, чтобы такой факт смог каким-либо образом породить осознание самого себя. Из хранящихся в памяти бесчисленных отпечатков в каждый данный момент в сознание входит только то, осознание чего необходимо для направления отдельных актов деятельности в соответствии с целостной системой поведения. Как мы увидим ниже, большая часть подспудно хранимого опыта активизируется и участвует в регуляции поведения, не будучи сама осознанной. Сознание не может само выбрать из хранящихся в памяти содержаний то, что соответствует стоящей перед ним з данный момент задаче. Сделать что-либо подобное оно было бы в состоянии лишь в том случае, если бы могло располагать всем достоянием памяти как своим содержанием. Тот или иной факт памяти начинает существовать для сознания только после того, как попадает в поле его зрения, и существует до тех пор, пока остается в нем. Следовательно, сознание само не может взять из памяти нужное в каждый данный момент содержание, это последнее дается ему для осознания и использования помимо его собственной активности.

Возьмем простой пример. В памяти хранится, по крайней мере, семь или восемь тысяч слов. Мы ежедневно пользуемся этими словами, и поразительно то, что в речи каждое слово употребляется своевременно и к месту, и при этом так, что специально выискивать его из всего наличного у нас запаса слов нам не приходится. Обычно во время разговора выбор слов, нужных для выражения данной мысли, осуществляется не на основе сознания, которое не участвует и в грамматическом согласовании слов. И одна операция, и другая оказываются заранее проделанными в соответствии с данной обстановкой.

Речь не реализуется и посредством случайных ассоциативных связей. Когда мы пытаемся называть хранящиеся в кашей памяти слова, не сцепляя их смысловой связью, то оказываемся в крайне трудном положении: будучи вольны называть любые слова, мы не в состоянии произносить их с быстротой, характерной для обычной речи. Порой мы просто останавливаемся, и создается такое впечатление, словно память прекратила свою работу. Это значит, что слова лишь тогда приходят свободно, когда они включены в речь, которая служит какой-либо осмысленной жизненной задаче. Если бы слова хранились в памяти в виде чисто физических отпечатков, было бы совершенно невозможно объяснить столь осмысленную деятельность памяти в процессе речи. Эта осмысленная деятельность станет более понятной, если мы допустим, что мнемонические отпечатки в каждом частном случае включены в единое структурное целое, которое, предшествуя сознанию, предугадывает природу данной задачи и служит ее решению.

2. Наши потребности и мотивы поведения не всегда осознаются, но и продолжая оставаться неосознанными, они направляют порою весь процесс деятельности.

Эстетическая потребность может, например, получить удовлетворение от художественно выполненного, декоративного оформления жилого помещения, однако процесс этого удовлетворения не всегда осознается. Человек, живущий в просторной и убранной со вкусом квартире, не постоянно осознает красоту квартиры и обстановки. Иногда проходят дни, и его сознание ни на минуту не задерживается на этих предметах. Однако было бы заблуждением думать, что эстетическая сторона бытовой обстановки обретает психологическую ценность для человека только в тот момент, когда его сознание специально останавливается на ней, и что во всякое другое время она не принимает никакого участия в душевной жизни человека и поэтому лишена всякого психологического значения.

Проблему бессознательного психического диктуют прежде всего волютивные мотивационные явления. Вглядевшись в течение душевной жизни, мы убеждаемся, что потребности и интересы, стремления и решения, ненависть и любовь начинают и заканчивают свое существование не в поле сознания, они глубоко уходят корнями в психику человека и оттуда приводят в действие и направляют процессы сознания в соответствии со своей природой и объективной ситуацией. Обычно они зарождаются и развиваются в процессе осознания объективной действительности, но в самом существе своем являются не процессами сознания, а их возбудителями, производителями. Механизм зарождения в сознании одной потребности может быть обусловлен и приведен в действие другой потребностью, имеющей совершенно иную природу. Сам процесс возникновения новой потребности не осознается. Только уже зародившиеся и развившиеся потребности дают нам о себе знать, да и то скорее тогда, когда на пути их удовлетворения возникают препятствия.

В связи с рассматриваемым нами вопросом представляет интерес один факт, который нередко имеет место в нашей повседневной жизни. Иногда при чтении книги какая-нибудь исключительно активизированная потребность так незаметно отрывает наше сознание от процесса чтения, что мы совершенно не замечаем, когда сознание прекратило осмысление прочитанных строк. Рука листает страницы, глаза опрочитывают слова, органы речи тоже приходят в соответствующее движение, иногда даже так, что можно услышать прочитанное, но все эти действия остаются неосознанными в той же степени, в какой остается неосознанной потребность, "похитившая" сознание и заставившая его служить себе. И только позже мы вдруг уясняем себе, что "отдались мечтаниям" и ничего или почти ничего не вынесли из прочитанного.

В этом случае потребность действует, не входя в сознание. Однако здесь следует обратить внимание и на нечто другое: глаза действительно читают строчки, и, следовательно, у нас есть образы слов я букв, но эти образы не представлены в сознании, сознание в этот момент полностью оторнано от объективной данности и включено в мир воображения, для него уже не существуют ни книга, ни слова и буквы на ее страницах. Эти последние выступают здесь так же, как предметы, с которыми, передвигаясь по улице, мы считаемся, хотя думаем и говорим о совершенно другом.

3. Еще один пример. Когда, идя, скажем, по людной улице, мы несем ценную вещь, которая в данной ситуации может, предположим, легко разбиться, наше сознание, тем не менее, не задерживается на ней. Большую часть времени мы осознаем нечто иное, думаем о чем-то другом. Несмотря на это, мы так заботимся об этой вещи, мы

так осторожно обращаемся с ней, что она никак не может мыслиться выключенной из нашей душевной жизни, подобно тому, как она оказалась выключенной из сознания. Стоит неожиданно возникнуть опасности, и, прежде чем мы успеем осознать ценность вещи и ситуацию ее потери, уже возникает соответствующий данной обстановке страх и осуществляются необходимые для спасения вещи движения. Это явление окажется совершенно необъяснимым, если не допустить, что вещь, ее ценность и ситуация, в которой мы находимся, даны нам как-то и вне сознания - неосознанно. Неожиданно возникшая опасность потери вещи порождает страх, сила которого пропорциональна той ценности, какую эта вещь имеет для личности. Это отношение устанавливается таким образом, что ценность вещи в тот момент так и не осознается личностью.

То, что основные психологические особенности ситуации, будучи раз осознанными, даны нам и бессознательно, видно из наблюдений над явлениями обыденной жизни. В зависимости от того находимся ли мы в собственной семье или в чужом, незнакомом обществе в совершенно безопасной среде или в опасной для жизни ситуации мы часто сами того не осознавая, ведем себя различно, всегда в соответствии с данными условиями, в зависимости от того, с кем и в какой обстановке находимся.

4. Чувство, эмоциональное переживание, по своей природе есть вторичное явление и всегда возникает на почве какого-либо психического факта. Оно не может брать своего начала непосредственно в физической действительности. Особенно ясно это видно на примере эмоциональных переживаний, имеющих явно личностный характер и связанных, с определенными ценностями. Простые чувства опираются на ощущения, сложные же чувства строятся на почве личностной ценности, данной в восприятии и в представлениях явлений действительности. Если же какое-либо эмоциональное переживание появляется раньше, чем возникает та или иная психологическая действительность с ее личностной (жизненной) ценностью, то это выглядит совершенно непонятно и заставляет думать, что эмоциональные переживания, побудительные причины которых не наличествуют в данный момент в сознании, видимо, порождены соответствующими им явлениями, которые как-то даны личности, что они существовали и до актов восприятия и представления, т. е. что внешняя действительность дана нам не только в форме сознания. В пользу указанного соображения говорит и антагонизм, наблюдающийся между сознанием и эффективностью. Сильнейшие аффекты иногда на некоторое время полностью гасят свет сознания.

Трудно обнаружить в сознании такие содержания, которые могли бы^ полностью объяснить объем и характер эмоциональных переживаний. Иногда восприятие или представление какого-либо отдельного явления сопровождается глубокой эмоцией, которая представляет собой переживание, связанное с более или менее длинным отрезком из истории жизни - нашей собственной, других людей или же целого народа. Бели бы эмоция базировалась только на содержаниях, данных в сознании, то предметом сознания должна\ была бы сделаться вся эта история жизни в развернутом виде, в одном акте, чтобы на ее основе стало возможным развитие соответствующих эмоций. Но благодаря тому, что объем сознания чрезвычайно ограничен, подобное явление никогда не имеет места в ходе душевной жизни. С другой стороны, исключается и возможность возникновения у человека' эмоционального переживания и того или иного явления, если оно не было ему каким-то образом данным.

Когда мы смотрим на портрет когда-то дорогого нам человека или же сталкиваемся с явлением, (каким-то образом связанным с годами нашего детства, то прежде, чем в нашем сознании развернутся картины соответствующих воспоминаний, появляется эмоция, представляющая собой одно целостное переживание всей хранимой в памяти истории нашей жизни. Это дает нам основание думать, что вся эта история в целом, помимо сознания, хранится в личности и что на ней-то и основана эмоция. В сознание поочередно входят и остаются в нем на короткое время лишь отдельные картины воспоминаний, как представители и указатели, всей их совокупности. Эти картины переживаются как представители целостной данности, (благодаря соответствующим эмоциям - они являются вам под покровом этих эмоций.

Аффективное переживание протекает для личности именно так, оставаясь неосознанным во всей своей полноте. Это, на первый взгляд рискованное заключение, перестанет казаться парадоксальным, если мы обратимся к анализу содержаний сознания во время аффекта. Когда, скажем, матери телеграммой сообщают о смерти сына, она тут же впадает в аффективное состояние, часто не осознав еще полиостью значения переданных по телеграфу слов. Того, что успевает поступить в ее сознание в момент возникновения аффекта, еще не достаточно для порождения состояния столь тяжелого душевного потрясения. Все значение происшедшего бессознательно становится основой ее аффекта и глубоко закрепляется в самых недрах ее личностной организации раньше, чем какое-либо явление могло бы поступить в поле сознания. Впоследствии, когда она предается воспоминаниям о разных событиях из жизни сына, то, чем живее картины этих воспоминаний, чем больше они заполняют сознание, тем сильнее становится ее горе, хотя эти воспоминания относятся часто к событиям счастливым, радостным. Происшедшее несчастье не является в это время содержанием сознания, но оно, тем не менее, проявляет себя - неосознанно.

Многочисленные психологические наблюдения заставляют думать, что наше душевное состояние в каждом отдельном случае не исчерпывается тем, что представлено в сознании. Наблюдения говорят в пользу того, что сознательные и бессознательные психические процессы создают единую целостную структуру, в рамках которой протекает наша повседневная душевная жизнь.

По нашему мнению, о существовании бессознательного психического наиболее убедительно свидетельствуют познавательные процессы, что до сих пор не принималось в должной мере во внимание при рассмотрении проблемы бессознательного. Исследователь, не признающий наличия осмысленной психической деятельности вне сознания, не способен разъяснить, как может, например, иметь месте факт, известный под названием апперцепции, или как получается, что значения тех слов, которыми мы пользуемся при рассуждении, оставаясь неосознанными, тем не менее, участвуют в процессе мышления. Наблюдения показывают, что предложение с заключенной в нем мыслью обретает свою/ структуру вне сознания, раньше, чем мы это предложение произносим.

Когда мы внезапно прерываем речь нашего собеседника, в поле онашего сознания часто не содержится ни одной мысли, для выражения которой мы прервали говорившего. И все же каким-то образом мы ясно ощущаем, что именно мы хотели высказать, равно, как и уверенность в том, что истинным является именно то, что мы хотим сказать. Основой нашей уверенности и определяемого ею действия становится некая бессознательная данность.

К тому же выводу мы будем вынуждены прийти, если на время наблюдения взглянем на обсуждаемый вопрос с чисто логической точки зрения. Ведь если бы высказываемое не существовало еще до начала речи, а создавалось только в процессе разговора, то тогда речь ?была бы вообще невозможна. Ради чего стал бы тогда человек говорить? Какой был бы смысл произносить первое слово, которое внг связи с последующим, не скажет ничего ни говорящему, ни слушателю? Бывает, конечно, и так, что говорящий сначала осознает для самого себя, а потом уже вербализует то, что он хочет оказать, для других. Но это не меняет дела, ибо речь так же нужна для говорящего, как и для слушающего. Все это - аргументы в пользу представления, согласно которому содержания нашего сознания оставались бы в своей динамике непонятными, если бы они не входили в психическую структуру, часть которой остается вне сознания. Объем нашего сознания настолько узок, что он не может уместить непосредственно в своем июле зрения даже одно длинное предложение. Смысл каждого прочитанного предложения как бы переходит в бессознательное и уступает сознание мыслям, заключенным в новых строках, не прерывая, однако, связи с этими мыслями, или, иначе говоря, смысл, перейдя в бессознательное, не отрывается от мира сознания.

Когда мы смотрим кинокартину, появляющийся на экране кадр становится понятным благодаря кадрам, уже ушедшим с экрана, хотя эти последние в данный момент и не осознаются. В переживании последнего кадра как бы бессознательно участвуют все предшествующие кадры, вся уже просмотренная картина. Быть представленной в сознании целиком и сразу кинокартине так же невозможно, как это невозможно для нее и на экране. Осознание в различные моменты времени отдельных отрезков кинофильма не могло бы создать о нем полного представления, если бы эти, растянутые во времени акты сознания не имели общей основы. Но такую основу мы не можем обнаружить в самом сознании. Эта основа создается в находящейся вне сознания сфере психического под влиянием кадров, прошедших через сознание. Именно там обретает целостную структуру то, что заключено между началом и концом кинокартины. Именно там кинокартина формируется как целостная смысловая данность. И все это относится ко многим другим явлениям, которые даются нам развернутыми во времени.

Подлинная психология знания пока фундаментально не изучена. Согласно распространенному взгляду, знание обязательно должно стать фактом сознания для того, чтобы принять какое-либо участие в душевной жизни. Между тем, наблюдения над явлениями жизни свидетельствуют о том, что чаше всего знание сродни навыку в том смысле, что оно принимает участие в душевной жизни и ложится в основу понимания и осмысления различных явлений, не будучи само сознаваемо. Так, например, когда Отелло в конце своего последнего монолога наносит себе удар кинжалом, его поступок кажется совершенно естественным и понятным, несмотря на то, что наше сознание непосредственно занято только тем, что происходит на сцене в этот момент. История, подготовившая самоубийство, дана нам бессознательно в виде знания одновременно с представленными на данный момент в сознании конкретными содержаниями, однако дана настолько актуально, что, если мы по какой-либо причине вернемся к ней и осознаем ее, нам может даже показаться, что она и до того была в нашем сознании. Сцена самоубийства Отелло (так же как и конец любого развернутого во времени явления) становится понятной только на основе этого нерасторжимого единства сознательного и бессознательного.

Приведенные выше примеры убеждают, что нельзя ограничивать психическую действительность пределами сознания, так же как нельзя объяснить и понять ее происхождение и характер на базе только физиологических закономерностей. Описанные факты вынуждают думать, что в основе сознания лежит целостная динамическая по характеру психологическая структура, которая так отражает и так предугадывает основные особенности данной

ситуации и будущего поведения, что ее невозможно считать явлением чисто физиологического, непсихического порядка.

Исследователи, отрицающие бессознательное психическое, вынуждены допустить существование двух существенно друг от друга отличающихся форм сознания. За одну из них принят акт, в котором субъект видит то или инее явление внешней или внутренней действительности и получает определенную информацию о ней. В единой структуре, где функционирует это сознание, различают три момента: субъект сознания, объект сознания и акт самого сознания, называемый осознанием - Bewuβtheit 120, 15; 1, 32]. Самонаблюдение подтверждает все эти три момента сознания. Поэтому мысль о нем основана не на умозаключении. Первым на это обратил внимание Ф. Брентано., Он показал, что в акте сознания субъект одновременно осознает и сам этот акт и его объект [3, 27]. Позднее У. Джемс заметил, что в этом же акте происходит осознание "Я" как субъекта познания (как субъекта, производящего данный акт) [5, 135].

Второй вид сознания называют непосредственным, или атрибутивным, сознанием и считают основным признаком психических явлений. Оно понимается не как акт субъекта, не как специфическая - сознательная (Bewuβtheitliche) направленность субъекта на объект, а как внутренняя природа психического явления, как его самое существенное свойство. В первом случае сознание от субъекта направлено на объект, во втором же оно, наоборот, наличествует в психическом явлении как его основное свойство и отсюда получает направленность на субъект. Осмыслить иначе непосредственное сознание не удается, а в данном виде его осмысление связано с множеством затруднений.

Непосредственное, или атрибутивное, сознание - понятие гипотетическое. Самонаблюдение ничего не может сообщить нам о содержании этого понятия. Обоснование его существования, признание его на основе умозаключения наталкивается на еще большие трудности, чем признание идеи бессознательного психического (более подробно об этом см. [16, 41-50]. Если бы непосредственное сознание было существенным признаком психического, то его на каждом шагу должно было (бы подтверждать самонаблюдение, т. к. психическое, дачное без своего существенного признака, не может быть психическим. Но пока никто еще не встречал сознания, даже сознания боли, которое не являлось бы нашим сознательным (Bewuβtheitliche) отношением п не подразумевало бы известную трехчленную схему. Боль нам всегда дается как объект нашего сознания, а не как субъект своего собственного сознания.

И логически остается непонятным, каким образом непосредственное сознание, принимаемое за атрибут психического, становится сознанием субъекта, актом видения данного психического явления субъектом. Или, говоря иначе: как атрибутивное сознание психического может быть одновременно и сознанием субъекта?

Понятие непосредственного сознания вошло в психологию без проверки после Декарта в результате того, что сознание было им объявлено атрибутом психического. В практике психологической науки оно находит применение в качестве объяснительного понятия. Психологи, отрицающие существование бессознательного психического, привносят в психологию понятие непосредственного, или атрибутивного, сознания для того, чтобы сделать понятной первичную данность психического. По их мнению, психическое дает знать о своем существовании своим основным атрибутом - непосредственным сознанием, и это дает возможность субъекту направить на него рефлексивное сознание. Психология же, использующая понятие бессозна тельного психического, не нуждается в понятии непосредственного сознания.

Все, что было сказано выше, убеждает нас в том, что непосредственное, или атрибутивное, сознание не является характерным признаком психического. Его существование не подтверждается вообще, т. к. его не удается обнаружить посредством данных эмпирического наблюдения, а также вместить в логическую структуру, присущую понятию сознания. Что же касается понятия бессознательного, то он должно быть бесспорно признано для понимания психической активности человека, его душевной жизни. Да и само сознание и его содержание нельзя понять, не введя этого понятия.

Как следует понимать онтологическую природу бессознательного?

По мнению Фрейда, бессознательное психическое есть реальность, по своей внутренней природе мало нам понятная [17, 617]. Анализ явлений сознания, говорит он, позволяет заключить о той функции, которую выполняет бессознательное психическое, но у нас нет и не может быть никакого представления о форме существования бессознательного психического [18, 430]. Выражения, употребляемые психоаналитиками: "бессознательное желание", "бессознательное стремление", "бессознательное - представление", - "бессознательный страх" и т. д., нельзя понимать в их прямом значении. Здесь, как говорит Фрейд, перед нами "безвредная небрежность выражения" "Nachiassigkeit des Ausdrucks" [19, 276]. Эти выражения обозначают, по его мнению, проявление

бессознательной психической деятельности, подчеркивая, что, если этим явлениям удается проникнуть в сознание, то они предстают перед нами именно в виде указанных процессов.

Фрейду принадлежит особая заслуга в деле преодоления недостатков традиционной психологии, сознания, рафинированной интроспективной психологии; ему же мы обязаны и поворотом научного исследования в сторону мотивационных основ личности. Он внес большой вклад в разработку проблем, связанных с бессознательным психическим. Однако учение Фрейда не содержит в себе общей теории бессознательного и теории отношения последнего к поведению. Теория его построена в основном на данных анализа желаний и представлений, связанных с сексуальным влечением и изгнанных из сознания из-за конфликта их с нормами социальной жизни, тогда как в действительности душевная жизнь имеет совершенно другие, более широкие истоки. "Изгнанные" желания, по учению самого Фрейда, не занимают доминирующего места в мотивационной структуре личности. Поэтому они и "изгнаны". Их подчиняет себе, им отрезает путь в сознание "цензура", основывающаяся на высоких моральных мотивах. Именно в этом проявляются специфические особенности поведения человека, н вызывают удивление не эти желания сами по себе, а то, откуда "цензура" ("Сверх - Я"), эта чисто человеческая инстанция, приобретает такую "мощь", что ей удается задерживать, одолевать импульсы потребностей, исходящие из сильных биологических источников; она не позволяет им войти в сознание и реализоваться в поведении.

Фрейд считает, что для него функции бессознательного психического ясны. Бее его психоаналитическое учение и построено на этих функциях. Однако, по Фрейду, форма существования бессознательного не выяснена, о ней мы ничего не знаем и знать не можем.

Вряд ли, однако, можно согласиться с таким агностическим отношением к форме существования бессознательного психического, тем более если считать, что его функции выяснены. Функциональные особенности явления определяются его структурным строением. Какова структура, такова и функция; выполнить определенную функцию могут лишь определенные структурные образования. Если точно известны все функции, выполняемые каким-нибудь явлением, мы можем достаточно точно определить и структуру этого явления. А следовательно, если функции, выполняемые бессознательным психическим, установлены правильно, то мы можем определить и форму существования его самого.

Д. Н. Узнадзе пошел именно по этому пути. Согласно его учению, сфера действия бессознательного психического настолько широка, что она лежит в основе всей активности человека, как внутренней, так и внешней. Функции бессознательного не ограничиваются тем, что о них говорит психоанализ. Ни в плане поведения, ни в плане сознания, ни в плане практического действия не происходит ничего, что не было бы определено бессознательным. Концепция Д. Н. Узнадзе служит выяснению путей формирования, структуры (формы существования) и функций этого бессознательного.

По Фрейду, вытесненные желания относятся к категории потребности. Фрейд считает их основным источником психической активности и пытается последнюю вывести непосредственно из них. Однако становится все более ясным, что активность - целесообразное поведение - нельзя строить непосредственно на потребностях. Потребность сама по себе не имеет ни когнитивных функций, ни аппарата, на основе которого она могла бы получить информацию об объективных условиях поведения и по ней планировать и осуществлять соответствующие акты.

Согласно взгляду Д. Н. Узнадзе, на основе потребности, ситуации ее удовлетворения (объективного положения вещей) и психофизиологических возможностей в субъекте перед каждым актом его поведения возникает своеобразное динамическое состояние - установка, которая, оставаясь бессознательной, целесообразно, в соответствии и со структурой и с предметны^ содержанием данной ситуации, направляет развертывание процессов сознания и актов практического поведения. Установка является целостным динамическим состоянием личности, соответствующим структуре объективной ситуации, которое после своей реализации в поведении и удовлетворения потребности перестает существовать, уступая место иной установке, связанной с удовлетворением другой, новой потребности. Но и после своего исчезновения установка не устраняется бесследно: в латентном виде фиксируются и сохраняются определенные ее элементы, которые в дальнейшем, при возникновении соответствующих условий, активизируются и вмешиваются в протекание поведения. Эти фиксированные элементы установки, которую, в отличие от т. н. первичной установки, Д. Н. Узнадзе называет установкой фиксированной иногда становятся причиной ошибочных действий и иллюзий [13; 14].

Д. Н. Узнадзе считает, что фрейдовское "изгнанное желание" есть установка на удовлетворение проистекающей из сексуального влечения потребности, которой из-за ее аморального характера препятствуют нравственные установки, не позволяющие ей развернуться в виде содержаний сознания п реализоваться. "Бессознательное психическое" Фрейда и "установка" Узнадзе - это два разных "состояния" человеческой психики,

разных не только по структуре каждого из них, но и по выполняемой ими функции [17, 73]. "В учении Фрейда "бессознательное" - область, в которую результаты активности сознания принципиально не проникают" [11, 96], тогда как установка осуществляет - на основе привносимой в нее сознанием информации - акты поведения, соответствующие структуре и предметному содержанию данной объективной ситуации.

В учении Фрейда место понятия установки, выработанного Д. Н. Узнадзе, не заполнено. Оно не занято каким-то другим понятием, поэтому не многое между этими учениями может оказаться спорным в связи с понятием установки. Непримиримые противоречия между ними выявляются в другом направлении. Одно из таких противоречий заключается в том, что, по Фрейду, первой и главной силой, которая движет душевной жизнью, является сексуальное влечение (если не учитывать его поздних представлений о влечении к смерти), тогда как, согласно взгляду Д. Н. Узнадзе, эту функцию - функцию главной силы - выполняет потребность в активности, которая, дифференцируясь в соответствии с функциональными структурами, в соответствующей ситуации определяет формирование и реализацию адекватных установок.

Мы, ученики Д. Н. Узнадзе, считаем, что бессознательное, лежащее в основе протекания всей психической жизни и определяющее своеобразие процессов сознания, существует и действует в форме установок. Сегодня уже достаточно хорошо известны условия возникновения подобных установок, их внутренняя структура и закономерности действия.

Декартовская идея разобщенности, психического и телесного явно или исподволь широко применяется и теперь в попытках выяснения онтологической природы бессознательного. Бессознательное психическое мыслится в чистом виде, по аналогии с явлениями, которые психофизический параллелизм относит к психическому ряду. Поэтому оно приобретает такие свойства, которые, если их продумать до конца, требуют допущения субстанции духа.

Такого отношения не смогла избежать и установка. Одни ее считают чисто психическим явлением, другие же - явлением физического (физиологического) порядка. Здесь мы не будем останавливаться на этих взглядах. Они нами рассмотрены в другой работе [16].

О "вещественной природе" установки Д. Н. Узнадзе было сказано всего несколько фраз, значение которых по сие время до конца не выяснено. Он писал: "Возникновению сознательных психических процессов предшествует состояние, которое ни в какой степени нельзя считать непсихическим, только физиологическим состоянием" [13, 88]. При этом Д. Н. Узнадзе имеет в виду первичную, реально не расчлененную целостность, из которой наука путем абстракции выделяет физиологическое и психическое. Это подтверждает некоторые высказывания Д. Н. Узнадзе, которые мы находим в более ранних его произведениях: "Человек, как целое, - пишет он, - является не суммой психики и тела, психического и физиологического, их соединением, так сказать, психофизическим существом, а независимой своеобразной реальностью, которая имеет свою специфическую особенность и свою специфическую закономерность. И вот, когда действительность воздействует на субъект, он, будучи некой целостностью, отвечает ей, как эта специфическая, эта своеобразная реальность, которая предшествует частному психическому и физиологическому и к ним не сводится"... "В процессе взаимоотношения с действительностью определенные изменения возникают, в первую очередь, в субъекте, как в целом, а не в его психике или в акте поведения вообще"... "Это целостное изменение, его природа и течение настолько специфичны, что для его изучения не пригодны обычные понятия и закономерности ни психического и ни физиологического" [14].

Мы полагаем, что вышеуказанные положения Узнадзе построены на твердой научной диалектико-материалистической основе. Личность как субъект деятельности является и субъектом психики, поскольку всякий психический факт представляет собою акт деятельности - поведения. Субстратом личности является высокоорганизованная материя, которая не может быть сведена только к коре больших полушарий и высшей нервной деятельности, тем более когда под понятием нервной системы не подразумевают ничего другого, кроме физиологических механизмов, т. е. механических процессов.

Утверждение, что физиологическое и психологическое в своем реальном существовании - это явления, протекающие рядом друг с другом или же одно вслед за другим и вызванные своими собственными для каждого из них причинами, существующими в различном времени и пространстве, противоречит марксистскому пониманию и в своем логическом завершении приводит к концепции психофизического параллелизма и к идеализму.

Ввиду того, что установка является первичным целостным модусом, из которого путем абстракции физиология и психология вычленяют свои объекты исследования, понятие установки обладает неоценимыми методологическими и научными преимуществами перед всеми теми понятиями, которые вводились в нашу науку с

целью определения психологических закономерностей поведения, в структуре которого функционирует бессознательное психическое. Теория установки в том смысле, который придал ей Д. Н. Узнадзе, является глубоконаучной и оригинальной теорией бессознательной деятельности психики в связи с основными проблемами поведения.

5. Concerning the Ontological Nature of the Unconscious. Sh. N. Chkhartishvili

D. Uznadze Institute of Psychology, Academy of Sciences, Georgian SSR. Tbilisi

Summary

Attributive consciousness-recognized as an essential feature of the psychics by Descartes - is a hypothetical concept. Its validity is proved neither by empirical observation nor by judgement based on correct logical premises. The idea of the unconscious, however, is dictated by observation of the actual course of events.

Freud attempted a functional definition of the unconscious, without stating anything about the form and structure of its existence. Working from the idea of the unity of structure and function, D. Uznadze gave-in the concept of set - a definition of the form and structure of the unconscious. The two authors differ also in their conception of the function of the unconscious.

According to Uznadze the ontological nature of the unconscious, i. e. set, cannot be conceived of in purely physiological or purely mental terms. Set constitutes the primary - mentally and physiologically integrate - state of personality, out of which the purely physiological and purely mental are derived only through abstraction.

Литература

1. Бочоришвили А. Т., Проблема бессознательного в психологии, Тб., 1961.

2. Бочоришвили А. Т., К методологии психологии, Тб., 1966 (на груз. яз.).

3. Брентано Ф., О внутреннем сознании. Новые идеи в философии, 15, 1914.

4. Гартман Э. К., К понятию бессознательного. Новые идеи в философии, 15, 1914"-

5. Джемс У., Научные основы психологии, 1902.

6. Зеньковский В. В., Проблема психической причинности, 1914.

7. Лейбниц Т. В., Новые опыты о человеческом разуме, 1936.

8. Леонтьев А. Н., Деятельность. Сознание. Личность, М., 1975.

9. Маркс К. и Энгельс Ф., Немецкая идеология, 1934.

10. Новые идеи в философии, сборн. 8 - Душа и тело, 1913.

11. Прангишвили А. С, Исследования по психологии установки, Тб., 1967.

12. Спиноза Б., Этика, 1933.

13. Узнадзе Д. Н., Экспериментальные основы психологии установки, Тб., 1961.

14. Узнадзе Д. Н., Основные положения психологии установки, Труды ТГУ, XXV, 1941 (на груз. яз.).

15. Фон-Шуберт Зольдерн Р., О бессознательном в сознании. Новые идеи в философии, 15, 14, 1914.

16. Чхартишвили Ш. Н., Проблема бессознательного в советской психологин, Тб., 1966.

17. Шерозия А. Е., К проблеме сознания и бессознательного психического" т. 1,2, Тб., 1969, 1973.

18. Geiger, M., Fragment iiber den Begriff des Unbewuβten und die psychische Reahlat. Jahrbuch fur Philosophie und phanomenologische Forschung, Halle, 1921.

19. Freud, S., Die Traumdeutung, Ges. Werke, Bd. II-III, 1900.

20. Freud, S., Einige Bemerkungen fiber den Begriff des Unbewuβten Ges. Werke, Bd. VIII, 1913.

6. Закономерности формирования и действия установок различных уровней. Ш. А. Надирашвили

Институт психологии им. Д. Н. Узнадзе АН Груз. ССР, Тбилиси

Вопросы бессознательной психики изучаются у нас в контексте исследования закономерностей установки. Эта традиция не будет нарушена и в данной работе. Роль бессознательной психики в человеческой активности мы попытаемся выяснить в процессе изучения закономерностей установки.

Как известно, установка представляет собой предварительную готовность человека к какому-либо действию, которая определяет характер протекания человеческого поведения и его психических процессов. Со своей стороны, установка возникает под воздействием внешней среды и внутренних тенденций человека, благодаря чему обеспечивается целесообразное протекание человеческого поведения. Установочное поведение осуществляется в соответствии с потребностями человека и требованиями внешней действительности.

При изучении вопросов установки следует особо подчеркнуть различие, существующее между "актуально-моментальной" установкой и "диспозиционно-подкрепленной". Кроме многих общих свойств, их характеризуют и различия, нивелировка которых порождает при изучении закономерностей установки немало недоразумений.

Под актуальной установкой подразумевается специфическое психическое состояние готовности человека к определенному поведению, при котором селективно отобраны и отображены воздействия окружающей среды и внутренние потребности человека. Установка - первичная внутренняя реакция человека на актуальную ситуацию, в которой эскизно представлено дальнейшее поведение человека и на основе которой развертывается его последующая активность. Особенности структуры и содержания установки, которыми она обладает, существенно определяют характер человеческого поведения. Актуальная установка может рассматриваться как промежуточная переменная, находящаяся между внутренними и внешними стимулами и поведением человека. Она сравнительно трудно поддается изучению, выяснение ее особенностей осуществляется на основе высшей, социальной активности и мотивационных процессов человека.

На основе актуальной установки объединяются действующие з каждой отдельной ситуации внутренние и внешние факторы. Поэтому учет закономерностей формирования и действия актуальной установки позволяет понять основные вопросы целесообразной активности человека и приспособления его к окружающей среде.

Диспозиционные, фиксированные установки - это приобретенные, заученные феномены, имеющиеся в арсенале психических возможностей человека как инструментальные возможности. Сохранение диспозиционяных установок, вхождение их в систему психических инструментальных возможностей происходит селективно, по определенным закономерностям. Система диспозиционных установок позволяет охарактеризовать профиль человеческой личности. Не всякая установка может войти и зафиксироваться в структуре человеческой личности, поскольку у человека имеется множество иерархических фильтров.

Система диспозиционных установок, имеющихся в отношении основных жизненных ценностей человека, позволяет выявить его личность, его основные ориентации. В силу этого диспозицэнная установка может рассматриваться не только как промежуточная переменная, находящаяся между стимулами и поведением, но и как независимая переменная, обусловливающая в значительной степени человеческое поведение.

Знание системы фиксированных диспозиционных установок дает возможность заранее, до возникновения актуальной ситуации, выяснить тенденцию и ориентации личности, прогнозировать характер поведения, которое осуществит данная личность з той или иной ситуации.

В оилу указанных обстоятельств, если в некоторых экспериментах изучаются закономерности формирования актуальных установок и посредством этого выясняются особенности адаптации человека, то в других экспериментах исследуются фиксированные, диопозиционные установки, позволяющие охарактеризовать в определенном аспекте особенности и возможности личности и определить, какой вид поведения следует ожидать от человека в той или иной ситуации в будущем.

Но нельзя упускать из виду и того, что в некоторых экспериментах закономерности формирования и действия актуально-ситуационных и диопозиционно-фиксированных установок изучаются комплексно, без их четкого отграничения друг от друга, что иногда затрудняет ясную формулировку закономерностей действия установки. Когда же это обстоятельство становится предметом специального внимания, создается возможность получить дополнительные сведения об особенностях внутренней активности человека. Такого рода данные будут рассмотрены нами несколько ниже.

Здесь же следует особо подчеркнуть, что изучение определенных закономерностей установки позволяет рассмотреть вопросы бессознательной психики, поскольку установка в основных формах своего существования и действия, как это уже было показано в теории установки, характеризуется неосознаваемоетью. По вопросу о взаимоотношении установки и бессознательного, а следовательно, установки и сознания, было высказано у нас много различных предположений, без рассмотрения которых будет несколько затруднительно дать ясную формулировку того положения, которое мы хотим изложить, исходя из определенных экспериментальных данных.

Было высказано предположение, что установка - это бессознательное явление, оказывающее на активность человека определенное влияние, но в то же время не относящееся к области психического. Основа такой квалификации установки имеет системно-методическую природу. По мнению сторонников такого воззрения, понятие бессознательного психического несовместимо с господствующим взглядом на природу психики. Поэтому то, что бессознательно, не следует считать психическим. Сходство установки с психическим и ее специфическое воздействие на поведение и сознание человека недостаточно для того, чтобы считать ее психическим феноменом. Известно, что и физическое и физиологическое оказывают определенное воздействие на сознание, однако они не превращаются вследствие этого в психические явления. Такой взгляд на установку следует считать выражением крайней фи-зикалистской точки зрения. Это воззрение находит своих защитников у онас и сегодня.

Представители Вюрцбургекой школы несколько смягчили такой альтернативный подход к установке. Установка рассматривается имя не только как сознательное или бессознательное явление. По их мнению, следует различать между собой наглядные и безобразные содержания сознания. Установка - это такое содержание сознания, которое не обладает наглядностью. Более того, она - целостное общее состояние сознания, которое не может быть обнаружено в сознании в виде отдельного содержания. Такое решение вопроса, однако, лишь в некоторой степени смягчило попытку альтернативного решения данной проблемы. Для представителей Вюрцбургекой школы установка - это такое явление сознания, которое хотя и лишено чувственности, наглядности, но все же представляет собой содержание сознания, неведения о ее природе могут быть получены непосредственно из анализа сознания.

Примерами установки они считают такие феномены, которые являются хотя и специфическими, по все же содержаниями сознания: намерение, целенаправленность, общую интенцию и пр. Однако психологии известно множество фактов, ясно указывающих - особенно з свете работ психоаналитиков - на такие психические явления, которые не имеют в сознании даже ненаглядного характера. Наряду с безобразными переживаниями в психологии хорошо известны факты бессознательного психического.

В общепсихологической теории Д. Н. Узнадзе установка считается бессознательным психическим явлением и делается попытка ее обоснования. Прежде чем привести дополнительные данные для решения этого вопроса, попытаемся выделить определенные аспекты, выяснение которых позволит нам с самого же начала избегнуть некоторых недоразумений.

В психологии говорят о многих видах бессознательного психического, обозначая их терминами бессознательное, предсознательное, несознательное и пр. Мы хотим указать лишь на два вида - бессознательного, которые необходимо различить при изучении психической активности человека: а) бессознательные психические феномены первого вида генетически обусловлены и действуют на ранних ступенях психического развития, они используются для характеристики психической активности животных и большого класса импульсных действий человека; б) второй вид бессознательных психических феноменов возникает в результате специфической психики и сознания. Они влияют на процессы мотивации, течение преднамеренного поведения, и лишь их выявление позволяет более глубоко понять психику человека.

Как известно, на ранних этапах филогенетического развития организмы как биологические системы производят (материальный обмен с действительностью. Необходимую для такого обмена активность они осуществляют в том случае, если вступают в контакт с нужными им предметами. Однако в дальнейшем, на более высокой ступени развития, организм вступает во взаимоотношение не только с предметами, находящимися с ним в непосредственном контакте, но и с теми объектами, полезность или вредность которых он распознает на расстоянии. В силу этого организм стремится к определенным предметам или избегает их. Такое специфическое отношение к действительности позволяет нам говорить об индивиде не только как о биологической системе, ни и как о психической.

Индивид как психическая система устанавливает взаимоотношения с предметами и явлениями на пространственно-временной дистанции. Вся та активность, которую выполняет человек до того, как приблизиться к предмету и вступить с ним в контакт, или, наоборот, уклониться от замечаемого еще нздалека вредного объекта, может считаться психической активностью индивида. В этом случае сами предметы не вызывают непосредственно человеческой активности. Эта последняя осуществляется на основе потребностей в объектаих и чувственных данных, возникающих под (воздействием таких предметов.

В специальном анализе нуждаются те психофизические механизмы, которые, с одной стороны, обеспечивают связь между предметно-чувственными содержаниями и потребностями индивида в предметах, а с другой, - обусловливают целесообразную активность человека по отношению к среде и своему внутреннему состоянию. Под понятием установки подразумевается целостное состояние индивида, отражающее потребности индивида и соответствующую ситуацию, на основе чего становится возможным осуществление целесообразного поведения без вмешательства сознания.

О проблеме бессознательного в психологии говорят, имея в виду и высший уровень психической активности. Как известно, человеческая деятельность обусловливается не только взаимоотношениями с предметной действительностью, но и взаимоотношениями людей. В поведении личности наряду с предметной средой отражаются и социальные требовании. Однако нужно отметить, что человек считается с социальными требованиями не только под влиянием социальной среды, но и в силу своих внутренних тенденций, побуждающих его вступить во взаимосвязь с другими людьми, устанавливать определенные отношения с социальной средой. Такого рода тенденции человека, стремление его к контактированию сформировались в процессе филогенеза, а впоследствии - во взаимоотношении с социальной средой.

По нашему мнению, это обстоятельство находит свое подтверждение в социально-психологических эффектах сосуществования, соактив-ности, социального подкрепления и т. п., многие стороны которых были изучены в социальной психологии и закономерности которых исследуются нашей лабораторией [7]. Эффекты сосуществования и соактивности, как известно, состоят в том, что люди в зависимости от того, будут ли они действовать одни или в присутствии других, достигают различных успехов в выполнении своей обычной, хорошо сложившейся деятельности. В присутствии других людей, когда последние находятся в ситуации действия человека (сосуществование) или осуществляют активность того же вида, что и индивид (соактивность), деятельность человека осуществляется с большим успехом, чем тогда, когда индивид работает изолированно. Особое влияние на поведение человека оказывают реакции согласия или несогласия, выражаемые другими людьми в отношении его деятельности. Высказанное другими согласие усиливает, а несогласие ослабляет эффективность выполняемого человеком поведения. Этот эффект имеет место независимо от того, будут или не будут осознаваться индивидом реакцлл согласия-несогласия с его поведением.

Подобного рода факты ясно указывают на первичную социальную природу человека, на социальный характер его психики. Перечисленные нами эффекты проявляют себя до того, как будет осознано взаимодействие людей. Они осуществляются в процессе действия неосознаваемых психических механизмов, формирующихся в процессе филогенетического развития.

Помимо указанных феноменов, в психологии известны такие виды бессознательной психической активности, которые формируются с участием сознания, однако в дальнейшем, в результате внутренней структурной реорганизации, они преобразуются в установочно-бессознательные состояния. В этом случае они, даже не входя в поле сознания, оказывают значительное влияние на психическую активность человека. Такими феноменами могут считаться неосознаваемые фиксированные соци а л ьные установки.

В целом, можно сказать, что в человеческой активности бессознательное психическое действует в основном в виде фиксированной установки. Фиксированная установка может стать актуальной и влиять на активность человека, не будучи осознаваемой, хотя она непосредственно при этом включается в структуру сознательно запланированного поведения. Изучение такого рода особенностей фиксированной установки - становится

возможным путем объективного анализа поведения. Выясняется, что без учета закономерностей фиксированной установки, участвующей в поведении неосознаваемым для субъекта образом, невозможно бывает понять природу психической активности человека. Это положение убедительно подтверждается результатами экспериментальных исследований, проведенных в нашей лаборатории.

1. Как известно, в последнее время в психофизике был установлен т. н. "закон Хика", выражающий связь между количеством переданной под воздействием стимула информации и временем реакции выбора. Было установлено, что для выбора соответствующего ответа необходимо тем больше времени, чем большую информацию несет в себе стимул. Например, реакция, даваемая индивидом в ответ на появление на экране прибора одного из четырех определенных стимулов, требует меньше времени, чем реакция на один из шести возможных стимулов. В этом последнем случае каждый стимул содержит больше информации и соответственно выбор ответа требует больше времени. Однако впоследствии было установлено, что этот закон теряет силу, когда в опытах в качестве стимулов используются буквы или цифры [12].

В экспериментах, где в качестве стимулов использовались буквы или цифры, не имело никакого значения предварительное соглашение между испытуемыми и экспериментаторами о количестве различных видов стимулов. Для объяснения этого обстоятельства были высказаны различные предположения, однако ни одно из них не смогло прояснить проблему [6].

Нашим сотрудником (О. А. Берекашвили) была проведена экспериментальная работа, основанная на гипотезе, по которой в отношении букв и цифр у испытуемых выработана фиксированная установка, как на определенный класс явлений, в силу чего их подразделение на подклассы, по инструкции экспериментатора, затрудняется. Экспериментальные исследования подтвердили данное соображение. Выяснилось, что у испытуемых заранее можно создать экспериментальным путем установочное ожидание того, что на экране прибора из какого-либо определенного количества стимулов появится один возможный раздражитель. В этом случае инструкция экспериментатора, которая отличается от созданного у испытуемого установочного ожидания, уже не меняет положения дел. Реально индивид совершенно непроизвольно и бессознательно выбирает свой ответ на каждый стимул на фоне фиксированного класса стимулов.

Именно поэтому испытуемые, несмотря на изменение инструкции, показывают одно и то же время реакции. Это постоянное время реакции выбора соответствует количеству информации, содержащейся в каждом стимуле и определяемой объемом фиксированного класса [2].

Данное исследование показало, что часто, опираясь лишь на инструкцию экспериментатора и игнорируя фиксированные установки испытуемых, невозможно бывает точно вычислить количество информа-ции, которое содержит для испытуемого отдельный стимул. Нередко наличие таких фиксированных установок и их участие в активности остается совершенно неизвестным их субъекту. И это понятно, поскольку фиксированная установка - психическая структура, участвующая в активности индивида, не будучи им осознаваема. Таким образом в психических опытах, в которых исследуется практическая деятельность индивида, может участвовать бессознательная фиксированная установка, оказывающая влияние на категоризацию стимулов, на их объединение в определенные классы, от чего существенно зависит продолжительность реакции выбора.

Такого же рода интересные факты неосознаваемого влияния фиксированной установки были установлены в сфере еенеомоторной активности человека.

В нашей лаборатории были экспериментально изучены закономерности фиксации моторной установки и ее влияния на последующую активность человека. Однако наиболее значительным в этом исследовании оказался тот факт, что в гаптичеекой сфере люди, при выполнении и оценке моторной активности в целостном сенсомоторном поле, опираются на некое фиксированное психическое образование, выполняющее роль эталона. Движение такой величины мы назвали "базис-эталоном" еенеомоторной сферы. В зависимости от размеров поля, з котором испытуемому приходится действовать (площади дооки или листка бумаги), базис-эталон претерпевает почти пропорциональное увеличение или уменьшение.

Выяснилось, что в данном сенеомоторном поле каждый испытуемый располагает базис-эталонным движением определенной величины, которое он в отличие от других движений выполняет и повторяет более точно. Помимо того, всякое другое движение будет осуществляться и повторяться тем точнее, чем ближе будет оно к базис-эталону и наоборот. В то же время люди имеют тенденцию занижать заданные движения больших по сравнению с базис-эталоном размеров, а движения меньшей величины за!вышать, т. е. приближать к базис-эталону. Сами испытуемые не замечают этой тенденции, поскольку они переоценивают движение, которое больше базис-эталонного, и недооценивают движение меньших размеров. Здесь действует закон, установленный нами при

изучении действия фиксированной установки. Под воздействием фиксированной установки последующие движения ассимилируются с фиксированными установочными движениями, уподобляются им, тогда как оцениваются они контрастно-иллюзорно.

Анализ полученных данных показал, что базис-эталон может рассматриваться как фиксированное установочное образование, оказывающее значительное влияние на точность выполнения и оценки моторного движения, не будучи при этом осознано испытуемым.

Таким образом, можно сказать, что на уровне практической активности человека происходит такая категоризация предметного воздействия и такая организация ответной реакции на него, понять природу которых не представляется возможным, если не учитывать закономерности бессознательного действия фиксированной установки.

2. Согласно теории Д. Н. Узнадзе, установка определяет не только практическую деятельность человека, но и интеллектуально-познавательную активность.

После того, как были отвергнуты основные принципы ассоциационистской психологии, выяснилось, что мышление так же, как и практическое поведение человека, представляет собой целостную и завершенную активность. Оно начинается внутренней подготовкой человека к определенной активности и завершается решением поставленной задачи. Сам процесс мышления характеризуется такими свойствами, как "направленность", "замкнутость", "тенденция детерминации" и пр. Дальнейший анализ показал, что такие свойства мышление приобретает на основе специфической "теоретической установки".

В отличие от установки, определяющей практическое поведение, факторам формирования теоретической установки, как показал Узнадзе, является потребность разобраться в обстоятельствах, препятствующих привычному протеканию активности, объективным же фактором - конфликтная, проблемная ситуация, без осмысления которой невозможно осуществление целесообразного поведения. При многократной реализации такой теоретической установки, направленной на решение однородных задач, наблюдается фиксация ее структурно-содержательных сторон. Этим путем мышление на основе фиксированной установки приобретает одно из таких своих важнейших свойств, как транспозиция [9].

В зарубежной литературе установка часто понимается односторонне - как механизм, обусловливающий ригидность мышления. Например, в исследовании Лачинса показано, что путем многократного решения по одному и тому же методу серии сходных задач происходит фиксация соответствующей установки, вследствие чего более легкая задача решается по тому же методу [11]. По мнению Лачинса, подобная ригидность познания обусловливается установкой мышления, которая способствует решению типических задач, однако мешает в измененной ситуации. Такое одностороннее понимание установки не соответствует теории установки Узнадзе. Установка обеспечивает целесообразное протекание мышления и вообще всякой деятельности и лишь иногда, в случае сверх фиксации, препятствует активности.

Существует еще одно крайнее понимание установки, которое в последнее время развивает Фресс. Согласно этому взгляду, установка представляет собой готовность субъекта к принятию определенных содержаний, поэтому ей доступна селекция стимулов. От действий установки следует, однако, четко отграничивать влияния, эффекты актуализированных под непосредственным воздействием ситуации перцептивных и интеллектуальных схем, которые участвуют в организации человеческой активности как независимые от установки факторы. Игнорирование этого отличия также не соответствует духу теории установки Узнадзе.

Наше экспериментальное исследование, ставящее целью изучение процессов обобщения, показало, что если субъект производит разные формы обобщения, то подбор и изменение нужных стратегий происходит при этом установочно, бессознательно.

В экспериментальном исследовании, проведенном методам анаграмм, было показано, что в процессе решения задач у испытуемых фиксируется не только установка на решение задач определенным путем (например, в бессмысленных словах - перемещением букв определенным жестко фиксированным способом для получения осмысленных слов), но и установка решения их таким образом, чтобы получать сло-ва, обозначающие предметы определенной категории. При этом испытуемые совершенно не осознают, что существует и другой путь решения анаграмм и что они почему-то получают слова лишь какой-то определенной категории [|5].

Интересные результаты были получены также в экспериментах, в которых испытуемых "прошли оценить личность друг друга и затем каждому из них сообщали, что они могут прочесть оценку своей личности другими в

анаграммах путем перемещения в них букв. Выяснилось, что в большинстве случаев испытуемые составляли из анаграмм, которые допускали двоякий способ их прочтения, слова с положительной характеристикой, тогда как весьма затруднялись прочесть слова отрицательного свойства. Следовательно, прочтение желательного слова было облегчено, а неприятного - затруднено.

Не менее любопытные данные были получены путем дефиксации метода решения анаграмм. Как уже сообщалось, экспериментатор мог выработать у испытуемого установку прочтения осмысленного слова путем перемещения букв в определенной последовательности. Выяснилось также, что если дать испытуемому возможность аналогичным путем составить из анаграммы слово нежелательного характера, произойдет дефикоация его установки. В дальнейшем такие испытуемы? гораздо сильнее затрудняются в прочтении анаграмм, чем те, которым не приходилось решать неприятные им анаграммы. В подобных экспериментах оставалась совершенно незамеченной испытуемыми как фиксация, так и дефикеация установки, лежащей в основе выполнения работы определенным методом.

Таким образом, в экспериментальной ситуации можно зафиксировать у испытуемых установку на решение, при которой бессознательно будут заранее определены как метод решения, так и предметная категория действительности, в которой подыскивается нужный ответ. Следует, однако, отметить, что осознание экспериментальной ситуации во многом помогает в организации и эффективном использовании теоретических установок.

3. Помимо практических и теоретических установок у человека имеются и т. н. социальные установки, формирующиеся у него в условиях социальной (Среды. В формировании социальных установок участвуют следующие факторы:

а) в социальной психологии хорошо известны эффекты (сосуществования, со активности, сотрудничества и т. д., оказывающие существенное влияние на активность человека, на его работоспособность. Особо следует отметить, что люди, включенные в социальные взаимодействия, выражением своего согласия или несогласия с активностью партнеров соответственно ослабляют или усиливают их деятельность. Такого рода социальные воздействия участвуют в подготовке человека к выполнению деятельности и составляют один из факторов формирования установок социально-психологического типа;

б) у людей с 11-12-летнего возраста вырабатывается способность действовать в соответствии с теми "социальными ожиданиями", которые имеются у них в отношении друг к другу. Указанная тенденция также является одним из объективных факторов создания социальной установки [3];

в) на социальную активность личности существенное влияние оказывают социальные требования, предъявляемые ей обществом. Эти требования рассматриваются личностью з виде обязательств, социальных норм, традиций, этикета и т. п. Установка, находящаяся в основе социального поведения, формируется в результате совокупности воздействия витальных потребностей, физической среды и социальных требований.

Социальные установки представляют собой такую форму готовности личности к повелению, в формировании которой существенную роль играет сама личность Ни в одну из ранее рассмотренных установок сознание человека не вносит столь значительный вклад, как в установки социальные. Именно поэтому социальные установки человека и по структуре и по содержанию намного богаче и сложнее остальных.

Одной из специфических особенностей установки является то, что наряду с объектами, на которые она направлена, в ней всегда отражается также позиция, отношение личности к данным объектам. Эта позиция находит свое выражение в человеческом сознании в виде их приемлемости-неприемлемости.

Отношения принятия-непринятия явлений сами но себе могут быть классифицированы и шкалированы в виде определенной системы. Однако какую позицию в этой системе займет индивид в каждом отдельном случае, какая социальная установка сформируется у него, зависит от определенных психических закономерностей.

Это свойство социальной установки характеризоваться степенью личностной приемлемости-неприемлемости явлений, выражать определенную позицию, обозначается термином валентность.

Законы формирования и изменения валентности социальной установки позволяют раскрыть природу этой последней. Здесь же следует отметить, что валентность установки формируется на основе развития ее

селективности. Что же касается селективности установки в сфере психофизической и познавательной активности, то об этом речь у нас шла несколько выше.

Экспериментальные исследовании показывают, что люди, опираясь на социальные установки, оценивают явления по знаку "принятия-непринятия". Выяснилось, например, на основе исследований, проведенных в нашей лаборатории, что, когда испытуемым приходится многократно оценивать резко неприемлемые действия, у них фиксируется установка "жесткой позиции", в силу чего нейтральные и даже мало приемлемые действия по контрасту оцениваются намного более приемлемыми, чем в том случае, когда те же самые действия оцениваются без предварительной фиксации установки [8]. Сходные результаты были получены в экспериментах над работниками юстиции, долгое время работавшими в суде и имеющими, естественно, определенные фиксированные установки в отношении оценки преступных действий [4].

Нами была установлена еще одна интересная особенность психики. Оказалось, что существует закономерная связь между ассимилятивно-контрастной оценкой явлений, производимой на основе социальной установки, и теми изменениями, которые претерпевает сама социальная установка.

Выяснилось, что когда высказанная относительно какого-либо объекта точка зрения не слишком отличается от собственной позиции индивида, (выражающейся в его социальной установке, то в таком случае она асоимилятивно оценивается как еще более приемлемая, близкая для него, в то и же время резко отличная от его взглядов позиция кажется еще более неприемлемой и далекой, чем это есть на самом деле.

Под воздействием установки сознание личности изменяется, таким образом, по законам контраста и ассимиляции. Совершенно иной характер имеет изменение самой социальной установки. Для описания этого изменения нам пришлось ввести особую терминологию. Изменение социальной установки в направлении приближения к воздействующей позиции мы называем "аккомодацией" установки, если же фиксированная установка отдаляется от воздействующей позиции, то это явление будет именоваться "репудиацией" установки.

В результате экспериментальной работы выявилось, что если человек, имеющий престиж, оказывает на испытуемого воздействие с позиций, отличных от социальных установок последнего, то в оценке испытуемым этой позиции проявляются следующие законы:

а) взгляды, близкие к позициям, отраженным в социальной установке индивида, ассимилятивяо кажутся еще более близкими;

б) позиции, отличающиеся от социальной установки индивида, контрастно оцениваются как еще более отдаленные;

в) установка испытуемого в зависимости от того, какой эффект вызывает она в сознании ее субъекта - ассимиляцию или контраст, испытывает аккомодацию, приближается к позиции, идущей от носителя престижа [10].

В иных психологических условиях действуют другие законы. Выяснилось, например, что когда люди под влиянием социальных требований осуществляют поведение, соответствующее позиции, отличной от их социальной установки (или принимают обязательство, что выполнят такое поведение), то начинают действовать специфические законы смены установки. У испытуемых после выполнения подобного поведения социальные установки (меняются в направлении приближения к осуществленному действию, т. е. наблюдается аккомодация их установок к позиции выполненного поведения. С обратным положением мы имеем дело при осуществлении испытуемыми поведения, лишь незначительно отличающегося от их позиций. В этих условиях социальные установки испытуемых отдаляются от позиций выполненного поведения, наблюдается феномен "репудиации" социальных установок [1].

Закономерности смены и фиксации социальной установки и ее воздействия на сознание человека представляют собой специфическое выражение психики как целостной системы. Психика человека как целостная система может рассматриваться в виде единства фиксированных установок различных уровней. На основе вышеприведенных данных можно сформулировать общий закон внутренней установочной совместимости элементов этой системы. Фиксация отдельных установок имеет место в том случае, когда они согласуются с существующей общей системой фиксированных установок и на их основе успешна осуществляется нужное поведение. Смена же установок наблюдается, когда они или осуществленные на их основе действия несовместимы со всей системой личности. Такое положение наблюдалось в наших экспериментах в случаях, когда на фоне определенной установки осуществлялась конфликтная моторная или оценочная активность, или если на основе социальных

требований и обязательств испытуемым приходилось выполнять поведение, несовместимое с их фиксированными установками.

В силу закона психологической совместимости у индивида возникает тенденция выполнять активность какого-то определенного направления. Такая тенденция создается у человека под воздействием реальных закономерностей, независимо от его сознания, и поэтому изучение ее как результата действия определенной системы должно происходить объективно, "извне". Человеческая психика, несмотря на возрастающее участие в ней сознания, всегда остается подчиненной определенным структурно-объективным закономерностям, которые обусловлиВаЮТ активность индивида независимо от сознания, а именно в этом проявляется роль и значение бессознательного.

6. The Regularities of the Formation and Action of Sets of Various Levels. Sh. A. Nadirashvili

D. Uznadze Institute of Psychology, Georgian Academy of Sciences. Tbilisi

SUMMARY

The peculiarities of the various levels of mental activity are discussed and an attempt is made at their interpretation on the basis of the theory of set. The regularities of sets underlying the mental activity of the levels of psychophysical cognition and social interaction are described differentially.

The peculiarities of the performance of motor tasks were experimentally studied in the sensorimotor field. In this field human beings were found to carry out reference-point movements of definite size in respect to which they unconsciously engage in various motor activities. Reference points assimilate such movements that differ from them; at the same time, however under their influence, other movements are perceived as being even more distinct, i.e. are judged contrastively. Reference points are shown to constitute fixed sets, the Ss being unaware of their operation; vet, under their influence dissimilar movements are assimilated and judged contrast-

Using the methods of concept formation and of anagrams in the sphere of cognition, it was found that in solving intelligence problems the S worked from fixed sets which reflect definite intellectual schemata and object categories.

The regularities of the formation and change of the person s sets tor social objects in the process of personal interaction were studied experimentally. These regularities are represented in consciousness as valencies ol acceptance-rejection. Fixed sets influence a person's judgement of social objects: like objects are judged assimilatively, whereas sharply differing ones contrastively. Fixed sets lead to a contrastive-assimilative effect in judgement. However, given appropriate conditions, a fixed set may change towards the stimulus object or away from it. Stimulus objects lead to the accomodation or repudiation of fixed sets.

Understanding and accounting for the mental activity at various levels are feasible on the basis of the foregoing types of set.

Литература

1. Балиашвили М.С., Компромиссное поведение и смена социальной установки, Мацне, 2, 1976.

2. Берекашвили О. А., Время реакции выбора и установка. Автореферат канд. диссертации, Тб., 1969.

3. Гомелаури М. Л., Вопросы мотивационного значения социальных ожиданий, Тб. 1968 (на груз. яз.).

4. Гомелаури М. Л., Взаимоотношение роли и аттитюда в социальном поведении личности. Сб.: Волросы инженерной и социальной психологии, Тб., 1974, стр. 131-144.

5. Дарахвелидзе Г. В., Влияние потребности на направленность мышления. Сб.: Проблемы формирования социогенных потребностей, Тб., 1974.

6. Леонтьев А. Н., КРИНЧИК Е. П., Переработка информации человеком в ситуации выбора. Сб.: Инженерная психология, М., 1964, стр. 195-225.

7. Надирашвили Ш. А., Социальная психология личности, Тб., 1975.

8. Небиеридзе А. Д., Действие установки в различных сферах психической активности. Сб.: Экспериментальные исследования по психологии установки, т. 5, 1971.

9. Узнадзе Д. Н., Общая психология. То., 194Э, стр. 353-357.

10. Чарквиани Д. А., Степени коммуникативного противоречия, созданные убеждающим сообщением, и смена социальной установки. Сб.: Вопросы инженерной и социальной психологии, Тб., 1974, стр. 153-165.

11. Luchins, A. S. and Luchins, E. M., Rigidity of Behavior, Oregon Books, 1959.

12. Mowbray, G. H., In: Quart. J. Exper. Psychol., vol. 12, 1960.

7. Контрастная иллюзия, бессознательное и установка. В. В. Григолава

Институт психологии им. Д Н. Узнадзе АН Груз. ССР, Тбилиси

Согласно взгляду Д. Н. Узнадзе, "понятие бессознательного должно быть отвергнуто и на его (место следует вводить понятие, имеющее позитивное содержание, а именно, понятие установки. Тогда станет понятным, что без установки не может существовать никакой законченный (конкретный психический процесс вообще, и для того, чтобы сознание начало действовать в наком-нибудь определенном направлении, предварительно должна быть признана активность установки, призванной для того, чтобы в каждом отдельном случае дать направление этому сознанию" [3, 37].

Как известно, эту точку зрения Д. Н. Узнадзе противопоставляет учению 3. Фрейда, считавшего, что между сознательным и бессознательным нет никакой разницы, кроме той, что они только заменяют друг друга в психике человека: то, что было дано в сознании, может перейти в бессознательное, а то, что из сознания перешло в бессознательное, может вновь вернуться в сознание. Общеизвестны противоречия, содержащиеся в этой теории, и несколько безуспешных попыток их преодоления.

Избежать трудностей, связанных с фрейдовским понятием бессознательной психики, Д. Н. Узнадзе попытался на основе экспериментов и с этой целью обратился к т. н. иллюзии веса, открытой Фехнером, и к некоторым ее аналогам, обнаруживаемым при исследовании других модальностей восприятия.

Фехнеровская иллюзия веса заключается в следующем. Если поста в,гам п ер ед и сп ытуем ым з ад а чу н е око л ько (10-15) раз подр яд сравнивать тяжелый и легкий предметы и непосредственно вслед за этим дадим ему в руки два предмета одинакового веса, то предмет в той руке, в которую он получал предварительно более легкий, ему покажется более тяжелым, чем такой же груз в другой руке, воспринимавшей предварительно предмет более тяжелый. На этот факт первыми обратили внимание Фехнер и его сотрудники (в 1860 г.), поэтому в психологии он стал определяться как "фехнеровская иллюзия веса".

В психологии известно несколько попыток объяснения этого факта.

Считали, что психологической основой иллюзии Фехнера являются переживания "взлета вверх" и "прилипания к подставке", некоторые же в качестве такой основы указывали на "бессознательное умозаключение", "моторную установку", "установку суммации" (Шульц). Однако большую популярность в свое время приобрела теория, принадлежащая Мюллеру.

Мюллер дает обсуждаемому факту следующее объяснение. В результате повторений сравнения неодинаково тяжелых предметов у испытуемого вырабатывается соответствующая "двигательная склонность", или "моторная установка". Когда мы одной рукой поднимаем большую тяжесть, а другой - меньшую, то в первой руке происходит мобилизация более мощных нервных импульсов, а во второй - более слабых. Когда затем испытуемому дают одинаковые тяжести, то мышцы первой руки, напрягаясь для поднятия более тяжелого предмета, быстрее и легче "отрывают" предмет от подставки и этот предмет "взлетает вверх", в другой же руке развивается более слабая мышечная активность, вследствие чего предмет, поднимаемый этой рукой, "прилипает к подставке". Именно эти переживания "взлета вверх" и "прилипания к подставке" определяют, что один из одинаково тяжелых предметов кажется тяжелее, другой же - легче. Без этих переживаний не могли бы возникнуть

иллюзии веса, но сами эти переживания не возникали бы, если им не предшествовала бы выработка соответствующей "моторной установки".

Почему переживания "взлета вверх" и "прилипания к подставке" вызывают иллюзорное восприятие? По Мюллеру, в это время приходят в действие бессознательные ассоциативные процессы, которые и обусловливают возникновение иллюзии: субъект "думает", что для поднятия обеих предметен он использует одинаковые импульсы, а поскольку один из предметов легко "взлетает вверх", то он должен быть легким, второй же - более тяжелым, ибо он "прилипает к подставке". Таким образом, согласно Мюллеру, иллюзия обусловливается ошибкой суждения, в основе которой лежат ассоциативные процессы. Согласно этой теории, факт иллюзии представляет собою явление, возникающее на основе бессознательного суждения.

Сходным образом объясняют и известную иллюзию Шарпантье: если испытуемый сравнивает два предмета, разные по объему, но одинаковые в других отношениях, то меньший предмет ему кажется более тяжелым, т. к. предметы одинакового веса он поднимает, применяя неодинаковые импульсы, вследствие чего один из этих предметов легче "взлетает вверх", чем другой. Следовательно, и в этом случае ошибку суждения определяют ассоциативные процессы. Эту теорию можно считать выраженной интеллектуалиетической теорией.

Доказывая, что для возникновения рассматриваемых иллюзий не имеют значения переживания "взлета вверх" или "прилипания к подставке", грузинские психологи, ученики Д. Н. Узнадзе, показали существование той же закономерности (явления контраста) в условиях, при которых совершенно исключены "взлет вверх" и "прилипание к подставке".

В 1927 т. А. Бочоришвили обнаружил аналог иллюзии тяжести в сфере пассивного давления [1], т. е. в ситуации, в которой нельзя было говорить о мышечном импульсе или "взлете вверх". Другие опыты были проведены следующим образом. При посредстве барэетезномет-ра испытуемому 15 раз последовательно давалась пара "раздражителей давления", из которых первый стимул был сильнее, чем второй (фиксационный опыт). Затем применяли два давления, одинаковых по интенсивности. Результаты этих опытов полностью подтвердили предположение: аналог "моторной установки" так же хорошо подтверждается в сфере пассивного давления, как и тогда, когда субъект поднимает, сравнивая друг с другом, два груза и когда ему кажется, будто один из этих грузов "летит вверх", другой же "прилипает" к основанию [3, 11].

Та же закономерность была выявлена в сфере слуха, в гаптиче-ской сфере, путем выработки установки на объемы и др. [3]. В последнем случае был поставлен эксперимент, ставший со временем одним из классических в психологии установки и заключающийся в следующем. Испытуемому завязывают глаза и несколько (10-15) раз дают в руки два разных по объему, но совершенно одинаковых во всех других отношениях, шара, в одну руку - меньший, в другую - больший (т. и. опыты фиксации установки), и дают задание при каждой экспозиции сравнивать их друг с другом по объему. Затем - два одинаковых шара опять-таки для сравнения их объемов. В этом случае обычно возникает контрастная иллюзия.

Таким образом, не осталось почти ни одной сенсорной модальности, где бы не устанавливалась возможность проявления обсуждаемого феномена.

Из всего этого вытекает, как указывает Д. Н. Узнадзе, что фехне-ровская иллюзия веса является лишь частным случаем общей закономерности, которая в зависимости от сенсорной модальности получает разные внешние выражения: в тактильной сфере эта закономерность ообусловливает возникновение иллюзии давления, в гаптической - иллюзии объема, в мышечной - иллюзии веса и т. д.

Таким образом, ясно, что все эти иллюзии должны иметь одну общую основу, и поэтому теория Мюллера не может адекватно отражать положение вещей.

Указать на эту общую основу пыталась т. н. теория "обманутого ожидания". Согласно этой теории, повторяющееся сравнение разных тяжестей (объемов, звуков и т. д.) вызывает в субъекте соответствующее ожидание: каждую экспозицию он встречает с определенным ожиданием, например, что в правой руке появится тяжелый предмет, а в левой - легкий. Однако в критическом опыте это ожидание не оправдывается, и иллюзию вызывает именно это "обманутое ожидание". Эта теория, как отмечает Д. Н. Узнадзе, имеет определенные преимущества перед теорией Мюллера, но и ее нельзя считать удовлетворительной, т. к. она не может объяснить результаты некоторых поставленных с целью ее проверки экспериментов. В первую очередь здесь следует указать на опыты с фиксационной установкой, проведенные в условиях гипноза.

Испытуемого погружают в состояние гипнотического сна и с ним проводят обычные установочные опыты: подают в одну руку большой шар, в другую - маленький (10-15 экспозиций) и, используя т. н. рапорт, дают задание сравнивать пиары. После установочных (фиксационных) опытов, не удовлетворяясь действием обычной постгипнотической амнезии (по выходе из гипнотического состояния субъект обычно не помнит о том, что происходило с ним во время сна), ему специально внушают, чтобы он полностью забыл все случившееся во время сна. Затем испытуемого пробуждают и проводят с ним критический опыт. Выяснилось, нто и в этом случае имеют место контрастные иллюзии, несмотря на то, что обследуемый ничего не помнит о происшедшем во время гипнотического сна и, следовательно, не имеет никаких "ожиданий". "Таким образом, можно считать доказанным, что в результате установочных опытов у субъекта возникает некоторое "внутреннее состояние", которое, несмотря на то, что оно не представлено в сознании, все же оказывает большое влияние на протекание процессов сознания и, таким образом, становится важным фактором, определяющим поведение субъекта" [4,17].

Таков обобщенный ответ Д. Н.Узнадзе на вопрос о природе обсуждаемых иллюзий. Здесь следует, однако, обратить внимание на одно обстоятельство. Согласно концепции Фрейда, бессознательное психическое может быть экспериментально изучено и его существование подтверждено Е условиях т. н. постгипиотических состояний. Получаемые при этом данные Фрейд называет "новым доказательством бессознательной психики" [6]. В чем же заключается это "новое доказательство" бессознательной психики?

Субъекту, находящемуся в гипнотическом сне, внушают, чтобы он через некоторое время после выхода из гипноза выполнил определенные действия. После пробуждения он эти действия выполняет, ко-тя ничего о данной ему инструкции не знает. Отсюда Фрейд заключает, что цель, поставленная перед субъектом во время его гипнотического сна, присутствовала в его сознании, но после пробуждения она переходит в сферу бессознательного и там продолжает существовать, пока не будет реализована в поведении. Таким образом, согласно Фрейду, можно говорить о бессознательных намерениях, целях, ожиданиях, восприятиях и т. д. [6].

Если с этой точки зрения мы рассмотрим опыты, проведенные Д. Н. Узнадзе в условиях гипноза и поетгипнотичеокого состояния, и направленные на опровержение теории "обманутого ожидания", то окажется, что они недостаточны для критики этой теории. Испытуемые Д. Н. Узнадзе все же сравнивают, хотя и в состоянии гипнотического сна, шары друг с другом. Следовательно, согласно теории Фрейда, после 5-10 экспозиций у субъекта, находящегося в состоянии гипнотического сна, может возникнуть ожидание того, что в правую руку будет вложен опять большой шар, а в левую - маленький, и это ожидание после пробуждения может перейти в бессознательное психическое.

Следовательно, вышеописанный опыт Д. Н. Узнадзе, доказывая, что в иллюзии Фехнера устранено участие ожидания в его сознательном виде, оставляет не исключенной возможность того, что ожидание участвует в этих иллюзиях в своем (бессознательном виде.

Для того, чтобы исключить и эту возможность, мы провели следующие опыты.

Мы попытались организовать эксперимент так, чтобы он был аналогичен экспериментам, проведенным Д. Н. Узнадзе в условиях гипноза и поетгипиотическото состояния, но в то же время, чтобы перед испытуемым, находящимся в состоянии бодрствования, не ставилась задача сравнения большого и маленького шаров и поэтому не возникало состояние ожидания (сознательное и бессознательное) связи между объемом шара и рукой. Чтобы этого достигнуть, мы старались отвлечь внимание испытуемого от интересующего нас момента (взаимоотношение объемов) и дать другое направление его активности. С этой целью в установочных опытах мы применяли шары разных объемов и из различных материалов:

2 металлических шара диаметром	2,6-4,2 см
2 шара из массивной пластмассы диаметром	3,3-6,6 см
2 резиновых шара диаметром	7,5-5,5 см
2 деревянных шара с полосами диаметром	6,2-4,3 см
2 деревянных шара с полосами диаметром	7,0-4,0 см

2 деревянных шара с полосами диаметром	8,2-5,6 см
2 деревянных гладких шара диаметром	4,4-4,2 см
2 деревянных гладких шара диаметром	7,2-3,8 см
2 деревянных гладких шара диаметром	4,2-4,2 см
2 стеклянных шара диаметром	4,2-2,6 см
2 войлочных шара диаметром	4,4-3,7 см
2 графитовых шара диаметром	3,2-3,2 см
2 гипсовых шара диаметром	6,6-6,6 см
2 шара для пинг-понга диаметром	3,0-3,0 см

Установочные опыты, как основные, так и контрольные, были проведены следующим образом. Испытуемому завязываются глаза и дается инструкция: "В каждую руку Вам дадут шары из разных материалов: металлические, пластмассовые, резиновые, войлочные, стеклянные, деревянные с полосками, деревянные гладкие, графитовые, гипсовые. Вы должны опознать их средством осязания и сообщить нам, из какого материала они изготовлены. Старайтесь опознавать как можно быстрее и правильно".

Инструкция, как мы видим, обеспечивает выработку у испытуемого потребности опознания материала (формирование субъективного фактора установки, по Д. Н. Узнадзе). После этого мы переходили к установочным опытам, соблюдая следующие правила:

1. В качестве испытуемых подбирались лица, не знакомые с опытами по выработке фиксированной установки (это было необходимо, т. к. испытуемый, осведомленный об этих опытах, невольно мог обратить вниманиеи на объемы).

2. В первых установочных экспозициях испытуемые получали шары из разных материалов, мало различавшиеся по объему.

3. Во всех установочных экспозициях большой шар давался всегда в одну руку, а маленький - в другую.

4. Испытуемому никогда не давались в обе руки шары из одинакового материала.

5. С каждым испытуемым фиксационные экспозиции повторялись 15 раз.

6. Был учтен фактор асимметрии.

7. Длительность фиксационных экспозиций составляла 1-3 сек.

8. Сразу по окончании критических опытов мы спрашивали у испытуемых, заметили ли они соотношение шаров по их объемам. Такой опрос проводился с той целью, чтобы испытуемых, которые, несмотря на инструкцию, в фиксированных опытах все же обратили внимание на взаимоотношение объемов шаров, исключить из дальнейших опытов и не вносить их данные в протокол.

9. Шары, применявшиеся в установочных опытах, отличались друг от друга по объему меньше, чем это бывает обычно в опытах по фиксированной установке, т. к. большая разница шаров могла привлечь внимание испытуемого.

Перед критическими опытами испытуемым давалась инструкция: "Теперь вашей задачей является не опознание материала. Сейчас я вам подам в каждую руку шары, и вы должны сравнить их по их объему".

В критическом опыте испытуемым подавались равные по объему деревянные шары диаметром - 4,2 см.

Результаты

В экспериментах приняли участие 100 испытуемых. В критических опытах все они показали наличие контрастных иллюзий (см. табл. 1).

Количество контрастных иллюзий в I-ой фазе	Количество испытуемых	%
0—1	0	0
2—10	25	25,0
11—20	48	48,0
21—30	21	21,0
Выше 30	6	6,0

Таблица 1

Мы провели также обычные опыты по выработке фиксированной установки с теми же шарами и в той же последовательности, как и в опытах "опознавания материала" (*Разница заключалась лишь в том, что в установочных опытах инструкция требовала от испытуемых сравнивать шары по их объему*). 100 испытуемых (ими были не те лица, что в первых опытах) дали результаты, которые показаны на таблице 2.

Количество контрастных иллюзий в I-ой фазе	Количество испытуемых	%
0—1	0	0
2—10	56	56,0
11—20	31	31,0
21—30	12	12,0
Выше 30	1	1,0

Таблица 2

После этого мы повторили опыт по методу "опознания материала", с той лишь разницей, что вместо объема в качестве фиксируемого признака фигурировал вес, т. е. в установочных опытах мы давали испытуемым шары разного объема и разной тяжести, чтобы в одну и ту же руку всегда попадал более тяжелый шар (от 50 до 300 г), в другую-более легкий - (от 15 до 63 г). Испытуемый получал такое же задание, что и в первой серии: опознать материалы, из которых были изготовлены шары. В критическом опыте каждый испытуемый получал шары одинакового объема (диаметром 4,2 см) и одинакового веса и должен был сравнить их по весу. Результаты опытов, проведенных над 50 испытуемыми, представлены на таблице 3.

Количество контрастных иллюзий в I-ой фазе	Количество испытуемых	%
0—1	0	0
2—10	8	16,0
11—20	15	30,0
21—30	20	40,0
Выше 30	7	14,0

Таблица 3

После проведения установочных опытов мы спрашивали у испытуемых, заметили ли они, в какой руке держали тяжелый шар, а в какой - легкий? На этот вопрос смогли ответить 6 испытуемых, и над ними мы критические опыты уже не проводили.

Поскольку, кроме качества веса и объема, физические тела обладают также качеством твердости или "плотности" (шары, использованные нами в опытах, были деревянные, гипсовые, резиновые), мы попытались установить, возникает ли у испытуемых установка на соотношение шаров по признаку плотности. С этой целью в установочных опытах испытуемым давали в одну руку более плотный шар, в другую - более мягкий и требовали от них опознать, из какого материала сделан каждый из этих шаров. В критическом опыте испытуемые получали шары одинакового объема и из одинакового материала (из искусственной губки). В этих опытах все 50 испытуемых показали контрастные иллюзии (см. табл. 4).

Количество контрастных иллюзий в I-ой фазе	Количество испытуемых	%
0—1	0	0
2—10	38	76,0
11—20	10	20,0
21—30	2	4,0
Выше 30	0	0

Таблица 4

Таким образом, эксперименты, проведенные по методу "опознавания материалов", бесспорно доказали, что фиксированная установка вырабатывалась у всех участвующих в опытах испытуемых, несмотря на то, что они в установочных опытах совершенно не обращали внимания на разницу между шарами ни по объему, ни по весу, ни по плотности и, следовательно, не имели никакого "ожидания" того, каково (будет отношение между объектами, подаваемыми в последующих экспозициях (*При анализе результатов, полученных методом опознавания материала, совершенно закономерно возникает вопрос: если для создания установки необходима, с одной стороны, потребность, а с другой - соответствующая ей ситуация, то как же происходит создание установки в наших опытах, когда у субъекта нет никакой потребности в сравнении предъявляемых тел по тяжести, объему или плотности? При этом, по-видимому, субъект в каждый конкретный момент обладает потребностью разобраться в ситуации и оценить ее без участия сознания на уровне установки*).

В связи с этим следует указать на результаты опытов, проведенных О. Кюльпе (совместно с Брайаном) в 1904 г. ("опыты на абстракцию") [7]. Кюльпе показывал испытуемым на экране четыре слога, составленные из трех разноцветных букв и образующие определенные фигуры в пространстве. Испытуемые по инструкции получали задание, в одном случае обратить внимание на цвет букв, в другом - на количество букв, в третьем - на фигуры, составленные слогами, и в четвертом - на элементы вообще (опыты состояли из четырех серий). Когда в критических опытах Кюльпе спрашивал испытуемых о том, на что в предварительных опытах они не обращали внимание, они не могли дать ясных ответов. По мнению Кюльпе, это было вызвано тем обстоятельством, что признак предмета, не участвующий в решении задачи, не воспринимается субъектом. Таким образом, по Кюльпе, внимание в этом случае функционирует как фактор, определяющий избирательность восприятия. Д. Чапмея повторил опыты Кюльпе в несколько измененных условиях и также пришел к заключению, что раздражитель, нерелевантный по отношению к инструкции, не отражается в памяти, причиной чего, возможно, является недостаточность восприятия этого раздражителя.

Как мы видим, в отношении восприятия иррелевантных признаков наши опыты сходны с опытами Кюльпе, но по результатам они существенно от опытов Кюльпе отличаются. Эта разница обусловлена тем, что Кюльпе (а также Чапмен) следы восприятия нерелевантного раздражителя ищет в сознании (памяти), а мы - в целостном состоянии личности, которое в ней представлено в виде установки. Отсюда и различие результатов: Кюльпе не

находил следов иррелевантных раздражителей у своих испытуемых, мы же у всех испытуемых выявляли контрастные иллюзии, возникновение которых было бы совершенно непонятно, если бы на испытуемых не действовали иррелевантные раздражители.

Выводы

Метод опознания материала дает основание для утверждения, что ожидание - сознательное или бессознательное - нельзя считать основой фехкеровской иллюзии веса, т. к. ни в установочных, ни в (Критических опытах у наших испытуемых нет и не может быть ожидания того, какого объема шары им дадут при последующих экспозициях. Фактор ожидания исключен в этих опытах, и основой контрастной иллюзии можно считать только целостное личностное состояние субъекта - установку, которая никогда не дана в сознании. Наши эксперименты показывают, что иррелевантные по отношению к инструкции признаки предметов отражаются в установке, активном состоянии, не (Принимающем формы, характерной для содержаний сознания [2, 30].

И, однако, установка и бессознательное психическое не являются эквивалентными понятиями. Наоборот, они, как отмечает Д. Н. Узнадзе, взаимно исключают друг друга. Большая заслуга Д. Н. Узнадзе заключается в том, что он теоретически и экспериментально доказал несостоятельность довольно твердо укоренившегося в психологии понятия бессознательного психического. Как подчеркивает Д. Н. Узнадзе, "понятие бессознательного - ненужное понятие" в психологии [3, 35]. Согласно Фрейду, говорит Д. Н. Узнадзе, "разница между сознательными и бессознательными процессами в основном сводится только к тому, что друг от друга эти процессы отличаются лишь тем, что первое сопровождается сознанием, второе - нет. Что касается их внутренней природы и структуры, то в этом отношении они ничем друг от друга не отличаются" [3, 35]. Поэтому, заключает Д. Н. Узнадзе, "понятие бессознательного должно быть отброшено, и на его место следует вводить обладающее позитивным содержанием понятие, а именно, понятие установки" [3, 37], "которая выявляется у каждого живого существа в процессе его взаимоотношения с действительностью" [3, 36].

Вместе с тем, Д. Н. Узнадзе отмечает, что "учение о бессознательном, по существу, основано на правильном представлении о психической жизни человека, поскольку оно подчеркивает, что сознательные процессы вовсе не исчерпывают всего содержания психики" [3, 36]. Поэтому Д. Н. Узнадзе вместо понятия бессознательного ввел в психологию понятие установки, "которая не является феноменом сознания", ГЗ, 33], "хотя... она все же сохраняет способность оказывать решающее влияние на них" (на сознательные процессы. - В. Г.) [3, 34]. Этим Д. Н. Узнадзе и избежал противоречий, содержащихся в понятии бессознательного.

Примечание редакции

Затрагивая вопрос о взаимосвязи понятий установки и бессознательного, В. В. Григолава приводит высказывания Д. Н. Узнадзе, по которым' "понятие бессознательного - ненужное понятие", "понятие бессознательного должно быть отброшено..." и т. д. Чтобы избежать могущего возникнуть недоразумения, необходимо уточнить, что указания" Д. Н. Узнадзе относятся к бессознательному в его фрейдистском, психоаналитическом понимании, которое всегда представлялось Д. Н. Узнадзе лишенным позитивного содержания и не обогащающим психологическую мысль, - а не к идее бессознательного как таковой.

Это видно хотя бы из приводимых В. В. Григолава слов Д. Н. Узнадзе: "учение о бессознательном, по существу, основано на правильном представлении о психической жизни человека, поскольку оно подчеркивает, что сознательные процессы вовсе не исчерпывают всего содержания психики".

Необходимо, следовательно, ясно отличать негативное отношение Д. Н. Узнадзе к бессознательному как к элементу психоаналитической модели душевной жизни человека от его взгляда на бессознательное, как на особенность психики, находящую свое концептуальное раскрытие в теории неосознаваемой психологической установки.

7. Contrast Illusion, the Unconscious and Set. V. V. Grigolava

The D. N. Uznadze Institute of Psychology, Acad. Sci. Georgian SSR. Tbilisi

Summary

The author of the paper attempts to demonstrate the untenability of the view holding that the experience of "frustrated anticipation" constitutes the psychological basis of the illusion of weight. With that in view he has developed an

experimental method of "identification of material", enabling to eliminate the factor of anticipation at the emergence of Fechner's illusion. The results of the experiment confirm one of Uznadze's basic propositions, namely that the illusion in question is based not on any conscious or unconscious anticipation but the integrate-personality state of the Sor his set.

Литература

1. Бочоришвили А. Т., Аналог иллюзии тяжести в сфере давления. Вестник Тбилисского университета, 1972 (на груз. яз.).

2. Прангишвили А. С. 30 лет Института психологии им. Д. Н. Узнадзе. Тб., 1972.

3. Узнадзе Д. Н., Экспериментальные основы психологии установки. Труды Института психологии, "Психология", т. VI, 1949, Тб. (на груз. яз.).

4. Узнадзе Д. Н.. К теории постгипнотического внушения. Труды Института функц. нервных заболеваний, Тб., 1936, т. I (на груз. яз.).

5. Chapman. D. W., Relative effects of determinate and indeterminate Aufgaben. Amer. J. Psychol.. 1932, 44, 163-174.

6. Freud, S., Die Frage der Laienanalyse. XIV, 224; Abrip1 der Psychoanalyse, XVII, 145-146.

7. Kulpe. O., Versuche uber Abstraktion. Ber. I Kongr. exp. Psychol., 1904, 56-68.

8. Установка и деятельность: нужна ли парадигма? В. П. Зинченко

МГУ, факультет психологии

"Когда дирижер вытягивает палочкой тему из оркестра, он не является физической причиной звука. Звучание уже дано в партитуре симфонии, в спонтанном сговоре исполнителей, в многолюдстве зала и в устройстве музыкальных орудий".

О. Э. Мандельштам

Многие понятия и категории, существующие в современной психологии, имеют общую судьбу. К таким понятиям относятся понятия деятельности, сознания, личности, установки, бессознательного и др. Они динамичны и в различные периоды развития психологии выполняют разные функции, обозначая то реальные явления, подлежащие изучению, то объекты направленного формирования и управления, то, наконец, выполняют функцию объяснительных принципов, с помощью которых делаются попытки раскрыть механизмы детерминации психического. Каждое из этих понятий неоднократно использовалось для объяснения круга явлений, обозначаемых другими понятиями. Так, понятие установки полагалось в основание деятельности, в свою очередь, понятие деятельности полагалось в основание установки. Иными словами, понятие деятельности, установки, бессознательного выполняют в соответствующих направлениях и школах функции исследовательской парадигмы (можно было бы сказать установки). Принятие одной из них накладывает печать не только на развитие теории, но и на эксперимент. Нужно также учесть, что между абстрактным, теоретическим смыслом таких понятий и их операциональным содержанием, служащим для интерпретации экспериментальных результатов, существует довольно большая дистанция, для сокращения которой требуется специальная, обычно не проделываемая методологическая работа. Поэтому нередко оказывалось, что различные исследовательские стратегии и соответствующие им экспериментальные приемы позволяют получать достаточно убедительные (сами по себе) и вместе с тем допускающие полярные трактовки результаты.

Еще одним из оснований этого служило либо смешение, либо полное противопоставление генетического и функционального аспектов изучения деятельности и установки. Естественно, что акцент на генетическом аспекте приводил исследователей к заключению о том, что установка является продуктом деятельности, в то время как акцент на функциональном аспекте столь же неизбежно приводил к заключению о том, что установка предваряет деятельность, структурирует ее, определяет ее направленность и развертывание. В одном из исследований, целью которого было выявление механизмов ориентировочно-исследовательской деятельности, приводящей к фиксации тех или иных установок, А. В. Запорожец (1960) специально обращал внимание на недопустимость смешения

генетического и функционального аспектов изучения установки и деятельности. Но это не привело к решительному преодолению закрепившегося в сознании исследователей понимания взаимоотношений этих понятий и обозначаемых ими сфер реальности. Видимо, для его сохранения имеются глубокие причины. Одной из них является полифункциональность фундаментальных категорий и абстракций, на которую применительно к категории деятельности обратил внимание Э. Г. Юдин (1976). Понятие деятельности успешно используется для объяснения той или иной реальности лишь до тех пор, пока она сама не становится тем, что должно быть исследовано. Аналогичным образом обстоит дело и с понятием установки. Иными словами, истоки противопоставления понятий деятельности и установки лежат в том, что они попеременно выполняют противоположные функции то средства, то предмета исследования. И действительно, если не учитывать этого методологического нюанса, не так легко принять мысль о том, что установка (до и независимо от генетического или функционального аспектов ее рассмотрения) в такой же степени является продуктом деятельности, в какой она является условием ее (возникновения и протекания. Ввиду систематического неучета полифункциональности категорий установки и деятельности нам представляется полезной более подробная аргументация необходимости преодоления исходного противопоставления понятий деятельности и установки. При этом, для того, чтобы обеспечить остроту и беспристрастность анализа, я (будучи представителем и поборником деятельност-ного подхода) попытаюсь встать на позиции установки, т. е. сделать понятие установки орудием объяснения, а деятельность предметом исследования.

С тех пор, как 3. Фрейд в попытках объяснить деятельность как нечто целостное выдвинул тезис о трехуровневом строении психики (*Отсюда, в частности, следовало, что деятельность и психика не могут быть изображены линейно, в одной плоскости*), идеи об уровневом, иерархическом строении и организации последней развиваются многими направлениями и школами психологии. А. Н. Леонтьев (1959, 1975) на основании каузально-генетических исследований пришел к выводу об уровневом строении предметной деятельности. А. В. Запорожец (1960) на основании экспериментальных исследований процесса формирования установки впервые, насколько нам известно, высказал гипотезу об уровневом, иерархическом строении установки. Затем эта гипотеза получила систематическое обоснование (А. Г. Аемолов, М. А. Ковальчук, 1975).

Последовательное развитие идей об уровневом строении деятельности и установки должно с необходимостью привести к снятию противопоставления понятий установка и деятельность. В противном случае исследователи онтогенеза вынуждены будут пойти по весьма сомнительному и ненадежному пути поиска, так сказать "пралогических" форм деятельности и установки. Это же рассуждение должно привести к заключению и о том, что функции установки нельзя ограничить лишь служебной ролью стабилизации и удерживания деятельности в определенных границах (А. Г. Аемолов, 1977). Подобные функции по отношению к деятельности выполняет закон, а не установка. Последняя неминуемо оказывает влияние как на структурную организацию деятельности, так и на механизмы, вовлекаемые в ее реализацию. А. Г. Аемолову, поставившему задачу объективного рассмотрения взаимоотношений между деятельностью и установкой, все же не удалось преодолеть парадигму деятельности, что привело автора в итоге интересного и поучительного анализа к явному ограничению реальных функций установки в поведении и деятельности.

Как это ни парадоксально, но поиски доказательств того, что никакая деятельность невозможна вне установок (независимо от природы последних) необходимы вовсе не для демонстрации первичности эффектов установки по сравнению, скажем, с первичностью эффектов предметной деятельности. Такие поиски необходимы прежде всего для того, чтобы открыть путь исследованию не редуцируемых ни к какой другой реальности явлений психики, в том числе и психического отражения на самых ранних этапах их развития. Для того, чтобы снять проблему "первичности", необходимо утвердить тезис об исходной целостности и одновременно гетерогенности психического. Психическая реальность какой бы элементарной она ни была, обязательно включает в себя оперативные (деятельностные), когнитивные и потребностные (в том числе и эмоционально-установочные или, в их развитой форме, интимно-личностные) компоненты. Естественно, что на разных уровнях развития и организации соотношение между перечисленными компонентами является неодинаковым. Чем выше организация, тем больший удельный вес и большую роль приобретают интимно-личностные компоненты психической реальности. Они могут трансформировать, подчинять себе другие компоненты, направлять течение поведения и деятельности, в том числе выполнять инициирующие функции в формировании новых способов и даже видов поведения и деятельности.

Когда мы говорим о гетерогенности психического, то этим самым подчеркивается необходимость не только иного способа введения психической реальности в основание существования живых существ, но и необходимость особого (теоретического) способа построения предмета психологии (В. П. Зинченко, М. К. Мамардашвили, 1977). Это можно сравнить с ситуацией, сложившейся в современной физике, когда элементарная частица, будучи по определению частью - частицей, одновременно является и целым, т. е. содержит в себе другие частицы.

Попытки таким образом определить психическую реальность и соответственно построить предмет психологии не являются неожиданными ни с точки зрения истории философии, ни, тем более, с точки зрения методологии современного научного знания, которая все больше ориентируется не столько на последовательность и протяженность явлений во времени, сколько на внутреннюю связь и протяженность явлений в пространстве. К этому же ведет и логика развития современной экспериментальной психологии, в которой все больше и больше накапливаются данные об эффектах симультанирования, временной обратимости, эквргпотенциальности, относящихся не только к результату (ср. симультанные целостности гештальта), но и к процессам (ср. симультанное восприятие, опознание, мгновенное озарение, инсайт и т. п.).

Психологи все больше говорят о координации одновременно осуществляющихся процессов и пытаются отдельно вскрывать и рассматривать внутренние связи между ними, как бы освобождая эти связи от времени (т. е. от протяженности в частной временной последовательности наших состояний восприятия). Вслед за введением в психологию идеи А. А. Ухтомского о том, что психические процессы представляют сооой функциональные органы нашего мозга, целесообразно онапомнить и определение функционального органа, данное Ухтомским. Он определял его как всякое временное сочетание сил, способное осуществить определенное достижение. В этом определении имплицитно содержится идея распределения сочетающихся сил в пространстве. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить фактуру исследовательского материала, с которым имел дело А. А. Ухтомский. Это парабиоз, доминанта, различного рода синергии и пр. Поэтому, перенося идеи функциональных органов, функциональных систем и структур на психологическую почву, нельзя не обратить внимание на методологические следствия, вытекающие из использования этих понятий.

Подобное смещение акцентов в анализе психической реальности вовсе нельзя рассматривать как недооценку генетических или функционально-генетических исследований. Сейчас, как и ранее, предпринимаются в высшей степени интересные попытки развертывания симультанно осуществляющихся процессов во времени, попытки изоляции одного процесса от других, выявления его особенностей и механизмов в чистом виде. Именно на это ориентированы, например, исследования микрогенеза когнитивных процессов. В то же время исследования их микроструктуры псе больше убеждают в том, что ориентация на пространственную протяженность когнитивных процессов, на их структурно-функциональные свойства не менее важна и, возможно, даже более адекватна объекту исследования. Излишне говорить, что последняя ориентация устраняет (или уж во всяком случае смягчает) проблему первичности и одновременно с этим наивно натуралистически понятую проблему причинности (не нужно смешивать с проблемой детерминизма психической реальности, которая требует специального обсуждения, далеко выходящего за границы настоящего изложения).

Признание примата за каким-либо из компонентов делает невозможной последующую "инъекцию" других компонентов на какой бы ранней стадии онтогенеза она не производилась. А если таковая и производится, то все равно она оставляет впечатление нарочитости и искусственности. В этой связи уместно напомнить классическую дихотомию А. Бергсона: деление памяти на "память тела" и "память духа". Принятие этой дихотомии делает невозможным в пределах одного теоретически однородного рассуждения последующее "одушевление" памяти тела. И как бы ни преодолевалась эта дихотомия (см. А. Н. Леонтьев, 1931; П. И. Зинченко, 1939), она вновь и вновь возвращается в психологию на новом материале и в новых обличьях. Так в современной когнитивной психологии память тела существует не под видом памяти-следов, памяти-движении, а в терминах сенсорного регистра, иконической памяти, чувственной ткани, отдельно от которых существуют смысловые преобразования, означения, селекция, установка и пр. Почти буквальным воспроизведением исходной бергсоновокой дихотомии является предложенное Э. Тулвингом (1972) различение "семантической" и "эпизодической" памяти. Искушенные в истории психологии исследователи (как в свое время А. Н. Леонтьев и П. И. Зинченко) ищут пути "одушевления" сенсорного регистра, иконической памяти и т. д., пытаются обнаружить смысловые преобразования, селекцию или влияние установок на исходные, первоначальные уровни приема и переработки информации, какими бы элементарными, следовыми или физиологическими они ни казались. И такого рода попытки не бесполезны, так как в случае успеха они подтвердят тезис об исходной целостности и неразложимости психической реальности при всей ее гетерогенности.

Естественно, что важнейшей задачей психологии является как раз задача теоретической реконструкции этих целостностей. Но теперь уже продукты научного анализа не будут полагаться в сам объект исследования и не будут служить основанием для порождения проблем, связанных с взаимоотношениями части и целого, условиями и результатами, возможной первичностью какого-либо компонента в генезисе психики. Кстати, понимание различия между объектом исследования и способом его представления в научном знании существенно облегчает обязательный для науки возврат к практическому существованию объекта, т. е. в конечном счете повышает не только познавательный, но и практический потенциал научного знания. Следует сказать, что подмена целостности каким-либо из конституирующих ее компонентов, утверждение его примата провоцируется аксиоматическим характером классического научного знания и служит основанием любой из многочисленных форм редукционизма,

существующих в современной психологии. Редукционизму необходимо противопоставить стратегию амплификации, обогащения психической реальности.

Для того, чтобы дальнейшее обсуждение проблемы взамоотноше-ний между установкой и деятельностью было более конкретным, целесообразно обратиться к результатам экспериментальных исследований. Основанием для повторного изложения этих давно полученных и частично опубликованных нами результатов может служить попытка их новой интерпретации, вытекающей из временно принятой мною парадигмы установки. Существенно отметить, что в то время, когда проводились эти исследования, автор вовсе не предполагал, что они могут быть использованы как доказательство влияния установки на деятельность и даже более того - доказательство примата установки.

Первым этапом нашей аргументации должна быть демонстрация того, что установка, зафиксированная в контролируемых условиях, помимо воли и сознания субъекта, предсказуемым образом модифицирует его ответные действия. Создание такой ситуации не вызывает сколько-нибудь значительных затруднений. Более того, подобный эффект мы получили "непроизвольно", когда проводили исследование влияния ориентировочно-исследовательской деятельности на процесс образования установки (В. П. Зинченко, 1958). Установочными признаками был цвет одинаковых по величине и форме и разных по весу объектов. Тяжелые объекты были окрашены в один цвет, легкие - в другой. Исследование проводилось на детях 3-7 лет. Общий результат исследования состоял в том, что ориентировка и различение цвета является необходимым и достаточным условием образования установки. Различение веса может составлять побочное, фоновое условие деятельности испытуемого. Осознание связи между цветом и весом установочных объектов не является обязательным для образования установки. У младших дошкольников установка в большинстве случаев образуется неосознанно, и тем не менее при предъявлении критических объектов (одинаковых по весу и разных по цвету) у них наблюдается отчетливая контрастная иллюзия. Было обнаружено также, что осознание связи между признаками установочных объектов может оказать на установку разрушающее влияние в самом процессе ее фиксации.

Вторым этапом аргументации должна быть демонстрация того, что установка, зафиксированная вне какой-либо деятельности субъекта, а соответственно и помимо его воли и сознания, также предсказуемым образом модифицирует его ответные действия. Создание подобной, строго контролируемой экспериментальной ситуации, сопряжено с значительно большими трудностями. К тому же здесь не могут быть использованы стандартные методы гипнотического внушения, т. к. даже в этом состоянии несомненно присутствуют (правда, без рефлексии) некоторые основные компоненты предметной деятельности.

Не может помочь и обращение к сфере бессознательного в классическом понимании этого термина, так как организация бессознательного настолько сложна и неопределенна, что это практически исключает постановку строгого экспериментально-психологического эксперимента. Видимо, предельным случаем, удовлетворяющим сформулированным выше требованиям, должен быть такой, когда фиксация установки осуществляется не на уровне субъекта деятельности, а на уровне воздействий на тот или иной орган. И эти воздействия (идущие как бы мимо субъекта) должны привести ж предсказуемым изменениям его ответных действий. В поисках такого экспериментального приема мы обратились к методам исследования зрительного восприятия в условиях стабилизации изображения относительно сетчатки (В П. Зинченко, Н. Ю. Вергилес, 1969). Для исследования установки была сконструирована специальная присоска (рис. 1), в которой в качестве источника света использовались безынерционные электролюминисиентные (ЭЛ) излучатели. ЭЛ-пластинки были расположены на тубусе присоски перпендикулярно друг другу. На месте пересечения их нормалей помещалось полупрозрачное зеркало с коэффициентом отражения около 50%. Плоскость зеркала была ориентирована под углом 45° к оптической оси присоски. В этой ситуации, когда зажигается центральный излучатель, часть света от него проходит через полупрозрачное зеркало и попадает в объектив, через него в глаз. Другая часть отражается под углом 90° То же происходит и при зажигании бокового излучателя, но в этом случае в объектив попадает отраженный луч. Важным преимуществом ЭЛ-излучателей, наряду с безынерционностью, является постоянство яркости по полю, возможность переключения частей тестового поля и легкость управления режимами работы.

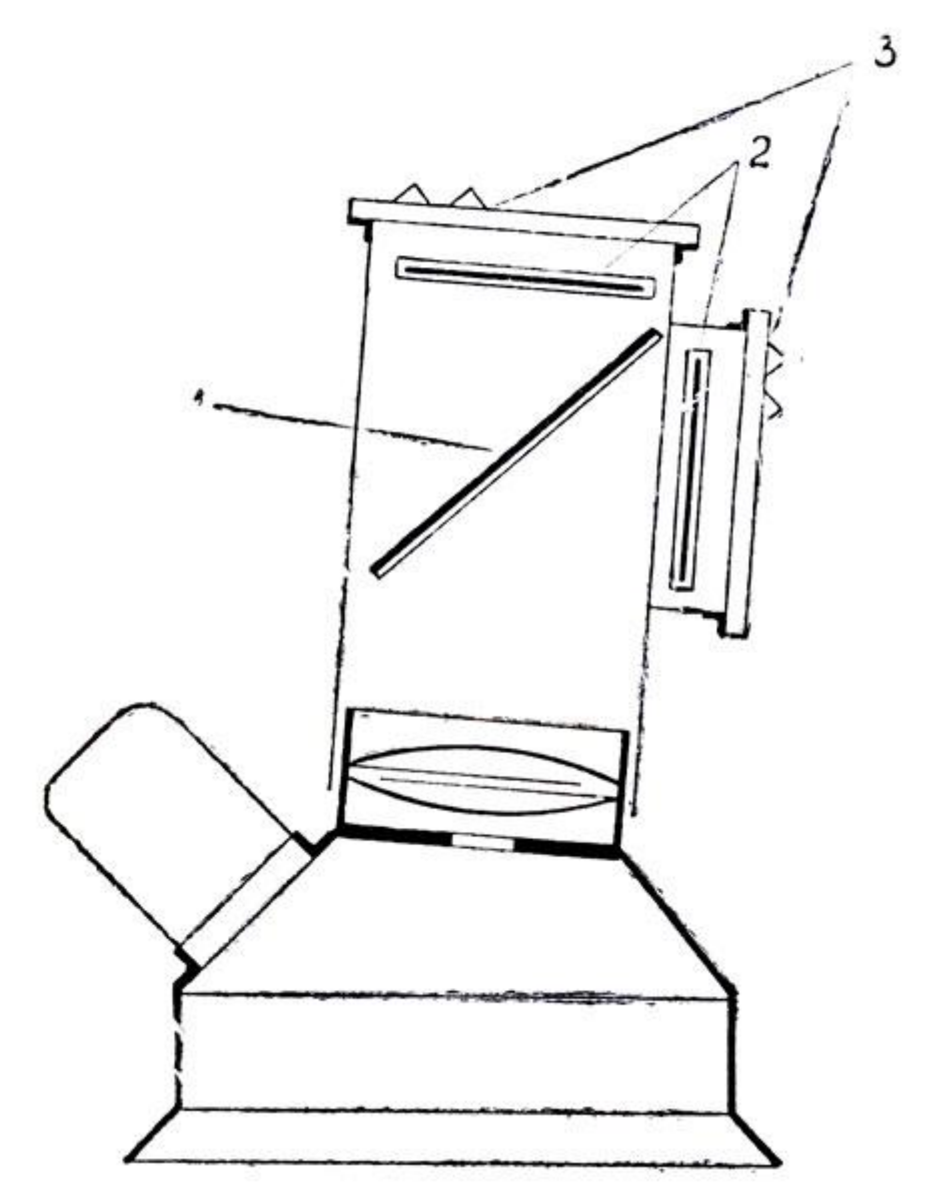

Рис. 1. Схема присоски. 1. Полупрозрачное зеркало. 2. Кассеты с негативами. 3. Электролюминисцентные пластинки

Описанная конструкция присоски, прикрепляемой к глазу, позволяла поочередно предъявлять два различных тестовых изображения на одно и то же место сетчатки.

Опишем кратко несколько опытов, выполненных нами совместно с И. Ю. Вергилесом (см. В. П. Зинченко, Н. Ю. Вергилес, Ю. К. Стрелков, 1970), проводя которые мы постепенно и интуитивно нащупывали пути, удовлетворяющие сформулированным выше требованиям.

На первых порах исследования мы старались максимально следовать методическим процедурам, принятым в школе Д. Н. Узнадзе. В опытах использовались установочные круги (угловые размеры 3,6° и 1,8°) и критические круги (угловой размер 3°).

В каждом опыте участвовало 4-5 взрослых испытуемых в возрасте 20 - 25 лет, имеющих нормальное зрение.

Опыт 1. Установочные (неравные) круги предъявлялись в верхней части поля зрения. После каждого из предъявлений испытуемый указывал, с какой стороны был больший круг. После исчезновения послеобраза (всегда достаточно яркого в условиях стабилизации) испытуемым в нижней части поля зрения 5-7 раз предъявлялись критические (равные) круги (рис. 2.I). Во всех случаях испытуемые давали адекватную оценку критическим объектам. Опыт проводился как в условиях прямого, так и обратного контраста установочных и критических объектов.

Полученный результат свидетельствует о том, что эффект переноса установки не может считаться абсолютным. Возможна ситуация, когда этот эффект не наблюдается даже в пределах одного органа.

Опыт 2. Установочные круги предъявлялись испытуемым 2-3 раза. После исчезновения послеобраза на то же место сетчатки предъявляли критические объекты (рис. 2. II). У всех испытуемых наблюдалась отчетливо выраженная контрастная иллюзия, которая постепенно (после 5 предъявлений) сменялась адекватной оценкой критических объектов.

Полученный результат свидетельствует о том, что условия стабилизации изображения существенно облегчают фиксацию установки и практически приводят к образованию ее "с места". Это облегчение действительно лишь в том случае, если установочные и критические объекты предъявляются на одно и то же место сетчатки.

Опыт 3. Испытуемым в одной части поля зрения 5 раз предъявлялось по одному установочному объекту (большой круг). Затем, после исчезновения послеобраза испытуемым предъявлялись критические объекты, один из которых попадал на то же место сетчатки, что и (единственный) установочный объект (рис. 2. III). В этих условиях также у всех испытуемых наблюдалось отчетливо выраженная контрастная иллюзия, постепенно сменявшаяся адекватной оценкой критических объектов.

Полученный результат свидетельствует о том, что требование сознательного сравнения установочных объектов не является абсолютным. Установка может образоваться и затем проявиться не только без осознанного сравнения установочных объектов, но и в отсутствии объекта для сравнения. Подобные эффекты сплошь и рядом наблюдаются в области температурной чувствительности.

Опыт 4. Установочные объекты предъявлялись таким образом, что испытуемые их не видели вовсе. Это достигалось с помощью подпорогового накопления энергии стимула. Яркость свечения ЭЛ-пластинок повышалась постепенно и достигла 100 пит. Отсутствие восприятия такого яркого источника объясняется тем, что был подобран такой режим увеличения яркости, при котором скорость адаптации была быстрее приращения энергии стимула. После выключения ЭЛ-пластинок испытуемые видели послеобраз ранее не воспринимавшихся установочных объектов (рис. 2. IV). Когда послеобраз угасал, испытуемым на то же место сетчатки предъявлялись критические объекты. У всех испытуемых наблюдалась отчетливо выраженная контрастная иллюзия.

Полученный результат свидетельствует о том, что установка действительно может образоваться с места, без задачи сравнения установочных объектов и на основании лишь однократного отчетливого вое приятия послеобраза установочных объектов.

Опыт 5. Использовался тот же способ предъявления, что и в предыдущем опыте. Но ЭЛ-пластинки гасились не сразу, а постепенно. По мере снятия напряжения угасал, не проявившись, и послеобраз. Испытуемые в этой ситуации не видели ни прямого, ни последовательного образа. Затем на то же место сетчатки предъявлялись критические объекты (рис. 2. V). У всех испытуемых наблюдалась отчетливо выраженная контрастная иллюзия, сменявшаяся постепенно адекватной оценкой критических объектов.

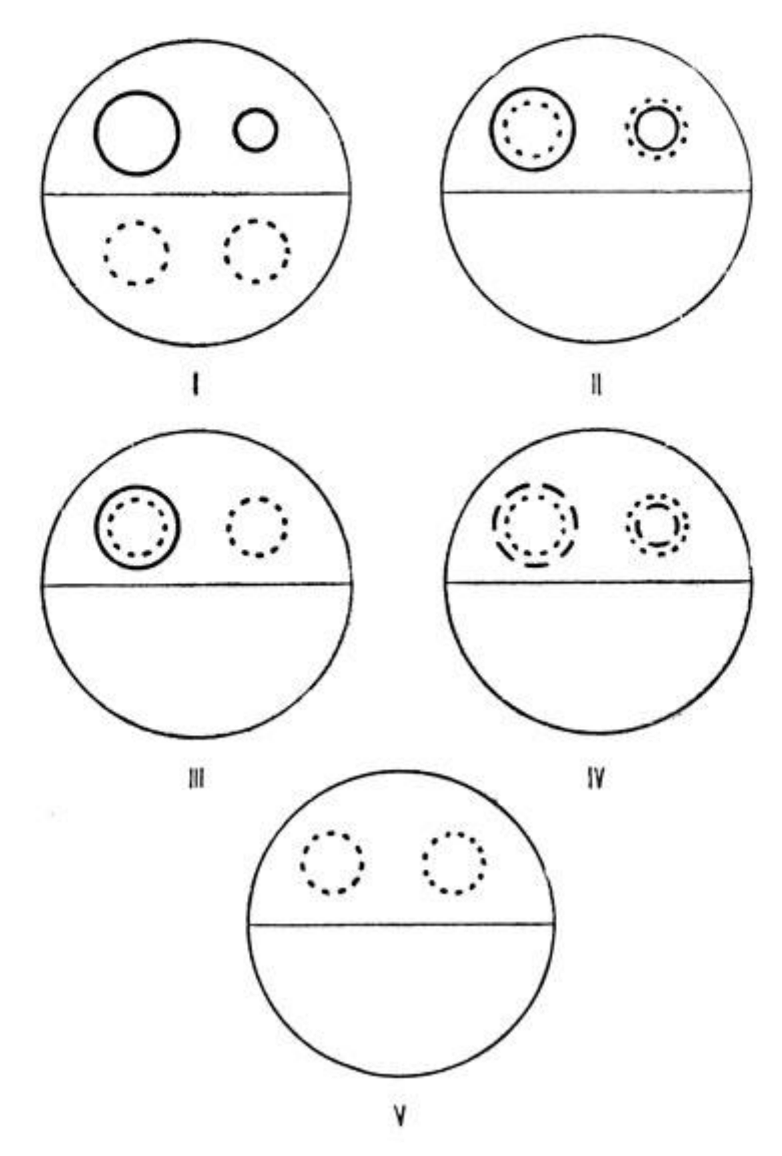

Рис. 2. Условная схема видимой испытуемым ситуации в установочных и критических опытах. Сплошной линией обозначены видимые испытуемым установочные объекты. Пунктиром обозначены критические объекты. Штрихами обозначены видимые испытуемым послеобразы

Полученный результат свидетельствует о том, что действительно возможна фиксация установки не на уровне субъекта, а на уровне отдельного органа. И, тем не менее, эта зафиксированная помимо воли сознания и вне деятельности (даже ориентировочной) установка приводит к вполне предсказуемой модификации сознательных ответных действий субъекта (сравнение по величине критических объектов).

На основании этого исследования, выполненного в 1966 году, были сделаны выводы о существовании иерархии перцептивных установок, среди которых есть элементарные, образующиеся на периферии анализатора и более сложные, для образования которых необходимо участие центральных процессов. Но дело не только в доказательстве иерархического, уровневого строения установки. Это само по себе не является ни неожиданным, ни удивительным. Более интересно то, что установки, зафиксированные на нижних уровнях этой иерархии, оказывают влияние на результаты, а следовательно, и на механизмы осуществления деятельности. Иными словами, установки могут выполнять функции доминирующего или системообразующего фактора деятельности, понимаемой в свою очередь как сложное функциональное и иерархически организованное целое. Но если принять это положение, то возникает невероятная по сложности задача выявления механизмов этого влияния.

Для того, чтобы успешно продвигаться в ее решении, видимо, нужно представить хотя бы в общих чертах возможные типы взаимоотношений между установкой и деятельностью. Чтобы упростить задачу, условимся, что имеются только два уровня установок и два уровня организации деятельности: осознаваемой и неосознаваемой.

Первый тип взаимоотношений между установкой и деятельностью характеризуется тем, что неосознаваемая установка, в том числе и такая, которая зафиксирована вне деятельности субъекта, оказывает влияние на осознаваемые результаты деятельности. Мы готовы обсуждать вопрос о том, можно ли называть эффект, полученный в экспериментах со стабилизацией, установкой. Возможна также интерпретация этого эффекта в терминах изменения, модификации функционального состояния субъекта или того или иного органа, вплоть до "мышечного препарата". Но как бы ни называть такие изменения, установкой или динамикой функциональных состояний, они приводят к закономерным "установочноподобным" изменениям осознаваемых ответных действий. Вместе с тем для развития теории и эксперимента в области исследований установки подобная аналогия с функциональными состояниями и их динамикой может оказаться эвристически полезной, в том числе и для более строгого очерчивания круга явлений, описываемых понятием установка. Сейчас можно лишь сказать, что само по себе изменение функционального состояния не является установкой. Для того, чтобы трансформироваться в установку, оно должно столкнуться (или найти) адекватную ему (или неадекватную) форму деятельности. Понятие функционального состояния с одной стороны несомненно шире понятия установки, с другой стороны - это понятие, как и родственное ему понятие доминанты, может быть использовано для анализа и интерпретации механизмов образования и актуализации установки. Обращает на себя внимание и то, что установки, зафиксированные вне предметной деятельности, оказывают на нее влияние в своеобразной беспредметной форме. Продолжая эту аналогию (равно как и интерпретацию полученных результатов), следует сказать, что как бы далеко мы ни продвигались вспять по пути, пройденному в онтогенезе, мы не найдем живых существ, находящихся в нулевом, исходном, начальном и т. п. функциональном состоянии. Равным образом, мы не найдем живых существ, находящихся вне установочных модификаций. Это, кстати, справедливо как для целого организма, так и для его органов и даже для нейронов, которым также свойственны эффекты облегчения, привыкания и т. п. Tabula rasa - это абстракция, которой нет места в реальной жизни. Несмотря на то, что все эти изменения состояний накладывают печать на поведение и деятельность живых существ, нет никаких оснований делать заключения об их примате, первичности и т. п. по отношению к поведению и деятельности. Они представляют собой особую реальность, которая должна учитываться при изучении поведения и деятельности, тем более, что это такая реальность, которая властно вмешивается в развитие, формирование и протекание последних. Излишне говорить, что подобные изменения функциональных состояний, равно как и фиксация установок, происходящие вне конкретной деятельности субъекта, возможны не только под влиянием тех или иных физических воздействий (как в случае наших экспериментов), но они возможны также и под влиянием социальных воздействий, в том числе под влиянием произведений искусства. Подобные влияния возникают и в процессе общения. Достаточно в этой связи напомнить о ятрогенных заболеваниях, равно как и о действии плацебо. Правда, указанные влияния проходят через сферу осознаваемого, но трансформируясь в установку могут распредмечиваться и действовать по законам бессознательного. Не лишено оснований предположение о возможной обратимости отношений между установкой и иллюзией. Иллюзия может быть не только следствием установки, но и причиной ее возникновения и фиксации.

Второй тип взаимоотношений между установкой и деятельностью характеризуется тем, что неосознаваемые установки оказывают влияние на неосознаваемые компоненты деятельности. Методические пути выявления подобных влияний весьма и весьма туманны. Дело существенно осложняется тем обстоятельством, что подобные влияния оказывают как фиксированные, так и не фиксированные установки, т. е. установки, образующиеся по ходу протекания деятельности, "с места", но тем не менее оказывающие существенное и длительное влияние на деятельность (см. И. А. Тоидзе, 1974).

Для изучения рассматриваемого типа отношений справедливы высказанные выше соображения относительно установки и динамики функциональных состояний. Что касается метода анализа неосознаваемых компонентов деятельности (в ее когнитивной и исполнительной формах), то нужно сказать, что в последние годы такие методы весьма усовершенствованы, в частности, найдены методы микроструктурного анализа действий, операций, блоков функций и т. п. (В. П. Зинченко, 1972, 1975; Ю. К. Стрелков, 1972; Р. Хейбер, 1969 и др.). Можно надеяться, что дальнейшее развитие этих методов позволит вовлечь в изучение когнитивных и исполнительных процессов феномены неосознаваемых установок.

Третий тип отношений между установкой и деятельностью характеризуется тем, что осознаваемые установки оказывают влияние на осознаваемые уровни или компоненты деятельности. Исследование этого типа отношений проводилось неоднократно и не вызывает принципиальных трудностей.

В этой связи можно напомнить многочисленные исследования сравнительного изучения непроизвольной и произвольной памяти, в которых показано, каким образом различные познавательные установки (на понимание, на запоминание, на классификацию и т. п.) оказывают влияние на продуктивность воспроизведения, на осознаваемые стратегии и способы обработки тестового материала и т. п. (см. более подробно об этом П. И. Зинченко, 1939, 1961; А. А. Смирнов, 1948 и др.). Анализируя этот тип отношений, не следует допускать весьма распространенной ошибки, которая состоит в отождествлении установки с инструкцией, задачей, целью и даже с мотивом.

Инструкции, цели могут быть приняты или отвергнуты субъектом. Имеется процесс их принятия, присвоения, порождения, в том числе, видимо, при определенных условиях происходит процесс их трансформации в установку субъекта. Этой трансформации сопутствует процесс распредмечивания инструкций, целей и т. п. Поведение и деятельность начинают приобретать как бы второй механизм детерминации. Наряду с влиянием сознательно поставленной или принятой цели возникает влияние распредмеченной и неосознаваемой установки. Это последнее влияние имеет хронический характер, тогда как сознательная цель влияет скорее эпизодически. Установка выполняет функции поддержания и сохранения цели. Одновременно с этим распредмеченная форма существования и влияния целей на протекание деятельности расширяет число степеней свободы возможных направлений действования и служит основанием порождения и полагания новых целей.

Наконец, четвертый тип взаимоотношений между установкой и деятельностью характеризуется тем, что осознаваемые установки оказывают влияние на неосознаваемые компоненты деятельности. Исследование влияний этого типа представляет большой интерес для экспериментальной психологии и, видимо, немалый практический интерес. Здесь исследовательская задача несколько упрощается тем, что в психологии достаточно развиты методы анализа деятельности, в том числе и упомянутые выше методы выявления ее операционного состава. В то же время изучение этого типа отношений может дать более надежные результаты, подтверждающие идею о возможной системообразующей роли установки по отношению к деятельности.

В настоящее время исследования этого типа взаимоотношений ведутся в двух направлениях. В первом направлении, обозначенном как психология установки и микроструктурный подход к когнитивным процессам (Б. М. Величковский и А. Б. Леонова, см. настоящий сборник), анализируется влияние установки на структуру преобразований информации, осуществляющихся в кратковременной памяти. Эти влияния относятся как к номенклатуре функциональных блоков, так и последовательности их включения и участия в обработке информации.

Обнаружены значительные влияния установки как на исходные, начальные уровни преобразования информации (Т. Бахман, 1977), так и на более высокие, связанные с формированием программ моторных инструкций, программ использования, - экстериоризации и преобразования информации. Это направление рождает новые проблемы, связанные с определением взаимоотношений установки с процессами селекции, с механизмами актуализации имеющихся программ и с построением, формированием новых программ обработки информации.

Во втором направлении исследований начаты поиски психофизиологических показателей, отражающих целевые установки. В работе Л. А. Самойловича и В. Д. Труша (см. настоящий сборник) обнаружены закономерные изменения зрительного вызванного потенциала, происходящие под влиянием осознаваемых установок. Авторы пришли к заключению, что такие установки не только меняют процессы восприятия, но и активно формируют мозговые функциональные системы, реализующие эти процессы.

Изучение каждого из выделенных типов взаимодействия, как отмечалось выше, сталкивается со специфическими трудностями, относящимися к изучаемому типу. Помимо этого имеются и трудности более общего характера. Во-первых, в каждом из этих случаев возникают обратные влияния деятельности на установку, которые могут трансформировать последнюю. Во-вторых, выделенные типы не существуют изолированно и в процессе возникновения и развития могут переходить один в другой. Эти интересные проблемы заслуживают специального обсуждения и экспериментального изучения. При построении исследовательских программ комплексного изучения взаимоотношений деятельности и установки и динамики этих взаимоотношений неоценимую помощь окажут результаты, полученные как в школе Д. Н. Узнадзе, так и в школе А. Н. Леонтьева. Особенно важны с этой точки зрения сформулированный закон смены установок, классификация видов установок, развиваемые представления об их уровневом строении, найденные условия объективации установок и т. д. (Д. Н. Узнадзе, 1966; А. С. Прангишвили, 1967; Р. Г. Натадзе, 1972; Ш. А. Надирашвили, 1974; А. Е. Шерозия, 1969, 1973 и др.). Аналогичным образом должны быть использованы представления об уровневом строении деятельности, таксономия единиц анализа деятельности, законы и условия взаимопереходов и превращений одних единиц в другие, представления об интериоризации и превращениях самой деятельности.

Проведенный выше анализ возможных взаимоотношений между установкой и деятельностью, естественно, не претендует на полноту. Его функция состояла в иллюстрации мысли о том, что принятие парадигмы установки оказывается полезным приемом для исследования генезиса, развития и протекания деятельности. Более того, принятие этой парадигмы и ее реализация в экспериментальных исследованиях помогает снять нередко высказываемые в адрес психологической теории деятельности упреки в ее чрезмерном рационализме. Вместе с тем принятие парадигмы установки имеет и другую сторону, обращенную к теории установки. Мы попытались сделать установку средством объяснения предметной деятельности и некоторых ее компонентов. И как это ни

парадоксально, выиграла от этого теория деятельности, а не теория установки. По ходу изложения возник целый ряд проблем, связанных с определением установки и с взаимоотношением ее эффектов с такими реалиями как функциональные состояния, задачи, цели, мотивы, способы, программы и пр. Нас не покидало ощущение того, что установка при таком способе ее анализа не только влияет на деятельность, но и растворяется или, точнее, воплощается в ней. Именно это и является причиной трудностей в ее определении, равно как и в теоретической и экспериментальной индентификации явлений и эффектов установки. Видимо, любое представление, будь-то представление об установке или о деятельности, превращенное в средство объяснения другой реальности, как писал Маркс, подвергается испарению путем превращения его в абстрактные определения. Эти абстрактные определения необходимы, ибо на их основе возможно воспроизведение конкретного посредством мышления (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 46, ч. I, стр. 37). Эта вторая часть работы должна быть еще проделана как в отношении предметной деятельности, так и в отношении установки.

Заключая изложение, я вернусь "на круги своя" и вновь приму парадигму деятельности. Видимо, действительно можно было бы проделать еще один круг и показать, что деятельность может выполнить Функции средства объяснения установки (*Мне представляется, что такую работу должен выполнить представитель и поборник школы установки*). Но и не проделывая такой работы можно предполагать, что мы пришли бы к аналогичному результату. Нет никаких сомнений в том, что деятельность субъекта является одним из богатейших источников зарождения и формирования установок. Нужно, однако, учитывать, что та или иная форма деятельности может служить источником новых установок лишь в том случае, если эта форма деятельности представляет собой некоторую ценность для субъекта. Педагоги и психологи давно знают, что познавательные установки легче формируются в игровой деятельности, чем в только что начинающей формироваться учебной. Напротив, познавательные установки, сформированные ранее, могут играть роль стимула для развития собственно учебной деятельности. Деятельность должна быть достаточно развита и в пределе ее развития свободна, чтобы служить источником формирования новых установок. Поэтому мы закончим наше изложение тезисом, к которому шли на всем его протяжении. Предметная деятельность в такой же степени является продуктом установки, в какой она является условием ее формирования. Оба понятия являются вполне равноправными, хотя и соотносимыми. И деятельность и установка в одинаковой мере конституируют такое сложнейшее образование, каким является психическая реальность, душевная жизнь субъекта - субъекта познания, чувства и воли. Гипертрофия роли любого конституирующего эту душевную жизнь компонента не приближает, а отдаляет ее научное понимание.

8. Set and Activity: Is the Paradigm Necessary? V. P. Zinchenko

Moscow State University, Department of Psychology

Summary

In discussing the title problem the author works from the polyfunctional nature of the categories of set and of activity, emerging at times as objects of study and at others as explanatory principles. It is demonstrated that the concept of set may be used in explaining many facts accumulated in psychological studies of activity. Set exerts multiple influences on activity, including the function of a factor forming a system or structuring activity. At the same time it is shown that adoption of such an investigative stand leads to the 'evaporation' of the real content inherent in the notions of set and to a transformation of these concepts into abstract definitions. An analogous situation is assumed to arise with the concept of activity when the latter is used as a universal means for explaining the phenomena of set.

The author considers it fallacious to pose the problem of primacy of activity over set or vice versa- The ontological status of psychic reality constitutes, a heterogenous and indissoluble integrate construct involving operational (activity), cognitive and need (including set-induced) components.

The analysis of the interrelationships of set and activity is illustrated by a number of experiments carried out by the author and his coworkers.

Литература

Асмолов а. г., Ковальчук М. А., К проблеме установки в общей и социальной психологии. Вопросы психологии, 1975, № 4.

Асмолов А. Г., Деятельность и уровни установок. Вестник Московского университета. Психология, серия XIV, 1977, № 1.

Бахман Т. К., Зависимость избирательного восприятия от времени предъявления стимула. Вестник Московского университета. Психология, 1977, № 2.

Запорожец А. В., Развитие произвольных движений, М., 1960.

Зинченко В. П., Зависимость образования установки от осознания связи между признаками установочных объектов. Доклады АПН РСФСР, 1958, № 2.

Зинченко В. П., вергилес Н. Ю., Формирование зрительного образа, М., 1969.

Зинченко В. П., вергилес Н. Ю., СТРЕЛКОВ Ю. К., Модель сенсорного звена зрительной системы. "Эргономика. Труды ВНИИТЭ". Вып. I, М., ВНИИТЭ, 1970.

Зинченко В. П., О микроструктурном методе исследования познавательной деятельности. "Эргономика. Труды ВНИИТЭ". Вып. 3, М., ВНИИТЭ, 1972.

Зинченко В. П., мамардашвили М. К., Проблема объективного метода в психологии. Вопросы философии, 1977, № 7.

Зинченко П. И., Проблема непроизвольного запоминания. Научные записки Харьковского ин-та иностранных языков, т. I, 1939.

Зинченко П. И., Непроизвольное запоминание, М., 1961.

Леонтьев А. Н., Развитие памяти. М., 1931.

Леонтьев А. Н., Проблемы развития психики, М., 1959.

Леонтьев А. Н., Деятельность. Сознание. Личность, М., 1975.

Надирашвили Ш. А., Понятие установки в общей и социальной психологии, Тбилиси, 1974.

Натадзе Р. Г., Воображение как фактор поведения, Тбилиси, 1972.

Прангишвили А. С, Исследования по психологии установки, Тбилиси, 1967.

Смирнов А. А., Психология запоминания, М., 1948.

Стрелков Ю. К., Микроструктурный анализ преобразования информации. Эргономика. Труды ВНИИТЭ, вып. 3, М., 1972.

Тоидзе И. А., Опыт экспериментального изучения первичной установки. Канд. дисс.,. М., 1974.

Узнадзе Д. Н., Психологические исследования, М., 1966.

Ухтомский А. А., Парабиоз и доминанта. Собр. соч., т. I, Л., 1950.

Хачапуридзе Б. И., Проблемы и закономерности действия фиксированной установки, Тбилиси, 1962.

Шерозия А. Е., К проблеме сознания и бессознательного психического, т. I: Опыт исследования на основе данных психологии установки, Тбилиси, 1969; т. II: Опыт интерпретации и изложения общей теории, Тбилиси, 1973.

Юдин Э. Г., Деятельность как объяснительный принцип и как предмет научного изучения. Вопросы философии, 5, 1976.

Навер. R. N., Introduction. In: R. N. Haber (ed.) Information-Processing Approaches to Visual Perception. N. Y.: Holt, Rinehart&Winston, 1969.

Tulving. E., Episodic and semantic memory. In: E. Tulving&W. Donaldson (eds.), Organization of Memory, N. Y.: Academic Press, 1972.

9. Об иерархической структуре установки как механизма регуляции деятельности. А. Г. Асмолов

МГУ, факультет психологии

Среди современных психологов вряд ли удастся отыскать человека, который на вопрос: "Знаете ли вы, что такое установка?" дал бы отрицательный ответ. Этот ответ будет одновременно верен и неверен, как в знаменитом парадоксе понимания-парадокс Электроды. Психологи знают о существовании проблемы установки, но часто не узнают эту проблему, когда она вторгается в область их собственных экспериментальных исследований.

За этим знанием скрываются два противоположных полюса понимания природы установки. На одном полюсе - совершенно неоправданное сведение проявлений установки к феноменам иллюзий, обусловленных фиксированной установкой. Такое превратное понимание установки возникает, по мнению известного советского психолога Р. Г. Натадзе, из-за того, что долгое время разнообразные свойства установки изучались преимущественно на материале этих иллюзий. На противоположном полюсе - рассмотрение установки в качестве основной проблемы психологии. Такое расширенное понимание установки встречается в работах зарубежных социальных психологов и в ряде направлений советской психологии. Некоторые сторонники этого второго расширенного понимания установки сближают ее с такими понятиями, как "акцептор действия" (П. К. Анохин), "образ потребного будущего" (Н. А. Бернштейн), "схема" (П. Фресс, С. Московичи). А совсем недавно, когда увлечение информационным подходом достигло своего апогея, у понятия установки появился еще один аналог - "информационная модель" (В. Н. Пушкин).

Список синонимов, возникающих при столь расширенном понимании установки, продолжает расти из-за объемности этого понятия. При этом возникают серьезные опасения относительно того, что понятие "установка" утратит тот глубокий смысл, который вкладывал в него классик отечественной психологии Д. Н. Узнадзе, и ее постигнет судьба одного из героев рассказа американского писателя Р. Брэдбери. Герой этого рассказа менял свой облик в зависимости от воли и желания тех, кто на него смотрел, и погиб, когда все эти люди собрались вместе. Подобное событие вполне, однако, можно предотвратить, если устранить причину, приводящую к неопределенности понятия "установка". Эта причина была с завидной четкостью сформулирована С. Московичи (1959): "Является сомнительным, правомерно ли обсуждать понятие установки, если так можно выразиться, в "себе", не установив предварительно, на какую общую теорию деятельности опирается анализ". И С. Московичи не одинок в своем стремлении найти точку опоры для анализа проблемы установки. В шестидесятых годах все громче звучат голоса сторонников ориентации на исследование проблемы установки в контексте общей психологической теории деятельности. Среди этих сторонников мы видим таких исследователей как Ф. В. Бассин, А. В. Запорожец, А. Н. Леонтьев, А. С. Прангишвили и др. Но, хотя поворот исследований при изучении психологии установки в сторону той или иной теории деятельности наметился со всей очевидностью, все же следует признать, что при обсуждении некоторых проблем связь между установкой и деятельностью остается довольно зыбкой. К числу этих проблем относится проблема взаимоотношений между установкой и сознанием.

В школе создателя теории установки Д. Н. Узнадзе существуют несколько разных направлений решения этой проблемы. Ф. В. Бассин, подвергший эти направления тщательному анализу, выделяет внутри школы Д. Н. Узнадзе три разных течения (Ф. В. Бассин, 1973), на которых мы кратко остановимся. Представители одного подхода, автором которого является Ш. А. Надирашвили, открыто признают существование наряду с неосознаваемыми установками установок осознаваемых. К осознаваемым установкам Ш. А. Надирашвили относит, главным образом, социальные установки или, точнее, установки социального поведения (Ш. А. Надирашвили, 1974). Иную позицию занимает А. Е. Шерозия, который в своем фундаментальном исследовании, посвященном соотношению сознания и бессознательного, распространяет тезис о принципиальной бессознательности только на так называемую первичную унитарную установку, допуская осознаваемость "конкретных" фиксированных установок (А. Е. Шерозия, 1969; 1973). Третью, глубоко отличную, позицию в этом вопросе занимает Ш. Н. Чхартишвили. Он развивает представления о принципиальной бессознательности первичной установки. Через понятие первичной установки, по справедливому мнению Ш. Н. Чхартишвили, происходит линия водораздела между пониманием установки в школе Д. Н. Узнадзе и многочисленными вариантами исследований установки в западной психологии (Ш. Н. Чхартишвили, 1971).

С нашей точки зрения, вопрос о "бессознательности" установки, бесспорно, выиграет при переводе его на почву исторического анализа. Благодаря работам А. Е. Шерозия открывается захватывающая картина становления теории установки. Разрабатываемые в двадцатых годах Д. Н. Узнадзе варианты решения "задачи преодоления постулата непосредственности", сама постановка автором теории установки этой задачи были решающим шагом на пути освобождения психологии от охватившего ее кризиса. Мы считаем, что "задача преодоления постулата непосредственности" должна по праву войти в историю психологической науки под именем "задачи Узнадзе". Можно сказать, не рискуя впасть в преувеличение, что классик отечественной психологии Д. Н. Узнадзе самой постановкой "задачи преодоления постулата непосредственности" задал, пользуясь термином Т. Куна, исходную парадигму, которая в значительной степени определила ход теоретических поисков в советской психологии. Для того, чтобы показать это, не нужно далеко ходить за примерами. Достаточно раскрыть недавно вышедшую монографию А. Н. Леонтьева "Деятельность. Сознание. Личность", в которой постановка задачи преодоления "рокового", по выражению Д. Н. Узнадзе, постулата непосредственности - одна из отправных точек исследования (А. Н. Леонтьев, 1975).

"Задачу Узнадзе" нельзя не учитывать при рассмотрении положения о принципиальной бессознательности установки, поскольку это положение имеет смысл только в контексте решения данной задачи. Решение этой задачи привело основателя теории установки к необходимости в качестве одного из самых существенных признаков опосредующей субстанции, т. е. субстанции, помещенной между физическим и психическим и порождающей сознательную психику человека, объявить "бессознательное". Без этого признака "опосредующая" субстанция не смогла бы сыграть роль категории, олицетворяющей единство психического и физического видов детерминации, категории, предназначенной для того, чтобы прорвать замкнутые границы сознания. Иными словами, "бессознательное" при решении "задачи Узнадзе" - это иносказание требования отказаться от постулата непосредственности и выйти за границы сознательной психики, сжавшие в своих тисках традиционную психологию.

Однако "бессознательное" как признак, в свое время методологически необходимый для решения "задачи Узнадзе", и вопрос о неосознаваемости или осознаваемости установок, взятый в онтологическом плане, - совсем не одно и то же. Тезис о принципиальной "бессознательности" установки, перенесенный в онтологическую плоскость рассмотрения, противоречит представлениям Д. Н. Узнадзе об установке, сформированной в плане объективации и являющейся продуктом сознательной деятельности человека. Кроме того, тезис о "бессознательности" и, соответственно, "первичности" установки, взятый на вооружение в онтологическом плане, приводит к неразрешимым парадоксам в отношениях между установкой и восприятием (А. Г. Асмо-лов, 1975) и становится роковым, т. к. его неизбежным следствием является отрыв установки от деятельности, в которой установка и обретает свое конкретное содержание.

Этот тезис приводит также к тому, что автор интереснейшей монографии об установке А. Е. Шерозия оказывается вынужденным постулировать положение о принципиальной невозможности прямого экспериментального изучения первичной установки. Постулирование подобного положения, по сути, означает, что за первичной установкой не стоит какого бы то ни было конкретно-психологического явления. С этим трудно согласиться, т. к. онтологический статус первичной установки был указан Д. Н. Узнадзе весьма однозначно. Рассматривая идею К. Левина о "побудительном характере определенного круга предметов", Д. Н. Узнадзе писал: "Левин в этом случае дает фактическое наблюдение, которое соответствует предположению о возникновении установки в определенном направлении (разрядка наша. - А. А.) лишь у субъекта, имеющего определенную потребность, и при наличии ситуации, необходимой для ее удовлетворения" [18, 168]. Экспериментальному исследованию этого явления посвящены многочисленные работы К. Левина и его последователей, последний цикл исследований Ш. Н. Чхартишвили, а также впечатляющие эксперименты этологов, изучающих потребность "до" и "после" ее первой встречи с предметом потребности.

Анализ онтологического статуса первичной установки убеждает в том, что для самого Д. Н. Узнадзе является глубоко чуждым противопоставление установки и деятельности. В концепции Д. Н. Узнадзе с момента ее появления имплицитно содержалось различение потребности как обязательной предпосылки деятельности и потребности как того, что направляет и регулирует деятельность. Д. Н. Узнадзе доказывал, что о психологическом содержании потребности может идти речь лишь в том случае, когда она "встречается" с предметом, "нужным" для субъекта. Особое (целостное) состояние субъекта, возникшее после встречи потребности с ее предметом, он обозначил термином "установка". Таким образом, в концептуальном аппарате теории установки Д. Н. Узнадзе представляется возможным различать по своему отношению к деятельности две формы потребности: а) потребность до "встречи" с предметом - условие и предпосылка возникновения деятельности; б) потребность после "встречи" с предметом - установка, направляющая и регулирующая деятельность. Последняя и понимается, по-видимому, Д. Н. Узнадзе как конкретно-психологическое явление, стоящее за "первичной установкой". Нам кажется, что близкой точки зрения на вопрос об онтологическом статусе первичной установки придерживается один из ведущих представителей школы Д. Н. Узнадзе - А. С. Прангишвили (см. А. С. Прангишвили, 1975).

Для того, чтобы показать, что за "первичностью" установки стоит конкретно-психологическое явление, доступное экспериментальному анализу, а также неадекватность тезиса о "первичности" (в смысле противопоставленности деятельности) и, соответственно, принципиальной бессознательности унитарной установки, нам пришлось обратиться к рассмотрению одного из аспектов проблемы отношений установки и сознания в деятельности. Случайно ли это? Нет. С нашей точки зрения проблема взаимоотношений установки и сознания не может решаться с позиций "деятельностно-установочного" параллелизма и находится в подчиненном отношении к более общей проблеме - к проблеме исследования места установки в структуре деятельности. Иными словами, осознаваемость и неосознаваемость установки зависят в значительной степени от того, какое место занимает установка в структуре деятельности человека.

Поэтому первоочередной задачей, на необходимость разрешения которой давно указывал Ф. В. Бассин, мы считаем задачу анализа места установки в структуре деятельности. В качестве одного из возможных вариантов решения этой задачи нами предложена гипотеза о б иерархической структуре установки как механизма регуляции деятельности (*Гипотеза об иерархической структуре установки как механизма регуляции деятельности разрабатывается нами под руководством А. Н. Леонтьева*). При решении этой задачи в первую очередь встал вопрос поиска критериев для выделения различных уровней установки в структуре деятельности. Направление поиска таких критериев было продиктовано изучением этого вопроса в исследованиях Д. Н. Узнадзе.

Что послужило для автора теории установки основанием для выделения определенной формы установки в процессе поведения? Ключ к ответу на этот вопрос - положение Д. Н. Узнадзе об основополагающем значении содержательного или объективного фактора для понимания природы установки. Д. Н. Узнадзе, проведя глубокий анализ связи установки с поведением, пишет: "То, какие силы приведет субъект в действие, каково будет это действие, зависит от нужного субъекту предмета (разрядка наша. - А. А.), на который он направляет свои силы: особенности действия, активности, поведения определяются предметом" [19, 332]. Отсюда вытекает, что из числа объективных факторов "ситуации разрешения задачи", обусловливающих установку на осуществление определенного поведения и, соответственно, само поведение, Д. Н. Узнадзе выделяет предмет, "нужный" субъекту.

Далее он, учитывая тот безусловный факт, что протекание поведения определяется не только вызвавшим его предметом, предполагает в целостной, но сложной картине поведения существование относительно независимых частей - отдельных частей, действий, служащих одной цели и занимающих определенное место в целостной картине поведения (Д. Н. Узнадзе, 1966). Представление Д. Н. Узнадзе о существовании в потоке поведения отдельных частей приводит его к соотнесению этих "частей" с установкой. Но такое соотнесение производится Д. Н. Узнадзе только по отношению к одной самой важной детерминанте поведения - по отношению к предмету, "нужному" для субъекта. Что же касается "частей" в целостной структуре поведения, то замечание Д. Н. Узнадзе об их существовании, а, следовательно, и о необходимости соотнесения этих "частей" с установками на объективные условия ситуации, детерминирующие эти "части", пока не получило своего развития. Между тем, положение Д. Н. Узнадзе об основополагающем значении содержательного фактора для понимания природы установки буквально требует соотнесения установок с различными объективными детерминантами, обусловливающими структуру поведения. Это побуждает нас, следуя логике движения мысли Д. Н. Узнадзе при изучении установки - движения от объективного содержательного фактора к пониманию природы установки и специфики ее различных форм, - выбрать в качестве основного критерия для выделения разных уровней установки место объективного содержательного фактора, вызывающего установку при наличии потребности, в структуре деятельности.

В советской психологии наиболее полно представления о строении деятельности, об ее сложной иерархической структуре разработаны в теории деятельности, развиваемой А. Н. Леонтьевым. Конкретные виды деятельности выделяются в теории А. Н. Леонтьева по критерию вызывающих их предметов потребности или, используя термин А. Н. Леонтьева, мотивов деятельности. В деятельности вычленяются относительно самостоятельные, но неотторжимые от ее живого потока "единицы" - действия и операции. Под "действиями" понимаются процессы, направленные на достижение осознаваемого предвидимого результата, т. е. цели. В действиях вычленяются операции - способы осуществления действия, которые соотносимы с условиями выполнения действия. И, наконец, четвертым необходимым моментом психологического строения деятельности являются "исполнительные" психофизиологические механизмы - реализаторы действий и операций. Если бросить взгляд на строение деятельности немного со стороны, то в ней просматриваются два аспекта: мотивационный и операционально-технический. При исследовании мотивационного аспекта открываются причины, обусловливающие общую направленность и динамику деятельности в целом, а при исследовании операционально-технического аспекта - конкретные пути и способы ее выполнения.

Системный анализ деятельности необходимо приводит к изучению психического отражения действительности, порождаемого в процессе деятельности и регулирующего этот процесс. В сложном движении от деятельности к сознанию можно выделить, ориентируясь на мотивационный и операционально-технический аспекты

деятельности, две системы отношений, в которые вовлекаются условия деятельности. Первая система отношений - это отношения социально-предметных условий деятельности друг к другу. В этой системе обнаруживается объективное значение этих условий для протекания деятельности. Содержание значений - обобщенного отражения действительности - может быть зафиксировано в сфере понятий, знаний, обобщенных образов действия, предметных и социальных норм, ценностей и т. д. "Значение" - это одна из "единиц" сознания. Другая "единица" сознания - личностный смысл. Эта единица раскрывается при изучении второй системы отношений - отношений субъекта к предметно-социальным условиям деятельности. Порождаясь этой системой отношений, личностный смысл выражает в индивидуальном сознании содержание реальных отношений человека к миру и определяет пристрастность сознания.

После этого очень краткого описания психологического строения деятельности человека и характеристики основных единиц сознания, приобретает силу выбранный нами критерий - место объективного содержательного фактора, вызывающего установку, в структуре деятельности.

При использовании этого критерия для выделения различных форм установки последняя предстает перед нами как иерархическая уровневая структура. Соответственно объективным детерминантам в ситуации деятельности - мотиву (предмету потребности), цели (осознаваемому предвидимому результату) и условиям осуществления действия, а также тому содержанию, которое открывается при изучении деятельности в плане сознания, нами выделяются три уровня установочной регуляции деятельности человека: уровни смысловой, целевой и операциональной установок.

Ведущим уровнем установочной регуляции деятельности является смысловая установка. Она актуализируется мотивом и выступает в форме вызванного мотивом отношения субъекта к цели действия. В плане сознания содержание этого отношения представлено личностным смыслом. Смысловая установка и есть не что иное, как форма выражения личностного смысла в виде готовности к совершению определенной деятельности.

Пути установки и смысла не раз пересекались в истории психологии. Еще А. Бинэ, раскрывая содержание смысла, понимал под ним "зачаточное действие", "эскиз будущего действия". Близость идеи об установке Д. Н. Узнадзе и идеи А. Н. Леонтьева о "личностном смысле" неоднократно отмечалась в отечественной литературе в исследованиях А. С. Прангишвили (1975), Ф. В. Бассина (1975), А. В. Запорожца [19, 60]. Уже отсюда видно, что наши представления о личностном смысле (отражении в сознании отношения мотива к цели) и первичной установке (форме выражения этого отраженного в сознании отношения в регуляции деятельности) вырастают не на пустом месте. Но, конечно, самым важным аргументом, доказывающим необходимость выделения уровня смысловой установки, являются те экспериментальные факты, которые демонстрируют вклад смысловой установки в регуляцию деятельности. Анализ исследования А. Н. Леонтьева и А. В. Запорожца (1945), посвященного восстановлению функции руки после ранения, и затронутых в этом исследовании вопросов о влиянии "личностной установки" на деятельность позволил выделить следующие характеристики и функции "смысловой установки".

Во-первых, смысловая установка определяет общую направленность и динамику протекания деятельности. Эта функция может непосредственно проявиться в общей смысловой окраске различных действий, входящих в состав деятельности. Во-вторых, смысловые установки могут быть как осознаваемы, так и неосознаваемы. О неосознаваемости смысловых установок красноречиво свидетельствует тот факт, что некоторые больные даже не в силах вспомнить то, какой рукой они выполняли задание при оценке веса объектов. Осознаваясь, содержание смысловой установки открывается субъекту в форме "значения для меня" того или иного события. При исследовании функции смысловой установки в регуляции деятельности недостаточно ограничиться указанием на то, что смысловые установки осознаются. Более значимым для понимания природы смысловых установок становится вопрос, достаточно ли "означения" содержания смысловой установки для ее изменения, сдвига. Может ли произойти изменение смысловой установки под непосредственным влиянием вербальных воздействий? Отвечая на эти вопросы, мы должны указать третью важную особенность смысловых установок. Она заключается в том, что сдвиг смысловых установок всегда обусловлен изменением тех реальных жизненных отношений личности к действительности, которые они выражают в деятельности, изменением мотива деятельности.

Эта особенность смысловых установок позволяет резко отделить их от понятия "отношение" (В. Н. Мясищев) и от фиксированных социальных установок, справедливо отождествляемых В. А. Ядовым с "отношением" в концепции В. Н. Мясищева. Сдвиг фиксированных социальных установок - субъективных образований - может произойти непосредственно под влиянием новой вербальной информации об объекте этих установок. Смысловая же установка - это, скорее, "субъектное", чем "субъективное" образование. Для ее сдвига такого условия как осознание привлекательности (или непривлекательности) объекта установки явно недостаточно. В этом убеждают примеры сдвига смысловых установок, приводимые А. Н. Леонтьевым и А. В. Запорожцем (1945). Эти примеры

доказывают, что только изменение мотива деятельности, т. е. только включение личности в новую деятельность приводит к сдвигу смысловой установки. Еще раз подчеркнем, что содержание смысловой установки может открыться сознанию в форме "значения для меня", но этого недостаточно для сдвига смысловой установки.

Вообразите на мгновение, что вы, руководствуясь самыми благими намерениями, пришли к Акакию Акакиевичу и объясняете ему, что не годится, мол, видеть смысл жизни в переписывании каллиграфическим почерком холодных административных бумаг. Маленький чиновник из гоголевской "Шинели" почти наверняка побоится не согласиться с вами и покорно кивнет головой, а, может, подивится вашей правоте. Однако от одного лишь осознания не произойдет сдвига смысловой установки. Будут меняться "отношения", в смысле В. Н. Мясищева, будут шевелиться и сигналить о неблагополучии переживания на поверхности системы сознания, а перемены смысловой установки не произойдет, пока не изменится через деятельность содержание тех реальных жизненных отношений, которые выражает смысловая установка. Таким представляется в первом приближении перспектива решения вопроса о влиянии осознания на сдвиг смысловой установки.

Четвертая особенность смысловой установки состоит в том, что она обладает фильтрующей функцией по отношению к установкам низлежащих уровней: смысловая установка блокирует проявление не соответствующих ей операциональных установок и извлекает из прошлого опыта релевантные ей установки и стереотипы поведения. Так, в исследовании А. Н. Леонтьева и А. В. Запорожца (1945) выработанные операциональные фиксированные установки не актуализировались, если они вступали в конфликт со смысловой установкой. Из перечисленных особенностей смысловой установки основная - определение общей направленности и динамики деятельности. Эта функция смысловой установки прежде всего проявляется в выборе тех или иных целей, соответствующих мотиву деятельности. В том случае, если осуществляется процесс целеобразования, он приводит к возникновению целевой установки.

Под целевой установкой понимается готовность к достижению осознаваемого предвидимого результата, определяющая направленность данного конкретного действия. Многочисленные исследования позволяют сделать вывод о том, что целевая установка выполняет по отношению к действию избирательно-регулирующую функцию (О. Кюльпе, 1904; Г. Ах, 1905; К. Левин, 1926; Д. Брунер, 1957; Р. Габер, 1966; Д. Бродбент, 1970; Д. Каннеман, 1973 и т. д.) (*Анализ этих исследований проведен нами в ряде работ [1, 2, 3]*).

Трудности выделения целевой установки в качестве самостоятельного момента осуществления действия связаны с тем, что в условиях нормального функционирования действия она практически спрятана в нем, слита с целью и никак феноменологически не проявляет себя. Ситуация, однако, разительно меняется, если смена целевых установок не поспевает за резким изменением действия. Тогда целевые установки обнаруживают себя, подобно тому, как мгновенно обнаруживается инерция движения быстро бегущего человека при резкой остановке. Выпадая из общей системы активного целенаправленного действия, целевая установка начинает выступать в своем собственном движении, которое носит в ряде случаев извращенный характер, проявляясь, например, в системных персеверациях (см. А. Р. Лурия, 1945; 1966).

В других случаях, не принимая патологической окраски, целевые установки выступают как сила, ушедшая из-под сознательного контроля субъекта, и проявляются в тенденциях к завершению прерванного действия (феномен Зейгарник). Эти факты доказывают существование уровня целевой установки. Целевая установка в системе уровней установочной регуляции деятельности играет особую роль - роль интегратора установок смыслового и операционального уровней. Такой вывод базируется на трех капитальных положениях, развитых в советской психологии: положении А. Н. Леонтьева о действии как об основной единице деятельности; положении Н. А. Бернштейна о том, что осознаваемая афферентация всегда занимает ведущий уровень в управлении движениями; положении А. С. Прангишвили об установке как "общем конечном пути", вбирающем в себя системы перманентных диспозиций и определяющем результирующую ориентацию выявляющейся деятельности. Учитывая эти три положения, можно предположить, что от целевой установки, возникающей при наличии осознаваемого предвидимого результата действия, зависит то, какие именно установки других уровней будут актуализированы у субъекта в данной конкретной ситуации. Целевая установка, согласно этому предположению, всегда является актуальной установкой, и в ней сфокусированы установки других уровней. Реализуясь в действии, целевые установки не исчезают бесследно, а продолжают существовать как готовность к повторной актуализации, пробуждающаяся при повторении тех условий, в которых они возникли.

В школе Д. Н. Узнадзе обычно то, что мы понимаем под смысловыми и целевыми установками, фигурирует под термином "установка на будущее". Описывая изменения "установки на будущее" при переходе в хроническое состояние, представители школы Д. Н. Узнадзе совершенно обоснованно утверждают, что эти установки утрачивают свою побудительную и направлящую функцию. Каким образом целевая установка утрачивает регулирующую функцию? На наш взгляд, ответ на этот вопрос следует искать в тех изменениях, которые

претерпевает действие в процессе своего формирования, т. к. судьба целевой установки неразрывно связана с судьбой действия. В процессе формирования действия его цель занимает в строении другого, более сложного действия место условия его выполнения. При этом цель и, соответственно, целевая установка теряют направляющую функцию, а действие превращается в операцию. Понизившись в деятельностном ранге, действие и его цель уже прямо не презентируются в сознании. Таков один из путей возникновения операций. Он объясняет утрату целевой установкой ее избирательно-регулирующей функции и приводит нас к "фоновому" уровню установочной регуляции - уровню операциональных установок.

Под операциональной установкой понимается готовность субъекта к осуществлению определенного способа действия, которая возникает в ситуации разрешения задачи на основе "превосхищения", опирающегося на прошлый опыт поведения в подобных ситуациях, и учета условий наличной ситуации. Конкретное выражение способа осуществления действия зависит от содержания предвосхищающего условия. Говоря о содержании условия, мы имеем в виду представление А. Н. Леонтьева о том, что человек находит в обществе не просто внешние условия, а сами эти условия несут в себе средства, способы действия, предметные и социальные нормы. Условия деятельности обладают этим присущим только миру человеческих предметов свойством, т. к. в них объективированы "значения" (*В зарубежной психологии этот факт нашел свое отражение в идее К. Дункера о "функциональной фиксированности. Если сбросить с построений К- Дункера о психологическом статусе прошлого опыта феноменологические облачения, то за ними как раз и открывается положение о том, что предметный мир "втягивается", по выражению А. Н. Леонтьева, в человеческую деятельность, которая кристаллизируется в "значениях"*). Именно в значениях содержатся те "готовые формулы", о которых писал Д. Н. Узнадзе (Д. Н. Узнадзе, 1961) и которые передаются из поколения в поколение, не позволяя распасться связи времен.

Эти "значения", будучи представлены в образе предвосхищаемого условия, определяют конкретное выражение способа осуществления действия. В случае совпадения образа предвосхищаемого условия с фактически наступившим условием ситуации разрешения задачи операциональная установка приводит к осуществлению адекватной операции. Так выглядит в самых общих чертах содержание и механизм операциональной установки.

Проведенный нами анализ ситуации выработки установки посредством метода "фиксации установки" Д. Н. Узнадзе показывает, что фиксированные установки, плодотворно исследуемые в течение многих лет в школе Д. Н. Узнадзе, относятся по их месту в деятельности к операциональным установкам. Вслед за А. С. Прангишвили мы привлекаем для объяснения действия операциональных фиксированных установок представления о вероятностном прогнозировании (И. М. Фейгенберг). Но существующие в настоящее время представления о вероятностном прогнозировании не могут полностью объяснить действие операциональной установки, т. к. в них не учитывается предметное содержание предвосхищаемого условия. Между тем, как показывает анализ экспериментальных фактов и ситуаций повседневной жизни, именно предметный содержательный момент играет главную роль при решении вопроса об осознаваемости операциональной установки. Так, социальные операциональные установки осознаются при их нарушении (князь Мышкин осознает свод моральных правил только после того, как он их нарушает, а до этого момента он бессознательно руководствуется в своем поведении этими операциональными установками) и поднимаются до уровня целевых, а в иных случаях и до уровня смысловых установок. В отличие от социальных операциональных установок операциональные фиксированные установки, обусловливающие различные иллюзии, как правило, существуют в неосознаваемой форме.

Предложенная гипотеза об иерархической уровневой структуре установки как механизма регуляции деятельности, вырастает на фундаменте двух положений - положения Д. Н. Узнадзе об основополагающей роли объективного содержательного фактора установки и положения А. Н. Леонтьева об иерархическом строении деятельности. Она позволяет, как мы пытались показать выше, пролить свет на проблему осознаваемости и неосознаваемости различных уровней установочной регуляции деятельности. С ее помощью удается объединить накопленные в истории советской и зарубежной психологии факты проявления установки в одну непротиворечивую систему и избавиться от терминологической путаницы, мешающей исследованию проблемы установки (см. об этом А. Г. Асмолов, М. А. Ковальчук, М. А. Яглом, 1975; А. Г. Асмолов, 1975; 1976). Однако, эта гипотеза - пока лишь самый первый шаг на пути изучения вопроса о месте установки в структуре деятельности.

9. On the Hierarchical Structure of Set as a Mechanism of Intentional Activity Regulation. A. G. Asmolov

Moscow State University, Department of Psychology

Summary

The author analyses the possibility of including D. X. Uznadze's concept of "set" into the framework of the theory of intentional activity (A. N. Leontyev). The hypothesis of the hierarchical structure of set as a mechanism of intentional activity regulation is suggested. The hierarchical structure of set includes three levels of set regulation of intentional activity: levels of personally-meaningful set, goal set, and operational set. It is shown that the influence of consciousness (unconsciousness) on the performance of intentional activity depends upon the place of set in the structure of intentional activity. The author emphasizes the fact that the content of personally-meaningful set can be represented in consciousness in the form of "personality sensev. But realization of personally-meaningful set does not lead to its change. From the author's point of view involvement of the subject in some new intentional activity is the main condition for the change of personally-meaningful set. The suggested hypothesis allows to combine into one psychological system different facts which previously had to be treated by separate theories.

Литература

1. Асмолов А. Г., Деятельность и установка. Сообщение I. Фундаментальная идея Д. Н. Узнадзе. Сообщение II. Некоторые парадоксы проблемы первичной установки. В сб.: Новые исследования в психологии, 2, 1975.

2. Асмолов А. Г., Проблема установки в необихевиоризме: прошлое и настоящее. В сб.: Вероятностное прогнозирование в деятельности человека, М., 1977.

3. Асмолов А. Г., Ковальчук М. А., Яглом М. А., Об иерархической структуре установки. В сб.: Новое в психологии, вып. I., М., 1975.

4. Бассин Ф. В., Проблема "бессознательного", М., 1968.

5. Бассин Ф. В., К проблеме осознаваемости психологических установок. В сб.: Психологические исследования, Тбилиси, 1973.

6. Бассин Ф. В., РОЖНОВ В. Е., О современном подходе к проблеме неосознаваемой психической деятельности (бессознательного). Вопросы философии, 10, 1975.

7. Бернштейн Н. А., О построении движений, М., 1947.

8. Дункер К., Психология продуктивного (творческого) мышления. В сб.: Психология мышления, М., 1965.

9. Запорожец А. В., Развитие произвольных движений, М., 1960.

10. Леонтьев А. Н., Деятельность. Сознание. Личность, М., 1975.

11. Леонтьев А. Н., Запорожец А. В., Восстановление движений, М., 1945.

12. Лурия А. Р., Нарушения установки и действия при мозговых поражениях. Психология, сборник, посвященный 35-летию деятельности Д. Н. Узнадзе, Тбилиси, 1945.

13. Лурия А. Р., О двух видах двигательных персевераций при поражениях лобных долей мозга. В сб.: Лобные доли и регуляция психических процессов, МГУ, 1966.

14. Надирашвили Ш. А., Понятие установки в общей и социальной психологии, Тбилиси, 1974.

15. Натадзе Р. Г., Экспериментальные основы теории установки Д. Н. Узнадзе. В сб: Психологическая наука в СССР, т. II, М., 1960.

16. Прангишвили А. С., Психологические очерки, Тбилиси, 1975.

17. Узнадзе Д. Н., Основные положения теории установки. В кн.: Экспериментальные основы психологии установки, Тбилиси, 1961.

18. Узнадзе Д. Н., Психологические исследования, М., 1966.

19. Чхартишвили Ш. Н., Некоторые спорные проблемы психологии установки, Тбилиси, 1971.

20. Шерозия А. Е., К проблеме сознания и бессознательного психического. Опыт исследования на основе данных психологии установки, том I, Тбилиси, 1969.

21. Шерозия А. Е., К проблеме сознания и бессознательного психического. Опыт интерпретации и изложения общей теории, том II, Тбилиси, 1973.

22. Асн, N.. Ober die Willenstatigkeit und das Denken, Gottingen, 1905.

23. Broadbent, D. E., Stimulus set and response set: two kinds of selective attention. In: Attention: Contemporary Theory and Analysis, N. Y., 1970.

24. Bruner, J. S., On perceptual readiness. Psychol. Rev., 1957, 64, 2.f

25. Haber, R. N.. The nature of the effect of set on perception. Psychol. Rev., 1966, 73.

26. Kanneman, D., Attention and Effort, New Jersey, 1973.

27. Kulpe, O., Versuche uber Abstraktion, Berlin, I. Kongr. exper. Psychol., 1904.

28. Lewin, K., Vorsatz, Wille und Bedurfnis, Berlin, 1926.

10. Бессознательное и категории отражения П. Бруно (L'inconscient et la categorie de reflet. Pierre Bruno)

10. L'inconscient et la categorie de reflet. Pierre Bruno

Universite de Paris, France

I

Je ne tenterai pas ici d'articuler une fois de plus materialisme historique et psychanalyse. Sur ce point, ma tendance est aujourd' hui de poser comme prealable l'existence d'un hiatus entre les deux, qu'il est d'abord necessaire de reconnaitre pour construire la problematique de cette question.

Mon but, quoique lie a la question evoquee, est different et, a dire vrai, d'un genre hybride: ni exclusivement scientifique, ni exclusivement philosophique. D'une part, il s'agit d'un detour theorique-au moyen de la philosophic marxiste-pour elucider certaines difficultes auxquelles me confrontele developpement scientifique de la psychanalyse. D'autre part, je veux essayer de determiner lestatut philosophique duconcept psychanalytique d'inconscient et mettre en cesens le materialisme dialectique a l'epreuve de la decouverte freudienne. On m'objectera que je pars du presuppose que la psychanalyse est scientifique, alors même que je limiterai au strict minimum son expose theorique. Je l'admets, tout en esperant que ce probleme beneficiera, dans ma demarche, d'un eclairage lateral.

Il est important de noter que cette preoccupation concernant les implications philosophiques de la psychanalyse se pose, aussi ou deja, avec beaucoup d'acuite dans la psychanalyse elle-même. Elle inaugure ainsi le Seminaire, livre XI de Jacques Lacan: "La psychanalyse est, au premier abord, bien faite pour nous diriger vers un idealisme /.../ Il suffit de nous reporter au trace de cette experience depuis ses premiers pas, pour voir au contraire qu'elle ne nous permet en rien de nous resoudre a un aphorisme comme la vie est un songe. Aucune praxis plus que l'analysen'est orientee vers ce qui, au coeur de l'experience, est le noyau du reel" /p. 53/.

Personne, bien sur, ne peut ou ne devrait se satisfaire d'une simple declaration, d'autant plus que la signification des concepts enonces par Lacan est encore a decouvrir. En ce qui concerne celui de reel, il est le fruit d'une elaboration nouvelle et ne recouvre aucun des deux termes de la distinction propre a Freud entre realite psychique et realite exterieure. C'est de cette distinction que je vais proceder, pour mesurer le chemin parcouru depuis Freud et gr&##226;ce a lui.

II

Dans l'Esquissed'une psychologie scientifique (1895) de Freud, on trouve une premiere forme de cette distinction (distinction et pas forcement opposition). Il y est ecrit: "Les indices de decharge par la voie verbale sont, eux aussi, dans un certain sens, des indices de realite, de realite de pensee et non de realite exterieure". /p. 383/ (*Sauf indication contraire, les references des textes cites renvoient aux editions franchises*).

Je ne peux reconstituer ici le detail de ce qui est en jeu, ce qui demanderait un travail specifique. Disons que deux categories d'indices de realite sont differenciees. Les uns, indices de realite exterieure, permettent derepondre a la question: quand yat-il perception d un objet exterieur, et quand yat-il seulement representation decet objet dans l'appareil psychique? Les autres, indices de realite de pensee, permettent derepondre a la question: quand yat-il processus de pensee? Cette dernie-re question n'est pertinente que parce que les processus de pensee sont concus comme etant a l'origine depourvus de conscience. Les indices de decharge par la voie verbale sont alors le seul moyen de temoigner que ces processus de pen-see ont reellement lieu. C'est ce que Freud resume ainsi:

"Lesindices de decharge par la voiedulangage peuvent servir a pallier cette insuffisance. Ils portent les processus cogitatifs sur le plan même des processus perceptifs en leur conferant une realite et en rendant possible leur souvenir" /p. 376/.

Une di'ssymetrie merite deja d'etre notee. Dans le cas des premiers indices, le probleme est de savoir s'ilya un objet exterieur correspondant a l'investissement d'un frayage dans l'appareil psychique, autrement dit s il y a perception, celle-ci etant toujours definie comme l'effet d'un objet exterieur. Freud a sur ce point une position materialiste non ambigue, meme si le contenu de sa reponse peut etre corrige et enrichi par la psychophysiologic con-temporaine:

"La qualite, ce caractere distinctif des excitations, passe sans entraves par φ (le systeme receptif/, au travers de ψ/le systeme des frayages/ pour aboutir a ω (le systeme perceptif) ou elle cree une sensation; elle est representee par une periode particuliere du mouvement neuronique, qui n est certainement pas la meme que celle du stimulus tout en conservant quelques rapports avec lui, suivant une formule de reduction que nous ignorons," /p. 333/.

Dans le cas des indices de decharge par la voie verbale, la question a une portee differente. L'adequation de la pensee avec la realite exterieure n'est pas interrogee; il ne s'agit que de savoir si des processus de pensee ont lieu ou non, comment ils peuvent devenir conscients, et comment ils peuvent etreremem ores. Porteepluscourteapparemment, mais qui va mener Freud beaucoup plus loin, dans la mesure ou s'y prefigure une metapsychologie qui va permettre de penser l'inconscient.

La definition synthetique proposee par Laplanche et Pontalis dans leur Vocabulaire de psychanalyse va nous servir a determiner plus precisement l'enjeu de ce concept de realite psychique (terme substitue par Freud a celui de realite de pensee) et a en reperer l'ambig'ute:

"Terme souvent utilise par Freud pour designer ce qui, dans le psychisme du sujet, presente une coherence et une resistance comparables a celle de la realite materielle: il s'agit fondamentalement du desir inconscient et des fantasmes connexes". Ici l'insistance porte sur une sorte de parallelisme ("coherence et resistance comparables a...") avec la realite materielle. Mais les deux auteurs poursuivent:

"Quand Freud parle de realite psychique, ce n'est pas simplement pour designer le champ de la psychologie congu comme ayant son ordre de realite propre et susceptible d'une investigation scientifique, mais ce qui, pour le sujet, prend, dans son psychisme, valeur de realite".

Une telle formulation est, on le voit, ouverte a deux accentuations

distinctes:

- la realite psychique n'est realite que pour le sujet. Prolongernent possible decette premiere accentuation: elle est d'autant plus realite pour le sujet que celui-ci est nevrose ou psychotique.

Deuxieme accentuation:

- la realite psychique est aussi consistante que la realite materielle. Elle constituerait a cote de cette derniere un deuxieme genre dela realite.

Bien sûr, une telle alternative ne peut être tranchee, a supposer qu'il y ait alternative. Rien en tous cas chez Freud n'y autorise. Je la traiterai done plutôt comme une aporie qui revele l'impossibilite d'elucider la question au moyen d'une opposition dualiste sujet-objet.

III

Pour avancer, il faut done tenter de se situer en dehors de cette opposition. La encore, je recours a un texte de Freud, dont un des interêts est d'avoir fait l'objet deplusieursredactions/cf. Standard Edition, tome V, p. 620, note 1/. L'etat final (1919) de ce texte, extrait de L'Interpretation des rêves estle suivant:

"Faut-il reconnaître aux desirs inconscients une realite? Je ne saurais dire, Naturellement, il faut la refuser a toutes les pensees de transition et de liaison. Lorsqu' on se trouve en presence des desirs inconscients ramenes a leur expression derniere et la plus vraie, on est bien force de dire que la realite psychique est une forme d'existence particuliere qui ne saurait etre confondue avec la realite materielle" /p. 526/.

Premiere constatation, premier etonnement: les pensees de transition et de liaison, c'est a dire les associations par lesquelles le contenu latent devient conscient, ne font pas partie de cette realite psychique. Cette exclusion ne contribue d'ailleurs pas a nous eclairer sur ce qu'il en est de "l'expression derniere et la plus vraie" des desirs inconscients. Deuxieme constatation, qui est un rappel: le systeme perceptif ne fait pas non plus partie de cette realite psychique. En aucun cas, il n'est ainsi possible d'affirmer que le concept freudien de realite psychique est tout le psychique. Un etat anterieur (1909) nous confirme que Freud a hesite avant de trancher dans ce dernier sens:

"Si nous considerons les desirs inconscients reduits a leur forme derniere et la plus vraie, nous avons a nous souvenir que sans aucun doute, la realite psychique aussi a plus d'une forme d'existence".

Plus d'une, oui, mais pourquoi Freud persiste-t'il a isoler, et a conceptual iser une de ces formes?

IV

Il est temps maintenant que la philosophie marxiste entre en scene; ou plus precisement la question "suprême" de toute philosophie, celle des rapports entre l'être et la pensee. Je l'aborderai sous ses deux aspects:

- le primat de l'etre sur la pensee,

- l'objectivite de la connaissance.

L'examen du premier aspect appelle d'abord une confirmation- Pour Freudla perception est une image dela realite exterieure, selon un mode specifique de reduction. Dans toute son oeuvre, aucune variation sur ce point. Si nous tenions la psychanalyse pour une theorie empiriste-sensualiste de la connaissance, nous pourrions cone lure sans hesiter que la psychanalyse est materialiste.

Mais laissons cette solution imaginaire. Ni la psychanalyse, ni le marxis, me ne relevent d'une philosophie empiriste qui reduit la connaissance a "l'inscription passive" d'un contenu de pensee dans l'esprit receptif d'un sujet. Le problemedu primat dt l'etre sur la pensee rebondit des lors sous une forme nouvelle: quel est le rapport, chez Freud, entre realite materielle et realite psychique? A cet egard, notre embanas est grand. La question, pourtant, n'est pas etrangere a Freud, au contra ire! Elle traverse et travaille l'une de ses grandes analyses, celle de l'homme aux loups. Dans cet extrait de l'histoire d'une nevroseinfantile, la quete de Freud est tendue vers un seul but: demontrer que lefantasme de la scene originaire, reconstruction dans l'analyse de I'observation qu'aurait fait le patient, a i'âge d'un an et demi, d'un coït parental, a un noyau reel. Au fantasme (realite psychique) correspondrait done un (ou plusieurs) evenement reel (realite materielle).

Plus qu'a l'argumentation point par point de Freud, c'est au sens de sa demarche que je vais m'interesser. II s'agit pour lui de parer a deux dangers, dont la realisation conduirait a effacer la specificite dela psychanalyse.

D'un côte, chercher un referent reel au fantasme, et au desir in conscient qu'il accomplit, c'est courir le risque d'interrompre la logique des associations dont jamais aucun element - c'est la definition même d'une chaîne signifiante - ne peut indiquer directement le reel. Entre le reel et son effet subjectif, il est necessaire de preserver le temps du des'r (*Tres tôt, Freud a decouvert qu'un trauma ne pouvait avoir d'effet qu'apres-coup. Cf. La naissance de la psychanalyse, p. 365*).

Ce qui n'evacue pas - j'y reviendrai - notre interrogation: quel est le rapport du reel au desir, mais l'inscrit dans une problematique radicalement differente de celle de la psychologic.

De l'autre, renoncer a poser un noyau reel, c'est glisser dans le devoiement que Freud denonce chez Jung et Adler a ne prendre en consideration que le reel actuel, on s'interdit de penser le reel infantile du sujet comme cause de la nevrose

En fait, deux dangers se conjoignent. Ils ne laissent d'autres issues que d'eluder le temps de formation du desir dans le proces de subjectivation o u de deboucher dans le cercle idealiste que pointe Freud:

"Rendons-nous bien compte que cette derniere tentative d'explication de nos adversaires aboutit a les debarrasser des scenes infantiles d'une facon bien plus complete qu'ils n'avaient pretendu d'abord le faire. On avait commence par dire qu'elles n'etaient pas des realites, mais des fantasmes. II est maintenant question non plus de fantasmes du malade, mais de fantasmes de l'analyste qu'il impose a l'analyse en vertu de certains complexes personnels" lin Cinq psychanalyses, p. 362/.

Il n'y a pas loin de cette these, ajouterai-je, a l'hypothese d'un "ciel" des fantasmes, que d'aucuns appelant "inconscient collectif."

Avancons encore un peu. Ce a quoi nous mene la discussion de L' homme aux loup s, et son apparente impasse, c'est a distinguer entre l'essence du fantasme - la structure intersubjective qu'il figure et le desir qu'il accomplit - et les materiaux avec lesquels il a pu se construire: perception dececi ou decela. On connait la solution a laquelle Freud se rallie, dont le merite historique est d'insister sur l'essence du fantasme: il existe des fantasmes originaires qui structurent la subjectivite meme quand aucun vecu individuel ne leur correspond. Mais, même aiors, le referent reel n'est pas dissous, mais renvoye a une origine historique, qu'on peut certes qualifier de mythique, ce qui n'en detruit pourtant pas la portee dans le fonctionnement de la theorie.

A ce point, notre embarras n'est pas leve, mais un premier enseignement peut etre tire de la demarche freudienne: Le reel ne se montre pas, il se demontre; ce qui nous introduira tout a l'heure a la distinction lacanienne reel/realite.

J'en viens maintenant au deuxieme aspect de la question gnoseologique: l'objectivite de la connaissance. Je prendrai la appui sur un extrait de Lenine, dans Material isme et empirio-criticisme:

"Il est vrai qu'un reve incoherent est un fait tout comme une philosophie incoherente. On n'en peut douter apres avoir pris connaissance de la philosophie d'Ernst Mach. Cet auieur confond, comme le dernier des sophistes, l'etu-de historico-scientifique ct psychologique des erreurs humaines, des "rêves incoherents" de toute sorte faits par l'humanite, tels que la croyance aux loupsgarous, aux lutins etc., avec la discrimination gnoseologique du vrai et de l'"incoherent" /p. 142/.

Sous cet angle, on pourrait se demander si la psychanalyse ne serait pas cette etude "psychologique" des "erreurs humaines, des reves incoherents... faits par l'humanite." L' espace ouvert par cette hypothese semble a premiere vue pouvoir rencontrer un echo chez Freud quand il ecrit:

"L'epreuve de realite n'est pas valable/pour les processus inconscients/, la realite de pensee equivaut a la realite exterieure, le desir a son accomplis-sement, a l'evenemtnt"/G.W.p. 234/. Dans cette voie, nous pourrions aller jusqu'a assigner au fantasme un statut d' illusionet, pourquoi pas, identifier l'imaginaire du fantasme a l'ideologique et l'epreuve d e realite au critere de la pratique. Je ne me hasarderai pas aujourd'hui sur ce terrain savonneux et m'en tiendrai a formuler-brievement-une objection majeure: L'epreuve de realite institue bien une partition dedans-dehors, a savoir ce qui est seulement represente et ce qui, represente, se retrouve a l'exterieur, mais elle depend d'un processus plus fondamental d'introduction dans le sujet et d'expulsion hors du sujet, cette derniere operation constituent le reel "en tant qu'il est le domaine de ce qui subsiste hors de la symbolisation"/Lacan, Ecrits, p. 388/. L'epreuve de realite, quant a elle, ne peut operer que dans le champ defini par Introduction dans le sujet, et ne peut pretendre constituer, a elleseuk, le critere de verite.

Ce detour par la question gnoseologique a done surtout une vertu negative. Apparemment, tout se passe comme si le concept de realite psychique etait inclassable dans ce cadre. Toutefois, je ne me haterai pas de conclure a un echec Ce qui fait la butee de ma tentative me semble desormais plus clair: le "secret" du concept de realite psychique ne peut etre decouvert qu'a la condition d'analyser le bouleversement provoque par le concept d'inconscient dans la conception des rapports entre realite materielle et psychique.

V

Ce que Lacan avance de l'inconscient dans le Seminaire, livre X I nous place d'emblee au vif de ce bouleversement:

"Eh bien! L'inconscient freudien, c'est a ce point que j'essaie de vous faire viserpar approximation qu'il se situe a ce point ou, entre la cause et ce qu'elle affecte, il ya toujours la clocherie /.../ L'inconscient nous montre la beance par ou la nevrose se raccorde a un reel qui peut bien lui n'etre pas determine.

Dans cette beance, il se passe quelque chose /.../ quelque chose de l'ordre du non-real ise /.../Cette dimension est a evoquer dans un registre qui n'est rien d'irreel, ni de dereel, mais de non-realise" /pp. 25-26/.

Le non-realise evoque ici n'est pas n'importe quoi. S'il en etait ainsi, l'interpretation psychanalytique ne serait qu'une hermeneutique, cuverte a n'importe quel sens et impossible a valider. Pour cerner ce non realisi, il faut partir de la these majeure de Lacan: l'inconscient a pour condition le langage Encore faut-il en evaluer la juste signification.

Un premier contre-sens est a eviter: faire de l'inconscient le "lieu reel d'ui autre discours". Affecter au discours le statut d'un lieu reel, comme le postule Jung dans ses notions d'archetyce ou d'inconscient collectif serten ef et de masque a une idealisation qui dissipe tout reel autre quele discours, L'inconscient n'est plus alors qu'un mythe culturel a decrypted un texte originaire, au sens biblique. Disons au passage que le structura-lisme est pour le moins ambigii vis-a-vis de cette deviation.

Cette these une fois recusee, il devient possible de s'engager dans une autre voie: le non-realise est ce qui, du discours de l'Autre (defini approximativement comme l'ensemble des paroles au sein duque l'individu biologique se constitue comme sujet) est reioule originairement dans le proces de subjcctivation, qui s'avere par la-même partition du sujet, ou, pour reprendre le terme freudien, clivage. Sans penetrerdans l'economie de ce proces, j'en enoncerai cependant deux traits essentiels:

- d'avoir pour condition le langage, l'inconscient se trouve structure comme lui;

- d'être l'effet du refoulement originaire, l'inconscient se trouve etre un discours non realise, trfs exactement un discours sans parole, dont la parole est toujours et encore, pour le sujet, a dire. C'est d'ailleurs bien la ou la parole n'advient pas que le symptôme y substitue.

Ce qui se repere ainsi dans l'espace entre le reel comme cause et le moisymptoôme, c'est un savoir, c'est a dire un reseau de signifiants, mais un savoir inconscient, c'est a dire dont les effets de sens se produisent a l'insu du moi.

En outre, dans la mesure ou il s'agit de proces de constitution et de reproduction du sujet, il est vain de vouloir lui assigner une limite ou cet espace inconscient se resorberait. Le clivage du sujet n'est pas contingent. II y aurait sans doute interet a le penser sous le mode de la categorie de contradiction interne.

Cette marche forcee au travers de la theorie analytique m'amene alors a ceci: il n'y a pour la philosophic marxiste, ni pour la psychoanalyse, de savoirabsolu. Formule a completer d'une autre: la verite absolue est dans la verite relative et non l'inverse. A son niveau le plus general, il est possible d'exprimer la negation du savoir absolu comme la contradiction dialectique entre le caractere incree infini et eternel de la realite materielle et le fait que "que tout ce qui existe merite de erir." Le langage, en tant que forme de materialite, est commande dans son principe par cette contradiction: c'est d'un ensemble fini de signifiants que s'approprie la realite materielle infinie. Lenine dans les Cahiers philosophiques, met le doigt sur l'effet, dans le langage, de cette contradiction. Il cite Hegel:

"La langui en general n'exprime par essence que Tuniversel; or, ce qu'on vise en parlant est le particulier, le singulier. Par suite, ce qu'on vise, on ne peut le dire dans la langue."

Et Lenine de donner trois brefs commentaires approbateurs: "dans la langue, il n'y a que l'universel," "/pour Hegel/ das Sinnliche/le sensible/ est un "universel" et surtout: "Par la Hegel porte uncoup a tout materialisme, sauf au materialisme dialectique" /p. 261/. Ce qui est dit la de la langue, n'est pas sans rdoindre ce qu'en dit Lacan: "Ainsi le symbole se manifeste d'abord comme meurtre de la chose" /Ecrits, p. 319/. Il est pourtant in-, suffisant d'en rester a ce niveau de generalite, si Ton veut saisir la specificite du concept d'inconscient (*Dans un livre important, Marxisme et theorie de la personnalite, Lucien Seve s'inscrit, me semble t-il, dans cette perspective, quand il ecrit: "C'est meme l'imrnensite du detour entre le point de depart de Taction d'un individu et son retour a soi qui explique l'inconscience fondamentale spontanee de l'individu quant aux bases reelles de sa personnalite" (p. 280). II enonce ainsi la condition de possibilite de*

l'inconscient, mais non sa determination specifique). Celui-ci n'est pas le simple ecart entre le reel infini et le reseau fini de signifiants ou plutôt, il pose la question de savoir comment cet ecart est concu.

C'est en ce point qu'une theorie du proces de subjectivation se revele necessaire pour developper dans toute sa richesse le materialisme dialectique, comme une theorie de l'histoire l'a ete pour le constituer. "L'inconscient est un concept forge sur la trace de ce qui opere pour constituer le sujet" /Lacan, Ecrits, p. 830/. D'ou une demarcation entre deux conceptions opposees:

- soit le sujet est concu - peu ou prou - comme un donne: il sort "tout arme" du ventre de sa mere et apprend peu a peu une langue qu'il utilise comme instrument d'appropriation de la realite materielle:

- soit le sujet (c'est a dire la forme sujet, a distinguer de l'individu biologique quj en est le support et du reel historique qui le determine, sous reserve de l'inconscient) est cause par le langage, dans lequel il doit se repre-senter, au prix de se cliver.

La seconde conception est celle de la psychanalyse. Elle rejette toute pro-blematique dualiste sujet/objet, monde interieur/ monde exterieur, ou la realite peut n'être que la doublure de l'imaginaire du moi, au profit d'une conception dialectique ou la question posee est: comment une forme de materialite peut-elle penser la materialite?

"Ainsi le reel se distingue de la realite. Ce, pas pour dire qu'il soit incon-naissable, mais qu il n'y a pas question de s'y connaître, mais de le demontrer, voie exempte d'idealisation aucune" /Lacan, Radiophonie, in Scilicet, 2-3, p. 60/.

C'est sur ce trace que je voudrais conclure, en reprenant la question tout a l'heure suspendue: quel est le rapport entre realite materielle et realite psychique? Partant de la these gnoseologique du primat de l'être, je la reformule-rai comme suit: le savoir, en tant que reseau de signifiants, reflete. le reel, au sens materialiste dialectique de la categorie de reflet, qui rompt avec la notion de reflexion speculaire, et ne peut se penser que comme proces. A tirer les consequences de cet ёпопсё, j'aboutis a ceci:

- L' inconscient est un reflet non-realise du reel.

Il y a certes la un pas a franchir qui n'est pas mince. Une des implications en serait que leproces dusavoir scientifique est iondamentalement du même ordre que le processus analytique. Aussi, pour l'instant, je ne ferai que l'enoncer, sans me prononcer sur sa validite, mais, comme chacun sait ce qui est dit est dit.

11. О принципиальной неразрывности наблюдаемого и наблюдателя в психологических феноменах И. М. Фейгенберг

ЦОЛИУ врачей, Москва

Признание или непризнание наличия в психике человека явлений сознательных и бессознательных стало ареной горячих и длительных дискуссий в психологии.

С одной стороны, признание наличия в душевной жизни человека сознательных и бессознательных явлений явно напрашивалось для непредвзятого наблюдателя, видящего все многообразие проявлений этой жизни не ограниченным шорами взглядом.

С другой стороны, признание наличия сознательных и бессознательных явлений очень плохо вязалось с попытками построить систему психологии по классическому образцу естественных наук, как они сложились в европейской естественнонаучной традиции.

Одни исследователи, создавая образно-поэтическую, художественную картину душевной жизни человека, легко совмещали в этой картине наличие сознательных и бессознательных явлений. В системе подобных подходов самой развитой и заметной оказалась концепция Зигмунда Фрейда.

Другие исследователи, пытаясь построить непротиворечивую естественнонаучную психологию, исключали из рассмотрения сознание, интроспекцию. Объектом исследования оставалось лишь поведение, изучаемое внешним наблюдателем. Самым заметным направлением этого типа оказался бихевиоризм.

Многими психологами ясно ощущалось, что первый из этих подходов не удовлетворяет требованиям естественнонаучной строгости, а второй оставляет вне поля рассмотрения сознание и тем самым резко обедняет представления о сложном мире психологических явлений. Реакцией на тот и на другой подход явилась тенденция исключить из рассмотрения явления бессознательного (или даже вообще отрицать их наличие). Отбросив шоры, закрывавшие от взгляда одну сторону реального мира, эти исследователи надели, однако, на себя новые шоры, заслонившие от них другую сторону сложной реальности. А одеть на себя эти новые шоры их побуждали те же самые благие стремления, которые побуждали к этому и классических бихевиористов. И те и другие стремились перейти от "образно-поэтической" психологии к психологии естественнонаучной. Образцом же стройной и непротиворечивой естественнонаучной системы взглядов стала к началу нашего столетия классическая физика.

Классическая физика, развившись в строгую науку со своими экспериментальными средствами исследований и специфическим математическим аппаратом анализа изучаемых явлений, стала в некотором роде образцом для других естественных наук. Механика Галилея и Ньютона, детерминизм Лапласа, казалось, связали все явления жесткими однозначными причинно-следственными отношениями. Статистическая физика широко пользовалась вероятностными представлениями, но последние рассматривались лишь как метод описания явлений в условиях незнания точных значений начальных координат и импульсов частиц или как удобный метод приближенного описания систем явлений, полные характеристики которых слишком громоздки.

По представлениям классической физики, одинаковые причины всегда порождают одинаковые следствия. Любой опыт воспроизводим с тем же результатом. Если же воспроизведение неточно, т. е. результаты измерений в одинаковых опытах дают некоторый разброс, то это - следствие неточности измерений или неучета каких-либо условий эксперимента. Улучшив условия эксперимента и повысив точность измерений, можно сколь угодно приблизиться к получению одинакового результата. Если же при достаточно точных измерениях обнаружится хоть одно исключение из закона, его достаточно, чтобы "разрушить" закон.

Существенным требованием к способу наблюдения явления в классической физике является отсутствие влияний на наблюдаемое явление со стороны наблюдателя и регистрирующего прибора. Поэтому различные способы наблюдения одного и того же явления должны давать одинаковые результаты - должны обнаруживать "абсолютные свойства" объекта, присущие ему и только ему. При этом получение сведений о какой-либо стороне явления отнюдь не должно уменьшать возможности получения сведений о других сторонах этого же явления.

Такова была методология классической физики, и она долгое время казалась незыблемой.

Однако ни ценой отказа от рассмотрения сознания, ни ценой отказа от рассмотрения бессознательного не удалось создать естественнонаучной системы психологии по образцу классической физики. Принципы последней плохо подходили для описания психических явлений. Так, например, как ни старался бы экспериментатор-психолог точно воспроизвести объективные условия опыта, абсолютной воспроизводимости результата достичь не удается - результат может быть предсказан лишь с некоторой вероятностью, и как ни уточнялись способы измерения, разброс результатов (например, при измерении сенсорного порога) не уменьшался. Причиной разброса оказались не неточности процессов наблюдения, а свойства самого наблюдаемого явления.

В классической физике четко разделяется наблюдаемое явление и наблюдатель (или регистрирующий прибор). В психологии соблюдение этого принципа оказалось невозможным. Особенно при рассмотрении проблемы сознания и бессознательного - в этой области объект изучения и наблюдатель принципиально неразделимы. Когда пациенту в кабинете врача-нсихотерапевта внушается, что он собирает цветы на поляне, пациент начинает рвать эти видимые лишь ему цветы, нюхать их; он не видит реальной обстановки кабинета, а видит поляну с цветами - об этом свидетельствуют его действия и ответы на вопросы. Но врач, наблюдающий это явление, видит, что пациент не натыкается на предметы, стоящие в кабинете, обходит их - значит, он все же видит их? Ответ на этот вопрос зависит от того, "откуда" наблюдать явление.

Общеизвестно, что стоит человеку попытаться наблюдать (осознать) характер своей походки, речи или чувств, как его походка, речь или чувства изменяются.

При обсуждении проблемы сознания и бессознательного психолог не может уйти от того, что наблюдаемое явление и наблюдатель неразделимы и составляют единое целое, что порой даже малейшие изменения в системе наблюдения изменяют получаемые сведения о наблюдаемом явлении, что сообщение о некотором явлении теряет всякий смысл, если не говорить о способе наблюдения.

Что же это - специфика психических явлений, ставящая психологию в особое положение по сравнению с областями естествознания, изучающими неживую природу? Нет. И физика по мере все более глубокого проникновения в природу неживых объектов изучения столкнулась с теми же трудностями.

Обратимся к фактам. Поток частиц (это могут быть фотоны, электроны или любые иные элементарные частицы) попадает на экран, в котором имеется две щели - А и В. Если открыта только щель А, то частицы, прошедшие через нее, попадут на второй экран. При этом они распределяются на втором экране некоторым образом, так что прямо против щели окажется максимальное число частиц, по мере же удаления от этой зоны плотность частиц будет убывать.

Если будет открыта только щель В, то такое же распределение частиц на втором экране будет против щели В.

Чего же надо ожидать, если одновременно открыть обе щели? Казалось бы, распределение частиц должно представлять собою сумму распределений при открытии только щели А и только щели В. Однако данные опыта обнаруживают иное. Вероятность попадания частицы в зону максимума вдвое превышает сумму вероятностей, соответствующих открытию щелей порознь. Такой результат экспериментов несовместим с представлением, будто каждая частица пролетает или через щель А или через щель В. Результат опыта свидетельствует о том, что каждая частица проходит через обе щели: исход ее прохождения зависит от того, обе ли щели открыты. Если сравнить распределение частиц при одной и при двух открытых щелях, то увидим, что есть такие зоны на втором экране, куда не попадает ни одна частица при двух открытых щелях, в то время как при открытии лишь одной из щелей в эту зону попадает определенное число частиц. Альтернативой представлению о том, что каждая частица проходит одновременно через обе щели, было бы представление, что, летя через одну щель, частица "знает", открыта ли вторая щель, и в зависимости от этого "выбирает", куда ей попасть, а куда не попадать.

Такое странное, с точки зрения классической физики, поведение частиц не является результатом взаимодействия между ними в потоке большого числа одновременно летящих частиц. Если частицы летят да одной и попадание каждой из них регистрируется на втором экране, картина распределения попаданий большого числа частиц (за длительное время опыта) оказывается такой же. Исход каждого пролетания частицы зависит, таким образом, от того, обе ли щели открыты. Хотя зона попадания каждой частицы является случайной, вероятность попадания последней в ту или иную зону зависит от того, какие щели были открыты при ее пролетании. Вероятность здесь - не удобный способ описания, как в классической физике, а существенная характеристика наблюдаемого явления.

Через какую щель прошла все же данная частица? Поставим в обе щели детекторы, регистрирующие прохождение частиц, не задерживая их. Каждое попадание частицы на второй экран будем сопоставлять с показаниями детекторов в щелях. Таким образом, о каждой частице, попавшей на второй экран, мы будем знать, через какую щель она прошла. Однако при таком опыте распределение частиц на втором экране будет не таким, как в описанном выше эксперименте с двумя открытыми щелями, в которых не устанавливали детекторов прохождения частиц через щели. Распределение частиц будет соответствовать сумме распределений в условиях, когда открыта только первая или только вторая щель, т. е. в условиях, когда не возникает вопроса, через какую именно щель прошла частица.

Отсюда следует, что попытка выяснить, через какую именно щель проходит частица, меняет вероятность попадания частицы в определенную зону второго экрана. В отличие от классической физики, само наблюдение явления меняет здесь его протекание. Получение знаний о том, через какую щель прошла частица, лишает нас возможности узнать, как распределяются частицы при двух открытых щелях, не снабженных индикаторами прохождения частиц. Опыт с индикаторами в щелях дает нам одну информацию о наблюдаемом явлении, опыт без индикаторов дает другую информацию об этом же явлении. Результаты одного из этих опытов не могут быть выведены из другого. Ни в каком отдельно взятом опыте не может быть получена и та и другая информация. Результаты опытов носят дополнительный характер. Принцип дополнительности был сформулирован Нильсом Бором: в процессе познания для воспроизведения целостности объекта необходимо применять взаимоисключающие, "дополнительные" классы понятий, каждый из которых применим в своих особых условиях.

Как мы видим, принципы классической физики, сформулированные в начале этой статьи, оказались недостаточными при углублении знаний человека о физической картине мира. Недостаточными оказались и классические представления о характере детерминизма и о вероятностях. Эти представления пришлось расширить, и классические оказались лишь их частным случаем.

Таким образом, трудности, возникающие при описании психических явлений, оказываются не специфической характеристикой этих феноменов, а общей характеристикой явлений в нашем мире. На это сходство между

явлениями, изучаемыми физикой и психологией, обращал внимание уже создатель принципа дополнительности Нильс Бор. В работе "Квантовая физика и философия" Бор писал, что "цельность живых организмов и характеристики людей, обладающих сознанием, а также и человеческих культур представляет черты целостности, отображение которых требует типично дополнительного способа описания" [1, 147].

В психологии, как и в квантовой физике, нет абсолютной, однозначно для всех наблюдений проведенной границы между наблюдаемым явлением и наблюдателем; результат каждого наблюдения относится к комплексу "наблюдаемое - наблюдатель". В психологии, как и в квантовой физике, детерминизм носит не жесткий, а вероятностный характер. На это сходство обращали внимание и психологи (Ж. Пиаже, А. Е. Шерозия). В частности, А. Е. Шерозия, исходя из этого сходства, ввел принцип дополнительности в предложенную им общую теорию сознания и бессознательного психического, одновременно используя его и как основной принцип познания феномена психологической целостности [4; 5].

Отмененное сходство между физическими и психическими феноменами - не внешняя аналогия, а весьма существенная общая их характеристика. Представление о том, что в психических явлениях не может быть жестко и однозначно проведена граница между "наблюдаемым феноменом" и "наблюдателем", уже предполагает наличие бессознательного.

Как мы уже говорили, вероятностные характеристики психических явлений являются их собственными характеристиками, а не привнесенным извне способом описания. Но поскольку сходство между психическими феноменами и феноменами квантовой физики отражает их существенные особенности, возникает вопрос о достаточности для описания психических феноменов аппарата классической теории вероятностей. В квантовой физике этот аппарат оказался недостаточным, он был дополнен понятием о т. н. амплитуде вероятности. И. И. Гурезич ставит вопрос о том, что и в описании психических явлений может быть адекватным использование представлений об амплитуде вероятности [2].

Неосознаваемые явления состоят, в частности, в том, что субъект использует свой прошлый опыт для построения действий, не осознавая наличия этого прошлого опыта, т. е. не будучи в состоянии рассказать об этом опыте, словесно сформулировать его.

Упрощенная - и тем самым удобная для изучения - модель влияния вероятностно организованного опыта на подготовку к предстоящему действию создается в опытах по вероятностному прогнозированию.

Вероятностное прогнозирование проявляется в том, что субъект, уловив вероятностную организацию событий о своем опыте, оказывается способным использовать эту информацию для прогноза предстоящих событий с приписыванием каждому из возможных событий определенной вероятности реализации [3]. В соответствии с таким прогнозом и со значимостью для субъекта прогнозируемых событий организуется подготовка к действиям в предстоящей (точнее - в прогнозируемой) ситуации. Вероятностное прогнозирование, таким образом, родственно установке, однако понятие установки значительно шире, оно охватывает более разнообразный круг явлений.

Мы попытаемся сейчас экспериментально показать, что при изучении вероятностного прогнозирования исследователь сталкивается с проявлениями бессознательного использования испытуемым своего опыта.

Один из опытов по изучению вероятностного прогнозирования состоял в следующем. В окошке перед испытуемым в некоторой последовательности появляется то один, то другой из четырех сигналов - цифры 1, 2, 3 или 4. При появлении цифрового сигнала испытуемый должен нажать соответствующую кнопку из четырех находящихся перед ним кнопок (каждому из четырех сигналов соответствует одна определенная кнопка). Испытуемый должен реагировать правильно и быстро. Экспериментатор регистрирует время правильных реакций.

Перед опытом испытуемый предупреждался о наличии четырех сигналов, четырех кнопок для ответа и о соответствии между ними, а также о необходимости быстрых и правильных реакций. О характере последовательности сигналов испытуемый не предупреждался, ему только говорили, что каждые четыре сигнала будут отделяться отследующих определенным добавочным сигналом. Сама же последовательность цифровых сигналов, состоявшая из 120 предъявлений, строилась следующим образом. В каждой четверке сигналы не повторялись, а порядок их чередования в четверке выбирался случайным образом. Таким образом, общее число сигналов 1, 2, 3 и 4 во всей последовательности было одинаковым. Вместе с тем, условная вероятность появления сигнала зависела от его места в четверке и от того, какие сигналы предшествовали ему в данной четверке. На I месте в четверке каждый из четырех цифровых сигналов мог появиться с одинаковой вероятностью (P_I=0,25). На II месте в четверке с равной вероятностью мог появиться один из трех сигналов, кроме уже реализованного в данной

четверке (P_{II}=0,33). На III месте с равной вероятностью мог появиться один из двух сигналов (P_{III}=0,5). А на IV месте мог быть лишь единственный сигнал, которого еще не было в данной четверке (P_{IV}=l).

Опыты показали, что среднее время реакции за весь опыт на сигналы 1, 2, 3 и 4 было практически одинаковым: T_1=364 мсек, T_2=368 мсек, T_3=366 мсек, T_4=367 мсек.

Вместе с тем, время реакции на сигнал оказалось зависящим от того, на каком месте в четверке стоит сигнал. Среднее время реакции на сигналы, стоящие на первых местах в четверке, оказалось самым большим - T_I=460 мсек. На сигналы, стоящие на вторых местах в четверках, реакция осуществлялась быстрее - T_{II}=424 меск. Еще более коротким оказалось среднее время реакции на третьи сигналы в четверках - T_{III}=351 мсек. На последние же сигналы в четверках среднее время реакции было самым коротким - T_{IV}=207 мсек.

Такой результат объясняется, как нам кажется, тем, что время реакции на сигнал зависит от вероятностного прогноза испытуемого: реакция на сигнал тем быстрее, чем с большей вероятностью ожидается появление данного сигнала и соответствующей реакции. Такой вывод подкрепляется еще и тем, что T_I в (приведенном опыте совпадает со временем реакции, выявленном в опыте с четырьмя сигналами, следующими в случайной равновероятностной и независимой (бернуллиевой) последовательности из двух равновероятностных сигналов. T_{IV} совпало со временем простой двигательной реакции, когда имеется лишь один сигнал.

В настоящем докладе, затрагивающем проблему неосознания, для нас особый интерес представляет тот факт, что приведенный результат (T_I>T_{II}>T_{III}>T_{IV}) был получен независимо от того, осознали ли испытуемые структуру последовательности сигналов или нет.

После эксперимента испытуемые были опрошены, как была построена последовательность сигналов. Часть испытуемых сообщала, что это была случайная (не имевшая никакой закономерности) последовательность сигналов. Другие испытуемые говорили, что уловили определенную закономерность, и указывали при этом на разные варианты последовательности сигналов, не соответствовавшие, однако, реально предъявлявшейся им последовательности (например, что после сигнала "1" чаще следовал сигнал "3" или что после сигнала "2" сигнал "3" бывал очень редко). И только часть испытуемых правильно улавливала принцип группировки сигналов, сообщая, что в каждой четверке каждый из сигналов предъявлялся по разу.

Однако независимо от того, что было осознано испытуемыми, для всех этих трех категорий характерным оказался один и тот же результат: T_I>T_{II}>T_{III}>T_{IV}. Таким образом, испытуемые адекватно использовали вероятностную структуру полученного в эксперименте опыта - независимо от того, была ли эта структура ими осознана. Эта адекватность выразилась в том, что преднастройка к движению и зависящее от нее время реакции соответствовали условным вероятностям появления сигналов в предъявляемой последовательности.

Иной результат был получен при исследовании по этой же методике больных шизофренией. У больных с клинической картиной шизофренического дефекта зависимость времени реакции от места сигнала в четверке отсутствовала или была ослаблена. И это опять-таки независимо от того, осознал или не осознал исследуемый структуру предъявляемой ему последовательности сигналов.

Итак, наличие в психической деятельности осознаваемого и неосознаваемого и влияние их на конечный результат, на поведенческие реакции не вызывает сомнения. Трудности изучения этих сторон психической деятельности в значительной мере лежат в том, что исследования строятся в предположении о строгом разделении наблюдаемого явления и наблюдателя. Между тем, именно в этой области психологии такое разделение оказывается невозможным. С подобными же трудностями встречаются и другие области естествознания. С их преодолением связан, в частности, переход от принципов классической физики к принципам современной квантовой физики. Использование этих принципов - и прежде всего принципа дополнительности Нильса Бора - представляется поэтому продуктивным и в психологических исследованиях.

11. On the Inseparability of Observed Events and of the Observer in Psychological Phenomena. J. M. Feigenberg

Central Institute for Advanced Medical Training. Moscow

Summary

The presence of conscious and unconscious phenomena in human mental life is closely connected with the fact that the observed event and the observer cannot be simply and clearly separated. This establishes a cardinal difference between

psychology and classical physics, this difference not being the consequence of the difference in the objects of investigation in psychology and physics. Contemporary quantum physics is guided by the thesis about the inseparability of the observed object and the observer. Niels Bohr's complementarity principle, of which quantum physics makes efficient use, can be also applied in the study of mental phenomena.

Литература

1. Бор Н., Атомная физика и человеческое познание, М., 1981.

2. Гуревич И. И., ФЕЙГЕНБЕРГ И. М., Какие вероятности работают в психологии? В кн.: Вероятностное прогнозирование в деятельности человека, М., 1977.

3. Фейгенберг И. М., Мозг-Психика-Здоровье, М., 1972.

4. Шерозия А. Е., К проблеме сознания и бессознательного психического. Опыт исследования на основе данных психологии установки, т. 1, Тб., 1969.

5. Шерозия А. Е., К проблеме сознания и бессознательного психического. Опыт интерпретации и изложения общей теории, т. 2, Тб., 1973.

14. О бессознательном. А. Т. Бочоришвили (On the Unconscious. A. T. Bochorishvili)

14. О бессознательном. А. Т. Бочоришвили

Институт философии АН Груз. ССР, Тбилиси

Психика - бессубстратная реальность. Создать объясняющую науку психологии можно лишь на базе субстанциальной реальности. Это-общее положение. Субстратом психических явлений спиритуализм считает душу, духовное существо. Материализм, в лице В. И. Ленина, рассуждает иначе: "Он, этот научный психолог, отбросил философские теории о душе и прямо взялся за изучение материального субстрата психических явлений - нервных процессов" [2, 140] (*Было бы грубой ошибкой думать, что формула В. И. Ленина исключает значение общества и природы для психологии*). Так, в принципе, решается проблема существования и познания психики двумя основными направлениями философии - марксистско-ленинским материализмом и спиритуализмом (идеализмом).

Гипотеза о бессознательной психике выступает как третье направление: субстратом психических явлений по этой гипотезе считается сама психика минус сознание. Эта точка зрения могла возникнуть только тогда, когда уже "убедились", что объяснить психические явления невозможно ни душой, ни человеческим головным мозгом. Пока существуют такие понятия, как "субстанциальная душа" и "думающий мозг", нет места для "бессознательной психики". Чтобы завоевать логическое место для себя, гипотеза бессознательного должна изгнать из психологии и спиритуализм, и материализм. Но это не под силу этой гипотезе, она сама - гибрид из элементов спиритуализма и материализма: существование бессознательного заимствуется из сущности материи (существование вне сознания), а духовность - ее функция из спиритуалистического понимания психики. Когда нечто работает как психика и существует вне сознания, оно равнозначно субстанциальной душе, а существовать реально и вне сознания значит быть материей.

По гипотезе бессознательного, наряду с бессубстратной психикой, в сознании существует бессознательная психика, выступающая в качестве субстрата и определяющей силы жизни сознания. Нельзя понять, что психика, когда она лишена сознания, мощнее чем психика с сознанием. Нужно думать, что сознательная и бессознательная психика - совершенно разные вещи, что они отличаются друг от друга to to genere.

Физическая реальность, по Ленину, - субстратная действительность, могущая существовать вне сознания. Психика по этой аналогии определяется тан: она - бессубстратное явление сознания. Эти "свойства" необходимы и достаточны для определения сущности физического и психического. Ничего третьего и промежуточного нет, нет ничего, кроме физического и психического (Ленин). Бессознательное, как таковое, или вовсе не мыслится по-настоящему, или оно представляется в качестве субстанции спиритуалистического или материалистического пошиба.

Главный аргумет и тезис материализма против идеализма заключается в указании на то, что материя по своей сущности является существованием вне сознания, а психика, сознание не может существовать иначе, как отражение бытия. Материя, по своей сущности, не только онтологически, но и логически предшествует психике, сознанию. В этом основное преимущество материи и материализма перед идеей и идеализмом. Но как только психике присваивается существование вне сознания, психика превращается в субстанцию, а материя теряет свое философское преимущество перед психикой, материализм перед идеализмом. Сама основная проблема философии - "что раньше" снимается, и победу одерживает учение о двух равноправных субстанциях - метафизический дуализм.

Защитники бессознательного почти никогда не прибегают в своей аргументации к литературным источникам марксизма-ленинизма. Это можно, пожалуй, объяснить тем, что в этой литературе часто говорится о психике и сознании как об идентичных понятиях. Ставить проблему о бессознательной психике с целью ее оправдания означало бы попытку установить в науке противоречивое понятие - contradictio in adjecto (Д. Узнадзе, Т. Павлов...). Хорошо подытоживает известный марксист Т. Павлов свою многолетнюю думу об этой проблеме: "...следует по всем законам всех логик и по всем эмпирическим опытам, что в каждом психическом, если и поскольку оно является именно психическим, всегда есть и элемент сознательности" [4, 146]. Этим кончил бы свои рассуждения, как нам кажется, всякий материалист. Не случайно Эд. Гартман, известный теоретик и историк учения о бессознательном, не называет ни одного материалиста среди защитников этой концепции.

Интересный факт: редакторы настоящей монографии и инициаторы последующей международной конференции темой этой конференции называют "неосознаваемую психическую деятельность". Тут истинное содержание бессознательного как бы прорвалась сквозь чашу логических неточностей и излишнего многословия и получило адекватное выражение: бессознательное действительно и есть неосознаваемое, а не lapsus calami, как можно было бы сначала подумать. Если "бессознательное"-не временное состояние, которое должно перейти в состояние сознания, а вечное, неосознаваемое, тогда о знании, о познании бессознательного говорить не следует. Кажется странным: пригласить ученых всех стран для познания непознаваемого. Ведь неосознаваемое и неопознаваемое одно и то же. К. Маркс: "Способ, каким существует сознание и каким нечто существует для него, это - знание. Знание есть его единственный акт. Поэтому нечто возникает для сознания постольку, поскольку оно знает это нечто" [1, 633]. В. И. Ленин: "...психическое, т. е. сознание, представление, ощущение и т. п...."; "психическое, сознание и т. д. есть высший продукт материи (т. е. физического)" [3, 239]; "... ощущение, восприятие, представление и вообще сознание человека принимается за образ объективной реальности" [3, 282-283]. Ergo: бессознательная психика невозможна. Нет познания без сознания, поэтому неосознаваемое - неопознаваемо.

Известный спиритуалист-психолог так заканчивает свою работу о бессознательном: "Мир бессознательных психических переживаний... образует ту психическую действительность, для которой психологи затеряли название: имя этой действительности - человеческая душа" [5, 300]. Сказано честно и последовательно: бессознательная психика, если она существует, она - субстанция, метафизическая сущность. Но она не может существовать: субстратом психики является не "человеческая душа", а человеческий мозг: это единственно правильное решение вопроса.

P. S. Некоторые психологи "установку" в понимании Д. Н. Узнадзе отождествляют с понятием бессознательной психики. Уто по меньшей мере спорно. Думают и так, что бессознательное и установка исключают друг друга.

Было бы научнее организовать симпозиум по разрешимой проблеме - бессознательное и установка, чем конференцию по мнимой проблеме - о "неосознаваемом".

Примечание редакции

Итак. А. Т. Бочоришвили считает, что "как только психике присваивается существование вне сознания, психика превращается в субстанцию... основная проблема философии - "что раньше?" - снимается и победу одерживает учение о двух равноправных субстанциях, метафизический дуализм". На этой основе им отвергается "гипотеза о бессознательной психике", а неосознаваемость рассматривается как синоним неопознаваемоети. А. Т. Бочоришвили даже остроумно заметил, что приглашать ученых для обсуждения проблемы неосознаваемой психической деятельности значит (при его толковании!) предлагать им "познать неопознаваемое".

Нам думается, однако, что над нашими гостями такая мрачная угроза не нависнет. Все дело в том, как понимать слова "вне сознания". Если бы понятие сознания отождествлялось с понятием психики, то тогда, действительно, любое оперирование понятием "бессознательное" оправдывало бы тревогу А. Т. Бочоришвили: не возвращаемся ли мы, при таком оперировании, к чему-то очень близкому идеалистически и даже мистически

понимаемой душе?! Однако его можно твердо заверить, что когда мы говорим о бессознательном как о неосознаваемой психической деятельности, то мы отнюдь не отождествляем сознание и психику. Мы подразумеваем при этом лишь существование таких форм психической деятельности человека, которые осознаются им смутно или даже не осознаются вовсе. Это - деятельность психическая, ибо будучи даже полностью неосознаваемой, она отнюдь не лишается из-за этого признаков осмысленности, поскольку на ее основе ставятся цели, учитываются изменения значения ситуаций, производится сложная переработка информации и т. д. В этой осмысленности неосознаваемой психической деятельности и заключается ее основной парадокс и одновременно основной ключ к решению ее загадок.

А. Т. Бочоришвили может, правда, возразить, что таких осмысленных, но неосознаваемых форм психической деятельности не существует. Но тогда это будет уже совсем другой, гораздо более конкретный разговор, и мы надеемся, что чтение настоящей монографии по крайней мере поколеблет его в такой позиции, если он ее займет.

Что же касается отождествления "неосознаваемого" с вообще "неопозназаемым" то, насколько мы понимаем, нет абсолютно никаких лингвистических оснований рассматривать их как синонимы.

14. On the Unconscious. A. T. Bochorishvili

Institute of Philosophy, Acad. Sci. Georgian SSR, Tbilisi

Summary

The problem of the unconscious mind is a theoretical issue concerning the possibility of the realness of mind independent of consciousness (experience) in general. Assumption or negation of such mind in order to explain the conscious mind and behaviour is predetermined from the theoretical point of view. If the brain is assumed to be the immediate basis of the mind (experience), then the existence of an "unaware" mind should be rejected. But if the emergence of the conscious mind immediately from the brain is denied, then it becomes necessary to assume an unconscious mind (resp. substantive psyche). To take the unconscious mind as something of which one is unaware is to assume that it is unknowable. Neither the ontological nor the gnoseological content of unconscious (unaware) mind are compatible with the outlook of dialectical materialism.

Литература

1. Маркс К., Из ранних произведений, М., 1956.

2. Ленин В. И., Полное собрание сочинений, т. 1, 1967.

3. Ленин В. И., Полное собрание сочинений, т. 18, 19.

4. Павлов Т., В сб.: Сознание, М., 1967.

5. Соколов И., Проблема бессознательного в психологии. Философский сборник, 1912.

15. Проблема бессознательного в классической глубинной психологии. В. Л. Какабадзе

Институт философии АН Груз. ССР, Тбилиси

1. Основополагающее поднятие классических глубиннопоихслогических теорий - психоанализа (З. Фрейд) и аналитической психологии (К. Г. Юнг) - это понятие бессознательной психики. В этих теориях, бессознательная психика является предметом познания и категорией, объясняющей сознательную психику и поведение человека. Методологическая установка глубинной психологии - объяснение сознательной психики и поведения человека на основе бессознательного -психического - основываются на определенных теоретико-философских предпосылках, на конкретных онтологических и гносеологических постулатах.

2. В методологической доктрине психоанализа - неукоснительном, проведении строгого детерминизма в рамках собственно психического- отражена точка зрения онтологического дуализма. Психоанализ как "новая психология" выдвинул тезис о восстановлении "уважения к психическому факту", "психологического подхода к

явлениям". Это требование означает "оперировать исключительно чисто психологическими понятиями", значение которых - "только психологическое исследование смысла, т. е. значений, намерений, которые скрываются в явлениях".

Почему психика должна объясняться опять-таки психикой, а не физиологическим? Потому, что исследование души (психики) - это установление смысловых связей. Лишь каузальные отношения в пределах психики понятны, имеют смысл. Объяснение психического физиологическим отвергается не потому, что мы еще не обладаем достоверными знаниями о физиологической работе мозга и поэтому временно должны использовать для объяснения психическое. Дело не в получении подобного знания, которое якобы сможет объяснить психическое посредством физиологического, - это невозможно в принципе. Физиологический процесс не имеет смысла, поэтому он непригоден для объяснения (понимания) смысловых связей (т. е. психических процессов) (*"Относительно того, что мы называем нашей психикой (душевной жизнью), нам известны два обстоятельства. Это, во-первых, телесный орган и его арена, мозг (нервная система), а с другой стороны, наши акты сознания, которые даны непосредственно и не могут быть более близко приподнесены нам никаким описанием. Все, между ними находящееся, для нас неизвестно, прямой связи между обеими конечными точками нашего знания не дано. Если бы она существовала, она дала бы лишь более точную локализацию процессов сознания и - ничего для их понимания" [20, 67]. Методологический путь объяснения психики посредством психики в психоанализе именуется пониманием. Это обстоятельство является опосредственным пониманием, когда объяснение и понимание не противопоставляются друг другу и не исключают друг друга (как это имеет место у Дильтея: "Природу объясняем, душевную жизнь понимаем"), а дополняют друг друга. Понимание требует объяснения, как его первую и необходимую ступень; здесь объяснение переходит в понимание [12, 28]*). Вообще 3. Фрейд не отвергает возможности исследования физиологического коррелята психики, выяснения и устаиовления физиологических основ психических процессов. Но исследования такого характера находятся для него за пределами интереса психологической науки.

3. Фрейд разделяет взгляд происхождения психики из физиологического; он уверен в том, что живая материя порождает сознание [16, 40]. Но главное заключается в том, что в психоанализе вопрос об органических основах психики теряет всякое значение, так как методологическая точка зрения психоанализа не основывается на онтологическом монизме, наоборот, упраздняет его. Вследствие этого психоанализ как наука о психике не нуждается во вскрытии органических основ психики (*3. Фрейд научную деятельность И. П. Павлова не счел бы за объяснительную работу психики. "Конечно, я, - писал И. П. Павлов, - совершенно не коснусь философской точки зрения, т. е. я не буду решать вопроса: каким образом материя мозга производит субъективное явление и т. д.? Я постараюсь только предположительно ответить на вопрос: какие физиологические явления, какие нервные процессы происходят в больших полушариях тогда, когда мы говорим, что мы себя сознаем, когда совершается наша сознательная деятельность?" [6, 247]. И. П. Павлов исследует физиологический коррелят психики; он не ставит вопроса о генезисе сознательной психики. А 3. Фрейда интересует именно происхождение конкретного содержания сознательной психики. Разница в проблематике очевидна. 3. Фрейд указывает: "...моя научная работа ставила себе целью - выяснить необычные, ненормальные, патологические явления душевной жизни, т. е. свести их к психическим силам, действующим позади них" [19, 250]*).

3. Теоретической предпосылкой аналитической психологии К. Г. Юнга является постулат имманентного реализма психики. Аналитическая психология как "естественнонаучная психология нового типа" не может ждать окончательного решения психофизической проблемы, которая по сути дела неразрешима человеческими возможностями познания. Поэтому для построения психической теории аналитическая психология должна исходить из предварительного понимания психики, а таковым является представление психики в качестве самодовлеющей и замкнутой в себе системы. Из этого положения выводится, что должно быть отвергнуто эпифеноменологическое понимание психики; самобытность психики исключает ее сущностную зависимость от физиологического. Как жизнь не есть эпифеномен химических процессов, хотя она связана с этими последними, так и психика не есть эпифеномен физиологических процессов, несмотря на то, что она связана с ними. Психикой правят законы психики, а не нечто отличное от нее. Защита принципов т. н. "психологии без души" отняла у психики самостоятельное существование, представила психику в качестве проявления физиологического субстрата, сферу распространения психики ограничила сознанием и потребовала основать психику на непсихическом.

Принципиальная позиция аналитической психологии отвергает точку зрения "психологии без души", противопоставляя ей тезис "психология с душой", что представляет собой защиту требования субстанционального понимания психики. Провозглашение имманентного реализма психики, по К. Г. Юнгу, должно считаться самим существенным достижением современной психологии [27, 9-28].

4. Гносеологическая позиция классических глубиннопсихологических теорий выражается в следующих высказываниях: "Реальное всегда остается непознаваемым" [20, 127]; "Вовнутрь природы не проникает созданный

дух, значит и не в бессознательное" [24, 97]. Поэтому с априорной методологической точки зрения происходит переработка самого предмета познания. "Мы должны иметь в виду, - указывает Юнг, - что, несмотря на точное совпадение фактов с нашими воззрениями, принципы объяснения являются именно лишь способами созерцания, т. е. феноменами психической установки и априористических условий мышления вообще" [22, 13]. 3. Фрейд ставит знак равенства между опытом и предположением (*"Мы имеем в опыте, т. е. должны допустить" [17, 240]. "В нашем понимании воспринятые феномены должны отходить на задний план по отношению лишь к допущенным стремлениям" [15, 72]. "Мы должны руководствоваться априорным пониманием, которое служит нам для того, чтобы привести в порядок эти случаи и рассматривать их с общей точки зрения" [11, 82]*).

5. В классической глубинной психологии бессознательная психика представлена в четырех значениях: (1) психической энергии, (2) определенности, в психическом качестве которой мы убеждены, но нам ничего не известно об ее оптическом лице, (3) внесознательного существования сознательных психических содержаний, (4) непознанном обстоятельстве.

(а) О психической энергии рассуждают К. Г. Юнг и 3. Фрейд. Юнг полагает, что допущение психической энергии оправдано рассмотрением психики с т. н. энергетической точки зрения. Энергия - гипотетическое понятие, которое не имеет никакого дела с объективной реальностью (*"...гипотетическое понятие энергии, которое естественно является совершенно психологистическим и не имеет ничего общего с т. н. объективной реальностью" [21]*). В психоанализе специально не рассмотрен вопрос об обосновании психической энергии. 3. Фрейд удовлетворяется лишь указанием на надобность допущения психической энергии (*"Мы допускаем, как это вообще установлено другими естественными науками, что в душевной жизни действует вид энергии, но у нас нет никакой точки опоры, чтобы приблизиться к ее познанию посредством аналогий с другими формами энергии" [20, 86]*).

(б) В психоанализе установлено, что различие между сознательной и бессознательной психикой связано с качеством сознательности, которая приписывается или не приписывается психике; а это указывает на то, что друг от друга размежевываются психика и сознание (акт видения, переживания). Не само сознание является бессознательным, а психика порой существует без сопровождающего ее сознания, т. е. бессознательно. В психоанализе установлено и то, что бессознательной не может считаться психика с минимумом переживания, ибо в этом случае психика все-таки обладает признаком сознания.

Что представляет собой психика независимо от сознания? Относительно внутренней природы, формы бессознательного (внесознательного) существования психики мы ничего не можем знать (*"Мы называем бессознательным психический процесс, существование которого мы должны допустить, так как о нем умозаключаем на основе последствия, но относительно которого ничего не знаем" [18, 77]. См. также [13, 617-168; 14, 430; 17, 240; 20, 127]*).

Для характеристики бессознательной психики в психоанализе используются термины: след, диспозиция, способность, наклонность, латентный, инстинкту подобное явление; однако эти характеристики не указывают на специфическую внутреннюю онтическую определенность бессознательно существующей психики.

Та же точка зрения об отношении психики и сознания проведена в аналитической психологии. По К. Г. Юнгу, психика трансцендентна к сознанию (*"По отношению к сознанию сама психика - предсуществующая и трансцендентная [25, 393]*). И поскольку процесс является бессознательным, постольку, естественно, о нем ничего нельзя сказать; мы можем иметь относительно бессознательного процесса лишь некоторое представление. Бессознательная психика - неизвестная область действительности (*"Мы вовсе не знаем, что такое психика. Мы называем бессознательное так лишь потому, что то, что оно собой представляет, для нас бессознательно. Мы его знаем так же мало, как физик - что такое материя. Он имеет о ней лишь теории, т. е. воззрения, одним словом, образы" [27, 43]. "Бессознательная душевная жизнь является абсолютно неизвестной... мы ничего не знаем о бессознательном" [28, 16]. "Вопрос о том, в каком состоянии находится бессознательное содержание [психическое содержание. - В. К.] пока оно не подключено к сознанию, лишен всякой возможности разрешения" (23]*).

(в) В глубинной психологии под бессознательным существованием психических содержаний подразумевается несколько значений.

В первом случае психическое содержание называется бессознательным потому, что конкретный сознательный психический процесс считается проявлением бессознательно существующих психических процессов. В этом случае обозначение психических феноменов термином "бессознательное" условно; сами по себе психические феномены сознательны, но поскольку их генезис связывается с функционированием бессознательных процессов,

постольку и продукты бессознательного функционирования заслуживают названия "бессознательных психических содержаний". Таковым для аналитической психологии является архетипное представление (как проявление архетипа в себе), а для психоанализа - сновидения, описки, очитки, вообще ошибочные действия, которые суть проявления в сознании вытесненного, Оно.

Во втором случае бессознательными называются переживания психических содержаний, которые не доходят, не возвышаются до предметного сознания. В психоанализе эмоциональные состояния любви, страха и т. д. называются бессознательными, когда они не узнаются как однажды пережитые явления. Поэтому "бессознательное чувство", "бессознательный страх" и т. д. не должны быть поняты в прямом значении как вообще внесознательное существование психического содержания; это лишь "безобидная небрежность выражении". В аналитической психологии таковыми являются чувственные восприятия, которые не входят в центр поля сознания; то, что воспроизводится, чувствуется, делается без внимания и намерения (*"Все то, что воспринимается моими органами чувств, но моим сознанием не замечается, все то, что я без намерения и без внимания, т. е. бессознательно, чувствую, мыслю, воспроизвожу, хочу и делаю... все это - содержание бессознательного" [26, 536]*).

В третьем случае характеристика неизвестных бессознательных процессов терминами, обозначающими сознательные психические содержания условно, как бы это так.

(г) Гносеологическое содержание бессознательного подразумевает непознанное, непонятное фактическое положение (Unverstandenes, Unbewuβtes). Такая позиция одинаково относится как к сознательному, так и к находящейся вне сознания всякой определенности (и психической, и непаихической). Это содержание понятия бессознательного находит применение в индивиду а л психологии. Отождествление бессознательного с незнанием, с непознанным не касается психологической проблемы бессознательного, которая, как известно, представляет собой онтологическую, а не гносеологическую проблему - существует ли такое психическое, которое вообще, независимо от сознания, оно не переживается, находится "за занавесом" сознания.

6. Что представляет собой бессознательная психика - реальность или гипотезу? На этот вопрос можно ответить лишь тогда, когда под понятием бессознательной психики подразумевается вполне конкретное содержание. На самом деле реально существуют такие содержания психики, которые не находятся в центре поля сознания, не являются объектом предметного сознания. Также не вызывает сомнения существование сознательных психических содержаний и процессов, которые не познаны (неизвестны их причины, генезис и т. д.) или же их не сопровождает чувство знакомости. Если указанные содержания подразумеваются под бессознательной психикой, тогда спорного и дискуссионного в их реального существовании ничего нет. Но то же самое нельзя сказать относительно других содержаний глубиннопсихолонического понятия бессознательной психики. Эти последние являются гипотеза ми, и подобная квалификация предопределена теоретическими исходными положениями глубиннопсихологических концепций. Поскольку наука о психике должна исходить из положения, что психика условно считается самодовлеющей реальностью и что познающий разум не в силах установить действительную природу бессознательного, постольку выглядит естественной характеристика бессознательной основы сознательной психики как гипотетическая, предполагаемая. Правда, 3. Фрейд и К. Г. Юнг не всегда последовательны в понимании квалификации бессознательного психического, порой очи считают его неопровержимой реальностью, но, как было указано, исходя из теоретических постулатов глубинной психологии, бессознательное психическое следует характеризовать как гипотезу.

Осознавая вышеуказанное положение, глубиннопсихологические теории не имеют основания рассуждать об эмпирическом (экспериментальном) обосновании бессознательного психического. Экспериментальные данные принципиально не могут решать проблему существования бессознательной психики (т. е. психики, независимой от переживания, вне сознания вообще). Все рассуждения 3. Фрейда и К. Г. Юнга, касающиеся эмпирического доказательства психики, независимой от сознания (переживания), на самом деле основываются на теоретическом положении о непрерывности психической действительности. Раз в принципе исключено происхождение сознательной психики из непсихического, в частности из физиологического, то не остается ничего, как считать сознательную психику происходящей опять-таки из психики, но бессознательной. Таким образом, не сами фактические данные (напр., постгипнотическсе состояние, результаты метода парной ассоциации и т. д.) неопровержимо доказывают реальное существование психики, которая не переживается, т. е. существует бессознательно, а эти фактические данные сами являются проблемами, генезис которых может быть интерпретирован по-разному на основе определенного теоретического положения.

7. Признание или отрицание бессознательной психики (т. е. психики, которая вообще не переживается и потому находится "за занавесом" примарного, атрибутивного сознания) возможно только с теоретической точки зрения, (поскольку проблема теоретическая. Разговор об экспериментальном подтверждении бессознательной

психики - результат недоразумения. Дело в том, что обоснование бессознательной психики прямым путем есть внутреннее противоречие: прямое обоснование существования бессознательной психики требует ее существования в сознании, понятие же бессознательной психики исключает это условие.

То, что непосредственно дано в сознании, - это психические содержания. Однако основа сознательных психических содержаний не дается в опыте, и ее не может показать анализ самого сознательного психического содержания; сама сознательная психика не указывает, продуктом какой определенности - физиологической или бессознательной психики - она является. Выяснение непосредственной основы сознательной психики возможно лишь косвенным путем. Этим косвенным путем являются теоретико-философские предпосылки.

Там, где психика осмыслена как непрерывная реальность, где психика представлена в качестве в себе замкнутой и самодовлеющей действительности, там необходимо провозглашение существования бессознательной психики. Но там, где психика представлена в форме прерывистой определенности, сознательная психика считается свойством высшей нервной деятельности, где защищается мысль о происхождении сознательной психики (переживания) из материи путем диалектического скачка (*"...сознание есть высший продукт особым образом организованной материи" [1, 50]. "Диалектичен переход... от материи к сознанию..." [2, 255]*), там нет необходимости допущения бессознательной психики (т. е. такой психики, которая генетически предшествует переживанию и сама не является переживанием). Если сознательная психика осмыслена в качестве свойства и продукта мозга, то она не может быть свойством и продуктом бессознательной психики.

В марксистской психологии рассуждают о психике как об отражении и различают осознаваемую и неосознаваемую формы психического отражения. Неосознаваемая форма психического отражения считается бессознательной психикой. Но относительно понятия неосознаваемой психики следует выяснить некоторые моменты, в частности, нужно осознать, что подразумевается под отражением - онтологическое или гносеологическое содержание. Если отражение - это гносеологическое понятие, то "неосознаваемое отражение" противоречиво, поскольку, согласно марксистской философии, отражение является функцией сознания, сознание само отражает, и в этом случае невозможно, чтобы отражение могло быть неосознаваемым, не сознательным (бессознательным). Онтологическое значение отражения касается формы существования психики. Здесь на передний план выдвигается причинно-следственное взаимоотношение 'между явлениями - причина отражается в следствии, и в этом разрезе ставится вопрос о возможности существования такой формы психики, которая является следствием, продуктом определенной причины, но этот продукт, т. е. психика, не связывается с сознанием (переживанием). Видно, что онтологическое содержание неосознаваемой психики это не факт, а проблема, которую можно решить так или иначе на основе определенных теоретических предпосылок (*То же самое нужно сказать относительно понятий "психическое свойство", "пси" хическая диспозиция", "потенциальная психика"*).

Некоторые считают возможным эмпирическое подтверждение бессознательного существования психики на основе факта бессознательной мотивации, осуществления конкретного поведения без осознанного мотива. На самой деле сам факт поведения с неосознанным мотивом не представляет собой положительного решения проблемы бессознательного существования психики. Ставится вопрос: откуда мы знаем, что мотив, который побуждает и направляет поведение и в бессознательном состоянии ("за занавесом сознания", вне переживания) является опять-таки психикой, а не состоянием высшей нервной деятельности? Конечно, не сам факт протекания поведения указывает на оптическую форму существования т. н. "бессознательного мотива". Истолкование онтической природы (исихичности или непсихичности) "бессознательного мотива" зависит от теоретической позиции самого истолкователя в процессе методологии объяснения сознательной психики.

Дискуссионный характер возможности существования бессознательной психики в советской психологии вызван и тем обстоятельством, что под понятиями сознания, психики и бессознательной психики подразумеваются разные значения; получается странное положение: тезис защиты бессознательной психики у двух авторов не есть защита одного и того же положения.

Исходя из содержания классической психологической проблемы бессознательного - существует ли психика независимо от акта переживания (атрибутивного сознания) - советские авторы, считающиеся защитниками бессознательной психики, на самом деле таковыми не являются.

Сама проблема бессознательного в психологии среди психологов-марксистов понимается по-разному. А. Т. Бочоришвили считает проблемой бессознательной психики возможность существования сознательных психических содержаний (т. е. переживаний) независимо от сознания (т. е. непосредственного видения, переживания этих содержаний). Он отрицает существование бессознательных психических содержаний (т. е. таких

психических содержаний, которые не переживаются, не сознаются) и проблему бессознательного психического решает отрицательно [4].

Психологическую проблему бессознательного отрицательно решает и С. Л. Рубинштейн. Для С. Л. Рубинштейна проблема бессознательного в психологии связывается с гносеологическим аспектом (знанием причины переживания). "Неосознанное чувство - это, разумеется, не чувство, которое не переживается; неосознанным чувство является, когда не осознана причина, которая его вызывает, и объект, лицо, на которое оно направлено. Переживаемое человеком чувство существует реально и не будучи осознано" [7, 277] (*А. Н. Леонтьев отличает друг от друга воспринимаемое (но несознаваемое) и сознаваемое. Но воспринимаемое может стать при определенных условиях предметом сознания, сознаваемым. "... для того, чтобы воспринимаемое содержание было сознано, нужно, чтобы оно заняло в деятельности субъекта структурное место непосредственной цели действия и, таким образом, вступило бы в соответствующее отношение к мотиву этой деятельности". Воспринимаемое, т. е. несознаваемое, однако, не есть непереживаемое психическое. "Субъективно, по непосредственному самонаблюдению воспринимаемое и сознаваемое... неразличимы", т. е. оба они переживаемы, сознательны [5, 248, 245]. Ф. В. Бассин рассуждает о существовании "неосознаваемой формы психики", т. е. о бессознательной психике, но она "является результатом мозговой деятельности, при которой модальность переживания... сохраняется..." [3, 167]. Рассуждения Ф. В. Бассина относительно "неосознаваемых форм высшей нервной деятельности" психологической проблемы бессознательного не касаются, поскольку здесь речь идет о бессознательно-физиологическом, а не о бессознательно-психическом*). Следовательно, здесь допускается существование неосознанных психических содержаний, но под неосознанностью (бессознательностью) подразумевается не существование психических содержаний независимо от переживаний, а незнание причин, их вызывающих.

В теории установки Д. Н. Узнадзе психологическая проблема бессознательного касается не возможности существования психических содержаний за пределами сферы переживаний, независимо от сознания нообще, а возможности существования новой (качественности психики, отличной от формы существования психических содержаний и являющейся модусом целостной личности. Эта новая качественность психики и называется установкой (*До 1949 года сам Д. Н. Узнадзе не считал установку психикой, хотя он ее характеризовал как новую сферу действительности*). В советской психологии лишь в теории установки Д. Н. Узнадзе решается положительно (психологическая проблема бессознательного; допускается существование такой психики, которая отличается качественно от переживания, от частного психического факта и является целостно-личностным состоянием готовности к определенной активности, в чем своеобразно отражена действительность [8] (*О попытке обоснования установки как бессознательной психики см, Ш. Н. Чхартишвили и А. Е. Шерозия [9; 10]*).

Примечание редакции

Придавая значение тому, чтобы в монографии были представлены разные подходы к проблеме бессознательного, редколлегия публикует статью В. Л. Какабадзе. В отношении ее необходимо, однако, сделать некоторые замечания.

В. Л. Какабадзе утверждает: "Наука о психике должна исходить из положения, что... познающий разум не в силах установить действительную причину бессознательного". Он полагает, что "разговор об экспериментальном подтверждении бессознательной психики - результат недоразумения" и аргументирует следующим образом: "прямое обоснование существования бессознательной психики требует ее существования в сознании, понятие же бессознательной психики исключает это условие". Нельзя не обратить внимания, что этими словами В. Л. Какабадзе почти дословно повторяет тезис, звучавший еше в XVII веке (Локк: "иметь представление и что-то осознавать это одно и то же", Опыт человеческого разума, ч. II, гл. I, § 9; "Мышление без сознания можно представлять себе в такой же степени, как протяженное тело, которое не имеет частей", там же, § 19), не учитывая, при этом, многократно приводившихся и в нашей и в западной литературе разъяснений несостоятельности этого тезиса. Характерно, что даже И.Кант, опровергая Локка, указывает, что при всей противоречивости понятия бессознательного, отказываться от его использования мы не можем (Антропология, § 5, "О представлениях, которые мы имеем, не сознавая их". Соч., т. 6, стр. 366, М., 1966). Мы будем далее, знакомясь с материалами монографии, многократно убеждаться, что представление о неосознаваемой психической деятельности допускает существование переживаний, которые не осознаются, как таковые, их субъектом (ранний онтогенез), что существуют формы работы мозга, которые направлены на учет и выявление смыслов (и потому являются деятельностью психической), но, тем не менее, на определенных этапах своего развития не только не осознаются, но и не переживаются (интуиция, установка). Но это представление - неосознаваемой психической деятельности - никак не требует существования "сознательных психических... переживаний... независимо от сознания" (формулировка А. Т. Бочоришвили, к которой В. Л. Какабадзе, видимо, присоединяется). Неточность терминологии при рассмотрении всех этих вопросов, требующих высокой дисциплины мысли, может быть очень опасной.

15. The Psychological Problem of the Unconscious in Depth Psychology. V. L. Kakabadze

Institute of Philosophy, Georgian Academy of Sciences, Tbilisi

Summary

The methodological principle of depth psychology - interpretation of. the conscious mind and behaviour of man on the basis of the unconscious-follows certain theoretical and philosophical premises.

In classical depth psychology (psychoanalysis, analytic psychology, individual psychology) the unconscious is represented in four different senses: 1. mental energy, 2. determinateness which we are sure has a mental quality but about the ontic character of which we have no idea, 3. unconscious existence of conscious mental contents, 4. unconscious condition.

In classical depth psychology the ontic content of the unconscious (i.e. mental contents which exist beyond consciousness) is substantiated theoretically and not empirically (to ascertain the unconscious in experience is impossible in principle). Proceeding from the ontological and gnoseological postulates the unconscious in classical depth psychology is a hypothesis and not a reality.

Литература

1. Ленин В. И., Полное собрание сочинений, т. 18, М.. 1961.

2. Ленин В. И., Полное собрание сочинений, т. 29, М., 1963.

3. Бассин Ф. В., Проблема бессознательного. (О неосознаваемых формах высшей нервной деятельности), М., 1968.

4. Бочоришвили А. Т., Проблема бессознательного в психологии, Тб., 1961.

5. Леонтьев А. Н., Деятельность. Сознание. Личность, М., 1975.

6. Павлов И. П., Полное собрание сочинений, т. III, книга первая, М.-Л , 1951.

7. Рубинштейн С. Л., Бытие и сознание, М., 1957.

8. Узнадзе Д. Н., Экспериментальные основы психологии установки, Тб., 1961.

9. Чхартишвили Ш. Н., Проблема бессознательного в советской психологии, Тб., 1966. 10. ШЕРОЗИЯ А. Е., К проблеме сознания и бессознательного психического, Тб., т. 1, 1969; т. 2, 1973.

11. Adler, A., Personlichkeit als geschlossene Einheit, Internationale Zeitschrift fur Individualpsychologie, 1932, Heft, 2.

12. Hess, R., Allgemeine Tiefenpsychologie, Bern - Stuttgart, 1964.

13. Freud, S., Traumdeutung, Gesammelte Werke, Bd. II-III, London, 1948.

14. Freud, S., Einige Bemerkungen tiber den Begriff des Unbewupten in der Psychoanalyse, Gesammelte Werke, Bd. VIII, London, 1947.

15. Freud. S.. Vorlesungen zur Einfuhrung in Psychoanalyse, Gesammelte Werke, Bd. XI. London. 1948.

16. Freud, S., Jenseits des Lustprinzips, Gesammelte Werke, Bd. XIII, London, 1947,

17. Freud, S., Das Ich und das Es, Gesammelte Werke, Bd. XIII, London, 1947.

18. Freud, S., Neue Folge der Vorlesungen zur Einfuhrung in die Psychoanalyse, Gesammelte Werke, Bd. XV, London, 1946.

19. Freud. S., Brief an Romain Rolland, Gesammelte Werke, Bd, XVI, London, 1950.

20. Freud, S., Abrip der Psychoanalyse, Gesammelte Werke, Bd. XVII, London, 1946.

21. Jung, K. G., Versuch einer Darstellung der psychoanalytischen Theorie, Leipzig-Wien, 1913.

22. Jung, K. G., tlber psychische Energetik und das Wesen der Traume, Zurich, 1928.

23. Jung, K. G., Psychologische Typen, Zurich, 1930.

24. Jung, K. G., Die Beziehungen zwischen dem Ich und dem Unbewupten, Zurich,],1938.

25. Jung, K. G., Symbolik des Geistes, Zurich, 1948.

26. Jung, K. G., Von den Wurzeln des Bewujjtseins, Zurich, 1954.

27. Jung, K. G., Wirklichkeit der Seele, Zurich-Stuttgart, 1969.

28. Jung, K. G., Uber Grundlagen der analytischen Psychologie, Zurich-Stuttgart, 1969

16. К проблеме бессознательного. П. Я. Гальперин

МГУ, факультет психологии

Что заставляет нас признать наличие бессознательной психической деятельности? Прежде всего разнообразные факты: спонтанное решение трудных задач (при отвлечении от работы над ними), т. н. автоматическое письмо, внезапное осознание смысла малых и незаметных впечатлений, исполнение лостгипнотических внушений (IB частности, известный опыт Фогтов, когда испытуемый в своих действиях явно учитывает предметы, восприятие которых ему запрещено внушением и которые, по его словам, он не воспринимает) и т. п., словом, продукты яв'но осмысленной деятельности, о которой ее исполнители субъективно ничего не знают (*В этой статье я пользуюсь термином сознание в том значении, в каком обычно им пользуются в учении о бессознательном: в значении ощущения, переживания, чувствования, сознания своей психической деятельности*).

Теоретически было бы легче считать такую неосознаваемую деятельность просто физиологической. Однако осмысленность предполагает осмысление, а оно составляет одну из основных и отличительных черт психической деятельности. И наоборот, принято считать, что материальные, в частности физиологические процессы, не могут быть осмысленными, так как они ограничены физическими свойствами. При таких исходных представлениях осмысленные продукты неосознаваемой деятельности приходится относить за счет психической, но бессознательной деятельности.

Но сами эти представления опираются, во-первых, на отождествление материального и физического и, во-вторых, на ограничение физических процессов одними энергетическими свойствами.

Отождествление материального и физического ведет к тому, что все нефизические явления исключаются из материи и выделяются в особый нематериальный мир, мир "психического". Дуализм "физического и психического", "материи и духа" составляет общую основу этих представлений о психике и бессознательной психической деятельности.

Ограничение физических процессов одними энергетическими свойствами выражает полное незнание их информационных характеристик, которые поэтому в общей картине физического мира совершенно не учитываются. Тогда психическое отражение, эта частная и наиболее выраженная форма информации о внешнем агенте, представляется исключительной особенностью психики; "вторичные чувственные качества" психического отражения как бы наглядно демонстрируют эту исключительность и дуализм "психического и физического".

В разных формах дуализм господствовал тысячелетия; в философии Декарта он получил теоретическое завершение. Только в середине XIX века дуализм был окончательно преодолен в диалектическом материализме Маркса-Энгельса, только в танце XIX и начале XX века кризис "классической физики", гениально разъясненный Лениным, обнаружил несостоятельность прежнего физического представления о материи, и только в середине XX века теория информации углубила естественнонаучные основы марксистско-ленинской теории отражения. Неудивительно, что основанные на дуализме представления о психике и бессознательной психической деятельности до сих пор сохраняются в психологии.

Развитое Лениным философское понятие материи снимает ее принципиальное ограничение физическими свойствами, раскрывает все разнообразие мира как продукта развития материи, а психику - как одно из новых свойств материи, возникающее на высоком уровне ее организации.

В плане современного естествознания этой философской картине соответствует последовательное развитие сначала неорганического мира, затем - возникновение жизни и развитие организмов, которые во взаимодействии с внешней средой уже используют информационные свойства физических агентов, "раздражителей"; далее - развитие подвижных животных, у которых с некого уровня, на основе физиологического отражения, возникает и развивается психическое отражение объективного мира; и, наконец, с появлением человеческого общества, в процессе становления людей формируется и развивается сознание (как оно понимается не в учении о бессознательном, а в историческом материализме).

Уже на уровне живых тел, регулирующих свои отношения с внешней средой путем избирательного отношения к раздражителям, возникает заинтересованность в их "опознании" и отсюда - в отражении не только их энергетических, но также (а в дальнейшем и прежде всего) их информационных характеристик. Все больше развиваются и специальные органы рецепции этих информационных свойств, их физиологического отр ажения.

У животных, ведущих активный образ жизни, эти рецепторы превращаются в органы чувств, воспринимающих именно информационную характеристику объектов. "Телефонный эффект" Э. Уивера экспериментально доказывает наличие физиологического отражения в периферическом (слуховом) нерве. Учение о "нервной модели" стимула (Е. Н. Соколов), "акцепторе действия" (П. К. Анохин), "потребном будущем" (Н. А. Бернштейн), - моделях, контролирующих смену условно-рефлекторной и ориентировочно-исследовательской деятельности, - утверждает наличие физиологического отражения (всех компонентов реакции) в центральной нервной системе.

Эти нервные модели приходят в рабочее состояние, когда возбуждаются "своей" потребностью, вместе с которой образуют доминанту (А. А. Ухтомский) и, на уровне психического отражения, установку (Д. Н. Узнадзе). Сложившаяся установка, вместе с поступающей информацией, автоматически, без участия сознания, успешно обслуживает решение текущих задач, если это не превышает возможностей прямого "согласования" структур задачи и поступающей информации.

За исключением внезапного решения творческих задач, такой механизм объясняет все факты осмысленной автоматической деятельности, о которых упоминалось выше. Во всех этих случаях происходит использование структуры решения, сложившейся в прошлом опыте ч отвечающей актуальной ситуации.

Что же касается внезапного решения творческих задач, то условия его возникновения в самых общих чертах тоже достаточно известны. Еще О. Зельц высказал предположение, что в результате безуспешных попыток (решения у субъекта складывается "антиципирующая схема", неосознанное отражение объективных связей задачи; недавно Я. А. Пономарев назвал его осторожней - "побочным результатом" безуспешных проб. Когда антиципирующая схема достаточно "созреет", чтобы наметить контур недостающего звена (решения), поступающая информация с так называемой "подсказкой" автоматически сличается с этой незаконченной схемой, из "подсказки" выделяется часть, отвечающая недостающему звену, оно автоматически включается в антиципирующую схему, которая замыкается и дает решение прежде не решавшейся задачи.

Информационно содержательные процессы высшей нервной деятельности взаимодействуют по смыслу отраженного в них объективного содержания, и продукт этого материального взаимодействия представляется осмысленным. Такой нервный механизм не нуждается в психическом отражении, хотя по своему происхождению может быть отложением "сознательной" психической деятельности. Подобно тому, как целесообразность не всегда предполагает целестремительность, осмысленность - в том значении слова, какое используется в учении о бессознательном, - отнюдь не всегда предполагает психическую деятельность. Материальные процессы, когда их движение и взаимодействие определяются их информационными характеристиками, становятся объективно осмысленными, оставаясь психологически неосознаваемыми.

Итак, на канве механического представления о материи и дуализма "физического и психического" феномены автоматической осмысленной деятельности принудительно ведут к признанию "бессознательного". На основе диалектико-материалистического понятия о материи и учета информационного содержания процессов в. н. д. все эти феномены могут получить объяснение и без такого предположения. Гипотез а бессознательной психической деятельности становится излишней.

Однако не бьют ли эти доводы дальше цели? Если информационно-полноценная в. н. д. может производить такие новые продукты мышления, как внезапное решение творческих задач, то не ставит ли это под сомнение необходимость всякой психической деятельности, не только бессознательной, но и сознательной? Против такого опасения говорят и факты, и соображения.

Соображения заключаются в том, что, во-первых, бессознательная психическая деятельность есть гипотеза, а "сознательная" психика - факт. Гипотеза нуждается в проверке и может быть отвергнута, а факты- "упрямая вещь", отрицание их не меняет и тем более не устраняет. Во-вторых, не так ставится вопрос - или высшая нервная деятельность или психическая деятельность. Психика - не самостоятельный вид бытия, а только идеальное отражение объективного мира, отражение его существенных и только существенных черт и свойств; потому-то оно и остается только идеальным. В этой характеристике идеального содержится указание и на связь психического отражения с его физиологической основой, с физиологическим отражением и на существенное различие между ними.

Но лучше всего подозрение о "ненужности" психики опровергают факты. Первый из них - процесс образования самой апперценирующей схемы. Известно, что она должна "созреть", а это происходит, хотя и помимо сознания, но только в доследовании задачи. Такое исследование совершается с обязательным участием психики, и первым его результатом оказывается обнаружение новых отношений между условиями задачи. А это "явление ноля объектов субъекту" составляет основную характеристику психического отражения. Без "сознательного" исследования задачи антиципирующая схема не формируется - не формируется тот механизм творческого мышления, который потом действует автоматически.

Второй факт составляет одно из основных положений учения о в. н. д. и заключается в том, что новый раздражитель сначала вызывает только ориентировочный рефлекс; если реакция получает подкрепление, раздражитель приобретает условное значение, автоматическое действие; по мере его укрепления ориентировочный рефлекс угасает, однако малейшее изменение ов обстановке или ходе опыта снова "оживляет" ориентировочно-исследовательскую деятельность, направленную на выяснение "нового". Поскольку в ориентировочно-исследовательской деятельности обязательно участвует психическое отражение, смена условно-рефлекторной и ориентировочно-исследовательской деятельности составляет экспериментальное доказательство того, что в определенных условиях - в ситуациях с признаком "новизны" - психика становится необходимой и обязательной частью механизма "сиюминутной" перестройки действия.

Психическая деятельность не нужна лишь там, где успех действия обеспечивается автоматически. А все явления, для объяснения которых привлекалась бессознательная психическая деятельность, как раз и составляют автоматические явления. Для них, но только для них, психическая деятельность не нужна.

И последнее. Отрицание "бессознательной психической деятельности", конечно, не устраняет явлений и проблем, для решения которых она предполагалась. Не устраняет, но проясняет самую постановку каждой из этих проблем. Пример - неврозы. С изложенной точки зрения в проблеме неврозов ясно различаются их физиологическая и психологическая стороны. Физиологическая сторона: причина невроза - "сшибка" нервных процессов и срыв в. н. д. в сверхтрудных, неразрешимых для субъекта ситуациях; поэтому и для лечения невроза желателен хотя бы временный выход из конфликтной ситуации. Психологическую сторону составляют: самостоятельное или под руководством психотерапевта проводимое разъяснение прежде не решавшейся жизненной задачи, а затем перевоспитание, воспитание нового поведения, которое намечалось теоретическим решением, но теперь уже на деле должно обеспечить выход из травматической, конфликтной ситуации. Таким образом, и в сложной проблеме неврозов - можно обойтись без помощи гипотезы бессознательной психической деятельности.

Примечание редакции

Мы хотели бы указать, что спорной стороной статьи П. Я. Гальперина является предлагаемое им истолкование самого понятия неосознаваемой психической деятельности. Так, он пишет: "Психическая деятельность не нужна там, где успех действия обеспечивается автоматически. А все явления, для объяснения которых привлекалась бессознательная психическая деятельность, как раз и составляют автоматические явления" (разрядка наша. -

Редколл.). Это неточное утверждение. Неосознаваемая психическая деятельность потому и оказалась одной из важнейших и труднейших проблем психологии, она потому и вызывает ожесточенные споры, не умолкающие уже более века, что проявляется она как деятельность смыслосодержащая, способная к вынесению сложнейших решений, к учету наиболее тонких особенностей объективных ситуаций. В этой "осмысленности бессознательного" основной парадокс и основное логическое ядро всей проблемы неосознаваемой психической деятельности. П. Я. Гальперин этот центральный момент явно, однако, недооценивает.

Мы ограничимся сейчас только этим замечанием, т. к. конкретные аргументы в пользу "осмысленности" (а не "автоматического" характера) бессознательного представлены в монографии в очень большом количестве (см. по этому поводу, в частности, вступительные статьи к тематическим разделам VI и VII-VIII).

16. On the Problem of the Unconscious. P. J. Galperin

Moscow State University

Summary

Two reasons made it inevitable to recognize (though always only hypo-thetically) the unconscious mental activity: 1) the existence of meaningful activity, of which the subject is unaware, and 2) conception of material, physiological processes as merely energetical ones, related to energy and not subject to the criterion of comprehension. The general theory of information has radically changed the situation-material processes contain information and can interact according to the logic of this information, i. e. meaningfully. Experiments on the acoustic nerve (E. G. Wever, G. V. Gershuni) and the central nervous system (P. K. Anokhin, A. N. Bernstein, E. N. Sokolov) have supported this view-information "conforming" with afferent signals to neuronal models (of past experience) clears the way for automatic reactions, "disconforming" inhibits them, giving rise to orientation-research activity. Thus, neural processes containing information are sufficient to account for unconscious meaningful activity, thereby rendering the hypothesis of unconscious mental activity superfluous.

Литература

1. Анохин П. К., Особенности афферентного аппарата условного рефлекса и их значение для психологии Вопросы психологии, 1955, 6.

2. Бернштейн Н. А., Очерки по физиологии движений и физиологии активности, 1966.

3. Гершуни Г. В., Андреев А.М., Абрамова А. А.. Доклады АН СССР, 1937, 16, 8.

4. Пономарев Я. А., Психология творческого мышления, 1960.

5. Соколов Е. Н., Ориентировочный рефлекс как кибернетическая система. Ж. высшейнервной деятельности им. И. П. Павлова, 1963, т. XIII, 5.

6. Узнадзе Д. Н., Психологические исследования, М., 1966.

7. Физиология сенсорных процессов, ч. II, Л., 1972.

8. Selz, O., Zur Psychologie des produktiven Denkens und des Irrtums, 1922.

9. Wever, E. G., Theory of Hearing, New York, Dover Publications, 1970.

17. Теория отражения и некоторые методические проблемы изучения бессознательного. Г. Х. Шингаров

АМН СССР, кафедра философии, Москва

Решение вопроса о том, что такое "бессознательное" и как его исследовать, во многом зависит от методологического подхода того или иного ученого, приступающего к его изучению. Известно, что идеологическая методология оказывала плохие услуги тем, кто пользовался ею в изучении сложнейших явлений

"бессознательного". Для нас нет никакого сомнения в том, что единственно правильной философской основой решения проблемы "бессознательного" является марксистско-ленинская теория отражения.

Как известно, в "Материализме и эмпириокритицизме" В. И. Ленин писал, что "логично предположить, что вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения" [10, 943.

Из этой идеи В. И. Ленина следует вывод, что на разных уровнях эволюции материи существуют специфические формы отражения, составляющие предысторию сознания. В человеческом сознании эта его предыстория содержится в "идеальном", в диалектически "снятом" виде. "В силу этого, - подчеркивает Т. Павлов, - человек, который при своем полном развитии становится способным мыслить и сознательно действовать, не рождается таким и не всегда и не при всех обстоятельствах имеет потребность воспринимать вещи и реагировать сознательно" [16, 52].

Многозначителен факт, что к ленинской мысли о наличии отражательных процессов, "сходных с ощущением", обращался и Д. Н.Узнадзе. оОн подчеркивал, что "с точки зрения В.И.Ленина, психика включает в себя не только сознательные процессы ("сознание, мышление, ощущение"), но и предшествующую им ступень развития - способность, сходную с ощущением" [20, 205].

Любая философская система может играть роль методологии в исследовании тех или иных явлений действительности лишь при наличии соответствующих методов и методик, выявляющих наличие, особенности и закономерности протекания явлений определенной области действительности. Без наличия таких методов и методик рассуждения об этой сфере действительности чаще всего остаются беспредметными или имеют характер догадок, предположений. Без исследования "бессознательного" при помощи адекватных этому сложному явлению методов, всегда будет иметь место вопрос: "как у нас могут быть состояния сознания, нами не опознанные?" [18, 94]. Исходя из логики так поставленного вопроса, многие авторы считают, что говорить о "бессознательном психическом" значило бы говорить о "непсихическом психическом". 206

На терминологической стороне вопроса и на различных подходах к проблеме "бессознательного" мы здесь не будем останавливаться, так как анализ этого вопроса читатель может найти в работах других авторов.

Для решения основной задачи данной работы нужно прежде всего ответить на вопрос: какими методами выявления наличия и исследования особенностей "бессознательного" обладает современная наука? На так поставленный вопрос можно ответить: множеством методов и давно применяемых в практике научного исследования. В данной работе мы остановимся лишь на тех из методов исследования "бессознательного", которые сыграли важную роль в истории науки и в настоящее время являются основными в изучении этой проблемы. К ним мы относим прежде всего катарсис Аристотеля, суггестотехнику, метод психокатарсиса Брейера и Фрейда, психоанализ Фрейда, учение И. П. Павлова об условных рефлексах и учение об установке (так, как это явление изучают Д. Н. Узнадзе, его ученики и последователи).

О наличии скрытых, не регистрируемых в сознании психических состояний догадывались многие древние мыслители, но среди философов раньше всех об этом писали Платон и Аристотель. Для нас особый интерес представляют работы Аристотеля. В начале 6 главы "Поэтики" Аристотеля читаем следующее: "Трагедия есть подражание действию, важному и законченному, имеющему определенный объем [подражание], при помощи речи, в каждой из своих частей различно украшенной; посредством действия, а не рассказа, совершающее путем сострадания и страха очищение подобных аффектов" [1, 56].

Трагедия, как и другие виды искусства, изображая человеческие страсти, объективирует их для человека, испытывающего на себе влияние произведений искусства и таким образом в процессе сопереживания очищает человеческую душу от них. В процессе сопереживания актера и зрителя аффекты, не осознаваемые до этого личностью, объективируются для нее, переживаются и как акты ее сознания, в результате чего и происходит очищение от них. При этом процесс "трагического очищения" сопровождается положительными эмоциональными переживаниями. Поэт должен доставлять "помощью художественного изображения удовольствие, вытекающее из сострадания и страха" [1, 83].

Другой очень важной особенностью трагического очищения для Аристотеля является то, что оно достигается при помощи "подражания действию, важному и законченному". При этом Аристотель вкладывал особый смысл в понятие "подражание" (mimesis). Для него в mime-sis'e человек не просто копирует реально существующие явления. В "подражании", в образах искусства, действительность "идеализирована", приемлема для человека, стала моментом его внутреннего самоопределения. "Продукты подражания всем доставляют удовольствие... на что смотреть неприятно, изображения того мы рассматриваем с удовольствием..." [1, 48-49].

Особое значение в учении Аристотеля о катарсисе имеет тот факт, что человек, прпзыкший воспринимать некоторые явления действительности в виде художественных образов, при встрече с ними в реальной жизни не подвергается их отрицательному, патогенному воздействию, так как они не становятся застойными и скрытыми аффектами его души.

В целом, аристотелевский катарсис говорит нам о следующих особенностях бессознательного: а) в душе человека имеются неосознанные психические состояния, оказывающие существенное влияние на его психические и физические процессы; б) объективирование и осознанное переживание их при их созерцании в действиях героев трагедии, связанном с приятными эстетическими переживаниями; в) подражательный характер (mimesis) средств выявления скрытых "аффектов" (роль знаков, сигналов, образов в процессе осознания и последующего очищения); г) предупредительное (профилактическое) значение восприятия отраженных в искусстве событий.

В новое время ценный вклад в понимание сущности и значения бессознательного и катарсиса внесли Гегель и Лессинг [7; 8; 12]. Интересно подчеркнуть, что Гегель связывал вопрос об очищении от неосознанных психических процессов с превращением их в нечто, "к чему следует относиться... мысленно, идеально" [7, 25; 8, 55].

Ценные данные о наличии и роли "бессознательного" в целостной психической деятельности человека внесла практика суггестотерапии. Было бесспорно доказано, что во время гипноза больному можно внушить ряд действий, регулировать его поведение в условиях, когда он сознательно не воспринимает соответствующих инструкций.

В конце прошлого века в изучении бессознательного возникло новое направление, внесшее существенный вклад в изучение бессознательного. Это направление связано с именем венского психо-невролога 3. Фрейда. Отправным пунктом для создания Фрейдом психоаналитического метода было аристотелевское понятие катарсиса, которое Брейер и Фрейд применили к истолкованию лечения неврозов. Исходя из опыта лечения больных истерией, Брейер и Фрейд [28] пришли к выводу, что симптом является следствием подавления какого-либо эмоционально значимого переживания и символически замещает собой действие, которое из-за подавления не было реализовано в поведении. Для того, чтобы больной мог освободиться от невротического симптома, необходимо повторное воспроизведение и переживание события, вызвавшего его появление. Это переживание сопровождается бурными аффективными реакциями, характерными для самого события, как и полным восстановлением его в памяти больного. В этой психической деятельности больного активную роль играет врач, а рассказ помогает больному осознать связи пережитого (психической травмы) с вызванным им болезненным симптомом.

По справедливому утверждению некоторых авторов, психоанализ является "наиболее разработанной попыткой "позитивного" решения "бессознательного" [4, 96]. 3. Фрейд говорил, что психоанализ характеризуется техникой, при помощи которой он работает, и "цель у iHего одна - открыть бессознательное в душевной жизни" [22, 177].

Вытесненные в бессознательное психические процессы не могут вернуться обратно в сознание и ищут пути разрядки своей энергии, обходя его цензуру. Этими обходными путями являются: свободные ассоциации, перенесенные эмоции, описки, оговорки, ошибки, шутки, сновидения, творчество и невротические симптомы. Они имеют символический характер. Фрейд считал, что при этом замещении происходит и своеобразное удовлетворение вытесненных желаний. Так, например, о сновидении он писал, что оно "содержит в себе больше чем одно пожелание; последнее является во сне уже исполненное, причем это исполнение представляется как бы реальным и совершающимся на глазах" [23, 28].

Из этого краткого описания взглядов Фрейда на "бессознательное" видно, что суть этого процесса состоит в том, что имеются процессы, неизвестные сознанию, проявляющиеся для него символически с эмоциональными переживаниями и удовлетворением соответствующих вытесненных желаний.

Одновременно с психоанализом Фрейда возникло и учение И. П. Павлова об условных рефлексах. Сам И. П. Павлов говорил, что они с Фрейдом "копаются" в одной и той же области [15], но у них разные методы. Отношение павловского условного рефлекса к изучению бессознательного - сложная проблема, требующая специального исследования.

На связь павловского сигнала с бессознательной психической деятельностью указывает ряд авторов [3, 5, 19]. "Собственно говоря, - писал А. А. Ухтомский, - в методе Павлова открывается нам следующее: сами по себе возбуждения, рецептированные на расстоянии, безразличны. Они приобретают смысл и значение лишь постольку,

поскольку связываются с контактными раздражениями. Вот, собственно, чему учит опыт с образованием условных рефлексов в порядке Павлова" [21, 244].

Если сигнал вызывает определенную деятельность организма, то это значит, что она уже имелась в готовом виде и он только выявляет ее. Сигнал связывается с деятельностью, которая до этого вызывалась биологически значимым фактором (безусловным раздражителем). Значит сигнал связан одновременно и с деятельностью организма, для которой он имеет характер причины и с безусловным раздражителем, к которому он относится как знак (семантическое взаимоотношение знака и обозначаемого им предмета). С этой точки зрения, условный рефлекс имеет следующую функциональную структуру: сигнал (содержащий в "идеальной" форме безусловный раздражитель как причину деятельности организма) - деятельность организма - подкрепление (безусловный раздражитель, подвергшийся деятельности организма и освоенный им) [25].

Состояние организма, выявляемое сигналом и направляющее поведение животного, И. П. Павлов связывал с возникновением временной связи (нейрофизиологическая основа условного рефлекса). Система "безусловный раздражитель - соответствующая потребность организма" составляет тот неосознаваемый компонент психической деятельности, который в психологии известен как установка. Возникновение этого "двуликого существа", этого единства внутреннего и внешнего, объективного и субъективного превращает субъекта в "желающее органическое существо, сознающее себя единством самого себя и предмета и прозревающее таким образом наличное бытие другого, есть обращенный наружу, вооруженный образ, кости которого сделались зубами, а кожа - когтями" [6, 487]. В явном виде экспериментально И. П. Павлов исследовал объективный компонент этой целостной системы, предполагая участие потребности внутреннего состояния организма в нем чем-то само собой разумеющимся [13; 14; 27].

Важно подчеркнуть, что в условном рефлексе мы имеем возможность еетеспвеняонаучныши методами исследовать то, что в психоанализе известно как "удовлетворение желаний", связанное с овладевани-ем значимого объекта и защитой "Я".

Интересные данные о природе бессознательного были получены при исследовании широко известного сейчас психического феномена, так называемой установки. Это направление в исследовании бессознательного возникло в исследованиях представителей вюрцбургской школы (Марбе, Ах, Бюллер и др.), но было всесторонне и глубоко развито Д. Н. Узнадзе и его школой. Оригинальные данные, полученные школой Д. Н. Узнадзе, известны достаточно хорошо. Мы коснемся некоторых особенностей установки, выявленных Д. Н. Узнадзе и имеющих важное значение для понимания сущности "бессознательного". Некоторые характерные черты "бессознательного" даны в самом определении установки Д. Н. Узнадзе. Установка - это своеобразное состояние организма. Оно возникает в результате установочных опытов и оказывает существенное влияние на протекание деятельности человека. Это психическое состояние характеризуется "готовностью к определенной активности, возникновение которой зависит от наличия следующих условий: от актуально действующей в данном организме потребности и от объективной ситуации удовлетворения этой потребности" [20, 82].

Как подчеркивают многие представители школы Д. Н. Узнадзе [17; 20; 24 и др.], с возникновением установки индивид вынужден установить определенные практические взаимоотношения со средой. Для того, чтобы возникла установка, в потребности должна быть предвосхищена удовлетворяющая ее ситуация, а деятельность субъекта должна привести к осуществлению этого процесса.

В экспериментах с установкой ясно видно, что в психике человека имеются состояния, которые оказывают существенное влияние на течение различных его психических процессов.

Если подведем итог сказанному выше, то окажется, что Аристотелем, Фрейдом, Павловым, Д. Н. Узнадзе и многими другими исследователями при помощи разных методов и при изучении различных психических процессов были прослежены некоторые общие и во многом совпадающие закономерности психической деятельности человека. Установлено, что "бессознательное" - это психическое состояние человека, возникающее в процессе взаимодействия человека с окружающим его о?миром, на основе определенных его потребностей. Это состояние психики человека не репрезентировано в его сознании и выявляется при действии внешних раздражений, имеющих характер знаков (сигналов, символов).

Аффекты страха и сострадания, как о них писал Аристотель, возникают в реальной жизни человека. Но они выявляются под влиянием раздражителей, имеющих характер подражания (mimesis).

Психоаналитический метод 3. Фрейда также показал, что бессознательное возникает в процессе "вытеснения" и дает о себе знать в виде определенных замещающих его психических и соматических явлений, играющих роль

символов. Павловское учение об условных рефлексах недвусмысленно показало, что при взаимодействии организма с безусловным раздражителем в организме возникает своеобразное состояние ("временная связь"), которое выявляется при действии соответствующего сигнала. То же самое показало и изучение установки: установочные опыты приводят к возникновению особого "бессознательного" состояния, а критические выявляют его. При этом, как мы показали в другом месте, внешние объекты как раздражители в критическом предъявлении имеют характер сигнальных [27].

Как уже подчеркивали, "бессознательное" оказывает существенное влияние на поведение человека, на саморегуляцию функций его организма, т. е. принимает активное участие в управлении его деятельностью. Эта особенность бессознательного дает возможность рассматривать его как проявление некоторых более общих, чем психические, закономерностей, изучаемых в "чистом виде" кибернетикой [5; 24; 29].

Признание активного участия "бессознательного" в управлении деятельностью организма, сразу ставит вопрос и об источнике этой мотивирующей и целенаправляющей способности "бессознательного". При ответе на так поставленный вопрос метод сразу перерастает в теорию. Поэтому представители различных направлений, изучающих природу "бессознательного" по-разному отвечали и отвечают на этот вопрос.

Метапсихологическая теория Фрейда объясняет источник активности бессознательного наличием у вытесненных переживаний особой психической энергии, генератором которой является "либидо". При помощи этой энергии бессознательное оказывает свое динамическое, мотивирующее влияние на всю деятельность человека. Как нетрудно заметить, такой подход является упрощенным, по сути дела он дает механистическое объяснение сложнейшим явлениям психической жизни человека. Движущее начало психической деятельности представлено в виде некоторой "субстанции", существующей за пределами процессов, которыми оно управляет. Влияние "психической энергии" на деятельность человека имеет характер механического "толчка".

Понятно, что для диалектического материализма такой подход неудовлетворителен. Где нужно искать источник мотивирующего влияния "бессознательного"? Исходя из полученных И. П. Павловым и Д. Н. Узнадзе данных, мы считаем, что методологической основой для решения этого вопроса должна стать идея В. И. Ленина о том, что "условие познания всех процессов мира в их "самодвижении", в их спонтанейном развитии, в их живой жизни, есть познание их как единства противоположностей" [11, 317].

Как уже подчеркивали, "временная связь" и установка - это такое физиологическое и в то же время психическое состояние, в котором субъект и объект специфически взаимодействуют, ибо, как подчеркивает А. С. Прангишвили, понятие установки выражает "собой психологическое содержание взаимоотношения конкретной потребности и ситуации ее удовлетворения" [17, 61].

"Бессознательное" - это такое единство объекта и субъекта, в котором нет гносеологической противоположности объекта и субъекта (что является основной гносеологической характеристикой сознания). Объект в "бессознательном" является моментом самоопределения, саморазвития субъекта. Это соотношение объекта и субъекта в "бессознательном" определяет эмоциональный характер реакций, связанных с "бессознательным".

Вопрос о форме содержания объекта в психике человека и особенно в "бессознательном" является одним из труднейших вопросов современной науки. В его решении принимает активное участие целый ряд современных наук: психология, физиология высшей нервной деятельности, нейрофизиология, семиотика, эстетика, клинические дисциплины, биохимия нервной деятельности, молекулярная биология. Правильное решение вопроса об их субординации в процессе изучения "бессознательного" и всей психической деятельности в целом является исключительно актуальной методологической задачей. От ее решения во многом зависит будущее развитие нашего познания столь сложных явлений-бессознательных процессов психической деятельности человека.

17. The Reflection Theory and Some Methodological Problems in the Study of the Unconscious. G. Kh. Shingarov

USSR Academy of Medical Sciences, Chair of Philosophy

Summary

The article deals with the methodological role of the Marxist-Leninist reflection theory in the study of the unconscious.

The main data on the origin and the nature of this complex phenomenon have been obtained by the following methods: Aristotle's catharsis, Breuer's and Freud's psychocatharsis, Freud's psychoanalysis, Pavlov's conditioned reflexes, set (especially Uznadze and his followers) and others.

The unconscious plays an important part in controlling human activity and self-regulation of his psychological and physiological functions. It has the following psychological and gnoseological features: the subject's characteristic interaction with the objects of his needs motivating his activity, the emotional character of reactions related to unconsciousness, identification of the content of the unconscious by sign stimuli (signals, symbols).

Awareness of the content of unconsciousness has the nature of 'reinforcement' and is connected with the mastery of need objects and Ego-defence.

Литература

1. Аристотель, Политика, М., 1911, стр. 364 - 366.

2. Аристотель, Об искусстве поэзии, М., 1957.

3. Бассин Ф. В., Проблема "бессознательного", М., 1968, стр. 30 и др.

4. Бассин Ф. В., Рожнов В. Е., О современном подходе к проблеме неосознаваемой психической деятельности (бессознательного). Вопросы философии, 10, 1975.

5. Бжалава И. Т., Психология установки и кибернетика, М., 1966, стр. 141-151 и др.

6. Гегель, Сочинения, т. II, №.. 1934.

7. Гегель, Сочинения, т. Ill, М., 1956.

8. Гегель, Эстетика, т. I, М., 1968.

9. Кант И., Сочинения, т. 6, М., 1966, стр. 366.

10. Ленин В. И., Полное собрание сочинений, т. 18.

11. Ленин В. И., Полное собрание сочинений, т. 29.

12. Лессинг Г., Гамбургская драматургия, М -Л., 1936, стр. 282-288 и др.

13. Павлов И. П., Полное собрание сочинений, т. III, кн. I, М -Л., 1951, стр. 238 и др.

14. Павлов И. П., Полное собрание сочинений, т. III, кн. 2, М. -Л., 1951, стр. 324 и др.

15. Павловские среды, т. Ill, М. -Л., 1949.

16. Павлов Т., Избранные философские произведения, т. 3, М., 1962.

17. Прангишвили А. С., Исследования по психологии установки, Тбилиси, 1967.

18. Принс М., Подсознательное. В сб.: "Новые идеи в философии", 15, СПб., 1914.

19. Рубинштейн С. Л., Принципы и пути развития психологии, М., 1959, стр. 153 и др.

20. Узнадзе Д. Н., Экспериментальные основы психологии установки, Тбилиси, 1961.

21. Ухтомский А. А., Доминанта, Л., 1966.

22. Фрейд 3., Лекции по введению в психоанализ, т. 2, М, 1922.

23. Фрейд 3., Психология сна, М., 1926.

24. Шерозия А. Е., К проблеме сознания и бессознательного психического, Тбилиси, т. I, 1969; т. II, 1973, стр. 329, 355 и др.

25. Шингаров Г. X., Теория отражения и некоторые философские вопросы современной нейрофизиологии. "Журнал высшей нервной деятельности им. Павлова", 1970, № 2, стр. 16-32.

26. Шингаров Г. X., Эмоции и чувства как формы отражения действительности, М., 1971, стр. 99-109.

27. Шингаров Г. X., Теория отражения и условный рефлекс, М., 1974, стр. 109-131.

28. Breuer. J.. Freud, S.. Studies on Hysteria, London, 1955.

29. Szyngarow, G. H., Cybernetyka a neurofizjologia. In: "Czlowiek i swiatopoglad", Warszawa, 1975. 7-8, s. 25-44.

18. Основные направления современной психологической разработки идеи бессознательного (50-е -70-е годы). Вступительная статья от редакции

(1) З. Фрейд является, несомненно, исходной фигурой в современной разработке проблемы бессознательного. И при том фигурой, исходной не календарно, а концептуально, поскольку им были введены в теорию бессознательного психологические представления, ряд из которых, будучи в дальнейшем глубоко преобразованными, по-иному осмысленными, не потерял значения для этой теории и поныне. Такими представлениями являются, например, вытеснение, психологическая защита, неосознаваемый мотив, патогенность неотреагированного стремления, символическое преобразование сознанием, сновидно измененным, содержаний сознания бодрствующего и некоторые другие.

Концепция Фрейда в целом оказывалась на протяжении десятилетий, как это хорошо известно, предметом, с одной стороны, суровой критики, с другой - апологетики и догматизации. Для советских исследователей, как психологов, так и врачей, явилось характерным ее принципиальное отклонение, обусловленное ее упрощенным характером, односторонностью и искаженным представлением о психике человека, которое на ее основе неизбежным образом возникает. Эта критическая позиция, будучи в теоретическом и клиническом отношении глубоко обоснованной, имела, однако, и свою отрицательную сторону: критика неадекватностей фрейдизма нередко перерастала в недооценку значения проблемы неосознаваемой психической деятельности, чем наносился немалый вред не только психологии, но и многим другим областям теоретического и прикладного знания, так или иначе с этой проблемой связанным. Психологическое направление, созданное Д. Ы. Узнадзе, оказалось свободным в какой-то степени от этой ошибки лишь благодаря тому обстоятельству, что с самого начала формирования им концепции психологической установки в основу этой концепции было положено представление о неосознаваемости как о важной возможной особенности самых различных видоз психической деятельности человека.

Хорошо известно, какой сложной оказалась дальнейшая судьба теории психоанализа. Апологеты этой теории пытались ее развивать путем непрерывных ее модификаций, создания множества ее мало-согласующихся друг с другом вариантов. Отсюда постепенно возникшая необычайная пестрота современного психоанализа, наличие в его рамках столь резко взаимоотрицающих течении, что зарождается сомнение в возможности вообще рассматривать психоанализ как единое направление научной мысли, характеризуемое, вопреки всем метаморфозам, неким специфическим для него теоретическим ядром.

Основная причина этой сложности эволюции и разнородности психоаналитических представлений заключается, по-видимому, в том, что Фрейд не решил в свое время, задачу построения общей теории бессознательного, хотя, возможно, рассматривал выдвинутые им положения как основу такой теории. Эта его ошибка - подстановка того, что является лишь частным, на место общего, замещение тем, что наблюдается лишь в особых условиях, универсально закономерного, - способна много объяснить в последующих нелегких перипетиях судьбы психоаналитической теории.

При согласии с тем, что именно подобная ошибка была Фрейдом в свое время допущена, следует считать справедливыми как суровых критиков психоанализа (ибо принятие частного за общее неизбежно искажает правильное видение проблемы), так и тех, кто не отказывается признавать, что в определенных частных построениях психоанализа находят свое отражение соотношения, существующие реально, и в отвлечении от которых постигнуть закономерности душевной жизни человека бывает иногда принципиально невозможно.

К этому следует добавить, что для правильного понимания истории психоаналитических представлений и, что особенно важно, для выработки адекватного отношения к психоанализу современному, следует учитывать, что за последнюю, примерно, четверть века эти представления подвергались радикальному пересмотру, особенно если иметь в виду лежащие в их основе общие психологические идеи и принципы, определяющие стратегию дальнейших исследований. В этой связи вряд ли будет преувеличением, если мы скажем, что современный психоанализ - истолкование, даваемое этой концепции Лаканом, Джозефом, Дж. Клайиом. Альтюссером, Ансбахером, Музатти, Кремерну-сом, Аммоном, М. Лангер, Митчерлихом и другими видными современными психоаналитиками, - это, конечно, нечто совсем иное концептуально, чем ортодоксальный фрейдизм в том его облике, в котором он выступал в начале века в трудах самого Фрейда, или Юнга, или Ференчи, или, даже позднее, - у Фромма и у всей "неофрейдистской" американской группы. И то же самое нельзя не отметить, сопоставляя общий стиль и направление работ представителей современной психологически ориентированной психосоматической медицины - Поллока, Виттковера, Уорнса и др. с интерпретациями их ранних предшественников- Уайта, Дэнбар или Гарма.

Такое положение вещей заставляет отправляться при критическом рассмотрении современных психоаналитических исследований от двух исходных общих положений: во-первых, от необходимости внимательного учета неоспоримых изменений, внесенных в психологическую основу психоаналитической концепции ее вот уже скоро вековой эволюцией, и, во-вторых, от отчетливого понимания, что при всей радикальности метаморфоз, испытанных психоанализом как своеобразной психологической теорией, его существо как теории философской, как концепции, имеющей определенную ярко выраженную методологическую ориентацию, определенный мировоззренческий аспект, оказалось этой эволюцией не только не поколебленным, но, скорее даже напротив, более зафиксированным, более резко, более зримо заостренным. Легко понять, насколько усложняется сочетанием обоих этих моментов анализ картины психоаналитического направления, воспроизводящей, пусть приближенно, форму, которую это направление приобрело к середине 70-х гг. нашего века. И, все же, для дальнейшей разработки теории бессознательного такой анализ необходим, ибо именно здесь, при рассмотрении конкретных процессов и результатов эволюции психоанализа, с огобой отчетливостью выступают контуры тех проблем и подходов, которые являются на сегодня наиболее для этой теории характерными.

(2) В настоящем разделе монографии приведены статьи, позволяющие создать определенное представление о некоторых важных тенденциях истолкования, звучавших в последние годы в психоаналитической литературе. Выбор этих статей не зависел от того, отражают ли они уже сложившиеся течения или только заявки на оригинальные трактовки. А их рассмотрение и сопоставление дают в какой-то степени, как нам представляется, возможность предвидеть облик, который примет, по-видимому, психоаналитическая концепция в ближайшем будущем. Мы задержимся на отдельных из этих работ, чтобы подчеркнуть их характерные черты. Тем самым мы выявим наше общее отношение к очень сложному, теоретически, содержанию второго раздела.

Этот раздел начинается со статьи широко известного представителя современного французского психоанализа Л. Альтюссера, представляющей интерес, по крайней мере, по двум причинам.

Во-первых, потому, что в ней поставлена и решается в определенном плане важнейшая методологическая проблема: отношения к психоанализу теории марксизма. Во-вторых, потому, что она характеризует восприятие фрейдизма определенными кругами левой французской интеллигенции, находящимися под одновременным влиянием как психоаналитических, так и марксистских идей. Эклектические картины, возникающие в результате этого сочетания, отражают довольно распространенное на Западе направление философской и психологической мысли. Мы остановимся поэтому на статье Альтюссера подробно.

В чем заключается основное содержание этой статьи?

Л. Альтюссер начинает с указания на потрясения, испытанные идеологией, системой культурных ценностей, которую буржуазный класс разрабатывал в фазе своего исторического подъема, происходившего в XVI-XIX веках. Эти потрясения были вызваны двумя, как выражается Альтюссер, открытиями: созданием теории исторического материализма, теории условий, форм и результатов классовой борьбы, и возникновением концепции бессознательного. До Маркса европейская культура опиралась на науки о природе, дополнявшиеся буржуазной

философией истории, буржуазным истолкованием общества и человеческой личности. После него и после периода работ Фрейда, полагает Л. Альтюссер, там, где монопольно господствовала буржуазная идеология, возникает область строгой науки.

Такова историческая интродукция Л. Альтюссера. А затем его усилия направляются на определение черт сходства и различия, которые выявляются, когда прослеживается позднейшая эволюция марксизма и психоанализа.

Предваряя наши последующие замечания, скажем сразу же: ни при одном из этих сопоставлений Альтюссера нельзя упрекнуть в небрежном отношении к фактологии. События и исторические обстоятельства, на которые он указывает, реальны, но ему можно - и должно - предъявить другой упрек: он вряд ли в достаточной мере учитывает, что некоторые аналогии могут быть параллелями только формальными, т. е. не касающимися существа, подлинной природы сравниваемых явлений, а определенные расхождения принципиальными, т. е. говорящими об отсутствии какой бы то ни было близости между тем, что сопоставляется. Если же мы от этих оценок, от этой квалификации проявлений сходства и различия отвлечемся, то пропорции могут нарушиться, чувство меры утратиться и вся картина, на выявление которой направлено сопоставление, может принять далекий от действительности и даже гротескный характер.

Посмотрим теперь более конкретно, в какой мере моменты, которым Л. Альтюссер придает особенно важное значение, бросают свет на наличие черт неформального сходства между психоанализом и марксизмом.

Л. Альтюссер прежде всего подчеркивает, что как Маркс, так и Фрейд имели своих предтечей. Если экономисты школы Рикардо признавали, как на это указывает сам Маркс, существование классов и классовой борьбы, то идею реальности бессознательного можно обнаружить в литературных произведениях и в практике врачевателей даже глубокой древности. В фактическом плане Л. Альтюссер здесь безусловно, следовательно, прав. Но так ли уж существенно, так ли специфично такое сходство?!

Анализируя проблему отношения психоанализа к марксизму, Л. Альтюссер справедливо предостерегает против вульгаризации, которые возникали, когда эту близость пытались раскрывать как идентичность объектов обеих концепций (Райх и др.). Он, однако, полагает, что "в мире, в котором доминировали идеализм и механицизм", Фрейд, как и Маркс, обращался к материализму и диалектике. Материалистичность мысли Фрейда Л. Альтюссер видит в рассмотрении психоанализом объективной реальности как независящей от сознания, в атеизме Фрейда и в т. п., диалектичность же его построений - в его известном постулате "бессознательное не знает противоречий". А далее Л. Альтюссер переходит к черте, которой он придает, по-видимому, в плане аналогий, особенно большое значение: к тому, что он определяет как "конфликтный" характер и марксизма, и психоаналитической теории.

Л. Альтюссер обращает внимание на неоспоримый факт: на то, что вся история психоанализа - это непрерывная цепь внешних и внутренних конфликтов, ревизий и расколов. Эти конфликты он объясняет, однако, не столкновениями психоаналитических идей с заблуждениями, трудностями, препятствиями, а тем, что конфликтность психоанализа вытекает из самого его существа, она - следствие самой его природы. Раскрытие этой заинтриговывающей мысли Л. Альтюссер, однако, несколько откладывает и переходит к обоснованию представления о том, что такая же изначальная "конфликтность" оказалась характерной и для марксизма. Но здесь он это представление сразу раскрывает и нельзя не отметить, что делает он это в характерном для него эффектном литературном стиле, находя точные и сильные слова для выражения излагаемых им мыслей.

Маркс, говорит Л. Альтюссер, рано понял, что противником истины, которую он открыл, были не "ошибки" или "невежество", а система теоретических представлений, органически присущая буржуазной идеологии, являющаяся для буржуазного класса важным средством борьбы, которую он ведет за свое социальное утверждение. Те, кто придерживались этих "ошибок", не имели никакого желания увидеть правду (классовую эксплуатацию), поскольку их классовой задачей было,"напротив, эту правду маскировать, подчинив эксплуатируемых системе социальных иллюзий, необходимых для того, чтобы эксплуатация закреплялась. В самом существе правды, которую открыл Маркс, была борьба классов, борьба непримиримая, не знающая пощады. Маркс отчетливо видел, что наука, которую он обосновывал, была "партийной наукой" (Ленин), наукой, "представляющей" пролетариат (Маркс), наукой, которую буржуазия никогда не признает, которую она будет всегда и всеми средствами отвергать и разрушать.

Всем последующим развитием марксизма, продолжает Л. Альтюссер, подобное представление было, как известно, подтверждено. Однако не всегда осознается, что эта "конфликтность" марксистской теории - лишь следствие ее научности, ее объективности ("est constitutive de sa scientificite, de son objectivity"). Именно поэтому

"философские позиции марксизма, позиции материализма и диалектики, есть и всегда останутся антагонистичными философским позициям буржуазии.

Мы видим, таким образом, что, когда Л. Альтюссер говорит об исходной "конфликтности" марксизма, он адекватно и глубоко раскрывает смысл этого условного введенного им понятия. Но - и сам Л. Альтюссер ставит этот вопрос - причем здесь Фрейд? Его ответ (суть которого мы кратко уже привели выше): "соблюдая все пропорции и на другом уровне" ("toutes proportions gardees est a un autre niveau") теория фрейдизма оказывается в отношении "конфликтности" в положении, сходном с тем, которое характерно для марксизма. Посмотрим теперь, что же заставляет Л. Альтюссера так ставить вопрос.

По его мнению, представление о человеке как о "субъекте", внутреннее единство которого обеспечивается и увенчивается его сознанием ("dont l'unite est assure et couronee par le conscience"), - это "философская форма буржуазной идеологии, которая доминировала на протяжении пяти веков и которая... поныне господствует во многих областях идеалистической философии". Представление о "сознательном субъекте" ("sujet conscient") было имплицитной философией и классической политической экономии. Маркс, однако, подчеркивает Л. Альтюссер, отверг идею, согласно которой человек, как субъект своих потребностей, это последняя объясняющая категория теории общества и в еще меньшей степени это категория, объясняющая самого человека как субъекта.

Л. Альтюссер неустанно, вновь и вновь обращается к мысли, что философская категория целостного, осознающего себя субъекта ("sujet conscient de so:") логично вписывается в буржуазные нравственные и психологические концепции. Более того, она, эта категория, оказывается таким концепциям абсолютно необходимой ("est terribleirent requfse"). И Л. Альтюссер старается подкрепить эту мысль, прослеживая ее истоки у Локка, Юма, Канта. Что же касается Фрейда, то он, разрушив представление об осознающем себя и поэтому завершенном, целостном субъекте, задел, по Л. Альтюссеру, пункт, "наиболее чувствительный во всей системе буржуазной идеологии". Он не был в состоянии осмыслить это, ибо для того, чтобы это осмыслить, "он должен был бы быть Марксом. Но он не был Марксом. Он имел дело с совсем другим объектом". Однако именно здесь - Л. Альтюссер в этом убежден - коренится одна из наиболее важных причин сопротивления, на которое психоанализ сразу натолкнулся и продолжал наталкиваться непрестанно в дальнейшем.

Л. Альтюссер не ограничивается, впрочем, только этой идеологической причиной "конфликтности" психоанализа. Он называет и другую, не идеологическую, а психологическую и очень своеобразную, а именно: наличие у каждого из людей "его собственного бессознательного", которое автоматически вытесняется, а тем самым способствует (по Л. Альтюссеру) вытеснению и самой идеи существования бессознательного ("ils ont eux meme un inconsclent qui refoule automatiquement dans une compulsion de repetition (Wiederholungszwang) I'idee de l'existence de l'inconscient").

На последних страницах статьи Л. Альтюссер кратко характеризует основные положения и схемы психоаналитической концепции, отстаивая качественное своеобразие фрейдовского бессознательного, его несводимость ни к бессознательному в его традиционном понимании (Платон, Лейбниц, Гегель), ни к бессознательному психологии, выводимому из анализа стереотипов и динамики поведения (Мерло-Понти, Гуссерль). Однако эти важные соображения представляют самостоятельную тему, которая имеет к основной идее статьи лишь косвенное отношение и к которой мы еще будем в дальнейшем по разным поводам возвращаться. Отметим сейчас только, - это необходимо для понимания позиции Л. Альтюссера, - как он толкует попытки Фрейда расширить идеи психоанализа, распространив их на психологию коллективов. Он называет эти попытки достойными сожаления, "несчастливыми" ("malheureux") и продолжает: то, что Фрейд открыл, относилось не к "обществу" или к "социальным отношениям", а только к очень своеобразным индивидуальным аффективным феноменам, и этого достаточно, чтобы отграничить Фрейда от Маркса.

Таково основное содержание или, точнее, основная логика статьи Л. Альтюссера. Какие мысли эта оригинальная и непростая интеллектуальная конструкция вызывает?

В ней нетрудно отделить аргументацию центральной мысли от самой этой мысли.

Аргументация - это указание на черты сходства, выступающие при сопоставлении эволюции, исторических и теоретических особенностей психоанализа и марксизма: наличие предшественников и у Маркса и у Фрейда; материалистические установки, диалектичность, антирелигиозность Фрейда. Но, вероятно, и для Л. Альтюссера эти моменты не имеют решающего значения. Главное для него - это "конфликтность" и марксизма и психоанализа, их неустанная борьба (каждого в своей области) с упрочившимися традициями буржуазной идеологии. Для "конфликтности" психоанализа Л. Альтюссер находит, впрочем, и другую, не идеологическую, а психологическую причину: своеобразно понимаемые эффекты вытеснения.

Центральная же мысль - это заключение о некой духовной близости ("affinite") марксизма и фрейдизма, о существовании (вопреки тому, что "объекты их разные") определенных общих для них черт и, во всяком случае, об отсутствии чего-либо порождающего их антагонизм, их концептуальную несовместимость.

На какие возражения сразу же наталкивается подобная интерпретация? Мы сформулируем их сейчас только очень кратко, в принципиальном плане, поскольку нам предстоит в дальнейшем, еще неоднократно к ним возвращаться.

Любое аналогизирование между марксизмом и психоанализом в историческом аспекте, в плане их исторической роли, глубоко неадекватно не только из-за различия масштабов вызванных ими социальных сдвигов. (Это различие масштабов Л. Альтюссер не может не учитывать - вспомним его слова "toutes proportions gardees", оно очевидно и может быть предметом спора). Речь идет в данном случае о различии, прежде всего, самой исторической роли каждого из этих направлений мысли. Роль марксизма не свелась только к разрушению представлений, подсказывавшихся буржуазной идеологией. Она была - прежде всего - созидательной. Вместо разрушенного марксизм утвердил новое понимание. Именно в этом созидании нового и заключалось основное в его грандиозной, всемирно-исторической роли.

Фрейд же, показав несостоятельность "психики, лишенной бессознательного", не дал нам разработанной теории "психики, включающей бессознательное", т. е. не дал нам, по его же собственным словам, общей теории бессознательного. Он оставил нам лишь отдельные фрагменты подобной теории, не всегда совместимые. И именно этим обстоятельством, то более робкими, то более смелыми попытками на разных путях восполнить пробелы, оставшиеся в намеченных им широкими мазками общих эскизах, объясняется очень многое в бесконечной цепи конфликтов и расколов, составляющих в совокупности, - в этом Л. Альтюссер, безусловно, прав, - всю послефрейдовскую историю психоанализа.

Мы понимаем, таким образом, проблему "конфликтности" психоанализа совсем не так, как это склонен делать Л. Альтюссер. Согласно его схеме, сопротивление, на которое наталкивается психоанализ, объясняется тем, что это учение нанесло удар по наиболее "чувствительному пункту" буржуазной идеологии, согласно которой "самосознание объекта" - это кульминация, апогей буржуазного представления о природе человека. Такое объяснение имеет, однако, две очень слабые стороны. Во-первых, оно не объясняет отсутствия успеха у психоанализа и там, где ему отнюдь не противостоит буржуазная идеология (примеры этого вряд ли необходимы). Во-вторых, само объявление идеи "самосознающего субъекта" необходимым элементом, своего рода "венцом" буржуазной концепции человека более чем спорно.

Разве эта идея представлена в бесконечном разнообразии характернейших для буржуазной философии иррационалистских концепций, т. е. теорий, в рамках которых сознание не только не наделяется прерогативой освещать и контролировать все содержание психической жизни, но вообще лишается каких бы то ни было регулирующих функций? Разве, например, у А. Бергсона, этого рафинированного идеалистического властителя дум буржуазии, мы обнаружим какие-либо признаки "культа идеи самосознания"? И разве Л. Альтюссер не знает, что примеры, напротив, весьма и весьма пренебрежительного отношения к способности сознания говорить что-либо о душевной жизни его субъекта можно было бы получить, обратившись к трудам идеологов буржуазии самого разного толка в сколь угодно большом количестве?

Поэтому, когда Л. Альтюссер рассматривает открытие ограниченности возможностей сознания, вытекающей из реальности бессознательного (открытие, являющееся неоспоримо большой заслугой Фрейда), как удар, который Фрейд нанес по самому, якобы, чувствительному пункту буржуазной концепции человека, он оказывается пленником искаженной исторической перспективы. Указав на эту ограниченность, Фрейд выявил факт реальный, но вместе с тем такой факт, который при соответствующем идеологическом облачении гораздо скорее консонирует, чем диссонирует с идеологическими установками буржуазии. И вряд ли надо напоминать, как охотно, именно поэтому, современное буржуазное общество (включая церковь!) приемлет Фрейда.

По поводу второй называемой Л. Альтюссером причины сопротивления психоанализу мы органичимся полушуткой, за которую, надеемся, Л. Альтюссер нас извинит. Ведь если представление о реальности бессознательного вытесняется у нас потому, что "мы сами располагаем бессознательным", то не следует ли начать сомневаться в наличии бессознательного у тех, кто идею бессознательного широко приемлет, т. е. прежде всего, очевидно, у наших коллег психоаналитиков? Возвращаясь, однако, к серьезному обсуждению, нельзя не отметить очевидную натянутость этого представления о второй, психологической, причине "конфликтности" психоанализа. Основным фактором вытеснения является, как известно, определенная эмоциональная тональность вытесняемого. Почему, однако, существование бессознательного как элемента психики должно обусловить наличие подобной тональности у идеи бессознательного, понять трудно.

Резюмировать сказанное выше мы хотели бы так. Между марксизмом и теорией психоанализа можно обнаружить некоторые сходные черты, но это будут черты предельно формальные, не имеющие никакого отношения к существу обеих концепций. Если рассматривать эти черты как критерии концептуальной близости, то можно породнить между собою буквально что угодно, теории, абсолютно друг другу чуждые. В действительности же марксизм и психоанализ различаются между собою радикально и отнюдь не только по своим "объектам". Между ними нет сходства ни в масштабе изменений, которые они внесли в общественную жизнь, ни в роли, которую они сыграли в развитии нашей культуры. Нет возможности сопоставлять их и в отношении их концептуальной зрелости. Ибо марксизм оперирует законами, строгими понятиями и тысячекратно оправдавшими себя прогнозами, психоанализу же остается во многих случаях удовлетворяться обращением лишь к аналогиям и метафорам, ибо - и этот момент централен- подлинной научной общей теории бессознательного Фрейд не создал.

Только соглашаясь с таким пониманием, можно без натяжек понять особенности истории психоанализа, весь "блеск" и всю "нищету" его противоречивой судьбы, его подлинное отношение к марксизму и причины его "конфликтности", оригинально освещенной в интересной статье Л. Альтюссера.

(3) Очень важной для характеристики современной проблемной ситуации является статья весьма видного теоретика психоанализа, придерживающегося прогрессивных установок, Э. Джозефа (США) "Развитие идеи бессознательного в психоанализе". Ее автор отмечает, что бессознательное или, как он предпочитает говорить, "неосознаваемая психическая активность" (отметим близость этого способа выражения принятому в советской литературе: "неосознаваемая психическая деятельность". - Редколл.), является компонентом глобального процесса функционирования психики, компонентом, подчиненным в своей динамике особым законам, отличным от тех, которые регулируют осознаваемую психическую активность. Джозеф подчеркивает глубину изменений, которым подвергся психоанализ на протяжении десятилетий своего существования, постепенное возникновение значительно более широкого представления о бессознательном, чем то, которое было разработано Фрейдом, и возможность на этой основе рассматривать идею бессознательного как относящуюся скорее к общей психологии, чем к теории психических заболеваний, сколь бы важным вклад этой идеи в клинику ни был.

Джозеф отстаивает представление, по которому психоанализ не отвергает принцип эксперимента, а основывается на особом, качественно своеобразном экспериментальном подходе, в рамках которого сохраняют всю свою силу обычные для науки требования доказуемости и возможности верификации выявляемых соотношений. Особенно же показательным для позиции этого исследователя в содержательном плане является предпочтение, отдаваемое им т. н. "структурной" психоаналитической схеме ("Оно" - "Я" - "Сверх-Я") по сравнению со схемой "топографической" ("сознание" - "подсознание" - "бессознательное"). Подчеркивая значение, которое все более приобретает в психоаналитических работах последних лет первая из этих схем, Джозеф указывает, что разграничение между осознаваемым и неосознаваемым уже не является в этих работах тем основным феноменом, той основной осью, с опорой на которую строится модель психики. Отношение между сознанием и бессознательным теряет в них значение фундаментальной особенности психического аппарата, какую оно имело в работах Фрейда, и превращается скорее в особенность частную, в параметр, который может в разной степени характеризовать разные конкретные формы психической деятельности у одного и того же субъекта. Джозеф обобщает эту позицию выразительными словами: "таким образом отношение к осознанности перестало быть принципиальным критерием, на котором основывается модель психической деятельности", и усматривает в этом сдвиге ревизию всего исходного психоаналитического подхода.

С другой стороны, оттеснение "топографической" схемы схемой "структурной" расширяет, по Джозефу, представление как о зоне, в которой могут возникать конфликты мотивов и стремлений, так и о характере самих этих конфликтов. Последние обрисовываются при таком сдвиге как обуславливаемые не только невозможностью удовлетворения потребностей организма (т. е. потребностей биологических. - Редколл.), но и как связанные с взаимоотношениями людей и противоречивыми нередко требованиями морали. Стремление к преодолению ограниченности, которую наложил на теорию психоанализа хорошо известный биологизм Фрейда, выступает в этих утверждениях Джозефа с большой отчетливостью.

Аналогичная тенденция к расширению общих перспектив проявляется и в отношении к проблеме психологии возраста. Джозеф, отнюдь, конечно, не отказывается от линии, теоретически глубоко обоснованной и ставшей традиционной для психоаналитической литературы, - от указаний на особую важность для развития личности переживаний раннего детства (переживаний, испытанных ребенком в первом его пятилетии), но он одновременно отмечает существование глубоких душевных кризисов и на более поздних возрастных этапах, вследствие чего человек выступает как система, характеризуемая внутренними противоречиями и необходимостью разрешения этих противоречии, на протяжении всей его жизни. С другой же стороны, Джозеф предостерегает от чрезмерного увлечения идеей конфликта, которая также, как известно, играет большую роль в психоаналитических построениях, отмечая, что душевная жизнь весьма многих может протекать на протяжении длительных периодов

без всяких внутренних потрясений (и далее следуют указания на важную роль "защитных" психических механизмов).

Заключая, Джозеф обращает внимание на сближение, происходящее между теорией бессознательного и общей психологией, поскольку феномены, изучаемые последней, могут быть более глубоко раскрыты на основе учета их неосознаваемых компонентов; на непрестанную замену в теории психоанализа, как и в других науках, устаревающих представлений более новыми и на сохранение, тем не менее, в этой теории, вопреки всем ее преобразованиям, в качестве одной из ее наиболее важных категорий, идеи бессознательного, хотя, как это видно из сказанного самим же Джозефом, взгляды на роль этой идеи на место, которое эта идея занимает в психоаналитических концептуа-лизациях, также эволюционируют.

Мы остановились так подробно на взглядах Джозефа потому, что они являются очень показательными для общего движения идей, происходящего иногда в легко уловимых, иногда же в более скрытых, завуалированных формах в современной теории психоанализа. Эти взгляды представляют особый интерес также потому, что в них обнаруживается заметное приближение по многим линиям к высказываниям, звучавшим в советской критике психоанализа на протяжении десятилетий.

Вопрос об отношениях, складывающихся между трактовками проблемы бессознательного, характерными для советской и западной литературы, специально затрагивается в статье Н. Роллинс (США) "Сознание, бессознательное и понятие вытеснения". Автор этой работы один из немногих, пока, к сожалению, западных исследователей, глубоко изучавших, по оригинальным источникам, советскую литературу, относящуюся к теории бессознательного психического. Он проводит интересные параллели между разными способами решения проблем, возникающих в рамках теории бессознательного, отмечая, в частности, важность идеи еинергических отношений между сознанием и бессознательным, подчеркиваемую в советских работах. Наиболее оригинальным советским вкладом в концепцию бессознательного является, по мнению Роллинс, рассмотрение сознания и бессознательного как качественно различных систем психической деятельности (а не как континуума уровней бодрствования). В то же время Роллинс отмечает ряд положений, в отношении которых между позициями западных и советских авторов сохраняются принципиальные расхождения.

Статья Н. Роллинс благодаря четкости, отточенности ее формулировок особенно удобна как отправная база для развертывания теоретического спора. Так, с некоторыми критическими замечаниями Н. Роллинс согласиться нельзя. Нам представляется, что она не во всем правильно интерпретирует отношение, установившееся в советской литературе к сложной философской проблеме детерминации психики, а также к проблемам интуиции (мы обращаем в этой связи ее внимание на "Введение" и вступительные статьи к шестому и седьмому тематическим разделам монографии), символики и сновидений (здесь хотелось бы сослаться на вступительные статьи к разделам четвертому и десятому). В вопросе об отношении к научным теориям - определяется ли ценность этих теорий их объективностью как отражения действительности или их исторической ролью - она также, излагая наше понимание, недостаточно, как нам кажется, точна. Не подлежит сомнению, что единственным критерием истинности научной теории является ее соответствие объективной действительности и именно такое понимание вытекает - если быть строгим - из страниц, на которые она ссылается.

(4) В следующих двух статьях настоящего раздела - Хр. Димитрова (Болгария) "Психоанализ и философия" и С. Стоева (Болгария) "Проблема бессознательного в современном неофрейдизме" - представлена критика психоанализа с позиций теории марксизма. В работах Хр. Димитрова, безвременно ушедшего от нас выдающегося болгарского исследователя, эта критика дается с прослеживанием философских корней психоаналитического направления и вопросов, которые особенно привлекают внимание психоаналитиков в наши дни. На проблеме бессознательного автор останавливается лишь в меру его связи с психоаналитическими .категориями. В статье С. Стоева дан тщательно выполненный марксистский анализ работ американской "неофрейдистской" группы (К. Хорни, Э. Фромма и др.).

За статьями Димитрова и Стоева следует короткий цикл статей, освещающих элементы того идейного фона, на котором происходило в конце XIX - начале XX веков развитие психоанализа. Течения мысли, охарактеризованные в этих статьях, гораздо скорее противостояли психоанализу, чем сближались с ним, и тем не менее они оказывали заметное влияние на формирование психоаналитических категорий и, в свою очередь, индуцировались в какой-то степени ими. Широкая перспектива этого фона дана в статье А. Ф. Бегиашвили, в которой анализируются в сопоставительном плане феноменология Гуссерля, неопозитивизм и экзистенциализм в его сартровском варианте. В ней обсуждается также важная для теории бессознательного идея "эпохе" ("выхода из игры") Гуссерля и противоположные установки "иконо-борствующего" ("всеанализирующего") неопозитивизма. Вопросам экзистенциальной феноменологии посвящена и следующая за статьей А. Ф. Бегиашвили работа А. Татосьяна (Франция).

В сообщении И. С. Вдовиной детально исследованы соотношения, сложившиеся между психоанализом и персонализмом Э. Мунье. Это очерк, дающий представление о своеобразной критике психоанализа "справа", с позиций теистически-идеалистической философии, для которой фрейдизм - лишь один из вариантов механистического детерминизма, пример неоправданной "объективирующей аналитики". С этих же позиций пересматривается персонализмом и идея бессознательного, которое не противопоставляется идее "Сверх-Я", как это утверждается фрейдизмом, а, напротив, своеобразно сливается с последней, ибо "самые высокие свершения" творятся субъектом "без того, чтобы они были ему ведомы". Интересно, что в более поздних психоаналитических конструкциях это проникновение бессознательного в структуру "Сверх-Я" также может быть прослежено в разных формах.

Очень сложное преобразование идеи бессознательного французским структурализмом освещено в статье Г. Л. Ильина, анализирующего идеи М. Фуко. Автор обоснованно заключает, что оригинальность -построений Фуко, его отход от некоторых традиционных для структурализма интерпретаций может быть объяснен воздействиями, оказанными на него психоанализом. Основную заслугу Фуко автор видит в том, что он "ввел в арсенал истории науки... в качестве априорной составляющей знания категорию бессознательного, вскрыв новый пласт человеческой познавательной деятельности...". Этими словами выразительно подчеркивается вся глубина связей, существующих, - иногда подспудно, - между психоанализом и внешне, казалось бы, довольно чуждыми ему идеалистическими течениями. А то, что основой таких связей оказывается чаще, чем что-либо другое, идея бессознательного, лишний раз говорит о фундаментальности этой идеи и о стремлении так или иначе ее присвоить, концептуализировать, как о черте, которая характерна для философских направлений самой разной ориентации.

Вслед за статьями, освещающими теоретический фон, на котором происходило развитие идей психоанализа и психоаналитической концепции бессознательного, помещены работы, ориентированные в историческом плане: Л. Шертока (Франция) "Проблема бессознательного во Франции до Фрейда", В. М. Лейбина "3. Фрейд и К. Юнг: попытки психоаналитического решения проблемы бессознательного", Г. Ансбахера (США) "Взгляды Альфреда Адлера на проблему бессознательного", Ж. Вербизье (Франция) "Бессознательное в работах П. Жанэ" и А. Грина (Франция) "Психоаналитическая концепция аффекта". Автор первого из этих исследований, широко известный на Западе психоневролог, отличающийся, как это видно из многих его работ, глубоким знанием истории клинической психологии, прослеживает постепенное формирование представлений о бессознательном, использованных Фрейдом при создании психоанализа как исходных. Автор остроумно замечает, что Фрейд "ничего не изобрел": основные элементы его теории-неосознаваемые воспоминания, вытеснение, важная роль сексуальности и сновидений - все это уже было к концу XIX века более или менее известно. Но все это оставалось обрывками знаний, не имевшими связи друг с другом. И только Фрейду принадлежит заслуга приведения всего этого хаотического материала в систему, в нечто, способное стать предметом научного анализа.

Сильной стороной подхода автора этой статьи является дух историзма, которым проникнуто его изложение. Этот подход подготовляет к мысли, что в многовековом процессе созревания представлений о бессознательном ортодоксальный фрейдизм - это лишь этап, лишь фаза и притом довольно кратковременная, за которой последовали десятилетия дальнейшего развития идеи неосознаваемой психической деятельности, очень во многом изменившие картину, которую лишь в самых грубых, предварительных чертах набросал на заре века Фрейд. Оригинальность идей Фрейда и их неоспоримая значимость для последующего развития представлений утвердили поэтому - навсегда - его образ как подлинного новатора, глубокого мыслителя, выдающегося психолога, но отнюдь, конечно, не обязывают придерживаться этих идей после того, как были выявлены в холодном свете истории все их слабые стороны, дефекты и связанные с ними немаловажные просчеты. Заслуги Коперника (с которым часто сравнивают Фрейда в западной литературе), конечно, незыблемы, но отсюда отнюдь не следует, что мы обязаны придерживаться в точности той картины мироздания, которую Коперник впервые набросал. И вряд ли можно сомневаться в том, что коррективы, которые пришлось внести на протяжении лишь нескольких десятков лет в модель, созданную Фрейдом, неизмеримо радикальнее корректив, внесенных на протяжении веков в модель, созданную Коперником. Именно эти обстоятельства должны, по нашему представлению, прежде всего учитываться при рассмотрении развития идеи бессознательного для того, чтобы историческая перспектива не искажалась и не создавались искусственные препятствия для дальнейшего свободного развития исследовательской мысли.

Статья В. М. Лейбина, также поднимающая вопросы исторического порядка, представляет особый интерес для концепции психологической установки, поскольку в ней затрагивается проблема отношения идей К. Юнга как к взглядам, которые им предшествовали, так и к тем, которые пришли им на смену, - к учению Фрейда и к учению Узнадзе. Анализ этой взаимосвязи идей позволяет автору показать всю сложность развития идеи установки и выхолащивание, "омертвение" даже этого необычайно продуктивного понятия, возникающего при его идеалистической интерпретации.

Г. Ансбахер дает общую характеристику представлений, развитых в свое время А. Адлером как концепция неосознаваемой психики и резко отличающихся от истолкования, данного проблеме бессознательного Фрейдом. Г. Ансбахер при этом многократно приводит аналогии между интерпретациями Адлера и теоретическими позициями советской психологии, особенно подчеркивая существующую, по его мнению, близость между подходами А. Адлера и Д. Н. Узнадзе. На вопросе же о том, что принципиально отличает в методологическом плане теорию психологической установки в том понимании, которое ей придал Д. Н. Узнадзе, от идей "жизненного плана", "жизненного стиля", "схемы апперцепции" и других сходных категорий, использованных А. Адлером, он почти не останавливается. Такое смещение акцентов не может, естественно, не приводить к некоторому искажению перспективы. Отношения, сложившиеся в действительности между советской психологией и позицией А. Адлера, остаются при таком подходе не раскрытыми.

В статье Ж- Вербизье дана обстоятельная характеристика работ П. Жанэ, посвященных проблеме бессознательного. Автор подчеркивает своеобразие концепций П. Жанэ, - отличие этих концепций от психоаналитических толкований, в которых П. Жанэ видел неоправданную попытку "все объяснять подсознательным, делая из последнего нечто вроде ящика, в который помещается все, что в психологии остается необъясненным".

В статье А. Грина, дан обзор постепенного развития современного психоаналитического понимания природы и функций аффекта. Автор останавливается на физиологическом истолковании эффективности, обращая внимание как на его сильные стороны (выявление специфических связей между различными формами аффекта, определенными мозговыми структурами и неироэндокрпнноий активностью), так и на его основной недостаток: невозможность осветить при его помощи роль, выполняемую аффектом как фактором организации других проявлений психической деятельности. А. Грин прослеживает постепенный переход от описания аффектов с помощью "количестзенных" категорий к их более тонким "качественным" психологическим классификациям; сложное переплетение в идее аффекта представлений "энергетических" (аффект как "разряд") и семантических (связь аффекта со значимостью-переживания); отношение аффекта к функции осознания (проблема вытеснения и существования неосознаваемых аффектов); участие аффекта в системе психологических защит. Автор делает различие между тремя основными направлениями, по которым формировалась в последние годы психоаналитическая концепция аффекта: американским (Г. Гартман, "психология Я"), сблизившим психоаналитическую теорию аффекта с общепсихологическими представлениями; английским, в наиболее яркой форме представленным школой М. Клайн (акцент на неосознаваемых фантазмах раннего детства как на детерминантах характера последующей зрелой эффективности); французским, связанным в первую очередь с именем Ж. Лакана, разработавшего структурную концепцию бессознательного, согласно которой отвергается не только всякое противопоставление интеллекта аффекту, но и ведущая роль идеи аффекта в теории психоанализа. К этой французской концепции примыкает и система представлений самого автора статьи, подчеркивающая неразрывность аффекта и речи ("речь без аффекта мерт-за, аффект без речи не коммуницируем").

В заключение, Грин отмечает множественность функций аффекта и их связь с архаической логикой первичной символизации. Он полагает, что перед психоанализом стоит задача, аналогичная той, которая была в свое время успешно решена математиками: показать функционирование в рамках индивидуального сознания разных (не идентичных друг другу, но совместимых) "логик". Статья А. Грина дзет яркое представление об общем направлении, в котором проблема аффекта разрабатывается в современном психоанализе, о возникающих при этом логических трудностях и о своеобразном категориальном аппарате, использование которого становится для современных психоаналитиков все более характерным.

Включение в монографию этих материалов позволило придать рассмотрению идеи бессознательного, хотя и фрагментарно намеченный, но все же определенный исторический уклон.

(5) Последующие же статьи второго раздела облегчают понимание направлений, по которым происходит развитие современных психоаналитических концепций. В частности, эти статьи могут быть объединены как имеющие общую задачу: дать представление о характерных общих тенденциях толкования, проявляющихся в современной психоаналитической литературе, обуславливая ее своеобразие, отграничен-ность от фрейдизма старого типа и одновременно ярко выраженную разностильность.

Прежде всего здесь следует обратить внимание на одно из наиболее громких на сегодня течений во французском психоанализе - направление, связанное с именем Ж. Лакана, вызывающее в рамках психоаналитического движения острые споры и представляющее собою (вопреки призыву его лидера "назад к Фрейду!") заметный отход во многих отношениях от фрейдовских традиций. Это направление представлено в монографии статьями двух его видных сторонников: С. Лек-лера (Франция) "Бессознательное - это иная логика" (*Статья С. Леклера в связи с ее близостью х проблематике мышления и речи, опубликована в VIII тематическом*

разделе настоящей монографии) и К. Клеман (Франция) "Бессознательное и язык как проблемы психоанализа". Основные вопросы, возникающие при ознакомлении с этим оригинальным и сложным направлением, относятся к доказуемости выдвигаемых им положений. Леклер, например, пишет, что "доказательство его существования (имеется в виду прослеживаемый Леклером механизм действия бессознательного. - Редколл.) выявляется только мощью... его воздействия" ("la preuve de son existence re se revele que dans la puissance... de ses effets"). Не исключено, однако, что правомерность такого подхода не для всех окажется очевидной, и в этой связи могут возникать интересные дискуссии. Другим поводом для споров может послужить уже поднимавшийся в литературе вопрос о том, в какой мере описываемые Лаканом и упоминаемые как Леклером, так и Клеман способы увязывания смыслов исчерпывают собою многообразие форм активности бессознательного, - не являются ли эти способы формой неосознаваемой психической деятельности, характерной скорее для сознания сновидно измененного, чем для сознания бодрствующего (*См. по этому поводу предисловие к работе К. Клеман, П. Брюно, Л. Сэв. Марксистская критика психоанализа, М., 1976 (перевод с французского)*).

Направление в современном психоанализе, созданное Лаканом, заслуживает, несомненно, самого детального критического рассмотрения. Это рассмотрение дается с марксистских позиций в уже упомянутой статье Клеман, а также в статьях Н. С. Автономовой ("О некоторых философско-методологических проблемах психоаналитической концепции Жака Лакана") и Л. И. Филиппова ("Принципы и противоречия структурного психоанализа Ж-Лакана"). Н. С. Автономова резюмирует произведенный ею глубокий анализ в выражениях, которые отражают основную направленность всей марксистской критики лака-низма: "... "лингвоцентризм" лакановской концепции - это попытка, в той или иной мере характерная для всей современной буржуазной философии и психологии, осмыслить со свойственных ей позиций роль социальных факторов в формировании и функционировании человеческого сознания и психики... Лакан видит в языке результат... объективных превращений, происходящих с сознанием и бессознательным в процессе функционирования человеческой психики. Однако Лакан не делает следующего шага... и не рассматривает те факторы социальной практики, которые "позволили" языку претендовать на эту роль. Вследствие этого и многие другие проблемы, связанные с осмыслением психоаналитической ситуации в философском и методологическом плане, остаются в концепции Лакана далекими от разрешения".

Это общее направление критики выступает и у Клеман, дающей одновременно высокую оценку идеям Лакана в психологическом и лингвистическом плане. Филиппов же поставил перед собой задачу, пожалуй, даже еще более трудную, чем критика лаканизма: воспроизвести само содержание, "живую ткань" идей Лакана во всем их так трудно постигаемом "анти-рационализме". Умелое решение этой задачи позволило Филиппову отчетливо обрисовать роль Лакана как одного из наиболее радикальных преобразователей теории фрейдизма, если считать типичными для последней те формы, которые она приобрела к концу 40-х и началу 50-х гг. нашего века.

Лаканизм, как уже было сказано, при всем его влиянии, - это лишь одно из направлений внутри современного психоанализа. Другим, не менее характерным течением является связываемое с именем М. Клайн. Характеристика этого направления дана в статье Т. Мэйна (Англия) "О некоторых неосознаваемых процессах в жизни индивидов и групп". Особый интерес этой статье придает содержащийся в ней анализ защитного психологического механизма "проекции", впервые подчеркнутого и описанного Фрейдом. Т. Мэйн обращает внимание на огромную роль, которую этот механизм играет, определяя отношения, складывающиеся в больших и малых социальных группах. Одновременно он подчеркивает постепенное преобразование основных категорий психоанализа, необходимость отказа от того, что было адекватным на ранних этапах развития психоаналитической теории, но что перестало выдерживать критику по мере накопления новых клинических данных. К подобным несостоятельным более понятиям он относит такие специфические для психоанализа представления как идею Эдипова комплекса, теорию либидо, связь тревожности с подавленным сексуальным влечением. И он ставит вопрос, в какой степени новое понимание, приходящее на смену этим устаревшим представлениям, означает движение в направлении создания более общей теории. "Только время и работа смогут об этом сказать", - так заканчивает Т. Мэйн свое интересное исследование.

Для суждения о характерности происходящих в настоящее время изменений психоаналитического подхода весьма важна статья известного немецкого психиатра И. Кремериуса (ФРГ) "Дискуссия по поводу современного состояния психоаналитической теории бессознательного", особенно при ее сопоставлении с уже упоминавшейся статьей Э. Джозефа. Крем ер и ус, так же как Джозеф, высказывается в пользу большего значения "структурной" психоаналитической схемы, чем схемы "топографической", и это предпочтение означает у него (как и у Джозефа) довольно резкое изменение акцентов при определении основного в содержании и в устремлениях психоанализа. Он указывает, что т. н. "топографическая" схема ("бессознательное - подсознание - сознание") упрощает, не точно передает динамику душевных состояний в конфликтных ситуациях, в то время как схема структурная ("Оно" - "Я" - "Сверх-Я") позволяет понять их сложность, раскрывая роль, которую способны играть в них и социальные факторы. Патогенные эмоциональные конфликты не исчерпываются, по И. Кремериусу, конфронтацией между вытесненными стремлениями и тормозящей функцией "предсознания". Их активным участником может быть

личность субъекта со всей сложностью ее нравственных норм и вытекающих отсюда вполне осознаваемых запретов. И. Кремериус напоминает высказывание, сделанное Фрейдом еще в 1915 г., по которому возможность (или невозможность) осознания не является предпочтительным критерием при построении психологической системы. "Топографическая" схема была тем самым, подчеркивает Кремериус, не расширена, а в корне изменена. Душевный конфликт стал рассматриваться как психологический феномен, который не связывается только с механизмами осознания или вытеснения, а обуславливается и многими иными факторами.

Если корни такого понимания и уходят в работы самого Фрейда, то вряд ли можно оспаривать, что само это понимание лишь очень медленно пробивало дорогу в психоаналитической литературе и может с основанием рассматриваться как приобретающее особую популярность только в наши дни. В то же время оно во многих отношениях означает движение навстречу доводам, звучавшим в советской критике психоанализа многократно. Дело в том, что на его основе создаются возможности для преодоления "исходных пороков" психоанализа, его биологизирующих тенденций, - для более глубокого включения в представление о природе человека социальных факторов, определяющих главное в этой природе.

(6) В статьях Е. Броуди, Ж. Палаци, М. Гилла, А. Анцьё, Ж. Валабрега, Ж. Поля обсуждаются конкретные проблемы, возникшие в рамках психоаналитического направления и имеющие первостепенное значение для понимания его современной теории.

В работе видного американского психиатра Е. Броуди ("Критический анализ фрейдовской теории подсознания: осознанность, осведомленность, организация и контекст") анализируется представление о "подсознании" как о психической инстанции, качественно отличающейся от сознания и бессознательного. Броуди напоминает, что Фрейд постулировал существование между системами бессознательного и сознания третьей системы, названной им "подсознанием" (или, точнее, "предсознанием", preconscious), и описал особенности содержаний этого третьего компонента психики. Наиболее важная из них - доступность для осознания, а также меньшая (по сравнению с сознанием) степень внутренней "логической организованности". Смысл психоаналитического лечения - в создании психологических условий ("трансфера"), при которых облегчается переход содержаний подсознания в систему сознания, совершающийся на основе повышения уровня "логической организованности" этих содержаний, - процесса, тесно связанного с возможностью их вербализации. Особое внимание в этом построении привлекает расширение представления о природе подобных "облегчающих условий", которые могут возникать, по Броуди, не только в рамках психоаналитической терапии, но и при самых разных других видах понижения уровня бодрствования или тесного эмоционального контакта.

Можно думать, что этой трактовкой Броуди пытается пролить хоть какой-то рациональный свет на одну из самых неясных страниц психоаналитической теории, на вопрос о психологической природе процессов, происходящих в условиях психоаналитического лечения, связанных с феноменом т. н. "трансфера" и способных каким-то еще очень, по-видимому, неясным образом обуславливать, согласно основному credo психоанализа, терапевтические эффекты.

Другой подход к этой же проблеме трансфера представлен в статье Ж. Палаци (Франция) "Размышления о трансфере и нарциссизме".

Палаци напоминает, что Фрейд рассматривал как подлежащие лечению психоанализом только "неврозы трансфера" (психоневрозы), отвергая возможность лечения этим методом "неврозов нарциcстических" (эквивалент, по Ж. Палаци, современного понятия "функциональные психозы"). Одновременно Палаци указывает на необходимость уточнения смысла понятия "трансфер", которое, вопреки его первостепенной важности для теории психоанализа, остается все еще очень малоизученным и разноречиво толкуемым. В результате анализа клинических данных и анализа теоретического, опираясь на работы Когута и Сандлера, Палаци приходит к заключению о крайней сложности функциональной структуры трансфера, о его своеобразной мультидимензиональности (многоизмеримости). Развитие неврозов трансфера выражается клинически, по Палаци, в уменьшении внимания к объективной реальности; в понижении порога переносимости фрустрации; в укорочении интервалов между возникновением стремлений и их реализацией в поведении; в интенсификации аффективных ответов; в усилении тревожности при понижении способности ее переносить; в оживлении инфантильных и архаических форм реагирования. И одновременно с этими сдвигами и в связи с ними - в активизации воспоминаний, остававшихся ранее неосознаваемыми вследствие защитной работы "Я". При неврозах же "нарциестичееких" (функциональных психозах) патологические сдвиги (тревожности, тоски) связаны с уязвимостью организации "Я", с неспособностью поддерживать на нормальном уровне самооценку "Я" ("estime du Sob). Клинически эти сдвиги выражаются в депрессии, ипохондрии, чувстве стыда, тревожной возбужденности, мегаломании. Терапевтическая работа выражается в подобных случаях в снятии двух защитных барьеров, -

"горизонтального", основой которого является вытеснение, и "вертикального", выражающегося в отрицании и отказах (негативизме).

Эти построения Палаци. независимо от той оценки, которая может быть им дана в теоретическом плане, направлены на устранение одного из самых серьезных белых пятен (теория трансфера), существующих на сегодня в психоаналитической концепции и препятствующих рациональной обоснованности и предлагаемой ею терапевтической практике.

В статье широко известного в США психотерапевта М. Гилла ("Фрейдовские понятия бессознательного и неосознаваемого") отражено направление мысли, связанное с далеко идущим пересмотром некоторых традиций психоаналитического подхода. Гилл предлагает четко различать "бессознательное" и "неосознаваемое". Первое, по ^его мнению, это чисто психологическое понятие, второе же - нейрофизиологическая категория, выступающая в психоанализе как его "метапсихология", направленная на раскрытие мозговых основ психической деятельности. Метапсихология психоанализа, при таком понимании, это, фактически, его как-бы своеобразная нейропсихология, оперирующая идеями пространства, сил, энергий, т. е. понятиями, характерными для естественных наук, в то время как основной проблемой клинического психоанализа является, по Гиллу, динамика значений, смыслов в их связи с поведением человека, особенно - в критических, "личностных" ситуациях, возникающих перед ним на протяжении его жизни.

Излагая это понимание, Гилл отмечает его близость к взглядам, высказанным недавно Дж. Клайном, Р. Шефером и другими, указавшими на то, что психологическая теория психоанализа - это самостоятельная концепция, не нуждающаяся для объяснения выявляемых ею закономерностей в ссылках на естественнонаучные представления традиционной нейрофизиологии или психоаналитической метапсихологии. Такой подход, оговаривает Гилл, менее всего, конечно, означает отрицание нейрофизиологической основы психической деятельности, - он отправляется только от того неоспоримого факта, что значение, которое имеет стимул для субъекта, не может определяться лишь объективными характеристиками стимула. Чтобы понять это значение, неизбежно апеллирование к "жизни" субъекта но всей ее сложности и выход тем самым за рамки нейрофизиологических определений и констатации.

Очевидно, что это изъятие из системы психоанализа его метапси-хологии, - раздела психоаналитической теории, которому Фрейд уделил очень много внимания, - решительная ликвидация тем самым всех связей психоанализа с естественнонаучными дисциплинами и ограничение его проблематики только рамками клиники и психологическим аспектом, нельзя не рассматривать как глубокий пересмотр методологических основ всего психоаналитического подхода. И существуют признаки, что голоса, высказывающиеся в пользу целесообразности подобного пересмотра становятся постепенно все более многочисленными (*Мы еще вернемся к обсуждению этих важных методологических проблем я связанных с ними признаков кризиса современной психоаналитической теории в заключительной статье монографии*).

В статье Д. Анцьё (Франция) "Бессознательное в группах" представлено направление, которое также становится все более характерным для современного психоанализа. Его задачей является возможно более глубокое определение взаимоотношений между членами малых и больших колективов в категориях теории психоанализа (таких, как "защита Я", "идентификация", "проекция", "литературный трансфер", "комплекс Эдипа" или "Электры" и т. п.). Анцьё характеризует разные уже сложившиеся психоаналитические направления анализа внутри-групповых отношений и затем предпринимает попытку оригинального исследования этих отношений. Примечательной чертой этой работы является расширение, - а подчас и существенное изменение, - традиционного смысла психоаналитических категорий (например, понимание комплекса "Эдипа" как идентификации с начальником или товарищем, как амбивалентности в отношении авторитета и правил и т. п.). Эти сдвиги отчетливо выявляют всю трудность и спорность применения психоаналитических представлений в проблематике внутри- и межгрупповых отношений. Другой темой, в отношении которой можно предвидеть возникновение в дальнейшем острых дискуссий, является вопрос о том, в какой мере исчерпывающими проблематику групповых отношений являются закономерности и психологические механизмы, предусматриваемые психоаналитической теорией, - в чем заключается их "дополнительная" (по Л. Сэву) роль по отношению к обычно учитываемым (не-психоаналитически толкуемым) осознаваемым формам социального взаимодействия, - если вообще допускается реальность их как общественных факторов. На этих естественно возникающих вопросах Д. Анцьё, к сожалению, специально не останавливается.

В статье Ж. Валабрега (Франция) "Бессознательное и миф: постоянство и метаморфозы" представлен подход к проблеме бессознательного, существенно отличающийся по стилю от всех до сих пор нами рассмотренных. Валабрега определяет этот подход как противоположный концепции, сближающей идею бессознательного с проблемой языка: сближать эту идею можно, по его мнению, только с проблемой мифа. И он проводит ряд

аналогий между качествами, формами проявления бессознательного и мифа, подчеркивая, в частности, что, с точки зрения рационального, миф и бессознательное, как и сновидение, абсурдны. Рациональное познание, научный подход стремятся очистить картину мироздания от последнего мифа, но это происходит, полагает Валабрега, только из-за невозможности признать, что сам рационализм уподобляется мифотворчеству, когда он пытается овладеть истиной в ее окончательной редакции, когда он устремляется на поиски "Святого Грааля". А далее, определив сказанным роль мифа в познании, Валабрега аналогизирует между ним и бессознательным на основе их уже чисто формальных особенностей. "Бессознательное неизменно, но его проявления, особенно защитные, изменчивы и адаптивны". И то же следует сказать о мифе. Кроме того, бессознательное, как и миф, - это не "субстанция", а "лишь позиция и только позиция". А миф, как и бессознательное, - это лишь звено в непрерывной цепи метаморфоз, в которых проявляется его постоянство и т. д.

Все это в литературном отношении, неоспоримо, очень эффектные сравнения. Но раскрывают ли они существо бессознательного как научной категории? Нам это представляется более чем сомнительным. Нам представлялось, тем не менее, целесообразным включить эту своеобразную статью в текст настоящей монографии, поскольку она ярко показывает, что иррационалистически (а, может быть, даже правильнее сказать - антирационалистически) ориентированные концептуальные конструкции - это неизбежно лишь "путь в никуда". В проблеме же бессознательного, которая сама по себе еще зо многом не ясна и запутана, такого рода подходы опасны вдвойне: утрачивая внутреннюю логику, они теряют и научный характер.

Мы надеемся, что Ж. Валабрега, чьи другие весьма интересные работы нам хорошо известны, извинит нас за эту суровую реплику.

Следующая за статьей Ж. Валабрега работа Ж. Поля (ФРГ) посвящена детализации важного и, как нам представляется, прогрессивно ориентированного истолкования, которое дает идее агрессивности ребенка психоаналитическая школа Г. Аммона с обращением особого внимания на "Я" и "динамику внутригрупповых отношений". Основная мысль этой статьи: Аммон вводит представление, как о центральной функции "Я", о "конструктивной агрессивности", которую он противопоставляет реакционному фрейдовскому понятию врожденного стремления к смерти и разрушению. Эта "конструктивная агрессивность" проявляется на ранних этапах онтогенеза и во многом зависит в своем развитии от отношений, складывающихся в рамках симбиоза ребенка и матери. Важной функцией матери является помочь ребенку переориентировать его регрессивные реакции в "конструктивную агрессию" в соответствии с нормами поведения, соответствующими его возрасту. (Более детально значение фазы симбиоза ребенка и матери для последующего общего и психосоматического развития ребенка излагается самим Г. Аммоном в его статье, включенной в пятый тематический раздел настоящей монографии).

(7) Завершается второй раздел тремя статьями, каждая из которых представляет особый интерес в теоретическом плане.

Д. Видлохер (Франция), широко известный теоретик и практик психоанализа, останавливается в своей статье ("Бессознательное и процессы психологических преобразований в условиях психоанализа") на проблеме сложности и внутренней противоречивости психологических сдвигов, происходящих в условиях психоаналитического лечения.

Он обращает внимание на упрощенность и поэтому недостаточность исходных психоаналитических схем ("клинический симптом образуется, когда воспоминание подавляется", "симптом исчезает, когда воспоминание вновь возникает" и т. д.). Он критикует и представление,, согласно которому "осознание" ранее неосознанного означает всего лишь перевод на язык, допускающий общение, того, что было ранее, хотя и активным, но трудно уловимым и некоммуницируемым. Подобная интерпретация осознания характеризуется им как слишком интеллектуалистическая и статичная. Психологические сдвиги, происходящие при осознании, указывает Видлохер, более глубоки и полиморфны, а непонимание их подлинной природы "гипостазирует бессознательное как некую субстанцию, как конечную реальность и укрепляет интерпретации схоластические и идеалистические, которые обоснованно вызывают критику".

Видлохер раскрывает свое понимание процессов, сопутствующих осознанию, подчеркивая следующее.

Уже сам факт осознания какого-либо воспоминания, желания или фантазма, осуждает больного на внутренний конфликт, неизбежно возникающий, как только подобное осознание происходит, ибо это - осознание, как правило, чего-то такого, что нелегко вписывается в реальность и нелегко с последней совместимо. Именно поэтому одно только осознание редко бывает достаточным для выздоровления. Главное, что имеет терапевтический эффект, это то, что в результате осознания перед больным могут открываться "новые пути для мысли и желаний, позволяющие

ему лучше справляться с противоречивой игрой его стремлений", или, иначе говоря, может обрисоваться большая свобода выбора и поведения, которая способна смягчать клинические нарушения и даже их полностью устранять. Произойдут ли, однако, эти сложные сдвиги, зависит от фактора специфического, налагающего отпечаток на всю их последующую динамику, а иногда и не допускающего их реализации вовсе: от внутреннего сопротивления, оказываемого больным осознанию вытесненного. По существу - это сопротивление возобновлению конфликтов, связанных с нереализуемыми желаниями, когда последние становятся вновь осознаваемыми. Ибо боязнь таких конфликтов, стремление их избежать является, как это хорошо известно, мощным изначальным факторам вытеснения, и она же, эта боязнь, выступает как источник сопротивления, оказываемого больным психоаналитику, стремящемуся преобразовать вытесненное в осознанное.

Чтобы это сопротивление было преодолено, необходимо, очевидно, наличие у больного достаточно интенсивных побуждений расстаться с уже освоенной им как-то внутренней позицией и занять позицию новую, удовлетворяющую одновременно и его устремлениям и реальности. Определить наличие и оценить силу подобных побуждений, силу желания ставить себе новые цели и идти новыми путями - это одна из наиболее важных практических задач психоаналитического подхода как специфической формы психотерапии.

(Весьма интересно, что, когда Видлохер пытается более конкретно определять психологическую природу факторов, составляющих все эти своеобразные цепи отношений, он обращается к понятию установки (attitude). "Намеренно забыть нечто аффективно насыщенное, ощущать себя находящимся ниже идеального образа "Я", возбуждаться или интересоваться собою - все это фактически установки столь же конкретные и реальные, как поведение, связывающее человека с внешним миром".

Такова, в общих чертах, весьма сложная, внутренне противоречивая картина, которую Д. Видлохер усматривает за, казалась бы, простым актом осознания. Касаясь ее, нельзя не отметить ее близость в определенных отношениях к представлениям, которые, сложившись под влиянием идей Д. Н. Узнадзе, неоднократно звучали и в советской литературе. Так, при уточнении представления об "осознании" одним из нас 'было в свое время подчеркнуто: "осознание, влекущее терапевтический эффект, отнюдь не эквивалентно простому вводу в сознание информации о "вытесненном" событии. Оно означает гораздо скорее включение представления об этом событии в систему определенной преформированной установки или же само создает такую установку и тем самым (вызывает, уже как (вторичное следствие, изменение отношения больного к окружающему миру. Только при подобных условиях осознание оказывается способным устранить патогенность "неприемлемой" идеи, и эта картина отражает, по-видимому, очень общий закон" и т. д. В обоснование этого рассуждения приводятся ссылки на довольно широко представленную в психоаналитической литературе идею "перевоспитания" (reeducation) как предварительного условия терапевтической эффективности "осознания" (Ф. В. Бассин, Проблема бессознательного, М., 1968, стр. 95-96).

Близость такого понимания схеме, обрисовываемой Вгадлоквром, подметить нетрудно.

Ч. Музатти, один из ведущих итальянских психоаналитиков, ставит в своей статье "Интерпретация бессознательного: критерии объективности" столь же трудный, сколь важный вопрос о достоверности, о соответствии действительности тех толкований, к которым приходят психоаналитики в результате их исследований, и намечает некоторые методические приемы, способные контролировать это соответствие. На чем, пишет он, основывается уверенность, что интерпретация, даваемая психоаналитиком особенностям душевной жизни анализируемого, его высказываниям, это выявление скрытой реальности, а не произвольная конструкция, определяемая установками, осознаваемыми или неосознаваемыми предпочтениями, теоретическими представлениями самого же психоаналитика? Музатти заостряет этот вопрос, напоминая характерное высказывание Фрейда, в котором последний приводит рассуждения одного из критиков психоанализа. "Вы, психоаналитики, - говорит этот критик, - странные люди. Когда анализируемый соглашается с вашими интерпретациями, вы удовлетворены и считаете себя попавшими в цель. Если же, напротив, анализируемый с вами не согласен, протестует против ваших толкований, то вы объясняете эту его реакцию "сопротивлением". В результате вы обеспечиваете себе возможность быть всегда и во всем правыми".

Музатти отклоняет представление, по которому согласие или несогласие анализируемого является надежным критерием адекватности заключений психоаналитика, и выдвигает другой: живость реагирования анализируемого на предъявленную ему "объясняющую" психоаналитическую конструкцию. "Когда сообщение аналитика провоцирует внезапное появление большого количества ассоциаций, которые связываются с этим сообщением, позволяя его дополнить и расширить, то можно быть уверенным, что у психоаналитика ошибки не произошло".

Для того, однако, чтобы подобные активизирующие толкования могли быть аналитиком созданы и предъявлены анализируемому, первому приходится платить довольно дорогую цену: он дожен говорить с

бессознательным анализируемого на языке этого бессознательного, он должен заставить себя следовать за мыслью причудливой, иррациональной, алогичной и для этого сам должен допускать в своих объяснениях связи алогичные, ибо без этого он будет оставаться вне системы, которую хочет анализировать, он сможет в лучшем случае эту систему наблюдать, но не перестраивать. И Музатти приводит характерные примеры таких алогизмов, которые встречаются в высказываниях психоаналитиков (*См. по этому поводу также статью С. Леклера в VIII тематическом разделе настоящей монографии*). Он выдвигает при этом парадоксальный, но увязанный со всем предыдущим, тезис, по которому отдельные фрагменты бесед аналитика с анализируемым могут производить впечатление "folic a deux" ("одновременного сумасшествия двоих"): "В своей работе психоаналитик непрерывно включается и выключается в то и из того, что называется "сумасшествием". Но он это делает, не подчиняясь объективной ситуации, а, напротив, доминируя над этой ситуацией, управляя ею".

Этот оригинальный анализ приемов работы психоаналитика выявляет их крайнее своеобразие и в этом плане представляет несомненный интерес.

И, наконец, Анри Эй - исследователь, имя которого известно далеко за пределами Франции благодаря его трудам, посвященным проблеме сознания и обоснованию им т. н. "органодинамической" концепции психозов. А. Эй излагает в своей статье "Проблема бессознательного" общее психологическое и клиническое понимание природы бессознательного и взаимоотношений, существующих между бессознательным и сознанием. Это понимание является дальнейшим развитием мыслей А. Эя, изложенных им на Бонневальском симпозиуме 1966 г., специально посвященном проблеме "бессознательного".

В качестве основных положений защищаемого им подхода А. Эй выдвигает прежде всего тезис о неразрывном единстве сознания и бессознательного. "Проблема бессознательного и сознания - это единая проблема, ибо каждое из этих понятий определяется через другое и они оба являются компонентами противоречивой структуры психического", - таковы первые строки его статьи. "Мы увидим сейчас, каким абсурдом является отрицание любого из этих понятий...", "понятие психического не эквивалентно понятию сознания"... и т. д. Представляет несомненный интерес, что к числу направлений, в той или другой форме отклоняющих понятие сознания, Эй относит не только нейро-физиологически ориентированных биокибернетиков типа Аттли, Шеннона, Стэнли Кобба и логико-математических неопозитивистов Венской школы (Рассела, Витгенштейна, Уайтхэда), но также психоаналитическую модель. "Фрейд и психоаналитики, - говорит он, - конечно, не доходят до... отрицания (сознания), но их схема психического аппарата, его "экономики" и "топики", исключает практически (если не теоретически) из него сознание, которое рассматривается обычно, как Фрейд выражается по поводу "Я", в качестве "ein armes Ding" ("чего-то мало существенного"). Уточняя эту мысль, А. Эй далее добавляет: "глубинная психология, которая рассматривает совокупность психического как находящуюся под гегемонией всемогущего Бессознательного... которая превращает Бессознательное в главный, если не в единственный, фактор психической жизни, является фактически отрицанием сознания, трактуемого как "эпифеномен"...".

Не менее отчетливые слова Эй находит для характеристики позиции, отвергающей представление о бессознательном. "В равной степени недопустимо как отрицать его (т. е. бессознательное) существование, так и приписывать ему роль одинаковую или даже, по мнению психоаналитиков, более значительную чем сознание".

Бессознательное выступает, по мнению А. Эя, как своеобразный - "витальный слой" психики, который находится в очень сложных, диалектически противоречивых отношениях с сознанием; который выступает как источник энергии и инстинктивных побуждений, образующих "слепую силу" желаний; которого активность подчинена примату удовольствия и может быть обобщена, в конечном счете, как активность "либидо".

И, однако, эту мысль А. Эй подчеркивает, бессознательное отнюдь не представляет собою в организации психической жизни какой-то самостоятельной силы, какой-то специфической "инстанции" (instance), претендующей на гегемонию и монополию. Его следует рассматривать в соответствии с той реальной ролью, которую оно выполняет, будучи неизбежно интегрированным в общей системе психики ("corps psychique"). Эмансипация же бессознательного (его "высвобождение") может проявляться только в форме его психопатологической дезинтеграции.

А. Эй справедливо отмечает в ряде мест близость разрабатываемой им трактовки бессознательного представлениям, сложившимся в рамках советской психологии, называя направления работ Д. Н. Узнадзе, А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурия, П. К. Анохина, Н. А. Бернштейна и др. В пользу адекватности такого понимания можно было бы привести немало и других аргументов, помимо тех, на которые непосредственно указывает А. Эй, и вряд ли можно сомневаться в интересе, который представит еще не выполненный более глубокий специальный анализ намечающейся в данном случае общности теоретических толкований.

Вместе с тем нельзя не отметить, однако, что идеи единства психики человека, предполагающая неразрывность связей между сознанием и бессознательным, интерпретируется А. Эйем не во всем так, как это предпочитают делать советские психологи. В частности, одним из нас проблема этого единства интерпретируется на протяжении многих лет как общая теория сознания и бессознательного психического, - этих. двух .взаимоисключающих и взаимоксмпенсирующих компонентов психики человека, "выступающих как единая система отношений, базирующаяся на единой установке личности на ту или иную предстоящую быть осуществленной ею "здесь" и "сейчас" деятельность (А. Е. Шерозия, К проблеме сознания и бессознательного психического, т. I-II, Тб., 1969, 1973).

Обобщающая статья А. Эя как бы подытоживает общую разноликую картину подходов к проблеме бессознательного, которые представлены в современной западной психоаналитической литературе, хотя написана она явно как изложение оригинальной концепции автора, а не как обзор. Глубина и обобщенность формулировок А. Эя, однако, таковы, что в них отразилось и многое из того, что характеризует современную психоаналитическую литературу в целом.

Как видно из сказанного выше, во второй тематический раздел вошли многие и разные работы. Они, конечно, отнюдь не исчерпывают всей сложности направлений, по которым развивается современная психоаналитическая мысль. Но определенное впечатление о разнообразии и характере этих направлений они все же дают.

18. The Main Trends in the Modern Psychoanalytic Development of the Idea of the Unconscicious (the 1950s-1970s). Editorial Introduction

Summary

A general review is presented of the various approaches to the problem of the unconscious wh'ch are current within the psychoanalytic trend. Emphasis is laid on the complexity of the latest evolution of psychoanalysis seen in a characteristic change of its problems, tasks and methods in comparison with the situation at the time of S. Freud.

The views of L. Althusser on the relationship between Freud's ideas and Marxism are examined critically. The theoretical propositions advanced by E. Joseph are regarded as demonstrative of the general movement of ideas occurring in the modern theory of psychoanalysis; in some respects they come close to the views voiced in the past in the Soviet critique of the latter. Note is made of the paper by N. Rollins in which parallels are drawn between the Soviet and Western approaches to the problem of the unconscious. Attention is drawn to the papers contributed to the second section by Kh. Dimitrov and S. Stoev containing a critique of psychoanalysis from the standpoint of Marxist theory; a number of contributions are also noted in which the philosophical trends forming the background for the d velopment of the psychoanalytical conceptions of the unconscious are retrace (Husseri's phenomenology, neopositivism, different versions of existentialis. E. Mourner's personalism and French structuralism in M. Foucault's modification).

This is followed by a description of papers dealing with the initial stages of the development of the idea of the unconscious (its treatment by K. Jung, A. Adler, P. Janet and French psychotherapy prior to Freud). The characteristic variety of modern quests in psychoanalysis is pointed out. Comments are made about the trends initiated by J. Lacan and M. Klein. The closeness of I. Kremerius position to that of Joseph is noted. Finally some views are stated regarding the contributions of E. Brody, J. Palaci, M. Gill, D. Anzieu, J. Valabrega and J. Pohl to the second section. Highly differing in their orientation with regard to problem and method, the studies deal with the problems of "subconsciousness", transfer, Freudian metapsychology, the manifestations of the activity of the unconscious in groups, as well as the role of the relations established between the mother and child in the early stages of ontogeny in the development of the child's mind. Attention is drawn to the irrationalism imparted to the treatment of the problem of the unconscious by J. Valabrega.

The closing papers of D. Widlccher, C Musatti and H. Ey are particularly interesting from the point of view of problem and method. H. Ey's study contains a generalized approach to the problem of the unconscious, in many respects being close to the way it is posed in Soviet psychology.

22. Психоанализ и философия. Хр. Димитров

Болгарская Академия наук, Институт философии, София

Анализируя условия возникновения психоаналитического учения и основные направления его развития, можно выявить целый ряд зависимостей, проливающих свет не только на сущность психоанализа и его отношение к

философии, но и на более общие связи любой научной дисциплины с философской теорией. Наиболее четко эти связи обнаруживаются при сопоставлении фрейдизма с идеями послекантовской немецкой философии. В этих цдеяк можно открыть немало близкого к основным положениям психоанализа.

Прежде всего это относится к пониманию неосознаваемых психических процессов и их роли в поведении человека. Хотя подобные идеи высказывались еще представителями древнегреческой философии, в последующие эпохи их подвергли забвению, чтобы вновь к ним вернуться в период работы немецких философов-идеалистов и романтиков - И. Канта, Ф. Шеллинга, Л. В. Лейбница, И. Г. Герхарда и др. В XIX в. идея о неосознаваемом развивалась преимущественно адептами волюнтаризма (А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, Р. Вагнер) и иррационализма (Э. Гартман, А. Бергсон). В их трактовке проблема неосознаваемого приобрела идеалистический характер, а наличие неосознаваемых психических процессов у человека использовалось для дальнейшего развития различных идеалистических теорий.

Конкретный социальный импульс к оживлению этой проблемы нужно искать, видимо, с одной стороны, в нараставшем в свое время разочаровании в возможности "разума" сознательно и целесообразно руководить индивидуальным поведением и общественными отношениями, а с другой - в усиливавшемся чувстве беспомощности мелкой буржуазии перед лицом непонятных ей причин периодически возникающих экономических кризисов и конфликтов. Попытки материалистического понимания проблемы неосознаваемого появляются позже, главным образом в трудах Л. Фейербаха, К. Маркса и Ф. Энгельса. Одновременно особый интерес философской мысли того времени к неосознаваемым явлениям психики был стимулирован и развитием неврологии и психологии. В этом "духе времени" следует искать причины влияния философии, которое Фрейд испытал на себе прямо или косвенно и под воздействием которого он начал заниматься психологическими и клиническими исследованиями роли неосознаваемого в поведении здорового и больного человека.

Многие из общих методологических установок психоанализа также можно открыть в работах философов того времени. Это относится к метафизическому пониманию личности как замкнутой, статической системы, к склонности абсолютизировать равновесие и превращать его в конечную цель всякого движения, к упрощенному противопоставлению индивидуума обществу и т. п. Все эти общие принципы, положенные Фрейдом в основу психоаналитического учения, имели свои "эквиваленты" не только в перечисленных философских системах, но и в ряде распространенных буржуазно-экономических теорий того времени, как, например, в теории т. п. "равновесия". Даже некоторые из более конкретных психологических механизмов, связываемые обычно с психоанализом, такие как "вытеснение", "вымещение", "замещение", "перенесение", "конверсия" и др., можно найти сформулированными более или менее отчетливым образом в работах современных или предшествовавших Фрейду философов. Интересно отметить, что даже такой характерный элемент психоаналитической конструкции, как Эдипов комплекс, также имеет свою предысторию в философской мысли периода, следовавшего за Возрождением. В этом отношении, кроме известных высказываний Д. Дидро, - если (бы маленький ребенок имел силу юноши, его первым делом было бы уничтожить своего отца и взять мать в супруги, - можно указать на взгляды Р. Вагнера и Л. Фейербаха об эмоциональной, даже эротической связи между сыном и матерью. Существенно, что в основе всех этих взглядов лежит неправильный общий принцип, - тенденция механистического детерминизма выводить мотивировку человеческого поведения из определенных, наследственно передающихся, универсальных механизмов, которые достигают своего конкретного выражения с почти фатальной предопределенностью.

Эти влияния философского идеализма XVIII и XIX в. в значительной степени выявляют, почему Фрейд был лишен возможности дать полноценное и удовлетворительное объяснение обнаруженным им психологическим зависимостям и пришел к ошибочным механистическим и идеалистическим толкованиям. Несмотря на то, что, подобно большинству естествоиспытателей, Фрейд исходил из позиций стихийного и механистического материализма, его взгляды неизбежно вырабатывались под воздействием господствующих философских теорий. Это привело к внутренней противоречивости психоаналитического учения, возбудившего, подобно кантианству в философии, критику как "справа", так и "слева".

В силу занятого им своеобразного положения некоторой "оппозиции" к официальной буржуазной науке начала XX века, Фрейд оказался выразителем и ряда определенных прогрессивных тенденций. Этим, в основном, объясняется то обстоятельство, что первоначальные критики психоанализа отправлялись преимущественно от позиций идеализма и выступали против материалистических элементов в учении Фрейда. В дальнейшем же, когда психоанализ явно раскрыл свою непоследовательность и стал развиваться все больше в идеалистическую сторону, он превращается в объект критики, прежде всего со стороны диалектического материализма. Главное в марксистско-ленинской оценке учения Фрейда состоит в попытке отграничить его положительные фактические элементы от его неправильных теоретических предпосылок и выводов, а также в корне отвергнуть его философско-методолотические обобщения. В процессе разработки марксистско-ленинской позиции в отношении фрейдизма некоторые авторы проявляли склонность к упрощенным толкованиям, - недостаток, который за

последнее время постепенно преодолевается, и в конечном счете марксистская критика убедительно показала, что отдельные научные проблемы, поставленные психоанализом (такие, например, как проблема неосознаваемых психических функций, проблема неосознаваемых мотивов деятельности, роль инстинктов в поведении человека, некоторые механизмы патогенеза нервных и психических заболеваний, определенные психические зависимости, имеющие место в творческом процессе общения и др.)" представляют значительный интерес и нуждаются в дальнейшей конкретной и экспериментальной разработке, в то время как обобщенные психоаналитические интерпретации не имеют, как правило, научного характера. Можно сказать, что по своей сущности и месту в психологии психоанализ во многом сходен с другими мелкобуржуазными идеологическими направлениями, например с "критическим реализмом" в искусстве или с социал-демократическим реформизмом в общественно-политической практике.

В последующем развитии психоанализа выкристаллизовываются различные, внешне противоречивые разновидности мысли и направления, которые могут быть объединены понятием "неопсихоанализ". Их роднит друг с другом то, что все они, развивая, по существу, основные идеи Фрейда, стремятся лишь обосновать их новыми средствами. Сопоставляя эти учения с ортодоксальным психоанализом Фрейда, можно раскрыть некоторые их интересные особенности. Прежде всего нужно отметить, что в противоположность первоначальному положению своеобразной "оппозиции" психоанализа к "академической" науке, науке университетов, неопсихоаналитические учения утверждаются в качестве официально принятых научных дисциплин и таким образом открыто включаются в рамки буржуазной идеологии. Большинство неопсихоаналитических учений, может быть даже вопреки желанию и намерениям их создателей, тесно связано с идеологией крупного монополистического капитала. Такай тенденция к отчетливой "идеологизации" психоанализа выражена у большинства современных сторонников. Так, например, известный американский философ и социолог Г. Маркузе, который пытается примитивно, эклектически соединить взгляды Гегеля, Маркса и Фрейда, полагает, -что психоанализ по самой своей сущности является не столько психологическим или медицинским, сколько философским учением и что он должен и впредь развиваться, главным образом, в философском направлении. Этот процесс постепенного превращения психоанализа из неофициального и даже "оппозиционного" учения в широко воспринятую буржуазией научную теорию тесно связывает психоаналитические толкования со многими популярными современными идеалистическими философскими направлениями и прежде всего с такими, как экзистенциализм, прагматизм, неопозитивизм.

В отличие от первоначальной отрицательной и даже враждебной позиции в отношениях между психоанализом и экзистенциализмом за последние десятилетия все яснее выявляется тенденция к сближению этих течений и даже к их слиянию. Прежде всего здесь можно отметить работы известного швейцарского психиатра Л. Бинсвангера (L. Binswanger), который, будучи вначале учеником Фрейда, воспринял в дальнейшем некоторые из принципов экзистенциализма и создал свой метод "экзистенциального анализа". Вслед за ним его ученик М. Босс (M. Boss) преобразует экзистенциальный анализ в т. н. "Daseinsanalyse", сочетая идеи экзистенциализма с рядом психоаналитических принципов. По мнению Босса, описанные психоанализом механизмы нуждаются в дополнительной экзистенциальной интерпретации, а психоаналитическое учение в целом - в более глубоком философском обосновании с позиции экзистенциализма. Так, например, он пересматривает психоаналитические понятия "переноса" и "обратного переноса" во время психотерапии на основании экзистенциалисти-ческого представления о "встрече". Немецкий психотерапевт И. Мейнертц (I. Meinertz) пытается показать, что психоаналитическое понятие о неосознаваемом не только не противоречит экзистенциалистской антропологии, но может быть даже существенно углублено посредством нее. Он выражает эту тенденцию к слиянию экзистенциализма и психоанализа словами: "В экзистенциально-философском понимании различные мировоззренческие направления имеют в качестве общего

основания то, что они выдвигают на передний план как средство познания не разум в смысле ratio, а совершенно другие душевные силы человека и целостные его чувства. Выдающиеся идеи Хайдеггера об "экзистенциях" - существование их "бытия", страх, смерть, "аутентичное" и "чужое" существование и т. д. - остаются главными проблемами глубинной психологии и рассматриваются как основные в психосоматических взаимосвязях... дух проникает в душевные и даже биологические структуры, где его свет теряется в неопределенной глубине...". Мейнертц заключает: "Значение глубинно-психологических и принадлежащих к этой области экзистенциальных знаний ("экзистенциальная психология") для философии, психологии, социологии, геологии, искусства и т. п. совершенно очевидно". Идейная направленность автора здесь выражена ясно: его цель - слияние психоанализа и экзистенциализма. Подобное стремление активно использовать, хотя и в преобразованной форме, основные психоаналитические понятия встречается и у многих других представителей современного экзистенциализма, в частности у Ж.-П. Сартра (J.-P. Sartre).

Со своей стороны, значительная часть современных неопсихоаналитиков с готовностью воспринимает и дополняет свои взгляды концепциями экзистенциализма. Это относится, в первую очередь, к таким экзистенциально-моральным категориям, как ответственность, вина, страх и т. д. Весьма показательны в этом

плане учения Э. Эриксона, Э. Фромма и других современных неопсихоаналитиков. По мнению известного американского экзистенциалиста А. Маслоу (A. Maslow), Эриксон разрабатывает экзистенциальную идею об "идентитете" даже яснее и разностороннее, чем немецкие экзистенциалисты М. Хайдеггер и К. Ясперс. В учении Э. Фромма проблема отчуждения разрабатывается в значительной степени на основе идеи экзистенциализма и в конечном счете приводит к принятию изначального единства человека, природы и бога. К. Хорни и Х. Салливан, со своей стороны, утверждают, что чувство страха, занимающее центральное место в экзистенциалистской антропологии, является основной проблемой современного человека, и рассматривают его как главный механизм ге-неза психических расстройств.

Неопсихоанализ тесно сближается, как уже было сказано, и с другими идеалистически ориентированными направлениями в философии, как, например, с прагматизмом и неопозитивизмом. Это осуществляется, главным образом, представителями американского неофрейдизма Г. Гартманом, Р. Шиитцем, А. Кардинером. Эти аналитики охотно воспринимают понятие прагматизма об адаптации, однако толкуют они это понятие в ограниченном, механистическом плане, сводя его к удовлетворению преимущественно биологических потребностей. Некоторые современные аналитики (И. Карузо, В. Ваельдер и др.) в отличие от активной атеистической позиции Фрейда обнаруживают большую терпимость к религии и даже разрабатывают "психоанализ для теологев".

Проявлявшаяся у Фрейда тенденция к известному сближению психоанализа с марксизмом характерна и для современного неофрейдизма. Однако, если первоначальный интерес Фрейда и его последователей к марксизму был выражением их стремления к выявлению новых форм теоретического мышления, то в наши дни интерес и даже сближение многих неофрейдкстов с марксизмом является лишь следствием определенных тенденций современной империалистической идеологии. Это выражается в том факте, что большинство современных неофрейдистов - Э. Фромм, Э. Эриксон, И. Карузс, А. Митчерлих и др., воспринимая ряд принципов марксизма, стремятся эти принципы "преобразовывать" и "обновлять". Практический смысл этой тенденции можно увидеть в отражении ревизионистских взглядов Г. Маркузе, Э. Фромма, К. Хорни и др. в представлениях некоторых, недостаточно устойчивых марксистов, таких, как Г. Петрович, 3. Пешич-Голубович, Д. Пейович, Д. Косович, В. Бруич и др. С другой стороны, стремление к сближению аналитиков с марксизмом указывает на все более утверждающуюся силу и действенность марксистской философии, с которой вынуждены все больше считаться представители сегодняшней буржуазной идеологии.

Не только общая философская ориентация, но и конкретная научная проблематика неопсихоанализа меняется по сравнению с психоанализом ортодоксальным. Эти изменения обусловливаются потребностями отдельных дисциплин, а также определенным влиянием социально-экономических изменений. В отношении психоаналитического учения можно в этой связи применить слова В. И. Ленина, сказанные им по поводу эмпириокритицизма, - указание на то, что последний является "живым учением", имеющим свое развитие. В круге вопросов, которые разрабатывает современный психоанализ, можно вычленить следующие направления:

а) Тенденцию к преодолению узких биологических рамок психоанализа с обращением внимания на более широкий круг социальных проблем. Эта тенденция, намеченная еще А. Адлером, развивается, главным образом, представителями т. н. "культурпсихоанализа". В стремлении преодолеть ограниченность исходного фрейдовского биологизма эти исследователи пытаются утверждать ведущую роль отдельных социальных факторов. В большинстве случаев подобные факторы не выходят за узкие рамки семьи или "культуры". Несмотря, однако, на это, учет подобных факторов вынуждает аналитиков поднимать вопросы, важные для более глубокого понимания влияний, оказываемых семьей и особенностями культуры на личность и ее становление. В этом смысле, кроме взглядов Э. Фромма о влиянии факторов, исходящих из "технизации" общества, представляет интерес теория К. Хорни о воздействиях культурных институтов и, в особенности, идеи Э. Эриксона о широком круге социальных воздействий, имеющих место в юношеском периоде. Подобная направленность отмечается в работах и других современных психоаналитиков, как, например. Р. Шпитца, по мнению которого решающее место в развитии личности занимают взаимоотношения матери и ребенка в первые 2 года жизни.

б) Тенденцию к переходу с "психологии индивида" к психологии социальной. Это направление тесно связано с указанным выше стремлением к преодолению узкобиологических рамок ортодоксального психоанализа. Основы его заложены, главным образом, работами И. Морено по групповой психотерапии и анализу психологических закономерностей "малых групп" (семьи, школьного, спортивного, трудового, военного коллективов и т. д.). За последние годы Морено создано т. н. учение о "динамике групп". В этих исследованиях, несомненно, раскрываются некоторые существенные закономерности взаимоотношения членов определенных групп. В то же время особенности малых групп абсолютизируются и отрываются от их широкой социальной основы. В конечном счете это приводит к попытке подменить объективные социально-исторические закономерности совокупностью психологических особенностей малой группы.

в) Тенденцию к преодолению пансексуализма и утверждению других основных психических механизмов. В отличие от ортодоксального психоанализа, для которого основой является преобразование либидо, в современном психоанализе наблюдается склонность к учету и других мотивов человеческого поведения и социального развития - страха ("анксиозности"), агрессивных стремлений, необходимости в чувстве уверенности и т. п. Подобное понимание вызвало особый интерес к проблеме роли агрессии в индивидуальном поведении и общественном развитии, и постепенно проблема агрессии превратилась в одну из центральных для современного психоанализа. Агрессия как выражение биологически заложенных закономерностей (агрессивный инстинкт) или как следствие неудовлетворения аффективных потребностей ("фрустрация") все более утверждается как один из основных социально-психологических "двигателей" человеческого поведения. Очень показательным в этом отношении был 27-й Международный психоаналитический конгресс, состоявшийся в 1971 г. в Вене, основной тематикой которого была проблема агрессии с психологической и социально-психологической точек зрения. Очевидно, что выдвижение вопроса о психологической сущности агрессии тесно связано с изменениями, происходящими в современном капиталистическом обществе, со все усиливающейся и демаскирующейся агрессивной сущностью империализма, г) Тенденцию к расширению психоаналитических методов исследования. Недостатки психоаналитического метода Фрейда, весьма субъективного по своей сущности, с особой отчетливостью выступили в последние десятилетия, когда в науке, в том числе в психологии и нейрофизиологии, утвердились объективные приемы изучения и стремление к точной количественной оценке получаемых результатов. Это вызвало желание модернизировать и психоаналитическую технику Фрейда. Попытки подобной модернизации развиваются в двух направлениях: применения экспериментально-психологических тестовых методик и использования приемов современного нейрофизиологического исследования. Метод "свободных ассоциаций" дополняется проекционной тестовой техникой. Идеи, побудившие К. Г. Юнга к созданию его "ассоциативного эксперимента", были развиты в дальнейшем на основе методики "цветных пятен" Г. Роршахом (H. Rorschach). В настоящее время существует большое число проекционных тестов, таких, как тематический апперцептивный тест (ТАТ) Г. Мэррея (H.Murray), тест Л. Сцонди (L. Szondy), фрустрационный тест С. Розенцвейга (S. Rosenzweig), сценический тест Г. фон Стаабса (G. von Staabs) и др. Несмотря на некоторые интересные и важные особенности проекционных тестов, их основной недостаток состоит в их полной или частичной зависимости от психоаналитических интерпретаций, ввиду чего, как подчеркивает ряд советских и болгарских авторов - М. С. Лебединский, В. Н. Мясищев, С. Я. Рубинштейн, Б. В. Пирьов, Хр. Хистозов, Р. Пенушлиева, В. Манова-Томова и др., - их полноценного использования можно достичь только путем устранения производительности их психоаналитических толкований.

В отличие от сдержанности и даже отрицательного отношения Фрейда к использованию физиологических методов, в последние годы многие его последователи пытаются связать психоаналитическое учение с физиологическими данными. Причиной этого является стремительное развитие современной нейрофизиологии. В 1948 г. Мак Лейн .предложил, как известно, свое учение о "висцеральном мозге" развитое за последние годы в электрофизиологических исследованиях Ж. Олдса, Ж. Лили и др. Полученные при этом данные весьма интересны, однако попытки их связи с принципами психоанализа отличаются, как правило, большой упрощенностью.

д) Тенденцию к перенесению психоаналитических принципов в т. н. психосоматическую медицину. Начатое еще в работах Э. Вейса и Ф. Дойтча, это направление развивалось в дальнейшем благодаря клиническим исследованиям Ф. Александера, Ф Дубнера, В. Стоквиса, А. Митчерлиха и др. Накопив большой материал фактических данных, психосоматические исследования несут на себе почти всегда досадный отпечаток неустранимой односторонности психоаналитических толкований.

Развитие психоанализа обнаруживает, таким образом, целый ряд особенностей, присущих и другим научным направлениям, тесно связанным с буржуазной идеологией. На примере психоанализа можно ясно видеть всю глубину зависимости отдельных наук от господствующих философских взглядов соответствующей эпохи. Эта связь, конечно, не простая и не односторонняя - с одной стороны, психоанализ воспринимает определенные идеологические подходы, а с другой - предлагает взгляды, которые в известной степени являются отражением общих воззрений. Очевидно, что во многих случаях влияние философских теорий может остаться незамеченным для естествоиспытателя, так как оно опосредовано рядом других форм общественного сознания. Однако воспринятая ошибочная методология в такой же мере тормозит научный прогресс, в какой адекватный методологический подход ему способствует.

В тесной связи с влиянием философской мысли на отдельные дисциплины находится и то обстоятельство, что естественнонаучный, механистический материализм, являющийся стихийной методологической основой весьма многих "аук, сам по себе недостаточен и неизбежно приводит к ошибочным, не только механистическим, но и открыто идеалистическим тенденциям. В этом смысле можно сказать, что, как и в других направлениях современного естествознания, главным источником идеалистических ошибок и толкований в психоанализе является стихийный, механистический, естественнонаучный материализм. С другой же стороны, необходимо подчеркнуть и обратное влияние естествознания на теоретическое мышление и философию. Как указывали

неоднократно Маркс, Энгельс и Ленин, всякое крупное открытие в естествознании приводит к необходимости его теоретического осмысления и, тем самым, к дальнейшему развитию философских концепций. Поэтому наблюдающиеся иногда тенденции к простому отрицанию и даже полному игнорированию научных теорий без серьезного их анализа и обсуждения отнюдь не способствуют дальнейшему прогрессу научного и теоретического мышления.

В отношении современной психологии до сих пор сохраняют силу слова В. И. Ленина, сказанные им более полувека назад по поводу физики: "...сегодняшний "физический" идеализм, точно так же, как вчерашний "физиологический" идеализм, означает только то, что одна школа естествоиспытателей в одной отрасли естествознания скатилась к реакционной философии, не сумев прямо и сразу подняться от метафизического материализма к диалектическому материализму. Этот шаг делает и сделает современная физика, но она идет к единственно верному методу и единственно верной философии естествознания не прямо, а зигзагами, не сознательно, а стихийно, не видя ясно своей "конечной цели", а приближаясь к ней ощупью, шатаясь, иногда даже задом. Современная физика лежит в родах. Она рожает диалектический материализм". Эти слова дали в свое время поразительно глубокую оценку ситуации, сложившейся в физике начала XX века. И они же во многом помогают нам понять положение, все более отчетливо обрисовывающееся з психологии последних десятилетий нашего века.

23. Проблема бессознательного в современном неофрейдизме. Стою Г. Стоев

Болгарская Академия наук, Институт философии, София

Проблема бессознательного занимает центральное место в фрейдизме. В большой степени именно в связи с фрейдовским пониманием бессознательного - утверждением или отрицанием его - шла дальнейшая разработка этой проблемы. Классический фрейдизм - это стройная, последовательная система со своей внутренней логикой. Но дальнейшее развитие наук-биологии, антропологии, физиологии, психологии, медицины, социологии и др. не могло не затронуть его принципов и концепций, не подорвать его устоев и не поставить под угрозу всю его структуру. Возникла потребность переоценить ряд его концепций, согласовать их с современным научным знанием, что привело в конце концов к ревизии классического фрейдизма и к возникновению неофрейдизма.

Главными причинами, обусловившими ревизию фрейдизма, являются, как справедливо указывает американский философ и психолог Г. Уэллс, следующие: практический опыт самих психоаналитиков, достижения академической экспериментальной психологии, экспериментальной антропологии [1,41]. Практика Фрейда, отмечает Уэллс, основывалась прежде всего на психоанализе представителей привилегированного класса, психоаналитикам же позднейшего периода, особенно в США, понадобилось работать преимущественно с представителями среднего класса из так называемых "деловых кругов". А это привлекало внимание психоаналитика к современным социальным и семейным отношениям пациентов, к их социальным обязанностям, конкуренции и пр. в большей степени, чем к переживаниям раннего детства.

Сходные обстоятельства подчеркивает и К. Хорни, которая до 1932 г. занималась психоаналитической практикой в Европе. "Когда в 1932 г. я приехала в США, - пишет она, - я увидела, что неврозы и сам облик людей в этой стране очень отличаются от тех, которые я наблюдала в европейских странах, и поняла, что это можно объяснить только разницей культурно-социальных факторов" [5,12].

Г. Маркузе выражает эту разницу более категорично. По его мнению, классический фрейдизм устарел, потому что сам объект, на котором он развился - человек XIX и начала XX века, - значительно изменился. Я утверждаю, пишет Маркузе, что фрейдистские концепции "устарели настолько же, насколько устарел и их предмет - человеческий индивид, понимаемый как "Оно", "Я" и "Сверх-Я", инкорпорированное в социальной действительности" [6,85].

Как известно, первые расслоения фрейдизма начались еще при жизни Фрейда. С определенной ревизией его учения выступила и его дочь А. Фрейд. Ее инициативу продолжили дальше К. Хорни, Г. Салливан, Г. Гартман и др. Основное в этом пересмотре состоит в попытке преодолеть биологическую односторонность и пансексуализм классического фрейдизма, ориентируясь на социальные факторы. Так возник как разновидность неофрейдизма т. н. культурпсихоанализ. Ориентация психоанализа на социальные факторы создала для него потребность в связи с социологическими теориями. И, поскольку марксизм завоевывал себе все более и более твердую почву, некоторые из реформаторов фрейдизма были вынуждены обратить на него внимание. Так вновь возникла "проблема" интеграции фрейдизма с марксизмом. Между представителями этой разновидности неофрейдизма, стремящегося к "сближению" фрейдизма с марксизмом, наиболее известными являются, на наш взгляд, Эрих Фромм и Герберт Маркузе.

Представители неофрейдизма не отказываются от фрейдовского бессознательного и его определяющей роли в жизни и деятельности человека. Они только пытаются преодолеть его биологическую и сексуальную основы и поставить его на социальную почву. К. Хорни критикует Фрейда из-за его метафизического противопоставления ряда процессов в человеческой психике: "удовольствие - неудовольствие", "бессознательное - сознание", "Эрос - Танатос" и пр. Она отвергает и чрезмерное расширение понятия сексуальности. По ее мнению, формирование человеческого характера зависит не столько от сублимации либидо, сколько от социальных условий. Она отвергает фрейдовскую концепцию об Эдиповом комплексе и о структуре человеческой психики, как состоящей из "Оно", "Я" и "Сверх-Я". Но Хорни не отвергает ни фрейдизма в целом, ни его концепцию о бессознательном. Она исходит из представлений А. Фрейд, по которым человеческое "Я" формируется не только под влиянием биологической наследственности, но и под влиянием социальных условий; она учитывает, что, наряду с функцией вытеснения, направленного против инстинктивных влечений, в "Я" вырабатываются и защитные механизмы, направленные против угроз внешней среды.

По мнению Хорни, инстинкты играют меньшую роль, чем та, которую им приписывают ортодоксальные фрейдисты. Она рассматривает "Я" как совокупность приобретенных тенденций, стремящихся преодолеть чувства страха и неуверенности. В своей концепции бессознательного Хорни замещает фрейдовское либидо двумя иными двигателями: анксиозностью (страхом) и перфекционизмом (стремлением к совершенству). Отсюда, она правильно указывает, что источником неврозов является, в основном, не конфликт инстинктивных влечений с ограничениями, налагаемыми на них социальной средой, а конфликт социальных устремлений индивида с враждебными ему условиями его социальной среды. В жизни индивида определяющую роль играют не его сексуальные потребности, а его чувство неуверенности и страха. Хорни проводит разграничение между понятиями страха и анксиозности. Она рассматривает страх как реакцию индивида против известной и реальной опасности, а анксиозпость - как патологическое явление, как неясное предчувствие опасности, причина которой неизвестна. Анксиозность приводит индивида к неверию в собственные силы, к чувству своей неполноценности, беспомощности.

Перфекционизм противоположен анксиозности. Он побуждает индивида преодолеть ощущение страха и обеспечивает ему свободу и уверенность. Но сама тенденция к совершенству увеличивает зависимость индивида от других членов общества, поскольку он стремится делать то, что им нравится, и избегать делать то, что им не нравится. Таким образом желаемая свобода и уверенность приводит его, по существу, к еще большей зависимости. Отсюда Хорни делает вывод - чем больше требований предъявляет цивилизация к индивиду, тем более увеличивается стремление последнего к совершенству, а это, в свою очередь, приводит его к порабощению.

Хорни правильно видит причину анксиозности во враждебности, существующей между людьми в капиталистическом обществе, в их необеспеченности, в конкуренции, в жизни под постоянной угрозой, в условиях, где неудача лишает человека не только богатства, но и уважения. Но, констатируя это травмирующее воздействие условий капиталистической действительности на психику индивида, Хорни не приходит к правильному выводу о том, что только уничтожением условий, порождающих анксиозность, можно избавить человека от ее воздействия. Наоборот, она универсализирует специфические капиталистические условия, представляя их как неустранимые условия жизни человека вообще. Она абсолютизирует анксиозность как черту бессознательного, присущую каждому человеку. Спасение человека она ищет не в революционном изменении социальной действительности, а в изменении средствами психотерапии бессознательного. В психотерапии она пользуется известными техническими средствами психоанализа - анализом сновидений, методикой свободных ассоциаций и пр. Только Хорни стремится к осознанию не вытесненных инстинктивных влечений, как это имело место у представителей классического фрейдизма, а к осознанию анксиозности.

Недостаток концепции Хорни заключается еще и в том, что, рассматривая социальные факторы как источник анксиозности, она переоценивает роль "культурных условий" - факторов нравственных, религиозных, политических и явно недооценивает определяющую роль экономических и классовых условий. У нее отмечается, как и у Фрейда, явная переоценка роли бессознательного за счет роли сознания.

Э. Фромм открыто заявляет, что он ревизионист фрейдизма. В своей попытке подняться над экзистенциализмом и фрейдизмом он обращается к марксизму и включает в свою концепцию человека некоторые элементы из марксистской теории. Полемизируя с Д. Беллом, он противопоставляет ему марксистское понимание, по которому человеческое существо "является не чисто биологическим, не абстрактным, а таким,

которое может быть понято только исторически, так, как оно развивается в процессе истории" [4, 78-79]. И он отмечает, что у человека в процессе общественно-исторического развития возникли новые, специфические человеческие качества. К их числу он относит сознание, разум, воображение, юпосо'бноеть использовать символы и абстракции и др., но, к сожалению, не упоминает о труде, о производственной деятельности человека. И это не

случайно: несмотря на наличие во фроммовской концепции человека некоторых отрывочно взятых элементов марксизма, она в основном остается экзистенциалистской и фрейдистской. Фромм утверждает, что для каждого индивида характерны его первичные, неизменные, внутренне ему присущие качества, которые он приспосабливает к культурным условиям. Если эти условия противоречат его первичной природе, в его эмоциях, мыслях, действиях возникает тенденция к изменению объективных условий, поскольку он неспособен изменить свою собственную природу. И если культурные условия оказываются более сильными и препятствуют осуществлению его стремлений, тогда индивид невротизируется. "Эволюция человека, - пишет Фромм, - состоит в приспособлении неразрушимых качеств его природы, которые заставляют его никогда не прекращать стремления к согласованию внешних условий с его внутренними потребностями" [2,23]. Отсюда, по Фромму, определяющими являются не социально-исторические условия, как это утверждает марксизм, а первичные и неизменные качества человеческой природы.

Второй характерный момент. Говоря о бессознательном, Фромм не основывает его на сексуальном влечении, как это имеет место в ортодоксальном фрейдизме, но сохраняет фрейдовское понимание его иррациональной сущности. Очень долго мы полагали, отмечает Фромм, что в душе человека злые силы не существуют, что они давным-давно исчезли. Уже Ницше и Маркс смутили наш оптимизм, Фрейд же был тем, кто привел нас "на вершину вулкана и заставил посмотреть в его кипящий кратер" [3,6]. Именно он обратил внимание па иррациональную сущность бессознательного в человеке.

По Фромму, бессознательное отдельного индивида определяется его экзистенциальными и социальными противоречиями, норождающими в нем чувства изолированности, одиночества, неуверенности. Отчуждение человека от природы и себе подобных - главный источник страха. А спасение от этого страха человек ищет в "комплексах" - "авторитарности", "жажды власти", "стремления к разрушению", "конформизма автомата". Все это очень близко к фрейдовскому пониманию садизма, мазохизма, либидо, "влечения к смерти".

Большой интерес, на наш взгляд, представляет концепция Фромма о "социальном характере" - о бессознательном в индивидуальной и социальной психике. Обвиняя марксистскую и фрейдистскую и Макс-Веберовскую концепции в односторонности при объяснении воздействия идеологии и культуры на человека, Фромм пишет: "В противоположность этим отношениям, мы полагаем, что идеология и культура в целом обусловливаются социальным характером" [3,252]. Марксистская концепция о базисе и надстройке, по его мнению, недостаточна. Посредником между социально-экономической структурой общества и идеологией является "социальный характер". Его посредничество выражается в двух направлениях: от экономической базы к идеям и от идей - к экономической базе, что можно выразить наглядно следующим образом:

экономическая база
социальный характер
идеи и идеалы.

Как будет расходоваться человеческая энергия в обществе, определяется, по Фромму, именно "социальным характером". В своей жизни человек разрешает проблемы своего существования, реализуя свои способности. Но, если общество ограничивает его, препятствует ему, оно его калечит и невротизирует, даже если сознательно человек доволен своей судьбой. В подобных условиях, говорит Фромм, бессознательно у человека поднимается протест против калечащей его обстановки. И этот протест толкает его к изменению общественных условий. "Социальные изменения и революции, - пишет Фромм, - являются результатом не только конфликта между новыми производительными силами и старыми формами общественной организации, но и конфликта между неадекватными для человека общественными условиями и неизменяющимися потребностями человека" [9,234].

Концепция "социального характера", утверждает Фромм, помогает ответить на вопросы, на которые марксистская теория не в состоянии ответить. Например: почему сохраняется лояльность по отношению к определенной общественной системе большинства членов общества, даже когда они страдают от этой системы и разум подсказывает им, что их лояльность вредна? Почему их реальные интересы не всегда торжествуют над их фиктивными интересами? Ответ на эти вопросы кроется, по Фромму, в "социальном характере". Сумело общество сформировать необходимую структуру "социального характера" - и средний гражданин уже доволен всеми условиями, предоставляемыми ему обществом. При помощи "социального характера", указывает Фромм, можно заставить человека служить самым разным целям - кооперироваться или стремиться к частной собственности, подчиняться или господствовать, радоваться счастью или покорно переносить страдания. Социальный характер крестьянина - это синдром характерных черт индивидуализма- бережливости, упорства, слабой склонности к кооперированию, слабого чувства времени, недостатка точности, и после того, как он сформировался, он оказывает сильное сопротивление каждой попытке к изменению, даже когда экономические (преимущества этих изменений очевидны. "Социальным характером" объясняются, по Фромму, расистские проявления белых на Юге в

США, содействие, оказанное Гитлеру средними классами в Германии. Им объясняются черты, присущие рабочему - точность, дисциплинированность, организованность, коллективизм, а также лояльность определенных групп рабочих в отношении капиталистической системы - вопреки тому, что производительные силы давно вошли в противоречие с капиталистическими производственными отношениями.

Нет сомнений, что в концепции Фромма о "социальном характере" есть рациональное зерно. Сложные взаимодействия в общественной структуре нельзя понимать упрощенно, удовлетворяясь только общими положениями о роли базиса и надстройки. В обществе возникают нередко ситуации, при которых силой традиций, привычек, способа жизни, национального темперамента, особенностей культуры и пр. в психике индивида, класса, народа создаются состояния, названные грузинскими психологами школы Д. Узнадзе "установками". И эти состояния обусловливают в значительной степени формы поведения, реакции человека, класса, народа при разрешении возникших перед ними проблем экономического, политического или другого характера. Хорошо известно, что буржуазная революция во Франции протекала не так, как в Англии, что социалистические революции совершаются по-разному в разных странах. Нам кажется, что представление Фромма о "социальном характере" является интересной и ценной догадкой, близкой к узнадзевскои концепции психологической установки.

Если бы Фромм расширил и конкретнее разработал свою концепцию "социального характера", указал подробнее на его обусловленность социальными условиями, прежде всего экономическими и классовыми, отмечал его лишь относительную самостоятельность и роль в общественном развитии, в поведении классов, отдельных индивидов, то это было бы неоспоримо полезным делом. Беда, однако, в том, что Фромм явно переоценивает, абсолютизирует роль "социального характера", превращая его в фактор, все объясняющий. В число причин, формирующих "социальный характер", у Фромма одинаково включены моменты и экономические и культурные без разъяснений, какие из них первичные, определяющие, и какие вторичные. Именно поэтому он считает, что только "социальным характером" можно объяснить лояльность граждан к системе их угнетающей и что осознание классовых интересов и преимуществ социализма еще недостаточно, чтобы стимулировать пролетариат к революции. В подобных случаях "социальный характер" оказывается, по Фромму, сильнее экономических условий.

Здесь налицо обычный недостаток буржуазных социологов - сначала ограничивать и упрощать марксистскую теорию о социалистической революции, чтобы затем обвинить ее в односторонности. Хорошо известно, что, когда классики марксизма указывали на определенную роль экономики, они отнюдь не упускали из вида роль психологии, традиций, идей и вообще субъективного фактора. Ленин неоднократно подчеркивал, что для победы социалистической революции необходима не только экономическая зрелость общества, но и соответствующая "революционная ситуация". "Лояльность" рабочих в некоторых развитых капиталистических странах объясняется поэтому далеко не единственно ролью "социального характера", - хотя, конечно, и он имеет свое место и значение, - но прежде всего отсутствием необходимой революционной ситуации.

Сам Фромм следующим образом уточняет взаимоотношения между экономическими, психологическими и культурными факторами. "Человек действует, - пишет он, - для изменения внешних условий, исходя из изменений, происходящих внутри него самого, психические факторы в его собственном развитии помогают изменению экономического и социального процесса" [3,252]. Отсюда следует, что первичными являются изменения, возникшие в психике, а не в экономических условиях, как это утверждает марксизм. Когда Фромм говорит об "исторической обусловленности" психических сил, он имеет в виду культурные институты и средства. Он даже подчеркивает, что "экономические силы эффективны, но их надо понимать не как мотивирующие психику, а как объективные условия" [3,252]. Если бы Фромм сказал, что экономические условия действуют, мотивируя человеческую деятельность не непосредственно и автоматически, а посредством изменений, которые они обусловливают в человеческой психике - в сознании и в бессознательном людей, то это было бы ценной догадкой, ибо, действительно, человек всегда действует, исходя из своих внутренних потребностей. Чтобы воздействовать на человека, каждый внешний фактор должен преобразоваться во что-то внутреннее - в элемент бессознательного или сознательного. Но Фромм, к сожалению, не делает этого - главного - шага. И все-таки его концепция о "социальном характере" интересна и ее можно использовать, при разработке проблемы социального и индивидуального бессознательного.

В своей концепции о человеке Г. Маркузе исходит из фрейдовского понимания конфликта между биологической природой индивида и репрессивными функциями цивилизации. Но если Фрейд не верит в возможность примирить принцип удовольствия с принципом реальности и остается в этом отношении глубоким пессимистом, то Маркузе считает, что такое примирение возможно в условиях нерепрессивной цивилизации. Существующее индустриальное общество Маркузе объявляет абсурдным. Оно, по его мнению, уничтожает внутреннюю сущность человека и превращает его в "одномерное" существо ("одноизмеримый человек"). В прошлом, указывает он, "Я" при помощи интроекции спонтанно перерабатывало "внешнее" во "внутреннее", но

человек сохранял свое индивидуальное сознательное и бессознательное, отличавшиеся от общественного мнения. В прошлом идея "внешней свободы" выражалась в сохранении "личного пространства", в котором человек мог оставаться самим собой. "Сегодня, - пишет Маркузе, - техническая реальность вошла в это "личное пространство" и ограничила его. Индивид полностью охвачен производством... Следовательно, больше не существует адаптации, налицо непосредственная идентификация индивида с его" средой, а отсюда - и с обществом в целом" [7, 35], в результате чего возникает все более высокая степень отчуждения. "Сегодня отчужденный человек, - подчеркивает Маркузе, - абсорбирован своим отчужденным существованием. Налицо только одно измерение человека, и оно проявляется повсюду, хотя и в разных формах" [7,36]. Именно уничтожая "внутренние измерения" человека, индустриальное общество угрожает уничтожением человеческой индивидуальности. Маркузе говорит о бессознательном, спонтанном характере бунта в современном обществе, как выражении протеста человеческой биологической природы против репрессии общества.

Причину же репрессии Маркузе видит прежде всего в современном прогрессе, который, якобы, порождает тоталитаризм. Он говорит, что борьба против старого мира имеет не столько экономические, сколько биологические основания. "Борьба современного человека, - пишет он, - имеет свои корни в подлинной, "биологической" природе индивида, и на этой основе зачинщики бунта определяют задачи и стратегию политической борьбы, в которой единственно будет возможно определить конкретную цель освобождения" [8,5]. Потому Маркузе считает, что основная сила освобождения - это молодежь и "аутсайдеры", которые, будучи вне социальной системы, еще не абсорбированы ею и у которых, якобы, еще сохраняют всю свою силу биологические инстинкты.

Маркузе обращает внимание на интересные явления, связанные с неосознаваемыми изменениями в человеческой психике, происходящими, по его мнению, под влиянием научно-технической революции - стандартизацию и автоматизацию человеческой природы, уничтожение ее творческого начала и пр. Все эти отрицательные последствия он связывает непосредственно с техническим прогрессом, а не с капиталистической структурой общества, которой определяется антигуманная направленность технического прогресса. Кроме того Маркузе грубо переоценивает биологическую основу бессознательного и человеческой природы вообще и недооценивает роль сознания. Отсюда решения, которые он предлагает, остаются ошибочными и утопичными.

Современные неофрейдисты по разным поводам касаются проблемы бессознательного и пытаются раскрыть как биологическую, так и социальную обусловленность этого психологического фактора, что можно отметить, как шаг вперед по сравнению с классическим фрейдизмом. Но в целом они все еще остаются в плену биологизма. В их концепциях содержатся интересные наблюдения и ценные догадки, которые необходимо иметь в виду при дальнейшем исследовании проблемы бессознательного, производимом, однако, на принципиально иной научно-методологической основе.

Литература

1. Уэллс Г., Крах психоанализа. М., 1968.

2. Fromm, E., Man for Himself. L., 1960.

3. Fromm, E., Fear of Freedom. L., 1960.

4. Fromm. E., Das Menschenbild bei Marx, Fr/M., 1S63.

5. Horney, K.. Our Inner Conflicts. N. Y., 1939.

6. Marcuse, H.. Kultur und Gesellsdnft. Fr/M., 1967, B. 2.

7. Marcuse, H., L'homme unidimensionnel, Paris, 1968.

8. Marcuse, H., An Essay on Liberation. L., 1969.

9. Socia ist Humanism (ed. by E. Fromm), N. Y., 1966.

24. Концепции сознания в современной западной философии. А. Ф. Бегиашвили

Тбилисский государственный университет, факультет философии и психологии

Вряд ли будет преувеличением сказать, что почти каждое философское учение, в том числе и современные философские теории, опираются на то или иное понимание природы сознания, его структуры и процесса его функционирования. Часто бывает и так, что предлагаемое понимание природы сознания не выражено открыто, не высказано в четких терминах. Уточнение концепции сознания, лежащей в основе этих философских учений, может во многом содействовать как выработке правильной оценки рассматриваемых философских учений, так и уяснению многих аспектов понятия сознания, его отношения к другим понятиям, в первую очередь к понятию бессознательного.

При исследовании различных концепций природы и структуры сознания, представленных в современной западной философии, возникают две далеко не однородные задачи. Во-первых, нужно исследовать те представления о строении сознания, которые, хотя и не всегда формулируются четко, но безусловно предполагаются основными положениями той или иной философской доктрины. Употребив распространенный в настоящее время термин, скажем, что нужно исследовать ту модель сознания, к которой имплицитно обращаются те или иные философские учения. Во-вторых, надо изложить основные положения эксплицитно сформулированного учения о сознании.

Конечно, в пределах настоящей работы мы не можем ставить своей целью решение в полном объеме обеих вышеназванных задач. Это дело особого и обширного исследования. Мы хотели бы ограничить себя рассмотрением лишь нескольких наиболее распространенных на сегодняшний день течений западной философской мысли; с одной стороны, неопозитивизма, с другой - феноменологии и экзистенциализма. К тому же, нам представляется целесообразным заострить внимание на тех сторонах проблемы сознания, которые имеют отношение к фундаментальным положениям вышеназванных философских учений, а также на моментах, помогающих лучше понять отношение представителей этих философских учений к проблеме взаимоотношения сознания и бессознательного.

1. Приступая к рассмотрению феноменологической философии, необходимо, в первую очередь, обратить внимание на два основных принципа этой теории. Это, в первую очередь, требование опытного оправдания всего нашего знания и, во-вторых, принцип беспредпосылочности.

Основной принцип научного мышления, которому, естественно, должна подчиняться и философия, заключается, по мнению Гуссерля, в том, что оправдание всего нашего познания следует искать в данных непосредственного созерцания, в интуиции. Но при этом оставалось неясным, как же быть с теми суждениями, которые не поддаются подобной проверке? Эти сомнения касались, в первую очередь, утверждений о существовании предметов, данных в непосредственном созерцании. Вопрос о реальном существовании объектов не может быть с очевидностью решен при помощи непосредственных данных.

Соответствуют ли нашим восприятиям какие-либо внешние предметы, служащие причинами этих восприятий? Данный вопрос находится, с точки зрения феноменологии, вне пределов непосредственного знания. Это вопрос той или иной философской позиции. Но здесь вступает в силу другой основной принцип, на который, как мы уже отмечали выше, опирается феноменологическая философия - принцип беспредпосылочноети. Гуссерль же хочет следовать той или иной принятой философской теории, отказывается принять ту или иную философскую доктрину в качестве готовой предпосылки. В этом он видит одно из условий подлинной научности философии.

Свой отказ занять какую-либо принятую философскую позицию Гуссерль, в первую очередь, относит к так называемой естественной установке, с которой обычно начинается человеческое сознание. Общая предпосылка естественной установки выражает, по мнению Гуссерля, определенную философскую позицию. Она заключается в том, что я нахожу пространственно-временную действительность, которая мне противостоит ,и к которой я сам также принадлежу, налично существующей; я приписываю наличное бытие ей, такой, какой она мне дается [4, 63-64].

Для Гуссерля, который заявлял о своем нежелании придерживаться какой-либо предвзятой теории, эта естественная установка неприемлема. "Вместо того, чтобы оставаться в этой установке, мы постараемся изменить ее радикально", - пишет он.

Гуссерль надеется радикально изменить естественную установку с помощью определенной операции, которую проводим мы в нашем сознании - с помощью приема воздержания. Он так описывает суть этого приема воздержания: мы не отбрасываем тезис естественной установки, согласно которому мир налично существует. Поскольку мы ничего не отрицаем, то наше убеждение в наличности мира также никак не меняется. "И все же оно претерпевает определенную модификацию,- пишет Гуссерль, - в то время, как оно остается тем, что оно есть, мы ставим его "вне игры", "исключаем его". Мы "заключаем его в скобки". "Оно все еще находится здесь, как нечто, заключенное в скобки, находится в скобках... Мы можем также сказать: этот тезис все еще переживается, но мы его просто не употребляем" [5, 54].

Итак, мы воздерживаемся от употребления положения (которое все еще переживается нашим сознанием) о наличном существовании объектов, соответствующих данным непосредственного созерцания.

Гуссерль обещает, что прием воздержания, прием "эпохэ", он использует для открытия и исследования совершенно новой области: "Наше намерение касается новой научной области, такой, которая может быть добыта при помощи метода заключения в скобки" [4, 67]. Гуссерль несколько забегает вперед и заявляет, что эта новая область бытия, которая до сих пор не была отграничена, есть не что иное, как "чистое переживание", "чистое сознание". Именно эта новая сфера бытия есть то, что остается после феноменологического исключения мира. Гуссерль все время подчеркивает, что, применяя метод заключения в скобки, метод феноменологического "эпохэ", воздерживаясь от суждения о реальности мира, ставя веру в эту реальность "вне игры", мы не остаемся перед ничто, перед пустотой. Мир, данный в нашем опыте, продолжает оставаться для меня и впредь, и при этом опыт продолжает иметь то же содержание, что и до того, как мы начали воздерживаться от суждений о его реальности. Вся разница только в том, что я, как философски мыслящий субъект, не придаю этому опыту естественную веру в реальное существование мира.

Нельзя не видеть, что в основе вышеприведенных философских построений лежит определенное понимание природы и структуры сознания.

Обратим прежде всего внимание на процедуру "эпохэ". Прием воздержания, предложенный Гуссерлем, может быть основан на предположении, что в содержании сознания имеются разные уровни, отличающиеся по степени актуализации. Определенное содержание наличествует в настоящий момент в сознании, "оно все еще переживается", как говорит Гуссерль, но оно как бы отодвинуто на второй план, сознание не занимается им, оно не включается в систему отношений, существующих между остальными моментами, частями содержания сознания. Оно остается, как выражается Гуссерль, "вне игры", "мы его просто не употребляем".

Но предположение об этих разных уровнях сознания, вернее о разных уровнях актуализации содержания сознания, само связано с другой предпосылкой. Именно: оно опирается на имплицитное допущение, что жизнь сознания не есть стихийный, неуправляемый процесс, течение которого целиком определяется внешними воздействиями. Напротив, признается, что личность, носительница сознания, активно вмешивается в определение направления жизни сознания. Она может в соответствии с потребностями, возникающими на определенной стадии, ступени жизни вообще или познания в частности отодвинуть некоторое содержание сознания на задний план, "выключить его из игры". Соответственно, другая часть содержания сознания актуализируется, сознание занимается ею, поглощено ею.

Такова, на наш взгляд, модель сознания, его структуры, с необходимостью предполагаемая философской доктриной "эпохэ" и соответственно феноменологической теорией, составной частью которой и является требование "эпохэ", воздержания.

Нельзя не видеть, что эта модель абсолютизирует одну из сторон, черт, характеризующих сознание, одну из способностей, которая имеется у сознания.

В каждодневной жизни мы часто встречаем это умение - выключать из игры часть содержания сознания, неаннулируемую часть, которая все еще переживается, но которая просто не применяется, не актуализируется. Без учета этой способности многие поступки людей, с которыми мы сталкиваемся в повседневной жизни, были бы необъяснимы: только допустив у личности способность отодвигать на задний план, выключать из "игры" нежелательное для нее в данный момент содержание сознания, можно объяснить поступки людей, которые в обыденной жизни именуют "неожиданными". Под ними обычно имеют в виду поступки человека, противоречащие общему укладу личности или его программе, принятой им в качестве руководства своей жизнью. Когда человек, признанный честным и принципиальным, проявляет непоследовательность при оценке явлений, неприемлемость которых не вызывает сомнения, обычно говорят, что не ждали от него такого поступка.

Во всех подобных случаях вряд ли есть смысл допускать коренной перелом во взглядах и установках личности. Чаще всего, тем труднее бывает допустить такой перелом, что за исключением одного или двух случаев индивид как личность остается верным своим жизненным идеалам и установкам. Скорее всего здесь надо говорить о другом: индивид, личность знает о неприемлемости того или иного явления, располагает адекватной оценкой этого явления, но это знание, эту оценку отодвигает на задний план сознания, оставляет его "вне игры", просто не "применяет его".

Способность всегда, при всех обстоятельствах, актуализировать имеющуюся адекватную оценку событий, присуща тому типу людей, которых обычно именуют "бескомпромиссными", "последовательными" и т. д.

Тот факт, что способность отодвигать на задний план некоторое содержание, выключать его из игры, присуща сознанию, подметил и удачно использовал С. Великонский при анализе творчества А. Камю. Он пишет: "Посторонний (речь идет о романе Камю. - А. Б.) словно "заключает в скобки" по феноменологическому способу гражданские, семейные, этические нормы окружающих, да и всякого совместного людского общежития как ненужную скорлупу рассудочных условностей, вышелушивая подавленное ими изначальное антропологически-телесное ядро личности и только его нарекая неподдельным" [3, 13].

Подобных примеров описания использования героем приема "заключения в скобки", "выключения из игры" в художественной литературе, особенно в новейшей, можно встретить немало. Это могло бы составить тему для особого исследования. Нам достаточно отметить, что, предложив процедуру "эпохэ", процедуру воздержания от утверждения реальности внешнего мира, Гуссерль имел в виду реальную способность, присущую человеческому сознанию - способность отодвигать на задний план, "выключать из игры" часть содержания, не применять его.

2. Переходя к рассмотрению неопозитивистской концепции сознания, мы обнаруживаем, что она также основана на абсолютизации одной из особенностей сознания.

Неопозитивисты стремились найти достоверные данные, надежность которых нельзя поставить под сомнение. К этим непосредственным данным они собирались свести все наше знание с тем, чтобы проверить его истинность. Те положения, которые путем различных преобразований удавалось свести к этим надежным, достоверным данным, объявлялись инстинными, другие - ложными.

Эта процедура проверки истинности, или, иначе говоря, процедура верификации, ставила со всей остротой проблему достоверных, надежных данных, надежность которых не вызывала сомнения и которые сами должны были придать ранг истинности и достоверности всей системе нашего знания. Где нужно было искать эти наиболее достоверные данные? Можно найти некоторые различия в ответах на этот вопрос, которые предлагаются различными группами или отдельными представителями неопозитивизма, но суть всех их одна: наиболее достоверны данные непосредственного опыта. К ним, к этим достоверным данным непосредственного опыта, предлагалось свести все наши знания, все предложения, входящие в систему нашего знания. Неопозитивисты полагали, что при помощи подобных сведений удастся проверить истинность наших знаний. Предложения, которые согласуются с данными непосредственного опыта, следует признать истинными, другие - ложными. Процедура проверки истинности предложений путем сведения к данным непосредственного опыта, получила название эмпирической верификации. Те предложения, которые не поддавались эмпирической верификации, т. е. которые нельзя было свести к данным непосредственного опыта, объявлялись бессмысленными, и их предлагалось изъять из научного и каждодневного обихода.

Процедура эмпирической верификации наталкивалась, однако, на ряд трудностей. Одна из них представляла особые хлопоты неопозитивистам и особенно представителям той группы, которая получила название логического позитивизма. Коль скоро признавалось, что наиболее достоверны данные непосредственного, актуально, здесь и сейчас осуществляемого опыта, то верификация должна была принять характер "здесь и сейчас верификации", т. е. верификации, осуществляемой с помощью данных, полученных "здесь и сейчас".

Неопозитивисты предпринимали немало усилий, чтобы избежать этой трудности. С этой целью они попытались несколько видоизменить принцип эмпирической верификации.

Нам нет нужды вдаваться в рассмотрение подробностей этой трансформации, тем более, что, по мнению многих исследователей и историков неопозитивистской философии, эти попытки не были успешными. Нам следует обратить внимание на следующее: неопозитивистские философские построения предполагают различение по познавательной ценности двух состояний сознания. Достоверными данными нужно считать лишь те содержания нашего сознания, которые переживаются нами "здесь и сейчас". Только они имеют подлинную познавательную ценность. Мы должны к ним свести путем соответствующих преобразований все другое наше

знание, придав последнему с помощью этой операции такую же достоверность, которой обладают непосредственные данные.

В отличие от феноменологического "эпохэ" з неопозитивистской доктрине не признается ничего, что переживалось бы как содержание сознания, но что было бы "выключено из игры", было бы отодвинуто на задний план. Не допускается существование неактуализированно-го содержания сознания.

Нетрудно заметить, что неопозитивизм и феноменологическая философия предлагают противоположные друг другу трактовки природы сознания и его структуры.

Как уже говорилось, введение метода воздержания, "заключения в скобки" возможно лишь при предположении, что в каждый данный момент наше сознание может иметь содержание двух различных уровней. Один уровень - это та часть содержания, которая актуализирована, над которой сознание "работает", которая, таким образом, используется при построении философского мировоззрения, при построении феноменологической философии. Другой уровень - это та часть содержания, которая, хотя и переживается, но "заключена в скобки", "выключена из игры", "не употребляется", которая, таким образом, не должна участвовать в создании философского миропонимания.

Философская доктрина неопозитивизма основана на допущении, что в сознании нет уровней, различающихся по степени актуализации, нет содержания, отодвинутого на задний план, "выключенного из игры". Для них все теоретическое содержание сознания "включено в игру", актуализировано. Оно в полном составе используется в тех манипуляциях, которые предлагаются позитивистской философией. В основу всего кладутся непосредственные данные чувств, и все содержание нашего знания сводится к ним, получая таким образом подтверждение своей достоверности. Та часть, которую не удается свести к этим непосредственным данным, признается бессмысленной, и ее предлагается отбросить.

Вместе с отказом от различения уровней актуализации содержания сознания отпадает и необходимость допущения активности личности при определении структуры содержания сознания. Как уже говорилось, допущение уровней сознания, отличающихся по степени актуализации содержания, требовало признания активности личности. Она могла и должна была определить в соответствии со своими потребностями, в данном случае в связи с потребностями в построении философской системы, какую часть содержания оставить без применения, "выключить из игры" и какую, наоборот, актуализировать. Отказ от первой предпосылки делает излишней, "неуместной" и вторую. Модель сознания, лежащая в основе неопозитивистской доктрины, построена на совершенно ином понимании активности личности при определении содержания сознания.

В неопозитивизме, конечно, говорить об активности личности для актуализации одной части содержания сознания и для воздержания от применения другой невозможно, поскольку структура сознания, предлагаемая неопозитивистской философией, построена на допущении, что в сознании все актуализировано, все содержание сознания, может быть и должно быть актуально "включено в игру", должно быть подвергнуто последовательному анализу.

Очевидно, что активность личности, о которой можно говорить в рамках неопозитивистской концепции сознания, может быть направлена только на последовательное осуществление анализирующей деятельности.

Когда говорят, что в неопозитивистской доктрине предполагается актуализация содержания сознания, то нужно иметь в виду двоякий смысл этого утверждения: во-первых, согласно представлениям неопозитивистской философии, все опытное содержание нашего сознания постоянно "находится в работе", оно анализируется, очищается от предложений, признанных бессмысленными.

Во-вторых, в результате анализа все теоретическое содержание нашего сознания сводится к актуально переживаемым непосредственным данным, уподобляется этим последним, получая наиболее высокую степень ясности и достоверности.

Высказанное дает возможность заметить, что и учение неопозитивистов, и доктрина феноменологии, и вслед за ней, как увидим ниже, философия экзистенциализма предполагают определенное понимание структуры и природы сознания. Модели сознания, имплицитно подразумеваемые этими философскими учениями, основаны на абсолютизации противоположных друг другу свойств, присущих сознанию.

Метод феноменологического "эпохэ", метод воздержания, сосредоточивает внимание в первую очередь на способности сознания выключать часть содержания "из игры". Неопозитивистские принципы анализа предложений, тождества смысла предложений и их эмпирической верификации основаны на абсолютизации противоположного свойства, присущего сознанию человека, - способности актуализировать любую часть содержания сознания, сделать ее предметом последовательного и, порой, беспощадного анализа.

Когда мы говорим об абсолютизации тех или иных сторон, свойств нашего сознания представителями вышерасемотренных философских течений, следует помнить, что здесь не приходится говорить об абсолютизации в 'полном смысле этого слова, об абсолютизации, которая влечет за собой ряд далеко идущих метафизических последствий. В данном случае можно говорить об абсолютизации лишь в том смысле, что оба названных основных философских течения современности в своих рассуждениях имеют в виду, в первую очередь, одну из особенностей сознания и на ней основывают свои построения.

Эта приверженность к абсолютизации той или иной стороны, того или иного свойстза человеческого сознания определила и ту роль, которую названные философские учения играют в духовной жизни современного Запада. Неопозитивизм, как философское течение, формировался и развивался в условиях духовного кризиса, когда под вопрос была поставлена плодотворность многих идеалов западной цивилизации и многих "институтов цивилизации". В этих условиях неопозитивисты выступили с требованием последовательного и беспощадного анализа всех принятых верований и знаний, полагая, что лишь такой анализ может спасти людей от многих бед, которые на них навлекла современная цивилизация. Пафос неопозитивистской философии - в утверждении того, что ни что не должно приниматься на веру, все должно подвергаться критическому анализу и лишь то, что выстоит при таком анализе, имеет право на существование.

Как мы уже отмечали, эта тенденция в духовной жизни Запада, которая проявилась в неопозитивистской философии, теснейшим образом связана с определенным представлением о структуре сознания. Она основана на абсолютизации способности нашего "сознания полностью актуализировать свое содержание, освещать его светом последовательного анализа. Примерно та же духовная ситуация, о которой говорилось выше, породила и другое распространенное течение современной западной мысли - феноменологию и вслед за ней и экзистенциализм.

Феноменология, как уже было сказано, абсолютизирует способность нашего сознания "выключать из игры" определенную часть своего содержания. Эта модель сознания, выдвинутая феноменологической философией, была в значительной мере использована экзистенциализмом и во многом предопределила ответы, которые экзистенциалисты дают на острые вопросы, поставленные современной эпохой перед мыслью Запада. Экзистенциалисты полагают, что в современных условиях человек должен углубиться в себя, найти в себе самом ресурсы и возможности, которые позволили бы ему придать истинный смысл имеющимся социальным и юридическим установлениям. Эти поиски "самого себя", поиски такого содержания сознания, которое придало бы смысл всему человеческому существованию, опирается на предпосылку о том, что часть содержания сознания "выключена из игры", "заключена в скобки" и что если раскрыть скобки, включить в игру эту часть содержания сознания, человек сможет по-новому взглянуть на многие культурные и социальные установления, многие институты цивилизации обретут для него новый смысл [см. 1, 23-24].

Вообще, когда мы говорим о том влиянии, которое феноменологическая философия оказала на экзистенциализм, то в этой связи, в первую очередь, следует упомянуть метод "заключения в скобки", метод "эпохэ". Весь пафос экзистенциалистического учения заключается в обращении к тому содержанию сознания, которое как бы "выключено из игры", не участвует при определении поведения человека в обыденной жизни.

3. Как и можно было предположить, имплицитное использование противоположных сторон, свойств сознания в неопозитивизме и экзистенциализме стало основой для не менее противоположных эксплицитных учений о природе сознания.

Неопозитивисты рассматривали сознание в одном плане - все содержание сознания, по их мнению, было актуализировано, освещалось, светом анализа. Не признавалось наличие второго плана сознания, "выключенного из игры", "заключенного в скобки". Соответственно не признавалась и необходимость активности личности, которая должна! была решить, какую часть содержания "включать в игру" и какую нет.

Этот отказ от признания внутренней структуры сознания привел в дальнейшем к отказу от допущения сознания вообще. Поспешим оговориться, что отказ от допущения сознания в неопозитивистской; философии был обусловлен исходными принципами этого учения. Но нельзя ставить под сомнение и то, что отказ от признания внутренней структуры сознания, стремление ограничить содержание сознания актуально анализируемыми данными облегчили отказ от признания сознания в качестве одной из основных и независимых сфер реальности.

Говоря о том, что можно вообще обойтись без допущения сознания, Б. Рассел ссылается на известную работу В. Джеймса "Существует ли сознание?".

То, что обычно подразумевают под душой, писал В. Джеймс, есть не что иное, как название для того факта, что содержание опыта известно. Я уверен, заключает Джеймс, что "сознание, испарившись до состояния - полной прозрачности, находится на грани полного исчезновения. Оно есть имя несуществующего объекта, и ему нет - места среди первых принципов" [6, 8]. Отказавшись от сознания, неопозитивисты, включая сюда и Б. Рассела на его позитивистской стадии развития, встают, однако, перед вопросом: что же должно занять место сознания? Они прибегают к помощи бихевиористской психологии и утверждают, что изучение навыков и поступков людей, которые могут быть восприняты в опыте, может заменить исследование сознания.

Обратимся опять к примеру Б. Рассела. Рассел отказывается не только от допущения сознания, но также и от субъекта. Субъект необходим в том случае, если на него ложатся определенные функции - он должен осознать объекты и стимулы, идущие от предметов. Поскольку Рассел отказывается от допущения сознания и полагает, что ссылки на навыки достаточно для объяснения всей нашей деятельности и что возникновение этих навыков можно объяснить, минуя сознание, то для него исчезает и надобность в субъекте. "Субъект оказывается логической фикцией вроде математических точек или мгновения", - пишет он. "Его вводят не потому, что наблюдение наталкивается на него, а потому, что он создает лингвистические удобства и грамматика нуждается в нем... Мы должны отбросить субъект как один из актуальных ингредиентов мира" [6, 141-142, 2, 65]. Наряду с Б. Расселом, Р. Карнап, О. Нейрат и другие неопозитивисты старались показать, каким образом на место сознания можно поставить описание чувственно-наблюдаемых поступков.

Такова та эксплицитная теория сознания, которая как следствие вытекает из модели сознания, имплицитно предполагаемой неопозитивистской философией.

А теперь посмотрим, каковы те эксплицитные выводы, которые следуют из модели сознания, подразумеваемой феноменологической философией и вслед за ней и экзистенциализмом. Как уже отмечалось, выше, в основе этой модели лежит убеждение в том, что жизнь сознания есть управляемый процесс - личность сама решает, в соответствии со своими потребностями, какую часть содержания сознания: "включить в игру", актуализировать и какую, наоборот, "заключить в скобки", оставить "вне игры".

Раз допускается, что жизнь сознания есть управляемый процесс, то невольно встает вопрос о той инстанции, ориентируясь на которую личность направляет жизнь сознания, или, точнее говоря, о той инстанции, которая побуждает личность направить жизнь сознания не в ту, а в эту сторону. Поскольку речь идет об инстанции, которая должна направлять жизнь сознания, то очевидно, что эту инстанцию не следует искать в пределах самого сознания. Поэтому экзистенциалисты часто обращаются к проблеме бессознательного и его влиянию на жизнь сознания. Наиболее интересны в этом плане соображения Ж.-П. Сартра, (высказанные им в книге "Бытие и ничто".

Основная идея, из которой исходит Сартр и которую он настойчиво подчеркивает, заключается в следующем: поведение индивида, его склонности, желания и т. д. не есть стихийный, неуправляемый процесс. Они определены всем строем личности, точнее говоря, первоначальным проектом, в котором и с помощью которого индивид выбирает самого себя. "Поскольку мы допускаем, что каждая личность есть целостность, - рассуждает Сартр, - мы не можем полагать, что воссоздадим ее при помощи прибавления друг к другу различных склонностей, которые мы обнаруживаем путем наблюдения за данной личностью. Наоборот, в каждом стремлении, в каждой склонности она выражает себя целиком... немного наподобие того, как спинозистская субстанция выражает себя полностью в каждом своем атрибуте. Поскольку это так, - заключает Сартр свое рассуждение, - мы должны в каждой склонности субъекта, в каждом его поведении искать значение, которое трансцендирует, выходит за пределы этого поведения или склонности" [7, 650].

Под трансцендирующим значением Сартр имеет в виду тот факт, что в каждом акте проявляется личность целиком и, поскольку значение акта выходит за пределы самого себя, за пределы данного отдельного акта, оно есть проявление целой личности. Так, например, поясняет Сартр, когда я гребу по реке, то я целиком здесь, в этом проекте, который я избрал и который побуждает меня грести [ср. 1, 74-75].

"Но этот проект самого себя, поскольку он есть целостность моего бытия, выражает мой первоначальный выбор в этих частных обстоятельствах, он есть не что иное, как выбор самого себя как целостности в этих обстоятельствах" [7, 651].

Но, поскольку каждый акт поведения индивида, каждое движение его души есть проявление целой личности, очевидно, что мы никак не можем ограничиться простым эмпирическим описанием этих феноменов, не можем

ограничиться составлением списка этих поведений, склонностей и устремлений - "...необходимо еще их расшифровать, иначе говоря, надо уметь их допрашивать. Это расследование нельзя вести иначе, как в соответствии с правилами специфического метода. Этот метод мы называем экзистенциалистским психоанализом", - пишет Сартр [7, 656].

В дальнейшем Сартр поясняет, как следует понимать этот метод экзистенциалистского психоанализа. Его принцип состоит в утверждении, что человек есть целостность, а не коллекция. Следовательно, человек выражает себя полностью в самом даже незначительном и поверхностном своем поведении. Это значит, что вкус, непроизвольное движение, каждый человеческий акт есть разоблачение. Термин "разоблачение" Сартр употребляет для обозначения того факта, что каждый акт поведения человека есть проявление его целостной личности, определяется этой целостностью. Каждый акт, таким образом, при соответствующем анализе может помочь найти, нащупать эту целостность личности. В основе этой целостности, по Сартру, лежит первоначальный выбор самого себя, "первичный проект", который мы выбрали как свое бытие и согласно которому определяем самого себя.

Сартр указывает на то, что этот метод расшифровки душевных движений человека намечен в психоанализе Фрейда и его учеников. Поэтому он считает необходимым выяснить, чем обязан экзистенциалистский психоанализ фрейдистскому психоанализу и чем отличается от него.

Прежде чем рассмотреть специфические черты сартровского психоанализа, обратим внимание на следующее. Как мы могли убедиться, согласно концепции Сартра, психическая жизнь человека есть управляемый процесс. Первоначальный "выбор самого себя", первоначальный проект, на основе которого конституируется личность, определяет все желания, наклонности, все поведение человека, точнее говоря, цельная личность проявляется во всех этих актах. Поэтому изучение жизни сознания у Сартра превращается в расшифровку каждого акта сознания, в допрос, расследование, имеющие своей целью вскрыть этот первоначальный проект, которым определяется вся жизнь сознания и все поведение человека. Здесь уже Сартр обнаруживает, что эта его работа очень походит на фрейдовский психоанализ, на поиски того бессознательного, которое определяет всю деятельность сознания.

Однако исходные принципы философии Сартра, которую на этой стадии он называет "монизмом феноменов", находились в противоречии с подобной схемой, основанной на допущении невоспринимаемой сущности, стоящей за воспринимаемыми феноменами [7, 11].

Поэтому он старается отмежеваться от психоанализа Фрейда. Но отмежевывается Сартр только в одном пункте: он не признает тех факторов, которые Фрейд положил в основу своего психоанализа,- он решительно против и либидо, и воли к власти и т. п. Однако он принимает путь психоанализа, который ведет от повседневной жизни сознания к нескольким факторам, играющим определяющую роль в отношении сознания, и прежде всего он выделяет здесь первоначальный выбор, которым личность конституирует себя.

4. Подытожим сказанное: мы имели возможность убедиться, что в современной западной философии можно выделить две, противоположные Друг другу концепции природы и структуры сознания. Противоположны они не только по своему содержанию, но также по той роли, которую играют в духовной и культурной жизни современного Запада.

Неопозитивистская доктрина абсолютизирует одну сторону сознания - нашу способность актуализировать содержание сознания, подвергать его последовательному анализу. Модель сознания, подразумеваемая неопозитивистским учением, основана на допущении, что в содержании нашего сознания нет разных уровней, отличающихся по степени актуализации, соответственно нет сторон, моментов, которые были бы "выключены из игры", отодвинуты на задний план.

Согласно этой модели, в содержании нашего сознания все актуализировано, все подвергается, или должно быть подвергнуто, последовательному анализу.

Место неопозитивизма в духовной жизни современного запада определяют именно его претензии "анализирующего" учения. Его призывы к последовательному, подчас разрушительному анализу принятых верований и убеждений снискали этому течению среди определенного круга историков философии имя "иконоборческого".

В развитии неопозитивистской концепции сознания мы наметили определенную закономерность: последовательное осуществление модели сознания, имплицитно подразумеваемой неопозитивистской доктриной, перерастает в эксплицитную теорию отрицания существования сознания.

Экзистенциалистская философия, которая во многом обязана феноменологической теории, подчеркивает, вслед за феноменологией, способность нашего сознания выключать некоторую часть содержания "из игры". Модель сознания, подразумеваемая экзистенциалистской доктриной, предполагает наличие у нашего сознания сложной внутренней структуры, наличие уровней, отличающихся но степени актуализации.

Соответственно этому в духовной жизни современного запада экзистенциализм выступает как учение, призывающее человека "углубиться в самого себя", найти в самом себе "ресурсы" для преодоления возникшей кризисной ситуации.

Для этого предлагается актуализировать в содержании нашего сознания моменты, отодвинутые в повседневной жизни на задний план, как бы ."выключенные из игры".

В развитии экзистенциалистской концепции также можно подметить определенную закономерность. Идея наличия в нашем сознании различных уровней, различающихся по степени актуализации, предполагает предпосылку, что жизнь сознания есть управляемый процесс или, говоря иначе, что личность в соответствии со своими потребностями может либо "заключать в скобки" некоторую часть содержания сознания, "оставлять его вне игры" (как это предлагалось методом феноменологического "эпохэ"), либо, наоборот, оживлять, актуализировать, "включать в игру" те моменты содержания сознания, которые отодвинуты в повседневной жизни на задний план, которые как бы "заключены в скобки".

Но предпосылка, что жизнь сознания есть управляемый процесс, неизбежно ставит вопрос о той инстанции (если употребить этот несколько грубоватый термин), которая дает направление течению процессов сознания.

Поиски этой инстанции привели Сартра к психоанализу Фрейда. Хотя он и отмежевывается от фрейдовского психоанализа, но в одном он солидарен с ним; что следует идти по пути, который помог бы выйти за пределы осуществляемой "здесь и сейчас" жизни сознания.

Специфика исходных положений философии Сартра определяет его враждебное отношение к бессознательному, и на место этого последнего он предлагает поставить понятие "первичного проекта", "первичного выбора" и т. д. Но в его учении интересны не его возражения против бессознательного (кстати, сделанные бегло и неубедительно), возражения, отражающие специфику его учения, а другая сторона его теории, выражающая общую закономерность развития вышеназванной теории сознания: идея о том, что следует искать пути, которые помогли бы выйти за пределы "здесь и сейчас" осуществляемой жизни сознания и найти там, вне пределов сознания, факторы, определяющие направление жизни сознания.

До заключения о том, что эти определяющие факторы следует искать в конечном счете в социальной природе человека, в его общественном бытии, мысль Сартра, конечно, не поднимается.

24. The Conceptions of Consciousness in Modern Western Philosophy. A. Th. Begiashvili

Tbilisi State University, Department of Philosophy and Psychology

Summary

The conception of consciousness implied by Phenomenology and Existentialism presupposes the presence of various levels of the contents of consciousness, differing in their degree of actualization. Consciousness is not a spontaneous process but is controlled by the personality, the bearer of consciousness that is capable of pushing one part of the contents of consciousness into the background and of actualizing another. To Neopositivists the entire content of consciousness is actualized since it must be subjected to consistent analysis. The person's activity must be directed toward carrying out analysis. Adherence to one of the above-mentioned models of consciousness largely determines the role the philosophical doctrines cited above play in the spiritual life of present-day West. The Neopositivists call for an analysis of all conventional beliefs and institutions, whereas the Existentialists appeal for a deepening into one's genuine being. Explicitly formulated, neopositivist doctrines of consciousness end up in the negation of consciousness, while existentialists endeavour to elaborate their own version of Psychoanalysis.

Литература

1. Бегиашвили А. Ф., Неопозитивизм и экзистенциализм, Тбилиси, 1975.

2. Бегиашвили А. Ф., Проблема начала познания у Б. Рассела и Э. Гуссерля, Тбилиси, 1969.

3. Великовский С., Критика философско-идеологических основ экзистенциалистского миросозерцания во Франции XX века, автореферат докторской диссертации, 1974.

4. Husserliana, B. Ill, Haag, 1958.

5. Husserl, E., Ideen... B. I, Halle, 1913.

6. Russell, B., The Analysis of Mind, New York, 1921.

7. Sartre, J. P.. L'Etre et le Neant, Pans, 1943.

26. Эмманюэль Мунье и Зигмунд Фрейд: персоналистская критика фрейдовского учения. И. С. Вдовина

Институт философии АН СССР, Москва

Психоанализ 3. Фрейда и его последователей является не только составной частью современного психологического учения, но и одним из ведущих направлений в буржуазной философии Запада. Можно отбросить претензии фрейдистов на создание некоего нового мировоззрения, однако постановка и клинический анализ ряда проблем мотивации и структуры личности, осуществленные 3. Фрейдом, будут постоянно требовать философского (то есть в конечном итоге мировоззренческого) осмысления. Более того, постановка психоанализом вопроса о природе человека, подходы и методы его изучения во многом совпадают с тем, как эта проблема трактуется в современной философской антропологии феноменологическо-экзистенциального направления [1].

Учение 3. Фрейда возникло на рубеже двух эпох в философии, когда в трактовке проблем человека на смену натуралистической традиции, связанной прежде всего с именами таких мыслителей, как Декарт, Спиноза, Гоббс и др., шла новая иррационалиетическо-феноме-нологическая (Шопенгауэр, Ницше, Гуссерль). Психоанализ как раз и явился тем сложным образованием, в котором пересекались пути прежних философских исканий с новыми и которое объединило в себе натуралистические тенденции, основанные на традициях механистического естествознания, и антинатуралистические, предполагающие иные способы постижения человеческой реальности.

Чем интересно в данном случае отношение персоналиста Э. Мунье к философским выводам 3. Фрейда и вообще французского персонализма к психоанализу? Французский персонализм, являясь звеном современной феномеиологическо-экзистенциальной философии, тем не менее занимает в нем особое положение. Прежде всего следует отметить, что французский персонализ-м берет насебяроль критика современного философского антропологизма, к которому сам принадлежит, и эту функцию он выполняет с позиций религиозного идеализма: в своей критике феномечологическо-экзистенциальной философии персонализм не только отвергает ее выводы безрелигиозяого содержания, но стремится подвести любое из ее решений к "принятию христианства". Персоналисты, вскрывая реальные просчеты и противоречия современного антропологизма, как бы достраивают его здание до христианско-эсхатологического уровня, видя в тупиках мыслительных ходов его представителей недостающий Абсолют.

В этом плане психоанализ 3. Фрейда с его учением о бессознательном является предметом постоянной критики основоположника французского персонализма Э. Мунье, перед которым стоят три задачи: во-первых, ввести психоанализ в лоно феноменологическо-экзистенциальной философии, к которой он близок по своей нацеленности на выявление человеческого своеобразия и используемым методам, очистив его при этом не только от механически-натуралистических тенденций, но и от той доли научности, которой он первоначально располагал; во-вторых, выявить слабые места психоанализа как элемента феноменологическо-экзистенциального направления в философии и в третьих, указать пути преобразования психоанализа на религиозно-идеалистических началах.

Известно, что 3. Фрейд и его последователи разработали определенную теорию бессознательного - вначале как узко клиническую концепцию, имевшую целью объяснение природы истерии и неврозов, а затем расширили иоле деятельности открытого таким образом психоанализа за пределы психологии и психотерапии до общего понимания природы человека. Если их клиническая деятельность первоначально формировалась под влиянием эмпирического наблюдения и клинических фактов и дала реальный материал для науки о бессознательном, то последующие экстраполяции в область философской антропологии не только привели к ложной в своей основе общефилософской концепции человека, но и, оказав значительное воздействие на психоаналитическую практику, направили ее в сторону, далекую от научной. Тем не менее, фрейдовское учение о человеке создавало видимость

научной теории: во-первых, потому, что оно выдвигалось как результат и обобщение клинической психоаналитической практики, во-вторых, потому, что в нем были сильны влияния традиций механистического естествознания. Именно эти обстоятельства и послужили причиной резкой критики учения Фрейда со стороны персоналиста Э. Мунье.

Выдвинув в качестве предмета философии личностное бытие, внутренний мир субъекта, персоналисты противопоставили философию наукам о человеке и, прежде всего, психологии, которая, исследуя специфически психические явления, тем самым в определенном аспекте ставит з центр своих исследований и проблему индивидуального бытия. Отграничение философии от конкретных наук о человеке (психологии, социологии, истории, этнографии и др.) совершается в персонализме под знаком критики этих наук особенно там, где они претендуют на более общее, философское освещение проблем человека, выходящее за пределы конкретных научных дисциплин и требующее, с точки зрения персонализма, иных, нежели конкретно-научные, методов и способов исследования. Такая позиция по отношению к конкретным наукам о человеке и научному способу исследования является общей длл всей феноменологическо-экзиетенциальной философии. Основная посылка, которую принимают все виды философии этого типа, заключается в том, что исследование человеческой субъективности как основного предмета философии возможно только при условии отвлечения от природных и исторических феноменов и обращения к неким "непосредственным", "внутренним" элементам человеческого бытия, которые имеют "универсальное, интерсубъективное и абсолютное значение" [3, 13].

Пероналистская критика фрейдовского учения резко направляется в этой связи против элементов научного анализа, которые обнаруживались в первоначальных поисках психоаналитика. Для Э. Мунье Фрейд-философ "остается человеком XIX века, упрямым позитивистом и детерминистом" [5, 581]. Особое возражение персоналиста вызывает "объективистско-аналитическое" изучение внутреннего мира личности. Справедливо порицая механистические тенденции, которые наблюдаются в психоанализе, Мунье вместе с тем вообще отрицает научный способ исследования человеческой индивидуальности. При объективном изучении человека, считает он, отвергается субъективная область человеческого "я"; те "тревожащие бездны", которые распахиваются перед, психоаналитиком, когда он соприкасается с "ядром психической жизни", подменяются "твердой почвой" объективного, которое исследуется "с помощью частичных операций" [5, 10]. Согласно Мунье, учение о внутреннем мире человека "менее, чем какая-либо другая область, является объективной наукой" [5, 11]. Он полагает, что при помощи лабораторных исследований (читаем: объективного изучения), ценных там, где речь идет о типических реакциях, общих функциях и закономерностях психики индивидов, невозможно выявить индивидуальные различия и тем более невозможно обнаружить "финальный корректив" личности, ее "конечное единство", благодаря которому, несмотря на детерминированность индивида "абстрактными и безличностными процессами" (здесь имеется в виду вся область реальной жизни человека, начиная от географических, демографических, экономических, политических и т. п. факторов и кончая совокупностью бессознательного) и вопреки этой детерминированности человек обретает личностное существование. Личностное же бытие, утверждает Мунье, это не объект, который можно исследовать наряду с другими объектами; специфика личностного бытия заключается в том, что оно определяется "метафизической позицией", той, которая всегда "по ту сторону данного", "за пределами всякой возможной объективной детерминации" [5, 39].

Отсюда следует и другое существенное критическое замечание в адрес фрейдовского учения, касающееся истолкования бессознательного, его места и роли в человеческой субъективности. Э. Мунье не отрицает сам факт существования бессознательного и конститутивное влияние последнего на формирование и активность внутреннего мира личности. Но он принципиально против фрейдовской трактовки бессознательного. Он вновь и вновь разоблачает фрейдизм как новый вариант механистического детерминизма: в концепции Фрейда бессознательное выступает как единственная и незаменимая основа психического, как "чистая изначальность" [5, 131]. В психоанализе, считает Мунье,. все происходит так, как если бы жизнь наделила человека "лишь одной унылой фатальностью" [5, 131]. Решительное его возражение вызывает и фрейдовское стремление свести все "высшие" проявления человеческого духа - мораль, искусство, религию - к модификациям внутренних влечений, тождественных инстинктивной бессознательной деятельности, в результате чего человеческое бытие трактуется как "сплошная животность", а собственно личностные характеристики человека сводятся к безличностному [5, 45].

Приведенные критические замечания Э. Мунье в адрес фрейдизма могут дать основания для предположений о решительное неприятии психоанализа "личностной" философией (персонализмом). Однако такой вывод был бы неточным. Критическая настроенность не мешает Э. Мунье видеть и другую сторону фрейдовского учения, которая делает последнее близким экзистенциально-феноменологическому антропологизму. Эта иная сторона обнаруживается Э. Мунье как своего рода "изнанка" психоанализа, как выводы, которые напрашиваются, а порой и неумолимо следуют из ошибок, просчетов или недоделок этой концепции. Иногда создается впечатление, что персоналист как бы применяет процедуру психоанализа к самому психоанализу, пытаясь выявить скрытые тенденции и возможности развития фрейдовской мысли путем изучения ее недомолвок, описок и т. п. И именно

это ее "несовершенство" выдается персоналистом за ее истинные достоинства и достраивается до выводов в духе феноменологически-экзистенциального антропологизма.

Первое, на что обращает внимание в этом плане Мунье, это попытка Фрейда выявить феномен собственно человеческого и через него объяснить весь человеческий мир. Так, клиническая деятельность Фрейда, в процессе которой он стремился выявить некое "начало" человеческой психики, была в то же время, считает персоналист, анализом "начал" человеческой субъективности, человеческого "я", и как бы ни были неверны все обобщения, к которым пришел Фрейд, он в своей практике имел дело с единичным субъектом, с конкретной личностью, с ее глубинной и неповторимой индивидуальностью, ее "самостью". Обращение Фрейда к архаическим ступеням мышления, исследование им всего жизненного пути пациента и, особенно, его раннего детского возраста оценивается персоналистом как великое открытие не только в психологии, но и в философии, благодаря которому в эти области знания был внесен историзм. Особое внимание Э. Мунье уделяет анализу фрейдовского учения о трех ступенях человеческой реальности "Оно" - "Я" - "Сверх - Я", в котором он видит возможность перехода от "грубой животности" человека к его "драматическому своеобразию".

Тот факт, что Фрейд имел дело со случаями патологии, "драматическими конфликтами", вызванными неожиданным вторжением бессознательного в осознаваемую жизнь индивида, истолковывается персоналистом так, будто обратной его стороной, "нормальным" случаем, от которого отталкивался психопатолог, было "драматическое" единство личности, которое напряженно создается самим субъектом. Это единство личности, ее целостность, персоналист видит всюду и особенно там, где Фрейд обнаруживает лишь ее разрозненные элементы. Так, неустойчивое, постоянно нарушающееся равновесие между "Я" и "Оно" трактуется Мунье в пользу равновесия, то есть личностного единства "здорового", "нормального" человека. Утверждение Фрейда о том, что каждый возраст имеет свой "идеал-Я", истолковывается Э. Мунье как поиски субъектом самого себя, а потребности, между которыми должно выбирать вытеснение, свидетельствуют об изначальном единстве личности. В жесткости психоаналитической формулы "Оно" - "Я" - "Сверх-Я", где средний член, то есть человеческое "Я", как бы зажато в тиски, персоналист усматривает "зарезервированную автономию", о которой психоаналитик никогда не говорит, но которую он постоянно подразумевает [5, 58].

В противоположность 3. Фрейду, который, как отмечает Э. Мунье, признавал в качестве ведущего момента человеческого бытия "укрывшийся в бессознательном принцип удовольствия", персоналист считает необходимым проанализировать сферу "Сверх-Я" как "наиболее высокий импульс, человеческой психики" [5, 133, 580]. Мунье видит большую заслугу Фрейда в том, что он своей трактовкой "Сверх-Я" выделил в человеческом бытии "культурные" образования, берущие начало не в физиологических закономерностях, а в мире культуры, в цивилизации. Однако и здесь, отмечает персоналист, речь идет о несвободе человека, о его зависимости от "культурного" окружения, и поэтому концепция Фрейда требует завершения, выделения еще одной ипостаси человеческого "я", в которой обнаруживались бы собственно человеческие характеристики. В "Сверх-Я" Э. Мунье видит некое "над-я" как новое качество человека, противостоящее всем механизмам и обусловленностям физиологического и культурного порядка и ведущее к личностному единству и личностной автономии.

Психоанализ, по Мунье, своим исследованием человеческого бытия показал необходимость связывать его объяснение не только с историей личности, но и со значениями, аккумулированными в индивидуальном субъекте [5, 45]. Однако если история отдельного индивида уже стала необходимым элементом психоаналитического истолкования человеческой субъективности, то с точки зрения "смысла" и "значения" психоанализ еще предстоит достраивать. Именно в этом направлении, по мнению Э. Мунье, шли Юнг и Адлер, которые четко поставили вопрос о личностном начале в человеке, "одухотворенном руководящей силой" [5, 583].

Работа по достраиванию психоанализа Фрейда до философской концепции, замечает Э. Мунье, требует его уничтожения как психологии по причине абсолютной несовместимости философского и научного знания. Все те выводы в феноменологичееко-экзистенциальном духег которые Э. Мунье усматривает в построениях Фрейда, диктуют отказ от психологии в пользу метапсихологии, которая возвышалась бы над психологической наукой, ограничивала ее горизонты и ее отношения [5, 47]. В качестве же такой дисциплины предлагается традиционная религиозно-идеалистическая доктрина, модернизированная в рамках французского персонализма.

Нетрудно заметить, что персоналистский "психоанализ психоанализа" выявляет, а точнее, с той или иной долей произвольности прочитывает з выводах Фрейда решения и заключения, которые уже сформулированы самими же теоретиками "личностной" философии и положены в основу персонализма. Центральным понятием персонализма Мунье и его единомышленников (iМ. Недонселя, Ж. Лакруа и др.) является понятие "личности", которое определяется следующим образом: "Личность есть духовное бытие, образованное субстанциальным и независимым образом; оно содержит эту субстанцию через свое присоединение к иерархии ценностей, свободно принятых, ассимилированных и пережитых путем ответственного вовлечения..." [4, 69]. Конечным "аргументом"

личности как духа объявляется ее сопряженность с божественной трансценденцией. Как раз перетолкование психоанализа н состояло в том, чтобы обнаружить христианский подтекст фрейдовской антропологии. Достраивая психоаналитическое понимание человеческой реальности при помощи "над-я", Э. Мунье тем самым подводит психоанализ к выводам религиозно-идеалистического содержания.

Если цель Фрейда заключалась в том, чтобы в тех или иных проявлениях человеческого "я" выделить бессознательные влечения "естественного" происхождения, то персоналист в этих же самых проявлениях стремится выявить действие причин "сверхъестественного" порядка. По Фрейду, единство личности, которое просвечивает в психоаналитических построениях, достигается случайно и произвольно; Мунье же видит основу единства личности в ее нацеленности на "сверхбытие", которое выступает как "высший принцип", как "финальный корректив", в соответствии с которым конституируется личностное бытие.

Личностная философия, при помощи которой Э. Мунье стремится достроить психоанализ, требует, по его мнению, нового временного анализа. Введение истории личности в психологический и философский контекст ее субъективности, произведенное Фрейдом, является, с точки зрения Э. Мунье, заслугой психоанализа исключительно по отношению к предшествующей ему психологии и философии человека. Определение личности только через ее предшествующую историю, отмечает персоналист, чревато, по Мунье, двойной опасностью: с одной стороны, субъективность человека жестко детерминируется прошлым, с другой стороны, она предстает как "фиксированное состояние", лишенное будущего. В отличие от Фрейда, для которого прошлое (не только отдельного человека, но и всего человечества) играет решающее значение в объяснении актуального содержания внутреннего мира человека, Э. Мунье говорит о будущем как о "непосредственно данном сознанию" [5, 311], результатом и следствием которого является "настоящее" личностного бытия; иными словами, личность с ее внутренним миром может быть понята только в "божественной перспективе", в перспективе личностного общения между богом и человеком.

Итак, основной упрек, который Э. Мунье адресует психоанализу, состоит в том, что Фрейд в основу своего учения о человеке положил бессознательное, которое в конечном итоге сводится к инстинкту, в результате чего человеческое уподобляется животному. Последующая эволюция учения Фрейда, приведшая к выявлению в человеке "культурного слоя" и отразившаяся в выделении в человеческом бытии уровня "Сверх-Я", хотя и была шагом вперед в постижении человека, тем не менее и в ней лишь открывалась новая область бессознательного - бессознательное коллективное.

Э. Мунье противопоставил психоанализу персонализм, то есть, учение, в котором собственно человеческое (личностное) должно противостоять бессознательному и утверждать человека как сознательного-субъекта своей жизнедеятельности. Личностное начало человека Э. Мунье стремится отыскать в "верхних этажах" его сознания, в его направленности "ввысь", в законодательстве "над-я". При таком понимании человеческой сущности, утверждает персоналист, можно очеловечить психо-биологические инстинкты, не только подчинить их человеческой воле и сознанию, но и выгодно их использовать в качестве конституирующих элементов бытия, поскольку они составляют "инфраструктуру личности и ориентируют индивидуальное мышление и коллективную культуру к простейшим целям [5, 584].

Нельзя не согласиться с Э. Мунье, когда он говорит о необходимости господства человека над внешними структурами своего бытия, об управлении инстинктами и т. п. К. Маркс, говоря о специфике человеческой жизнедеятельности, подчеркивал, что, в отличие от животного, человек "делает самою свою жизнедеятельность предметом своей воли и своего сознания. Его жизнедеятельность - сознательная" [2, 93]. Это актив но-субъективное самопроявление человека означает воздействие его субъективности на природу, причем субъективность человека не задана ему как некая определенность, с которой он "непосредственно сливается воедино..." - "только в силу этого его деятельность есть свободная деятельность" [2, 93]. В этом плане вопросу о личностном мировоззрении принадлежит решающая роль как фактору образования субъективности. В конечном итоге ядром индивидуального мировоззрения является объективное, постоянно расширяющееся восприятие мира и человека. Для персоналистов же, интересующихся исключительно субъективным планом внутреннего мира личности, объективное его содержание выносится за скобки.

Идея о том, что человек не равен самому себе и что он не является полностью детерминированным ни своим прошлым, ни наличной действительностью, которую отстаивает Э. Мунье в полемике с Фрейдом, ставит вопрос о специфических моментах, из которых складывается индивидуальность человека, его личностное "я". Выступая против идеи детерминизма, персоналист приходит к другой крайности - к признанию абсолютной независимости внутреннего мира личности от исторически-конкретной реальности: конституирующим элементом человеческого бытия в персонализме выступает "свободный дух", который лишен осознания исторического опыта, конкретно-реальных отношений. Из признания сферы трансцендентного как области, стоящей над "я", следует сведение

личностного к бессознательному; интеллектуальная устремленность человека признается онтологической структурой человеческого бытия: "самые глубинные" акты человека, его "самые высокие деяния" возникают в нем "без его ведома" [6, 84].

Борьба персоналиста Э. Мунье против психоаналитика 3. Фрейда завершается тем, что сторонники личностной философии лишь переселяют бессознательное, управляющее личностным поведением, из низших слоев психики человека на верхние этажи его "еверх-сознания". В обоих случаях основной мотив человеческого поведения оказывается за порогом сознания - в психоанализе до-сознания, в персонализме после-сознания. Выявив некоторые действительные просчеты в учении 3. Фрейда (абсолютизация роли бессознательного, натуралистическое объяснение человеческой субъективности и др.), Э. Мунье не смог, однако, противопоставить ему более удовлетворительное истолкование человеческого феномена. Обращение же персонализма к традиционным понятиям религиозной философии сразу закрыло для него всякую возможность научного исследования человеческого "я" и обрекло на бесплодное движение в замкнутом круге идеалистических категорий.

26. Emmanuel Mounier and Sigmund Freud: Personalistic Critique of Freud's Doctrine. I. S. Vdovina

USSR Academy of Sciences, Institute of Philosophy, Moscow

Summary

The psychoanalysis of S. Freud and his followers is one of the leading trends of Western bourgeois philosophy. French Personalism, which belongs to the phenomenologico-existential branch of modern bourgeois philosophy, attempts to bring any solution of this branch to "the acceptance of Christianity".

In this connection the critical interpretation of Freud's psychoanalysis carried out by E.Mounier is aimed at: 1. demonstrating the affinity between psychoanalysis and phenomenologico-existential philosophy; 2. revealing the weak points of psychoanalysis as an element of this philosophy; 3. indicating ways of transforming psychoanalysis on an idealistic religious basis.

The personalistic critique of psychoanalysis results in supplementing Freud's conception of man by "superconsciousness", to which the unconscious, constituting the Ego, is transferred.

Литература

1. Кузьмина Т. А., Человеческое бытие и личность у Фрейда и Сартра. В сб.: Проблема человека в современной философии, М., 1969.

2. Маркс К., Энгельс Ф., Из ранних произведений, М. 1956.

3. Merleau-Ponty, M., es science de l'homme et la phenomenologie., Paris, 1953.

4. Mounier, E., Manifeste au service du personalisme, Paris, 1936.

5. Mounier, E., Traite du caractere, Oeuvres v. II, Paris, 1961.

6. Mounier, E., Le personnalisme, Paris, 1969.

27. Проблема бессознательного в трактовке французского структурализма. Г. Л. Ильин

Институт истории естествознания и техники АН СССР, Москва

Среди всех представителей структурализма и квази-структурализ-ма, а также при всех своих ипостасях (культуролог, философ, литературовед, лингвист и др.) Мишель Фуко интересен для нас прежде всего как историк науки, решающий проблемы, связанные с личностью в науке и историческим взглядом на науку о человеке и научное творчество. Эти проблемы, ставшие актуальными в наше время, определяются необходимостью дальнейшего научно-технического прогресса, созданием марксистской методологии исследования истории, теории и методологии науки. Исследование Фуко представляет интерес также и потому, что, не будучи ортодоксом

структурализма, он в какой-то мере пытается преодолеть крайности последнего, придать ему более гибкую, рафинированную форму.

Фуко написаны крупные работы по истории медицины ("Психическая болезнь и личность", "История безумия", "Рождение клиники"), историко-культурные, философские и историко-научные работы методологического плана ("Слова и вещи", "Археология знания", "Порядок речи").

Работы Фуко давно и неоднократно обсуждались советской критикой в связи со структурализмом [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]. Связь же идей Фуко с фрейдизмом оставалась нераскрытой, хоти эта связь определенно существует и, более того, в значительной степени определяет научное развитие представлений Фуко. Выявление этой связи позволит с новым вниманием отнестись к изысканиям несомненно значительного-ученого, каким является Фуко.

В настоящей работе предполагается охарактеризовать в основном три проблемы, которые решает Фуко в своих работах: общество и патологическая личность; развитие научного знания и личность; научная истина и потребность в добывании этой истины. Все они будут освещены с точки зрения отношения Фуко к проблеме бессознательного, которую можно назвать лейтмотивом всего его творчества и вместе с тем ключом к его интерпретации. Начнем с ранних работ Фуко, чтобы проследить таким образом эволюцию его исторического взгляда на личность, вызвавшего большой интерес в научных кругах Франции.

1. Первая книга Мишеля Фуко "Психическая болезнь и личность", вышедшая в 1945 г., отмечена явным влиянием группы "дезальенистов" - так называлось во Франции течение марксистски настроенных ученых-психиатров, стремившихся объяснить психическое заболевание оторванностью от социальной среды и построить теорию конкретной, исторически и социально обусловленной патологической личности в. противовес "мифологическим" теориям того времени. Конкретным объектом такой науки (конкретной психиатрии) "может быть только психически больной человек, а вовсе не психоз сам по себе", - утверждали Фоллен и Боннафэв дискуссии 1946 года [18, 157]. Заметим, что стремление изучать личность, а не психоз рождено оппозицией Фрейду, и именно в этом пункте Фуко позднее изменит течению дезальенистов.

Идея, развивавшаяся (марксистски ориентированными психиатрами, заключалась в том, что каждой общественной эпохе свойственен свой вид психических заболеваний: демоническая патология средних веков; нарушение рассудка и абстрактного интеллекта после Ренессанса и Декарта и т. д. Этот подход отличался как от идей Дюркхейма и американской психологии (Рут Бенедикт), так и от эволюционистского подхода в психопатологии.

Концепции Дюркхейма и американских психологов имеют то общее, что болезнь рассматривается ими в аспекте "негативности и возможности" [8, 73] (как отклонение от нормы и как результат статистического разброса). В действительности общество выражается положительным образом в психических болезнях, которые демонстрируют его члены [8, 75]. Именно социальная структура порождает болезнь: положение опеки, в которое был поставлен больной законом 1838 г. (имеется в виду история Франции), его полная зависимость от медицинских решений способствовали установлению в конце XIX века истерической личности [8, 15]. "Судьба больного с тех пор была определена более чем на век: он был отчужден (aliene). И это отчуждение отмечает все его социальные отношения, все его действия, все условия его существования" [8, 81].

В свою очередь не прав эволюционизм (в частности, Фрейда и Жане), видящий "в регрессиях самую суть патологического и его реальное происхождение" [8, 84]. "Чтобы детское поведение стало для больного убежищем, чтобы возвращение этого поведения рассматривалось как факт несомненной патологии, нужно, чтобы общество установило между настоящим и прошлым индивида полосу отчуждения, которую нельзя пересекать... Чтобы уберечь ребенка от конфликтов, педагогика помещает его в главный конфликт, в противоречие между его детской жизнью и реальной жизнью" [8, 84]. "Неврозы регрессии выявляют не невротическую природу детства, но архаический характер педагогических институтов" [8, 85]. "Истинное основание психологической регрессии лежит в конфликте социальных структур" [8, 86].

Замена конфликта инстинктов, которым психопатология объясняла психические болезни индивида, реальными противоречиями социальных отношений, исторически обусловленной отчужденностью человека от его собственного существования была, несомненно, шагом вперед от мифологического толкования человеческой природы, предложенного фрейдизмом. Но врач - не политик, он не может оперировать социальными конфликтами, кроме объяснения ему нужен метод практического лечения. Вот почему для того, чтобы вписать в историю общества индивидуальную историю больного, Фуко пытается соединить исторический подход с традиционным эволюционным, свойственным описанию фактов патологии, начиная с Джексона и кончая Фрейдом. "Основная ошибка психоанализа и вслед за ним большей части генетических психологии - это, несомненно, неумение

ухватить эти два несводимых измерения эволюции и истории в единстве психологического становления" [8, 37]. Фуко метко замечает, что "психоанализ надеялся написать психологию ребенка, описывая патологию взрослого" [8, 23]. А принимая во внимание известное высказывание Фрейда о психической эволюции, правда, не оригинальное ("психическая эволюция индивида повторяет вкратце эволюцию человечества" [15 105]) и отдельные его работы, особенно после 1910 г., можно эту мысль продолжить, сказав, что психоанализ надеялся написать психологию истории с точки зрения ложно истолкованной психологии ребенка, описывая патологию взрослого.

Соединение истории с эволюцией привело к тому, что марксистское понятие социального отчуждения приобрело у Фуко смысл фрейдовского взаимоотношения сознания и бессознательного, а именно - отношения вытеснения, отталкивания, которое Фрейд считал "центром и связкой всех частей психоаналитической доктрины" [13, 39]. Если в "Психической болезни..." фрейдовские понятия - запрет, конфликт, вытеснение - объяснялись социально-исторически, то в "Истории безумия", напротив, история толкуется фрейдистски: "можно написать историю ограничений - этих темных действий, обязательно забываемых, как только они совершаются, посредством которых культура отбрасывает все то, что было для нее Внешним" [9, 111].

В "Истории безумия" Фуко, подобно Фрейду, толковавшему сны, пытается истолковать безумие. Именно поэтому перед нами не история психиатрии ("монолог разума о безумии", как определяет ее Фуко), а история безумия, умопомешательства, попытка описать его как язык, дать ему слово, которого его лишали в течение веков. "Фрейд взял безумие на уровне его языка, восстановил один из основных элементов опыта, сведенных к молчанию позитивизмом,... он возобновил в медицинской мысли возможность диалога с неразумным" [9, 411].

Фуко стремится найти пункт и причину раздела разума и безумия, но не в глубине человеческой личности, а в глубине человеческой истории, "обнаружить область, где человек безумный и человек разумный, разделяясь, еще не разделены, и на языке древнем, примитивном, неразвитом, более раннем, чем язык науки, ведут диалог их разъединения, который свидетельствует, что они еще общаются" [9, 11]. Отношение разума и болезни разума превращается в отношение принимаемого и отвергаемого, одобряемого и неодобряемого, понимаемого и чуждого, другого. Но это "другое" имеет свою логику, свой язык, который можно, а по Фуко и должно, понять, сделать не только объектом, но и средством познания. Речь идет о том, чтобы исследовать разум посредством того, что разумом не является, того, что с ним граничит и его ограничивает.

В попытках Фуко определить разум через его противоположность, через безумие, умопомешательство, т. е. через отрицаемое, отвергаемое и подавляемое, отражается существенная потребность науки в определении своих границ, определении степени условности ее пределов, которые постоянно нарушаются и вновь устанавливаются в процессе научного познания. Эта проблема особенно близка психологии научного творчества. Для создания методов исследования и стимуляции научного творчества очень важно, в каком смысле решается эта проблема теоретически. "Не познав чрезмерного, не узнаешь меры", - говорил античный философ. Но одиозный опыт Фрейда показывает, что познание "чрезмерного" часто приводит к мифотворчеству. Как будет видно далее, подобная же судьба ожидала и Фуко, когда он пришел к выводу о "смерти человека" в будущей науке. И причина этого вовсе не в самом обращении к "чрезмерному", а в том, что ему придается чрезмерное значение.

2. В последующих работах Фуко желание выявить отчуждаемые элементы мысли, стремление дать слово молчавшим доселе компонентам знания привело его к расширению самого понятия научного знания. "Знания, философские идеи, разного рода мнения, а также институты, коммерческая и полицейская практика, нравы - все это сводится к некоторому имплицитному знанию, свойственному данному обществу. Это знание глубоко отлично от знаний, которые можно найти в научных трудах, философских теориях, религиозных утверждениях, но именно оно делает возможным появление в данный момент теории, мнения, практики" [17]. Выявление упорядоченностей, выражающих это знание на уровне вербальных следов, - вот задача "археологии знания" (вспомним археологию сознания Фрейда), - так формулирует Фуко новый метод исследования. Интересы исследователя смещаются в сторону изучения "преднаучных" и "предконцептуальных" условий развития научной мысли. В "Словах и вещах" не разум и его болезнь, а отношения наук, их иерархия и зависимость их развития от "неосознаваемых" структур, определяющих условия возникновения знания, - вот, что интересует Фуко в новом цикле его поисков.

Описание и обоснование нового метода последуют позднее, вначале же были "попытки, отчасти слепые" [11, 26], его применения. Открытия, сделанные новым методом, по-видимому, удивили самого их автора. Оказалось, якобы, что "человек не существовал внутри классического знания" [17]. Последующее его появление в рамках гуманитарных наук обязано возникновению наук, изучающих жизнь (биология), язык (филология) и труд (экономика). Только благодаря им "установился человек, который является как тем, кто живет, говорит и работает, так и тем, кто познает жизнь, труд и язык, и, наконец, тем, кто может быть познан в той мере, в какой он живет, говорит и работает" [17]. Однако появление темы человека не более, чем эпизод в истории наук. Потому что,

"начиная с Соссюра, Фрейда и Гуссерля, в центре того, что является основным в познании человека, вновь появилась проблема значения и знака" [17]. И поскольку "до настоящего времени порядок человека и порядок знаков были в нашей культуре несовместимы один с другим" [17], то отсюда следствия: "а) химеричность науки о человеке, которая была бы в то же время анализом знаков; б) опыт показывает, что, развиваясь, гуманитарные науки ведут скорее к исчезновению человека, чем к его апофеозу" [17].

С первым следствием, которое имеет в виду прежде всего психоанализ, трудно не согласиться. Второе выглядит несколько запоздалым: период увлечения бихевиоризмом, начавшем с игнорирования понятий "сознание", "мышление", "субъект", давно прошел. Эволюция бихевиоризма показывает, что он без них не смог обойтись.

Однако проблема, обсуждаемая Фуко, действительно существует. "Исследования в психоанализе, лингвистике, этнологии децентриро-вали субъекта в отношении законов его желаний, форм его речи, правил его действий,... стало ясно, что человек сам по себе, вопрошаемый о том, что он такое, не мог дать себе отчет в своей сексуальности, в своем бессознательном, в систематических формах своего языка или регулярностях своей фантазии" [11, 22]. Эти исследования вскрыли факторы, определяющие сознание, формы его поведения и вместе с тем сознанием не отражаемые. Это было открытие уровня, который наряду с физиологическим, клеточным и биохимическим составляет архитектонику человеческого поведения и который, так же как и они не дан сознанию индивида непосредственно. Этот уровень представляя собой особую форму психического, проявлялся во всех формах человеческой деятельности, в том числе речевой, исследуемой лингвистикой, и мифотворческой, изучаемой этнологией. Следовательно, это было одно из наличных или еще одно из возможных направлений исследований. Но Фуко считает его единственным: "Горизонтом всякой гуманитарной науки является проект сведения сознания человека к его реальным условиям, восстановления по нему содержания и формы, которые его породили и которые ускользнули от него; вот почему проблема бессознательного - его возможности, его статут, его способ существования, средства его познать и выявить - это не просто внутренняя, случайно встреченная проблема гуманитарных наук, - это по сути дела проблема самого их существования" [10, 375].

Успехам структурализма, которые вдохновляют Фуко, благоприятствует здоровая научная тенденция к сближению гуманитарных наук с естественными. Однако, если гуманитарии видят в этом сближении средство дальнейшего развития наук о человеке, то для Фуко, сводящего исследование личности к изучению бессознательных причин ее действия, личность, субъект познания уничтожается прогрессом знания, поскольку исследование причин действий субъекта сводит на нет субъекта как причину этих действий.

3. Интересно представление Фуко об истории гуманитарных наук, начиная с XIX века, излагаемое на основе трех моделей, соответствующих биологии, экономике и филологии, лежащих, как отмечалось выше, в основе гуманитарных наук: "Господство вначале биологической модели (человек, его душа, его группа, его общество, язык, на котором он говорит, существуют в романтическую эпоху как живые существа и они действительно живут: их способ бытия органический, и их анализируют в терминах функций); затем идет царство экономических моделей (человек и вся его деятельность являются местом конфликтов, их выражением и решением); наконец, как Фрейд сменяет Конта и Маркса, начинается царство филологической модели (когда речь идет об интерпретации и обнаружении скрытого смысла) и лингвистической (когда речь идет о структурировании и выявлении значащей системы)" [10, 371].

Сам Фуко в полном соответствии с представляемой им историей гуманитарных наук пытается основать новую науку - "археологию знания", отличную как от анализа языка, так и от анализа истории научной мысли и психологического анализа, и более всего напоминающую замысел построения теории языка науки или даже рассмотрение науки как языка. Основная особенность "дискурсивного" анализа: "анализ высказываний осуществляется без обращения к cogito" [11, 160]. "Не следует понимать субъекта высказывания как тождественного автору формулировки,... он есть место определенное и пустое, которое может быть заполнено различными индивидами; но это место, вместо того, чтобы быть определенным раз и навсегда и сохраняться в том же виде на протяжении всего текста, книги или произведения, изменяется-или, скорее, оно достаточно изменчиво, чтобы повторяться равным самому себе во многих фразах, либо чтобы изменяться в каждой... Описание формулировки, как высказывания, состоит не в анализе отношений между автором и тем, что он говорит (или хочет сказать, или говорит, сам того не желая), но в определении, какую позицию может и должен занять всякий индивид, чтобы стать его субъектом" [11, 125].

Итак, вместо субъекта - позиция, совокупность правил для совершения высказываний. Таким образом объектом археологического анализа становится не знание, а правила его формулирования, недоступные "наивному" сознанию и потому неосознаваемые. В этом особенность Фуко, как историка науки, по замечанию

Гедэ; он "рассматривает как вторичные изменения в знании, рожденные экспериментом, и как основные - мутации на уровне правил его формулирования" 116, 51]. 342

Ансамбли правил формулирования научных высказываний составляют, по Фуко, основные структуры научного мышления (эпистемы), аналогичные структурам языка в лингвистике. Понятие эпистема (или эпиотемё, как его еще называют некоторые советские авторы) вызвало много споров и замечаний. Остановимся на одном, исходящем из лагеря структуралистов. Пиаже отмечает, что "в "Словах и вещах" последовательные эпистемы не могут быть выведены друг из друга ни формально, ни даже диалектически и происходят одни из других без "всякой связи, как генетической, так и исторической. Иначе говоря, последнее слово археологии разума говорит, что разум изменяется неразумно" [19, 114]. Пиаже замечает, что создатель эпистем "даже кажется испытывает от этого некоторое удовлетворение" [19, 114].

Для нас в свете проведенного анализа это удовлетворение вполне понятно: в бессвязности эпистем Фуко видит подтверждение своей давней идеи об иррациональности, хаотичности и бесформенности осно-шания разума, о безумии как alter ego разума, его тени,возникающей и исчезающей вместе с ним. Впрочем, надо думать, Фуко принимает желаемое за действительное и удовлетворяется иллюзией. В этом смысле симптоматично его обращение в дальнейшем к проблеме желания и иллюзии. По существу же этому обращению способствовало, несомненно, изъятие субъекта из процесса научного познания и образование вследствие этого зияющей пустоты в картине мира, представленной Фуко.

Но "свято место пусто не бывает", и вот на место человека с его желаниями, стремлениями и прогнозами водружается что-то весьма значительное и туманное, чему Фуко даже не дает определения, но изменения в чем, как пишет Фуко в "Порядке речи", составляют целые эпохи в познании мира - "желание истины" (volonte de verite).

Он насчитывает "три переворота в морфологии нашего желания знать; три этапа нашего филистинизма" [12, 64]. Первый разделяет Гесиода и Платона. После Платона речь перестала непосредственно выражать желание или власть, появилось различие между истинным и ложным высказыванием. "Истина переместилась от акта ритуализованного, действенного и справедливого процесса выражения к самому высказыванию: его смыслу, форме, объекту, его отношению к референту" [12, 17]. Затем при переходе от XVI к XVII веку (особенно в Англии) "появилось желание знать, опережающее свое актуальное содержание..., желание знать, которое налагало на познающего субъекта (и, в какой-то мере, ранее всякого эксперимента) определенную позицию, взгляд и функцию (видеть, а не читать, проверять, а не комментировать)". Наконец, третий пункт раздела приходится на начало XIX века "с его основообразующими актами современной науки, образованием индустриального общества и позитивистской идеологии, которая его сопровождала" [12, 64].

"Желание знать" станет нам понятнее, если мы обратимся к Фрейду. В "Будущем одной иллюзии", определяя иллюзию, он пишет: "Мы назовем иллюзией убеждение, в мотивации которого превалирует реализация желания, как если бы иллюзия сама по себе отказывалась от подтверждения реальностью" [14, 83]. Но говорит при этом, что "иллюзия" не обязательно ложна, т. е. нереализуема или находится в противоречии с реальностью" [14, 82]. Предположив иллюзорность религии, Фрейд затем предположил также иллюзорность других культурных ценностей, политических принципов, отношений между полами, но главное - принципов построения научного знания, научной картины мира. "Наше убеждение в возможности открывать что-то во внешней реальности посредством наблюдения, размышления и научных методов - имеет ли оно какое-нибудь основание? Ничто не должно удерживать-нас от применения наблюдения к нашей собственной природе и от использования мысли для ее собственной критики" [14, 91].

Кажется весьма правдоподобным, что именно эти размышления Фрейда вдохновили Фуко, что именно этот наказ Фрейда, на выполнение которого сам он не посчитал себя готовым, стремится воплотить-Фуко в своих работах. Вот почему история научной мысли называется этапами "филистинизма", вот почему основанием для этих этапов выбирается "желание истины", - все это признаки иллюзорности научной картины мира, являющейся проекцией в научном сознании замаскированной игры неосознаваемых мотивов. "Истинная речь, которую необходимость ее формы освободила от желания и власти, не может узнать желание истины, которое ее пронизывает; а желание истины, то, что налагается на нас уже давно, таково, что истина, которую оно желает, не может его не маскировать" [12, 22]. Таким образом, желание истины и ее перипетии скрыты, замаскированы от нас самой истиной; желание истины отталкивается, не признается истиной, подобно бессознательному, отвергаемому сознанием, потому что истина, по определению, не зависит от желаний и воли людей и возможность такой связи порочит ее.

За всеми туманными описаниями "трагического столкновения потребности и иллюзии" лежит действительная проблема согласования социальных интересов и интересов развития научного знания, проблема, толкуемая Фуко

идеалистически, и действительно трагичная в обществе, где это столкновение доходит до антагонизма. Но представленная в мистифицированной на манер Фрейда и Ницше форме, она вряд ли может быть разрешена.

4. Эволюция взглядов М. Фуко показывает, что французский структурализм в его лице не нашел подхода к проблеме построения теории сознательной личности, вслед за Фрейдом, по выражению И. П. Павлова, "взял немного вниз и зарылся в дебрях бессознательного", а затем и попросту отбросил понятие активной личности, как это чуть раньше было сделано американским бихевиоризмом. Отказ структурализма, в лице Фуко, от проблемы личности - это и проявление неспособности создать ее теорию на фрейдовской основе и логическое завершение психоанализа, - его самоисключение из психологии личности. Но, в силу традиционно свойственного французской науке пристрастия к истории, отвержение сознательной личности было сделано на фоне широкой исторической перспективы, представлено как грядущее отмирание гуманитарных наук, сопровождено превращением бессознательного в гносеологическую категорию. Тот же исторический размах сопутствует обоснованию "археологического" метода исследования истории наук, этой своего рода теории науки как языка (вспомним провозглашенное Фуко "господство лингвистической модели").

В результате переноса в другие области понятие бессознательного претерпело определенную трансформацию. Во-первых, в большинстве приложений структурализма оно потеряло свой мотивационный, энергетический, динамический аспект, чему немало способствовали, с одной стороны, отказ исследователей от пресловутого либидо и тем самым от динамики его превращений, а с другой - методология структурализма,, который в устойчивости структур искал убежища от волнений диалектики реальных отношений. Во-вторых, иллюзорная, символическая связь симптомов с бессознательным сменилась гораздо более реальной и верифицируемой связью обозначающего с обозначаемым. Наконец, бессознательное все чаще означает просто "неосознаваемое" "наивным" сознанием.

Однако для Фуко неосознаваемое, незнаемое, неразумное необходимо связано со знанием, является его оборотной стороной, его необходимым условием. Более того, оно его динамическое начало, механизм познания, интерес к устройству которого не входит в интересы познания. Объектом исследования Фуко становятся правила, запреты и границы, которые разделяют знание и незнание, разум и неразумие, сознаваемое и неосознаваемое.

В попытках сохранить за бессознательным его былые свойства, вернуться к "столкновению потребности и иллюзии", заглянуть за структуры и понять законы их образования Фуко, несомненно, отходит от "правильного" структурализма. И не будет преувеличением сказать, что узость для Фуко рамок структурализма, его несоответствие схеме структуралиста, столь часто отмечавшееся французской критикой, определяются главным образом связью Фуко с идеями Фрейда. Можно видеть также, что отказ Фуко в "Археологии знания" от психологических и историко-научных методов, а также от методов анализа грамматических конструкций, т. е. традиционных методов анализа, ради "чистого описания" научных текстов обусловлен не столько его структурным методом исследования, сколько его идеей неразумности истории разума: позивитизм анализа высказываний призван служить бесстрастной констатации бессвязности исторических образований.

Попытки Фуко связать структурализм с фрейдизмом выявляют ограниченность как того, так и другого в отдельности в вопросах истории науки, в вопросах создания теории и методологии развития научного познания. В этом, несомненно, "неосознаваемая" им самим ценность его работ.

Исследования Фуко отражают общую тенденцию в различных науках к анализу и фундированию их собственных основ, к рационализации принимавшихся на веру или по очевидности постулатов и аксиом, к исследованию причин выбора именно этих очевидных, несомненных или даже неосознаваемых оснований. И заслуга Фуко как историка науки состоит в том, что он ввел в арсенал историка науки (может быть без права на приоритет) в качестве априорной составляющей знания категорию бессознательного, вскрыв новый пласт человеческой познавательной деятельности, причем сделал это на обширном историческом материале, подняв целый ряд насущных историко-научных проблем. Решения этих проблем, как было показано, с точки зрения марксистской идеологии не всегда удачны, но всегда поучительны.

27. Problems of the Unconscious as Treated by French Structuralism. G. L. Ilyn

Institute of the History of Natural Scier.ce and Technology, USSR Academy of Sciences, Moscow

Summary

The solution of the problem of the unconscious in the field of scientific creativity and of scientific knowledge is discussed on the basis of M. Foucault's works. In particular, the solution to three questions is examined: a) society and the pathological personality; b) the development of scientific knowledge and personality; c) scientific truth and the need for its attainment. The influence of Freud on the evolution of Foucault's ideas is traced. The transformation of the Freudian conception of the unconscious in the works of the structuralists is noted. The significance of the category of the unconscious as an a priori constituent of knowledge to the solution of problems of scientific cognition is emphasized.

Литература

1. Автономова Н. С., Концепция археологического знания М. Фуко, Вопросы философии, 1972, 8.

2. Грецкий М. Н., Человек и природа в концепциях структурализма. Природа, 7, 1974.

3. Курсанов Г. А., Предисловие к книге Н. Мулуда "Современный структурализм", М., 1973.

4. Курсанов Г. А., Современный структурализм. Философия и методология. Природа, 2974, 7.

5. Сахарова Т. А., Жан Пиаже. Структурализм. Вопросы философии, 1971, 2.

6. Сенокосов Ю. П., Дискуссия о структурализме во Франции. Вопросы философии, 1968, 6.

7. Филлипов Л. Н., Человек и природа в концепциях структурализма. Природа, 7, 1974.

8. Foucault, M. Maladie rmntale et personnalite, Paris, 1954.

9. Foucault, M., Folie et deraison. Histoire de la folie a l'age classique, Paris, 1961.

10. Foucault, M., Les mots etles choses, Paris, 1956.

11. Foucault, M. L'archeologie du savoir, Paris, 1969.

12. Foucault, M., L'ordre du discours, Paris, 1970.

13. Freud, S., Ma vie et la psychanalyse, Paris, 1950.

14. Freud, S., L'avenir d'une illusion, Paris. 1932.

15. Freud, S., Un souvenir d'enfance de Leonard da Vinci, Paris, 1927.

16. Guedsz, A.,Foucault, Paris, 1972.

17. Lettres franjaises, № 1125, 1935.

18. Le probleme de la psychogenese des nevroses et des psychoses, Par L. Bonnafe, H. Ey, S. Foil in (e. a.), Paris, 1950.

19. Piaget, J., Le structuralisme, Paris, 1968.

28. Бессознательное во Франции до Фрейда: предпосылки открытия. Л. Шерток

(*Эта статья является в основном кратким изложением второй части книги, написанной нами совместно с Р. де Соссюром [11]*)

Институт психосоматической медицины в Париже, Франция

Введение

Часто подчеркивали влияние, которое оказали на Фрейда (Freud) немецкая литература и философия XIX века. Как пишет Дидье Анзье в своей недавней работе "Аутоанализ Фрейда", "понятие бессознательного не содержит в себе ничего удивительного для того, кто воспитан на германской культуре" [2, 152] (*Среди последних и наиболее важных работ, посвященных вопросу культурного влияния, оказавшего воздействие на мышление Фрейда, следует указать 1, 2 и 15 в библиографии*). В немецком романтизме глубоко укоренилась идея существования неосознаваемых стремлений, которые проявляются главным образом в сновидениях и безумии. Читая Ницше или Шопенгауэра, также нельзя не поражаться сходством их теорий с некоторыми фрейдистскими формулировками. Это особенно отчетливо видно у Ницше; именно он, Ницше, ввел, например, термин "Оно" для обозначения области влечений и инстинктов. Фрейд настолько сознавал эту близость, что, по его собственному утверждению, долго отказывался читать Ницше из-за боязни подпасть слишком в большой степени под его влияние [17, 86].

В области психологии Фрейд был прекрасно знаком с работами Жана-Фредерика Гербарта (1776-1841), которого оба учителя Фрейда, Брюкке и Мейнер, ставили очень высоко. Этот автор был Фрейду уже давно известен по "Учебнику эмпирической психологии" Линдера, использованному им во время последнего года его обучения в гимназии и являвшемуся, в сущности, кратким содержанием воззрений Гербарта. Уже у Гербарта можно найти понятие психического конфликта, бессознательного и вытеснения. Конечно, эти термины употреблялись в рамках интеллектуалистической психологии, весьма отличной от той, которой впоследствии окажется фрейдизм. И тем не менее, чтение Гербарта оказалось важным для Фрейда, оно рано привело его к мысли, что психическая жизнь является системой, управляемой конфликтом между противоречивыми представлениями.

Следует, таким образом, согласиться с тем, что немецкая культура имела определяющее влияние на выработку Фрейдом понятия бессознательного. Однако не следует забывать, что именно в Париже Фрейд окончательно обратился к изучению психологии неврозов и предвосхитил первые элементы своего открытия. Он подошел к вопросу бессознательного не как теоретик, а с позиций практикующего врача. И с этой точки зрения Шарко и Бернгейм были двумя авторами, оказавшими на него наиболее глубокое влияние; первый - своими работами по травматической истерии, а второй - исследованиями в области постгипнотических внушений. Можно сказать, что, как это ни парадоксально, в то время как французская мысль оставалась, в целом, более скованной, чем немецкая, философией сознания, унаследованной от Декарта, проявления бессознательного на протяжении всего XIX в. явились во Франции объектом важных экспериментальных исследований, не имевших, равных себе в Германии или Австрии, и в результате которых появились работы Шарко и Бернгейма.

С этой точки зрения создание психоанализа явилось своего рода синтезом двух культур. Но, если все, что касается понятия бессознательного, в немецкой культуре довольно хорошо известно, то этого никак нельзя сказать в отношении Франции. Вот почему нам представилось интересным проследить, в рамках данной работы, становление-концепции бессознательного во французской научной литературе от Месмера до Шарко.

Животный магнетизм

В афоризмах Месмера, опубликованных Колле де Воморелем [20], можно найти определение сомнамбулизма, но оно является очень общим. К тому же, Месмер не использует слово сомнамбулизм; он только отмечает, что больной, выйдя из криза, потерял память о том, что с ним произошло. Месмер ограничивается только упоминанием факта, не обсуждая его более детально.

Прилежно посещая лекции Месмера, Пюисегюр (1751-1827) был поражен, увидев своего первого больного, впавшего в состояние глубокого сна. Больной сохранил в этом состоянии способность говорить, ходить и действовать. Отсюда название, которое дал этому состоянию Пюисегюр - магнетический сомнамбулизм (в отличие от естественного сомнамбулизма, который может возникать спонтанно у некоторых субъектов) [21].

Пюисегюр заметил, разбудив больного, что последний не помнил ничего из того, что происходило в состоянии сомнамбулизма. На этом основании Пюисегюр сделал вывод о существовании двух видов памяти: мы сказали бы сегодня - памяти осознаваемой и памяти неосознаваемой. Следовательно, именно в 1784 г. изучение бессознательного вошло в область психологии.

Но не связи, которые могут существовать между этими двумя состояниями, а их полная разграниченность поразили ученых той эпохи. Так, спустя 35 лет, Делёз (1753-1835) напишет: "Когда он (замагне-тизированный) возвращается в нормальное состояние, он полностью теряет воспоминание о всех чувствах и мыслях, которые

были у него в состоянии сомнамбулизма. Эти два состояния настолько же чужды друг другу, как если бы сомнамбула и пробудившийся были двумя совершенно разными существами" [12, 186-187].

На протяжении всего XIX в., вплоть до времени экспериментов над гипнозом школы Нанси, мы постоянно встречаем эту мысль об абсолютной разграниченности сознательного и бессознательного.

Некоторые наблюдатели, однако, предчувствовали, что иногда бессознательное состояние может воздействовать на сознание. Пюисегюр рассказывает о том, как его пациент Виктор, находясь в состоянии сомнамбулического сна, попросил одну из своих соседок сохранить в своем шкафу расписку, в которой его мать дарит ему свой дом в благодарность за заботу, которую он проявил по отношению к ней. В состоянии бодрствования Виктор боялся, как бы его сестра не нашла эту расписку и не уничтожила ее. Разбудив Виктора, Пюисегюр обнаружил, что тот в худшем состоянии, чем накануне, и чем-то угнетен. На вопрос о том, что его заботит, Виктор ответил: "Я тщетно пытался найти у себя в шкафу расписку моей матери". Пюисегюр рассказал Виктору о том, что тот делал, будучи в сомнамбулическом состоянии. Радость, охватившая Виктора, и два часа, которые он провел в состоянии магнетического сна, полностью изменили его настроение [21].

Пюисегюр пошел по новому пути - терапии посредством осознания. Придерживавшийся тех же взглядов аббат Фариа (1756-1819) заметил, что внушения, произведенные во время магнетического сна, могут, по пробуждении, влиять на больного, особенно если последний предупрежден, что в дальнейшем он будет испытывать те же ощущения, какие у него вызывали в состоянии сомнамбулизма [16]. Но такие наблюдения были в ту эпоху сравнительно немногочисленными, и, главное, авторы не делали из них более общих заключений.

Сомнамбулизм, каким его описывают магнетизеры, выявляет факты, которые мы сегодня рассматриваем как проявления бессознательного. Тонкие наблюдатели понимали, что сомнамбулизм не творит чуда, а просто восстанавливает следы памяти. Так, Делёз наблюдал, что крестьянин, обычно говоривший только на своем местном наречии, начинал иногда в состоянии сомнамбулического сна говорить на правильном французском языке, который он мог слышать, но на котором никогда не говорил, например, на ирокезском языке. Так же как и Фрейд, который писал, что ничто не утрачивается в бессознательном, Делёз утверждает, что "все ощущения, которые мы испытали в течение жизни, оставляют след в нашем мозге. Эти следы очень тонки, и мы не замечаем их, потому что этому препятствуют ощущения, испытываемые в данный момент; но эти следы существуют, и часто вещи, о которых мы уже забыли, воскресают в нашей памяти, котда неожиданные обстоятельства возбуждают наше воображение" [12, 191].

Аббат Фариа следующим образом описывает работу неосознаваемого мышления: "Всякий раз, когда раздражения, испытываемые внутренними органами вследствие чрезмерного удовольствия или глубокого огорчения, остаются подавленными в глубине души, они находят в условиях внутреннего спокойствия, создаваемого концентрацией, возможность следовать в характерном для них примитивном направлении и взрываться неистовой силой. Тот, кто испытывает такие проявления, всегда вынужден отдаваться их порыву, совершенно не имея возможности ими управлять в соответствии со своими желаниями, почти так же, как никто не способен сохранить восприятие в душе после того, как соответствующие ощущения были восприняты наружными органами его тела. Ибо обуславливающая их причина, проникнув в сферу интуиции человека, становится совершенно независимой от его чувственной воли" [16, 167].

Фариа прекрасно понимал, что такая переработка ощущений не обязательно отражается в мысли, а проявляется иногда в виде симптома: "Именно это подавление беспокойства и огорчения чаще, чем радости и удовлетворения, обыкновенно приводит к образованию камней, которые врачи обнаруживают при вскрытии трупов людей, обладавших холерическим и раздражительным темпераментом... И я думаю, что большая часть женщин, страдающих от желез в груди, дают этим железам развиваться по той же самой причине" [16, 168].

Таким образом, в психосоматике Фариа является предтечей тех, кто поставил вопрос о формировании симптомов. Уже мысль, брошенная Месмером об универсальном флюиде, который должен восстанавливать равновесие между различными органами, предваряла динамическую психофизиологию. У Фариа же, так же как у Пюисегюра, Бертрана (1795-1831) и Шарпиньона (1815-1875), мы находим тот же подход, но в гораздо более разработанном виде.

Если суммировать различные наблюдения, в общем виде можно сказать, что в эпоху животного магнетизма, вплоть до середины XIX века, различные авторы установили в отношении бессознательного, что:

1) это состояние отлично от сознания, в том смысле, что его "память" гораздо более обширна;

2) сомнамбула, проснувшись, не помнит ничего из того, что происходило во время сна;

3) интеллектуальные способности, если их активируют, часто бывают повышенными (вследствие чего многие гипнотизеры впадали в заблуждение, доверяя заявлениям своих сомнамбул о существовании у них паранормальных способностей);

4) сомнамбулизм представляет собой состояние, при котором ней-ровегетативная система воспринимает раздражения более тонко, чем сознание;

5) при сомнамбулизме внешняя чувствительность отлична от проявляющейся в состоянии бодрствования. Здесь можно видеть явления гипер- или гилоестезин и даже анестезии;

6) при сомнамбулизме наблюдаются изменения мышечного тонуса: вялость и ригидность членов;

7) индивид более внушаем в состоянии сомнамбулизма. Он обнаруживает тенденцию не общаться ни с кем, кроме как со своим магнетизером;

8) иногда бессознательное может оказывать влияние на сознание.

Первые концептуализации

Эти наблюдения были, однако, накоплены, можно сказать, вне рамок науки, как медицинской, так и психологической. После того, как в 1784 г. королевские комиссары, которым было получено изучить теории Месмера, пришли к выводу, что магнетические флюиды не существуют [22; 23; 24], животный магнетизм остался за чертой официального знания. Ученые учли заключения комиссаров: поскольку флюиды не существуют, магнетические явления следует приписывать исключительно воображению. Следовательно, они не имеют научного характера.

Действительно, уже с начала XIX века некоторые магнетизеры замечали слабость теории флюидов. Так, де Вилле (1767-1815) полагал, что исцеление является результатом встречи двух "страстных стремлений" (passions) - желания больного выздороветь и желания врача вылечить. Вирей (1775-1840) также утверждал, что магнетизм "есть не что иное, как следствие нервных эмоций, естественным образом возникающих либо на основе воображения, либо под влиянием чувств, развивающихся между двумя индивидами и связанных пре-350

имущественно с сексуальными взаимоотношениями" [29, 23-24] (*Разумеется, на языке той эпохи это выражение означает: взаимоотношения между различными полами в самом широком смысле слова*). Фариа и Бертран также видели в магнетизме исключительно психологический факт. По их мнению, главную причину сомнамбулических явлений следует искать в воображении субъекта.

Эти утверждения поражают нас сегодня своей современностью. Признание роли воображения (сегодня мы сказали бы - фантазмов), важность, приписываемая фактору отношений, предваряет современные психологические концепции. Но в первой половине XIX века такие идеи не могли не оставаться чуждыми научным течениям, все более обращавшимся к психологии, полностью основанной на физиологическом детерминизме.

Следовало подождать середины века, чтобы увидеть как магнетизм входит в официальную науку, ценой, впрочем, изменения своего названия. В 1840 г. английский хирург Джеймс Брейд (1795-1860) проводит серию экспериментов. Вдохновленный методом, разработанным Фариа, он заменяет магнетические пассы процедурой, заключающейся в фиксации взора субъекта на блестящем предмете. Эти эксперименты привели его, как и ранее Фариа, к заключению, что флюиды не существуют. Опыты показали, что невозможно вызвать магнетический сон при полном отсутствии воздействия магнетизера на субъекта. Это доказывало, что главное происходит в самом субъекте, а не с помощью какой-либо посторонней силы. В своем труде "Neurohypnology" [7] Брейд формулирует психо-нейро-физиологическую теорию, вдохновляясь бывшей тогда в моде "мозговой мифологией": физико-психическая стимуляция сетчатки стимулирует нервную систему субъекта, вызывая этим сон, которому Брейд предложил дать название гипнотизм.

Он должен был, однако, быстро обнаружить, что гипнотическое состояние может быть вызвано также чисто словестным внушением. Указывая, что эксперимент удается и со слепыми, Брейд писал в "Нейро-гипнологии": "Воздействие оказывается не столько через оптический нерв, сколько через чувствительные, моторные и симпатические нервы, а также через разум" [8, 36: подчеркнуто нами - Л. Ш.]. В ходе своих исследований он все

больше и больше приходит к мнению, что причина гипнотических явлений лежит в необычайной концентрированности внимания. В дополнительной главе к своей книге, написанной в 1860 г., он так формулирует свою теорию: "Различные способы благоприятствуют этому состоянию абстрагирования или фиксации внимания, при котором разум целиком поглощен одной идеей" [7, 235]. Таким образом, Бренда можно считать предшественником Льебо и Бернгейма в вопросе о роли внушения в гипнозе.

Сведенный таким образом к чисто церебральному механизму, гипноз становится объектом изучения преимущественно психологов. В то же время его терапевтическое применение не перестает расширяться.

Исследования Ш. Рише (1850-1935) создают новую эпоху в изучении сомнамбулизма, благодаря серии экспериментов по выполнению постгипнотических инструкций. В результате этих опытов были сделаны оригинальные выводы, важные для общей психологии.

Рише показал, что действия, совершаемые под гипнозом, не так уж далеки от событий повседневной жизни. То, что происходит в анормальном состоянии, только полнее раскрывает повседневное поведение человека. "Вопрос, который я хотел бы осветить, - писал он, - касается понятия абсолютно неосознаваемого. Последнее проявляется в том, что память о событии сохраняется на протяжении весьма длительного отрезка времени, хотя субъект - носитель этой памяти - не осознает того, что он помнит. Это - неведомое воспоминание, как ни странно сочетание этих двух слов" [25, 254-255, 536-537].

Этот феномен "неведомых воспоминаний" Рише объяснял автоматизмом определенных психологических реакций.

Рише был не единственным, кто вновь увидел незначительность различий, существовавших между патологическими и нормальными явлениями в их подверженности влияниям бессознательного. Мы находим эту же мысль у Тарда (1843-1904). Идя дальше простого описания фактов, Тэн (1828-1893) указывает, что внутри нашего бессознательного классификация фактов происходит в соответствии с определенным динамизмом. "Образ, - пишет он, - который исходно обладал большей энергией, чем другие, сохраняет в каждом конфликте, по закону повторения, который лежит в его основе, способность оттеснять своих соперников. Вот почему этот образ восстанавливается сначала непрерывно, затем - часто, до тех пор, пока закон прогрессирующего истощения и непрерывная атака новых впечатлений не устранят его преобладания, а его конкуренты, найдя поле свободным, не начнут развиваться в свою очередь" [26, 156-157].

Тэн тем самым вводит понятие вытеснения, которое получит первостепенное значение во фрейдистской психопатологии. Эта динамика классификации и организации представлений будет все больше и больше привлекать к себе внимание в последующие годы.

Таким образом, в середине XIX века изучают уже не только сосуществование двух разграниченных форм памяти у одного и того же индивидуума, но и динамическую организацию эмоций, организацию, в которой ничто не утрачивается. Изучаются эмоции, перенесенные в детстве, которые могут вызывать в бессознательном вспышки злобы, потребность мщения, остающиеся чуждыми сознанию.

Перспектива, следовательно, полностью изменилась. В то время как магнетизеры изобретали способы вызывать состояние, рассматривавшееся как отличное от бодрствования, бессознательное становится после открытий Рише и Тэна активной частью личности и, одновременно, - резервуаром эмоций и забытых или вытесненных событий. Речь шла теперь не только об особом феномене, связанном исключительно с гипнозом, но о постоянной способности человеческой психики, различные проявления которой предстояло изучать систематически, на основе анализа сновидений, с помощью сеансов гипноза, исследования умственных расстройств, работы памяти, нарушения восприятия и т. д.

Если Рише пытался объяснить патологические явления, связанные с бессознательным, с помощью состояния отвлечения (distraction), то теория Тэна была более динамичной. В ней четко была выражена мысль, что бессознательное (Тэн не использует термин вытеснение) имеет тенденцию проявляться в патологической форме.

Большинство авторов колебалось в основном между двумя точками зрения: согласно одной из них, бессознательное объяснялось как своего рода отвлечение и ослабление рассудочного контроля, другая же обращалась к понятию вытеснения.

Знаменитая работа Мори (1817-1892) о сне, "Сон и сновидения", появившаяся в 1861 г., является прекрасным примером колебаний такого рода. С одной стороны, Мори фактически показывает, что сон представляет собой повторное переживание страстей и "неосознанных" воспоминаний, что отсылает к понятию бессознательного в его чисто психологическом смысле. Но он не идет дальше по этому пути: элементы бессознательного в сновидениях не имеют у него никакой собственной динамики. Они появляются только под влиянием вспышек нервного возбуждения, имеющих чисто органическую природу [19].

Предфрейдовский период

На протяжении последних двадцати лет прошлого столетия можно было наблюдать развитие большого интереса к гипнозу. Гипноз становится приемом изучения явлений бессознательного, имеющим преимущества перед другими методами, так как он позволяет вызывать эти явления до какой-то степени произвольным образом, экспериментально. Исследования постгипнотического выполнения инструкций, проведенные в Нанси, показали, что в состоянии ясного сознания субъект способен действовать под влиянием бессознательных представлений. В клинике Сальпетриер также проводили разнообразные эксперименты с целью установить связь между сознанием и бессознательным. На основе полученных в них данных Шарко открыл травматическую истерию, и были предприняты новые исследования, постепенно убеждавшие все большее число психотерапевтов в важной роли бессознательного как в развитии, так и в терапии неврозов (*Подробнее об этом см. помещенную в настоящей монографии статью Л. Шертока "Скрытое лицо бессознательного"*).

В 1888 г., то есть более чем за пять лет до опубликования Брейером и Фрейдом "Предварительного сообщения", Буррю (1840-1914) и Бюро (1849-1888) предложили в своей книге "Изменения личности" (Les variations de la personnalite) способ лечения, очень близкий к катарсическому методу: связанный с воспроизведением травмирующей оситуации и реакции на нее со стороны больного [10]. Через год Жане (1859-1947) сообщил о сходном эксперименте с больной Мари, ослепшей на левый глаз. Обнаружив, что слепота исчезала после того, как больной внушали, гипнотически, что ее возраст менее шести лет, Жане пытается выяснить причину болезни. Он узнал, что в первый раз слепота проявилась после того, как Мари принудили спать с мальчиком ее возраста, у которого на левой стороне лица была сыпь. Мари была этим сильно напугана. Тогда Жане решает воспроизвести эту ситуацию: "Я заставил ее вновь увидеть мальчика, которого она боялась, и убедил, что он очень славный и у него нет никакой сыпи... После двух сеансов я одержал победу: она свободно ласкала воображаемого мальчика. Чувствительность левой стороны восстановилась, и, когда я ее разбудил. Мари прекрасно видела левым глазом" [18, 439-440].

Другой опыт. Жане удается восстановить под гипнозом не только первичную травмирующую ситуацию, приведшую к заболеванию, но и устранить после серии гипнотических внушений восстановленные им переживания, явившиеся в прошлом причиной потери чувствительности.

Этот и другие эксперименты, которые мы могли бы привести, показывают, что в прослеживаемую эпоху теория происхождения и лечения неврозов находилась в процессе разработки.

Хорошим примером того, как французские психологи умели использовать концепцию бессознательного накануне появления работ Фрейда, является следующий отрывок, принадлежащий Жане: "Все законы психологии оказываются извращенными, если они применяются только к явлениям сознания, в которых индивид отдает себе отчет. Еже-моментно встречаются факты, галлюцинации или явления, кажущиеся необъяснимыми, потому что не удается найти их обоснования, их истоков в других идеях, доступных сознанию. Перед лицом таких пробелов психолог слишком часто склонен считать себя некомпетентным и прибегать к помощи физиологии, которая почти не в состоянии ее оказать" [18, 223-224].

Начиная с 1889 г.. интерес научных кругов перемещается главным образом в область изучения множественных личностей (personnalites multiples). Нам трудно даже представить теперь, сколько умов увлекла эта проблема. Во введении к своей книге об изменениях личности Бине (1857-1911) пишет: "Известно, что у многих людей, помещенных в самые различные условия, нормальное единство сознания нарушается. Обнаруживается несколько различных сознаний, каждое из которых может иметь свои восприятия, свою память и даже свой нравственный характер". И далее: "Глубокие причины, в природе которых мы с трудом разбираемся, так как они не осознаются, действуют, сочетая наши, идеи, наши восприятия, наши воспоминания и все наши состояния сознания в автономные и независимые синтезы. Находясь в одном из таких синтетических состояний, нам трудно активировать идею, принадлежащую другому синтезу. Ассоциация идей здесь, как правило, недостаточна. Когда, однако, многие элементы этого второго синтеза, по тому или другому поводу, оживляются, восстанавливается и синтез в целом" [9, 242-244].

Бессознательное выступает здесь как рассматриваемое существенно описательным образом. Оно является следствием не конфликта, не динамического процесса, а дезинтеграции сознания, окончательный анализ которой обращен к физиологии. Именно теорию отвлечения, связанного с гипноидным состоянием, мы вновь найдем у Брейера, а Фрейд заменит ее концепцией вытеснения (refoulement).

Нам кажется характерным для Франции конца XIX века, что ни одна из теорий не становится в ней господствующей. С одной стороны, врачи и психологи, исследующие гипнотические явления, вынуждены соглашаться с тем, что бессознательное существует и может частично определять наши осознаваемые акты поведения. Но они замыкаются в рамках только экспериментирования. Некоторые пытаются построить на этой основе определенные заключения о происхождении неврозов. Жане - наиболее выдающийся среди них. Однако динамический аспект вытеснения от него ускользает. Он остается приверженцем теории диссоциации или отвлечения сознания, намеченной, в общих чертах, в начале века многими психиатрами.

С другой стороны, были исследователи, которые не ограничивались экспериментами над гипнозом и понимали, что значительная область психики остается неосознаваемой, но их мысль на этом и останавливалась. Они не пытаются открыть ни законы бессознательного, ни закономерности, регулирующие связь между бессознательным и сознанием. И что особенно важно, они не стремятся исчерпывающим образом описать проявления бессознательного. Сколь бы ни были существенными их замечания, например по поводу вытеснения, они не приводят к общей теории. Наблюдения в эту эпоху производились без стремления проникнуть в существо феноменов. Ученые XIX в. не желали вникать к проблему и, за редким исключением, выражались так, как если бы сами не имели бессознательного.

Заключение

Все сказанное выше позволяет лучше оценить оригинальность фрейдистской концепции бессознательного. В определенном смысле можно сказать, что Фрейд не открыл ничего нового. Основные элементы его теории, концепция неосознаваемой памяти, вытеснение, роль сексуальности, важность сновидений и детских воспоминаний - все эти феномены были, фактически, более или менее известны к концу XIX века. Однако они не были связаны между собой и тем самым ускользали от разумного понимания. Величие Фрейда состоит как раз в том, что он сумел создать из всего этого синтез и вышел тем самым за рамки чисто описательного подхода своих предшественников.

Психолога XIX в. занимали по отношению к бессознательному двусмысленную, по существу, позицию. Они признавали его существование и изучали его проявления, но в то же время не позволяли себе понять (механизмов его действия, так как отказывались видеть в бессознательном что-либо помимо процесса распада осознанной мысли, которая была для них единственно постижимой моделью психической деятельности. Они оказывались вынужденными для объяснения проявлений бессознательного прибегать к помощи физиологических теорий, таких, например, как понятие врожденной слабости нервной системы, которые, при полном отсутствии видимых проявлений, не имели никакого научного содержания. Более того, хотя они представляли себе, что нормальное, как и патологическое, управляется бессознательным, последнее мыслилось ими как тесно связанное с патологическими состояниями. Такой подход исключал, очевидно, всякую возможность обобщения.

В целом можно сказать, что до появления фрейдистских теории предпринимались попытки исследования бессознательного, но не было достигнуто понимание его законов. То, что было известно ученым XIX века о бессознательном, можно сравнить с представлениями средневековых астрономов о звездах. Некоторые из звезд были им известны, они видели их движение по небу, но им были неведомы силы, управляющие перемещением звезд. То же можно сказать о бессознательном - о его существовании было известно, но были непонятны причины, по которым определенные представления не осознаются. Когда же Фрейд с помощью теории вытеснения открыл, что неосознаваемость этих представлений связана с их психологическим содержанием, эти причины прояснились. Выявив значение неосознаваемых фантазмов, Фрейд показал, что последние не являются произвольными, но определяются в своей структуре определенными фундаментальными впечатлениями. Со времени этого открытия бессознательное перестало быть мутным источником, из которого можно было время о времени "выудить" интересное явление. Оно стало объектом, доступным научному познанию.

Резюме

Если обычно справедливо указывают на влияние, которое оказала на Фрейда немецкая культура, то слишком часто игнорируют то, чем он обязан французской психологической и медицинской традиции.

От Месмера до Шарко явления бессознательного являлись, в действительности, во Франции объектом очень важных экспериментальных исследований. В данной статье поэтому мы попытались исследовать процесс формирования и развития концепции бессознательного во французской научной литературе XIX века.

Первым этапом на этом пути является теория животного магнетизма. Вслед за Пюисегюром, последователем Месмера, магнетисты были первыми, кто описал круг явлений бессознательного. Но, будучи пленниками теории магнетических флюидов, они не смогли сделать на ее основе психологических заключений общего характера.

Во второй половине XIX века изучение бессознательного не ограничивается анализом только гипнотических феноменов, но распространяется на психическую жизнь во всем ее объеме. Предпринимаются попытки исследовать влияние бессознательного на сознание, которые приведут к открытиям Шарко, относящимся к истерии, и работам Бернгейма в области внушения. В последние годы века интерес исследователей связывается, главным образом, с проблемой множественности личности. Психоанализ является, фактически, синтезом этих исследований.

Bibliographie

1. Anderson, D.. Studies in the prehistory of Psychoanalysis. The etiology of psychoneuroses and some related themes in Sigmund Freud's scientific writings and letters 1886-1896. Stokholm, Frenska Bokforlaget. 1962.

2. Anzieu, D., L'auto-analyse de Freud. 2 volumes. Paris, P. U. F. 1975.

3. Bertrand, A. J, F., Traite du somnambulisme et des differentes modifications qu'i presente. - Paris, Dentu, 1823.

4. Bertrand, A. J. F., Du magnetisme animal en France... - Paris, Bailliere. 1826.

5. Binet, A., Les alterations de la perso.nnalite. - Paris. Alcan, 1892.

6. Bourru, H., BUROT, P., Variations de la personnalite. - Paris, Bailliere. 1888.

7. Braid, J., Neurohypnology; or the Rationale of Nervous Sleep, considered in relation with animal magnetism. Illustrated by numerous cases of its succesful application in the relief and cure of disease. - London, Churchill, 1843.

8. Braid, J., Neurohypnologie. Traite du sommeil nerveux ou hypnotisme. Trad, de I'anglais par le Dr Jules Simon... Preface par C. E. BROWN-SEQUARD. - Paris, Delahaye et Lecrosnier, 1983.

9. Charpignon, L. J. J., Physiologic medecine et metaphysique du magnetisme. - Paris, Bailliere, 1841.

10. Chertok, L., A propos de la decouverte de la methode cathartique. In: Bulletin de psychologie, 5. 11. 1960 (n° special en hommage a Pierre Janet), pp. 33-37.

11. Chertok, L., Saussure. R., de'Naissance du Psychanalyste. De Mesmer a Freud. - Paris, Payot, 1973.

12. Deleuze, J. P. F., Histoire critique du magnetisme animal. 2 erne edition.-Paris, Belin-Leprieur, 1819, 2 vols.

13. Deleuze, J. P. F., Defense du magnetisme animal contre les attaques dont il est l'objet dans le Dictionnaire des Sciences Medicales. - Paris, Belin-Leprieur, 1819.

14. Deleuze, J. P. F., Instruction pratique sur le magnetisme animal, suivie d'une lettre ecrite a l'auteur par un medecin etranger. - Paris, Dentu, 1825.

15. Ellenberger, H. F.. Tne Discovery of the Unconscious: the history and evolution of dynamic psychiatry. - New York, Basic Books, 1970.

16. Faria. J. C, De la cause du sommeil Iucide, Reimpr. avec pref. et introd. par le Dr D. G. Delgado. - Paris, H. Jonve. 1906.

17. Freud, S., Selbstdarstellung. - G. W. 16, 31-4, 1925.

18. Janet, P., L'automatisme psychologique. essai de psychologie experimentale... - Paris. Alcan. 1889.

19. Maury. L. F. A., Le sommeil et les reves, etudes psychologiques... Paris, Didier, 1861.

20. Mesmer, F. A.. (Caullet Deveaumoral). Aphorijmes de M. Mesmer dictes a l'assemble de ses eleves... Ouvrage mis a jour par M. C de V... - Paris, Quinquet, 1785.

21. Puysegur. A., J. de Chastenet Memoires pour servir a l'histoire et a I'etablissement du magnetisme animal. - S. I., 1784.

22. Rapport des commissaires charges par le Roi, de I'examen du magnetisme animal, Imprimepar ordre du Roi. - Paris. Moutard, 1784.

23. Rapport des commissaires de la Societe royale de, medecine nommes par le Roi pour faire I'examen du magnetisme animal. Imprime par ordre du Roi. - Paris, Imprimerie Royale, 1784.

24. Rapport secret... (de BAILLY). In: BERTRAND, A., 1826.

25. Richet. C, L'homme et l'intelligence, fragments de physiologie et de psychologie. - Paris, Alcan, 1884.

26. Taine, H. A., De l'intelligence.-Paris. Hachette, 1870. 2 vols.

27. Tarde, G., de, Le crime et l'epilepsie. In: Revue philosophique de France et de l'etranger. (7-12/1889), pp. 44-469.

28. Villiers Charles de, Le magnetiseur amoureux, par un membre de la Societe harmonique du Regiment de Metz.- Geneve (Besancon), 1787.

29. Virey, J. J., Examen impartial de la medecine magretique. - Paris. Panckoucke, 1818.

29. 3. Фрейд и К. Юнг: попытки психоаналитического решения проблемы бессознательного. В. М. Лейбин

Институт научн. информ. по общественным наукам АН СССР, Москва

Дофрейдовская психология в качестве объекта исследования имела, как правило, нормального, физически и психически здорового человека и исследовала феномен сознания. Анализ бессознательного психического ограничивался или областью философских рассуждений о неправомерности сведения психики человека только к сознанию, или сферой физиологического исследования бессознательных двигательных актов индивида. Неврологические учения, появившиеся во второй половине XIX в., заставили по-новому взглянуть на человека: он уже не представлялся целостным существом, разумно функционирующим в рамках существующих социальных и культурных структур. Скорее наоборот, многие теоретики были вынуждены констатировать несогласованность и разорванность между индивидуально-личностным и общественным, фиксируя болезненные симптомы раздвоенности сознания личности, расщепленность самосознания человека и патологические отклонения от традиционно признанных норм разума и рационального бытия.

Патология и норма, болезнь и здоровье, иррациональное и рациональное поведение индивида предстали в совершенно новом виде, требуя от ученых не только фиксации внешне проявляющихся различий, но и исследования внутрипсихических характеристик деятельного функционирования личности. Объектом исследования становится как здоровье, так и болезнь человека, обусловленная нарушениями, возникающими в результате обострения конфликтных ситуаций и драм, разыгрывающихся в сознании индивида. В сферу анализа расщепленности сознания начинают вовлекаться самые разнообразные компоненты, связанные со скрытыми мотивами поведения человека в конкретных ситуациях. Это поставило многих ученых перед необходимостью изучения глубинных структур личности, поскольку при анализе и оценке человеческой деятельности исследователь постоянно сталкивался с такими поведенческими характеристиками, которые выходили за пределы сознательного и рационального в человеке.

1. Одним из тех, кто при изучении характера и причин возникновения неврозов оказался перед необходимостью исследования природы психического, внутреннего мира "Я" и тех структур, которые не вписывались в собственно "сознательное" в человеке, был Зигмунд Фрейд (1856-1939). На первых же этапах теоретической и практической работы для него стало очевидным, что отождествление психического с сознательным, имевшее место в исследованиях психологов, физиологов л философов XIX столетия, оказывается бесплодным и нецелесообразным, поскольку при этом становится невозможным непротиворечивое объяснение непрерывности развертывания психических процессов. В поведении и переживаниях человека есть немало такого, что невозможно объяснить ссылками только на сознательные акты человеческой психики. Научная интерпретация психической жизни требует допущения таких психических актов, которые наряду с сознательными составляют важное содержание психики. Поэтому, согласно Фрейду, исследователь вправе не только допустить существование психического бессознательного (в качестве рабочей гипотезы для дальнейших теоретических построений), но и работать, опираясь на это допущение.

Фрейдовское допущение наличия бессознательной душевной деятельности - это, по существу, продолжение коррективы, внесенной в своз время Кантом в понимание природы восприятий. Подобно тому, как Кант подчеркивал важность понимания субъективной условности человеческого восприятия и нетождественности восприятия с неподдающимся познанию воспринимаемым, так и Фрейд акцентировал внимание на неправомерности отождествления осознаваемых восприятий с бессознательными психическими процессами. У основателя психоанализа не оставалось другого выхода, как объявить душевные процессы бессознательными, а восприятие их сознанием сравнить с восприятием органами чувств объектов внешнего мира. Отсюда - основное утверждение ортодоксального психоанализа, что все душевные процессы по существу бессознательны, а сознательные - это лишь отдельные эпизоды в душевной деятельности человека [2, 28; 3, 78].

В делении психики на сознательное и бессознательное Фрейд не является первооткрывателем, на что, кстати говоря, он и сам не претендовал. Указывая на необходимость допущения существования бессознательного психического, Фрейд неоднократно отмечал, что упоминание о бессознательном содержится в высказываниях поэтов и философов, которые понимали всю важность этого феномена для раскрытия внутренней жизни человека. Однако фрейдовское понимание бессознательного отлично от тех его трактовок, которые имели место в различных философских системах прошлого. Фрейда в первую очередь интересует конкретное содержание бессознательного, тот скрытый смысл, который стоит за этим понятием. Он пытается постичь существо бессознательных процессов и с этой целью само бессознательное психическое подвергает аналитическому расчленению, посредством чего удается выявить двойственный смысл данного понятия. С одной стороны, согласно Фрейду, существует скрытое бессознательное: сознательное представление о чем-то может в последующий момент перестать быть таковым, но затем, при определенных условиях, способно снова стать сознательным. С другой стороны, имеется вытесненное бессознательное: некоторые представления не могут стать сами по себе сознательными потому, что им противодействует какая-то сила, и устранение этой противодействующей силы возможно лишь на основе специальной психоаналитической процедуры. Первый вид бессознательного Фрейд называет предсознательным, чтобы тем самым отличить его от вытесненного бессознательного, или собственно бессознательного психического, с которым, как правило, и имеет дело психоанализ.

Рассматривая протекание психических актов в системе сознания и бессознательного, Фрейд основное внимание уделял исследованию сферы бессознательного. Подобно мыслителям прошлого, он также поднимал вопрос о том, каким образом человек может судить о своих бессознательных представлениях. Если последние не являются предметом сознания, если они не осознаются человеком, то можно ли вообще говорить о наличии в психике бессознательных представлений? Многие философы XVIII и XIX столетий давали отрицательный ответ на этот вопрос, считая, что сознание дает возможность различать целый ряд оттенков ясности человеческих представлений и, следовательно, можно говорить лишь о слабооеознаваеатых, но не бессознательных представлениях. Фрейд не соглашается с подобной точкой зрения: при таком, подведении неясных, слабоосознаваемых представлений под понятием "бессознательного", считает он, утрачивается единственно возможная и непосредственная достоверность, существующая в области психического. Идея тождества психического и сознательного закрывает доступ к исследованию реально протекающих психических процессов, наличие которых совершенно не зависит от того, осознает ли их человек или нет. Поэтому Фрейд решительно кладет в основу своих теоретических представлений понятие о бессознательной душевной деятельности человека, стремясь раскрыть законы функционирования бессознательного, которые во многих отношениях, как полагает он, отличаются от законов, определяющих деятельность сознания.

На основании своих клинических наблюдений Фрейд пришел к выводу, что характерная особенность психики невротика заключается в том, что она вся находится во власти бессознательных представлений. Это положение было затем перенесено им и на психически здорового человека.

Согласно теории Фрейда, бессознательное составляет регулярную и неизбежную фазу в протекании процессов, лежащих в основе психической деятельности каждого человека: любой психический акт начинается как бессознательный и только в дальнейшем своем развитии он может проникнуть в сознание, но может так и остаться бессознательным, если на пути к сознанию встречает непреодолимую для себя преграду. Фрейдовское допущение бессознательного психического, таким образом, не ограничивалось только констатацией самого факта существования в психике человека бессознательных представлений. Усилия Фрейда были направлены на то, чтобы попытаться объяснить механизм перехода психических актов из сферы бессознательного в систему сознания.

Бессознательное, согласно Фрейду, человек может узнать путем превращения его в сознательное. Но каким образом это возможно и что значит сделать нечто сознательным? Можно допустить, что внутрипси-хические бессознательные акты доходят до поверхности сознания или, наоборот, сознание проникает в сферу бессознательного, "улавливает" и распознает бессознательные процессы, акты и представления. Однако обе эти возможности, по Фрейду, одинаково неприемлемы. Как же выйти из данного тупика? И здесь Фрейд приходит к решению, о котором в свое время говорил еще Гегель, высказывая остроумную мысль: ответ на вопрос, который философия оставляет без ответа, заключается в том, что данный вопрос должен быть иначе сформулирован. Не ссылаясь на Гегеля, Фрейд именно так и поступает: вопрос, "каким образом что-либо становится сознательным?", он замещает другим: "каким образом что-нибудь становится предсознательным?" Ответ звучит так: нечто может стать предсознательным посредством соединения его с соответствующими словесными представлениями, которые являются следами воспоминаний, некогда воспринятых сознанием, но забытых за давностью времени. Отсюда - "сознательным может стать лишь то, что некогда уже было сознательным восприятием" [7, 16].

Эти рассуждения Фрейда поразительно напоминают мысли Платона о знании как процессе припоминания чего-то такого, что уже раньше имелось в душе человека. Платоновское учение о познании строилось на той предпосылке, что в душе человека заранее заложено смутное знание, которое нужно только припомнить, сделав его объектом своего сознания. Аналогичное допущение кладет в основу психоаналитической теории познания и Фрейд. Разница состоит лишь в том, что Платон исходил из предпосылки существования объективной мировой души, вещный мир которого в идеальных образах отражен в человеческой душе, в то время как Фрейд говорит о предметных бессознательных представлениях, содержащихся в психике самого человека. По убеждению Фрейда, сознательные и бессознательные представления не являются "записями" одного и того же содержания в различных психических системах: сознательное представление включает в себя представление предметное, оформленное в словесное, а бессознательное состоит из одного лишь предметного представления. Процесс узнавания бессознательного в данном случае происходит тогда, когда имеющееся предметное представление облекается в словесное. Отсюда - важное значение, которое Фрейд придавал роли языка, лингвистических построений в раскрытии болезненных симптомов раздвоенности сознания. Далеко не случайно, что метод "свободных ассоциаций", используемый при лечении невротиков, основывается на смысловых значениях непроизвольно вырвавшегося слова, высказывания, за которыми стоит предметное содержание бессознательного психического.

Новой постановкой вопроса, "каким образом нечто становится предсознательным?" Фрейду удалось частично разрешить проблему соотношения предметных и словесных представлений, оформляющихся на уровне бессознательной и сознательной психических систем. В специальных работах, посвященных рассмотрению описок, обмолвок, ошибок, забывания имен, мотивов поведения и случайных действий, а также шуток, каламбуров, анекдотов, юмористических рассказов, основатель психоанализа пытался раскрыть динамику соединения бессознательных представлений с языковыми образованиями [6; 4]. На уровне предсоз-нательной системы он действительно обнаружил некоторые смысловые значения бессознательных представлений благодаря анализу тех словесных выражений, которые удалось зафиксировать в живой речи человека, являющегося объектом психоаналитического исследования. Но выявление этих смысловых значений и расшифровка "следов" бессознательного в системе предсознания еще не решали вопроса о возможности осознания бессознательного.

Прежде всего исследователь сталкивался с проблемой постижения того скрытого смысла действительного содержания бессознательных представлений, который, хотя и приоткрывался аналитическим расчленением языковой ситуации, но, тем не менее, не выявлялся до конца, так как за словесными представлениями человека стоял собственный "язык" бессознательного. Психоаналитик должен был не только распознать смысловое содержание, стоящее за языком человека, но и перевести на доступный человеческий язык тот символический "язык" бессознательного, который скрыт как от наблюдаемого, так и от самого наблюдателя. Здесь-то и возникает трудность, обусловленная тем, что если интерпретация словесных представлений человека допускает самое произвольное толкование со стороны психоаналитика, поскольку языковая ситуация вплетается в контекст субъективного мышления исследователя, то еще большая произвольность может быть допущена при истолковании символического "языка" бессознательного.

Фрейд попытался разрешить это затруднение путем однозначной интерпретации "языка" бессознательного: за словесной формой он всюду усматривал сексуальные символы, маскирующие истинный смысл бессознательных

представлений человека. Однако это мало что меняло во фрейдовской картине узнавания бессознательного, происходящего в системе предсознательного, где предметное представление, как полагает основатель психоанализа, встречается со словесным. Во-первых, фиксируемая связь предметных представлений со словесными еще не совпадает с процессом осознания бессознательного, а создает лишь возможность, предпосылку для него. Во-вторых, у Фрейда речь идет об осознании одного вида бессознательного или, по его терминологии, предсознательного, но ничего не говорится о вытесненном бессознательном.

Что касается первой части изложенного замечания, то Фрейд сам чувствовал порой необоснованность своих постулатов, изредка ограничиваясь указанием на возможность, но не обязательность осознания бессознательного при встрече предметного представления со словесным 3, 158]. Второе же замечание вскрывает парадоксальную ситуацию: говоря об осознании предсознательного в теоретическом плане, Фрейд на практике, по сути дела, имел дело не с предсознательным, а с вытесненным бессознательным: терапевтическое лечение методами психоанализа основывалось на переводе именно вытесненного бессознательного в сферу сознания человека. Такое несоответствие в его логически продуманной системе может быть объяснено скорее всего тем, что фрейдовское решение проблемы осознания бессознательного носило незавершенный характер и не было удовлетворительным для него самого. По крайней мере, в споре со сторонниками философии тождества психического с сознательным Фрейд, отстаивая правомерность допущения бессознательного психического, в то же время был вынужден признать, что, хотя психоаналитик может указать на область проявления бессознательных актов, тем не менее, он так же, как и большинство философов, "не может сказать, что такое бессознательное" [5, 15]. Данное признание Фрейда является весьма симптоматичным: оно свидетельствует о том, что, поставив и попытавшись раскрыть проблему бессознательного психического, классический психоанализ оказался не в состоянии научно разрешить ее, дать исчерпывающие ответы на вопросы: "что такое бессознательное?" и "каким образом можно познать бессознательное?".

2. Недостатки и методологическую ограниченность психоаналитического исследования проблемы бессознательного попытался преодолеть швейцарский психиатр Карл Густав Юнг (1875-1961), который выступил со своим собственным учением, получившим название "аналитическая психология". Юнг критически переосмыслил фрейдовские идеи о бессознательном психическом, о соотношении сознательного с бессознательным, о возможности познания бессознательной деятельности человека. Если основателю психоанализа так и не удалось преодолеть разрыв между сознанием и бессознательным, которые выступали у него в качестве самостоятельных сущностей, постоянно конфликтующих между собой, то Юнг, почувствовав ограниченность такого подхода к раскрытию природы бессознательного психического, попытался выйти за рамки одной лишь внутрипсихической проблематики. Это не означало, что швейцарский психиатр отверг фрейдовскую концепцию бессознательного и выдвинул совершенно новые принципы изучения человеческой психики. Наоборот, Юнг отталкивался именно от фрейдовского понимания бессознательного, признавая за бессознательным главенствующую роль в жизнедеятельности человека и считая, что поведение личности предопределяется скорее бессознательными влечениями, чем разумной мотивировкой. Вместе с тем он нашел такой поворот в исследовании этих процессов, который позволил иначе взглянуть на соотношение между сознанием и бессознательным, объективными и субъективными факторами человеческого поведения, а также по-особому подойти к анализу природы бессознательного и возможности его осознания. Это стало возможным после того, как Юнг ввел в свою аналитическую психологию понятие установки и с помощью данного концепта попытался раскрыть то, что не удалось сделать Фрейду.

Понятие установки не было введено в психологию непосредственно Юнгом. В конце XIX столетия этим понятием пользовались немецкие психологи Мюллер, Шуман, Ланге, Эббингауз. В рамках экспериментальной психологии Ланге, а затем Мюллер и Шуман показали, что в процессе многократного повторения одних и тех же действий у человека вырабатывается определенная предрасположенность, готовность к восприятию и реагированию на конкретную внешнюю ситуацию. Эта готовность ж восприятию и реагированию определенным образом рассматривалась ка,к установка индивида по отношению к чему-то. Эббингауз соотнес установку с психологическим состоянием индивида, возникающим в процессе привычного совершения одних и тех же действий. Юнг исходил из эббингаузовского понятия установки, понимая под ней "готовность психики действовать или реагировать в известном направлении" [8, 453]. Это понятие, по мнению швейцарского психиатра, важно -именно в психологии сложных душевных явлений, так как при помощи него можно раскрыть своеобразие психологических состояний человека, на основе которых формируются и срабатывают определенные типы поведения. Иметь установку - значит быть готовым к чему-то определенному, независимо от того, если даже данная определенность является бессознательной. Важно в данном случае то, что у человека уже имеется априорная направленность по отношению к соответствующей определенности. Таким образом, под установкой Юнг понимает готовность психики, состоящую всегда в том, что имеется налицо субъективная предрасположенность к чему-то, определенное сочетание психических факторов или содержаний, благодаря которым устанавливается соответствующий способ восприятия внешней ситуации или образ действия, реагирования на нее.

В свете понятия установки фрейдовская проблема бессознательного воспринимается Юнгом под определенным углом зрения: не отрицая важности и значения бессознательного в психической жизни человека, швейцарский психиатр подвергает критике психоаналитическое представление о сексуальной обусловленности бессознательной человеческой деятельности. Как известно, Фрейд сводил мотивировку любой деятельности человека, в том числе и творческой, к семейным факторам, переживаниям раннего детства, сексуальным компонентам. На материале клинического .изучения шизофрении и разборе некоторых художественных произведений Юнг показывает, что подобный взгляд на бессознательное страдает односторонностью. По его убеждению, дело совсем не з сексуальности, а исключительно в установке, которой подчинена всякая деятельность, в том числе и сексуальная. Отличие аналитической психологии от психоанализа Фрейда заключается в том, что предмет исследования первой выходит за рамки сексуальной проблематики, с которой, как правило, имеет дело психоанализ. Точка зрения Фрейда представляется ценной, считает Юнг, лишь в плане выявления болезненных проявлений психики, но ома совершенно неудовлетворительна в смысле общего подхода к объяснению функционирования человеческой психики в целом. То, что находится по ту сторону деятельности человека, это его установка по отношению к этой деятельности, при помощи которой можно объяснить бессознательные и сознательные акты, лежащие в основе мотивационного поведения индивида. Поэтому в аналитической психологии исследуется прежде всего проблема установ-к и, позволяющая по-иному взглянуть как на объективные и субъективные факторы человеческой деятельности, так и на проблематику бессознательного. Юнгу таким образом удалось зафиксировать слабые в методологическом отношении стороны фрейдовской концепции бессознательного, согласно которой причинная связь внутрипсихических явлений выводилась непосредственно из фактов бессознательного психического, и в результате такой позиции из поля зрения, как правило, выпадала взаимосвязь психических процессов с феноменами объективного внешнего мира.

Говоря об этом, необходимо отметить, что с точки зрения теории установки фрейдовские представления о бессознательном были в дальнейшем подвергнуты всестороннему критическому анализу грузинской" психологической школой Д. Н. Узнадзе, показавшей, что реальная возможность для глубокого осмысления психики человека и действительного раскрытия проблемы бессознательного создается лишь при условии освобождения фрейдовского понятия бессознательного от психического содержания, присущего сознательной жизни, и отыскания для него другого содержания, не оторванного от связи с психикой [см. 8 и 9]. Узнадзе* подчеркивает, что "понятие установки как раз и представляет собой концепт, который больше всего подходит для решения этой задачи" [1, 179] (*Присоединяясь к даваемой В. М. Лейбиным критике представлений К. Юнга как идеалистических, необходимо подчеркнуть и крайнюю противоречивость (неоднородность) этих представлений. Развивая концепцию бессознательного, Юнг связывает ее, как известно, с учением об "архетипах", проникнутым глубоким социальным пессимизмом и лишенным строго-научного характера. Идеалистическое же истолкование идеи установки выхолащивает это понятие и заранее исключает для Юнга, как это хорошо показывает В. М. Лейбин, возможность использования тех преимуществ, которые придают идее установки - при ее методологически правильном истолковании - значение одного из центральных концептов современной психологии. - Редколлегия*).

Юнг поднял, по сути дела, ту же самую проблему, хотя, конечно, предложенное им решение этой проблемы принципиально отличалось от того, которое было обосновано и осуществлено в работах Д. Н. Узнадзе и его учеников, посвященных исследованию психологии установки.

В контексте настоящей статьи важно подчеркнуть, что Юнг не только почувствовал и осознал узость и односторонность фрейдовского подхода к исследованию бессознательного психического, но и попытался наметить альтернативный путь анализа человеческой психики через призму понятия установки. Другое дело, что его замысел не соответствовал возможностям аналитической психологии: альтернативный путь оказался для Юнга если не тупиком, то во всяком случае и не выходом, так как юнговское понятие установки по своему смыслу и внутреннему содержанию совпадало, по существу, с теоретическими воззрениями Фрейда на субъективную детерминацию человеческой психики.

Установка, по мнению Юнга, всегда имеет определенную направленность, которая (может быть как сознательной, так и бессознательной. Причем совершенно неважно, осознается эта направленность или нет. Выбор действия индивида априорно дан установкой, и поэтому в дальнейшем практическое осуществление направленной деятельности происходит автоматически. Довольно часто у человека наблюдаются одновременно две установки, и именно такая двойственность установки обусловливает возможность возникновения неврозов.

Рассматривая проблему установки, Юнг стремился учесть как субъективные, так и объективные факторы, образующие определенную предрасположенность человека, его готовность к совершению конкретных действий. В его работах можно встретить рассуждения о так называемой общей установке, которая выступает в качестве конечного результата всех факторов, оказывающих существенное влияние на психику индивида. К этим факторам он относит врожденные свойства человека, качества, приобретенные в процессе воспитания, влияния социального

окружения и внешней среды, индивидуально-личностные устремления и коллективные убеждения, представления. Все вместе взятое определяет общее значение установки, способной привести к таким изменениям во взаимоотношениях между различными функциями психики, что порой невозможно предусмотреть последствия, вытекающие из сложного переплетения внутренних и внешних факторов, обусловливающих мо-тивационное поведение индивида. Наряду с общей установкой Юнг говорит также о внешней и внутренней установках, или экстравертирован-ной и интровертированной. Это подводит его вплотную к рассмотрению механизмов экстраверсии и интроверсии и классификации психологических типов личности. Характерно, что деление психологических типов на экстравертированный и интровертированный было осуществлено именно на основе понятия установки. Юнг исходил из того, что мотивированное поведение одного человека обусловливается преимущественно внешними объектами его интересов, в то время как жизнедеятельность другого зависит, как правило, от его субъективной предрасположенности. Как внешняя, так и внутренняя ситуации часто благоприятствуют одному какому-то механизму и ограничивают другой, в результате чего происходит перевес какого-то определенного механизма и возникает привычная, типическая установка. Так создается реальная основа для классификации психологических типов, руководствующихся в своих действиях экстравертированной или интровертированной установкой.

3. В юнговском рассмотрении проблемы установки следует, таким образом, различать по крайней мере, три важных аспекта.

Во-первых, понятие установки в аналитической психологии Юнга не является инородным элементом, а органически входит в остов его теоретических концепций. Через призму этого понятия он пытается объяснить природу и функции бессознательного психического, взаимодействие между сознанием и бессознательным, мотивационную структуру поведения человека, психологические типы личности, уровни организации психики и даже такие феномены, как искусство, религия, культура. Так символика бессознательного характеризуется им символической установкой, творческая деятельность художника соотносится с внутренней установкой человека, а религия понимается как специфическая психологическая установка, особого рода приспособление индивида к внутреннему и внешнему миру.

Во-вторых, опираясь на понятие установки, Юнг пытался расширить горизонт видения действительных причин детерминации человеческой психики. Если в классическом психоанализе причинное объяснение направленности протекания и функционирования внутрипсихических процессов осуществлялось при помощи бессознательного психического, т. е. любой психический акт соотносился прежде всего и главным образом опять же с психическим актом, но только другого порядка, то в аналитической психологии через понятие установки открывалась возможность для рассмотрения взаимосвязей между объективными, внешними условиями и субъективными, внутренними предрасположениями, в своей совокупности детерминирующими психику индивида.

Юнговское понятие установки потому - на первый взгляд - выгодно отличалось от субъективно-идеалистичеаких истолкований, характерных для работ многих психологов XIX столетия. В экспериментальной психологии того периода понятие установки соотносилось, как правило, со степенью индивидуально-личностного, внутреннего переживания, в результате чего субъективная детерминация человеческой психики по-прежнему сохраняла всю свою значимость. У Юнга же проблема установки ставилась в иной плоскости: не исключая внутренней, субъективной предрасположенности к направленному действию человека, швейцарский психиатр акцентировал внимание на внешней ситуации, предопределяющей готовность психики действовать или реагировать в известном направлении. Он всячески стремился подчеркнуть объективную основу своих теоретических концепций, включая и психологию установки, чтобы тем самым показать отличие аналитической психологии от психоанализа Фрейда.

В-третьих, юнговское понятие установки предполагало учет и рассмотрение как субъективных, так и объективных факторов детерминации человеческой психики. Но... одно дело замыслы и стремления и другое - конечные результаты. Одно дело признавать на словах объективные факторы детерминации человеческой психики и другое, - что понимать под понятием "объективный фактор", какое содержание вкладывать в него. При такой постановке вопроса юнговская психология установки неожиданно предстает в совершенно новом виде, быть может, даже противоположном тому, к чему первоначально стремился основоположник аналитической психологии, пытавшийся отмежеваться от фрейдовского психоанализа.

Рассматривая объективную ситуацию и субъективную предрасположенность человека к совершению определенных действий и подчеркивая важность объективных ценностей, Юнг вместе с тем ставит, несомненно, акцент на значимости именно субъективного фактора и говорит об огромной "мироопределяющей силе" последнего, оказывающей влияние на общую установку индивида. Поскольку субъективный фактор рассматривается им как остающийся постоянно идентичным самому себе с древних времен и до наших дней (в

отличие от объективного фактора, который может непрерывно изменяться), то он является в понимании Юнга более обоснованной реальностью, чем внешний объект. Кроме того, для Юнга мир существует не только сам по себе, как объективная реальность, но и так, как он представляется человеку. При этом Юнг склонен считать, что вне субъекта нет объекта, поскольку для человека не существует мир там, где он не может сказать "я познаю". Это означает, что в юнговском представлении мир существует лишь постольку, поскольку существует субъект, и, следовательно, предопределяющим в психологии установки является именно субъективная предрасположенность человека, которая обусловлена не столько внешней ситуацией, сколько наследственно-данной психологической структурой.

Не случайно Юнг настойчиво подчеркивает, что в аналитической психологии исследуется не столько действительное отношение к объекту, сколько субъективная установка, в которой "объект сначала имеет значение лишь знака, указывающего на тенденции субъекта" [10, 426]. Решающим и предопределяющим моментом в человеческой жизнедеятельности для Юнга, таким образом, является не реальность объекта, внешнего мира, а реальность субъективного фактора, тех первоначальных представлений, которые возникают на основе бессознательных предрасположений индивида. В конечном счете юнговская психология установки имеет дело лишь с такими объективными факторами, воздействие которых на субъект оказывается уже предварительно опосредованным внутренним предрасположением человека. Поэтому аналитическая психология, претендующая на объективное рассмотрение закономерностей человеческой психики и именно с этой точки зрения выступающая против субъективизма классического психоанализа, в действительности является не менее ориентированной на субъективные факторы и бессознательное психическое, чем учение Фрейда.

Первоначальный замысел Юнга сводился к тому, чтобы при помощи понятия установки выйти за пределы лишь бессознательного и внутрипсихических явлений. Казалось, что открылась перспектива нового видения проблемы соотношения сознания и бессознательного психического. Во всяком случае психология установки позволяла разностороннее и глубже взглянуть на детерминацию психики, человеческой деятельности, чем это имело место в классическом психоанализе. Оставалось только признать, что установка не является изначально внутренним состоянием субъекта, а возникает в процессе воздействия на последнего определенной объективной ситуации. Однако в решении именно этого наиболее важного вопроса о природе и содержании установки Юнг становится на такую позицию, которая не только не приближает его к действительному пониманию детерминации человеческой психики, но свидетельствует о бесплодности попыток основателя аналитической психологии вырваться за рамки теоретических основ, допущений и постулатов классического психоанализа.

Не отрицая воздействия внешнего мира на формирование установки человека, Юнг в то же время дает такое толкование объекта, субъекта и их отношений между собой, что не остается сомнений относительно того, как понимаются в аналитической психологии предопределяющие факторы готовности психики действовать или реагировать в определенном направлении. Можно сказать, что рассмотрение проблемы установки Юнгом было заранее предопределено его собственной внутренней установкой, сложившейся не столько под воздействием его индивидуально-личностных устремлений, сколько под глубоким влиянием психоаналитических концепций Фрейда. Внутренне сопротивляясь и даже не приемля отдельные постулаты классического психоанализа, Юнг оказался, тем не менее, в положении, которое как нельзя лучше свидетельствует о подлинном характере возникновения установки у человека: его собственная установка определилась объективной реальностью, представленной в данном случае методологическими положениями и концепциями фрейдизма, и только на базе этой объективной реальности возникли все последующие субъективные моменты, которые обусловили специфическое видение Юнгом проблем, поставленных Фрейдом, и последующее развитие им его собственных теорий. Отсюда становится понятным, почему, пытаясь так остро противопоставить аналитическую психологию классическому психоанализу, Юнг сохраняет, тем не менее, фактически основные положения психоаналитического учения Фрейда о природе и функциях бессознательного психического.

Попытки решения проблемы бессознательного, предпринятые Фрейдом и Юнгом, свидетельствуют и еще об одном. В рамках фрейдизма научное решение проблематики бессознательного психического не может быть признано удовлетворительным. Это подчас вынуждены признать и сами теоретики классического психоанализа и аналитической психологии. Так, если Фрейд был вынужден констатировать, что психоаналитик не может дать исчерпывающий ответ на вопрос: "что такое бессознательное?", то Юнг, попытавшийся раскрыть ту же проблему через призму понятия установки, также пришел к неутешительному выводу, говоря о том, что "установка есть явление индивидуальное и не поддается научному рассмотрению" [10, 455].

Что же составляет несомненную заслугу обоих теоретиков, так это сама постановка вопросов о природе бессознательного психического, о соотношении сознания и бессознательного, о скрытых мотивах поведения человека. Попытки Фрейда и Юнга осветить проблему бессознательного, их претензии на единственно верное понимание и объяснение закономерностей функционирования бессознательного, причин возникновения и формирования установок оказались несостоятельными. Но из этих попыток можно извлечь полезные уроки, так

как поднятые Фрейдом и Юнгом проблемы, предложенные ими способы решения и их неудачи не только наводят на важные размышления, но и предостерегают всех исследующих проблематику бессознательного от тех тупиковых и ошибочных путей научного поиска, которые имели место как в классическом психоанализе, так и в аналитической психологии.

29. S. Freud and K. Jung: Attempts at a Psychoanalytical Solution of the problem of the Unconscious. V. M. Leibin

Institute of Scientific Information on Social Sciences, USSR Academy of Sciences, Moscow

Summary

The author examines the way the problem of the unconscious is postulated in Freud's psychoanalysis and Jung's analytical psychology and how it is resolved. The limitations of Freud's approach to the understanding of the sense meanings, the "language" of the unconscious and to the possibility of becoming aware of the unconscious are revealed. The significance and the role of the approach applied by Jung to the understanding of the relationship between the conscious and the unconscious, and the objective and subjective factors of human behaviour are indicated. It is concluded that attempts at a psychoanalytical solution of the problem of the unconscious and at an explanation of the laws according to which a person's set is shaped are untenable.

Литература

1. Узнадзе Д. Н., Психологические исследования, М., 1965.

2. Фрейд 3., Лекции по введению в психоанализ, М., 1923., 1.

3. Фрейд 3., Основные психологические теории в психоанализе, М., 1923.

4. Фрейд 3., Остроумие и его отношение к бессознательному, М., 1925.

5. Фрейд 3., Психоаналитические этюды, Одесса, 1926, с. 15.

6. Фрейд 3., Психопатология обыденной жизни, М., 1923.

7. Фрейд 3., Я и Оно, Л.. 1924.

8. Шерозия А. Е., К проблеме сознания и бессознательного психического. Опыт исследования на основе данных психологии установки, том 1, Тб., 1969.

9. Шерозия А. Е., К проблеме сознания и бессознательного психического, Опыт интерпретации и изложения общей теории, том 2, Тб., 1973.

10. Юнг К., Избранные труды по аналитической психологии, Цюрих, 1929, 1.

34. О некоторых философско-методологйческих проблемах психологической концепции Жака Лакана. Н. С. Автономова

Институт философии АН СССР, Москва

Концепции бессознательного, лежащие в основе многих буржуазных психологических теорий, тесно связаны с их философскими, методологическими, мировоззренческими предпосылками. Англо-американский неофрейдизм, психологические и психоаналитические концепции экзистенциально-феноменологической или бихевиористской ориентации характеризуются соответствующими различиями в понимании роли: бессознательного, его места в общей структуре и организации сознания и поведения индивида, в оценке средств и возможностей их научного познания и практической перестройки. Определенное место среди этих концепций занимает психоаналитическая концепция французского" исследователя Жака Лакана, представляющая собою структуралистское прочтение психоаналитической проблематики. Выявление специфики этого прочтения, а также осмысление ряда философских проблем, возникающих в этой связи, составляют предмет данного рассмотрения (*Некоторые*

понятийные и стилистические аспекты лакановской концепции были предметом анализа и критики в нашей статье [1], к которой мы и отсылаем читателя для первоначального знакомства с проблематикой).

Лакан решает проблему бессознательного, прибегая к лингвистическим аналогиям, и рассматривает свой подход как своеобразное "лечение словом". Это было ответом на ряд проблем психологического и психиатрического плана, возникших в контексте соотнесения лаканов-ской концепции с другими подходами к психологической проблематике. Две важнейшие исходные точки Лакана следующие. Во-первых, это полемика с традиционными ассоцианистскими концепциями, сводящими высшие проявления человеческой психики к элементарным реакциям, к разряду внеположных психике физиологических, биологических закономерностей, и защита психической реальности как специфического объекта исследования. Во-вторых, эта полемика с субъективистскими, интуитивистскими, феноменалистскими концепциями, усматривающими в "непосредственном чувствовании" единственный метод, соответствующий специфике психической реальности.

Ассоциационистские школы переносят на духовную жизнь человека механистическое понятие "следа" (l'engramme), основанное на реакциях животных в определенных экспериментальных условиях. Напротив, интуитивистский подход к психике абсолютизирует уникальную специфичность духовной психической жизни человека и отрицает возможность ее научного познания.

С одной стороны, выступая против ассоциационистских концепций, для которых все проявления психической жизни человека выступают лишь как ослабленные подобия чувственных восприятий, а познаваемость их достигается лишь путем сведения к биологическим закономерностям, Лакан напоминает о том, что истина для психолога определенным образом связана "с непосредственностью живого человеческого переживания, она есть ценность, связанная с порывами мистики, правилами моралиста, путями аскета, равно как и с находками мистагога" [2, 79]. С другой стороны, поднимая вопрос о достижении научного статуса как об одной из задач психоанализа, Лакан пишет слова, полные, одновременно, скепсиса и надежды: "Если психоанализ признан стать наукой (ибо пока еще он ею не является) и если ему не суждено выродиться в простую совокупность приемов (а, быть может, это уже произошло), то мы должны обнаружить смысл нашего опыта" [2, 267]. Средством такого научного (не субъективистского, но вместе с тем и не естественнонаучного) подхода к человеческой психике в ее нормальном и патологическом функционировании и выступает для Лакана аналогия между бессознательным и языком, речью.

По сути лакановская концепция может быть представлена как результат соединения двух основных проблемных линий - психоаналитической и лингвистической, ведущих начало от Фрейда и Соссюра. Об этом объединении свидетельствует само парадоксально заостренное выражение смысла лакановской концепции: "бессознательное - это язык", "бессознательное структурировано как язык". Вполне очевидно, что попытка синтеза этих проблемных линий не может не вызывать значительного переосмысления обеих: как фрейдовского понимания бессознательного, так и трактовки языка как формы логического мышления (а никак не бессознательного). Направленность лакановского переосмысления фрейдовской концепции позволяет говорить о своеобразной "дебиологизации", "десексуализации" в трактовке человека и его психики, о стремлении Лакана понять даже те уровни и слои психической структуры, которые у Фрейда оставались достоянием биологии, с точки зрения социальных механизмов языка и культуры. Направленность лакановского переосмысления сосеюровской концепции языка позволяет говорить о своеобразной "десемиотизации" этой трактовки. Это означает проблематизацию связи "знака" и "значения", или, точнее, "означающего" и "означаемого" в рамках атомарного знака: представление о непригнанности и скольжении означаемого и означающего друг относительно друга, о самостоятельности первого по отношению к второму.

Роль языка в фиксации и удержании специфики психической реальности определяется тем, что речь больного в психоаналитической ситуации является нейтральной почвой, на которой остаются следы психических состояний, процессов и структур самых различных уровней. Тем самым язык выявляется именно как та среда, которая позволяет осуществить требование "несистематизации", "несведения", "без-выборноети", то есть непредпочтения каких-то одних психических проявлений другим. Выполнение этого требования Лакан считает необходимым для защиты объекта психологии и психоанализа от механистического ассоционистского редукционизма.

Аналогия между бессознательным и языком обосновывает и второй полемический момент, значимый для лакановской концепции - возможность научного познания в области психологии. "Дискурсивность", расчлененность, определенная формоупорядоченность языков и языкоподобных механизмов делает возможным рациональное, логическое (а не интуитивное) познание психических процессов, основанных на этой аналогии. В рамках психоаналитической теории это означает, что бессознательное лишается своего "архаического", инстинктивного характера, будучи структурированным и структурирующим механизмом, а речь больного,

выявляющая это бессознательное, выступает для врача как поле анализа, содержащее некоторым образом структурированный и упорядоченный материал, доступный для рационального схватывания и осмысления.

В самом деле, бессознательное не может быть представлено лишь в результате некоторых негативно-интуитивных определений, как нечто такое, что не равняется сознанию и не является им. Понятие бессознательного, структурированного как язык, дает Лакану определенную оопору для позитивного конструирования концепции бессознательного.

Можно сказать, что решение "парадокса бессознательного" означает для Лакана выявление того, каким образом бессознательное участвует в функционировании мышления и поведения человека. "Бессознательное - это глава из моей истории, которая отмечена прочерком или же занята ложью, это глава, подвергающаяся цензуре. Но истина может быть обнаружена: наиболее часто она записана где-то в другом месте" [2, 259]. История бессознательного записана, например, в таких "памятниках", как человеческое тело со всеми его неврозами и психозами, в "архивных документах", например, в детских воспоминаниях, в семантической эволюции словаря, стиля жизни и характера человека, в тех отпечатках на соседних главах человеческой истории, по которым можно реконструировать пропущенную и искаженную главу. Функция врача заключается в том, чтобы помочь больному увидеть в разрозненных полубессознательных обрывках его воспоминаний его собственную историю и научить его читать эту историю. Среди всех этих "памятников" индивидуальной истории язык является, пожалуй, одним из наиболее надежных: его свидетельства могут быть проанализированы с -наибольшей точностью, а его данными, безусловно, легче оперировать.

Процесс расшифровки патологических симптомов и терапия психического заболевания происходит, согласно исходному лакановскому концептуальному уравниванию языка и бессознательного, в ситуации диалога, в ходе "речевой работы". Диалог врача и пациента - это уже не рассчитанная исключительно на вчувствование интроспекция, "не монолог с успокоительными иллюзиями, а напряженная работа речи" [2, 248]. Специфика языка как главного механизма взаимодействия людей в обществе, как многоплановой структуры, развертывающейся в диалоге, заключается, по Лакану, в том, что говорящий человек прежде, чем сказать что-либо, говорит для "кого-либо".

В речи больного до и помимо каких-либо конкретных содержаний (объективного мира или субъективного сознания) содержится некая не собственно информативная, но скорее побудительная интенция, некая направленность общего намерения больного, запечатлевающая напряженность социальных отношений (таковы карательная, агрессивная, искупительно-жертвенная, требовательная и др. интенции), которые, как правило, осознанно подавляются, а бессознательно выражаются, присутствуя лишь в неосознанных лексических и синтаксических особенностях речи больного. "Функция языка заключается не в информации, а в побуждении. Именно ответа другого я ищу в речи. Именно мой вопрос конституирует меня как субъекта" [2, 299]. Диалогичность речевого общения заставляет Лакана даже переосмыслить общеизвестную бюффоновскую формулу "стиль это человек", добавив к ней еще одно смысловое звено: "человек, к которому обращаются". А соответственно с этим и другой человек становится для нас не чем иным, как "местом возврата нашей речи", тем местом, где наши собственные "мысле-речи" определенным образом впитываются, осмысляются и возвращаются к нам уже в новом, преобразованном виде. Диалог врача и пациента как основа терапевтической практики приходит на смену монологическому, дидактическому, гипнотическому отношению врача к больному, при котором врач выступал не в качестве соискателя истины, но, напротив, в качестве носителя некой истины, внешней по отношению к больному. Диалог в лакановском понимании не означает непрерывного говорения: принципиально важным является здесь само наличие инстанции обращения, само внимающее присутствие врача: "...нет речи без ответа, даже если она встречает лишь молчание, при условии, что кто-то ее слушает; именно это и определяет ее роль в анализе" [2, 247].

Исходная начальная речь, посредством которой больной обращается к врачу, это "пустая" речь, лишенная внутренней связности. Напротив, цель и результат терапевтического курса, которые приводят больного к излечению, к исчезновению патологических симптомов, это достижение "наполненной" (pleine) речи, превращенной из разрозненных "архивных" документов во внутренне связную и последовательную историю. Таким образом, речь больного представляет собою нечто вроде лаборатории, в которой одновременно и подспудно осуществляется и анализ и синтез: расшифровка симптомов и определение места травм и воссоздание новой, "наполненной" речи, нового психического облика больного.

Симптомы болезни концентрируются в соответствии с напряженностью речевой работы в тех местах, где налицо разрыв или, наоборот, сгустки в речевой цепи - метафорические сгущения или метонимические замещения элементов. Таким образом, метафора и метонимия - эти традиционные приемы риторики и стилистики - служат для врача как бы мостом между смыслом и бессмыслицей. Для того, чтобы сделать речь больного свободной и

наполненной, "мы вводим его в язык его желаний, в котором, без его ведома, вдали от того, что он действительно говорит, держат речь его симптомы" [2, 294]. Именно потому, что симптом структурирован как язык, то есть запечатлен в сгустках или разрывах речи, он и способен разрешаться в анализе языка.

Получается, таким образом, что язык - это одновременно и "инструмент лжи" (то есть средство фиксации патологических симптомов) и орудие достижения истины (то есть расшифровки и распутывания речевых узлов, соответствующих патологическим нарушениям психики больного). Истина терапевтической практики (*Психоаналитическая терапия - это не чисто практический вопрос. Здесь Лакан остро полемизирует с англо-американскими неофрейдистами, главная забота которых, согласно его трактовке, - это включение больного в мир, в тот социальный контекст, из которого он оказался исключенным вследствие своей болезни, т. е. чисто "примиренческая" тенденция. Для Лакана терапевтическая проблематика тесно связана с вопросом о постигаемой при этом истине, а не только о прагматических последствиях лечения*), та межсубъектная истчна, которая достижима лишь в диалогическом общении индивидов, не есть те или иные конкретные содержания, но скорее совокупность некоторых условий, делающих само обозначение, смысл возможными. Истина заключается не в моей речи, не в речи моего собеседника, но в чем-то третьем - в некоторых общих для нас обоих условиях или, как говорит Лакан, .в "условностях обозначения" [2, 525].

Постановка вопроса об "условностях" или условиях обозначения и свидетельствует в концепции Лакана о проблематизации связи знака и значения, или означающего и означаемого, о необходимости выявить, каким образом, при каких условиях, согласно каким критериям, в каких ситуациях означаемое может соединяться с означающим, а значит и обозначение, как таковое, становится возможным. Лечение болезни происходит вовсе не на уровне оперирования конкретными смыслами и значениями, не на уровне соединения атомарных знаков, в которых означаемое и означающее взаимно пригнаны друг к другу, но в результате приведения бессвязных, но конкретных смыслов к некоторой, хотя и не лишенной конкретности, но приобретшей внутреннюю связность и формоупорядоченность системе условий обозначения.

Сама постановка вопроса об условиях обозначения в противоположность вопросу о функционировании готовых знаков и знаковых систем характерна не только для Лакана, но и для других представителей французского структурализма. Она по сути свидетельствует об их интересе к важнейшей проблеме духовного производства, о стремлении исследовать, каким образом в результате действия определенных структурирующих механизмов (которые и сами являются результатом социального и культурного развития, а не биологическим инстинктивным механизмом) возникают разнообразные продукты человеческого сознания и человеческой культуры.

Мы видим, что лакановское уравнивание языка и бессознательного не есть отождествление их в категориальном плане, но скорее попытка осмыслить рациональными средствами то, что с трудом поддается рационализации - то есть область бессознательного. Эта аналогия языка и бессознательного заведомо ограничена, поскольку лингвистические механизмы вовсе не налагаются на бессознательное без остатка, но покрывают лишь некоторые его аспекты и стороны. В таком ограниченном смысле лакановское уравнивание представляется вполне правомерным и оправданным - и в научном, и в практически-терапевтическом смысле. Однако Лакан не ставит вопроса о границах применимости этой концептуальной аналогии, выводя ее за рамки психоаналитической ситуации, в сферу самых широких философских обобщений. Ошибочность лакановской концепции начинается там, где он пытается представить язык уже не как средство проникновения в бессознательное и не как реальное поле взаимодействия двух субъектов, но как главную, если не единственную, детерминацию человеческой судьбы вообще: "Субъект не является причиной самого себя, он носит в себе причину, которая его расщепляет. Причина эта - означающее, без которого в реальном вообще не было бы субъекта. Субъект есть то, что одно означающее представляет другому означающему, к этому же сводится слушающий субъект: "оно" говорит в нем, обращается к нему, и тут он исчезает как субъект и становится означающим" [1, 835]. Таким образом, не субъекты, общаясь между собою, определяют содержание и форму (означаемое и означающее) того, о чем они говорят, но, напротив, означающее, отделившееся и освободившееся от означаемого или, иначе говоря, формальные структуры речевой цепи, оторванные от своего содержательного наполнения, происходящего в каждом акте речи, освещают субъекта в его разрыве с самим собой, в его "гетерономности", т. е. в непригнанности различных его граней и аспектов друг к другу. Согласно такой трактовке, и сам субъект возникает из взаимодействия означающих, поскольку именно перемещение и переструктурирование означающих определяют судьбу человеческих существ "в их отказах, ослеплениях, в их удачах, в их жребии, независимо от их природных дарований, социальных приобретений, независимо от их характера и пола" [2, 30].

В этом лакановском высказывании сконцентрирована та двойная редукция объекта, которая до сих пор проступала не очень четко, хотя и пронизывала подспудно всю его концепцию. Во-первых, человек полностью сводится к языку. Во-вторых, язык, обладающий в принципе множеством функций и аспектов, сводится к уровню означающего, т. е., согласно лакановскому словоупотреблению, к безличной формальной структуре. Именно на этой исходной редукции крепятся все дальнейшие выводы философского плана. Именно на основе этой

двухступенчатой редукции Лакан делает вывод о "ниспровержении" или "падении" субъекта, что, однако, вовсе не является единственно возможным выводом из адекватного философско-методологического осмысления психоаналитической ситуации в ее терапевтическом и гносеологическом смысле. В противоположность классической декартовской формуле "cogito, ergo sum; ubi cogito, ibi sum", в основе которой лежит тезис о полном совпадении субъекта мышления и субъекта существования, Лакан вводит другую формулу: "Я мыслю там, где я не есть, и я есть там, где я не мыслю" [8, 517]. А значит, главная проблема заключается не в том, чтобы соединять распавшиеся "cogito" и "sum" в одной общей плоскости (ибо задача эта заведомо неосуществимая), но в том, чтобы выяснить, тождественен ли "я говорящий" и "я говоримый", или иначе, субъект речи и объект речи-даже если, казалось бы, говорю заведомо я сам и говорю заведомо о самом себе.

В противоположность традиционному образу субъекта в классической буржуазной философии, то есть пониманию субъекта как центра отсчета содержаний сознания, "субъект бессознательного" (налицо уже заведомое противоречие в определении), мыслимый по аналогии с функционированием означающего в речевой цепи, "настигает" себя, совпадает с самим собой лишь внутри речевых разрывов и прежде всего - внутри главного разрыва - между означаемым и означающим: "лишь разрыв в означающей цепи способен верифицировать структуру субъекта как прерывности в реальном" [2, 801].

Теоретико-познавательные следствия своего понимания субъекта Лакан высказывает, в частности, в своей вступительной лекции к семинарам в 1965-1966 годах. Построение гуманитарной науки как лозунг и цель - это, считает Лакан, не что иное, как противоречие в определении, поскольку в науке не существует человека, как некоей целостности, но лишь ее объект, то есть уже определенным образом редуцированное ограниченное многообразие. Так, в теории игр, продолжает Лакан свое рассуждение, субъект фактически сведен к матрице значащих комбинаций, в лингвистике опять же нет "человека" как целостного субъекта; на различных уровнях анализа - лексическом, морфологическом, фразово-синтаксическом - субъекты различны, что и позволяет, в частности, выделить различные науки внутри общего лингвистического цикла. Специфика структуралистского подхода к проблемам гуманитарного познания заключается, по мнению Лакана, во введении такого особого типа субъекта, обозначить который можно только топологически, а наиболее подходящей моделью его является лента Мёбиуса, лишенная начал и концов, верха и низа, центра и периферии. Свои размышления на тему о субъекте как прерывности в реальном, как разрыве в означающей цепи, Лакан доводит до весьма решительных выводов общегуманистического плана: "Ясно одно, что если субъект и в самом деле находится там, в узле различии, тогда все ссылки на гуманизм становятся бесполезными" [2, 857]. Однако этот вывод не является необходимым следствием из той реальной ситуации, которую описывает Лакан. Ситуация эта свидетельствует не столько о "ниспровержении" субъекта, сколько о неразработанности специфической логики диалога, логики "субъект-субъектных" отношений, которая позволила бы описать все перипетии психоаналитической терапии более четко и точно, нежели "субъект-объектные" схемы естественнонаучного познания. В лакановской концепции эта логика существует скорее в виде концептуальных догадок и конкретных описаний, нежели в виде детальных и тщательных методологических и логических разработок.

Разработка логических средств для описания ситуации межсубъектного общения самым непосредственным образом связана с анализом объективного реального смысла этой ситуации. В действительности то, что кажется человеку его собственной чистой индивидуальной субъективностью, не является ни миражем, ни фантомом воображения, как: это порой явствует из рассуждений Лакана, а потому "ниспровержение", которое осуществляет со всеми этими образованиями сознания Лакан, усматривая в них чистые видимости, и не может быть реальным решением проблемы. Ошибка Лакана заключается вовсе не в том, что он считает конструкции типа "я", индивидуальное сознание, самосознание производными и вторичными по отношению к реальному миру человеческих взаимоотношений, но в том, что Лакан сводит этот мир социальных взаимодействий исключительно к речевым, языковым отношениям, к тому же, как уже было сказано, понимаемым очень узко. Измерение языковых взаимодействий действительно является одним из аспектов "реального бытия", опосредующего полюсы тождества "бытие" и "мышление" классической буржуазной философии, но оно-далеко не исчерпывает собою это бытие.

По сути своей "лингвоцентризм" лакановской концепции-это попытка, в той или иной мере характерная для всей современной буржуазной философии и психологии, осмыслить со свойственных ей позиций роль социальных факторов в формировании и функционировании человеческого сознания и психики. Социально-коммуникативная роль языка фактически пронизывает в современном обществе (особенно в так называемом массовом обществе) все другие формы и проявления социальной жизни людей. Язык входит в качестве составной части, условия и средства не только в те виды и формы социальной деятельности, которые непосредственно связаны с языком и фиксируются в-языке, но также и в те, которые, как кажется, вовсе или почти не связаны с языком.

Лакан видит в языке результат и возможность реконструкции некоторых объективных превращений, происходящих с сознанием и бессознательным в процессе функционирования человеческой психики. Однако

Лакан не делает следующего шага по пути объективного анализа проблемы и не рассматривает факторы социальной практики, "позволившие" языку претендовать на эту роль. Вследствие этого и многие другие проблемы, связанные с осмыслением психоаналитической ситуации в философском и методологическом плане, остаются в. концепции Лакана далекими от разрешения.

На самом деле "ниспровержение субъекта" и замена человека безличными механизмами языка и символическими системами культуры (что характерно не только для лакановской концепции, но и для других концепций французского структурализма, взятого как целое) - это не просто "преувеличение", "абсолютизация", "гипертрофирование" одних факторов в ущерб другим, не просто иллюзия сознания, преодолимая просвещением и рационалистической критикой, но следствие некоторых объективных превращений в самой социальной действительности. А следовательно, позитивной антитезой предлагаемым структуралистами решениям выступает не чисто гносеологическая критика и не преобразование сознания сознанием, но преобразование самого объективного бытия, основанное на марксистской разработке реальных проблем социальной диалектики и прежде всего проблемы превращенных форм сознания и деятельности, а также диалектики сознательного и бессознательного в познании и социальной практике.

34. On Some Philosophical and Methodological Questions of Jacques Lacan's Psychoanalytical Theory. N. S. Avtonomova

Institute of Philosophy, USSR Academy of Sciences, Moscow

Summary;

The article aims at showing some characteristic features of Jacques Lacan's theory of the unconscious. Lacan treats the unconscious not as a container of "dark archaic", instinctive impulses, but as a language of a certain kind and makes it thus open to rational grasping. Thus far the conceptual analogy between language and the unconscious proves fruitful both scientifically and therapeutically. However, Lacan understands this analogy as going far beyond the limits of a psychoanalytical situation: he sees in language not only the specific reality a psychoanalyst has to deal with and an instrument of his therapeutic treatment, but a primary factor determining man's thinking and behaviour-in fact, his whole life. Viewed from the Marxist point of view, this leads Lacan to a number of insurmountable difficulties in his philosophical conclusions, resulting in some cases in oversimplifications.

Литература

1. Автономова Н. С., Психоаналитическая концепция Жака Лакана. Вопросы философии, 1973, 11.

2. Lacan, J., Ecrits, Paris, 1966.

35. Принципы и противоречия структурного психоанализа Ж. Лакана. Л. И. Филиппов

Институт философии АН СССР, Москва

Жак Лакан, чье имя стало широко известно в связи с распространением во Франции с 60-х гг. структурализма, может считаться ныне одним из ведущих психоаналитиков не только Франции, но и Европы. После защиты докторской диссертации в 1932 г., не порывая с врачебной практикой, он посвятил себя преподаванию, и эта сторона его деятельности, принявшая форму семинарских занятий и выступлений на международных психоаналитических конгрессах, резюмирована в сборнике его трудов, вышедшем в 1966 г. и озаглавленном "Тексты".

Педагогическая деятельность одного из признанных лидеров структурализма проходит под лозунгом "Назад к Фрейду!" и сопровождается интригующими заявлениями, вроде следующего: "Бессознательное, высказывающее истину об истине, структурировано как язык, и поэтому, когда я учу вас этому, я высказываю истину о Фрейде, который позволил высказаться истине под видом бессознательного" [5,868]. Это и подобные ему заявления Лакана обнажают сердцевину его структуралистского подхода к психоанализу и мотивируют введение в практику психоанализа лингвистических методов описания психических и психотических проявлений личности.

Однако принципы собственно структурного психоанализа, ставшие предметом обсуждения в 60-х-70-х гг., были разработаны Лаканом много позже начала его врачебной и педагогической карьеры.Внимательное изучение

"Текстов" дает основание для деления системы воззрений Лакана на два пласта: развиваемое в 30-е-40-е гг. учение о психическом, в котором упор делается на описании функционирования воображения, и собственно структурный психоанализ (с начала 50-х гг.). В силу этого к уже цитированному выоказыванию Лакана о структурированности бессознательного можно прибавить заявление, сделанное им на одной из дискуссий в 1946 г. и как бы подводящее черту первому периоду его деятельности: "В наши дни, - сказал Лакан, - сделалось модой "преодолевать" классические философии. Что касается меня, то я бы мог сделать точкой отправления замечательный диалог с Парменидом. Ибо ни Сократ, ни Декарт, ни Маркс, ни Фрейд не могут быть "преодолены" в той мере, в какой они страстно добивались раскрытия того объекта, имя которому - истина" [5, 193].

Таким образом, уже в исходном пункте нашего изложения мы можем отметить раскол между позитивистскими устремлениями, характерными для структурализма и разделяемыми в наше время Лаканом (это выражается, в частности, в заявляемом им вместе с лидером французского структурализма Леви-Строссом нежелании обсуждать философские последствия вторжения структурализма в гуманитарные науки) [3, ЗОН, и философскими устремлениями его молодости.

Действительно, Лакан начинал как философствующий психиатр, стремившийся вобрать в свое учение духовные веяния современной ему Европы. А в пору его молодости во Франции господствовали основанные на бергеоновском интуитивизме феноменология и экзистенциализм. Не удивительно, что в ту пору Лакан заявлял о себе как о противнике позитивистской (сциентистской) психологии. Не случайно поэтому, что защищенная им в 1932 г. докторская диссертация "О параноическом психозе и его отношении к личности" стимулировала разработку одним из лидеров сюрреалистского движения С. Дали метода "параноической критики" [7, 148].

Противосциентистская направленность молодого Лакана нашла свое наиболее полное выражение в работе, посвященной описанию механизма воображения, представляющей собой доклад, прочитанный им в 1936 г. на одном из психоаналитических конгрессов и называющийся "Стадия зеркала и образование Я".

"Весь наш опыт, - утверждал в этом докладе Лакан, - противится тому... чтобы постигать "Я" как центрированное на системе "восприятие - сознание", организуемой принципом реальности, на основе которого создается сциентистский предрассудок" [5, 99]. Отметив, что уже в самом начале своего пути Лакан элиминирует принцип реальности, который, по Фрейду, наряду с принципом удовольствия регламентирует экономику психического, изложим вкратце суть лакановского учения о воображении.

Ключевым событием развития психического опыта, считает Лакан, является подмеченное уже Келлером и Болдуином явление. Ребенок, начиная с шестимесячного возраста, когда его инструментальный интеллект не поднимается даже до уровня шимпанзе, узнает свое отражение в зеркале. Узнавание своего образа, сопровождающееся радостным ликованием, в пору, когда ребенок находится в состоянии моторной немощи и зависимости от окружающей среды, составляет, по мнению Лакана, "символическую матрицу", к которой устремляется "Я" ребенка в своей изначальной форме до всяких последующих объективации в диалектике отожествления своего "Я" с "Другим" и до того, как язык водворит его субъективность в область универсального. Фиксация психического на своем собственном образе ("имаго"), увиденном в зеркале, служит основой для конституирования "Сверх-я" и для последующих, носящих характер вторичных образований, отождествлений "Я". Если мы вспомним, что, по Фрейду, на пути к нормальному функционированию либидо проходит последовательно ряд аутоэроти-ческих фиксаций, а именно: оральную, анальную и нарциссттичес-кую, то Лакан выдвигает во главу угла нарцисетическую стадию как стержневую, регулирующую все последующие воображаемые констелляции. Диалектика влечений и разрывов, в которой участвует зеркально повторенный "имаго", воспроизводит "киркегоровское повторение", ибо всегда и всюду стремится обрести свою самость, соответствующую зрительному впечатлению от собственного образа.

"Стадия зеркала" дает повод Лакану решительно порвать со всякой философией, исходящей непосредственно из "я мыслю". Прозрачный эфир мышления вытесняется "смутной" плотностью телесного образа. Именно поэтому в случае деструкции воображения, принимающей характер патологических проявлений, возможен бред по поводу "растерзанного", "разорванного" на куски человеческого тела и его отдельно располагающихся органов. Видения Иеронпма Босха в этом смысле еще в XV веке предвосхитили в живописи воображаемый универсум современного человека.

С точки же зрения общегуманитарной, то есть антропологических следствий, "стадия зеркала" знаменует собой зрительный эквивалент последующего отчуждения человеческой личности. Феномен "преждевременности" о рождения ((неспособность ребенка в первые месяцы жизни удовлетворять свои потребности самостоятельно), который был в свое время использован Адлером для обоснования "комплекса неполноценности", дает повод Лакану видеть в "стадии зеркала" зрительный образ изначальной расколотости субъекта, описанной им позже (в

редакции работы 1949 г., которая и напечатана в "Текстах") в терминах сартровского экзистенциализма, "изначальной нехватки" человеческой реальности, или "зияния" (по Хайдеггеру). Разрыв между зеркальным повторением "имаго" и собственным телом как раз и заполняется желанием и надстраиваемыми над ним воображаемыми констелляциями. Ибо "эротическое отношение, в котором индивид фиксирует себя в образе, отчуждающее его от самого себя, - это энергия и форма, составляющие источник той "страстной" организации, которую он назовет своим "я", - развивает Лакан свое учение в работе "Агрессивность в психоанализе" [5, 113].

В свете примата "стадии зеркала" главный конфликтный узел индивидуальных приключений, "комплекс Эдипа", оказывается вторичным, является интроекцией сравнительно поздно воспринятого зрительного образа "Отца", наслаиваемого на образ своего собственного тела. Далее. Расколотость "имаго" на собственное тело и на его повторение в зеркале составляет, по Лакану, парадигму последующего социального отчуждения и является фундаментом триады "Я-Другой-Объект влечения". Это обстоятельство и позволяет Лакану для описания последующих преобразований "Я" продуктивно использовать разработанную в философии Гегелем ("Феноменология духа") схему борьбы господского и рабского сознаний. Отказ же использовать "я мыслю" как исходный пункт описания функционирования психического мотивирует введение Лаканом "функции неведения" (meconnaissance). Эта функция, описанная Лаканом во многих работах, обосновывает в дальнейшем еще более радикальное изгнание принципа реальности из психоаналитической концепции. Суть ее состоит в использовании стихийно-материалистических догадок Фрейда, согласно которым сознание не является господином в своем собственном доме, но управляется недосягаемыми для него внешними моментами, коренящимися в бессознательном. Предметом неведения, по Лакану, являются объекты желания, з совокупности и составляющие реальность. Однако изгнание реальности как объекта восприятия, начатое Лаканом в пору разработки положений "стадии зеркала", в дальнейшем мотивируется убеждением его в том, что к реальности великолепно приспосабливаются, тогда как вытеснению подлежит истина [5, 521], открыть которую и предстоит психоаналитику. В чем состоит эта истина, мы скажем ниже, упомянув сначала о медицинских выводах, которые делает Лакан из "стадии зеркала". Выводы эти, обнаруживаемые во множестве его работ, свел воедино и сформулировал Ж. Пальмье, посвятивший Лакану специальное исследование. "Стадия зеркала" как образец, служащий опорой для патологических проявлений психического, структурирует их в двух важнейших выражениях: "Параноическая структура соответствует отчуждающему характеру стадии зеркала, отказу принять децентрирующую роль зеркальной игры, тогда как шизофреническая структура характеризует конфликт между тираническим "Я" и потенциальной (зеркальной - Л. Ф.) игрой [8, 37].

Таким образом, в ходе развития Лаканом учения о "стадии зеркала" было выделено представление об "имаго", которое Лакан объявляет понятием столь же фундаментальным для психологии, каким в свое время было галилеевское понятие неподвижной материальной точки, обосновавшее классическую физику [5, 188].

Однако в 1953 году в докладе, прочитанном на международном психоаналитическом конгрессе в Риме под названием "Функция и поле речи и языка в психоанализе", можно заметить смещение интереса Лакана в область того слоя психического, который делается доступным для психоаналитика только в ходе языковых обнаружений бессознательного. Собственно с этого доклада и начинается структуралистский период деятельности Лакана, опирающийся на положение о структурированности бессознательного как языка. Формула структурного психоанализа принимает вид: назад к Фрейду через достижения структурализма в лингвистике (Соссюр и его последователи) и в этнологии (Леви-Стросс). Ибо только несовпадение историко-географических координат первых очагов структурализма (Женева 1910 г. - Ф. Соссюр, Петроград 1919 г. - русские формалисты) с центром развития психоанализа, считает Лакан, помешало Фрейду сразу и безоговорочно принять структурный метод. Что касается самого Лакана, то уже в работе "О стадии зеркала", как она напечатана в "Текстах", содержится возможность для замены гетевской формулы "в начале было Дело" возвратом к первому стиху Евангелия от Иоанна "в начале было Слово". Ибо уже там Лакан предлагал описывать фантазмы с помощью "символического редукционизма" [5, 98], то есть сетки символов, пронизывающих собой бессознательное. Отныне сведение бессознательного и тождественного ему бытия личности к языковой символике, или цепям высказываний, приводит Лакана к последовательной деонтологизации личности, или сведению бытия к отношениям, которые складываются между языковыми символами и выявляются психоанализом.

Значение языка для формирования личности Лакан определяет, опираясь на работы Леви-Стросса. Приобщение к "символическому" слою личности, надстраиваемому над "воображаемым", начинается до рождения человека (брак родителей и соглашение о рождении ребенка) и продолжается после смерти (обряд погребения). Поскольку же символика ритуала поддается переложению на речь, то последняя, по Лакану, составляет транссубъективную реальность индивида. Овладение индивидом языковыми кодами приводит к тому, что бессознательное, которое представители глубинной психологии описывали как хранилище хаотических влечений, желаний и т. п., предстает не в биологическом, "природном" обличье, оно "окультуривается" (*По типу "вторжения" культуры в акустику, описанного Р. Якобсоном и М. Халле: "Фонологические модели, благодаря наложению логических правил на континуум звуков, являются вторжением культуры в природу". Новое в*

лингвистике, М., 1962, 11, 244). Алгоритм, с помощью которого Лакан предлагает описывать речевые обнаружения бессознательного, имеет форму записи S/s где S - означающее, s - означаемое, - черточка, или графема, символизирующая отъединение бессознательного (хранилище означаемых) от сознательной речи (система означающих).

На эти общеметодологические установки накладывается опыт Лакана - психоаналитика-практика.

В ходе общения "врача и пациента (эффект сопротивления большого) происходит отпадение означающих от сокрытых в бессознательном означаемых. Психоаналитик постоянно наталкивается на выпадение целых блоков означаемых. "Бессознательное, - разъясняет Лакан, - это та часть конкретной речи в ее трансиндивидуальном качестве, которой нехватает пациенту, чтобы восстановить непрерывность сознательной речи" [5, 258]. Исходя из этого обстоятельства, Лакан и предлагает вычленить истину, вытесняемую в бессознательное, с помощью одних означающих. "Соединение означающего и означаемого (их "прикалывание"), о котором я говорю, еще никому не удавалось совершить, ибо точка их схватывания всегда мифична, так как означаемые всегда находятся в состоянии блуждания, "соскальзывания" (отъединяются от означающего. - Л. Ф.); напротив, можно осуществить соединение (прикалывание) означающего с означающим и посмотреть, что из этого выйдет. Но в этом случае всегда происходит нечто новое..., а именно возникновение нового значения" [6, 112; см. также J. Lacan, Seminaire du 22.1.58, in J. Laptanche].

Это чрезвычайной важности положение обосновывает отделение семантики от синтаксиса в ходе аналитического курса. Личность отныне трактуется Лаканом как текст, а детерминированность речевых обнаружений бессознательного как синтаксис речи [5, 468].

Более того, Лакан укрепляется в убеждении, что означающее, отторгнутое от означаемого, может служить фактором, детерминирующим повседневное человеческое поведение, и для иллюстрации этого положения посвящает специальный семинар разбору одного из "логических рассказов" Э. По "Похищенное письмо" [5, 11-60], в котором письмо (означающее) с неизвестным для действующих лиц содержанием выступает как детерминанта их поведения.

Сведение бессознательного к речевым обнаружениям позволяет Лакану ввести в психоанализ приемы исследования, разработанные в лингвистике и в смежных с ней дисциплинах - топологии, риторике и т. п. Так, опираясь на разработанное Р. Якобсоном учение о наличии в языке двух осей - метонимической и метафорической [4, 875], Лакан определяет желание как метонимию нехватки бытия, а сновидение как метафору желания [5, 623]. Под определение метонимии и метафоры подпадают, соответственно, и фрейдистские понятия "переноса" и "конденсации". В таком случае невротическое замещение объекта желания (перенос) будет метонимией желания, а подлежащая расстройству функция или выполняющее роль неосуществленного желания тело - метафора желания [5, 518]. Наконец, "изломанность" речевых обнаружений дает повод Лакану ставить проблему риторики бессознательного. В докладе "Психоанализ и его преподавание", прочитанном в 1957 г., Лакан знаменательно закончил свое выступление: "Всякий возврат к Фрейду, который составляет предмет преподавания, достойный этого имени, произойдет только таким путем, посредством которого самая сокрытая истина обнаруживает себя в революциях культуры. Этот путь - единственное образование, которое мы претендуем передать тем, кто за нами следует. Оно называется стилем" [5, 458]. Такая установка предписывает аналитику достижение максимального культурного уровня, а также овладение лингвистикой и смежными с ней дисциплинами, пренебрежение которыми способствовало снижению интеллектуального уровня психоанализа после Фрейда. "Ибо нет ни одной более или менее изощренной формы стиля, - говорит Лакан в своем программном докладе в Риме, - в которую не устремлялось, бы бессознательное, не исключая стилистических фигур эрудитов, кончеттистов, прециозных, которыми оно так же не пренебрегает, как и автор этих строк, Гонгора психоанализа" [5, 521].

Характеризуя речь бессознательного, Лакан вспоминает "мыслительные фигуры" Квинтилиана и других античных риторов: перифразу, гиперболу, эллипс, отрицание, отклонение от темы и т. п., а также тропы: катахрезу, литоту, антономазию и т. п. Выявление стилистики бессознательного, закрепленного в синтаксисе невротической речи пациента, далеко не исчерпывает всех последствий, которые Лакан извлекает из своего врачебного опыта и из внедрения лингвистических моделей в психоанализ. Цепи "означающих", в которых объективируется бессознательное в ходе курса, захлестывают собеседника, происходит замыкание речевых цепей, вовлекающих в свою орбиту и говорящего и слушающего.

Речевые цепи подвергаются "скручиванию", и для их описания Лакан прибегает к топологической модели, известной в математике под названием "ленты Мёбиуса", скользя по которой аналитики выявляет ее невидимую часть, "изнанку". Прикалывание "плавающих", означающих "сбоку" разворачивает ленту в "лист Мёбиуса", субъект оказывается "положенным плашмя", бессознательное превращается в плоскость, а декартовская формула

переосмысляется в свете этих образов и принимает вид: я мыслю там, где я существую [5, 516]. Речевые цепи могут быть описаны с помощью теории групп, теории множеств и других математических понятий. Мера интеллектуализации психоанализа, по Лакану, определяется' степенью формализованное и его исследовательских процедур.

Принципиальная возможность математизации психоанализа мотивирует его нетерпимое отношение к интуитивизму, "понимающему" методу, интерпретации и т. п. Интуитивизм Бергсона характеризуется им как "метафизика чревовещания" [5, 163]. Неменьшую неприязнь вызывает у Лакана "мантичеекое" искусство К. Юнга.

Отказ от "понимания" снимает необходимость учета интенциональной природы сознания, а вместе с ним и субъекта. И действительно, в топике бессознательного, разворачивающегося в горизонте символического, нет места для субъективности. Иронизируя по адресу американских неофрейдистов, создающих "социологическую поэму об автономном "Я", Лакан объявляет всякую теорию субъекта "блевотиной интуитивистской психологии" [5, 472], не учитывающей того факта,, что главной заслугой Фрейда было открытие "децентрации" индивидуального сознания. Благодаря тому, что мотивировка речевого поведения не осознается невротиком, бессознательное управляет речевым поведением, минуя функцию "я мыслю". Субъект, другими словами, не есть субъект высказывания. Содержанием бессознательного остается "общее место" фрейдистского человека - комплекс Эдипа, но оно осложняется, окутывается языковой субстанцией, которая представляет в глазах индивида социальную инстанцию. Вот почему второе основополагающее утверждение Лакана гласит: бессознательное есть речь "Другого", выступающего в качестве субъекта говорения. В рамках триады - "Ребенок-Мать-Отец", последний символизирует Другого, который регулирует обмен потребностями, происходящий в элементарной социальной ячейке - семье. Именно потребность в структуре желания, как его представляет Лакан, вводит в его концепцию, вопреки позитивистскому духу структурализма, спекулятивный привесок, разработанный Фрейдом в самой философской из его работ "По ту сторону принципа удовольствия", в котором психическое, а точнее - бессознательное, представлено как арена борьбы Танатоса и Эроса. Биологическая потребность в пище, питье и др. оказывается в своей сущности запросом любви, адресованным ребенком к матери, и выступает в роли маски желания. Так, мать в ответ на просьбу ребенка дать ему конфету, может сопроводить отказ лаской и тем самым удовлетворить его просьбу, то есть запрос любви.

Однако сохранность желания как фундамента психического сопровождается у Лакана очень существенными оговорками, которые внешне могут показаться преодолением некоторых положений Фрейда. Так, Лакан отказывается от понятия полового инстинкта как ведущего принципа человеческого поведения. Отдавая дань современной науке, когда даже биологи приходят к отказу от понятия инстинкта в силу его расплывчатости и неопределенности [1, 34], Лакан отводит половому инстинкту роль фонового цвета (т. е. лишенного собственного содержания), на котором разыгрывается драма борьбы за признание желания со стороны Другого [5, 851]. Говоря иными словами, и сведение бессознательного к языку и отказ от полового инстинкта существенно изменяют форму выражения психического, если использовать терминологию модных среди структуралистов копенгагенских глоссам антиков (Л. Ельмслев).

На вопрос о том, меняется ли субстанция содержания бессознательного в структурном психоанализе, приходится ответить отрицательно, поскольку сохранным остается главный сюжетный узел сценария бессознательного поведения - комплекс Эдипа, разворачивающийся в горизонте символического.

В своей символической функции Отец выступает не в физическом обличий, образ которого подвергался ребенком интроекции, но как Имя отца, символизирующего Закон. "Истинная функция Отца, - утверждает Лакан, - соединение желания и Закона" [5, 824]. Таким образом, содержательные характеристики бессознательного остаются в структурном психоанализе теми же самыми, что и у Фрейда, что как раз и соответствует намерениям Лакана.

Гораздо более трудный вопрос встает теперь, когда мы выявили в лакановском человеке наличие двух слоев - "воображаемого" и "символического". Вопрос состоит в том, каким образом соединяются между собой эти два слоя? Как Имя отца соединяет желание и Закон? Таким соединительным звеном в концепции Лакана оказывается фаллус, исполняющий роль фундаментального означающего. Очень четко эту мысль сформулировал Лакан в докладе "Значение фаллу-са", прочитанном в 1958 г.: "Фаллус - это привилегированное "означающее" той отметки, которая обозначает место соединения логоса и возникновения желания" [5, 692]. Открытие ребенком наличия фаллу-са у отца и у себя, отсутствие оного у матери и вытекающие отсюда последствия хорошо знакомы всякому из учения Фрейда. Лакан в подкрепление своего тезиса привлекает обширнейшие факты из архаических слоев культуры, так или иначе имеющие отношение к фаллическому культу.

Однако фаллус в роли фундаментального означающего не являет себя в обнаженном и неприкрытом виде. В подавляющем большинстве случаев он оказывается скрытым значением, заслоненным другим означающим или, наоборот, он сам скрывает значение, подлежащее выявлению. "Фаллус есть "означающее" самого откровения (Aufhebung), которое он открывает (инициирует) своим исчезновением. Именно поэтому демон Целомудрия возникает в тот самый момент, когда в античной мистерии фаллус подвергается откровению (ср. знаменитую живопись виллы Помпея)" [5, 692]. Фаллус оказывается, таким образом, и сокрытой, метафорически замещенной реальностью Нуса и Логоса и, наоборот, "означающим", с которым отождествляет себя желание. Таким образом происходит смещение фундаментального "означаемого" фаллуса и превращение в главное "означающее" абсолютно Другого, которое выступает в двух ипостасях Имени Отца, символизирующего и Закон и Бога. После фиксации психического на образе собственного тела происходит вовлечение в сферу психического маргинальных эрогенных зон, не имеющих зрительного эквивалента. В совокупности они составляют "ткань" ф.антазмов, ткань, являющуюся подкладкой, не имеющей "лица". Центр символического горизонта, или "я" Отца, или законодателя, накладывается на интроецированный образ собственного тела. "Отец" как законодатель в своем предельном проявлении'-это и есть бог, абсолютная субъективность, абсолютный "Другой", в говорении которого высказывание никуда не отсылает, благодаря нерасторжимой слитности означающего и означаемого. Высказывание есть означаемое. В связи с этим Лакан привлекает не Новый, но Ветхий завет и тревожит тень законодателя Моисея. Однако, не без горечи замечает он, "могила Моисея так же пуста для Фрейда, как могила Христа для Гегеля" [5, 818]. "Пустота могилы бога" и законодателя означает, что отсутствует "означающее", которое представляет субъекта для другого "означающего". Абсолютно Другой, высказывание которого совпадает с "означаемым", равен s. Тогда формула предельной субъективности принимает форму записи:

$$\frac{\text{S (означающее)}}{\text{s (означаемое)}} = \text{s (высказывание); при } S = -1 \text{ имеем}$$

$$s = \sqrt{-1}, \text{ то есть мнимой величине [5,819].}$$

Если отбросить это математизированное шаманство, перескочить через пассажи "Текстов", не поддающиеся прочтению, - то все это можно истолковать примерно так. В условиях, когда "бог умер", субъект не имеет точки опоры для отожествления с чем-то над ним стоящим, и вместо субъективности, или по Фрейду "Сверх-я", зияет дыра (расколотость) в системе бессознательного. Его место занимает фаллус, символ голого наслаждения. И с помощью виртуозного диалектического трюка Лакан низводит теологическую проблематику до отождествления мнимости Абсолютно Другого, равного √-1, с отсутствием фаллуса, равного также √-1 у объекта желания [5, 822]. Происходит совпадение психологической и теистической децентрации (то есть упразднения) субъективности в символическом слое личности. А коль скоро в отношениях с другими реализуется схема борьбы господского и рабского сознания, не удивительно, что в докладе "Ниспровержение субъекта и диалектика желания" (1960 г.), положения которого мы только что привели, содержится утверждение: "Аналитический опыт свидетельствует, что кастрация есть то, что во всяком случае регулирует желание как нормальное, так и анормальное" [5, 826]. Страх перед Другим принимает форму комплекса кастрации. Несколько шаржируя Лакана, можно сказать, что борьба сознаний протекает как. борьба фаллусов.

Медицинские последствия отождествления имени Отца с законом и выявление его знаковой (фаллической) природы состоят в том, что психоз отныне рассматривается как результат нехватки в системе бессознательного у психотика фундаментального "означающего" - Имени отца, или Другого в его земной ипостаси. Поскольку же Имя отца символизирует и Закон желания, Лакан прибегает к переводу фрейдистского понятия отрицания, отклонения (фр. rejet) на язык юридической практики и говорит об утрате права за просрочкой (forclusion) Имени отца. Утрата прав Имени отца знаменует собой "провал" фаллической метафоры и означает не голое отрицание, но воздержание от принятия во внимание опасности Кастрации, неприятие Имени отца как Другого, оспаривающего предмет желания психотика [5, 575]. Такова центральная мысль лакановской работы "О возможной трактовке психоза", в которой анализируются известные мемуары Шребера. Чтобы пояснить различие, которое существует между объявлением утраты прав и вытеснением, которое напоминает это явление, приведем пространное объяснение ученика Лакана С. Леклера: "Если мы представим себе опыт как ткань, то есть буквально как кусок материи, сотканной из перекрещивающихся нитей, мы можем сказать, что вытеснение имело бы вид разрыва или прорехи, при всей ее значительности поддающейся штопке, простой или художественной, тогда как утрата прав имела бы вид зияния, обязанного своим происхождением самой ткани материи, одним словом, изначальной дыры, которая никогда не могла бы обрести свою собственную субстанцию, потому что она сама есть не что иное, как субстанция дыры, и в силу этого ее можно было бы заполнить (всегда несовершенным образом) только, говоря словами Фрейда, каким-нибудь "куском" (цит. по T. Palmier [8, 88]). Частным случаем "изначальной дыры", зияющей в ткани бессознательного, или в "листе Мёбиуса", может быть отсутствие отца или матери и, таким образом, психоз может быть мотивирован чрезвычайно просто - неблагополучием семьи, в которой рос пациент.

На этом можно закончить изложение принципов структурного психоанализа. Чтобы выполнить обещание, содержащееся в заглавии статьи, нам следует кратко перечислить противоречия, содержащиеся в учении Лакана. Главное противоречие в общем позитивистского по своему духу учения структурного психоаналитика состоит в использовании гегелевской философии, того фрагмента концепции немецкого философа, который использовали экзистенциалисты - схемы борьбы господского и рабского сознания (*Характеризуя экзистенциалистскую полосу философского развития во Франции, связанную с философией Сартра, Деррида пишет: "Понятие нехватки, связанное с желанием и с инстанцией Другого в рамках диалектики раба и господина, начинало господствовать на французской идеологической сцене" (J. Derrida, Marges de la philosophic Paris, 1972, p. 138)*). Великолепно вписывающийся в общее место фрейдизма "комплекс Эдипа", включающий в себя момент борьбы с Законом, персонифицированным Отцом, борьбы за признание желания, позволяет Лакану использовать гораздо активнее, чем другим психоаналитикам, самую спекулятивную из работ Фрейда "По ту сторону принципа удовольствия". Второй "герой", "другой сцены", как называл Фрейд бессознательное - Танатос, играет не менее важную роль в структурном психоанализе, чем Эрос. Только недостаток места не позволяет нам сообщить здесь, какую роль отводит Лакан инстинкту смерти и отцеубийству в своем учении. Этой теме был посвящен его доклад "Агрессивность в психоанализе" в 1948 г. [5, 101-125].

Гораздо большее значение, чем содержательная характеристика этого момента учения Лакана, имеет, однако, оценка мировоззренческой его стороны. Дело в том, что вторую ипостась лакановского человека, изнанку развернутого в плоскость и сотканного из речевых цепей бессознательного составляет "бытие-к-смерти". Смерть - истина, дополняющая воображаемое и символическое лакановского человека, истина, подлежащая вытеснению. Именно смерть как истину человеческого бытия персонифицирует врач-психоаналитик, замещающий собой Другого (Отца), призванный открыть пациенту его смертную природу. Так, проделав структуралистский зигзаг, Лакан возвращается на "круги своя" - в лоно философской психологии (*Л. Альтюссер называет парадоксальными и "чуждыми сциентистскому предприятию* Лакана его ссылки на Гегеля и Хайдеггера [2,96]*). Поэтому "Тексты" производят впечатление не синтеза, покоящегося на едином принципе, пронизывающем все его части, а мозаики, составленной человеком, располагающим большой философской культурой. Говоря языком самого же Лакана, "Тексты" недостаточно "параноичны", ибо в "Послесловии", написанном Ж. Миллером, прямо говорится, что "Лакан разрабатывает теорию единственной идеологии: идеологии современного "Я", то есть параноического субъекта научной цивилизации" [5, 894].

Говоря другими словами, структуралистическая концепция психического у Лакана имеет экзистенциалистский привесок (или параграмму - букв, написанное рядом е.), который свидетельствует о наличии разрыва между формалистическими тенденциями его метода, отвергающего интуицию, понимание как ненаучные приемы исследования, и практикой Лакана-врача, имеющей дело с живым субъектом. И хотя Лакан-структуралист "вытесняет" эту истину из своего структурализма, она присутствует (в виде оговорки?) в докладе "Ситуация психоанализа и образование психоаналитика в 1956", произнесенном после программного Римского доклада. Не пытаясь анализировать эту оговорку, мы приведем ее и тем закончим наше сообщение: "Мы повторяем нашим ученикам: "Остерегайтесь понимать! и оставьте эту тошнотворную категорию г-ну Ясперсу и компании. Пусть одно из ваших ушей оглохнет, а другое превратится в слух. Пусть оно слушает звуки или фонемы, слова, выражения, изречения, не упуская пауз, скандирований, периодов и параллелизмов, ибо именно в них слово за словом приготовляется та версия, не имея которой аналитическая интуиция (разрядка наша. - Л. Ф.) остается без опоры и предмета" [5. 471].

Не является ли это высказывание признанием целемерности языкового поведения субъекта и косвенным признанием правомерности интуиции, понимания как средств его постижения? По-видимому, да. Это и заставляет думать, что структурный и "понимающий" методы стоят не в отношении взаимного исключения, но, скорее, взаимного дополнения, что охотно признают не чуждые философии структуралисты (Ж. Деррида и др.).

35. The Principles and Contradictions of J. Lacan's Structural Psychoanalysis. L. I. Filippov

Institute of Philosophy, USSR Academy of Sciences, Moscow

Summary

J. Lacan's structural psychoanalysis is an attempt at superimposing the models and formalizing schemes worked out in linguistics and mathematical logic upon classical psychoanalysis. The formalization of psychoanalytical experience, which lends spirit to the work of Lacan the theoretician, is at variance with the work of Lacan the practitioner. In Lacan's teaching the intellectualization of psychoanalysis, entailing the overthrow of the subject, is mechanically combined with an actual acknowledgement of the purpose-fulness of the subject's speech behaviour and an indirect acceptance of the lawfulness of intuition and comprehension as means of describing it. These contradictions are brought to light in the present paper.

Литература

1. Шовен Р., Поведение животных, М., 1972.

2. Althusser, L., Freud et Lacan. La nouvelle critique, 1964-1965, № 161 - 162.

3. Ducrot, O., Todorov, T., Sperber, D., Safouan, M., Whal, F., Qu'est-ce que le structuralisme? Paris, 1968.

4. Jacobson, R., Deux aspects d u langage et deux types de L'aphasie. Les Temps modernes, 1962, 188.

5. Lacan, J., Ecrits, Paris, 1966.

6. Leclaire, S., L'Inconscient. Les Temps modernes, 1961, 183.

7. Nadeau, M., Histoire de surrealisme, Paris, 1964.

8. Palmier, J., Lacan, Paris, 1972, p. 37.

47. Смена гипотез о нейрофизиологических механизмах осознания. Вступительная статья от редакции

(1) Вопрос о нейрофизиологической основе бессознательного выступает на современном этапе как обратная сторона проблемы, формулируемой более узко, но способной зато быть поставленной экспериментально: вопроса о нейрофизиологических механизмах, обуславливающих осознание психической деятельности. Легко понять, что, накопляя сведения о подобных механизмах, мы начинаем лучше понимать, какие мозговые процессы или состояния мозговых систем следует связывать с психической деятельностью, плохо пли даже вовсе не осознаваемой ее субъектом. Надо, однако, с самого начала указать, что разработка этой проблемы неизменно наталкивалась на огромные трудности, а ее результаты еще очень скудны и далеки от ясности.

Если проследить историю относящихся сюда исследований и попытаться наметить хотя бы в самых грубых чертах основные ее этапы, то обрисовывается характерная смена гипотез, каждая из которых оставила в науке нелегко стираемый след. Прежде всего здесь следует напомнить позицию, которую занял на заре века в вопросе о физиологических механизмах бессознательного и сознания 3. Фрейд. А далее - гипотезу, положенную И. П. Павловым в основу представления о факторах, обуславливающих осознание; попытки определения этих же факторов на основе результатов электроэнцефалографических исследований (Г. Джаспер, Г. Моруцци и др.) и, наконец, сближение проблемы осознания с проблемой правополушарной психики, начавшееся после известных операций рассечения мозолистого тела и межполушарных комиссур на человеке (Р. Сперри, М. Газзанига и др.). На каждом из этик этапов проблема физиологических основ сознания, а тем самым и бессознательного, толковалась по-разному. Мы напомним основные линии этих расхождений.

Позиция, занятая в обсуждаемом вопросе Фрейдом, хорошо известна. В литературе часто приводятся его высказывания, в которых, с одной стороны, подчеркивается неустранимость зависимости любой формы психической деятельности от лежащих в ее основе мозговых процессов, существование психологических феноменов только благодаря реализующим их физиологическим механизмам, а с другой - указывается, что помощь, которую могла оказать Фрейду современная ему нейрофизиология, была незначительной. Именно из-за этой малой информативности физиологии, подчеркивает Фрейд, он и пошел в попытках раскрытия законов душевной жизни человека по чисто психологическому пути. Тем самым проблема связи между осознанием и мозговым субстратом была для него как предмет исследования изначально снята.

Такое игнорирование проблемы вместо стремления найти хорошее ли, плохое ли, но какое-то определенное ее решение не могло, однако, быть последним словом исследования на протяжении сколько-нибудь длительного времени. И оно повлекло за собою в рамках самой же психоаналитической теории движение мысли в двух прямо противоположных направлениях. С одной стороны - вынужденного создания имплицитной "нейрофизиологии" (фрейдовской - "метапсихоло-гии"), всю чужеродность которой духу психоанализа подмечали многие еще задолго до работ Дж. Клайна (критика ортодоксального фрейдизма, о котором мы уже говорили во вступительной статье от редакции к II тематическому разделу). А с другой - отрицания права за нейрофизиологией объяснять данные психоанализа не из-за ее концептуальной слабости (упомянутая выше позиция Фрейда), а из-за принципиальной несводимости качественно своеобразных проблем, изучаемых психоанализом (динамики значений и смыслов), к категориям нейрофизиологического порядка (позиция Дж. Клайна, М. Гилла и др.).

В итоге же, несмотря на все различие этих ориентации, проблема отношения осознания к реальному мозгу снималась ими обеими в форме еще более радикальной, чем это было сделано на заре создания теории психоанализа самим Фрейдом.

Концептуальный подход И. П. Павлова оказался иным. Как это было естественно ожидать от исследователя, в центре внимания которого на протяжении долгих лет стояли вопросы нервного возбуждения и торможения, проблема осознания (а если говорить точнее - проблема ясности сознания) была поставлена им в прямую связь с проблемой возбуждения и возбудимости нервного субстрата. К вопросу об этой связи он возвращался неоднократно в обеих своих классических работах- в "Лекциях о работе больших полушарий" и в "Двадцатилетнем опыте", а чтобы придать своему пониманию более наглядную форму, он ввел в одной из своих лекций образ перемещающегося по коре больших полушарий светового пятна - своеобразную модель неустанного изменения степени возбуждения и возбудимости различных мозговых формаций.

Хорошо известно, как убедительно была подтверждена в дальнейшем (экспериментами, которые после открытия Мэгуном, Моруцци, Мак-Каллохом, Эрнандец-Пеоном и др. функций ретикулярной формации, активирующих и гипногенных систем также стали классическими) идея закономерной связи между возбуждением определенных нервных структур и изменением уровня бодрствования. Колебания уровня бодрствования не эквивалентны, конечно, феномену осознания в его психологическом понимании, - повышение уровня бодрствования является скорее лишь одной из предпосылок или одним из факторов осознания, - но вряд ли можно оспаривать, что определение физиологических механизмов изменения уровня бодрствования означало важный шаг в направлении раскрытия и тех физиологических процессов, от которых зависит осознание. Особенно отчетливо это было показано экспериментально при прослеживании влияния изменений уровня бодрствования на психологические процессы, связанные с осознанием качеств и последствий развертываемой субъектом деятельности. В художественной литературе проблема этих влияний была с поразительной прозорливостью отражена А. П. Чеховым в его трагическом рассказе "Спать хочется", повествующем о том, как под влиянием острой потребности во сне может в корне измениться осознание человеком не только окружающего, но даже значения и последствий его собственных поступков: мучительно страдая от потребности во сне, - и только вследствие этого, - няня убивает отданного на ее попечение, но мешающего ей спать маленького ребенка.

Нельзя поэтому не признать, что уходящая своими логическими корнями еще в первые павловские работы идея связи изменений уровня бодрствования с уровнем активности определенным образом локализованных десинхронизирующих и гипногенных мозговых систем открыла определенный путь для физиологического осмысления и сложнейшей, так долго остававшейся совершенно недоступной для рационального понимания проблемы мозговых механизмов осознания. Но, конечно, это был только первый шаг.

Дальнейшее продвижение в этой области оказалось связанным, главным образом, с дисциплиной, сложившейся окончательно лишь к концу первой половины нашего века и во многом повлиявшей на формирование представлений о законах работы мозга на уровне его как макро-, так. и, особенно, микросистем, - с электрофизиологией мозга. В настоящем коротком очерке нет, естественно, возможности сколько-нибудь подробно задерживаться на рассмотрении этого сложного развития мысли, мы ограничимся как его иллюстрацией только одним примером.

На состоявшемся около десяти лет назад в Риме представительном международном симпозиуме, посвященном проблеме "Мозг и осознаваемый опыт" [3], был заслушан доклад Г. Джаспера "Физиологические исследования, мозговых механизмов при разных состояниях сознания". В этом сообщении был в острой форме поставлен вопрос: существует ли особая нейронная система, функцией которой является осознание психической активности и которая отличается от систем, участвующих в выполнении таких, например, процессов, как автоматические движения, неосознаваемая переработка информации и т. п. Автор, один из ведущих электрофизиологов мира, напоминает фундаментальные положения, близкие тем, о которых мы только что говорили, а именно, что исследованиями последних лет была показана связь нейронных систем, располагающихся в центральных частях мозгового ствола и диэнцефалона, с функцией осознания восприятий. А далее он высказывается в пользу того, что взаимодействие именно этих систем с корой больших полушарий лежит в основе наиболее сложных форм интеграции, необходимых для осознания вообще, и что реализуется это взаимодействие при помощи особых (холинэргических) синаптических механизмов, отличающихся от синапсов, обеспечивающих обычную передачу информации.

Углубляя это представление, Джаспер формулирует далее мысль, значение которой подчеркнули клинические наблюдения и данные экспериментов, накопленные несколько позже. Он отмечает, что, чем более совершенной становилась техника изучения мозга, тем большую спе-циализированность отдельных нейронов и их местных ансамблей мы обнаруживали. Даже наиболее сложные функции мозга представляются теперь в какой-то мере

локализованными и не обязательно вовлекающими "мозг как целое". В свете этих тенденций, ставит вопрос Джаспер, не является ли правдоподобным, что существуют высокоспециализированные нейронные системы, преимущественно ответственные за осознание? Косвенным доводом в пользу такого понимания является, по его мнению, хотя бы тот факт, что далеко не все клетки в коре отвечают на диффузный заревет сетчатки, обнаруживая тем самым, что активация разных корковых элементов обуславливается определенными различиями в структуре сигналов. В сходном духе, допуская существование особых высокоспециализированных синапсов, ответственных за накопление опыта и обучение, высказался на этом симпозиуме в докладе, посвященном механизмам сознания, и Г. Моруцци.

Предположение о связи функции осознания с определенными мозговыми системами, выдвинутое Джаспером и Моруцци на Римском симпозиуме 1964 г. на основе электрофизиологических данных, было углублено в дальнейшем в результате работ, произведенных в совсем другой области - в нейрохирургии. Уже на том же самом Римском симпозиуме был заслушан доклад Р. Сперри "Рассечение мозга и механизмы сознания", в котором были изложены наблюдения над двумя больными, подвергшимися в целях лечения от тяжелых эпилептических припадков операции рассечения мозолистого тела, передней и гиппокамповой комиссур. После операции у этих больных наблюдалась в высшей степени своеобразная картина двух разных "сознаний". Опыт, приобретаемый правым большим полушарием мозга, не сообщался левому, и наоборот. Это психическое расщепление можно было проследить на функциях восприятия, обучения, запоминания, мотивации и др.

В последующие годы количество больных, перенесших операцию рассечения нейронных связей между гемисферами, значительно увеличилось, а тщательное психологическое исследование оперированных позволило углубить уже давно производившееся в клинике изучение особенностей т. н. "правополушарнои" психики, выступающих в ряде отношений как своеобразные дополнения или "негативы" психики "левополушарной". Так, если левое (доминантное) мозговое полушарие оказалось связанным преимущественно с формами психической деятельности, имеющими сукцессивный (распределенный во времени) характер, основанными на логических умозаключениях, вербализуемыми и потому легко коммуницируемыми и осознаваемыми, то правое полушарие характеризовалось активностью скудно или даже вовсе не вербализуемой, имеющей не сукцессивный, а симультанный характер (характер "мгновенного схватывания"), восприятиями и решениями, которые основываются не на рациональном анализе, а скорее на чувстве немотивированной уверенности, возникающем без возможности проследить, почему и каким образом оно зародилось. Эти черты правополушарнои психики, приближающие ее к формам психической активности, обозначаемым обычно как работа интуиции, заставили некоторых исследователей рассматривать правую гемисферу как субстрат, имеющий особое отношение к неосознаваемой психической деятельности. Соче-танное же в норме функционирование правого и левого больших полушарий головного мозга объявляется при таком понимании основой характерной "двойственности" человеческого сознания, причиной постоянного, хотя и весьма иногда замаскированного, присутствия в его функциональной структуре рациональных и интуитивных компонентов, содержаний, из которых одни формируются на основе речи, со всеми вытекающими отсюда последствиями для их осознания, а другие - "безотчетно" т. е. без видимой, по крайней мере, связи с развернутой вербализацией.

В пользу этой общей концепции дифференцированного отношения к функции вербализации, а тем самым и к функции осознания, правых и левых корковых систем говорят и новейшие работы советских исследователей (Н. Н. Трауготт и др.), умело применивших методику т. н. локальных электрошоков, позволяющую дезактивировать (при наличии терапевтических, разумеется, показаний) на определенные интервалы времени разно локализованные мозговые структуры. Тщательное психологическое обследование больных в фазах подобной дезактивации, подтвердив, в основном, соотношения, выявленные при хирургическом разобщении полушарий, позволило углубить представление об этих соотношениях, еще более тесно связав функции правого полушария с разными формами немотнвируемых рационально знаний и оценок.

В заключение этого беглого очерка основных этапов формирования нейрофизиологических подходов к проблеме сознания, нельзя не упомянуть о последних работах Н. П. Бехтеревой [1; 2].

Используя методику вживления в мозг (по терапевтическим показаниям) множественных электродов, Н. П. Бехтеревой удалось провести на человеке исследование активности отдельных нейронов и нейронных популяций, связанных с кодированием и декодированием словесных сигналов. Ею прослеживается, как при предъявлении психологических тестов формируются рабочие нейронные ансамбли, функционально объединенные в соответствии со смыслом решаемой задачи, как или, во всяком случае, где осуществляется взаимодействие импульсного кода и структурного кода долговременной памяти, в чем заключаются флюктруаци.и электрической активности мозга, обуславливаемые семантической нагрузкой сигналов и т. д. Хотя непосредственно эти исследования не направлены на выявление мозговой основы осознания, трудно преувеличить значение, которое они в этом плане могут иметь. Создается впечатление, что этими исследованиями Н. П. Бехтеревой, как и М. Н. Ливанова, А. А. Генкина и др., на данные которых она опирается, формируется оригинальное и очень важное

направление нейрофизиологических поисков, которому суждено сыграть в ближайшие годы в разработке проблемы мозговых механизмов осознания быть может основную роль.

(2) Мы остановились выше на развитии современных представлений о физиологических факторах, обуславливающих осознание (а тем самым косвенно и на проблеме физиологических механизмов бессознательного), чтобы показать всю сложность этой проблемы и незавершенность предлагаемых в этой области гипотез. Вместе с тем, прослеживая смену этих гипотез, нетрудно обнаружить определенную их логическую преемственность, говорящую о наличии пусть весьма медленного, но ориентированного в определенном направлении движения мысли. Во всяком случае, когда сегодня ставится вопрос о мозговом субстрате бессознательного, то возвращение при его обсуждении к скептическому негативизму Фрейда - мы позволим себе здесь резкое слово-? было бы наивным. Огромный труд, затраченный нейрофизиологами на протяжении последней четверти века, не привел еще к созданию в этой области завершенных теоретических конструкций, не избавил нас все еще от унизительного чувства полной беспомощности. И задачей дальнейших экспериментальных поисков является, очевидно, шаг за шагом настойчиво углублять, пусть скромные, сведения, которыми мы уже располагаем.

В настоящем III разделе монографии представлены работы, пытающиеся с разных сторон подойти к проблеме физиологических основ бессознательного. Они охватывают широкий круг теоретических и экспериментальных вопросов.

Раздел открывается статьей хорошо известного советским читателям крупнейшего американского нейрофизиолога К. Прибрама "Осознаваемые и бессознательные процессы: нейрофизиологический и нейропсихологический анализ".

Мы уже отметили выше, что вопрос о нейрофизиологической основе бессознательного выступает в современной литературе своеобразно: преимущественно как обратная сторона, или как специальный аспект, проблемы более широкой (и более доступной для экспериментального исследования): нейрофизиологических механизмов, обуславливающих осознание психической деятельности. Именно с таких позиций и подходит Прибрам к вопросу о нейрофизиологии бессознательного.

Обобщая результаты своих работ, выполненных за последние десятилетия и позволивших создать специфическое направление в психофизиологии, т. н. "субъективный бихевиоризм", Прибрам излагает нейрофизиологическую концепцию, освещающую, с одной стороны, принципы регуляции (программирования) поведения (становление и активность "Планов"), связанные с идеей т. н. "опережающей" связи ("feed forward", - антитеза "связи обратной"), а с другой - формирование "Образов", указывающих на то, что адекватная модель мозга должна содержать, наряду с нейронным прототипом компьютера, также системы, работающие в соответствии с закономерностями голографии. Переходя более непосредственно к вопросу о соотношении сознания и бессознательного, Прибрам подчеркивает тесную связь первого с функциями внимания и речи (с "глубокими структурами языка"); дает интересную трактовку нейрофизиологических механизмов внимания и произвольного ("интенционального") поведения, движимого осознаваемыми мотивами; вычленяет как высшую форму сознания самосознание ("то, что делает, словами Брентано, человека человеком"). А в качестве естественной базы этих наиболее сложных проявлений мозговой деятельности рассматривает, - как выражение особых, качественно своеобразных форм работы мозга, - поведение автоматизированного, "инструментального", непроизвольного типа.

Для понимания основного в подходе Прибрама к проблеме бессознательного важно учесть, что именно этот последний тип поведения он считает возможным называть предсознательным, поскольку автоматизированные формы действий могут осуществляться как без их осознания субъектом, так и при необходимости осознанно. Но в таком случае, - ставит вопрос сам же Прибрам,-что такое бессознательное? И ответ, который дает этот бесспорно глубокий исследователь, своею сложностью и неуверенностью выявляет, насколько труден путь к решению проблемы бессознательного, если он предпринимается только с собственно-нейрофизиологических позиций, без учета специфических представлений психологии бессознательного.

Бессознательное, по мнению Прибрама, это то "третье", что не является ни "предсознательным автоматизмом", ни "интенционально ориентированным самосознанием". Чувствуя, однако, всю неудовлетворительность такого определения через исключение, Прибрам прибегает к метафорам и аналогиям, заимствованным из теории компьютеров ("hardware", "software") и в конечном счете склоняется, по-видимому, (эти мысли выражаются им, возможно намеренно, в недостаточно определенной форме) к уподоблению бессознательного программирующему устройству, которое направляет и контролирует формализуемые операции, выполняемые ЭВМ.

Если перевести это сложное построение на язык психологических понятий, то не означает ли оно, что идея бессознательного отождествляется Прибрамом или хотя бы в какой-то степени сближается с идеями неосознаваемого мотива и неосознаваемой психологической установки?

Если это действительно так, то представление о бессознательном как о категории семантической, как о факторе, способном к смысловому (а отнюдь не только к "автоматическому") регулированию, так парадоксально выпадающее из системы представлений Прибрама, устраняется, и мы вновь оказываемся в кругу идей, обосновываемых всем опытом современной психологии.

Однако такая интерпретация позиции Прибрама должна проводиться с осторожностью, чтобы не произошло невольного навязывания ему толкований не во всем, возможно, для него приемлемых.

Следующие две статьи (О. С. Адрианова "Значение принципа многоуровневой организации мозга для концепции осознаваемых и неосознаваемых форм высшей нервной деятельности", К. В. Судакова и А. В. Котова "Нейрофизиологические механизмы сознательных и подсознательных мотиваций") посвящены проблеме форм высшей нервной деятельности, которые у животных являются как бы своеобразными предвестниками последующей дифференциации психической деятельности человека на ее осознаваемые и неосознаваемые компоненты. О. С. Адрианов останавливается в этой связи на концепции "автоматизмов" поведения, подчеркивая активный характер отражательного процесса уже на уровне анализаторных систем. Он сближает идею "опережающего возбуждения" (в понимании П. К- Анохина) с идеей психологической установки (в понимании Д. Н. Узнадзе), показывая необходимость использования обеих этих категорий для раскрытия функциональной структуры самых разных форм мозговой деятельности. Им подчеркивается также характерная общая закономерность, определяющая динамику неосознания, - осознание целого сопровождается уменьшением осознаваемости частей этого целого - и дается физиологическая интерпретация этого феномена. В работе же К. В. Судакова и А. В. Котова внимание привлекается к сложной проблеме мотивационного возбуждения и его влияния на поведение животных. Авторы проводят границу между мотивационным возбуждением, проявляющимся электрофизиологически, в условиях наркоза (рассматривая его условно как возбуждение "подсознательное"), и возбуждением, наблюдаемым в условиях бодрствования животного (возбуждение "осознаваемое"). Они обращают внимание на особую роль разных форм мотивации, как "подсознательных", так "осознаваемых", в анализе и синтезе внешних раздражений, на их связь с афферентным синтезом, лежащим в основе функциональных систем поведенческих актов, на их взаимоотношение с "акцептором результатов действия" (аппаратом прогнозирования и оценки результатов целенаправленной активности).

В следующем сообщении (А. И. Ройтбак, "К вопросу о бессознательном с точки зрения нейроглиальной гипотезы образования временных связей") излагается оригинальная концепция, согласно которой формирование и консолидация временных связей зависят в определенных отношениях от процессов миелинизации центральных аксонов. Развивая эту концепцию, автор приходит к предположению, что в основе неосознаваемой психической деятельности лежат нейродинамические процессы со специфической микрофизиологической функциональной структурой, допускающие сочетание "индифферентного" раздражения возбуждающих терминалей, оканчивающихся на определенном нейроне "потенциальными" возбуждающими синапсами, с раздражениями, вызывающими торможение того же нейрона.

Не менее интересной является публикуемая далее статья видного американского физиолога Г. Шеврина, озаглавленная автором как обзор данных в пользу существования неосознаваемой психической деятельности, выявляемых анализом вызванных потенциалов мозга. Статья содержит, однако, описание и весьма важных для теории бессознательного собственных экспериментов автора. Этими экспериментами Шеврин обосновывает тезис о существовании "когнитивных" процессов, развертывающихся без их осознания субъектом. Он полагает также, что электрофизиологические данные говорят об адекватности известного психоаналитического разграничения между активностью бессознательного и активностью "подсознания".

В сообщении Н. А. Аладжаловой ("Периодичность сверхмедленных мозговых потенциалов в ее связях с характером психической деятельности") показано наличие закономерных связей между динамикой т. н. сверхмедленных мозговых потенциалов и ритмическим характером некоторых форм психической деятельности человека. Автор формулирует на основе анализа этих связей важную и еще не прозвучавшую в литературе мысль об усилении периодичности сверхмедленных потенциалов по мере нарастания в структуре психических процессов их неосознаваемых компонентов, по сравнению с осознаваемыми.

В очень тщательно, в экспериментальном отношении, выполненном исследовании Э. А. Костандова ("О физиологических механизмах "психологической защиты" и безотчетных эмоций") показана возможность смыслового различения определенных ("высокозначимых") слов без их осознания (в этом плане работа Костандова

перекликается с упомянутой выше работой Шеврина). Автор объясняет этот парадоксальный, в высшей степени интересный феномен на основе представления, по которому решающим звеном в структурно-функциональной организации головного мозга, обеспечивающим осознание раздражителя, является активация двигательной речевой области, хотя гностические зоны, воспринимающие в какой-то степени зрительную и слуховую речь, имеются и в правом (субдоминантном) полушарии. Это представление автор обосновывает анализом особенностей вызванных потенциалов, возникающих при предъявлении осознаваемых и неосознаваемых раздражителей. Изменения же порога осознания, выступающие как функция семантики предъявляемых слон, он рассматривает как своеобразное проявление "психологической защиты".

В третьем из сообщений, использующих электрофизиологические методы, Л. Б. Ермолаевой-Томиной "К проблеме произвольного и непроизвольного регулирования электрических потенциалов головного мозга" приводятся данные, показывающие возможность изменения ритмики ЭЭГ, возникающего как непроизвольно (при стимуляции мелькающим светом), так и произвольно, т. е. на неосознаваемом и осознаваемом уровне. Возможность изменения типа ЭЭГ коррелирует определенным образом, по данным автора, с особенностями характера интеллектуальной деятельности.

Проблема ауторегуляции электрической активности мозга, исследованная Л. Б. Ермолаевой-Томиной, является центральной и для статьи С. Криппнера (США) "Психофизиология, конвергирующие процессы и изменения сознания". В его статье приведены экспериментальные данные, показывающие возможность как произвольного подавления, так и произвольной активации альфа-ритма на основе использования принципа обратной связи (в данном случае - шумовой сигнализации, сообщающей испытуемому о результате его усилий изменить уровень альфа-активности его мозга).

Данные обоих этих исследований (Л. Б. Ермолаевой-Томиной и С. Криппнера) позволяют расширить представление о возможностях вмешательства произвольной -регуляции в динамику процессов, которая, согласно традиционным представлениям, рассматривается как регулируемая только неосознаваемым образом.

Исследованию сенсорной настройки как психофизиологического выражения целевой установки методом регистрации вызванных потенциалов посвящена публикуемая далее статья Л. А. Самойловича и В. Д. Труша.

Во втором сообщении Г. Шеврина, завершающем цикл электрофизиологических работ, описана оригинальная методика объективации проявлений бессознательного, основанная на одновременной записи вызванных потенциалов и свободных ассоциаций. Автор различает между ассоциациями по созвучию и ассоциациями по смыслу, постулируя близость первых преимущественно к неосознаваемой, вторых - к осознаваемой психической деятельности, и устанавливает наличие определенных корреляций между каждой из этих форм ассоциативной деятельности, с одной стороны, и структурой вызванных потенциалов и последействием различных фаз сна, - с другой. Он отмечает определенную связь между своей работой и исследованиями, выполненными ранее советскими авторами - А. Р. Лурия и О. М. Виноградовой. При истолковании природы неосознаваемой психической деятельности Шеврин отклоняет представление, по которому бессознательное это лишь плохо оформленные содержания, относящиеся к раннему детству, он видит в нем скорее специфический уровень организации того же множества содержаний, с которым имеет дело и сознание.

В следующих статьях проблема бессознательного интерпретируется в свете классических представлений общей нейрофизиологии - на основе ее связей с учением А. А. Ухтомского о доминанте (Т. Досужков, "Доминанта и психоанализ"); представлений павловской физиологии и новых данных о разобщении мозговых систем (Н. Н. Трауготт, "Проблема бессознательного в нейрофизиологических исследованиях"; В. М. Моеидзе, "Пациенты с расщепленным мозгом"; Л. Г. Воронин, В. Ф. Коновалов, "Роль неосознаваемой и осознаваемой сфер высшей нервной деятельности в механизмах памяти") и некоторых новейших нейрофизиологических и нейроисихологичееких подходов (Б. М. Величковский, А. Б. Леонова, "Психология установки и микро-структурный подход"; Л. Р. Зенков, "Некоторые аспекты семиотической структуры и функциональной о;рганизации правополушарного мышления").

В работе Т. Досужкова (ЧСР) дан интересный анализ связей, существующих между теорией доминанты и основными представлениями психоаналитической теории, о которых неоднократно говорил и сам А. А. Ухтомский. Автор показывает, что даже такие специфические психоаналитические представления, как относящиеся к проявлениям бессознательного во сне, к активности влечений, к причинам возникновения психосоматических расстройств, к фазам развития детской сексуальности и др., могут быть более глубоко раскрыты и получить физиологическое обоснование при их сближении с концепцией доминанты.

В. М. Мосидзе приводит новейшие данные, позволяющие подойти к проблеме бессознательного на основе наблюдения клинических случаев хирургического "расщепления" мозга.

В статье Н. Н. Трауготт проблема бессознательного рассматривается в разных аспектах: в плане возможностей контроля сознанием непроизвольных физиологических реакций; с позиций представления о подпороговом (субсенсорном) накоплении информации; в связи с концепцией аффективных комплексов ("патодинамических структур") и их роли в регуляции поведения. Особое же внимание автор уделяет упоминавшейся выше проблеме межполушарных мозговых асимметрий: определению специфических функциональных особенностей субдоминантной гемисферы, обнаруживающихся при использовании в терапевтических целях методики локальных электрошоков. Применение этой техники позволило интересным образом углубить данные, полученные американскими нейропсихологами и нейрохирургами путем рассечения межполушарных мозговых комиесур. В своем анализе Н. Н. Трауготт широко использует теоретические представления павловской школы, включая понятия, введенные ряд лет назад А. Г. Ивановым-Смоленским.

В работе Л. Г. Воронина и В. Ф. Коновалова представлены результаты экспериментального исследования роли бессознательного в механизме памяти. Авторы показывают, что при определенных условиях могут возникать формы работы головного мозга, при которых осознаваемая и неосознаваемая психическая деятельность развертываются одновременно и до некоторой степени независимо друг от друга. Анализ этого феномена так же, как в предыдущем сообщении, дается с позиции классических представлений павловской школы. Принципиальное значение имеет формулируемый авторами тезис о неэквивалентности понятий "первая сигнальная система" и "неосознаваемый уровень высшей нервной деятельности".

В статье Б. М. Величко в акого и А. Б. Леоновой рассматривается проблема объективного изучения скрытых от непосредственного ("внешнего" и "внутреннего") ?наблюдения психических процессов при микро-структурном подходе к ним с позиции психологии установки. В частности, Б. М. Белич.ковский и А. Б. Леонова высказывают мнение, что микросгруктуркый анализ этих процессов может оказаться одним из путей практического преодолении так называемого "постулата непосредственности" в психологии.

В центре внимания Л. Р. Зенкова, так же как в заключительной части сообщения Н. Н. Трауготт, - проблема полушарных мозговых асимметрий. Автор подходит к этой проблеме с привлечением весьма интересных данных из области искусства (анализ манеры живописи древних мастеров); идей Рагга о "трансламинарной динамической сфере" ("середине" психического континуума "бессознательное - сознание"); эффектов действия дроперидола в ситуации эмоционального стресса; т. н. "иконического" характера кодов, используемых при невербальном мышлении (иконический код - код, составленный из знаков, обладающих некоторыми свойствами их денотатов), и в этой связи - принципов голографии. Новейшие теоретические категории, к которым обращается автор, и полученные им оригинальные экспериментальные данные придают его исследованию актуальный характер и могут стимулировать интересные дискуссии.

Хорошо известно, какое большое значение для общей теории бессознательного и для психоаналитических представлений имеет проблема неосознаваемого мотива и его роли в организации поведения. Физиологический аспект этой проблемы освещен в литературе, однако, очень скудно. В этой связи представляет значительный интерес попытка экспериментально проследить физиологические механизмы и признаки, а также психологические проявления постепенного нарастания силы конкретного мотиза - сексуального влечения - с переходом последнего из фазы неосознаваемой в фазу осознаваемую, представленная в докладе В. М. Ривпна и И. В. Ривиной. Авторы показывают, как прогрессирующее нарастание интенсивности мотива изменяет уже на начальной стадии его формирования - стадии неосознания - общую структуру психической деятельности, включая даже такие формы функциональной активности, которые непосредственно с этим мотивом не связаны.

Различные нейрофизиологические и нейропсихологические аспекты проблемы неосознания затрагиваются также в следующих далее работах Д. Д. Бекоевой, Н. Н. Киященко ("О нейропсихологическом аспекте исследования фиксированной установки"), Л. И. Сумекого ("Некоторые аспекты функциональной активности мозга при коматозном состоянии"), В. Н. Пушкина, Г. В. Шавырина ("Саморегуляция продуктивного мышления и проблема бессознательного в психологии").

В завершающей этот раздел статье Л. М. Сухаребского "О стимулировании творческих возможностей бессознательного" затрагивается вопрос о роли психологических установок в сохранении здоровья человека и о некоторых специфических приемах стимулирования творческого интеллектуального процесса (методика "мозговой атаки", "си-нектика", "индуцирование психоинтеллектуальной деятельности"). Автор высказывается в пользу тесной связи этих приемов, как и психологических установок, с неосознаваемой психической деятельностью ои ее скрытыми еще очень малоизученными потенциями.

Таково основное содержание обсуждаемого III тематического раздела настоящей коллективной монографии. К некоторым же более специальным вопросам нейрофизиологии и нейропсихологии бессознательного читателям предстоит еще вернуться в следующих двух разделах II тома данной монографии, посвященных проблематике сна, гипноза и клинической патологии.

47. Change of Hypotheses on the Neurophysiological Mechanisms of Consciousness. Editorial Introduction

Summary

It is noted that in current studies the problem of the neurophysiological basis of unconscious mental activity emerges as the reverse of another problem, which is stated more narrowly but which is more amenable to experimental investigation: namely the neurophysiological mechanisms responsible for the awareness of mental activity.

The negative stand taken by S. Freud on the problem of the physiological basis of consciousness and the unconscious is described. Further, the evolution of rrore constructive ideas on the subject is traced: the hypothesis assumed by I. P. Pavlov as the basis of his concepton of the physiological mechanisms of consciousness; an attempt at an electrophysiological determination of the factors leading to consciousness (G. Magoun, G. H. Jasper, G. Moruzzi, and others); the approach of the problem of consciousness to that of the right hemispheric mind, following the operations of the section of the corpus callosum and interhemispheric commissures in man (P. Sperry, M. Gazzaniga and others).

It is noted that evidence on the functional specificities of the subdominant hemisphere, brought to light through its surgical switch-off from the dominant hemisphere, was further augmented on the basis of observations using the method of local electric shocks Cwork of Soviet researchers - N. N. Trau-gott and others). This research led to the identification of features of the so-called right-hemispheric mind (emphasis on non-verbalizable forms of thinking activity; on psychological processes of simultaneous rather than successive nature, i. e. of "instantaneous grasping"; on decisions based not on rational analysis but on the feeling of unmotivated assurance, and so on) which stimulated interest in the problem of the special role of the subdominant hemisphere in forms of mental activity during which such intellectual and mental processes come to the fore that develop without recourse to formalizable features, and hence are poorly realizable.

Attention is drawn to the significant role which research on the activity of neuronal populations as related to the coding and decoding of verbal cues can play in the future elabarat'o:i of the problem of the cerebral bas's of consciousness (N. P. Bekhtereva).

A condensed description is given of the papers contained in the third section; these contributions throw light, from different angles, on the problem of the neurophysiological mechanisms of consciousness and awareness, as well as on the question of the physiological basis of unconscious sexual drive.

Литература

1. Бехтерева Н. П., Нейрофизиологические аспекты психической деятельности человека, Л., 1971.

2. Бехтерева Н. П., Бундзен П. В., Нейрофизиологическая организация психической деятельности человека. В сб.: Нейрофизиологические механизмы психической деятельности человека, Л., 1974. 3.ECCLES. J. C (Ed.), Brain and Conscious Experience, 4, Berlin-Heidelberg - N.Y.. 1966.

49. Значение принципа многоуровневой организации мозга для концепции осознаваемых и неосознаваемых форм высшей нервной деятельности. О. С. Адрианов

Институт мозга АМН СССР, Москва

Центральная организация реактивных и психофизиологических аспектов поведения, среди которых у человека важнейшее место занимают осознаваемые проявления высшей нервной деятельности, до сего времени мало изучена. Еще менее изученной предстает проблема церебральной организации бессознательных или неосознаваемых форм поведения, и в этом отношении следует согласиться с мнением Ф. В. Бассина [7].

Наше сообщение не претендует на подробное освещение этих кардинальных вопросов науки о мозге. Мы попытаемся наметить лишь некоторые линии исследования, способные представить интерес для теории

организации мозгового субстрата осознаваемых и неосознаваемых сторон высшей нервной деятельности. Речь пойдет о тех структурно-функциональных предпосылках, которые позволяют говорить как об определенной дифференцированное™ механизмов этих двух аспектов психической работы мозга, так и об их теснейшей взаимосвязи.

1. Хорошо известно, что осознанные и бессознательные проявления в. н. д. человека являются результатом его длительной биологической и социальной эволюции. Будучи основанными на общих процессах восприятия и реализуясь в тех или иных проявлениях моторики и поведенческих реакций, они, тем не менее, характеризуются особой спецификой своего проявления и должны иметь свои собственные структурно-функциональные механизмы.

Не приходится, однако, сомневаться, что изучение субстрата высшей нервной деятельности животных помогает раскрытию ряда механизмов сложных психических функций человека. Поэтому настоящее сообщение целесообразно начать с анализа наших данных о структурно-функциональных основах поведения животных.

Чтобы экстраполировать результаты экспериментов на животных, надо сделать ряд существенных оговорок. У животных, в отличие от человека, правильнее говорить не о сознательных и неосознаваемых (бессознательных) формах психики, а о "чувственно воспринимаемых" либо "чувственно невоспринимаемых" формах в. н. д. и поведения, поскольку сознание, как это хорошо известно, является продуктом общественного развития человека. Именно это обстоятельство позволяет человеку осознавать объективную реальность и "вычленять" себя из окружающего мира [17].

Целесообразно, однако, поставить вопрос, существуют ли у животных "разумные" проявления высшей нервной деятельности, как далекие прекурсоры осознанных и неосознанных форм поведения? Прежние исследования и особенно работы последних лет, посвященные вопросам физиологии поведения и зоопсихологии, вряд ли позволяют сомневаться в правоте постановки подобного вопроса. За существование "разумных" форм поведения у животных ратовали еще Ч. Дарвин, Ф. Энгельс, И. П. Павлов [14] и др. В последние десятилетия над изучением разумных форм поведения животных различных видов плодотворно работали и работают многие исследователи [8; 10; 11].

Итак, попытаемся рассмотреть существующие у высших животных "чувственно-воспринимаемые" формы в. н. д., требующие особенно высокой степени избирательного внимания (ориентировочно-исследовательской реакции), как одного из условий проявления разумного поведения, и "чувственно невоспринимаемые" проявления в. н. д., не требующие значительной мобилизации ориентировочно-исследовательских реакций.

К первым, с нашей точки зрения, близки (хотя и не идентичны) неавтоматизированные, ко вторым - - автоматизированные проявления поведения. Мы говорим здесь об этих формах в. н. д. потому, что именно они у животных поддаются объективному экспериментальному анализу. Процесс автоматизации навыка часто является тем физиологическим фундаментом, на котором возникают чувственно невоспринимаемые формы поведения, а у человека - и "бессознательные" его проявления. Хорошо известно, что большинство витальных функций внутренних органов не осознается. Отчасти это можно объяснить врожденно обусловленным автоматизмом в работе внутренних органов. Их деятельность начинает ощущаться (и осознаваться) обычно лишь тогда, когда эта автоматизация по какой-либо причине нарушается (болезнь, экстремальные воздействия и пр.).

Церебральная организация различных проявлений высшей нервной деятельности не приурочена лишь к какому-то одному уровню мозга: нельзя предполагать, что за его высшим отделом - конечным мозгом-закреплены лишь неавтоматизированные, разумные формы психической деятельности, а за более низким диэнцефально-стволовым уровнем - только автоматизированные, чувственно невоспринимаемые. В равной степени это должно относиться и к организации осознанных и неосознанных форм проявления психики человека. Реализация всех этих форм в. н. д. у человека и у животных основана на самом тесном функциональном взаимодействии разных уровней мозга в процессах единого приспособительного поведения, взаимодействии, которое может иметь характер как антагонизма, так и синергизма. В каждом поведенческом акте налицо элементы неавтоматизированных и автоматизированных реакций, и дело заключается лишь в различном "удельном весе" каждого из них и в формах отношений между ними.

2. Нейрофизиологические и нейропсихологические работы последних лет, в которых используются данные электроэнцефалографии, позволяют объективно тестировать проявления автоматизированных и неавтоматизированных форм в. н. д. на уровне сенсорных, моторных, (ипгегративно-пусковых) и других систем мозга в ходе нервно-психических реакций различной степени сложности.

Есть основание полагать, что динамика активности разных уровней сенсорных (анализаторных) систем в процессе становления, например, условного рефлекса отражает изменения как чувственно-воспринимаемых, так и сенсорно невоспринимаемых отражательных форм деятельности мозга. Это обстоятельство, наряду с другими, о которых речь пойдет далее, обеспечивает активный характер процессов восприятия раздражителей и позволяет лучше оценивать меняющееся от опыта к опыту значение раздражителей как сигналов или комплексов сигналов наступления той или иной безусловной реакции.

Следует согласиться с исследователями [9], утверждающими, что условнорефлекторные преобразования электрической активности мозга и, в частности, потенциалов, вызванных периферическими раздражителями (ВП), не имеют абсолютного значения и к ВП нельзя относиться как к специфическим индикаторам временной связи. ВП, будучи отражением интёргала активности многих популяций нейронов, являются индикаторами скорее общего функционального состояния нервных центров.

По данным нашей сотрудницы Н. С. Поповой [15], изучавшей в процессе выработки и закрепления оборонительного условного рефлекса динамику электрических реакций разных уровней слухового и зрительного анализаторов у собак, имеет место определенная стадийность ВП и их довольно четкая корреляция с характером ответной реакции. ВП, регистрируемые на звуковой положительный условный раздражитель с различных уровней слуховой системы (кора, внутреннее коленчатое тело, задние бугры четверохолмия, слуховой бугорок), по своей форме, латентному периоду, амплитуде, длительности отдельных фаз зедут себя весьма динамично в зависимости от стадии условного рефлекса.

Сопоставление условнорефлекторных и электрографических коррелятов поведенческой реакции позволяет прийти к заключению, что в процессе формирования условного рефлекса степень конвергенции гетерогенных влияний тем больше, чем выше уровень анализаторной, в частности слуховой системы. После упрочения условного рефлекса (его автоматизации) наблюдается снижение этого процесса конвергенции, которое первоначально возникает на наиболее высоком, корковом, уровне слуховой системы, а затем постепенно распространяется на другие уровни. Взаимодействие различных специфических и неспецифических влияний, возникающее в процессе сочетания условного и безус-лозного раздражений, закономерно меняется и также вызывает последовательное изменение формы компонентов ВП на каждом из этих уровней.

Наш сотрудник Н. П. Шугалев [122] исследовал ВП, регистрируемые на условный раздражитель (.вспышки света) в проекционной зрительной и ассоциативной теменной областях коры мозга кошки. Показателем условного рефлекса служило нажатие животными передней лапой на педаль. Был обнаружен определенный параллелизм между динамикой ВП и изменениями сигнального значения стимула.

Отчетливое увеличение амплитуды негативного компонента ВП происходило на начальных этапах выработки положительного инструментального рефлекса и при первых предъявлениях дифференцировоч-иого раздражителя. Это обстоятельство, по-видимому, указывает на активацию большого числа нейронов проекционной зрительной области в период развития ориентировочной реакции на новизну раздражителя (т. е. в периодах, когда автоматизация реакции практически отсутствовала). Эти данные созвучны цитированным выше исследованиям, в которых ВП регистрировались при работе с условными оборонительными рефлексами. Увеличение амплитуды негативной волны ВП в III периоде (активного формирования условного рефлекса), возможно, отражает возникновение условной ориентировочной реакции на сигнальный раздражитель.

Следует думать, что большая динамичность отражательного процесса, встречающаяся в пределах каждой из сенсорных систем и особенно в процессе их взаимодействия, возникает отнюдь не сама по себе, а определяется включением других образований мозга в системную поведенческую реакцию.

Мы показали [2], что сами пусковые и исполнительные механизмы хсловнорефлекторнсго акта могут, в зависимости от своей организации, по-разному коррегировать протекание аналитико-синтетической деятельности. В частности, перерезка центрального слухового пути, идущего от внутреннего коленчатого тела к слуховой области коры моз-гэ, вызывала у собаки потерю способности дифференцирования достаточно грубых условных раздражителей в условиях свободного передвижения животного в камере: собака на все раздражители отвечала побежкой к кормушке. В то же время в условиях классической секторной методики такая дифференцировка у того же животного оказалась возможной.

Очень существенны в подтверждении мысли об активном характере отражательного процесса, осуществляемого на уровне анализаторных систем, данные о том, что ВП различаются по амплитуде негативного компонента в зависимости от того, сопровождается ли ответ на раздражение поведенческой реакцией человека или нет (т. е., видимо, осознается или нет). Амплитуда этого компонента больше, а латентный период ВП меньше,

когда стимул "требует" ответной реакции (Изон и др.) или когда испытуемый озабочен необходимостью такого ответа (Кэрлайн и др.). Еще ранее Варден отметил, что ВП, регистрируемые у животного на уровне верхнеоливарного комплекса, при условнорефлекторном нажатии на педаль увеличивается, когда кошка смотрит на источник пищи. Чет кие изменения позднего позитивного компонента ВП в затылочной области коры мозга человека обнаружены Э. А. Костандовым и В. А. Ар-зумановым на словесные стимулы, связанные с отрицательными эмоциями. Авторы предполагают, что в генезе этою компонента принимает участие дополнительная импульсация, идущая, очевидно, со стороны лИАвбической системы.

Существенно также то обстоятельство, что "рисунок" или "узор" возбуждения в виде регистрируемых ВП при автоматизированных формах в. н. д. (т. е. в стадии достаточно упроченного условного рефлекса) имеет свою специфику на разных уровнях сенсорных систем, в зависимости от того, к какому анализатору адресуется условный раздражитель [5]. Этот вывод вытекает из сравнительного анализа реакций ВП на слуховую и зрительную условную стимуляцию. Нами, а также некоторыми другими исследователями было обнаружено, что в периоде стабильного (автоматизированного) оборонительного условного рефлекса на звуковой раздражитель в коре мозга перестают появляться ВП на этот стимул. При этом возникает определенная стандартизация латентного периода и величин самого условного двигательного рефлекса. ВП сохраняются лишь на одном из самых нижних уровней слуховой системы - верхнем оливарном комплексе.

В то же время, в периоде упрочения (автоматизации) условного рефлекса на световой стимул, несмотря на многие сотни сочетаний его с безусловнЫхМ подкреплением, нам не удалось наблюдать исчезновения ВП из зрительной области коры, несмотря на некоторое уменьшение его амплитуды. При этом не удается добиться стандартизации параметров самого условного ответа.

Весьма любопытен и тот факт, что предъявление животному нового звукового условного раздражителя (например, дифференцировки) вновь вызывает ВП в слуховой зоне неокортекса, причем как на новый, так и на старый раздражители, а параметры условного оборонительного рефлекса становятся менее устойчивыми.

Таким образом, по крайней мере у собаки, в случае зрительно-опосредованного поведения, сигнальная роль зрительной области неокортекса остается достаточно высокой даже при автоматизированных формах рефлекса; слуховая же область коры включается в восприятие и интеграцию посылок возбуждения только в случае новой ситуации. когда еще нет автоматизации поведенческих реакций.

С другой стороны, при повреждении стволовых уровней слуховой системы (разрушение задних бугров четверохолмия или внутреннего коленчатого тела) у собак, по данным Н. С. Поповой, в слуховой зоне коры продолжают регистрироваться слуховые ВП даже при достаточно закрепленных (автоматизированных) формах условнорефлекторяой деятельности.

Трудно переоценить значение всех этих фактов для представлений о значении неосознанных форм восприятия и переработки информации. Следует согласиться с точкой зрения Розенблата, активно поддержанной Ф. В. Басенным [7], по которой процесс усвоения и переработки информации приобретает значение приспособительной активности только тогда, когда информация может быть использована в целях регулирования. Нет сомнения, что динамика ВП может быть отражением процессов такого регулирования.

Таким образом, в наши чувственно осознаваемые или неавтоматизированные формы восприятия всегда вмешивается достаточно большое число переменных величин, характеризующих неосознаваемые (автоматизированные) формы перцепци ими.

Реализация обеих этих форм восприятия происходит на различных (корковых, подкорковых, стволовых) уровнях сенсорных систем под коррегирующим влиянием обратной афферентации, мотивации, степени упроченности рефлекса и других факторов. Особо значимым для восприятия новых сигналов оказывается корковый уровень сенсорных систем, хотя в новой обстановке закономерно увеличивается поток возбуждений во всех структурах, к которым адресуются условный и безусловный раздражители, а также в неспецпфических стволовых образованиях. Для автоматизированных форм поведения характерно сужени-г числа возбужденных структур. Как следует из микроэлектродного анализа, Б тех структурах, которые продолжают быть заинтересованными в реализации автоматизированных форм временной связи (например, моторная кора), происходит закономерная специализация реакции одиночных нейронов на сигнальный раздражитель [16].

3. В современных представлениях о "бессознательном", как справедливо подчеркивается Ф. В. Бассиным [7], А. Е. Шерозия [21] и другими, важнейшее значение имеет теория установки, разработанная Д. Н. Узнадзе [18]и его школой (А. С. Прангишвили, А. Е. Шерозия. И. Т. Бжалава, Ш. Н. Чхартишвили, Р. Г. Натадзе и др.). Понятие

установки близко понятию об "опережающем возбуждении" П. К. Анохина, понятию "ожидания" Г. Уолтера. Весьма существенен поиск механизмов и объективной регистрации этих состояний. В свое время мы обратили внимание на то, что компоненты межсигнальных реакций у собак весьма сходны с компонентами выработанных секреторно-двига-тельных пищедобывательных условных рефлексов [1]. Можно полагать, эти реакции являются выражением определенного рода установок или опережающих возбуждений самого условнорефлекторного акта.

Большой интерес в этом плане представляют т. н. "аналоги" вызванных потенциалов, которые регистрируются на фоне межсигнальных реакций на разных уровнях сигнального анализатора и в других образованиях мозга в интервалах между применением условных раздражителей при двигательно-оборонительнсм рефлексе [13].

Н. С. Попова показала, что по мере формирования оборонительной условной реакции на звук электрографическое выражение "афферентной модели" будущего болевого (электроножного) подкрепления постепенно возникает в разных звеньях слухового анализатора в ответ на включение условного сигнала, т. е. с известным опережением по отношению к моменту безусловного подкрепления.

Надо полагать, что организм при повторяющихся и достаточно автоматизированных формах деятельности постоянно сличает следовые возбуждения с узором возбуждений, непосредственно возникающих на сам раздражитель ("нервная модель стимула" по Е. Н. Соколову). Это сличение следов, несомненно, распространяется также и на сам результат поведенческой реакции, - на то, что П. К. Анохиным [6] было названо "акцептором результата действия".

Нейрофизиологические корреляты постоянного сличения следовых возбуждений с наличными можно зарегистрировать в различных системах мозга, п они направлены как бы на службу этим системам, на регуляцию обеспечения различных потребностей организма.

Опережающие возбуждения на уровне сенсорных систем служат, по-видимому, целям их лучшей настройки на восприятие сигнала. Формирование процессов опережающего возбуждения в интегративно-пусковых структурах мозга (например, в моторной или орбитальной коре) имеет преимущественное отношение к их основной функции - программированию и обеспечению поведенческого акта. Этот факт четко выступил в наших работах по изучению изменения динамики условной и безусловной секреции у собак с удаленной орбитальной областью неокортекса [1], а также в данных К. В. Шулеикиной 123], относящихся к изменениям ЭЭГ в разных структурах мозга при подготовке к пищевой деятельности и в периоде ее реализации. Доказательства существования опережающего возбуждения в сенсомоторной коре при протекании оборонительного условного рефлекса приведены в исследованиях вызванной и импульсной нейронной активности [16] и др.

Функция опережающего возбуждения, лежащая в основе формирования наиболее сложных целенаправленных поведенческих актов, все более совершенствуясь в процессе эволюции, оказывается в значительной степени связанной прежде всего, по-видимому, с лобными отделами коры большого мозга. При участии префронтальной области коры реализуется та форма опережения, которая направлена на обеспечение сложных, еще не закрепленных долгим научением, а потому особо динамичных программ поведения. Проведенные нами совместно с Л. Н. Молодкиной [4] систематические исследования показали, что лобная область коры мозга принимает особо важное участие в механизмах прогнозирования поведенческой реакции, основанных на экспресс-информации животного о текущих событиях, а также в обеспечении экстраполяции животными направления исчезающего из их поля зрения пищевого раздражителя. Этот вид поведения был подробно описан Л. В. Крушинским [10] под названием экстраполяционного рефлекса. Экстраполяция рассматривается этим автором как одно из проявлений элементарной рассудочной деятельности, которое относительно легко поддается объективному учету и измерению. В отличие от условнорефлекторного поведения, экстраполяция представляется нам как генетически детерминированная, врожденная способность животного использовать приобретенный в течение жизни опыт в новой, незнакомой для него обстановке. Поэтому для способности к указанной форме экстраполяции должно быть особенно характерно правильное неавтоматизированное решение задачи при первом ее применении. При этом животное должно определить изменение положения кормушки с кормом таким образом, чтобы после того, как последняя скрылась из поля зрения животного за непрозрачной ширмой, оно могло бы обойти эту ширму с правильной стороны и найти корм. При неправильном решении животное обходит ширму со стороны направления движения другой кормушки, в которую пища не кладется. Направление движения кормушки с пищей и соответственно пустой кормушки периодически меняется.

В наших исследованиях было обнаружено, что у животных с удаленными лобными областями неокортекса (полями F_1, F_2, F_3, F_4, F-L у собак, полями 8 и 12 у кошек) резко нарушается решение экстраполяционных задач. Это позволило установить, что безлобные животные не в состоянии без опоры на предварительно сформировавшийся автоматизм сориентироваться в схемах движения. В то же время решение задачи

экстраполяции становилось возможным после более или менее длительного условнорефлекторного научения оперированных животных. Таким образом, удаление лобной области приводило как бы к расчленению двух видов рефлекторной деятельности, один из которых - экстраполяциопный, требующий максимально неавтоматизированного решения - оказывался нарушенным, тогда как другой - условнорефлекторный (достаточно закрепленный в процессе изучения, автоматизированный в данной форме эксперимента) не претерпевал существенных изменений. В то же время повреждение других структур мозга (например, теменной области) не выявило нарушений поведения, аналогичных описанным.

В этих исследованиях по существу были впервые приведены экспериментальные доказательства того, что структуры лобной области призваны играть особо важную роль в механизмах опережающего отражения действительности, особенно в том случае, если это опережение не является результатом длительного условнорефлекторного научения, а возникает на основе использования животными получаемой информации применительно к новым для него условиям среды. Несомненно, что эти факты и вытекающие из них выводы позволяют лучше оценить функциональное значение лобных областей коры мозга человека, понять физиологический смысл выделенного А. Р. Лурия [12] синдрома поражения лобных отделов мозга у человека, как синдрома нарушения программирования произвольных движений и действий, синдрома расстройства механизма самоконтроля за своими действиями путем постоянного сличения эффекта действия с исходным намерением.

С другой стороны, в наших физиологических исследованиях на кошках, Джекобсона и Ш. Л. Джалагония на обезьянах и в наблюдениях на людях [19] обнаруживается, что даже при сравнительно небольших отклонениях от нормальной деятельности мозга, вызванных трудностью ситуации, лобная область может стать важным звеном формирования навязчивых состояний и неосознаваемых установок на развертывание неадекватной автоматизированной программы поведения.

Основываясь на изложенном, мы вправе высказать гипотезу о том. что лобная область участвует в коррекции рассогласования, имеющего место между планом поведения и его результатом при осознанных (неавтоматизированных) формах в. н. д. При других же условиях структуры лобной области могут препятствовать уменьшению рассогласования между планом и результатом автоматизированных, а у человека, возможно, неосознаваемых неадекватных психических реакций. Лишь исключение этого препятствия в результате операций на лобной области и в ее связях с нижележащими образованиями либо изменение ее функционирования с помощью психотропных веществ может привести к коррекции указанного рассогласования.

4. Сложная интеграция возбуждений является физиологической основой осознанных и неосознаваемых форм отражения сигналов внешнего мира, а также программ поведения. Однако интеграция возбуждений, вызванных несколькими или многими сигнальными раздражителями, неизбежно предполагает уменьшение информативности отдельного сигнала. Достаточно хорошо известно, что процесс осознания целого сопровождается абстрагированием от чувственного восприятия отдельных качеств и частных явлений и, видимо, как следствие этого, - уменьшением осознаваемости чувственно воспринимаемых элементов данного целого. Означает ли такое положение, однако, что в этом целом совершенно тонут отдельные модальные качества образующих его элементов? Анализ собственных и литературных данных, касающихся структурно-функциональной организации взаимоотношений различных отделов мозга, привел нас [3] к необходимости сформулировать гипотезу "поэтапного, но не полного замещения возбуждений" специфической для определенной структуры модальности по мере перехода этих возбуждений на другие структуры мозга.

Изначально специфичное возбуждение при этом как бы постепенно "замещается" возбуждением иной либо иных модальностей, которые свойственны другим структурам. Предполагается в то же время, что специфичность изначального возбуждения может быть сохранена далеко за пределами его воспринимающей структуры. Для обеспечения нормальной ответной реакции на раздражитель изначальной модальности необходим определенный уровень ее информативности в интегративно пусковых структурах (например, в моторной коре), при непосредственном участии которых организуется и реализуется ответная реакция. Этот уровень информативности поддерживается влияниями той же модальности, идущими как по горизонтальным межкорковым системам связей, так и "вертикально", непосредственно из соответствующего релейного таламического ядра в различные области коры, а также то-нигенными неспецифическими, мотивационными и другими влияниями, приходящими в разные корковые территории по вертикальным и горизонтальным системам связей. Этот феномен может, по-видимому, наиболее отчетливо реализоваться в интегративно-пусковых структурах мозга. В его основе должен лежать нейрофизиологический механизм конвергенции разнородных сигналов на одних и тех же нейронах.

Процесс поэтапного "замещения" изначальной модальности, как и уровень сохранения ее информативности в интегративно-пусковых структурах, - величины, варьирующие и зависящие от биологической значимости и

характера системной деятельности. Этими же условиями определяются изменения объема и характера конвергенции разнородных возбуждений в интегративно-пусковых (и других) структурах.

В соответствии с нашей гипотезой в интегративно-пусковые или иные структуры могут приходить как посылки, не потерявшие своей модальной специфичности, так и достаточно проинтегрированные ранее злияния. Нашу точку зрения, как нам думается, подкрепляют систематические микроэлектродные исследования М. Я. Рабиновича [16] и его сотрудников, обнаружившие закономерную трансформацию активности отдельных нейронов в корковой зоне подкрепления по мере образования условного рефлекса. Было обнаружено на основе анализа эффектов поляризации и особенностей динамики условной активности отдельных нейронов, что в процессе сочетания условного и безусловного раздражителей функциональные свойства клеток зоны проекции подкрепления претерпевают эволюцию, отражающую становление механизмов замыкания. До первых сочетаний условного стимула с подкреплением эти нейроны проявляют адекватно-моносенсорные реакции, т. е. отвечают преимущественно на стимулы адекватной модальности. После же достаточного количества сочетаний эти же нейроны приобретают способность отвечать на стимулы различной модальности и параметров, их реакции становятся полисенсорными. Наконец, при упрочении условного рефлекса ответы нейронов снова приобретают моносенсорный характер, но в данном случае это уже специально-моносенсорные реакции на стимул с определенными параметрами, который получил сигнальное значение.

Трансформация афферентного сигнала по мере прохождения вызванного им возбуждения по мультисинаптичеоким нервным путям к ассоциативным и интегративно-пусковым структурам должна иметь следствием все большее "отчуждение" самого сигнала от субъекта, т. е. нарастающую "неосозяаваемость" этого сигнала, его все меньшую "презентированноеть" (по А. Н. Леонтьеву).

Структурные предпосылки конвергенции разнородных возбуждений были даны* И. Н. Филимоновым [20] в его теории мультифункцио-нальности корковых формаций, постулированной им для структур обонятельного мозга. Однако нам думается, что современные нейрофизиологические и нейроморфологические исследования позволяют распространить понятие мультифункциональности едва ли не на все образования головного мозга.

Принципы многоканально-вертикальной и горизонтальной организации проведения афферентных влияний имеют, несомненно, огромное значение для обеспечения постоянного взаимодействия осознанных и неосознаваемых форм в. н. д. Сейчас получено достаточно морфологических и физиологических данных в пользу того, что специфическое афферентное возбуждение имеет возможность приходить не только в соответствующие специфические подкорковые или корковые структуры данного анализатора и обеспечивать тем самым сенсорно-гностическую функцию, но также направляться в другие образования мозга, одни из которых функционируют преимущественно как модуляционные или энергетические, другие - как эмоциогенные и мотивационные, третьи - как эфферентные (интегративно-пусковые).

Несомненно, что эти формы связей следует принимать во внимание при оценке различных степеней осознания внешнего (или внутреннего) мира. Так, например, переживание резко окрашенного эмоционального отношения к тому или иному раздражителю заставляет думать о преимущественном вовлечении гностико-лимбической системы взаимоотношений. Структурными предпосылками такого вовлечения являются связи соответствующих сенсорных систем с лимбическими образованиями. Эти связи могут быть как непосредственными, о которых мы только что упоминали, так и опосредованными другими, например, ассоциативными системами переднего мозга. В экспериментальной психологии существуют две точки зрения на то, где может возникнуть процесс так называемого избирательного внимания - явления, достаточно близкого к рассматриваемой нами проблеме. Одна из них предполагает, что он формируется на уровне входа в сенсорную систему как результат определенного "сенсорного фильтра". Согласно другой точке зрения, этот процесс возникает после анализа всех признаков сенсорного раздражителя центральными механизмами мозга и поэтому "отбор" производится "на выходе" этих сенсорных систем. Прибрам с соавторами, разбирая эту дилемму, приводят экспериментальные доказательства правомерности обеих точек зрения, хотя и отдают предпочтение значению ответной реакции для формирования процесса избирательного внимания.

Не вызывает, во всяком случае, сомнения, что особое значение в этом процессе имеют кортикофугалыные механизмы. Они позволяют регулировать и коррегировать приходящие возбуждения, обеспечивают процессы сличения плана действия с его результатом и формируют возможность возникновения длительно текущих ритмических взаимодействий между различными уровнями мозга. Переменный по своим параметрам баланс интеграции разнообразных возбуждений (петального и фугального порядка) является той неустранимой материальной основой, на которой развертываются различные процессы как сознательной, так и бессознательной психической деятельности человека.

49. The Importance of the Principle of the Multilevel Organization of the Brain to the Conception of Conscious and Unconscious Forms of Higher Nervous Activity. O. S. Adrianov

Brain Research Institute, USSR Academy of Medical Sciences, Moscow

Summary

The problem of structural-functional precursors of conscious and unconscious manifestations of the higher nervous activity and their interrelation is considered. The interrelation of different forms of cue perception, depending on automatized and nonautomatized types of responding to these cues, is discussed from the neurophysiological and neuropsychological points of view. The role of the so-called "anticipatory" excitation in comparing trace processes with those of real stimulation and the significance of this process to the function of various systems of the brain is underlined.

The special and distinctive participation of the prefrontal cortex in automatized and nonautomatized reactions is emphasized. The hypothesis is advanced on the "step by step, but not complete substitution of certain modality excitations" in the process of their transmission from the sensory systems to other brain structures. The possible application of this hypothesis to the problem under consideration is formulated.

Литература

1. Адрианов О. С., В кн.: Физиология высшей нервной деятельности, часть I, М., 1970, 40-74.

2. Адрианов О. С., Ж. высш. нервн. деят., 1973, 23, 2, 289-296.

3. Адрианов О. С., О принципах организации интегративной деятельности мозга. М., 1976, 280.

4. Адрианов О. С., Молодкина Л. Н., Ж. высш. нервн. деят., 1971, 21, 5, 914-921; 1972, 22, 4, 726-734.

5. Адрианов О. С., Попова Н. С. В сб. : Проблемы динамической локализации функций мозга, Л., 1968, 134-146.

6. Анохин П. К., Биология и нейрофизиология условного рефлекса, М., 1968, 547.

7. Бассин Ф. В., Проблема "бессознательного", М., 1968, 168.

8. Бериташвили И. С., Нервные механизмы поведения высших позвоночных животных, М., 1961, 356.

9. Гасанов У. Г., Внутреннее торможение. Экспериментальные исследования..., М., 1972.

10. Крушинский Л. В., Доклады АН СССР, 1958, 121, 4, 762-766.

11. Крушинский Л. В., Природа, 1974, 5, 22-23.

12. Лурия А. Р., Мозг человека и психические процессы, М., 1970.

13. Наумова Т. С., Попова Н. С., Ж. высш. нервн. деят., 1969. 19/3, 410-416.

14. Павлов И. П., Павловские среды, 1935, 3, 410-416.

15. Попова Н. С. В сб.: Функционально-структурные основы системной деятельности и механизмы пластичности мозга. Сб. научн. трудов Института мозга АМН СССР, М.. 1973. 2, 29-33.

16. Рабинович М. Я., Замыкательная функция мозга. М., 1975, 248.

17. Рубинштейн С. Л., Бытие и сознание, М., 1957.

18. Узнадзе Д. Н,, Экспериментальные основы психологии установки, Тб., 1,961.

19. Хомская Е. Д., Мозг и активация. М., 1972, 382.

20. Филимонов И. Н., Сравнительная анатомия большого мозга млекопитающих, М., 1949.

21. Шерозия А. Е., К проблеме сознания и бессознательного психического, том I, Тб., 1969; том II, Тбилиси, 1973.

22. Шугалев Н. П., Ж. высш. нервн. деят., 1970, 20, 3, 499-505.

23. Шулейкина К. В., Системная организация пищевого поведения, М., 1971, 230.

50. Нейрофизиологические механизмы "сознательных" и "подсознательных" проявлений биологических мотиваций. К. В. Судаков, А. В. Котов

Институт нормальной физиологии АМН СССР, Москва

Традиционные методы психоанализа предполагают обнаружение в символике сновидений определенных влечений и, в частности, проявление "либидо" человека (3. Фрейд). Вместе с тем психоаналитические методики, как это неоднократно отмечалось, страдают недостаточной объективностью при оценке того или иного состояния психики человека.

Развитие физиологии мозга позволило вплотную подойти к изучению нейрофизиологического субстрата таких основных биологических влечений организма, как голод, жажда, половое влечение и др.

Согласно представлениям, развиваемым в школе П. К. Анохина, такого рода влечения всегда отражают ту или иную биологическую потребность организма. Именно потребности организма, как материальные факторы, трансформируются в специфические мотивационные возбуждения в центральной нервной системе.

В экспериментах, проведенных в нашей лаборатории, было обнаружено, что любая мотивация строится на основе восходящих активирующих влияний мотивационных центров гипоталамуса на кору головного мозга (К. В. Судаков, 1971). При этом было установлено, что эти влияния имеют характерное электроэнцефалографическое выражение. Так, например, было показано, что у кошек после 1-2 суток голодания в передних отделах, коры головного мозга наблюдается под уретановым наркозом регионарная реакция активации электроэнцефалограммы. Эта реакция проявляется в виде десинхронизации электрической активности на фоне медленных высокоамплитудных колебаний в теменных и затылочных областях коры мозга. Принадлежность этой реакции к пищевому возбуждению доказывают эксперименты с искусственным кормлением таких животных путем введения им в ротовую полость и желудок натуральных пищевых веществ или раствора глюкозы в кровь. Во всех этих случаях десинхронизация исчезала и заменялась медленной высокоамплитудной активностью. Характерно, что у накормленных животных во всех отделах коры мозга под уретановым наркозом наблюдалась медленная высокоамплитудная активность.

При кратковременном голодании (сутки и менее) активация передних отделов коры мозга у кошек нередко не выявлялась. Однако она проявлялась в своеобразной форме в активности лимбических образований (амигдала, гиппоками). В амигдалярных образованиях при этом наблюдались высокочастотные веретена, а в гиппокампе - упорядоченный ритм 4-6 колебаний в секунду.

Использование микроэлектродной техники (Ю. А. Фадеев, 1962) позволило обнаружить в сенсомоторной коре мозга голодных кошек, находившихся под уретановым наркозом, нейроны, реагирующие на введение глюкозы в кровь. Большинство клеток этой области в ответ на введение глюкозы тормозило ритм разрядной активности, меньшая часть нейронов активировалась.

В специальной серии экспериментов нами были исследованы реакции нейронов сенсомоторной коры и орбитальной поверхности мозга у накормленных кроликов под уретановым наркозом в ответ на электрическое раздражение "центров голода" латерального гипоталамуса. При этом удалось показать наличие нейронов вышеуказанных областей коры мозга, реагирующих на раздражение мотивационных центров гипоталамуса. Были обнаружены нейроны трех типов: учащающие, тормозящие и изменяющие конфигурацию импульсной активности. В большинстве случаев возбуждение пищевых мотивационных центров латерального гипоталамуса в этих экспериментах увеличивало активность нейронов сенсомоторной и орбитальной коры мозга.

Как показали наши последующие эксперименты с коагуляцией и функциональной блокадой различных структур мозга у голодных животных, находившихся под уретановым наркозом, латеральные гипота-ламические отделы выступают в качестве своеобразных "пейсмекеров" пищевого возбуждения. Выключение этих отделов мозга немедленно устраняет "голодную" активацию во всех структурах мозга (К. В. Судаков, 1963).

Таким образом, проведенные опыты свидетельствуют о том, что в условиях уретанового наркоза у голодных животных проявляются в достаточно выраженной форме явления пищевого возбуждения. Можно думать, что указанные выше нейрофизиологические механизмы отражают "подсознательное", если можно так выразиться, влечение животных к пище, т. е. пищевое влечение в условиях блокады бодрствования.

Избирательную активацию структур мозга при пищевом мотива-ционном возбуждении удается, однако, выявить и у бодрствующих животных. Особенно четко она выявляется в экспериментах на кроликах с искусственным раздражением пищевого мотивационного центра латерального гипоталамуса через вживленные электроды. У накормленных кроликов раздражением латерального гипоталамуса легко получить направленную пищевую реакцию. Эта реакция по многим показателям напоминает натуральную пищевую и пищедобывательную деятельность. При этом наблюдается не только реакция приема пищи, но и воспроизведение приобретенных ранее пищедо-бывательных инструментальных навыков (Н. Миллер, 1960, 1961; Г. Могенсон, 1971 и др.). Все это позволило нам приступить к изучению вопроса, каким образом возбуждение из "пейемекерных" пунктов латерального гипоталамуса у бодрствующих животных распространяется на другие отделы мозга. При этом нас особенно интересовал вопрос, с возбуждением каких структур мозга связано возникновение направленной ("осознанной" в нашем условном понимании, т. е. проявляющейся вне наркоза) пищевой реакции?

С этой целью мы провели эксперименты с градуальным увеличением силы раздражения пищевых центров гипоталамуса. Были исследованы изменения электрической активности лимбических образований, ретикулярной формации и коры головного мозга.

Как показали проведенные нами эксперименты, при силе раздражающего латеральный гипоталамус тока 0,5 мка не отмечалось изменений электрической активности в подкорковых структурах и коре головного мозга. При увеличении силы раздражающего тока до 1 мка наблюдались изменения электрической активности типа десинхронизации в медиальной области перегородки и амигдалярной области, упорядоченный ритм в гиппокампе и в ретикулярной формации среднего мозга. Только при еще большем увеличении силы раздражающего тока до 4-6 мка наряду с вышеуказанными изменениями наблюдалась активация коры мозга. Такая активация могла носить локальный характер, отмечаясь преимущественно в передних отделах коры мозга, или проявляться генерализованно в зависимости от силы раздражения пищевого центра гипоталамуса и индивидуальных особенностей подопытных животных. Наиболее интересньм оказался тот факт, что именно та сила электрического раздражения латерального гипоталамуса, которая приводила к изменениям электрической активности коры мозга, вызывала у кроликов и целенаправленную пищевую реакцию. Меньшая сила раздражения пищевого мотивационного центра, сопровождающаяся активацией только лимбико-ретикулярных структур, вызывала обычно проявление отчетливо выраженной ориентировочно-исследовательской реакции, не завершавшейся приемом пищи.

Приведенные опыты указывают, таким образом, на то, что т. н. "сознательные" проявления пищевой мотивации у животных связаны в первую очередь с активацией коры головного мозга. В том случае, когда восходящие активирующие влияния пищевых центров гипоталамуса распространяются только на лимбические образования головного мозга, такие, как перегородка, миндалина, гиппокамп, поясная извилина и др., мотивация не имеет направленного характера.

По всей видимости, можно выявить определенный параллелизм между степенью градуального вовлечения структур мозга в процесс пищевого мотивационного возбуждения и интенсивностью эмоционального ощущения и влечения животного к пище. При слабых степенях пищевого мотивационного возбуждения, когда в процесс вовлечено ограниченное число лимбических структур, у животных наблюдается ориентировочно-исследовательская реакция, не направленная на поиск каких-либо определенных раздражителей во внешней среде. Можно полагать, что этому уровню соответствует ощущение легкого дискомфорта и беспокойства без "осознавания" причин, их вызвавших. В этом состоянии регистрируются незначительное увеличение частоты и амплитуды дыхательных движений, небольшое увеличение частоты сердечных сокращений. При дальнейшем же увеличении степени мотивационного возбуждения активируется большинство лимбических структур, появляются признаки вовлечения в этот процесс сенсомоторных отделов коры мозга. Поведение животных при этом начинает приобретать целенаправленный характер - поиск пищи, обнюхивание, облизывание, ее потребление. Изменения вегетативных показателей при этом становятся более выраженными. Эта стадия пищевого мотивационного

возбуждения характеризуется "сознательным поиском" животным во внешней среде адекватных внутренней потребности раздражителей на основе генетически врожденного и индивидуально приобретенного опыта.

Что же привносит в деятельность корковых нейронов пищевое мотивационное возбуждение? Эксперименты нашей лаборатории показали, что мотивационное возбуждение расширяет конвергентные способности корковых нейронов. Так, было обнаружено, что предварительное раздражение у кроликов мотивационного центра латерального гипоталамуса приводило к тому, что ранее не реагировавшие на сенсорные световые или звуковые раздражители нейроны приобретали возможность реагировать на эти раздражения. Последующие опыты показали, что предварительная стимуляция латерального гипоталамуса обусловливает у корковых нейронов появление отчетливых реакций на введение натуральной пищи в желудок накормленным животным. Анодическая поляризация пищевых мотивационных центров гипоталамуса у голодных животных, наоборот, снижала конвергентные свойства нейронов коры мозга по отношению к раздражителям сенсорной и биологической модальности.

Интересный факт был установлен в исследованиях С. Н. Хаютина. Оказалось, что нейроны зрительной коры после электрического раздражения "центра голода" латерального гипоталамуса у кроликов начинали воспроизводить такую частоту ответов на зрительное раздражение, на которую они не реагировали до раздражения гипоталамуса. Этот факт свидетельствует о том, что пищевое мотивационное возбуждение усиливает дискриминационные свойства корковых нейронов.

Кроме того, было обнаружено, что пищевое мотивационное возбуждение извращает ответы корковых нейронов на раздражения сенсорной и биологической модальности. Очень часто отдельные нейроны, реагировавшие на сенсорное или пищевое раздражение тормозной реакцией, после стимуляции мотивационного центра латерального гипоталамуса в ответ на действие прежних раздражителей активировали исходную ритмику разрядов и наоборот. Отдельные клетки зрительной коры в ответ на стимуляцию пищевого центра латерального гипоталамуса приобретали большую реактивность и взрывчатость по отношению к зрительным раздражениям. В ответ на вспышки света одинаковой интенсивности такие нейроны обнаруживали более выраженный прирост частоты ритмической активности.

Все эти эксперименты, на наш взгляд, убедительно показывают что мотивационное возбуждение, сопровождающееся увеличением конвергентных, дискриминационных и реактивных способностей корковых нейронов, значительно расширяет возможности взаимодействия животных с раздражителями окружающего их мира.

Как же на основе мотивационного возбуждения строится целенаправленная деятельность животных? Каким образом обнаруженные нами корковые нейрональные механизмы мотивации преломляются в "сознательной" поведенческой деятельности животных?

Поведенческие эксперименты, проведенные рядом наших сотрудников, отчетливо демонстрируют ведущую роль мотивационного возбуждения в формировании целенаправленной деятельности животных. В опытах Н. В. Асмаяна было показано, что реакция собак на один и тот же условный пусковой раздражитель четко зависит от их доминирующей в данный момент времени мотивации. Собаки в опытах Н. В. Асмаяна поступали в эксперимент при наличии у них мотивации голода и жажды. В случае, когда доминировал голод, один и тот же условный сигнал вызывал нажатие животного на педаль, подающую пищу в кормушку в правой части станка. В случае, когда у животных доминировала мотивация жажды, тот же условный сигнал в той же обстановке вызывал нажатие животным на педаль, обеспечивающую подачу воды в левой части станка.

С. Н. Хаютин, наблюдая поведение птенцов мухоловки-пеструшки в естественных условиях, обнаружил, что у птенцов в периоде после раскрытия глаз пищевая реакция вызывается кратковременным изменением освещенности вследствие закрытия летка телом взрослой птицы, приносящей корм. Кормление птенцов в этом периоде производится только из летка. Чем больше проходит времени от предшествующего получения пищи птенцом, тем сильнее его тенденция занять самую освещенную зону гнезда, т. е. непосредственно под летком. Немедленно после получения пищи птенец покидает эту зону, перебираясь в более темную. Если 2-3 птенцов выдержать без пищи в течение 20-30 минут, а затем поместить в гнездо, они немедленно вступают в "драку" за самое освещенное место гнезда. В интервалах между кормлениями птенцы распределяются в гнезде в соответствии с уровнем пищевой мотивации (по градиенту освещенности).

Г. Д. Антимоний и В. А. Макаров на крысах и кошках изучали способности преодоления животными препятствия на пути к пищевому подкреплению в зависимости от уровня пищевой мотивации. Эксперимент проводили обычно таким образам, что в ответ на пусковой условный сигнал животное из правой части

экспериментальной камеры устремлялось в левую ее часть, где получало пищу из кормушки. Затем для получения очередного подкрепления животное должно было снова занять исходное место в правой части камеры. После упрочения этих навыков в другой части клетки устанавливали барьер, который животное должно было преодолеть, чтобы в ответ на сигнал получить очередную порцию пищи.

Опыты показали, что суточное голодание у крыс не приводило к преодолению препятствия, животные проявляли только выраженную ориентировочно-исследовательскую реакцию. Однако на вторые сутки голодания крысы в ответ на сигнал начинали преодолевать препятствие. На третьи сутки они снова переставали перелезать через барьер, однако уже не проявляя при этом ориентировочно-исследовательских реакций. У кошек, в отличие от крыс, интенсивность преодоления барьера возрастала на вторые и третьи сутки.

Наконец, в экспериментах А. В. Мастерова изучался вопрос, в какой последовательности доминирующая мотивация после предварительного обучения животного "извлекает" следы возбуждений, предшествующих действию подкрепляющего раздражителя? С этой целью голодные крысы для получения пищевого подкрепления из стартового отсека должны были пройти через три последовательных отсека специального лабиринта. Перед каждым отсекам лабиринта на заслонках, которые животные должны были толкать, помещались сигнальные раздражители в виде креста, круга и треугольника. Ближе к пищевому подкреплению располагался отсек с треугольником, при входе - с крестом, далее - с кругам. После приема пищи крысы попадали в "распределитель", в котором имелись три выхода с соответствующими сигналами: крест, треугольник, круг, обеспечивавшие поступление животных в вышеуказанные отсеки. Четвертый выход без предварительного сигнала обеспечивал поступление животных в стартовый отсек. Задача опыта состояла в выяснении вопроса, каким образом животные будут строить выбор предваряющих подкрепление раздражителей по мере их обучения и в зависимости от исходного уровня пищевой мотивации.

Проведенные эксперименты показали, что после 10-15 прохождений, обозначенных зрительными образами отсеков, животные в "распределителе" начинали выбирать преимущественно раздражитель, наиболее близко отстоящий от подкрепления - треугольник. К 30-му прохождению лабиринта они выбирали в "распределителе" только этот раздражитель. По мере же насыщения животных картина менялась. Некоторые животные снова начинали выбирать различные этапные раздражители.

Таким образом, полученные данные вновь показали в поведенческом аспекте значение мотивации в анализе и синтезе раздражителей внешнего мира. Они подчеркнули, что мотивационное возбуждение значительно расширяет приспособительные возможности животных, хотя само по себе оно неспособно привести животное к соответствующей цели. Это, как указывал И. П. Павлов, - только "темная" внутренняя сила. "Голод, - пишет И. М. Сеченов, - способен поднять животное на ноги, способен придать поискам более или менее страстный характер, но в нем нет никаких элементов, чтобы направить животное в ту или иную сторону и видоизменять его сообразно требованиям местности и случайных встреч" (1952).

Какие же нейрофизиологические механизмы направляют "заряженных" мотивацией животных и человека на удовлетворение доминирующих внутренних потребностей?

Ответить на этот вопрос наиболее адекватно позволяет теория функциональных систем П. К. Анохина.

Согласно представлениям, выдвинутым П. К. Анохиным, мотивация составляет ведущий компонент стадии афферентного синтеза функциональной системы целенаправленного поведенческого акта. Благодаря этому мотивации придают функциональным системам биологическую окраску специального качества, а у человека, кроме того, - социальную направленность. При этом следует обратить внимание на важное обстоятельство. Мотивационные возбуждения проявляются не только в стадии афферентного синтеза, но, занимая в нем доминирующее положение, участвуют в построении и последующих стадий поведенческого акта - принятии решения и формирования акцептора результатов действия. Формирующийся на основе доминирующей мотивации аппарат предвидения будущего результата - "акцептор результатов действия" - и составляет так называемый направляющий компонент мотивационного возбуждения. Именно этот аппарат, строящийся в соответствии с доминирующей мотивацией, позволяет животным и человеку отличать среди множества раздражителей те, которые направлены на удовлетворение их доминирующей потребности. Акцептор .результатов действия не только определяет предвидение результатов, но и осуществляет активную их оценку. Целенаправленный поиск происходит на основе непрерывного сравнения через обратную афферентацию параметров реально полученного результата с параметрами потребных результатов, запрограммированных в акцепторе результатов действия генетически или вследствие индивидуального опыта.

В ряде наших опытов и в экспериментах сотрудников нашей лаборатории было продемонстрировано, что мотивационное возбуждение активирует энграмму акцептора результатов действия, сформированную предшествующим обучением, по опережающему принципу до конечного подкрепляющего результата включительно и, таким образом, как бы "вытягивает" весь предшествующий опыт животного, направленного на удовлетворение соответствующей потребности.

Так, в экспериментах А. С. Сосновского у кроликов в экспериментальной камере вырабатывали специальную "линию поведения". Для получения пищи кролики должны были потянуть за кольцо, после чего в кормушку поступала порция пищи. Эксперимент проводили таким образом, что потягивание за кольцо только в том случае обеспечивало подачу пищи, если оно осуществлялось в ответ на специальный сигнал - свет, загорающийся на фоне предваряющего постоянного звукового раздражителя. В случае отсутствия звукового обстановочного раздражителя и пускового светового раздражителя, или одного из них, потягивание животным за кольцо не обеспечивало поступления пищи в кормушку. После обучения данной "линии поведения" всем кроликам вживляли раздражающие электроды в "центр голода" латерального гипоталамуса. Задача состояла в том, чтобы проследить, как проявляется ранее выработанная "линия поведения" у данных кроликов при помещении их в экспериментальную камеру в накормленном состоянии при стимуляции латерального гипоталамуса.

Опыты показали, что во время раздражения латерального гипоталамуса при наличии обстановочного звукового раздражителя в ответ на сигнальные световые воздействия накормленные кролики осуществляли потягивание за кольцо и поедали подаваемую пищу.

Таким образом, мотивационное возбуждение "вытягивало" у животных не только ранее приобретенный пищедобывательный навык, но и весь комплекс внутренних связей на пусковые и обстановочные раздражители, т. е. всю ранее выработанную "линию поведения" до конечного результата включительно.

В наших собственных экспериментах изучался вопрос, в какой степени правильность выбора стороны пищевого подкрепления в Т-образном лабиринте у обученных ранее животных зависит от интенсивности исходной пищевой мотивации. Кролики обучались в ответ на определенные сигналы выбрать соответствующую сторону подкрепления в Т-образном лабиринте. Животные помещались в "стартовый отсек" лабиринта, в котором им предъявлялись два раздражителя: свет и звук. В ответ на звук животным подавалась пища в правой стороне лабиринта, в ответ на свет - в левой. На 3-6 сутки обучения все животные в предварительных тренировках обучались различать правую и левую стороны лабиринта в ответ на звуковой и световой раздражители. Можно было думать, что в этих условиях соответствующий пусковой сигнал уже в "стартовом" отсеке формировал у животных предвидение подкрепляющего результата в правом или левом колене лабиринта. Поэтому представляло интерес проследить, в какой степени выраженность исходной мотивации оказывала влияние на процессы предвидения локализации места подкрепления.

Проведенные опыты показали, что после суточного голодания в течение первых 30-ти случайных чередований светового и звукового условного раздражителей все животные обнаруживали наименьший процент ошибок выбора стороны подкрепления. Та же закономерность проявлялась и после 2-х суточного голодания, однако общее число ошибок выбора возрастало. По мере насыщения животных наблюдалось закономерное снижение их способности выбора стороны подкрепления, наблюдалось большее число ошибок.

Эксперименты этой серии обнаружили, таким образом, четкую зависимость предвидения животными места подкрепления от уровня их исходной мотивации. Для того, чтобы выяснить значение мотивацион-ного возбуждения в процессах удержания в памяти опережающих реакций, мы провели специальную серию опытов с отсроченными от условного сигнала подкреплениями.

С этой целью мы несколько видоизменили методику экспериментов, представленных выше. На пути животных из "стартового" отсека устанавливалась заслонка, с помощью которой регулировали время задержки от начала подачи условного раздражителя до перемещения животного в соответствующее колено лабиринта. Время задержки в разных пробах составляло соответственно 5, 15, 25, 35 секунд.

Проведенные в этом направлении эксперименты выявили следующие закономерности поведения животных. После суточного голодания процент правильного выбора стороны подкрепления у кроликов был выше всего при 5-ти секундной задержке. При 15-ти секундной задержке процент ошибок выбора нарастал. Однако при 25-ти секундной задержке некоторые животные обнаруживали уменьшение количества ошибок. Та же общая закономерность проявлялась и после 2-х суточного голодания животных, хотя и возрастало общее количество ошибочных реакций. По мере насыщения животных также наблюдалось закономерное снижение способности выбора стороны подкрепления.

Все вышеуказанные эксперименты показывают, что мотивационное возбуждение за счет активации функциональной организации аппарата акцептора результатов действия способно направить автоматизированную деятельность животных на удовлетворение лежащей в ее основе потребности.

Такое представление подтверждается и результатами специальной серии опытов, проведенной нами по вышеуказанной методике. Изучали поведение животных в Т-образном лабиринте в различные сроки после двухстороннего электролитического разрушения латеральных гипоталамических областей. Каждый пункт латерального гипоталамуса предварительно тестировали на пищевую реакцию.

Оказалось, что в первые сутки после коагуляции латеральных гипоталамических отделов животные не проявляли практически никаких реакций на условные пусковые раздражители и не принимали предлагаемой им пищи. Обычно животные находились в дремотном состоянии в "предстартовом" отсеке. На 3 сутки у животных восстанавливалась условная реакция на звук и свет, которая проявлялась в подчеркнутом исследовании места, откуда подавались условные раздражители. На 5 сутки животные в ответ на условные раздражители начинали перемещаться в коридор лабиринта, подходили к кормушкам, но пищу не принимали. Процент ошибок движения в соответствующую сторону Т-образно го лабиринта достигал 40-50%. В отдельных пробах животные возвращались в предстартовый отсек, не приняв очередной порции пищи. Такая картина наблюдалась в среднем до 8 дня после коагуляции латеральных отделов гипоталамуса.

На наш взгляд, результаты этих исследований указывают на потерю животным способности адекватно оценивать доминирующую потребность и этапные и подкрепляющие результаты поведенческой деятельности. Однако эти опыты свидетельствуют и о том, что при выработанных условных пищевых реакциях определенную роль в мобилизации пищедобывательного навыка в условиях разрушения инициативных гипоталамичеоких мотивационных центров играют пусковые условные раздражители. Но они мобилизуют в основном приобретенные поведенческие навыки, обеспечивающие достижение этапных результатов целостной приспособительной деятельности без завершающего подкрепляющего результата. Для того, чтобы извлечение опыта из памяти произошло до конечного результата, необходимы тонические активирующие влияния мотивационных центров гипоталамуса на кору мозга. Только при наличии энергетических восходящих активирующих влияний "пейюмекерньих" мотив ащтонных центров гипоталамуса пусковые и обстановочные раздражители способны "оживить энграмму" акцептора результатов действия до подкрепляющего возбуждения включительно и привести животное к удовлетворению исходной доминирующей потребности. В случае экспериментального разрушения мотивационных центров гипоталамуса при наличии предварительно выработанных навыков условные и обстановочные раздражители вызывают только двигательные и инструментальные реакции, не заканчивающиеся завершающим удовлетворением потребности.

По нашему мнению, уровень исходного мотивационного возбуждения в значительной степени определяет "сознательный" поиск животным в окружающей среде раздражителей, способных устранить причины, вызвавшие мотивацию. В таких случаях мотивационное возбуждение обеспечивает энергетическую поддержку процессам в центральной нервной системе, формирующим целенаправленное поведение. Вместе с тем качественная, можно сказать, творческая роль в формировании механизмов "сознательных" целенаправленных поведенческих реакций принадлежит процессам активного взаимодействия мотивации с аппаратом памяти, с возбуждениями, вызванными действием обстановочных и пусковых раздражителей, т. е. с процессами афферентного синтеза функциональной системы поведенческого акта. При этом особое значение приобретает органическая связь исходной мотивации с акцептором результатов действия - аппаратом прогнозирования и оценки результатов целенаправленной поведенческой деятельности. Без этих процессов и без этой связи формирование "сознательных" целенаправленных поведенческих реакций невозможно.

50. Neurophysiological Mechanisms of Conscious and Unconscious Manifestations of Biological Motivations. K. V. Sudakov, A. V. Kotov

Institute of Normal Physiology, USSR Academy of Medical Sciences, Moscow

Summary

The role of biological motivations in the formation of goal-directed behavioural reactions was studied in animals in acute and chronic experiments. The most adequate and integral behavioural reactions were observed when the dominant motivational excitation evoked in the initiative hypothalamic nuclei spread to the limbic structures, reticular formation and the cerebral cortex. It is suggested that unconscious and conscious character of behavioural reactions depends both upon

the level of domination of some biological motivation and the degree of its relationships with the trigger and environmental afferentations, the apparatus of memory, and mechanisms of prediction of the future result of goal-directed activity.

Литература

1. Анохин П. К., Биология и нейрофизиология условного рефлекса, М., 1968.

2. Асмаян Н. В., Регуляция поведения собак при наличии у них голода и жажды. В сб.: Проблемы лечебного голодания, М., 1969, 57, 47.

3. Ониани Т. Н., О нейрофизиологических механизмах краткосрочной памяти Гагрские беседы, 6, 1972, 100.

4. Судаков К. В., Биологические мотивации, М., 1971.

5. Фадеев Ю. А., О взаимодействии восходящих активаций различного биологического качества. Матер. 8-й конференции молодых ученых Ин-та норм, и патологич физиологии АМН СССР, М., 1962, 86.

6. Фрейд 3., Очерки по психологии сексуальности, Петроград, 1924.

7. Хаютин С. Н., Активность одиночных нейронов в зрительной области коры в условиях выраженной пищевой мотивации. В кн.: Структурная, функциональная и нейрохимическая организация эмоций, Л., 1971, 175.

51. К вопросу о бессознательном с точки зрения неироглиальной гипотезы образования временных связей.

А. И. Ройтбак

Институт физиологии им. И. С. Бериташвили АН Груз. ССР, Тбилиси

Мозг - это система, состоящая из нейронов и глиальных клеток, определенным образом расположенных и взаимосвязанных между собой. Структура мозга качественно отличается от строения составляющих ее компонентов, вследствие чего выяснение особенностей нейронов, нейронных ансамблей и нейронных сетей не есть еще выяснение всех особенностей мозга. Можно думать, что качественное изменение деятельности мозга, выражающееся в образовании условных рефлексов, имеет в основе структурное, заключающееся в определенном изменении взаимоотношение нейронов и глии (Ройтбак, 1973).

Установленной функцией олигодендроцитов является образование ими в развивающейся ц. н. с. позвоночных (начиная с акул) миелино-вых оболочек нервных волокон путем замыкания голого осевого цилиндра в отросток олигодендроцита и затем спирального закручивания отростка. Но в последнее время выяснено, что олигодендроциты сохраняют способность образовывать миелиновые оболочки и в зрелой ц. н. с. (Bunge, 1970). Было постулировано, что деполяризация олигодендроцитов служит сигналом к образованию ими миелина (Ройтбак, 1969). Этот сложный процесс включает в себя, как известно, моменты движения и роста отростков олигодендроцитов. Предполагается, что деполяризация глиальных клеток происходит под действием ионов K^{+}выходящих из возбужденных нервных элементов (Kuffler, Nicholls, 1966); но не исключается и возможность деполяризации глии под действием медиаторов, выделяющихся из бутонов аксонных терминален, непосредственно контактирующих с макроглиальными клетками коры.

Была предложена гипотеза, согласно которой, в основе образования (формирования) и укрепления (консолидации) временных связей лежит процесс миелинизации центральных аксонов (Ройтбак, 1969; 1972; 1973).

При действии "индифферентного" раздражения возбуждение по предшествующим нервным путям достигает "потенциальных" синапсов на нейронах в очаге безусловного раздражения. Безусловное раздражение благодаря многочисленности афферентных волокон, приходящих к данному нейронно-глиальному модулю коры, эффективности связей с ним и, возможно, характеру импульсации, как правило, помимо вспышки импульсной активности нейронов, должно вызывать активирование нейроглиальных клеток и длительную деполяризацию их мембран. Эта деполяризация является сигналом к образованию

миелина. Миелин начинает образовываться в том случае, если отросток олигодендроцита прилегает к голой терминали, которая до этого была деполяризована, то есть при изменении физико-химического состояния ее мембраны и состава среды между ними. Замкнутое в гли-альный отросток и окруженное миелином окончание

функционирует эффективнее: более сильный электрический ток электротонически достигает синаптического окончания и вызывает выделение большого количества квантов медиатора; окончание возбуждает или тормозит пост-синаптический элемент - связь замыкается. Эта связь может до определенного предела совершенствоваться при увеличении количества слоев в миелиновой оболочке.

Так как любое периферическое раздражение при достаточной интенсивности вызывает в соответствующем участке коры выраженную реакцию нейронов и глии, то с любым периферическим раздражением может связаться по указанному принципу другое раздражение, приводя к образованию ассоциативных, временных связей.

На основе предложенной гипотезы получает объяснение тот факт, что обычно условный рефлекс вырабатывается при условии предшествования индифферентного раздражителя безусловному, что интервал между этими раздражителями может удлиняться до нескольких минут и что, чем короче интервал, тем легче выработать рефлекс. По прекращении индифферентного раздражителя в соответствующих пресинаптических терминалях "потенциальных" синапсов сохраняется постепенно угасающий химический "след", и безусловный раздражитель в течение длительного периода времени может быть нанесен с тем, чтобы попасть на этот след. При обратном порядке раздражителей условия для совпадения во времени химического "следа" в терминалях и деполяризации олигодендроцитов чрезвычайно ограничены во времени. Согласно гипотезе, рефлекс должен при определенных условиях вырабатываться и при обратном порядке сочетаний, если индифферентное раздражение наносится сразу по окончании раздражения безусловного или в течение нескольких секунд по его прекращении. Деполяризация мембраны олигодендроцита затухает за несколько секунд, поэтому при нанесении индифферентного раздражителя через промежуток времени, больший 3 сек., не создаются условия для миели-нообразований, которые, как говорилось, состоят в совпадении во времени достаточно интенсивной деполяризации олигодендроцита с достаточным физико-химическим сдвигом в щелях между его отростками и пресинаптическими терминалями потенциальных синапсов.

Показательно, что по данным И. С. Беритова (1932), оборонительный условный рефлекс у собак образуется при обратном порядке сочетаний, если наносить индифферентный звуковой раздражитель не позже 1-3 сек. после прекращения безусловного электрокожного раздражителя. С точки зрения предложенной гипотезы можно объяснить и проблему консолидации временной связи. После замыкания пресинап-тической терминали в глиальный отросток и с увеличением затем количества слоев в миелиновой оболочке должна возрастать ее резистентность к внешним воздействиям.

Явления ретроградной амнезии после электрошока, распространя-щейся депрессии, действие судорожных ядов также могут получить рациональное объяснение. При эпилептической активности и при медленно распространяющейся депрессии развивается сильная деполяризация мембраны глиальных клеток (Grossman, Rosman, 1973). В опытах на культуре ткани коры мозга (Сванидзе и др., 1973) при $[K^+]_н$ (больше 14 мм двигательная активность олигодендроцитов прекращалась. При эпилептической активности и при распространяющейся депрессии предполагается накопление в межклеточных щелях большого количества K^+. Можно думать на основании вышесказанного, что в опытах с ретроградной амнезией в результате накопления K^+ прекращается двигательная активность олигодендроцитов, то есть прекращается процесс начавшегося образования миелина, связь не замыкается. Если же до этого прошло достаточно времени и отросток олигодендроцита успел замкнуть терминаль, то электрошок или другой агент не предотвращают образования условного рефлекса.

Итак, согласно гипотезе, для установления связи надо, чтобы произошло возбуждение немиелинизированной пресинаптической термина-ли и затем деполяризация смежных с ней олигодендроцитов; при выработке условного рефлекса первое происходит после действия "индифферентного", предваряющего раздражения, становящегося условным, второе - в результате действия последующего, безусловного раздражения. Как видно, возбуждение нейрона, на котором располагаются "потенциальные" синапсы, не рассматривается как фактор образования связи, в противоположность распространенному представлению, согласно которому эффективность синапсов увеличивается, когда поступающее к ним возбуждение совпадает с разрядом постсинаптического нейрона (Griffith, 1966; Brindley, 1967).

Из сказанного следует ряд неожиданных заключений. 1) Второе раздражение не обязательно должно вызвать разряд нейрона N, с которым образуется временная связь. Связь может образоваться при комбинации "индифферентного" раздражения, приводящего к возбуждению терминалей, оканчивающихся потенциальными возбуждающими синапсами на нейроне N, и раздражения, обусловливающего приход возбуждения к тормозящим синапсам на N, т. е. раздражения, вызывающего торможение N. Такие связи могут лежать в основе бессознательного: после сформирования они проявляются в отсутствии тормозящего раздражения.

2) Второе раздражение, участвующее в комбинации, может не оказывать на N синаптического действия, т. е. вообще не относиться непосредственно к нейрону, с которым образуется связь. Если в пункте расположения потенциальных синапсов на N количество проходящих или перекрещивающихся волокон, проносящих возбуждение в ответ на второе раздражение, велико, то концентрация ионов К"1" в щелях между интересующей нас пресинаптической терминалью и олигодендроци-тами может, достигнув значительной величины, вызвать деполяризацию мембраны олигодендроцитов, что служит, согласно постулату, сигналом к миелинообразованию; таким образом, первое из сочетаемых раздражений может вызвать реакцию, которую второе не вызывало. Наступающий акт, проявляющийся как внешняя реакция или остающийся "внутри" мозга, будет выглядеть как возникший спонтанно, хотя фактически он детермирован внешними раздражениями.

По такому же принципу может возникать тормозная временная связь, если предположить, что в результате первого из сочетаемых раздражений возбуждение поступало к "потенциальному" тормозному синапсу на нейроне N. Если принять, что для ощущения раздражителя (объекта внешнего мира) нужен разряд нейрона, то в рассмотренных случаях образования связи без разряда постсинаптического нейрона N сочетаемое раздражение не ощущалось как данное для нейрона N, с которым образовалась связь; можно допустить, что подобные связи возникают без участия сознания.

Исходя из представленной гипотезы можно дать объяснение явлениям перцептивного научения: снижения порогов при упражнении; вычленения в результате упражнений новых деталей при восприятии сложных стимулов и др. (см. Фресс, Пиаже, 1973). С другой стороны, представляется возможным произвести попытку объяснения явлений интуитивного решения, "озарений", столь характерных для научных открытий (см. Бунге, 1967; Симонов, 1975).

51. On the Question of Unconsciousness from the Point of View of the Neuroglial Hypothesis of the Formation of Temporary Connections. A. L. Roitbak

The I. S. Beritashvili Institute of Physiology, Academy of Sciences of the Georgian SSR. Tbilisi

Summary

Depolarization of the oligodendrocyte membrane is postulated to be a signal to its myelinating function, and this process requires that at the moment of depolarization of the oligodendrocyte in the intercellular clefts between its processes and the presynaptic terminals there should be a physico-chemical "trace" of the preceding excitation of these terminals. The enclosure of the presynaptic terminals in the glial process and myelin sheet creates favourable conditions for the electrotonic propagation of the action potential in it, and the nervous impulse thus releases a larger quantity of transmitter: the synapse in the cerebral cortex changes from a "potential" to an "actual" one. According to the hypothesis, for the temporary connection with the given neuron to be formed the neuron need not discharge in response to the second of the stimuli used. The possible mechanism of the unconscious is considered from this point of view.

Литература

1. Беритов И. С, Индивидуально приобретенная деятельность центральной нервной системы, Тифлис, 1932.

2. Бунге М., Интуиция и наука, М., 1967.

3. Ройтбак А. И., ДАН СССР, 1969, 187.

4. Ройтбак А. И., Гагрские беседы, Тб., 1972, 6, 276.

5. Ройтбак А. И., В кн.: Механизмы формирования и торможения условных рефлексов, М., 1973.

6. Сванидзе И., Ройтбак А., Дидимова Е., ДАН СССР, 1973, 211, 1450.

7. Симонов П. В., Высшая нервная деятельность человека, М., 1975.

8. Фресс П., Пиаже Ж., Экспериментальная психология, М., 1973.

9. Brindley, G. S., Proc. Roy Soc, B., 1968, 261 (1967).

10. Bunge, R.P., In: The Neurosciences. Second Study Program, F. O. Schmitt (ed.), N. Y.. 1970, p. 782.

11. Griffith, J. S.. Nature, 1966, 11, 1160.

12. Grossman, R. G., Rosman, L., Brain Res., 1971, 28, 181.

13. Kuffler, S. W., Nicholls, J. G., Ergebn. Physiol., 1966, 57, 1.

53. Периодичность сверхмедленных мозговых потенциалов в ее связях с характером психической деятельности. Н. А. Аладжалова

Институт неврологии АМН СССР и Институт психологии АН СССР, Москва

Периодичность в спонтанной смене осознаваемых и неосознаваемых процессов является одной из важных проблем динамической организации психики человека. Осознаваемые или неосознаваемые процессы могут получать доминирующее значение в том или ином психическом состоянии, но при рассмотрении психической активности на протяжении более или менее длительных интервалов времени выявляется, что нет состояний, характеризующихся только осознаваемой психической активностью, - в их структуре всегда в той или иной форме присутствует бессознательное.

Для дальнейшего развития проблемы соотношения осознаваемых и неосознаваемых процессов важно найти возможность количественной оценки их динамики, выявить закономерности развертывания этих процессов во времени, изучить особенности их взаимоотношений. Такое изучение может быть построено на результатах анализа деятельности путем выявления ее внутренней упорядоченности, не зависящей от ее осознаваемой организации [1].

Целый ряд психических явлений имеет периодическое течение. Так, периодически меняются пороги восприятия [9], периодически изменяется ощущение монотонности работы [13], в процессе мышления логические связи периодически сменяются случайными комбинациями [10]. Особый интерес представляют данные по периодичности колебаний внимания. Предполагается, что концентрация внимания может служить мерой "уровня сознания" [22]. Высказаны предположения [18], что внимание поочередно распределяется между внешними и внутренними стимулами, причем обращение внимания вовне тем больше, чем более информативен стимул. Обращение к внутренним стимулам при этом ослабевает [19].

Задачей настоящего исследования являлось выяснение некоторых закономерностей в периодическом протекании психических явлений; при этом заранее предполагалась некая общность природы периодичности в разных психических процессах. Ниже приведены результаты опытов по исследовнию периодичности смены как психических процессов в разных условиях деятельности, так и физиологических явлений, имеющих периодику того же порядка и проявляющихся в изменении мозговых сверхмедленных биоэлектрических потенциалов [2; 3; 17].

Вначале остановимся на экспериментах, в которых прослеживались периодически повторяющиеся сдвиги в состоянии сознания. Монотонность является тем фоном, на котором смена осознаваемого процесса неосознаваемым выступает особенно четко. Мы изучали изменения, возникающие в процессе прослушивания испытуемым безразличного текста, монотонно произносимого в течение одного-двух часов.

Через некоторое время после начала прослушивания испытуемый незаметно для себя отвлекается от текста, затем спохватывается и снова продолжает слушать. Сам момент отключения от текста испытуемый не замечает, но он может сообщить о том моменте, когда вновь стал слушать текст. При этом он может даже вспомнить те посторонние мысли (не относящиеся к тексту), которые им владели в момент осознания наступившего отключения.

Переход от осознаваемого психического процесса (слушание текста) к неосознаваемому (неконтролируемое переключение на "свободный" мыслительный процесс) происходит внезапно, скачком. Возврат же к осознаваемой деятельности происходит плавно, через фазу небольших колебаний. Содержанием мыслей испытуемого в периоде отвлечения зачастую было то, что находилось в более или менее близкой ассоциации с текстом; то, что относилось

к вопросам, волновавшим испытуемого в последнее время; иногда то, что не имело к тексту явного отношения и одновременно не имело эмоциональной окраски.

Процесс переключения от осознаваемого психического процесса к неосознаваемому происходит периодически, однако эти периоды (время от одного отключения до следующего) изменчивы, определяясь многими причинами. Здесь сказывается степень концентрированности внимания, зависящая от интереса к тексту, от эмоционального состояния испытуемого, от его утомленности и др. факторов. При высоком интересе к тексту и при мобилизованности внимания периодичность стирается. И тем не менее, оказывается возможным установить существование периодов трех классов порядка: 2-5 мин., 7-12 мин и 15-20 мин.

Такая же периодика проявляется в колебаниях работоспособности при монотонных условиях, при автоматическом выполнении умственных операций, в изменениях времени реакций на сигналы при длительном прослеживании за объектом. Одновременно аналогичную периодичность и те же классы периодов можно наблюдать в сверхмедленной электрической активности мозга, например при переходах от бодрствования ко сну [7] и из бодрствования в гипнотическое состояние [5].

В колебаниях электрических мозговых потенциалов можно выявить и отчетливую внутрисуточную периодику. Так, например, постоянный потенциал определенных образований мозга колеблется с периодами в 6 часов, 3 часа, полтора часа, несколько минут [4]. Многоминутные колебания обнаруживаются также в изменении движений глаз, а ночью - в чередовании циклов сна.

В условиях информационного обеднения среды бодрствование периодически, через интервал порядка 20 мин. [21], сменяется сонливостью и, одновременно, то в одной области мозга, то в другой появляются сверхмедленные колебания потенциалов с двадцатиминутным периодом.

Все эти факты, а также многие другие, заставляют думать о существовании некой общей закономерности, проявляющейся в динамике самых различных форм психической и физиологической деятельности. Такое понимание не предполагает, конечно, идентичности сопоставляемых психофизиологических феноменов, а только ставит вопрос о причинах сходства динамики, временного течения процессов, очень разных по своей организации и функции: не является ли физиологическая ритмика своеобразной основой ритмов психической деятельности и не оказывается ли подстраивание к физиологической ритмике условием оптимального протекания психической функции?

Для того, чтобы проверить эти предположения, нами была произведена регистрация сверхмедленных колебаний потенциалов с кон-векситальной поверхности головы человека по уже известной методике [5; 6]. Результаты обрабатывали по записям путем измерения периодов потенциалов. Часть результатов была записана на магнитной пленке и после преобразования типа "аналог-код" была подвергнута машинному анализу с определением автокорреляционной функции. Автокорреляционный анализ выявил те же классы периодов, что и визуальный, однако указал на их присутствие в большем числе случаев.

Анализ спектров сверхмедленных колебаний потенциалов, зарегистрированных у 200 с лишним испытуемых с четырех-шести областей конвекситальной поверхности головы, показал преобладание колебаний с периодом, равным 7-10 сек., амплитудой 0,1-0,2мв (секундные колебания). Кроме того, при разных функциональных состояниях были выявлены волны с периодом в 12-20 сек. и в несколько минут (многоминутные колебания). В разных зонах мозга эти спектры были идентичны [6], однако одномоментно в разных зонах могли быть представленными разные частоты, причем эта картина распределения частот сверхмедленных потенциалов была не постоянной, а непрерывно менялась.

Одноминутные и многоминутные колебания потенциалов в процессе психической деятельности были зарегистрированы Н. П. Бехтеревой и сотр. [8; 14] при записи с глубоких структур мозга человека, что говорит о значительной, во всяком случае, распространенности этой формы биоэлектрической активности.

В состоянии психологического комфорта многоминутные колебания, потенциалов выражены слабо, а иногда и вообще отсутствуют на записях. Однако, как это видно из описываемых ниже экспериментов, продолжительная умственная деятельность самого разного характера приводит к выявлению колебаний потенциалов с периодами 2-5 мин., 7-12 мин. и около 20 мин. Появление ритмов этих классов оказывается связанным во времени с появлением аналогичной ритмики в показателях деятельности. Эти интересные корреляции были уловлены в нескольких сериях опытов.

Первая серия экспериментов - следовые колебательные явления после прекращения деятельности и при воспоминании. После окончания напряженной умственной деятельности наступает мышечная релаксация (испытуемого просили расслабиться) и релаксация внимания. Последняя, по-видимому, благоприятна для проявления воспоминаний [23]. Состояние на этапе релаксации было исследовано путем регистрации сверхмедленных потенциалов с нескольких областей конвекситальной поверхности головы. Были выявлены при этом колебания с периодами от 2-х до 7-ми минут.

Затем испытуемые выполняли легкий (по Крепелину) или более напряженный (перемножение двухзначных чисел) счет в уме. После счета в уме нарастало, по сравнению со спокойным бодрствованием, появление многоминутных волн. При легком и кратковременном счете многоминутные волны видны в следовое время, при трудном и длительном счете они появляются уже во время самого процесса счета. В то время, как при спокойном бодрствовании многоминутные колебания потенциалов встречаются реже чем в 25% случаев, после работы они были обнаружены в 80% случаев. Многоминутные колебания потенциалов появлялись в разных отведениях не одновременно, но равновероятно, после второго задания они появились в большом количестве отведений и имели большую амплитуду (до 1,5 мв).

Основным в результатах этой серии экспериментов было то, что многоминутные колебания потенциалов возникали, когда напряженная, требующая мобилизации внимания умственная деятельность была уже прекращена. К концу трудного счета испытуемый начинал ошибаться и сбиваться - в это время и обнаруживались многоминутые колебания потенциалов. Можно по некоторым косвенным признакам думать, что колебательный статус после умственной деятельности отражает в какой-то степени усиление периодичности в смене осознаваемых и неосознаваемых психических процессов.

Вторая серия - колебания произвольного внимания и их корреляция с колебаниями сверхмедленных многоминутных потенциалов (исследование выполнено совместно с Е. Д. Хомской и Т. В. Слотинцевой).

При длительном выполнении, в течение 30-40 мин., корректурного теста Бурдона произвольное внимание начинает колебаться, и это отражается на изменении продуктивности работы испытуемого. По данным, полученным у 47 испытуемых в первые 10-15 минут выполнения теста, продуктивность улучшается и до какой-то степени стабилизируется. Однако в дальнейшем появляются колебания продуктивности с периодом 2-5 мин. (были зарегистрированы 45 раз), 4-6 мин. (37 раз) и около 7-12 мин. (9 раз). Амплитуда колебаний, оцениваемая по числу отмеченных знаков в тексте, была меньшей для колебаний с меньшим периодом.

Через 15-20 мин. после начала деятельности в картине сверхмедленных колебаний потенциалов мозга (84 регистрации) начинали выделяться колебания с периодами 2-3 мин. (23 случая), 4-6 мин. (15 случаев) и 7-12 мин. (6 случаев). По прекращении деятельности многоминутные волны сохранялись еще в течение 20-60 мин.

Таким образом, многоминутые колебания возникали более или менее одновременно как в изменениях произвольного внимания, так и в сверхмедленных потенциалах мозга, причем эта ритмика сохранялась и после прекращения деятельности.

Третья серия - автоматизация умственных действий (выполненная совместно с В. М. Русаловым и Н. А. Леоновой).

При многократном решении однотипных логико-математических задач у части испытуемых (25 человек из 40) быстро вырабатывается некий способ решения, не требующий в дальнейшем обдумывания. В этих случаях по мере повторения серии одних и тех же задач (24 задачи в серии) время решения всех задач серии укорачивается с 7- 12 мин. до 2-3, и этот двух-трехминутный ритм становится в дальнейшей деятельности устойчивым. В сверхмедленной активности мозга также появляются 2-3-минутные волны: они были зарегистрированы в 45 случаях (из 81-го возможного). По мере поддержания автоматизированного плана деятельности совпадение периодов протекания психического и биоэлектрического процессов становится все более рельефным. Если в конце предъявить задачу другого типа решения, то одновремено разрушаются как ритм в деятельности, так и ритм в биоэлектрической активности.

Эти опыты показали отчетливую связь двух ритмов - ритма автоматизма в деятельности и ритма в биопотенциалах.

Четвертая серия - колебательный "паттерн" мозговой активности при деятельности с преобладанием "интуитивного" аспекта.

Испытуемым в течение 20-30 мин. показывали портреты и просили их дать оценку характера лица, изображенного на портрете, по "общему впечатлению", производимому портретом. Выполнение теста не требовало умственного напряжения, однако, несмотря на это, одновременная регистрация сверхмедленных мозговых потенциалов показала резкие изменения в динамике последних. Быстрое, производимое "без размышлений", определение характера лица (добрый, глупый, злой и т. п.) сопровождалось появлением и усилением многоминутных волн мозговых потенциалов с периодами 2-5 мин. и 7-12 мин. Интенсивность этих волновых процессов оказывалась выше у тех испытуемых, у которых и в условиях спокойного бодрствования наблюдалась слабо выраженная тенденция к проявлению аналогичного "паттерна".

Таким образом, на основании исследований сверхмедленных колебаний потенциалов мозга человека мы убедились в том, что много-минутный колебательный процесс, соизмеримый по временному параметру с колебаниями психических функций, возникает: 1) в условиях обеднения информационного взаимодействия с внешней средой; 2) после умственного напряжения и релаксации внимания и при переходах к автоматизации умственных операций; 3) в условиях длительной монотонной деятельности; 4) в психических состояниях, которым свойственно выраженное чередование осознаваемых и неосознаваемых процессов. Напомним, что на основании наших предыдущих исследований было установлено, что многомипутый колебательный процесс становится особенно выраженным при переходах от одного состояния сознания к другому (например, от релаксации к гипнотическому сну [5]).

Обобщая все эти данные, важно подчеркнуть два момента: во-первых, то, что сверхмедленные ритмы биоэлектрической активности не обязательно должны проявляться именно в тех областях мозга, с которых происходит регистрация, поэтому они могут отсутствовать в некоторых записях, и, во-вторых, то, что сверхмедленные волны, возникшие в периоде психической активности, сохраняются некоторое время и после ее окончания.

Это последнее обстоятельство свидетельствует против существования прямой связи между психическими и биоэлектрическими ритмами. Б. Ф. Ломов [11] считает, что сопоставление целостных психических и более элементарных нейрофизиологических феноменов должно происходить через анализ общемозговых, интегрирующих, системных процессов. Сверхмедленные колебания потенциалов мозга отражают более глобальные (по сравнению с ЭЭГ) процессы, объединяющие активность элементарных нейронных структур в укрупненную динамическую организацию. Они представляют более высокую ступень интеграции и возможно именно поэтому легче выявляют свою связь с психической деятельностью. При этом надо, конечно, помнить, что ни одно из образований мозга само по себе не обеспечивает регулярного колебательного процесса, проявляющегося в динамике психических функций. С точки зрения представлений А. Р. Лурия [12] о "функциональных системах", даже самые элементарные психические процессы обеспечиваются динамически подвижным, а не жестко детерминированным взаимодействием мозговых структур. Сверхмедленный ритм в том или ином образовании мозга является лишь звеном в глобальной координации взаимодействия этих образований.

Во всех описанных выше экспериментах у испытуемых доминировали осознаваемые психические процессы, однако "уровень осознавания" был различным [16]: наиболее высоким в процессе умственного счета, претерпевавшим периодические колебания в процессе монотонной деятельности и снижавшимся при переходе к автоматизации умственных операций, а также к активности "интуитивного" типа. При анализе результатов опытов был выявлен факт усиления периодичности либо в психической деятельности, либо в сверхмедленных потенциалах, либо одновременно в том и в другом по мере нарастания в структуре психологических феноменов неосознаваемого по сравнению с осознаваемым. Например, периодичность в деятельности при устном счете не была выражена, при монотонной же деятельности, способствующей отключению внимания, появились четкие периодические колебания и потенциалов и продуктивности. Однако было бы, конечно, весьма рискованно все случаи усиления колебательных процессов обязательно относить к повышению роли неосознаваемых процессов. Весьма вероятно, например, что при некоторых формах патологии интенсивность колебаний отражает не столько характер, тип регуляции, сколько степень ухода регулируемой системы в сторону аварийного разрегулирования. В других случаях, возможно, колебания отражают механизм обеспечения достаточного уровня внимания при продолжительной, однообразной работе, которая приводит к ареактивности активизирующей системы мозга. Субъекты с низким уровнем ретикулярной активации испытывают большую потребность в смене раздражителей [20]. Возможно, что колебательный процесс играет в данном случае роль имитатора такой смены.

Основной вывод нашей работы заключается в том, что смена осознаваемых и неосознаваемых процессов происходит, во всяком случае, в рамках определенной и закономерной ритмики. Мы высказываем также предположение, что биологический ритм, как выражение весьма общего закона природы, не может не проявляться и в психических процессах, будучи, по-видимому, одной из весьма важных форм связи последних с активностью лежащего в их основе физиологического субстрата.

53. On the Periodicity of Infraslow Brain Potentials as Related to the Nature of Mental Activity. N. A. Aladjalova

Institute of Psychology, USSR Academy of Sciences and Institute of Neurology, USSR Academy of Medical Sciences, Moscow

Summary

The change of conscious mental processes to unconscious ones is usually observed under conditions of monotonousness and occurs periodically. The periodicity is manifested both in the mental activity dynamics and the infraslow oscillations of the brain potentials. In both phenomena three classes of periods areobserved: 2-5 min., 7-12 min., and about 12 min. The periodicity was recorded in five series of experiments: 1) in transitions from the conscious perception of a text to an unconscious switchoff; 2) under reduced informational interaction with the environment; 3) after prolonged mental tension under conditions of relaxed attention; 4) in the course of the evolvement of mental automatism; 5) during activity, with the intuitive aspect predominating. The fluctuations may reflect the operation of mechanisms directed at sustaining the attention in the absence of factors of novelty.

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф., Из ранних произведений, М., 195G.

2. Аладжалова Н. А., Сверхмедленные ритмические изменения электрического потенциала головного мозга. Биофизика, 1956, 1, 2, 127.

3. Аладжалова И. А., Медленные электрические процессы в головном мозге, М., 1962.

4. Аладжалова Н. А., Многоминутная периодичность в биоэлектрических явлениях мозга человека, проходящая сквозь все циклы сна. Тезисы Всесоюзного симпозиума "Саморегуляция процессов сна", Ленинград, 1974, 3.

5. Аладжалова Н. А., Каменецкий С. Л., Сверхмедленные колебания потенциала головного мозга человека при переходе от бодрствования в гипнотическое состояние. Вопросы психологии, 1974, I, 94.

6. Аладжалова Н. А., Кольцова А. В., Каштоянц О. Х., Частотный спектр сверхмедленных ритмических колебаний потенциала в мозге человека, Докл. Акад. наук СССР, 1973, 209, 3, 252.

7. Аладжалова Н. А., Кольцова А. В., Каштоянц О. Х., Микаэлян М. Х., Сверхмедленные колебания ритмических потенциалов мозга человека во сне. В кн.: Функциональные состояния мозга, М., 1975, 62.

8. Бехтерева Н. П., Бондарчук А. Н., Смирнов В. Н., Трохачев А. И., Физиология и патофизиология глубоких структур мозга человека. Л., 1967.

9. Добрынин Н. Ф., Колебания внимания, М., 1928.

10. Зейгарник Б. В., Патология мышления, М., 1962.

11. Ломов Б. Ф., О системном подходе в психологии. Вопросы психологии, 1975, 2, 31.

12. Лурия А. Р., Мозг человека и психические процессы, М., 1970.

13. Рождественская В. И., Левочкина И. А., Функциональные состояния при монотонной работе и сила нервной системы. В кн.: Проблемы дифференциальной психофизиологии, М., 1972, 5, 11.

14. Смирнов В. М., Сперанский М. М., Медленные биоэлектрические процессы коры и глубоких структур мозга человека и эмоциональное поведение, Вопросы психологии, 1972, 3.

15. Хомская Е. Д., Мозг и активация, М., 1972.

16. Шорохова Е. В., В кн.: Теоретические проблемы психологии личности, М., 1974, 3.

17. Aladjalova, N. A., Slow electrical processes in the brain. Progress in Brain Research, 7, Elsevier, Amsterdam, London, N. Y., 1964.

18. Antrobus, J. S., Information theory and stimulus-independent thought. Brit. J. Psychol., 59, 423, 1968.

19. Filler, M. S., Giambra, L. N., Daydreaming as a function of cueing and task difficulty. Percept, and Mot. Skills, 37, № 2, 503, 1973.

20. Farley, F. H., Measuring the stimulation-seeking motive by global self-rating. Percept. and Mot. Skills, 39, № 1, Part 1, 101, 1974.

21. Kripke, An ultradian biologic rhythm associated with perceptual deprivation and REM sleep. Psychosomatic Med., 34, 3, 221, 1972.

22. Lindsley, D. B., Attention, consciousness, sleep and wakefulness. In: Handbook of Physiology, 1960, v. 3, p. 1553.

23. McKim, R. H., Related attention, J. Creat. Behav., 8, № 4, 265, 1974.

54. О физиологических механизмах "психологической защиты" и безотчетных эмоции. Э. А. Костандов

Центральный НИИ судебной психиатрии, Москва

При тахиотоскопических экспозициях отдельных слов Мак-Джини [38] впервые обнаружил, что у нормальных исследуемых - студентов - порог "осознаваемого" опознания ругательных слов ("неприличные" или "табу" - слова) явно повышен по сравнению с порогом "нейтральных" слов. На "табу"-слова регистрировалась кожно-гальваническая реакция (КГР) во время таких коротких экспозиций, при которых исследуемые еще не могли прочесть слово. Догадки об этих "табу"-сло-вах, если они при этом делались, обычно не были связаны с содержанием слова. Было удивительно наблюдать, отмечает Мак-Джини, как нормальная молодая девушка с ненарушенным зрением в отдельных случаях была не в состоянии прочесть "неприятные" слова, в то время как они были ясно видны другому наблюдателю. Факт повышения порога опознания слова Мак-Джини объяснял как "психологическую защиту", как результат существования как бы фильтра в зрительном восприятии, который, насколько это возможно, предохраняет субъекта от осознания эмоционально неприятных раздражителей внешней среды. Интересно, что уже в этой первой работе Мак-Джини поставил вопрос о нейрофизиологическом объяснении обнаруженного им феномена. Он допускал два возможных нервных .механизма развития КГР еще до того, как "табу"-слово осознается исследуемым: КГР - результат действия обратной связи из корковых ассоциативных центров или же прямого действия зрительных импульсов на таламус.

Описанный Мак-Джини факт пороговых изменений восприятия эмоционально значимых стимулов и их влияния на различные функции человека на подпороговом "бессознательном" уровне был подтвержден в многочисленных работах [14; 26; 48; 49; 50; 51]. Вместе с тем, все эти работы подверглись серьезной критике с методической стороны [20; 21; 25; 29; 30]. Было высказано мнение о том, что пороги опознания слов, измеряемые восходящим методо.м границ, сильно зависят от частоты их употребления в прошлом данным субъектом. Кроме того, человек может сознательно тормозить свою словесную реакцию, т. е. воздерживаться от произнесения "табу"-слов. Однако в специально поставленных опытах было показано, что частота применения слов в прошлом не оказывает существенного влияния на порог их опознания [32; 41].

Лазарус и Мак-Клири [33] получили экспериментальным путем феномен повышения порога опознания эмоциональных стимулов. У здоровых взрослых людей они предварительно вырабатывали на отдельные слоти оборонительную условную реакцию на электрокожном подкреплении. После этого измерялись пороги зрительного опознания различных слогов. Оказалось, что пороги опознания слогов, на которые была выработана оборонительная реакция, явно выше, чем на другие "нейтральные" слоги, хотя какой-либо разницы в степени употребления исследуемыми этих слогов в прошлом не было и нельзя было думать, что они подавляют свою реакцию. Фарес [44] повторил эти опыты и обнаружил, что пороги опознания слогов, наоборот, понижаются, если до этого на них вырабатывается оборонительная реакция избегания. Диксон и Лир [19] отмечали как повышение, так и понижение; Гольдштейн и Хим-мельфарб [27] - только повышение порога такистоскопически предъявляемых эмоциональных слов.

Диксон и Лир [19] повышение порога опознания эмоциональных слов пытаются объяснить предеознательной (prior to awareness) оценкой предъявляемых стимулов, в результате чего изменяется уровень корковой активности. В эксперименте, проверяющем эту гипотезу, ее авторы регистрировали фоновую ЭЭГ во время процедуры определения порога зрительного опознания слов. У одной части исследуемых наблюдался высокий порог опознания эмоциональных слов по сравнению с нейтральными словами, у другой - более низкий. Оказалось, что амплитуда альфа-активности, регистрируемой до опознания эмоционального вербального стимула, положительно коррелирует с величиной порога опознания: при высоком пороге отмечается синхронизация ЭЭГ в затылочной области, при низком - уменьшение синхронности. Эти данные, по мнению Диксона и Лира, подтверждают их гипотезу о нервном механизме пороговых изменений восприятия эмоциональных слов, как результат предеознательного изменения уровня корковой активности, осуществляемой ретикулярной формацией ствола мозга.

К сожалению, кроме упомянутой работы Диксона и Лира [19], нам не удалось обнаружить исследований, в которых с физиологических позиций изучались бы нервные механизмы "психологической защиты" и реакции человека на неосознаваемые стимулы. Эти два вопроса тесно связаны между собой, так как подпороговый эффект неосознаваемых эмоциональных слов проявляется только в случаях повышения порогов их осознания. Как справедливо пишет Спенс [50], восприятие "без осознания" и "психологическая защита", т. е. повышение порога опознания внешнего стимула, - это две стороны одной медали.

Принципиальная связь подпорогового эффекта эмоциональных слов и явления "психологической защиты" обнаружилась также и в наших исследованиях. Они проводились на возбудимых психопатических личностях, которые находились в тяжелой конфликтной жизненной ситуации. Эти лица с эмоционально-лабильным характером, пребывающие длительное время в состоянии эмоционального стресса, являются весьма подходящим объектом для исследования особенностей восприятия эмоционально-значимых раздражителей. В этих случаях значительно облегчается задача подбора словесных раздражителей, вызывающих отрицательные эмоции.

После десятиминутной адаптации к темноте проводилось измерение порога опознания "нейтральных" (общеупотребительные имена существительные) и "конфликтных" или "эмоциональных" слов, имеющих отношение к трудной жизненной ситуации исследуемого. Отдельное слово предъявлялось на электролюминесцентном экране с малым послесвечением (1 мсек). Время экспозиции слова в начале его предъявления было заведомо небольшим (50 мсек), так что исследуемый не мог его прочесть. Затем периоды экспозиции слова постепенно (с паузой между каждым предъявлением в 20-60 секунд) увеличивались (по 20-50 мсек) до тех пор, пока исслздуемый, согласно предварительной инструкции, не произносил вслух это слово без ошибок. Таким образом, порог восприятия слова определялся по минимальному времени экспозиции, которое было необходимо исследуемому для его "сознательного" опознания. После двух-четырех нейтральных слов предъявлялось эмоциональное слово, затем снова одно-два нейтральных. Сопоставлялись пороги опознания слов с одинаковым количеством букв.

С целью выявления подпорогового действия эмоционального слова в течение нсей процедуры измерения порога как нейтральных, так и эмоциональньх слов на полиграфе регистрировались фоновая ЭЭГ, КГР (по Тарханову), дыхательные движения грудной клетки, частота пульса и плетизмограмма пальца. Подпороговый эффект определялся по разнице в порогах между словесным отчетом об опознании слова и биоэлектрической или вегетативной реакцией.

Порог опознания нейтральных слов в наших исследованиях колеблется в довольно широких пределах - от 100 до 600 мсек (таблица). Он в определенной степени зависит от числа букв в слове и, по-видимому, от типологических особенностей исследуемого, его прошлого жизненного опыта, установки на исследование и т. д.

Экспонируемое слово	Порог мсек	Экспонируемое слово	Порог мсек
Исследуемый М. Е.		Исследуемая С. Т.	
Трава	400	Небо	120
Окно	350	Кожа	120
Сумка	300	Окно	110
Школа	300	Яблоко	130
Честь	250	Отец	90
Дождь	350	Стул	130
Трамвай	450	Труба	180
Браслет	400	Восток	300
Клевета	1000	**Воровка**	900
Тарелка	400	Морковь	450
Исследуемый Ш. В.		Браслет	400
Стул	400	Ботинок	250
Кран	400	Борода	300
Кофе	400	**Поджог**	500
Жена	700	Жаровня	500
Трава	350	**Кража**	1000
Арест	500		
Лампа	500		

Разница порогового осознания нейтральных и эмоциональных слов

У всех исследуемых пороги опознания эмоциональных слов, имеющих отношение к их тяжелой жизненной ситуации, значительно отличаются от порогов опознания нейтральных слов. Наблюдается как понижение, так и повышение порогов опознания эмоциональных слов. Последнее происходит чаще, приблизительно в двух третях случаев. Как это видно из таблицы, разница между нейтральными и эмоциональными словами может быть весьма существенной, более чем в два раза. Повышение порога опознания эмоциональных слов, по-видимому, находится в прямой зависимости от степени аффектогенности слова. У одного и того же человека порог опознания разных эмоциональных слов может значительно колебаться. Так у исследуемого Ш. В., убившего по мотивам ревности свою жену, порог опознания слова "жена" значительно выше другого эмоционального слова - "арест" (таблица). У исследуемой С. Т. (психопатическая личность, совершила кражу и поджог, очень боится своего отца) порог опознания слов, имеющих отношение к краже, значительно выше порога слова "поджог".

Интересный и сложный вопрос о том, почему в одних случаях происходит "сенсибилизация" восприятия, а в других, наоборот, повышение порога опознания эмоционально значимых стимулов, т. е. "психологическая защита", требует специального анализа и обсуждения. В данной работе будут рассмотрены физиологические механизмы явления "психологической защиты", так как эффект неосознаваемых эмоциональных слов проявляется только в случаях повышения порогов их опознания.

Уже в первых работах, обнаруживших повышение порога опознания эмоциональных слов, регистрировались кожно-гальванические реакции пои столь коротких экспозициях, время которых не давало возможности исследуемому их прочесть [38]. Вскоре же появился ряд работ, в которых хотя и не отрицался по существу факт развития КГР при экспозиции неосознаваемого слова, но этому феномену давалась другая трактовка. Так Брюнер [29] предположил, что КГР,развивающаяся при предпороговых экспозициях "табу"-слов, отражает большие усилия субъекта, которые он прилагает, чтобы увидеть более "трудное" слово, т. е. слово с более высоким порогом опознания.

Было также высказано предположение, что "подпороговый эффект" слова в виде КГР может быть следствием того, что процедура определения порога опознания требует от субъекта определенного словесного ответа типа "да-

нет". В подобной ситуации исследуемый, особенно если он принадлежит к типу "консерваторов", может не сообщить о словесном раздражителе, в вербальной оценке которого он сомневается, хотя слово, по крайней мере частично, им осознается. При этом нередко возникают биоэлектрические и вегетативные реакции, которые могут ошибочно относиться на счет "надпорогового восприятия" [25; 29]. Для проверки этого "методического" объяснения феномена "психологической защиты" были проведены опыты, в которых исследуемые по предварительной договоренности во время процедуры измерения порогов сообщали о всех своих догадках, о словах, которые они еще не могли ясно опознать [38]. Оказалось, что догадки или гипотезы исследуемых о "нейтральных" словах были значительно больше структурно похожи на экспонируемый стимул, чем в случаях предъявлений "табу"-слов. Против представления о КГР на неосознаваемые слова, как о методическом артефакте, говорят также данные [33], о которых мы уже упоминали. В наших экспериментах предварительно угашались но возможности все компоненты ориентировочного рефлекса на нейтральные словесные раздражители. Только после этого начиналась процедура определения порога опознания нейтральных (не тех, которые применялись в предварительных опытах) и эмоциогенных слов. В случаях, когда порог опознания последних выше, чем нейтральных, наблюдается подпороговый эффект: биоэлектрические и вегетативные (реакции возникают раньше, чем исследуемый опознает эмоциональное слово.

Подпороговая зона, т. е. разница между порогом опознания эмоционального слова и порогом биоэлектрических и вегетативных реакций на него, у разных исследуемых и даже у одного и того же лица, но на разные эмоциональные слова колеблется в довольно широких пределах - 90-820 мсек. На рис. 1 приводятся данные исследования С. Т., у которой наблюдалась большая подлороговая зона. При экспозиции в течение 180 мсек нейтрального слова "восток" реакций не отмечается (А). При той же экспозиции слова "воровка" регистрируется четкая КГР (Б). Еще больший подпороговый эффект с резко выраженной КГР вызывает это слово при экспозиции 200 мсек (В). Однако при дальнейшем увеличении экспозиции слова "воровка" реакция не усиливается, а, напротив, резко уменьшается (Г). Даже при экспозиции 800 мсек, близкой к порогу опознания слова, не регистрируется четкой реакции (Д). При опознании слова "воровка" (порог был равен 900 мсек) наступила сильная эмоциональная реакция с плачем, с хорошо выраженными КГР и дыхательной реакцией (Е).

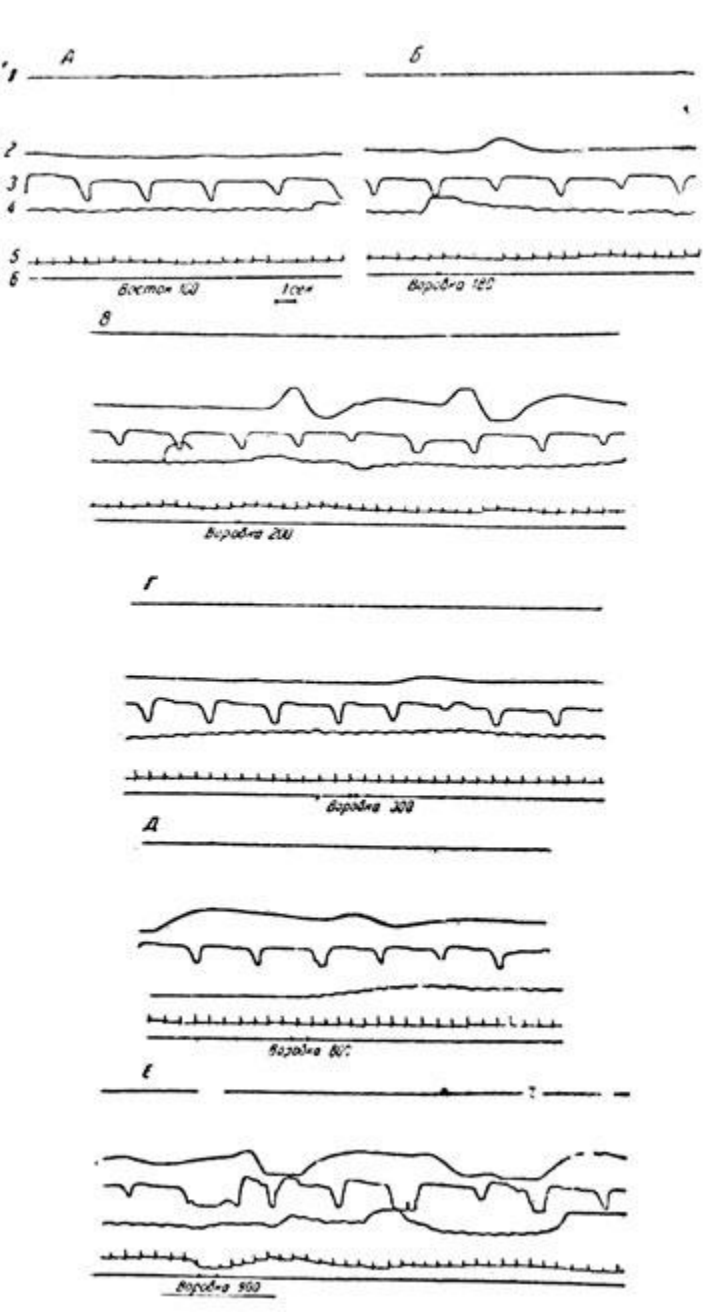

Рис. 1. Исследуемая С. Т. Подпороговый эффект на 'эмоциональное' слово. 1 - электромиограмма руки, 2 - КГР, 3 - дыхание, 4 - плетизмограмма, 5 - ЭКГ. 6 - отметка раздражения и времени его экспозиции

И у других исследуемых подпороговый эффект чаще наблюдается при относительно коротких экспозициях эмоциогенного слова, соответствующих нижней половине подпороговой зоны. С увеличением времени предъявления этот эффект исчезает, и только при экспозиции, близкой к порогу осознания, возникают биоэлектрические и вегетативные реакции, которые, по-видимому, являются уже результатом частично осознанного различения раздражителя. Смит с соавт. [491, Гольдштейн и Бартол [26] также наблюдали более выраженный эффект действия неосознанного словесного раздражителя при его более коротких экспозициях.

Наличие неэффективной зоны, когда влияние слов не усиливается с увеличением их экспозиции в пределах подпороговой зоны, а даже, наоборот, нередко пропадает, является очевидным доказательством того, что повышение порога опознания эмоциональных слов не есть следствие произвольной задержки исследуемым своей речевой реакции на неприятные слова, а является результатом изменений восприятия эмоциональных стимулов.

Факты развития биоэлектрических и вегетативных реакций на эмоциональные слова при экспозициях значительно меньших, чем пороги их опознания, наличие при этом "неэффективной зоны" убеждают нас в том, что центральная нервная система человека в состоянии различать некоторые слова без их осознания. Это различение

слов на основе лишь эмоциональной памяти, без оживления в сознании словесных символов происходит, в основном, в случаях, когда порог восприятия эмоционального слова повышен.

Выяснение нервного механизма, который на основании информации, не достигающей уровня сознания, способен оценить эмоциональное значение слова, непосредственно связано с проблемой нейрофизиологического изучения эмоциональной памяти у человека, когда эмоциональное состояние в какой-то степени воспроизводится без отображения эмоциогенных раздражителей в образах или словесных символах, без участия специфически человеческой формы памяти - словесно-логической. И. С. Бериташвили [4; 6] относит к особой форме памяти воспроизведение определенного эмоционального состояния при воздействии раздражителей, связанных с данной эмоцией. В нормальных условиях у высших позвоночных животных это воспроизведение эмоционального состояния осуществляется и регулируется импульсами возбуждения из сенсорных элементов неокортекса, воспринимающих и перерабатывающих информацию из внешнего мира. Но сама эмоциональная память обеспечивается соответствующими структурными изменениями в клетках архипалеокортекса, составляющих интегративный нервный механизм эмоционального поведения [4].

У людей при определенных состояниях или обстоятельствах могут возникать так называемые безотчетные эмоции, без осознания их причин или повода, когда человек не в состоянии понять, почему у него изменилось настроение. Эмоции, психическая сущность которых исчерпывается неясными переживаниями приятного или неприятного, М, И. Аствацатуров 11] называл таламическими или агностическими. Эти эмоции из-за их безотчетности, видимой беспричинности, нередко называли эндогенными. Можно думать, что в этих случаях эмоциональные реакции возникают на основе условнорефлекторной эмоциональной памяти без участия специфически человеческой словесно-логической памяти.

Каким образом это происходит? Как высшие отделы головного мозга "узнают" слово еще до того, как оно опознается, и каковы нервные механизмы пороговых изменений эмоциональных слов? Что это за сверхчувствительный механизм, который на основании информации, не достигающей уровня сознания, способен оценить эмоциональное (смысловое) значение слова и затем повысить или понизить порог его восприятия? Что это за "цензор" сидит позади человеческого глаза, который решает, пропустить ли быстро, с облегчением информацию о данном эмоционально неприятном для человека раздражителе до уровня сознания или же, наоборот, задержать, притормозить и тем самым "защитить" его. На эти вопросы необходимо найти ответы, так как они непосредственно связаны с проблемой изучения физиологических механизмов явлений бессознательного.

Очевидно следует допустить существование в мозгу человека чувствительного механизма, реагирующего на физически очень слабые, но психологически для данной личности весьма значимые раздражители. Функционально-структурная организация этого механизма не обеспечивает осознание эмоционального раздражителя, но его активация может приводить к возникновению биоэлектрических и вегетативных реакций, а также к изменению некоторых психологических функций и состояний. Успехи последних лет в нейрофизиологическом анализе эмоций, выяснение роли лимбическои системы в образовании условных реакций с эмоциональной окраской дают достаточно оснований для того, чтобы предложить гипотезу об упомянутом нервном механизме бессознательных психических явлений.

Клинические наблюдения у людей и эксперименты на животных дали основание считать, что структуры лимбическои системы головного мозга и, в частности, архипалеокортекс являются нервным субстратом эмоциональных переживаний и интеграции эмоциональных выражений [43; 5; 24; 17]. При этом было установлено, что структуры лимбическои системы могут возбуждаться как нисходящими импульсами из неокортекса, так и при периферических раздражениях различных рецепторов через ретикулярную формацию непосредственно через ответвления от специфических сенсорных путей.

Для понимания физиологических механизмов эмоционального поведения человека весьма важен факт тесного взаимодействия новой коры с лимбическои системой. При электрическом раздражении отдельных участков неокортекса можно вызвать различные эмоциональные реакции. Так, при раздражении задних и нижних концов сильвиевых извилин у кошек развивалась реакция "страха" [22]. Такая же эмоциональная реакция наблюдалась у больных эпилепсией при электрической стимуляции височной области [45]. По мнению И. С. Бериташвили [4], нервные импульсы из новой коры непосредственно проводятся к структурам лимбическои системы как по врожденным путям, так и через временные связи, образованные в прошлом. Был поставлен интересный опыт. Электрическое раздражение зрительной области коры, которое само по себе не дает какой-либо внешней реакции, сочеталось с раздражением палеокортекса (поясной извилины), вызывающим эмоциональную реакцию страха. После ряда сочетаний уже одно электрическое раздражение зрительной коры начинало вызывать реакцию страха у животного [13]. Этот факт подтверждает точку зрения о том, что в результате сочетания возбуждений

интегративного механизма эмоций в лимбическои системе и воспринимающей области неокортекса образуются временные связи между этими нервными образованиями.

Можно думать, что в случаях длительных и сильных переживаний отрицательных эмоций, как это наблюдается у наших исследуемых, находящихся продолжительное время в тяжелой конфликтной жизненной ситуации, наибольшие пластические изменения происходят в нейронных кругах, связанных с эмоциональным поведением. Вследствие этого резко повышается возбудимость временных связей между сенсорными элементами неокортекса, воспринимающими сигнальные эмоциональные раздражители, и структурами лимбической системы, в которых интегрируются нервные механизмы отрицательной эмоции. Это приводит к тому, что даже при очень небольшой афферентной импульсацин от воздействия физически слабого эмоционального раздражителя, как это было, например, в наших экспериментах с очень короткой экспозицией зрительных словесных стимулов, происходит возбуждение упомянутых временных связей и развитие соответствующей эмоции с комплексом вегетативных и биоэлектрических реакций. При этом раздражитель может не опознаваться субъектом-

Согласно нашей гипотезе, для процесса осознания словесного сигнала решающее значение имеет активация временных связей сенсорных элементов неокортекса с моторной речевой областью и возбуждение последней. Это предположение, как нам кажется, находит фактическое подтверждение в психологических исследованиях людей, подвергшихся операции "расщепление мозга" [52]. Если какое-либо слово, например "ключ", "вилка", "кольцо", предъявляется в левом поле зрения, т. е. зрительная афферентная импульеация поступает только в правое полушарие, а у лиц с "расщепленным мозгом" связь между полушариями, как известно, отсутствует, то исследуемый не может вербализовать, осознать это слово, но он в состоянии согласно предварительной инструкции ощупью отобрать соответствующий предмет. На вопрос, что именно исследуемый выбрал левой рукой, он мог дать неправильный ответ, хотя выбор был сделан правильно.

iВ настоящее время имеется достаточно подобного рода данных, которые показывают, что в "немом" правом полушарии имеются гностические зоны, воспринимающие зрительную и слуховую речь. Невозможность вербализации, надо думать, не обусловлена неспособностью правого полушария воспринимать и анализировать, т. е. "понимать речь", в известных, весьма ограниченных пределах, конечно. Для вербализации и тем самым для осознания стимула (простого или словесного) существенно, по-видимому, необходимо поступление информации о нем в левое полушарие, которое четко латерализовано относительно моторной речи.

Таким образом создается представление, по которому отсутствие в правом полушарии представительства моторной речи определяет невозможность вербализации и осознания сигнала. В гностической речевой зоне обоих полушарий осуществляется высший анализ и синтез словесных сигналов, но они не будут осознаваться, если нервные импульсы из этой зоны не поступят в моторную речевую область. Можно думать, что активация двигательной речевой области является решающим звеном в структурно-функциональной организации головного мозга, обеспечивающей осознание раздражителя.

Тесная и необходимая связь сознания и, в частности осознания "ближайшей чувственно воспринимаемой среды", с языком неоднократно подчеркивалась основоположниками диалектического материализма: "Язык так же древен, как и сознание: язык есть практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание..." [11].

Все вышесказанное о связи сознания с функционированием специализированного механизма моторной речи и о роли лимбической системы в осуществлении эмоциональных реакций позволяет представить себе физиологический механизм действия на человека неосознаваемых им эмоциональных стимулов, в частности словесных. Очевидно, этот "бессознательный" эффект эмоциональных слов обусловлен разностью в порогах активации временных связей, составляющих функциональную систему, которая отражает неприятную или угрожающую ситуацию. Как уже упоминалось, порог активации структур лимбической системы в случаях длительных или сильных эмоциональных переживаний может значительно и на длительное время понижаться. В этих случаях словесные раздражители, сигнализирующие о конфликтной ситуации, при определенных условиях могут вызвать возбуждение временных связей между воспринимающей речевой зоной неокортекса и структурами лимбической системы без активации связей этой корковой зоны с моторной речевой областью.

Возбуждение лимбических структур без активации моторной речевой области приводит к тому, что возбуждаются гипоталамические и стволовые механизмы эмоциональных реакций без осознания раздражителя, вызвавшего эти реакции. Согласно нашей гипотезе, таков физиологический механизм безотчетных эмоций, т. е. реакций человека, воспроизводимых на основе лишь условнорефлекторной эмоциональной памяти, без участия специфически человеческой словесно-логической памяти.

Лимбическая система при ее непосредственном раздражении электрическим током или активации условным раздражителем, з свою очередь, действует на неокортекс, понижая или повышая его возбудимость. Тормозное или облегчающее влияние лимбилеской системы на новую кору было показано в целом ряде экспериментов на животных [2; 18; 37; 39]. Эти восходящие влияния могут изменять - улучшать или ухудшать - восприятие внешних раздражителей. В большинстве случаев, очевидно, это - тормозное влияние, поэтому наблюдается повышение порога опознания.

С целью экспериментального подтверждения нашей гипотезы о том, что эмоциональный словесный раздражитель при определенных условиях может вызывать по механизму временной связи возбуждение лимбической системы, что, в свою очередь, оказывает влияние на восприятие этого раздражителя, нами, совместно с Ю. Л. Арзумановым, были проведены исследования особенностей вызванных потенциалов коры головного мозга на осознаваемые и неосознаваемые эмоциональные слова. Выяснение связи субъективных аспектов восприятия с биоэлектрическими феноменами, в частности с теми или иными компонентами вызванной электрической активности коры головного мозга, представляет важную проблему современной нейро- и психофизиологии. Отражается ли процесс осознания внешнего раздражителя в определенных компонентах вызванных потенциалов коры или же последние являются лишь биоэлектрическим эпифеноменом по отношению к процессу восприятия? По этому вопросу нет единой точки зрения. С одной стороны, можно привести довольно пессимистическое высказывание А. И. Ройтбака [12], считающего, что при расположении электродов на поверхности коры отводится электрическая активность корковых пирамидных нейронов. А так как, по И. С. Беритову [3], психическая деятельность коры (возникновение ощущений, образов) обусловлена, в первую очередь, возбуждением звездчатых нейронов, на которых оканчиваются специфические афференты, то, следовательно, по мнению Ройтбака, мы не регистрируем самого интересного.

В пользу такого мнения говорят факты, полученные в опытах, в которых путем гипнотического внушения изменялось субъективное восприятие стимула. Так, например, здоровым людям в гипнозе в одних случаях внушалось, что световой стимул тусклый, в других - яркий, хотя интенсивность стимула объективно оставалась без изменений. Величина вызванного потенциала коррелировала с физической интенсивностью стимула и не менялась в зависимости от внушенного субъективного восприятия [15]. При вызванной в гипнозе кожной анестезии не было отмечено изменений величины или формы вызванных потенциалов коры на электрокожное раздражение [28]. На фоне внушенной глухоты с вертекса продолжали регистрировать такие же вызванные потенциалы на звук, как и до гипноза [28]. Сходные результаты были получены у больных с истерической гемианастезией [34; 16].

При помощи специальных приемов (подача конкурирующего изображения на второй глаз или стабилизация зрительного образа на сетчатке) у бодрствующего здорового человека добивались исчезновения субъективного восприятия зрительного стимула [46; 47]. В этих случаях со зрительной области коры регистрировались вызванные электрические ответы, которые не отличались по величине и форме от реакций на эти же стимулы, но осознаваемые исследуемым.

Все вышеприведенные факты дают основание думать, что осознание внешнего раздражителя и электрические потенциалы коры головного мозга, вызываемые этим раздражителем, отражают нервные процессы, которые связаны с деятельностью разных функциональных уровней.

С другой стороны, делаются попытки доказать, что в форме вызванных потенциалов коры головного мозга человека можно обнаружить признаки кодирования специфической сенсорной информации [23; 31]. Либэ [35; 36] у бодрствующего взрослого человека субдурально с соматосенсорной коры регистрировал вызванный электрический ответ на слабые раздражения кожи, которые не ощущались исследуемым. Этот потенциал по своей конфигурации отличается от коркового ответа на ощущаемые раздражения: начальный позитивно-негативный комплекс регистрируется, но явно меньшей амплитуды, а поздние положительные и отрицательные волны отсутствуют. Совпадение появления поздних компонентов с возникновением ощущения дает основание Либэ считать, что осознание внешнего стимула связано с развитием поздне-латентных корковых потенциалов. Таким образом, по данным Либэ, осознание внешнего раздражения обеспечивается соответствующей пространственно-временной конфигурацией нейрональной активности в коре, которую можно регистрировать в виде определенной формы вызванного потенциала. Критическим фактором для осознания, таким образом, по Либэ, является развитие поздних, "длиннолатентных" компонентов вызванного потенциала коры.

Эта довольно стройная схема Либэ связывает факт осознания стимула с подключением в корковые процессы влияний неспецифической ретикулярной формации, так как поздние компоненты вызванной активности коры развиваются при ее непременном участии. Она как будто соответствует и данным, наблюдаемым на животных, у которых поздние "вторичные" потенциалы регистрируются при бодрствовании животного и исчезают с развитием

наркотического или сонного состояний. Со времен работы Мэгуна и Моруцци [40] стало общепринятым положение о том, что для восприятия внешнего раздражителя необходимо поступление в кору импульсации по обеим афферентным системам (специфической и неспецифической) и конвергенция их на соответствующих воспринимающих элементах. Таким образом, точка зрения Либэ хорошо соответствует существующим нейрофизиологическим концепциям о механизмах бодрствования.

Мы получили, однако, помимо фактов, о которых уже было сказано выше, также многочисленные другие данные, опровергающие представление о том, что критическим фактором для осознания раздражителя являются длиннолатентные (до 500 миллисекунд) нейрональные процессы в коре, отражающиеся в виде поздних вызванных потенциалов.

У взрослого здорового человека на слабый звуковой сигнал, неосознаваемый исследуемым, со скальпа удается отводить усредненный вызванный потенциал в виде позднего низкоамплитудного положительного колебания. Большой скрытый период этой волны (свыше 400 миллисекунд) и тот факт, что она отводится с вертекса, указывают на ее связь с поступлением в кору неспецифической информации. Таким образом, слабый неосознаваемый звук может вызвать восходящую неспецифическую импульсацию, что отражается в коре в виде регистрируемой в наших опытах поздней положительной волны.

В экспериментах с регистрацией усредненной вызванной электрической активности коры на словесные стимулы применялась та же методика предъявления слов на экране, что и в вышеописанных исследованиях порога опознания. Исследуемыми также являлись психопатические личности, находящиеся в тяжелой конфликтной жизненной ситуации. В серии с неосознаваемыми нейтральными и эмоциональными словами экспозиция всех слов на экране равнялась 15 мсек, а освещенность 0,05 лк±20%. Все исследуемые в этой серии во всех пробах не осознавали словесный раздражитель и воспринимали его как тусклую вспышку света на экране, хотя из словесного отчета можно было видеть, что они, как правило, очень старались распознать слово.

После регистрации вызванной электрической активности коры на неосознаваемые нейтральные и эмоциональные слова во второй серии экспериментов производилась запись вызванных потенциалов на те же слова, но уже предъявляемые с другими параметрами (экопозиция 200 мсек, освещенность 0,1 лк±20%), которые давали возможность исследуемому легко прочесть слово. Таким образом мы могли сравнивать усредненные вызванные потенциалы на одни и те же слова, но в одних случаях неосознаваемые исследуемым, в других - осознаваемые. Примененная нами методика регистрации усредненных вызванных потенциалов уже описана подробно [10].

Анализ величины вызванного потенциала показывает, что различие амплитуд поздних положительных волн (компонент Р 300) в затылочной области, возникающих при неосознаваемых нейтральных и неосознаваемых эмоциогенных словах, столь же высоко достоверно (Р<0,001), как при осознаваемых. Как можно видеть на рис. 2, в том и другом случаях амплитуда этой волны на эмоциональные стимулы явно больше.

На рис. 2 можно также видеть и существенное различие, которое выражается в степени распространенности "эмоционального" облегчения вызванного коркового электрического ответа. На осознаваемое эмоциональное слово наблюдается увеличение амплитуды компонента Р 300 только в затылочной области, что дало нам основание говорить об относительно локальном характере дополнительной активации, связанной с эмоциогенным свойством стимула [9]. На неосознаваемые эмоциональные слова не только с затылочной области, но и с вертекса отводится поздняя положительная волна достоверно большей величины, чем на нейтральные слова (Р<0,05).

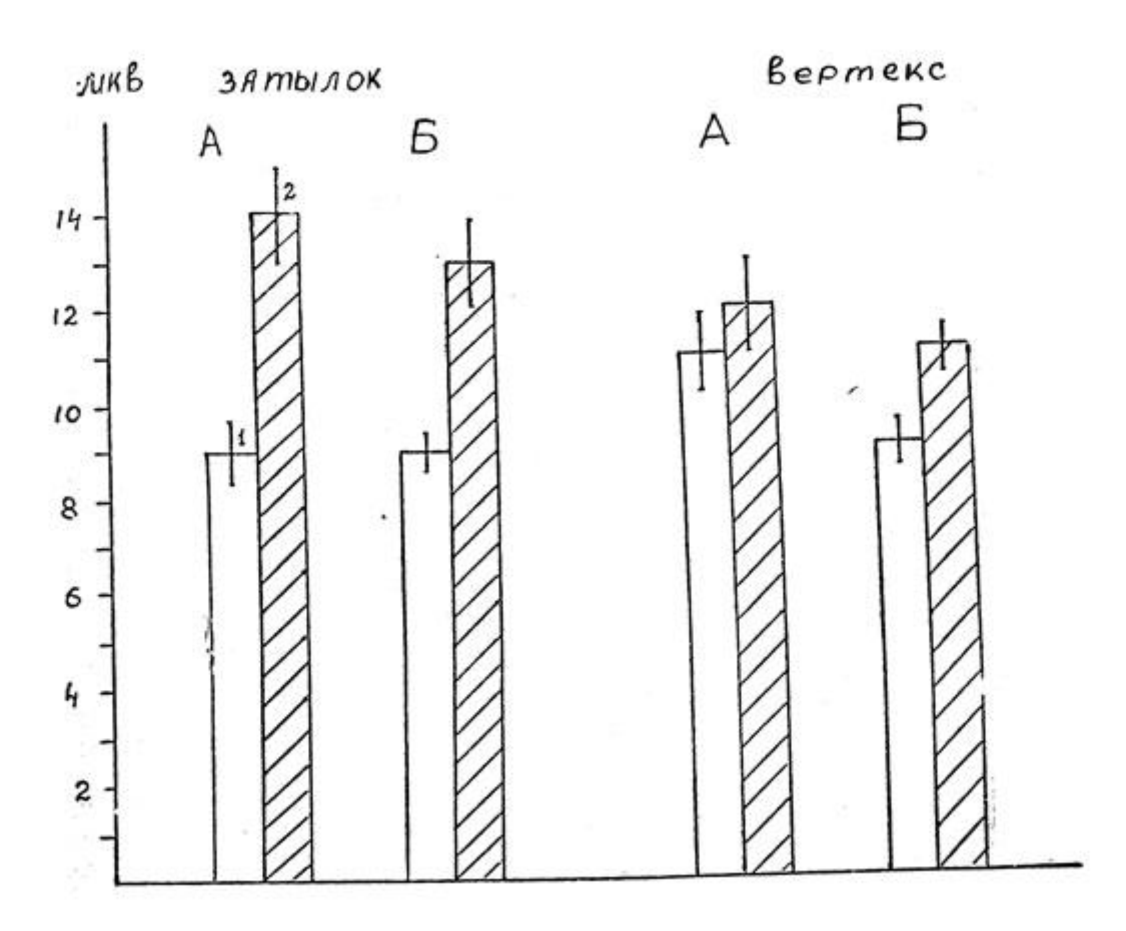

Рис. 2. Изменения амплитуды компонента Р 300 на осознаваемые и неосознаваемые эмоциональные слова. А - осознаваемые, Б - неосознаваемые, 1 - нейтральные стимулы; 2 - эмоциональные

Приведем иллюстрации этого, на наш взгляд, интересного факта. На рис. 3 можно видеть, что у исследуемого Б. А. (психопатическая личность, на почве ревности убил свою жену) на неосознаваемое нейтральное слово "кастрюля" регистрируется позднее положительное колебание (компонент Р300), амплитуда которого в области затылка равняется 10,1 мкв, а в вертексе-10,8 мкв (кадр А). На эмоциональное слозо "расправа", которое также не осознается исследуемым, амплитуда этого компонента электрического ответа коры значительно больше в обоих отведениях: в затылочном - 15,6 мкв; в вертексе - 16,3 мкв (кадр Б).

У этого же исследуемого Б. А. в другой опытный день на нейтральное неосознаваемое слово "трава" амплитуда компонента Р 300 в затылочной области составляет 7,1 мив, а вертексе - 6,9 мкв (рис. 4, А). Эмоциональное же слово "обида" вызывает положительные колебания значительно большей амплитуды: в затылочной области 11,8 мкв, в вертексе - 11,4 мкв (рис. 3, Б).

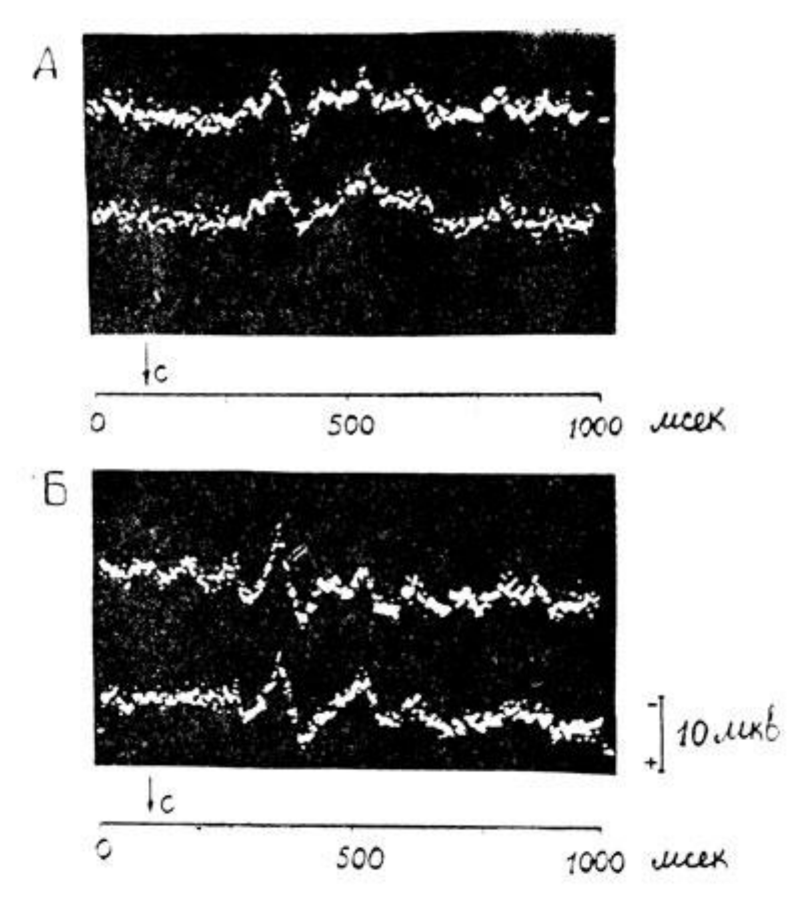

Рис. 3. Увеличение амплитуды позднего вызванного ответа на неосознаваемое эмоциональное слово. Исследуемый Б. А. А - потенциал на нейтральное слово 'кастрюля'; Б - на эмоциональное слово 'расправа'. Стрелка и буква С - момент раздражения. Остальные обозначения: верхняя кривая - вертекс, нижняя - затылочная область. Отклонение луча вверх - негативность. Момент раздражения совпадает с началом кривой. Эпоха анализа - вся кривая - 1000 мсек

Следовательно, в случаях, когда слово, связанное с отрицательным эмоциональным переживанием, не осоэнается человеком, оно вызывает в каре более диффузную активацию, чем при действии этого же раздражителя, но осознаваемого им. Таким образом, одной из отличительных черт вызванной электрической активности коры, связанной с осознанием или неосознанием словесного стимула, является степень распространенности по коре облегчения поздней положительной волны.

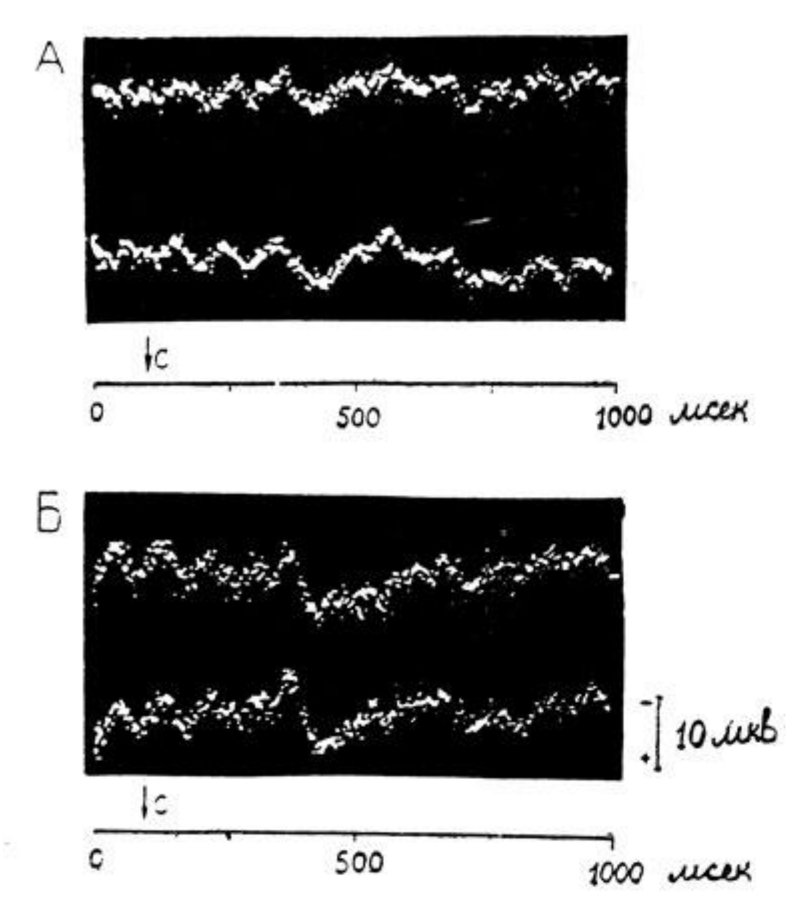

Рис. 4. Увеличение вызванного электрического ответа коры в вертексе и затылочной области на неосознаваемое эмоциональное слово. Исследуемый Б. А. А - на нейтральное слово 'трава'; Б - эмоциональное слово 'обида'. Остальные обозначения те же, что на рис. 3

Другая особенность вызванных потенциалов на неосознаваемые эмоциональные слова связана с поздним отрицательным компонентом N200. Этот потенциал существенно не различается ни по форме, ни по величине при осознаваемых нейтральных и эмоциональных словах. В то же время в пробах, где эти же слова не осознавались исследуемым, отрицательный компонент N 200 на эмоциональные стимулы был явно большей амплитуды как в затылочной области, так и в вертексе ($P<0,01$). Усредненные результаты измерения этой волны на осознаваемые и неосознаваемые нейтральные и эмоциональные слова приведены на рис. 5. На графиках ясно видна разница в величине потенциала N 200 между нейтральными и эмоциональными словами в зависимости от того, осознает или не осознает их исследуемый. Увеличение компонента N200 на неосознаваемые эмоциональные слова хорошо видно также на рис. 3 и 4.

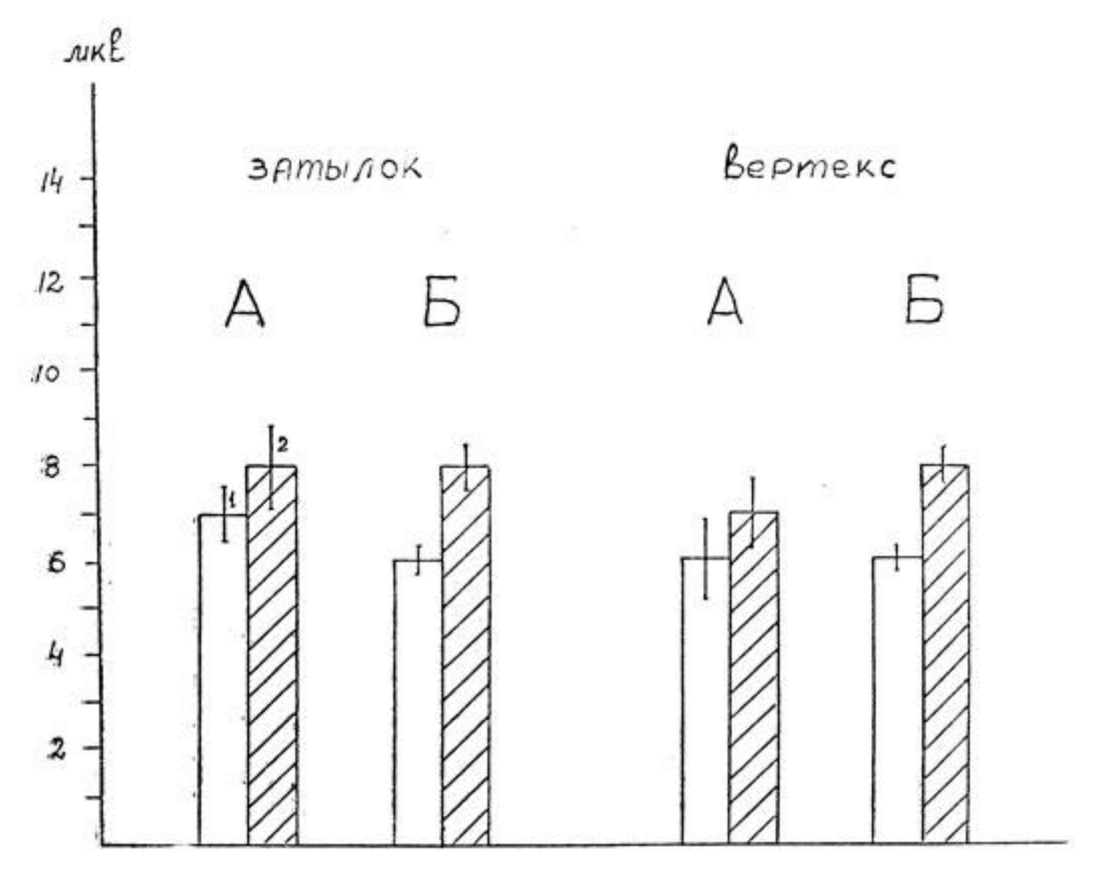

Рис. 5. Изменения амплитуды позднего отрицательного потенциала 200 на неосознаваемые эмоциональные слова. Обозначения те же, что на рис. 2

Вся эта разница между осознаваемыми и неосознаваемыми словами прежде всего подтверждает наше представление о кортикофугальном механизме вовлечения влияний лимбической системы в корковые реакции на эмоциональные стимулы. Она ясно показывает, что характер восходящей "неапецифической" импульсации определяется кортикофугальными импульсами. При осознании стимула эта дополнительная "эмоциональная" активация коры более локальна в пространстве и времени, больше приурочена к корковым структурам, воспринимающим данный раздражитель. Надо думать, что возбуждение более высоких структурно-функциональных уровней коры, обеспечивающее осознание внешнего раздражителя, каким-то образом изменяет характер нисходящих регулирующих влияний на лимбическую систему, а через нее и на корковые нейроны.

Психофизиологические исследования значительно чаще выявляют повышение порога опознания эмоциональных слов, чем их понижение, то сравнению с нейтральными словами. Однако в опытах с неосознаваемыми словами мы наблюдаем, как правило, облегчение вызванных потенциалов на эмоциональные слова. Это противоречие между психофизиологическими и биоэлектрическими данными в настоящее время можно объяснить только тем, что связанные с эмоциональным компонентом слова восходящие импульсы со стороны лимбической системы оказывают неодинаковое влияние на разные структурно-функциональные корковые уровни.

По-видимому, одна и та же импульсация, поступающая в кору из "неспецифических" систем, может тормозить функциональную систему, обеспечивающую вербализацию внешних явлений, и тем самым повышать порог опознания словесного раздражителя; с другой стороны, эта же импульсация повышает активность определенных корковых элементов, с которыми связана, в основном, генерализация вызванных потенциалов. О том, что источник биоэлектрических и перцептивных изменений-один-дополнительная импульсация из лимбической системы, - говорят наши исследования с применением антихолинергического вещества амизила [9]. Это вещество, действующее активно на лимбическую систему, временно нивелировало пороги опознания эмоциональных и нейтральных слов и устраняло разницу в амплитудно-временных параметрах вызванных потенциалов коры.

Каков физиологический смысл подобных разнонаправленных изменений корковых функций? По этому поводу в настоящее время могут быть высказаны лишь предположения. В случаях действия эмоционально неприятного стимула порог его осознания повышается, чем и достигается "психологическая защита". Вместе с тем, одновременно происходит активация корковых нейронов и, как мы видели, более диффузная, чем при действии

осознанных эмоциональных раздражителей. Последним, по-видимому, кора головного мозга как бы подготавливается к осуществлению необходимых защитных реакций на еще не вполне опознанный стимул.

Итак, согласно нашим данным, зрительный словесный раздражитель, который не осознается исследуемым, так как он предъявляется ему на очень короткое время и очень слабый по яркости, в состоянии вызвать в коре головного мозга электрический ответ. Корковый ответ на такого рода стимул регистрируется обычно в виде усредненного позднего негативно-позитивного колебания, так называемых компонентов N 200 и P 300. Существенная разница в амплитуде вызванного потенциала на нейтральные и эмоциональные слова дает нам основание считать, что и в случаях, когда словесный стимул не осознается, в коре головного мозга происходит анализ и синтез его семантических свойств. Ведь только после анализа и "опознания" предъявляемого слова корковыми элементами, воспринимающими зрительную речь, может произойти та дополнительная активация корковых нейронов, связанная с эмоциональным значением стимула, которую мы наблюдали в виде увеличения потенциала.

Следовательно, для возбуждения временных связей между новой корой и структурами лнмбической системы не обязательно, чтобы эмоциональный словесный раздражитель осознавался субъектом. Добавочная восходящая "неспецифическая" импульсация из лимбической системы к неокортексу, связанная с эмоциональным компонентом словесного стимула, может возникать еще до того, как слово будет осознано.

В опытах с вызванными потенциалами коры мы получили еще одно доказательство того, что при определенных условиях человек может воспринимать отдельные слова и реагировать на их смысловое содержание без их осознания. Но главное не в том, что получено еще одно подтверждение этого удивительного факта. Результаты регистрации вызванных потенциалов на неосознаваемые слова доказывают справедливость высказанной нами гипотезы о нейрофизиологическом механизме явления "психологической защиты" [7; 8]. Как уже описывалось выше, согласно этой точке зрения, повышение порога опознания эмоционального слова обусловлено тем, что оно еще на "досознательном уровне" воспринимается и "опознается" корой головного мозга. Будучи еще не осознанным, эмоциональный словесный стимул может возбуждать временные связи между воспринимающими элементами неокортек-са и лимбической системой. Кортикофугальное возбуждение структур лимбической системы приводит к возникновению неспецифической импульсации, которая изменяет уровень возбудимости коры головного мозга.

Этот корковый механизм саморегуляции, действующий по принципу обратной связи, благодаря которому кора головного мозга регулирует активность собственных нейронов, адекватно сигнальному значению действующих в данный момент раздражителей, и является, по нашему мнению, основой изменений порогов осознания эмоциональных раздражителей, в частности явления "психологической защиты".

54. Physiological Mechanisms of "Psychological Defence" and Unaccountable Emotions. E. A. Kostandov

Research Institute of Forensic Psychiatry, Moscow

Summary

A difference between the recognition thresholds of neutral and meaningful words has been found in persons in the state of emotional stress. With an increase in the threshold of recognition of affective words the subliminal effect was observed (autonomic and bioelectrical reactions). Visually evoked potentials (VEP) were recorded to subliminal words. Recording of VEP to two successive stimuli shows that associations can be elaborated between two unrecognized stimuli. The role of additional unspecific impulses from the limbic system in the neural mechanisms of changes of the thresholds of recognition of affective words is discussed.

Литература

1. Аствацатуров М. И., Современные неврологические данные о сущности эмоций. В сб.: Советская невропсихиатрия, Л., 1936, т. I, 33.

2. Баклаваджян О. Г., Вегетативная регуляция электрической активности мозга, 1967, Л., 84.

3. Беритов И. С, Нервные механизмы поведения высших позвоночных животных, М., 1961.

4. Бериташвили И. С, Память позвоночных животных, ее характеристика и происхождение, Тбилиси, 1968.

5. Беритов И. С, Структура и функции коры большого мозга, М., 1969.

6. Бериташвили И. С, Характеристика и происхождение памяти позвоночных животных. В сб.: Гагрские беседы, т. VI, Тбилиси, 1972, 165.

7. Костандов Э. А., Эффект неопознаваемых "эмоциональных" словесных раздражителей. Журн. высш. нервн. деят. им. И. П. Павлова, 1968, 18, 3, 371.

8. Костандов Э. А, Ориентировочный рефлекс. В кн.: Физиология высшей нервной деятельности, часть I, М., 1970, 206.

9. Костандов Э. А., Арзуманов Ю. Л., Изменения корковых вызванных потенциалов на эмоциональные зрительные стимулы под влиянием амизила у человека. Журн. высш. нервн. деят. им. И. П. Павлова, 1971, 21, 6, 1247.

10. Костандов Э. А., Арзуманов Ю. Л., Вызванные корковые потенциалы на эмоциональные неосознаваемые слова. Журн. высш. нервн. деят. им. И. П. Павлова, 1974, 24, 3, 465.

11. Маркс К. и Энгельс Ф., Сочинения, т. 3. М., 1955, 29.

12. Ройтбак А. И., Вызванные потенциалы коры больших полушарий. В кн.: Современные проблемы электрофизиологических исследований нервной системы. М., 1974, 164.

13. Тевзадзе В. Г., Реакции, вызванные прямым раздражением поясной извилины, и их влияние на некоторые функции. Сообщения АН ГССР, 1965, 43, 2, 487.

14. Хачапуридзе Б. И., Об отражательной функции установки в связи с проблемой воздействия невоспринимаемых раздражителей. Труды Тбилисского государственного университета, 1966, 124, 25.

15. Beck, E. G; Dustman, R.E., Beiter. E. G., Hypnotic suggestion and visually evoked potentials. Electroenceph. Clin. Neurophysiol., 1966, 20, 4, 397.

16. Bergamini, L., Bergamasco, B., Possibility of the clinical use of sensory evoked potentials transcranially recorded in man. Electroenceph. Clin. Neurophysiol., Suppl., 1967, 26, 114.

17. Brady, J. V. (Брейди Дж.), Палеокортекс и мотивация поведения. В кн.: Механизмы целого мозга, М., 1963, 138.

18. Chi, C. C, Flynn, J. P., The effects of hypothalamic and reticular stimulation [of evoked responses in the visual system of the cat. Electroenceph. Clin. Neurophysiol., 1968, 24, 4, 343.

19. Dixon, N. F., Lear, T. E., Incidence of theta rhythm prior of awareness of a visual stimulus. Nature, 1964, 203, 4941, 167.

20. Edwards, A. E., Subliminal tachistoscopic perception as a function of threshold method. J. Psychol., 1960, 50, 139.

21. Eriksen, C W., Subception: fact or artifact? Psychol. Rev., 1956, 63, 74.

22. Fangel, Ch., Kaada, B. R., Behavior "attention" and fear induced by cortical stimulation in the cat. EEG Clin. Neurophysiol., 1960, 12, 3, 575.

23. Garcia Austt, E., Vanzulli, A., Evoked responses and perception changes. Electroenceph. Clin. Neurophysiol.. 1970, 28, 5, 521.

24. Gellhorn, E., Loofbourrow, G. (Гельгорн Э., Луфборроу Дж.), Эмоции и эмоциональные расстройства, М., 1966.

25. Goldiamond, I., Indicators "of perception: I. Subliminal perception, subception, unconscious perception: An analysis in terms of psychophysical indicator methodology. Psychol. Bull., 1958, 55, 6, 373.

26. Goldstein, M. J., Barthol, R. P., Fantasy responses to subliminal stimuli. J. Abnorm. Soc. Psychol., 1960, 60, 1, 22.

27. Goldstein, M. J., Himmelfarb, S. Z., The effects of providing knowledge of results upon the perceptual defense effect. J. Abnorm., Soc. Psychol., 1962, 64, 143.

28. Halliday, A. M., Mason, A. A., Cortical evoked potentials during hypnotic anaesthesia. Electroenceph. Clin. Neurophysiol., 1964, 16, 3, 314. '29. HOWES, D., SOLOMON, R. L., A Note on McGinnies, "Emotionality and Perceptu? Defence". Psychol. Rev., 1950, 57, 4, 229.

30. Howes, D., Solomon, R. L., Visual duration threshold as a function of word probability. J. Exp. Psychol., 1951, 41, 401.

31. John, E. R., Herrington, R. N., Sutton, S., Effects of visual form on the evoked response. Science, 1967, 155, 3768, 1439.

32. Johnson, R. C. Frincke, G., Martin, L.,Meaningfulness, frequency, and affective character of words as related to visual duration threshold. Canad. J. Psychol., 1961, 15(4), 199.

33. Lazarus, R. S., McCleary, R. A., Autonomic discrimination without awareness: A Study of subception. Psychol. Rev., 1951, 58, 113.

34. Levy, R., Behrman, J., Cortical evoked responses in hysterical hemianaesthesia, Electroenceph. Clin. Neurophysiol., 1970, 29, 4, 400.

35. Libet, B., Brain stimulation and the threshold of conscious experience. In: Brain and Conscious Experience, Berlin, Heidelberg, N.Y, 1966, 165.

36. Libet, B., Alberts, W. W., Wright, E. W., Feinstein, B., Responses of human somatosensory cortex to stimuli below threshold for conscious sensation, Science, 1967, 158, 1597.

37. Lorens, S.A., Brown, Th. S., Influence of stimulation of the septal area on visual evoked potentials. Exp. Neurol., 1967, 17, 1, 86.

38. McGinnies, E., Discussion of Howes' and Solomon's Note on "Emotionality and perceptual defense". Psychol. Rev., 1950, 57, 4, 235.

39. MacLean, P. D., The limbic brain in relation to the psychoses. In: Physiological Correlates of Emotion, N. Y., London, 1970, 130.

40. Moruzzi, G., Magoun, H., Brain stem reticular formation and activation of the EEG. EEG Clin. Neurophysiol., 1949,1,3,455.

41. Newbigging, P. L., The perceptual redintegration of frequent and infrequent words. Canad. J. Psychol., 1961, 15(3), 123. o42. NEWBIGGING, P. L., The perceptual redintegration of words which differ inconnotative meaning. Canad. J. Psychol., 1961, 15 (3), 133.

43. Olds, J. (Олдс Дж.), Выявление подкрепляющих систем головного мозга методом самораздражепия. В кн.: Механизмы целого мозга, М., 1963, 199.

44. Phares, E. J., Perceptual threshold decrements as a function of skill and chance expectancies. J. Physiol., 1962, 53, 399.

45. Penfield, K., Jasper, H. (Пенфилд У., Джаспер Г.), Эпилепсия и функцио -нальная анатомия головного мозга человека, М., 1958.

46. Riggs, L., Progress in the recording of human retinal and occipital potentials. J. Opt. Soc. Amer., 1969, 59, 12, 1558.

47. Riggs, L. A., Whittle, P., Human occipital and retinal potentials evoked by subjectively faded visual stimuli. Vision Res., 1967, 7, 441.

48. Smith, G. L., Spence, D. P., Klein, G. S., Subliminal effect of verbal stimuli. J. Abnorm. Soc. Psychol., 1959, 59, 2, 167.

49. Smith, G. J., Spence, D. P.. Klein. G. S., Subliminal effects of verbal stimuli. J. Abnorm. Soc. Psychol., 1959, 59, 2, 167.

50. Spence, D. P., Subliminal perception and perceptual defense: Two sides of a single problem. Behav Sci., 1967, 12, 3, 183.

51. Spence, D. P., Ehrenberg, B. Effects of oral deprivation on responses to subliminal and supraliminal verbal food stimuli. J. Abnorm. Soc, Psychol., 1964, 69, 10.

52. Sperry, R. W., Brain bisection and mechanisms of consciousness. In: Brain and Conscious Experience, Berlin, Heidelberg, N. Y., 1935, 298.

55. К проблеме произвольного и непроизвольного регулирования электрических потенциалов мозга. Л. Б. Ермолаева-Томина

НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР, Москва

Экспериментальные и теоретические работы Д. Н. Узнадзе и его учеников [5; 6; 7; 8; 9; 10] по формированию установки как регулятора психической деятельности, многое прояснили в той сфере психики, которая традиционно характеризуется как "(бессознательное". Что же касается бессознательного в его физиологическом понимании (или неосознаваемой высшей нервной деятельности, по определению Ф. В. Бассина) и его роли в регуляции психических процессов, то этот вопрос до сих пор остается областью опоров, поскольку любое психическое явление детерминировано в первую очередь воздействием внешней среды и роль биологического фактора здесь крайне сложно (вычленить. Для решения этого вопроса, очевидно, важно выявить такой процесс, который одновременно может регулироваться на уровне сознательного и бессознательного и вместе с тем имеет достаточно четкие параметры регуляции, поддающиеся объективной регистрации.

Анализ имеющихся данных показывает, что к числу таких параметров относятся электрические потенциалы мозга, которые могут регулироваться ,на неосознаваемом уровне (имеется в виду перестройка ЭЭГ под влиянием навязанных ритмов) и вместе с тем, как показали исследования последнего времени, поддаются произвольной регуляции при наличии элементарной обратной связи [2; 3; 10; 11; 12]. Сопоставление особенностей осознаваемой и неосознаваемой регуляции электрической активности мозга в процессе выполнения различных заданий и составляет основное содержание настоящей работы.

В качестве объекта для произвольной регуляции была выбрана амплитуда и энергия бета-ритма, в качестве "внешнего", непроизвольного регулятора бета-ритма - навязывание световых мельканий в области высоких частот. Полученные данные сопоставлялись с некоторыми показателями стиля интеллектуальной деятельности, полученными при решении задач творческого типа. В опытах приняло участие 62 испытуемых, работников умственного труда з возрасте от 18 до 50 лет, 45 мужчин и 17 женщин.

Запись ЭЭГ производилась на 16-ти канальном электроэнцефалографе "ЭЭГ 16-06". Частотный анализ осуществлялся с помощью анализатора "Гамма". Регистрировалась монополярно ЭЭГ лобной и затылочной области левого и правого полушария с индифферентным электродом на мочке уха. Испытуемый регулировал амплитуду ритма "бета-2". Слуховая обратная связь осуществлялась с помощью звукового сигнала, автоматически появлявшегося в том случае, если амплитуда бета-ритма данного испытуемого равнялась или превышала величину - 2/3 его фоновой ритмики. Появление звука отмечалось лисчиком на ленте прибора.

Произвольная регуляция ритма осуществлялась по инструкции экспериментатора посте соответствующей тренировки испытуемого и готовности его к выполнению задания. В течение опыта от испытуемого требовалось "активировать" и "подавлять" ритм в течение минуты по три раза. Навязывание световых мельканий (15-35 имп./сек.) проводилось в том же опыте при помощи фото-стимулятора "РС-102".

Для исследования интеллектуальной деятельности использовались абстрактные стимулы (пятна Роршаха, цветной, стандартизированный вариант) и задачи "открытого типа", т. е. задачи, позволяющие испытуемому проявлять творческую инициативу (показателем чего служил отход от обычных приемов решения задач, оригинальный способ их решения), а также такие качества интеллектуальной деятельности, как широта категоризации, богатство идей и ассоциативных связей. Данные экспериментов подвергались корреляционному и групповому анализу. Анализ полученных материалов показал, что по способности к произвольной регуляции ритмов испытуемые разделились на четыре группы: группу "А", участники которой легко и активировали и подавляли ритм; "Б", представителям которой легко давалась активация ритма и с трудом его подавление; группу "В", состоявшую из тех испытуемых, которым не удавалось активирование ритма, но было доступно его подавление, и, наконец, группу "Г", состоявшую из тех испытуемых, у которых наблюдались парадоксальные отношения: при требовании экспериментатора активировать ритм, он у них подавлялся, а при требовании подавлять - активировался. В таблице 1 приведены средние арифметические показатели фоновой характеристики ритма (по показателям отметчика звука) и показатели, полученные при инструкции активировать и подавлять ритм.

Группа	Число испыт.	Показатели фона	Показатели произвольной активации	Показате произволь го подавл ния
I	24	112	259	84
II	17	73	194	161
III	11	181	118	73
IV	10	124	105	156

Таблица 1

Такие же индивидуальные различия были обнаружены и по показателям усвоения ритмов: у одних испытуемых происходило усвоение навязанных ритмов во всех отведениях при всех диапазонах частот, у других - лишь в отдельных отведениях и отдельных частотах.

Корреляционный анализ показал, что между показателями усвоения ритмов и их произвольной активацией и подавлением по требованию экспериментатора существует определенная зависимость. На таблице 2 представлены результаты корреляционного анализа.

Показатели произвольной регуляции	Показатели усвоения ритмов						
	лоб β—1	лев. β—2	лоб β—1	прав. β—2	затыл. β—1	лев. β—2	затыл. β—[illegible]
Активация ритма	. 256^{x}	. 258^{x}	. 361^{xx}	. 422^{xxx}	. 396^{xx}	. 183	. 19[illegible]
Подавление ритма	. 473^{xxx}				. 411^{xxx}		

^{x}: $p<0,05$ ^{xx}: $p<0,01$ ^{xxx}: $p<0.001$

Таблица 2

Как видно из таблицы, уровень активации ритмов коррелировал с величиной усвоения ритмов во всех отведениях. В отношении произвольного подавления ритма было получено только два значимых коэффициента корреляции с усвоением ритмов в левом полушарии.

Положительная корреляция между показателями усвоения ритма и величиной произвольной активации ритма свидетельствует о том, что такая произвольная активация давалась легче тем лицам, которые лучше усваивали навязывание ритмов извне. Иными словами, регуляция ритмов извне, на несознаваемом уровне, и произвольная регуляция ритмов детерминированы, вероятно, одним и тем же фактором.

Полученные коэффициенты корреляций подтверждаются показателями группового анализа: у лиц с хорошей произвольной регуляцией ритмов (I группа) среднее количество усвоенных ритмов составляло 5,2, в то время как у остальных групп испытуемых среднее количество усвоенных ритмов было соответственно 3,2; 2,7; 3,1.

Если рассматривать усвоение навязанных ритмов в области высоких частот как показатель лабильности н. с., то можно предполагать, что лицам с пониженной лабильностью нервной системы перестройка активности в ответ на требование экспериментатора дается с трудом.

Сознательного сопротивления экспериментатору, на наш взгляд, в экспериментах не было, т. к. все испытуемые были заинтересованы в том, чтобы овладеть техникой саморегуляции.

Мы попытались выявить также отношения, существующие между прослеживаемыми биоэлектрическими характеристиками и интеллектуальной деятельностью, в основе которой лежит самостоятельное мышление, сопротивление всякого рода навязыванию извне, использование стимула лишь как повода для развертывания оригинальной мысли и т. п.

Чтобы решить эту задачу, мы сопоставили использованные нами параметры с индивидуальным (стилем интеллектуальной деятельности при решении творческих задач. На таблице 3 приведены данные соответствующего корреляционного анализа. Как видно из таблицы, все качества интеллектуальной деятельности, традиционно связываемые с творческими способностями, дали отрицательные коэффициенты корреляций и с показателями усвоения ритмов, и с показателем произвольной активации ритма. В таблицу включены также и приведенные выше корреляции между усвоением ритмов и показателями способности к произвольной активации и подавлению ритмов.

		Уровень активации ритмов	Усвоение ритмов 15—35 имп/сек.							
			лоб левый		лоб правый		затылок левый		затылок правый	
			B_1	B_2	B_1	B_2	B_1	B_2	B_1	B_2
Количество ассоциаций	Роршах	$-.275^{x}$	$-.358^{xx}$						$-.330^{xx}$	
Количество ассоциаций	творческ. тесты	$-.315^{x}$			$-.522^{xxx}$	$-.369^{xx}$			$-.410^{xxx}$	$-.359$
Гибкость	Роршах	$-.348^{xx}$	$-.331^{x}$						$-.388^{xx}$	
Гибкость	творческ. тесты	$-.627^{xxx}$	$-.415^{xxx}$	$-.432^{xxx}$	$-.402^{xxx}$	$-.424^{xxx}$	$-.344^{xx}$			
Творческая инициатива	Роршах	$-.346^{xx}$					$.458^{xxx}$	$-.392^{xx}$	$-.355^{xx}$	
Творческая инициатива	творческ. тесты				$-.334^{xx}$		$.294^{x}$	$.305^{x}$		
Количество категорий	Роршах	$-.489^{xxx}$			$.382^{xx}$		$-.306^{x}$		$-.613^{xxx}$	
Видение внутри цвета		$-.348^{xx}$	$-.331^{x}$						$-.388^{xx}$	
Уровень активации ритмов					$.361^{xx}$	$.422^{xx}$	$.326^{xx}$	$.396^{xx}$	$.385^{xx}$	
Уровень подавления ритмов		$.381^{xx}$	$+.473^{xxx}$				$.317^{x}$	$.441^{xxx}$		

$^{x}p<0,05$; $^{xx}p<0,01$; $^{xxx}p<0.001$.

Таблица 3. Корреляции между показателями ЭЭГ и показателями индивидуального стиля мыслительной деятельности

Отрицательные корреляции между большинством показателей творческого стиля мыслительной деятельности и показателями усвоения ритмов свидетельствуют об обратной зависимости между указанными параметрами: чем больше выражен тот или иной показатель интеллектуального стиля деятельности, тем меньше выражена способность к уяснению навязанных ритмов. Способность к произвольной регуляции ритмов, как видно из таблицы 3, одновременно положительно коррелировала со способностью к усвоению ритмов и отрицательно со всеми показателями творчества.

Таким образом, приведенные в таблице корреляции позволяют думать, что та "сопротивляемость" внешнему навязыванию, самостоятельность мышления, интеллектуальная независимость, отсутствие конформности и т. п., которые характерны дли более высокого уровня творческой деятельности, связаны, возможно, в какой-то степени с элементарной сопротивляемостью усвоению навязанных частот на непроизвольном, неосознаваемом уровне, как и с неспособностью произвольно регулировать свои психические процессы под диктовку извне. Если в основе способности к усвоению ритмов в области высоких частот лежит показатель типологического свойства лабильности [4], то, очевидно, это свойство нервной системы является своеобразным "регулятором" характера взаимодействия индивида со средой, характера его "подетраивания" под воздействия извне.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в четвертую группу испытуемых (с парадоксальными реакциями на требования экспериментатора активировать и подавлять ритм), а также во вторую (испытуемые, которым легко давалась активации ритма и трудно его подавление) вошли лица, которые по объективным критериям (количеству патентов на изобретение, количеству опубликованных стихов и т. п.) являлись творчески наиболее результативными. Вместе с тем, для таких испытуемых оказалось характерным развитие высокой активности ритмов при выполнении ряда интеллектуальных заданий. В таблице 3 приведены коэффициенты корреляций между показателями творческих характеристик интеллектуальной деятельности и показателями суммарной активации ритмов при "внутренней" активности испытуемых, когда они производили перемножение в уме, вспоминали те или иные эмоциональные ситуации.

Как видно из таблицы 3 (правые вертикальные графы), такая "внутренняя реактивность" положительно коррелировала со всеми показателями творческого стиля мышления.

Полученные экспериментальные данные свидетельствуют, таким образом, о том, что сопоставление произвольной и непроизвольной форм регуляции биотоков мозга выявило несомненную связь между ними. Неосознаваемые субъектом процессы, наблюдаемые на физиологическом уровне, оказываются связанными с определенными формами психической деятельности. Эта связь относится, однако, по-видимому, гораздо скорее к "стилю", чем к возможностям деятельности. Совпадение особенностей процессов, происходящих в коре больших полушарий, и проявлений продуктивной деятельности человека свидетельствует, во всяком случае, о глубокой связи природы бессознательного с общими закономерностями мозговой саморегуляции.

55. On the Problem of Voluntary and Involuntary Regulation of Electrical Brain Potentials. L. B. Yermolaeva-Tomina

Institute of General and Educational Psychology, Moscow

Summary

The paper deals with the study of correlation between the process of the change of biorhythms under imposed beta frequences and under voluntary change of the same biorhythms.

Experiments have demonstrated that Ss easily mastering imposed biorhythms can easily work in the regime dictated by the experimenter. The results indicated a negative correlation between indices of mastery of beta frequences, their voluntary regulation in the indicated regime, and features of creativity (flexibility, originality and intellectual initiative).

Литература

1. Бассин Ф. В., Проблема бессознательного, М., 1968.

2. Валуева М. Н., Произвольная регуляция вегетативных функций организма, М., 1967.

3. Жоров П. А , Электроэнцефалографические корреляты корково-подкорковых отношений, М., 1974.

4. Небылицын В. Д., Основные свойства нервной системы человека, М., 1966.

5. Прангишвили А. С., Исследования по психологии установки, Тб., 1967.

6. Узнадзе Д. Н., Экспериментальные основы психологии установки, Тб., 1961.

7. Хачапуридзе Б. И., Проблемы и закономерности действия фиксированной установки, Тб., 1962.

8. Чхартишвили Ш. Н., Некоторые спорные проблемы психологии установки, Тб., 1971.

9. Шерозия А. Е., К проблеме сознания и бессознательного психического, том I, Тб., 1969; том II, Тб., 1973.

10. Элиава Н. Л., Мыслительная деятельность и установка. В сб.: Исследование мышления в советской психологии, М., 1968.

11. Dewan , E., Communication by Voluntary Control of the Electroencephalogram, Montreal, 1969.

12. Dusaille, J. F., La psycho-commande et la psycho-reaction. Mesures et controle industries , 1963, 28, 6.

13. Kamiya, J., Conditional discrimination of the EEG alpha rhythm in humans. Paper presented at the meeting of the Western Psychological Association, San Francisco, 1962.

57. Исследование сенсорной настройки как психофизиологического выражения целевой установки методом регистрации вызванных потенциалов. Л. А. Самойловым, В. Д. Труш

МГУ, факультет психологии

Одно из направлений в области исследования психологии установки было связано в последнее десятилетие с изучением процессов селекции во время переработки сенсорной информации. Основная дискуссия в рам.ках этого направления развернулась вокруг проблем, связанных с локализацией механизмов селекции: одними исследованиями показывалось, что селекция возникает в момент акта восприятия - гипотеза входа [10], в других работах отмечалась возможность фильтрации на выходе системы - гипотеза ответа [16]. В то же время результаты ряда работ позволяют предположить, что избирательность существует на протяжении всего процесса переработки информации, т. е. селективное преднастроечное влияние задачи простирается на все уровни акта восприятия [2; 9; 11; 14; 16].

Для объяснения психофизиологических механизмов, реализующих установки в деятельности, неоднократно привлекались представления о доминанте А. А. Ухтомского [7], образе потребного будущего Н. А. Бернштейна [3], акцепторе действия П. К. Анохина [1], нервной модели стимула Е. Н. Соколова [6]. Однако конкретно-экспериментальное исследование психофизиологических механизмов, реализующих процессы селекции, стало возможным лишь с появлением моделей, описывающих процессы переработки информации как микроструктуру, которая состоит из последовательно включающихся функциональных блоков [4]. В рамках таких моделей анализ мозговых механизмов селекции в условиях установки может быть выполнен с помощью исследований электрических явлений коры головного мозга. Одним из широко используемых методов анализа электрических корковых явлений является регистрация вызванных потенциалов (ВП), которые развиваются после предъявления любого сенсорного сигнала и представляют собой последовательность волн, создаваемых активностью различных мозговых систем [5; 8]. Связи ВП с процессами внимания посвящен обширный литературный материал, однако до сих пор в электрофизиологической литературе дискуссируется вопрос о том, в какой степени наблюдаемые изменения в различных компонентах ВП связаны с процессами внимания [15].

Настоящее исследование было направлено на выяснение связи ВП зрительной коры мозга человека с явлениями перцептивной селекции, создаваемой разными целевыми установками.

Экспериментальная часть работы была выполнена на основе микроструктурной модели процессов восприятия, в условиях быстрой предъявления последовательности сенсорных сигналов. Исследование состояло из двух экспериментов: в первом эксперименте введение установки не приводило к успешной селекции тестового материала, во втором - процесс селекции полностью снимал маскировку тестовых стимулов.

Исследование проведено на 5 испытуемых с нормальным зрением. Для предъявления материала использовался экспериментальный стенд, состоявший из люминесцентного индикатора и пульта ответов, соединенных с ЭВМ. В каждом эксперименте было проведено по 5 серий: контрольная без установки и четыре серии с установкой "на знакоместо". Во всех сериях предъявлялось по 100 проб, каждая из которых начиналась с нажатия испытуемым кнопки "готовности", после чего через 500 мсек вспыхивала цифра "0" (сигнал "внимание"). Через 1 сек после этого сигнала предъявлялась стимульная последовательность, состоявшая из 4 цифр с временем свечения каждой цифры 20 мсек и межстимульным интервалом 80 мсек. Цифры з стимул ьно и последовательности выбирались ЭВМ случайным образом из алфавита "2-9" таким образом, чтобы ни одна из цифр не встречалась в последовательности дважды. Через 1 сек после предъявления последней цифры в последовательности испытуемому предъявлялась послестимульная цифра-инструкция, выбираемая ЭВМ из того же алфавита таким образом, чтобы вероятность ее появления в последовательности составляла 0,6.

В контрольных сериях испытуемый опознавал цифровой материал на всех четырех знакоместах; перед началом тестовых серий он получал установочную инструкцию - опознать цифру только на определенном знакоместе (в первой серии на I знакоместе и т. д.). Цифры на остальных знакоместах выполняли при этом функцию маски. Второй эксперимент отличался от первого лишь тем, что в тестовых сериях в качестве маски использовалась фиксированная цифра (например - "5"), а не весь алфавит "2-9".

В ходе всего опыта регистрировалась электроэнцефалограмма (ЭЭП, которая отводилась монополярно от затылочных областей коры головного мозга. Усреднение вызванных потенциалов производилось после опыта на ЭВМ, программа которой позволяла производить синхронное усреднение одновременно с подсчетом текущих значений дисперсий. Усреднение производилось для каждой серии по 100 ответам, после чего полученные кривые ВП и их дисперсий выводились на двухканальный графопостроитель.

Хорошо выраженный "v"-образный характер позиционных кривых в контрольных сериях указывает на наличие наибольшей маскировки средних элементов в последовательности, вероятность правильных ответов на которые падает до 0,57 (±0,08) для S_2 и до 0,65 (±0,07) для S_3 (рис. 1А). Анализ позиционных кривых, построенных по результатам тестовых серий первого эксперимента показал, что в условиях установки на знакоместо маскировка снимается лишь для крайних знакомест S_1 и S_4. Замена маски, состоящей из полного алфавита (2-9), на маску в виде фиксированной цифры во втором эксперименте оказала существенное влияние на успешность опознания средних элементов последовательности. Таким образом, во втором эксперименте оказалась возможной эффективная селекция знакоместа, что приводило к успешному опознанию тестового материала на любом знакоместе, снимая маскировку всех элементов последовательности. Улучшение опознания отражалось и на позиционных кривых времени реакции испытуемых (рис. 1Б).

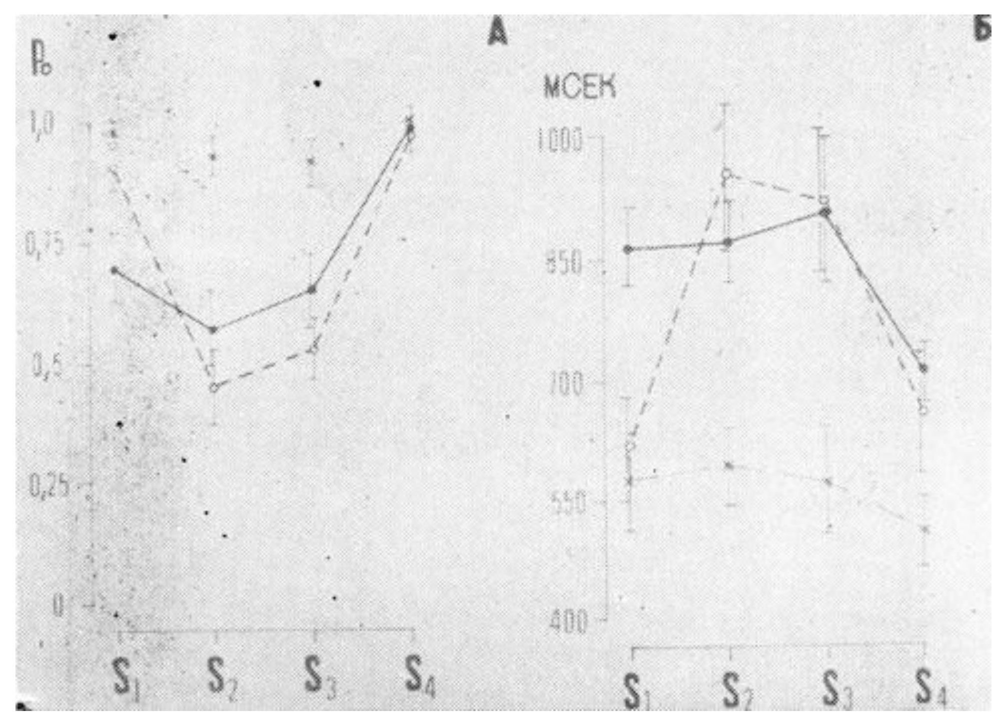

Рис. 1. Позиционные кривые вероятности правильных ответов (А) и зависимость времени реакции для правильных ответов от знакоместа стимула в последовательности (Б). (По оси ординат порядковые номера знакомест. Сплошная линия - контрольные условия, пунктирная - эксперимент I, штрих - пунктир - эксперимент II. Вертикальными линиями на кривых обозначен доверительный интервал при p=0,01, критерий Стьюдента)

У всех испытуемых на одиночный сенсорный сигнал (Mi) наиболее выраженными были компоненты ВП с пиковыми латентностями: для первого положительного компонента 100+10 мсек, первого отрицательного 140±20 мсек и второго положительного 210±40 мсек (рис. 2). В связи с тем, что определение изолинии в ходе обработки ВП оказалось не всегда возможным, амплитудные значения компонентов ВП определялись как разница максимальных значений двух соседних пиков, то есть анализировалась амплитуда P_1-N_1 и N_1-P_2.

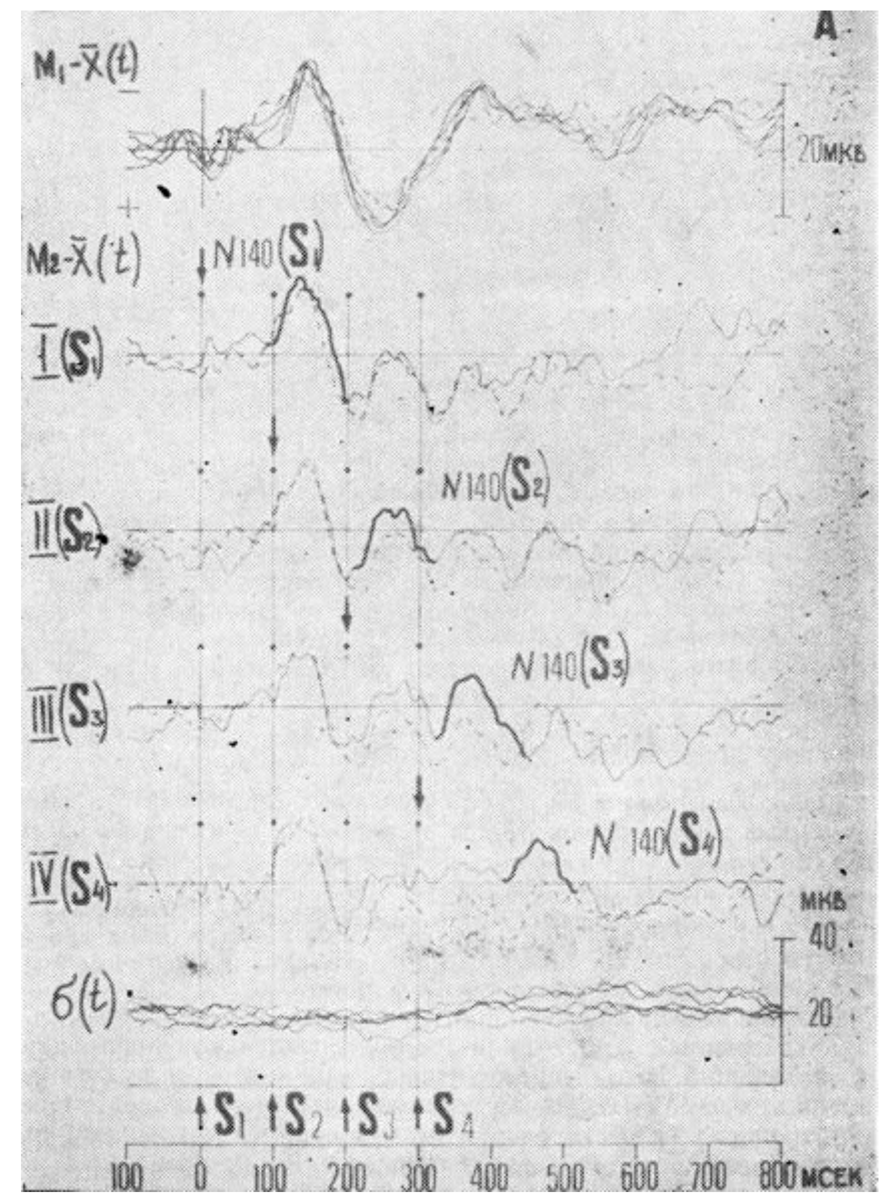

Рис. 2. Вызванные потенциалы, зарегистрированные в зрительной коре в разных экспериментальных условиях. Пунктирная линия - ВП в контрольных условиях, сплошная - ВП в условиях установки при отсутствии селекции (А) и при ее наличии (Б). (M_1 - одиночный ВП, M_2 - ВП в условиях маскировки, σ - суперпозиция кривых среднеквадратичных отклонений для всех условий. Вертикальными римскими цифрами и стрелками указывается, для какого знакоместа в данной серии осуществляла сенсорная настройка)

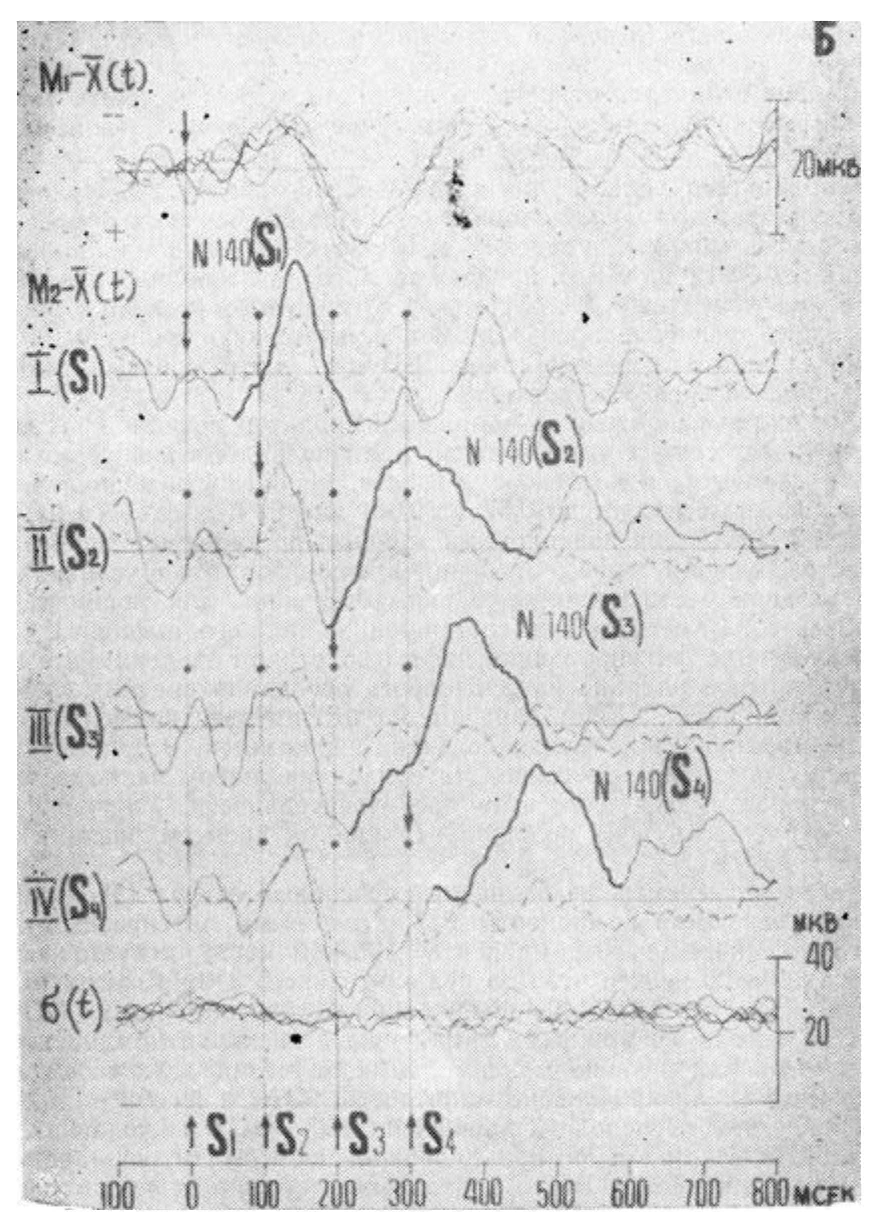

Рис. 2. Вызванные потенциалы, зарегистрированные в зрительной коре в разных экспериментальных условиях. Пунктирная линия - ВП в контрольных условиях, сплошная - ВП в условиях установки при отсутствии селекции (А) и при ее наличии (Б). (M_1 - одиночный ВП, M_2 - ВП в условиях маскировки, σ - суперпозиция кривых среднеквадратичных отклонений для всех условий. Вертикальными римскими цифрами и стрелками указывается, для какого знакоместа в данной серии осуществляла сенсорная настройка)

Прежде чем исследовать характеристики ВП в условиях перцептивной селекции, были проанализированы амплитудно-временные изменения компонентов ВП в контрольных условиях при последовательной зрительной маскировке (рис. 2, пунктирные кривые). Как видно из рисунка, ответы на второй, третий и четвертый стимулы в последовательности существенно уменьшаются. Наиболее сильное подавление амплитуды при маскировке наблюдалось для компонентов N_1-P_2 (с 23 мкв для S_1 она снижалась до 7-9 мкв для S_3 и S_4; p=0,01, критерий Стьюдента). Рис. 3. Для перехода P_1-N_1, уменьшение амплитуды также носило статистически достоверный характер (с 14 мкв до 6-7 мкв, p=0,01). Полного восстановления анализируемых компонентов не наблюдалось даже для стимула S_4, который следовал через 300 мсек после первого стимула в последовательности, когда развитие ответа на одиночный стимул практически заканчивается. Одновременно с уменьшением амплитуды компонентов ВП при маскировке наблюдалось статистически значимое удлинение латентных периодов компонентов ВП на маскируемые стимулы (в среднем на 40 мсек дли S_2 и на 30-40 мсек для S3 и S4, рис. 4).

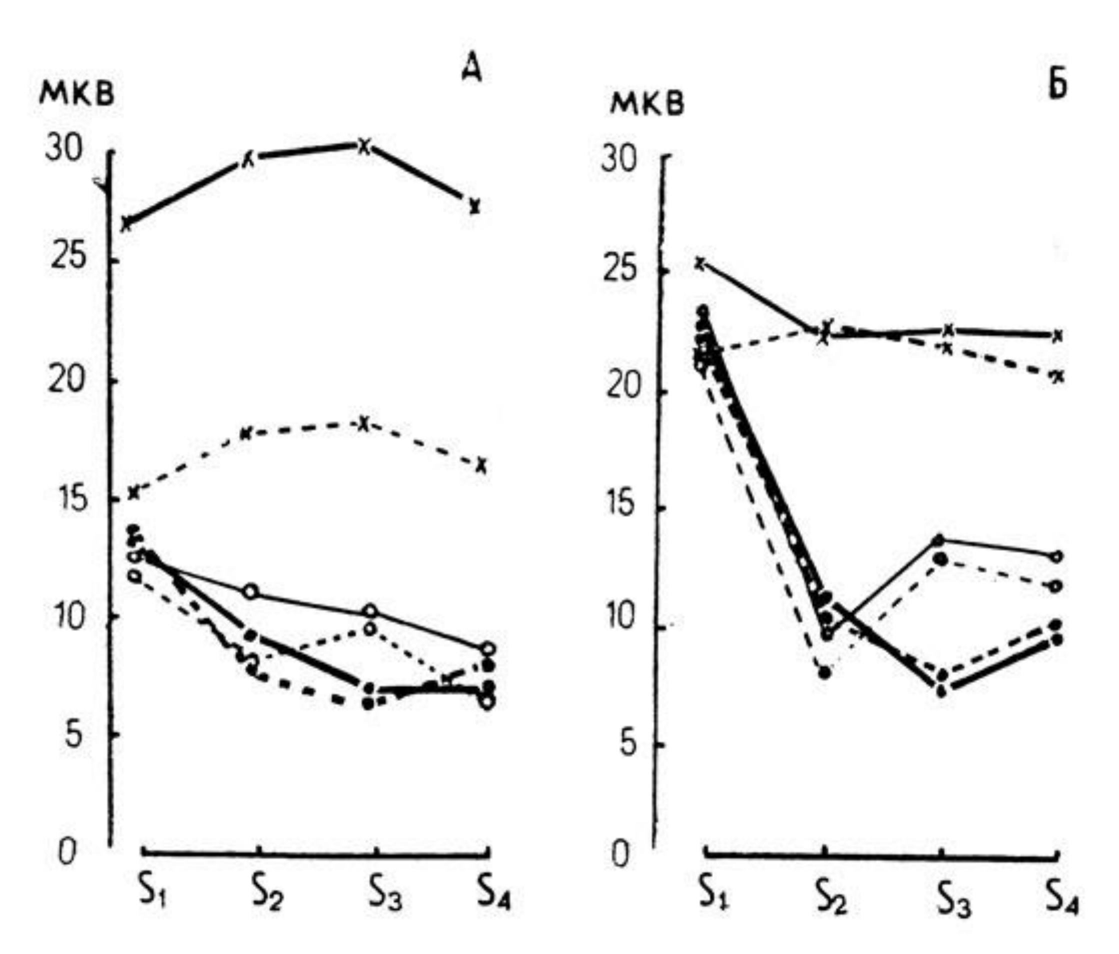

Рис. 3. Изменение амплитуды компонентов P_{100}-N_{140} (А) и N_{140}-P_{200} (Б) в условиях целевой установки на различное знакоместо. (Сплошная линия - правое полушарие, пунктир - левое, ● - контрольная серия, ○ - эксперимент I, X - эксперимент II)

В вызванных потенциалах, зарегистрированных в первом эксперименте (тестовые серии с установкой на знакоместо при отсутствии селекции), не было обнаружено статистически значимых изменений (p=0,5) для всех анализируемых компонентов ВП (рис. 2, 3, 4). Хорошо выраженное влияние установки на ВП наблюдалось во втором эксперименте в условиях селекции. Амплитуда компонентов P_1-N_1 при селекции возрастала в 1,5-2 раза для всех знакомест. Амплитуда волны P_1-N_1 при успешной селекции максируемых знакомест S_2, S_3 восстанавливалась по сравнению с контрольными условиями при маскировке и была равной величине ответа на S_1 (p=0,01). Повышение эффективности процессов селекции приводило к сильному сдвигу латентных периодов ВП, регистрируемых на средние элементы последовательности с 140 мсек для S_1 до 220-240 мсек для S_2 и S_3. На стимул S_4латентность ВП уменьшалась до величины латентности в контрольных условиях (рис. 4).

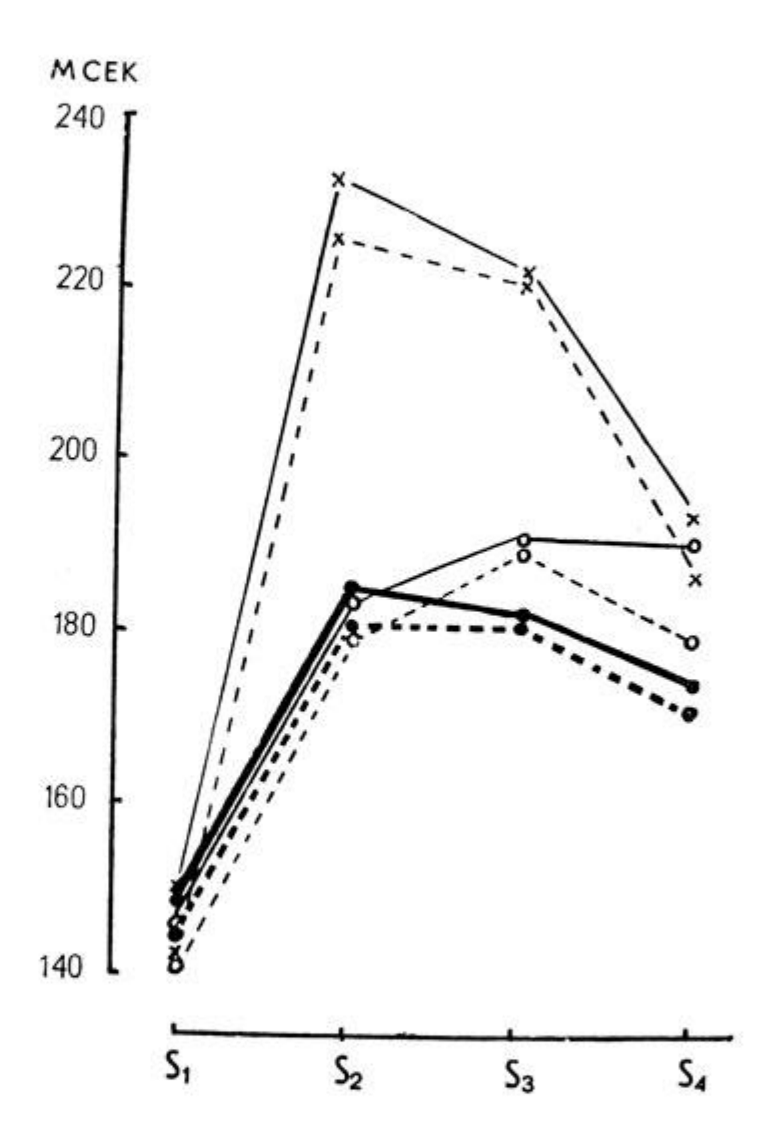

Рис. 4. Изменения латентности компонента 140 в условиях целевой установки на знакоместо (обозначения в подписи к рис. 3)

Установленная в экспериментах связь процессов селекции с увеличением амплитуды компонента N_{140} зрительного вызванного потенциала позволяет предположить существование психофизиологического механизма селекции на сенсорно-перцептивном уровне. Доказательством того, что процесс селекции в наших исследованиях протекает на довербальном уровне, являются данные по природе и функциональному значению регистрируемых компонентов ВП [5, 8].

Полученные данные хорошо согласуются с результатами исследований ВП в условиях селективного слухового внимания [12; 13]. На основе этих исследований Хиллярд предположил существование двух различных механизмов избирательного внимания: первый обеспечивает избирательное пропускание сенсорного сигнала в определенном канале, а второй - выбирает конкретный перцептивный признак внутри ранее выделенного канала и связан с вербально-категориальным уревнем анализа. Усиление N_{140} в этих экспериментах Хиллярд связывает с "поддержанием тонической установки" предпочтения определенного входа, изменения в P_{300} связываются им с процессами сличения сенсорного образа с заготовленными эталонами.

В заключение необходимо отметить, что целевые установки не только меняют процесс восприятия, но и, как показывают результаты настоящего исследования, активно формируют мозговые функциональные системы, реализующие эти процессы.

Литература

1. Анохин П. К., Биология и нейрофизиология условного рефлекса, М., 1968.

2. Асмолов А. Г., Ковальчук М. А., Яглом М. А., Об иерархической структуре установки. В сб.: Новое в психологии, 1975, 1, 10-24.

3. Бернштеин Н. А., О построении движений, М., 1947.

4. Зинченко В. П., О микроструктурном методе исследования познавательной деятельности. В сб.: Эргономика. Труды ВНИИТЭ, вып. 3, М., 1972.

5. Иваницкий А. М., Мозговые механизмы оценки сигналов, М., 1976.

6. Соколов Е. Н., Механизмы памяти, М., 1969.

7. Ухтомский А. А., Очерк физиологии нервной системы, Л., 1954.

8. Шага. С. Ч., Вызванные потенциалы в норме и патологии, М., 1975.

9. Bachmann, T.. Allik. I.. Integration and interruption in the masking of form by form. Perception, 1976, v. 5, 79-97.

10. Erdelyi, M. L., A new look at the New Look: Perceptual defease and vigilance. Psychological Review. 1974, v. 81, 1-25.

11. Haber. R.N., Nature of the effect of set on perception. Psychological Review. 1966. v. 73. 335-351.

12. Hillyard. S.A., Hink. R. F., Schwent. V. L. and Picton. T.W.. Electrical signs of selective attention in the human brain. Science, 1973, 182, 177-180.

13. Hillyard S. A., Schwent, V. L., Evoked potential correlates of selective attention with nulti-channel auditory inputs. EEG and Clin. Neurophysiology, 1975. 38. 131-138.

14. Krueger. L. E.. Familiarity effects in visual information processing. Psychological Bulletin, 1977, v. 82. 949-974.

15. Naatanen. R., Selective attention and evoked potentials. Ann. Acad. Sci. Fenn. B., 1977, 151, 1-226.

60. Пациенты с расщепленным мозгом. В. М. Мосидзе

Институт физиологии им. И. С. Бериташвили АН Груз. ССР, Тбилиси

В Калифорнии (Лос-Анджелес) американские нейрохирурги Дж.. Боген и Ф. Вогел [7] больным эпилепсией перерезали комиссуральные-волокна (мозолистое тело, передняя и гиппокампальная комиссуры, межбугровое сращение), т. е. производили на людях ту же операцию, что до этого было сделано на животных. Если до операции у этих больных ежедневно, а у некоторых несколько раз в день были эпилептические припадки, то после нее этих припадков не отмечалось, ибщее поведение больных с расщепленным мозгом не отличалось от поведения здоровых лиц. Больные с расщепленным мозгом свободно плавали в бассейне и катались на велосипеде. Мы сообщаем об этом потому, что эти пациенты полностью сохраняли координацию движений. Правда, в первые недели после операции у них отмечалось нарушение согласованности движений (например, одной рукой они могли застегивать пуговицу, а другой расстегивать, или же одной рукой могли пытаться надеть брюки, а другой рукой противодействовать этому и т. д.), но эти расстройства через несколько недель после операции исчезали.

Во время пребывания в Калифорнийском технологическом институте нами совместно с Р. Сперри обследованы пациенты с расщепленным мозгом, и обнаружено у них резкое понижение памяти [21; 4]" Однако следует отметить, что, спустя несколько месяцев, память значительно восстановилась. Больные нередко возвращались к трудовой деятельности и становились полноценными членами общества.

Улучшение состояния больных эпилепсией при расщеплении мозга можно объяснить следующим образом. При этой операции перерезаются те комиссуральные волокна, посредством которых кора одного полушария прямыми нервными путями связывается с другим. Эти комиссуральные волокна передают из одного полушария в другое не только информацию различной модальности (как об этом говорилось выше), при эпилепсии они передают и эпилептическую (судорожную активность. Вследствие этого возникшая в одном полушарии

судорожная активность часто наблюдается затем в обоих полушариях. В то же время вовлеченные в судорожную активность симметричные центры, взаимодействуя друг с другом, усиливают эпилептическую активность. У больных с расщепленным мозгом после перерезки комиосуральных волокон не происходит передачи эпилептических разрядов из одного полушария в другое. Эта активность блокируется, что облегчает ее устранение. Так, те медикаменты, которые до операции не оказывали лечебного воздействия на течение болезни, после операции становятся эффективными. Вследствие этого эпилептический очаг постепенно ослабевает и может даже исчезнуть.

Следует отметить, что операцию расщепления мозга у больных эпилепсией производили и раньше [20], но тогда в основном перерезали мозолистое тело или ело различные участки. В то же время морфологические и физиологические данные [15; 9] показывают, что не только мозолистое тело, но и передняя комисеура прямыми нервными путями связывает полушария мозга и может играть немаловажную роль в передаче судорожных разрядов между обеими гемисферами. Этим, на каш взгляд, и следует объяснить то обстоятельство, что Ван Вагенен и Херен получили меньший терапевтический эффект [5; 7], чем Дж. Боген и Ф. Вогел [8], которые, как об этом было сказано выше, производили более полное и глубокое расщепление мозга.

Разумеется, сделать какие-либо окончательные выводы в этом направлении было бы преждевременным. Накопленный клинический материал требует детального анализа. Необходимо дальнейшее клиническое и психофизиологическое обследование оперированных больных, нужно установить точные показания и противопоказания к операции (что, на наш взгляд, особенно важно) прежде, чем предложить эту операцию для широкого применения.

У больных с расщеплением мозга, у которых, как правило, не проявлялось нарушений интеллекта и личности, обнаруживались резко выраженные расстройства при предъявлении ряда неврологических тестов, требующих сочетанной работы полушарий головного мозга. Ниже будут представлены некоторые сведения с больных с расщепленным мозгом, основанные как на собственных наблюдениях, так и на анализе данных литературы.

Выявляемое при исследовании указанным выше методом стерео-гностической функции расщепленного мозга расстройство психической деятельности выражалось в неспособности больных выразить словесно свойства скрытых от зрения предметов, когда эти предметы воспринимались посредством осязания левой рукой. Патофизиологический механизм такой астереогнозии объясняется следующим образом. При пальпировании предмета левой рукой, согласно общеизвестной схеме восходящих связей головного мозга, соответствующая афферентная им-иульсация адресуется преимущественно в правое полушарие. В результате рассечения комиосуральных волокон сенсорная информация, поступающая в правую половину мозга, не может достигать речевых центров, которые, согласно данным классической неврологии, у подавляющего большинства людей расположены в левом полушарии. Правомерность такого объяснения подтверждается четко выраженной тенденцией больных прибегать к помощи правой руки при решении указанной экспериментальной задачи.

Дефицит принципиально сходной природы был выявлен при изоляции полей зрения с помощью тахистоекопической методики. Больные были не в состоянии выразить словесно то, что они видели, когда производилось изолированное раздражение левого ноля зрения и, следовательно, правого полушария. Они, как правило, сообщали, что ничего не видят, или же называли какое-нибудь слово наугад. Нетрудно понять, что такая зрительная "агнозия" детерминирована анатомическим разобщением зрительных центров правого полушария от корковых речевых механизмов. Между тем, как показали специальные невербальные тесты, анализ тактильных и зрительных раздражений, направляемых изолированно в правое полушарие, протекал совершенно нормально. Так, когда какой-нибудь рисунок проецировали изолированно в левое поле зрения, больные легко находили на ощупь изображаемый на рисунке предмет левой рукой в большом комплексе фигур, хотя и давали совершенно неадекватный вербальный ответ.

Симптомы расщепления мозга выражаются также в своеобразном нарушении способности письма (аграфия или дисграфия) и чтения (алексия, дисалексия).

Дисграфия у людей с расщепленным мозгом отмечалась лишь тогда, когда от них требовалось писать или копировать написанное левой рукой, моторное управление которой в основном осуществляет правое полушарие. Алексия наблюдалась лишь тогда, когда от исследуемых требовалось произнести вслух буквы или слова, предъявляемые тахистоскопически в левое поле зрения. Если же в левое поле зрения подавалось какое-нибудь слово, обозначающее тот или иной предмет, больные легко, без всякого затруднения опознавали соответствующий объект как осязательно, так и зрительно.

Таким образом, информация, поступающая по разным афферентным каналам исключительно или преимущественно в правое полушарие, не может быть выражена ни речью, ни в письменном виде. Анализ патофизиологических механизмов описанных выше симптомов зрительной и тактильной агнезии, алексии и дисграфии убеждает нас в том, что все эти расстройства тождественны но своей природе. В основе их лежит разобщенность гностических механизмов правого полушария и механизмов словесного выражения, расположенных в левом полушарии.

При предъявлении арифметических задач в левое поле зрения больные были не в состоянии осуществлять простейшие операции в пределах десятка. Так, когда в левой половине зрительного поля воспринимались такие простые задачи, как 2Х2, 6:2 и т. д., больные не могли опознать цифру, соответствующую конечному результату, среди других цифр.

Результаты этих исследований дают основание утверждать, что лингвистические и математические функции сосредоточены преимущественно или исключительно в пределах левого полушария, традиционно рассматриваемого как доминантное.

С другой стороны, как показали эти исследования, правое полушарие, оцениваемое в качестве подчиненного, может ощущать, познавать, интегрировать раздражение разных модальностей, решать задачи, требующие понимания слов и их ассоциации с объектами внешней среды. Обобщая результаты наблюдений над пациентами с расщепленным мозгом, М. Гассанига [10] находит возможным заключить", что "безмолвное правое полушарие воспринимает, думает, возбуждается эмоционально, изучает и запоминает на уровне, который характерен для человека".

В пользу такого заключения свидетельствуют исследования пациентов, подвергшихся комиссуратомии с лечебной целью, у которых удалось подтвердить выявленную ранее в экспериментах на животных [17; 19] поразительную способность расщепленного мозга решать различные по смыслу дискриминационные задачи, предъявляемые раздельно и одновременно к двум полушариям [10; 18].

Следовательно, "афазическое" и "графическое" или, как его называют, "неграмотное" правое полушарие отнюдь нельзя рассматривать как агностическое.

Для оценки психических возможностей правого полушария особый интерес представляют неврологические выпадения, выявляемые у людей, подвергшихся ком иссур атом ии при изолированном функционировании левого полушария.

Больные с расщепленным мозгом испытывают значительные затруднения, когда от них требуется кодировать или рисовать спонтанно различные геометрические фигуры правой рукой. При использовании же левой руки они легко решают эти задачи. Подобным образом, больные, подвергшиеся комиесуратомии, конструируют геометрические фигуры из блоков левой рукой значительно легче, чем правой. Следовательно, правая рука показывает резко выраженную конструктивную диспраксию при решении задач, основанных на зрительном анализе пространственных объектов. Указанные симптомы позволяют полагать, что топографические представления формируются преимущественно в правом полушарии.

Положения о ведущей роли правого полушария в восприятии пространства находит убедительную аргументацию в наблюдениях над больными с правосторонними мозговыми поражениями [22; 16; 6].

Анализ симптэмокомплекса расщепления мозга убедительно показывает, что биологическое назначение правого полушария нельзя ограничивать лишь автоматической или компенсаторной функцией. Тем более маловероятным в свете, рассмотренных выше наблюдений представляется допущение, что в ходе эволюционного развития головного мозга правое полушарие становится "регрессирующим", "рудиментарным " органом [11; 12].

Приведенные выше данные, на наш взгляд, убедительно свидетельствуют о преимущественном значении каждого полушария для реализации различных психических актов. Если левое полушарие доминирует в отношении лингвистических и математичеетаиих функций, то правое полушарие в свою очередь играет преимущественную роль в восприятии пространства и топографических взаимоотношений.

Более того, последнее время появились работы, авторы которых на большом клиническом материале показывают, что при поражениях правого полушария нарушается восприятие схемы тела [1; 2] и что музыкальные способности человека в основном определяются также функционированием правого полушария [13; 14; 3].

60. Patients with Split Brain. V. M. Mosidze

The I. S. Beritashvili Institute of Physiology, Academy of Sciences of the Georgian SSR, Tbilisi

Summary

An analysis of the complex of symptoms of split brain demonstrates the preferential significance of each hemisphere for the implementation of various mental acts. The left hemisphere dominates in relation to linguistic and mathematical functions. As for the right hemisphere, its biological role is not limited only to an automatic or compensatory function. It does not constitute a "regressive", "rudimentary" organ, but in its turn plays a preferential role in the perception of space and topographic relations. The perception of the body pattern and of man's musical abilities is also determined by the functioning of the right hemisphere.

Литература

1. Бабенкова С. В., Об особенностях и локально-диагностическом значении анозогнозии в остром периоде инсульта. Журн. невропат, и психиатр, им. С. С. Корсакова, 1969, 69, 12, 1788-1794.

2. Бабенкова С. В., Клинические синдромы поражений правого полушария мозга при остром инсульте. М., 1971.

3. Миндадзе А. А., МОСИДЗЕ В. М., Какубери Т. Д., О музыкальной функции правого полушария. Сообщения. АН Груз. ССР, 1975, т. 77, № 6, 103-113.

4. Мосидзе В. М., Рижинашвили Р. С, Кеванишвили 3. Ш., Акбардия К. К., Роль мозолистого тела в интегративной деятельности больших полушарий головного мозга. В кн.: Соврем, пробл. деятельн. и строения ЦНС. Тб., 1972, т. III, в. 16., 143-158.

5. Akelaitis, A. J., Studies of the corpus callosum. VI. Orientation (temporal-spatialgnosis) following sections of the corpus callosum. Arch. Neurol. Psychiat., 1942, 48, 914-937.

6. Bogen, J. E., The other side of the brain. I. Dysgraphia and dyscopia following cerebral, commissurotomy. Bull. Los Angeles Neurol. Soc, 1969 a, 34,2, 73-105.

7. Bogen, J. E. a. Vogel. P. J., Cerebral commissurotomy in man. Preliminary case report. Bull. Los Angeles Neurol. Soc, 1962, 27, 169.

8. Bogen, J. E., a. Vogel P. J., Treatment of generalized seizures by cerebral commissu rotomy. Surg. Forum, 1963, 14, 431.

9. Downer, J. L., de C, Interhemispheric integration in the visual system. In: Interhemispheric relations and cerebral dominance. Baltimore, Johns Hopkins Press, 1962, 87-100.

10. Gazzaniga, M. S., The split brain in man. Sci. Amer., 1967, 217, 2, 24-29.

11. Henschen, S. E., On the function of the right hemisphere of the brain in relation to the left in speech, music and calculation. Brain, 1926, 49, 110-123.

12. Jung, R., In: Interhemispheric relations and cerebral dominance. Baltimore, 1962, Summary of the conference, pp. 264-291.

13. Kimura, D. (1964), Left-right differences in the perception of melodies. Quarterly Journal of Experimental Psychology, 16, 355-358.

14. Milner, B., Laterality effects in audition. In: Interhemispheric relations and cerebral dominance. Baltimore, 1962, 177-195.

15 Negrau. N., DOTY, R. W., Forebrain Comissures and Vision. In: Handbook of Sensory Physiology, New York, 1973, 543-582.

16. Smith, A., Nondominant hemispherectomy. Neurology, 1969, 19, 5, 442-445.

17. Sperry, R. W., Cerebral organization and behavior. Science, 1961, 133, № 3466, 13-22.

18. Sperry, R. W., Splitbrain approach to learning problems. The Neurosciences. New York, 1968a, 417-422.

19. Trevarthen, C. B., Double visual learning in split-brain monkeys. Science, 1962, 136, 258-259.

20. Van Wagenen, W. P. a. Herren, R. Y., Surgical division of commissural pathways in the corpus callosum. Relations to spread of an epileptic attack. Arch. Neurol. Psychiat., 1940, 44, 740-759.

21. Zaidel, D. a. Sperry R. W., Memory impairment after commissurotomy in man. From the Division of Biology, California Inst, of Technology, Pasadena, California, Brain, 1974, 97, 263-272.

22. Zangwill, O. L., The current status of cerebral dominance. Res. Publ. Assoc. Res, Nerv. Ment. Dis., 1964, 42, 103-113.

61. Проблема бессознательного в нейрофизиологических исследованиях. Н. Н. Трауготт

Институт эволюционной физиологии и биохимии им. И. М. Сеченова АН СССР, Ленинград

Проблема бессознательного включает в себя положения более или менее общепризнанные и положения, вызывающие дискуссии. Наибольшие разногласия концентрируются вокруг вопросов о том, возможно ли неосознаваемое приобретение нового опыта, бессознательное обучение, в какой мере бессознательное влияет на осознанное поведение, определяет его программу, вследствие каких причин подлинные мотивы поступков могут ускользнуть от контроля сознания, в каких условиях становится возможным сознательное управление реакциями, протекающими обычно непроизвольно. Изучение этих вопросов имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение для медицины и педагогики. В частности, та или иная позиция, занимаемая психиатром или невропатологом в отношении указанных проблем, в значительной степени определяет его суждение о патогенезе и механизмах развития психопатологических симптомов и синдромов, о роли психогении в возникновении заболеваний нервных и соматических, о задачах, методах и возможностях психотерапии.

Представляется, что нейрофизиологическое исследование может дать материал по всем аспектам проблемы. В то же время необходимо подчеркнуть, что эти исследования имеют и свои специальные задачи: анализ особенностей течения нервных процессов, определяющих осознаваемое и неосознаваемое поведение, локализацию этих процессов и характер взаимоотношений коры мозга и глубоких структур при их осуществлении.

Теоретические предпосылки, определяющие пути нейрофизиологического изучения проблемы, были заложены в трудах И П Павлова А. А. Ухтомского, Л. А. Орбели и А. Г. Иванова-Смоленского, однако экспериментальное изучение вопроса о роли бессознательного в поведении человека в течение длительного времени находилось в тяжелых условиях и подвергалось суровой критике. Это задержало накопление экспериментальных фактов и обусловило невозможность их беспристрастного обсуждения. До настоящего времени в физиологической литературе отсутствуют даже попытки объединить уже имеющийся материал. Мы попытаемся в какой-то мере заполнить этот пробел ком-оинируя результаты, полученные разными авторами, независимо от того свои с какой целью ставились эксперименты и как трактовали авторы свои результаты.

1. Первая группа фактов относится к вопросу о том, какие из непроизвольных реакций человека могут быть подчинены контролю сознания и какие условия этому благоприятствуют. Многочисленные исследования, выполненные в разные годы в различных лабораториях, выявили возможность образования условных рефлексов в виде изменения высоты артериального давления, частоты пульса, функционального состояния миокарда, широты просвета периферических сосудов и многих других реакций, относящихся к категории непроизвольных. В лабораториях, руководимых А. Г. Ивановым-Смоленским, было впервые показано, что условный сигнал может быть заменен словом экспериментатора или самого испытуемого, или, иными словами, была установлена возможность сознательного управления реакциями внутренних органов. Степень осознания самой реакции (к сожалению, во многих работах сведения по этому вопросу отсутствуют) оказывается неодинаковой: реакция может быть неосознанной или осознается неполностью. В некоторых исследованиях испытуемым предоставлялась

возможность наблюдения за регистрирующими приборами, и таким образом создавались условия, облегчающие осознание реакции и учет ее выраженности. Выяснилось, что в подобных условиях вегетативные реакции приобретают большую четкость и постоянство. Так например, в исследовании М. Н. Валуевой испытуемые, наблюдая свои кожно-гальванические реакции, регистрируемые на кимографе, научались произвольно вызывать у себя реакции разной продолжительности (Валуева, 1967). Отсюда следует, что сознательное управление вегетативными реакциями облегчается в условиях, когда во второй сигнальной системе отражается не только условный раздражитель, но и реакция на него.

Сопоставление результатов, полученных при выработке разных вегетативно-висцеральных условных рефлексов в разных условиях (в отношении условных рефлексов сердца такое сопоставление наиболее полно было осуществлено Л. Я. Балоновым) (Балонов, 1959),показало, что быстрота образования условных связей, их прочность и другие особенности зависят от иннервации органа и его функционального состояния. Так например, у больных с компенсированным клапанным пороком сердца облегчено по сравнению со здоровыми людьми образование тормозных условных сердечных рефлексов и оказывается более полным осознание особенностей сердечной реакции. Скорость образования и другие качества условных связей зависят также от методики выработки условных рефлексов и значимости подкрепления. Вегетативно-висцеральные условные рефлексы, особенно некоторые из них, в большой степени подвержены внешнему торможению, поэтому непременным условием их легкого образования и упрочения является отсутствие конкурирующих раздражителей.

Сказанным объясняются факты, полученные при изучении особенностей вегетативно-висцеральных условных рефлексов в гипнотическом состоянии (систематические исследования в этом направлении были осуществлены К. И. Платоновым, И. И. Короткиным и М. М. Сусловой). Известно, что по приказу гипнотизера у загипнотизированного могут возникать вегетативно-висцеральные реакции, обычно слову не подвластные. Это свидетельствует о том, что в условиях, когда на фоне заторможенной коры мозга изолированно активны только функциональные системы, связанные с гипнотизером, все относящиеся к этим системам раздражители, в том числе и условные сигналы непроизвольных реакций, приобретают особую силу и значимость. Теми же условиями, а именно, избирательной доминантностью определенных систем, исключающей влияние конкурирующих раздражителей, определяется относительная сила самовнушения. Для иллюстрации этого положений напомню, что истеричные субъекты в моменты религиозного экстаза, т. е. сильного эмоционального возбуждения, сконцентрированного на одной идее, добивались у себя появления язв на кистях рук и стопах, в местах, в которые, по представлению молящегося, были вбиты гвозди у распятого Христа.

Итак, материалы нейрофизиологических исследований показывают, в каком объеме возможно условно-рефлекторное, т. е. кортикальное, управление вегетативно-висцеральными реакциями, какие факторы облегчают этот процесс, какие условия способствуют осознанию вегетативно-висцеральных реакций и превращению их в произвольно регулируемые.

2. Вторая группа нейрофизиологических фактов относится к узловому и наиболее дискуссионному пункту проблемы бессознательного, к вопросу о том, существует ли возможность бессознательного приобретения информации, влияет ли этот неосознаваемый опыт на поведение.

Большое значение для суждения о роли бессознательного в поведении человека имеет исследование субсенсорных реакций, т. е. непроизвольных реакций на раздражители, о которых субъект не может дать отчета, подпороговые для осознанного восприятия. Честь обнаружения и первых систематических исследований этого феномена принадлежит Г. В. Гершуни и коллективу его сотрудников (1945-1950 годы). Позднее субсенсорные реакции стали предметом изучения многих исследователей (А. М. Зимкина, Б. Д. Асафов, Е. М. Соколов, В. Г. Самсонова, Э. А. Костандов и др.). В ходе этих исследований было установлено, что субсенсорные реакции могут быть вызваны раздражителями разной модальности и выражаются вегетативными сдвигами, изменениями биоэлектрической активности мозга, электромиограммы, а также некоторыми непроизвольными двигательными реакциями (например, улитково-зрачковая реакция на звук).

Выяснилось, что раздражители, вызывающие субсенсорные реакции, могут быть подпороговыми для осознанного восприятия не только по интенсивности, но и по продолжительности действия или по зашумленности. Субсенсорные реакции могут быть вызваны незамечаемым субъектом изменением одного из компонентов раздражителя. Субсенсорные реакции могут быть выражением ориентировочного или условного рефлекса. Иначе говоря, на подпороговый для осознания раздражитель может быть выработан новый условный рефлекс или получен рефлекс, ранее образованный. Так, например, в исследовании Э. А. Костандова была показана возможность возникновения вегетативной реакции на слова, прочесть которые ввиду кратковременности экспозиции испытуемый не мог. Э. А. Костандов и его сотрудники при остроумной постановке эксперимента продемонстрировали возможность образования субсенсорной дифференцировки (Костандов, Арзуманов, 1975). Л.

Г. Ворониным и его сотрудниками было доказано, что субсенсорные реакции могут быть обнаружены в процессе образования условного рефлекса на время. В одной из модификаций этих исследований выяснилось, что у некоторых испытуемых вегетативные и электрофизиологические компоненты реакции точнее приурочены ко времени предъявления раздражителей, чем реакции произвольные и осознаваемые (Воронин и др., 1971).

Как ориентировочные, так и условные реакции на субсенсорные раздражители характеризуются малой величиной и непостоянством, латентный период этих реакций изменчив и замедлен. Ориентировочные реакции на субсенсорные раздражители быстро угасают, образование условных реакций обычно замедлено.

Возникновение субсенсорных реакций, их постоянство и ширина субсенсорного диапазона зависят от ряда факторов. Субсенсорные реакции резче выражены у детей дошкольного возраста и у субъектов, эмоционально неустойчивых, в частности, у невротиков и психопатов. Появлению реакций способствует эмоциональная значимость раздражителя. В. Г. Самсонова наблюдала расширение субсенсорного диапазона при выработке условных рефлексов на оборонительном, болевом подкреплении (Самсонова, 1953). Э. А. Костандов, исследуя реакции на короткие звуковые посылки, констатировал изменение субсенсорного диапазона на фоне отрицательной эмоции. У психопатов изменения субсенсорной зоны после эмоционального воздействия оказались более резко выраженными и более продолжительными (Костандов, 1969). Можно предположить, что появление реакций на раздражители, не достигающие порога сознательного восприятия, облегчается в условиях усиленной активации коры мозга со стороны глубоких структур. Это предположение подтверждается данными фармакологических экспериментов. Выяснилось, что в периоде действия препаратов, угнетающих восходящие активизирующие влияния, понижающих кортикальный тонус, субсенсорный диапазон суживается, тогда как препараты, способствующие повышению кортикального тонуса, обуславливают усиление субсенсорных реакций и расширение субсенсорного диапазона. Имеются основания предполагать, что выраженность субсенсорных реакций в наибольшей степени зависит от уровня таламо-кортикальной активации. Пороги осознанного восприятия при расширении субъективного диапазона могут повышаться, понижаться или оставаться неизменными (Трауготт и др., 1968; Костандов, 1968). Таким образом, острота осознанного и тем более неосознаваемого восприятия в большой мере определяется характером и интенсивностью влияний, исходящих из глубоких структур и модулирующих кортикальный тонус влияний.

Результаты экспериментального изучения субсенсорных реакций подтверждаются данными клинических и житейских наблюдений. Известно, что у здоровых, а тем более у соматически или нервнобольных людей могут возникать вегетативно-висцеральные реакции, причина появления которых остается неизвестной. Эти реакции в некоторых случаях протекают по типу патологических рефлексов. Можно думать, что субсенсорные реакции играют роль и в возникновении внешне как будто бы немотивированных колебаний настроения. По наблюдению П. Б. Ганнушкина, тоскливое настроение психопата может быть связано с влиянием на него "массы совершенно неучитываемых мелочей" (Ганнушкин, 1964, с. 134). Интуиция, т. е. неосознанное знание, в большой мере, вероятно, зависит от широты субсенсорного диапазона. Это делает понятным то, что способность к интуиции хорошо выражена у детей и у взрослых, отличающихся повышенной эмотивностью.

Если можно считать установленным, что подпороговые для сознания раздражители влияют на вегетативную сферу, изменяют настроение и таким образом могут воздействовать на поведение, то возникает вопрос, могут ли они вызывать произвольные реакции и в какой мере эти реакции осознаются. С моей точки зрения, наиболее четкий ответ на эти вопросы дают исследования, осуществленные еще в тридцатых годах в лаборатории А. Г. Иванова-Смоленского.

У детей старшего дошкольного возраста вырабатывалась условная двигательная реакция в виде нажатия баллона, на комплекс, состоящий из сильного и очень слабого раздражителей. В дальнейшем испытывали действие одного слабого компонента комплекса и в случае появления условной реакции спрашивали ребенка, почему он нажал на баллон. Выяснилось, что большинство испытуемых не заметили слабого раздражителя. В таких случаях дети или не могли объяснить своего поведения, или отрицали реакцию, или утверждали, что они реагировали на сильный раздражитель, которого на самом деле не было. Однако, если в дальнейшем ходе эксперимента испытывался и подкреплялся только слабый раздражитель, дети давали правильный отчет об условиях опыта, т. е. слабый раздражитель осознавался. Таким образом, хотя в силу отрицательной индукции от сильного компонента комплекса слабый раздражитель не мог быть осознан, условный рефлекс на него был образован, осознание же раздражителя и реакции на него происходило после устранения отрицательной индукции. Можно думать, что в описанном исследовании воспроизводилась только одна из возможных ситуаций, определяющих образование условной произвольной реакции на неосознаваемый раздражитель. В этом направлении необходимы дальнейшие исследования.

Следует сказать, что по данным многочисленных исследований, проведенных с помощью различных методических приемов и использовавших различные по трудности задания, отчет детей об экспериментах, в которых были образованы и упрочены условные двигательные рефлексы, может быть очень неполным. Особенно затруднен отчет о сигнальном значении условных сигналов, т. е. о связи раздражителя с подкреплением. Трехлетние дети не всегда могут вспомнить и назвать даже раздражители, применявшиеся в эксперименте, причем чаще всего отсутствует отчет о тормозных сигналах. Полнота отчета зависит от ряда условий, и прежде всего от времени опроса и сложности задания. Дети, способные назвать раздражитель и определить его сигнальное значение непосредственно после осуществления условной реакции, не всегда дают адекватные ответы на вопросы, заданные после окончания эксперимента. Ребенок, не могущий сказать, как он узнавал о том, когда нужно нажать на баллон, что предупреждало его о появлении конфеты, в случае задержки в подаче подкрепления нетерпеливо спрашивает: "А где конфета?". Возможно, что в подобных случаях осознанию ситуации способствует внезапное нарушение стереотипа. Думается, что анализ с этих позиций результатов многочисленных исследований высшей нервной деятельности детей может дать богатый материал для суждения о том, как происходит процесс осознания произвольных реакций и условий, их вызывающих. Некоторые попытки в этом направлении были уже сделаны (Иванов-Смолен-окий, 1934, 1963, 1971; Трауготт, 1969).

3. Перехожу к изложению того раздела исследований, который можно квалифицировать как наиболее трудный и наименее разработанный. Некоторые нейрофизиологические исследования имеют отношение к очень значимому для проблемы бессознательного вопросу - вопросу о том, как формируются аффективные комплексы, патодинамические структуры, какую роль играют они в поведении.

Ряд относящихся сюда фактов был получен в лабораториях А. Г. Иванова-Смоленского при изучении высшей нервной деятельности детей (Иванов-Смоленский, 1934, 1963, 1971). Было обнаружено, что при угашении условных рефлексов могут выявляться условные реакции, ранее образованные на данные раздражители, но затем прочно угашенные, - явление, получившее название хроногенного рас-тормаживания. А. Г. Иванов-Смоленский считает, что хроногенное растормаживание, встречающееся и в высшей нервной деятельности здоровых людей, играет большую роль в патологии, в частности в процессе бредообразования. Было прослежено, что выработка тормозной условной связи (дифференцировка, угашение) обусловливает изменение отношения ребенка к раздражителям, в каком-либо аспекте сходным с сигналом тормозной реакции. Ребенку перестают нравиться рисунки, окрашенные в цвет тормозного сигнала, и, наоборот, образование положительной условной связи может изменить отрицательную оценку на положительную. В ассоциативном эксперименте слова, обозначающие раздражитель угашенного условного рефлекса, вызывают реакцию, которая, по выражению Иванова-Смоленского, ".приобретает все черты комплексной реакции" (Иванов-Смоленский, 1934, с. 25). У некоторых детей все ответы приобретают депрессивный оттенок - "трава - завяла, крыша - с дыркой, платок - разорван".

Надо подчеркнуть, что дети не замечают изменения характера своих ответов и тем более не могут объяснить причину этого изменения. В период угашения условных реакций изменяется общий характер поведения, дети становятся суетливыми, беспокойными или, наоборот, подавленными. Чем значимее для ребенка подкрепление и чем труднее условия образования тормозной связи, тем отчетливее и длительнее влияние эксперимента на поведение.

При исследовании взрослых создание конфликтной ситуации осуществлялось с помощью гипнотического и постгипнотического внушения. Так например, в одном из исследований И. И. Короткина и М. М. Сусловой во время гипнотического сеанса внушалось отсутствие условного или безусловного раздражителя (безусловным раздражителем в этих экспериментах являлось раздражение глаза струей воздуха). Если внушение удавалось и соответствующие условные и безусловные реакции исчезали, испытуемые во время сеанса и непосредственно после него не осознавали выключенные внушением раздражители, не замечали их. В то же время торможение безусловных реакций вызывало "трудное", "сходное с невротическим" состояние, причину возникновения которого испытуемые не знали (Короткий, 1963).

Значение исследований, подобных вышеописанным, заключается в том, что они, воспроизводя простейшую модель жизненных конфликтов, показывают, как динамично в этих условиях взаимоотношение сознательного и бессознательного, и вместе с тем выявляют роль торможения в формировании "больных пунктов".

Несомненно, что большой материал по вопросу о путях формирования "больных пунктов" - патодинам.ических структур - накоплен в исследованиях, осуществленных в психиатрических клиниках. За недостатком времени я остановлюсь только на некоторых собственных наблюдениях. Исследования, проведенные в процессе развития гипо-гликемической комы, обусловленной введением инсулина, выявили чрезвычайную устойчивость аффективных комплексов в отношении прогрессирующего диффузного угнетения кортикальной деятельности. В состоянии, близком к бессознательному, когда речевая деятельность кажется уже недоступной, еще может быть

получен развернутый ответ на вопрос, относящийся к бредовым, т. е. аффективно насыщенным переживаниям больного. Вегетативная же реакция на эти вопросы может сохраняться вплоть до полного угасания сознания и исчезает позднее исчезновения некоторых безусловных реакций. Вместе с тем в процессе угнетения кортикальной деятельности могут выявляться обычно заторможенные компоненты патодинам.ических структур, происходит хроногенное растормаживание. Так например, больная, аффективные переживания которой кажутся сосредоточенными на отношениях с родителями, в состоянии, близком к коматозному, говорит только о муже и реагирует только на вопросы, относящиеся к этой теме (Трауготт, 1957; Трауготт, Балонов, Личко, 1957).

4. Наконец, в клинических и экспериментальных исследованиях последних десятилетий выявился совершенно новый аспект анализируемой проблемы. Оказалось, что во взаимоотношении сознательного и бессознательного находит отражение функциональная асимметрия мозговых полушарий. С наибольшей демонстративностью различная роль полушарий в процессах осознания действительности выступила при исследовании субъектов, перенесших оперативное расщепление мозга (Сперри, Газзанига, Боген, 1961-1970). Выяснилось, что хотя информация, поступающая в правое полушарие, не вербализуется и не осознается, она способна повлиять на поведение.

Некоторые факты, относящиеся к данному вопросу, были получены в нашей лаборатории при исследовании процесса восстановления церебральной деятельности психически больных, проходящих курс лечения односторонними (унилатеральными) электросудорожными припадками. Проведенными в лаборатории клиническими и электрофизиологическими исследованиями было установлено, что после одностороннего электрического воздействия на протяжении 40-60 минут сохраняется, постепенно сглаживаясь, различие в активности полушарий - преимущественное угнетение того полушария, над которым располагались электроды. В ходе лечения правосторонние и левосторонние припадки чередуются, что открывает возможности сопоставить эффект функционального "выключения" левого или правого полушарий у одного и того же субъекта.

Выяснилось, что после электрического воздействия на правое полушарие, т. е. в условиях преимущественного угнетения этого полушария, глубоко нарушается способность анализировать, различать и запоминать все непосредственные, т. е. неоречевляемые раздражители, непосредственные впечатления. В период угнетения правого полушария затруднено распознавание и воспроизведение мелодий и различение-музыкальных фраз, нарушена способность узнавать звуки обыденной жизни, способность обнаруживать дефекты рисунка, сравнивать друг с другом и запоминать невербализируемые фигуры. Речевая активность больных в период угнетения правого полушария повышена и речевой слух обострен, но различение индивидуальных особенностей голоса, распознавание значений интонаций, т. е. оценка конкретных особенностей речевого сообщения, резко снижается. В то же время собственная речь больных становится маловыразительной, интонационно обедненной. Примечательно, что в период угнетения левого полушария наряду с грубым нарушением речи и угнетением речевого слуха уровень осуществления функций, зависящих от правого полушария, по сравнению с обычным состоянием повышается. Таким образом, полушария в отношении латерализованных функций взаимно тормозят друг друга и, следовательно, в условиях угнетения одного полушария латерализованные функции другого предстают как бы в утрированном виде. В этом аспекте интересно, что своеобразие деятельности полушарий проявляется и в особенностях ассоциативных процессов и логических операций. В период угнетения правого полушария круг ассоциаций, вызванных наглядным непосредственным впечатлением, суживается, а логические операции приобретают более формальный отвлеченный характер. При угнетении левого полушария возникает прямо противоположная картина изменений. Так, рассматривая изображение человека, переживающего аффект, больной, у которого угнетено правое полушарие, произносит много слов, но определения его малосодержательны, стереотипны, бесцветны. В период угнетения левого полушария, как только исчезает афазия, тот же больной находит определения более красочные и индивидуально своеобразные. Не узнавая мелодий и не умея их воспроизвести, больной, у которого угнетено правое полушарие, стремится дать им какое-то определение, отнести к какому-то жанру, причем эти определения обычно бывают ошибочными. В период инактивации левого полушария тот же больной узнает мелодию, охотно поет, но стремления определить ее жанр не проявляет. Выполняя задания классифицировать, разложить по группам таблички с изображением цифр или букв, больной, у которого угнетено правое полушарие, руководствуется принципом семантической однородности, тогда как при угнетении левого полушария используются наглядные признаки, например, в одну группу относятся буквы, одинаковые по шрифту. Различной оказывается в зависимости от стороны воздействия и динамика восстановления сознания. При угнетении левого полушария глубже и продолжительнее послелрипадочное оглушение, более резко выражены электроэнцефалографические признаки снижения уровня бодрствования, позднее восстанавливается ориентировка во времени, месте и собственном состоянии. Вместе с тем обнаруживается, что ориентировка в окружающем конкретном мире явлений глубже нарушается и позднее восстанавливается при угнетении правого полушария. Полноценная формальная ориентировка сочетается в период угнетения правого полушария с неузнаванием знакомых людей, знакомой комнаты, неумением определить особенности погоды и т. п.

Суммируя изложенные факты, можно прийти к заключению, что в организации сознательной деятельности принимают участие оба полушария при ведущей роли левого. Вместе с тем имеются основания предположить, что в образной конкретной, индивидуально, вероятно, более своеобразной деятельности правого полушария сильнее проявляются мотивы, не контролируемые сознанием, т. е. большую роль играет бессознательное. В этом аспекте можно трактовать и тот обнаруженный при исследовании унилатеральных электросудорожных припадков факт, что левое полушарие имеет доминирующе значение в организации хорошего настроения, т. е. настроения, способствующего более объективной, трезвой оценке ситуации. (Sperry, Gazzaniga and Bogen, 1969; Деглин, 1973; Деглин и Николаенко, 1975; Балонов и др. 1975; Трауготт, 1975).

Заключение

Представленное здесь изложение нейрофизиологических фактов, очевидно, неполно и в какой-то мере субъективно. Думается, однако, что приведенных материалов достаточно, чтобы утверждать, что бессознательное играет определенную роль в высшей нервной деятельности человека, влияя на особенности ориентировочных реакций, образование новых условных рефлексов и течение ассоциативных процессов, т. е., в конечном счете, на программу поведения. Целостная образная невербализованная оценка ситуации сочетается и может в какой-то мере предшествовать ее осознанному анализу. Очевидно, такое представление о структуре высшей нервной деятельности человека соответствует положению И. П. Павлова о том, что ориентировка человека в окружающем осуществляется при постоянном взаимодействии двух сигнальных систем. Вместе с тем в нейрофизиологических исследованиях выявилось значение неполностью осознаваемых аффективных комплексов и в самом первом приближении наметились механизмы их образования.

Наметилось также значение межполушарной асимметрии и модулирующих подкорковых влияний в механизмах поведения. Выясняется, что деятельность на уровне первой сигнальной системы, т. е. невербализованные неосознанные компоненты поведения, управляются правым полушарием и, вероятно, в большей, чем сознательная активность, степени, подчинены модулирующим влияниям глубоких структур. Гипотезы, подобные предлагаемой, уже были высказаны в литературе (Кок, 1967, 1975).

На основании теоретических положений и данных клинических и экспериментальных исследований можно прийти к заключению, что поведение человека определяется доминантами, длительно существующими и кратковременными. Доминанты же подобны пирамидам, верхушка которых представлена в коре левого полушария, тело - в коре правого, а основание достигает глубоких структур мозга. Относительное значение сознательного и бессознательного в создании и существовании доминант различно не только у разных людей, но и у одного п того же человека в разные периоды жизни, в разных функциональных состояниях, в разных ситуациях.

61. On the Problem of the Unconscious in Neurophysiological Investigations. N. N. Traugott

I. M. Sechenov Psychoneurological Scientific Research Institute, Leningrad

Summary

Neurophysiological investigations of the role of the unconscious in the organization of behaviour were carried on along the following lines: 1. the conditions under which involuntary vegetative visceral responses become consciously controlled were determined; 2. the possibility of the emergence of orienting and conditioned responses to subliminal stimuli was ascertained, and the range of subliminal spectrum was shown to depend on the emotional state and controlled by thalamic cortical influences; 3. conditions for the formation of weak points and the significance of unconscious components in their structure were ascertained. The selective stability of affectively satiated functional structures in conditions of progressive inhibition of cerebral activity was revealed; 4. different contributions of the right and left hemispheres to the organization of consciousness and the unconscious were assessed.

Литература

1. Балонов Л. Я., Условно-рефлекторная регуляция сердечной деятельности человека, Л.. 1959.

2. Балонов Л. Я., Бару А. В., Деглин В. Л., В кн: XII съезд Всесоюзного об-ва физиологов, т. I, стр. 100-103, Л., 1975.

3. Валуева М. Н., Произвольная регуляция вегетативных функций организма, М., 1967.

4. Воронин Л. Г.. Громыко Н. М., Коновалов В. Ф., Журн. высш. нервн. деятельности им. И. П. Павлова, т. XXI, в. 4, стр. 667-673, 1971.

5. Ганнушкин П. Б., Избранные труды, М., 1964.

6. Гершуни Г. В., Журн. высш. нервн. деят. им. И . П. Павлова, т. V, в. 5, стр. 656-676, 1955.

7. Гершуни Г. В., Журн. высш. нервн. деят. им. И. П. Павлова., т. VII, в. 1, стр. 13-24, 1957.

8. Гершуни Г. В., Алексеенко Н. Ю., Арапова А. А., Образцова Г. А., Словцова А. П., В кн.: Военно-медицинский сборник, М. -Л., 1945.

9. Деглин В. Л., Журн. невропатол. и психиатр., т. 73, в. II, стр. 1609, 1973.

10. Деглин В. Л., Николаенко Н. Н., Журн. физиология человека, том I, № 3; стр. 418-426, 1975.

11. Иванов-Смоленский А. Г., В кн.: На пути к изучению высших форм нейродинамики ребенка, М., 1934.

12. Иванов-Смоленский А. Г., Опыт объективного изучения работы и взаимодействия сигнальных систем головного мозга, М., 1963.

13. Иванов-Смоленский А. Г., Очерки экспериментального исследования высшей нервной деятельности человека, М., 1971.

14. Кок Е. П., Зрительные агнозии, Л., 1967.

15. Кок Е. П., Журн. Физиология человека, т. I, № 1.

16. Костандов Э. А., В кн.: Материалы Пятого всесоюзного съезда невропатологов и психиатров, т. 3, стр. 89-93, М., 1969.

17. Костандов Э. А. и Арузманов Ю. Л., Журн. высш нервн. деят. им. И. П. Павлова, т. XXV, в. 6, стр. 1172-1180, 1975.

18. Короткий И. И., В КН. Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии, М., 1963.

19. Самсонова В. Г., Журн. высш нервн. деят. им. И. П. Павлова, т. XIII, в. 5, стр. 689-703, 1953.

20. Трауготт Н. Н.. О нарушених взаимодействия сигнальных систем при некоторых остро возникающих патологических состояниях головного мозга, М. -Л., 1975.

21. Трауготт Н. Н., Журн высш. нервн. деят. им. И. П. Павлова, т. IX, в. 3, стр. 328-334. 1959.

22. Трауготт Н. Н., В кн.: XII съезд физиологического Всесоюзного об-ва. Тезисы, т. 2, Л., 1975.

23. Трауготт Н. Н., Багров Я. Ю., Балонов Л. Я., Деглин В. Л., Кауфман Д. А., Личко А. Е., Очерки психофармакологии человека, Л.. 1968.

24. Sperry, R. W., Gazzaniga, M. S., Bogen. J. E., т: Handbook of Clinical Neurology. Amsterdam 4, 273-289, 1969.

62. Роль неосознаваемой и осознаваемой сфер высшей нервной деятельности в механизмах памяти. Л. Г. Воронин, В. Ф. Коновалов

Институт биофизики АН СССР, Пущино-на-Оке

Наличие у человека двух уровней функционирования головного мозга - осознаваемого и неосознаваемого - ставит задачу изучения взаимодействия этих уровней и выяснения роли каждого из них в отдельности.

Интерес к указанной проблеме насчитывает уже несколько сот лет. Пожалуй, первым, кто обратил внимание на наличие неосознаваемых реакций у человека и попытался их осмыслить, был Платон. Однако научный подход к разработке проблемы проявления неосознаваемых действий в поведении людей относитоя лишь IКО второй половине прошлого и началу настоящего столетия [17; 18; 19; 7; 8-10; 5; 16; 6; 22; 4].

Хорошо известно также, что создатель учения о высшей нервной деятельности И. П. Павлов, хотя и начал первые свои исследования на животных, но уже в 1903 г. говорил, что рано или поздно наука перенесет на наш субъективный (мир всю силу объективного исследования и ярко осветит механизм сознания. Конечной целью своего учения И. П. Павлов считал познание высших проявлений деятельности головного мозга человека. "В сущности, - писал он, - интересует нас в жизни только одно: наше психическое содержание" [14, 53]. Однако и он, и его последователи предвидели всю трудность познания этого "содержания". Поэтому на одном из клинических заседаний ("Среда"), говоря о необходимости сочетания данных эксперимента и словесного отчета испытуемого, И. П. Павлов подчеркивал: "Речь идет о том, чтобы положить наши субъективные переживания, наше понимание этих субъективных переживаний на физиологическую основу и, конечно, это не очень легко" [15, 355]. Аналогичные взгляды на механизмы высшей нервной деятельности человека разделял Л. А. Орбели [13], считавший наиболее правильным изучение проблемы "мозг и сознание" путем сочетания разнообразных методов. Он так же, как и Павлов, настойчиво стремился подвергнуть явления субъективного мира человека физиологическому анализу.

Попытки физиологического анализа субъективного мира нередко встречаются и в зарубежных психофизиологических исследованиях [20; 23; 24], призывающих экспериментаторов к изучению субъективных реакций физиологическими методами. В то же время многие из этих исследований [1; 2; 11; 21] показывают, насколько умозрительно изображают взаимодействие сознательного и бессознательного как ортодоксальные, так и рядящиеся в тогу современной науки последователи Фрейда.

В нашу задачу не входит анализ довольно обширной литературы, касающейся физиологического, психологического, клинического и философского аспектов исследования (взаимоотношения осознанных и неосознанных реакций человека. Мы считаем необходимым только подчеркнуть чрезвычайную сложность рассматриваемой проблемы, которая привлекала к себе внимание многих исследователей самых разных специальностей в течение длительного времени. Все это привело к тому, говоря словами И. П. Павлова, что: "Миллионы страниц заняты изображением внутреннего мира человека, а результатов этого труда - законов душевной жизни человека - мы до сих нор не имеем" [14, 88]. Разумеется, что теперь в результате значительного преимущества объективного (метода исследования высшей нервной деятельности человека перед прежними интроспективными попытками ее познания можно смело браться за решение многих проблем, в том числе за решение проблемы роли сознательного и бессознательного в организации функций мозга, в частности в механизмах памяти. Совершенно справедливо по этому поводу замечает Ф. В. Бакэсин: "Всем ходом развития нашего знания мы сейчас уже достаточно подготовлены, чтобы, наконец, в эту область войти" [3, 361].

Методика, схема опытов, испытуемые

С целью изучения роли бессознательных процессов в механизмах памяти проведено две серии экспериментов. Первая серия опытов выполнена на 10 испытуемых в возрасте 5-6 лет, на 15 - в возрасте 8-9 лет и на 20- в возрасте 16-17 лет. Во второй серии экспериментов участвовало 10 детей 2-3-летнего возраста, 12 - 4-5-летнего, 10 - 6-7-летнего, 19 здоровых взрослых в возрасте 18-30 лет и 20 больных церебральным атеросклерозом в возрасте 55-70 лет. У всех исследуемых сначала выяснялись закономерности формирования и воспроизведения следов возбуждений. Образование следовых реакций в виде условного рефлекса на время осуществлялось или при сочетании звукового раздражителя со световым, разделенными 15-секундной паузой (первая серия), или же при действии только светового стимула, включавшегося, как и в первой серии опытов, также на 3 секунды через 15 сек. интервалы (вторая серия). Обычно после третьего опыта (в каждом опыте давалось по 10 раздражителей), когда следы от действующих агентов были сформированы и воспроизводились в электрографических реакциях (ЭЭГ, КГР и др.) в виде условной реакции на время, мы приступали к выяснению возможности отражения этих следов во второй сигнальной системе. Испытуемый в таких случаях должен был, согласно предварительной инструкции, нажимать на кнопку, включающую раздражитель, в тот момент, когда, по его мнению, основанному на предшествующем опыте, должен был появиться световой стимул. Разумеется, что свет при этом отключался.

Регистрация ЗЭГ затылочных зон коры головного мозга, КГР, ЭКГ и нажатий на кнопку - механограмм (МГ) проводилась на четырех- или восьмиканальном электроэнцефалографе.

Обследование испытуемых заканчивалось тщательным их расспросом об отношении к опытам, о замеченных ими каких-либо правилах проведения экспериментов и т. п.

Результаты исследования просчитывались с помощью ЭВЦМ "Мир-2". Вычислялись средние арифметические значения сознательных оценок межстимульных пауз (M), средние квадратические отклонения (ν), средние ошибки средних арифметических (m) и достоверности различия анализируемых показателей (t).

Результаты исследования

1. Осознание следовых реакций, вызванных звуковым раздражителем

5-9-летние испытуемые в подавляющем числе случаев (95-97%) нажимали на кнопку раньше, чем это следовало, они недооценивали требуемый по условиям опыта отрезок времени (рис. 1А). У 16-17-летних исследуемых преждевременная реакция встречалась значительно реже - всего в 48-50% проб (рис. 1А). Оказалось также, что число переоценок величины следового интервала находится в обратных отношениях с числом недооценок: у исследуемых с наименьшим количеством преждевременных реакций проявился наибольший процент запаздывающих ответов (рис. 1А).

Обращает на себя внимание тот факт, что 5-9-летние испытуемые определяли величину межстимульного интервала с точностью до 1 сек. только в 2-3% случаев, 16-17-летние испытуемые - в 7-10% (рис. 1А). Однако это различие не было достоверным. Не обсуждая сейчас этот факт, напомним, что формирование следов возбуждений в данном случае осуществлялось при пассивном участии второй сигнальной системы.

С целью количественной оценки степени точности отражения следов возбуждения в сознании испытуемых вычислялся коэффициент сознательной оценки времени - КСОВ, равный отношению истинного времени произвольного реагирования испытуемых к заданному по схеме опыта 15-секундному следовому интервалу. Как видно на рисунке 1Б, наибольшие значения КСОВ в случае недооценок и переоценок времени были у исследуемых старшего возраста. Если же испытуемые реагировали точно, КСОВ независимо от возраста колебался с незначительными отклонениями в пределах единицы.

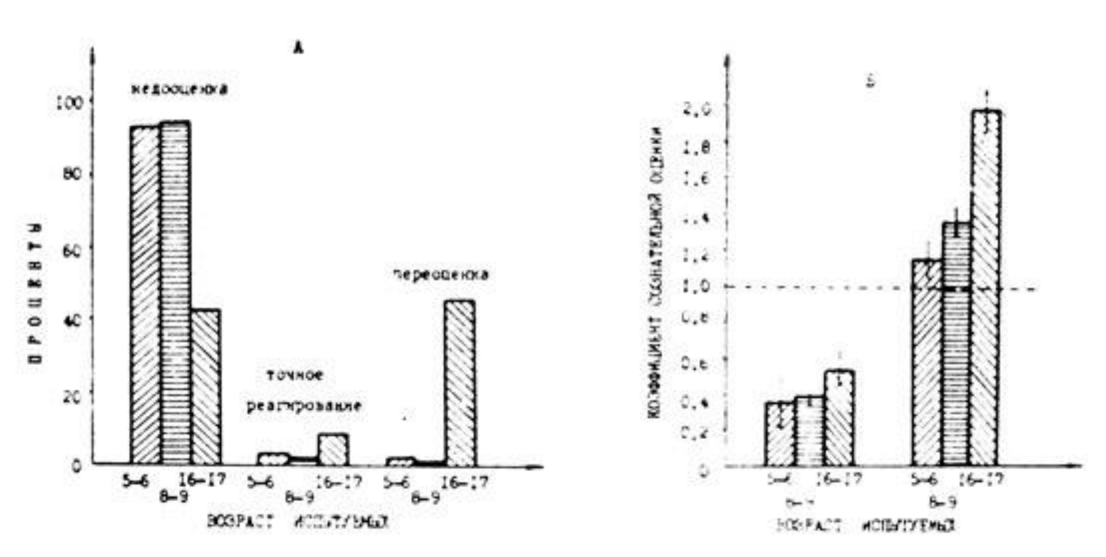

Рис. 1. Определение величины межстимульного интервала без 'счета про себя'. Недооценки, точное реагирование и переоценки интервала времени, через который включался подкрепляющий стимул (в процентах) у исследуемых до специального их научения - А. Б - коэффициент сознательной оценки времени (КСОВ), высчитанный у этих же испытуемых. Горизонтальная штриховая линия - уровень точной оценки следового интервала

Такая закономерность сознательного определения межстимульной паузы установлена у лиц, предварительно не оценивавших ее длительности при помощи счета "про себя". Если же испытуемые еще в ходе формирования следов просчитывали время между включениями сигналов, то характер сознательной оценки следовых интервалов был иным. У всех исследуемых, особенно у взрослых, в этих случаях повышался процент точного реагирования. Одновременно отмечалось снижение числа недооценок и увеличение, за исключением 16-17-летних испытуемых, количества переоценок (рис. 2А). Коэффициент осознательной оценки начинал приближаться к единице и у 5-6, и

у 8-9, и у 16-17-летних исследуемых (рис. 2Б) Наиболее отчетливо это обнаружилось у исследуемых старшей группы, у которых особенно заметно уменьшалась и переоценка следового интервала.

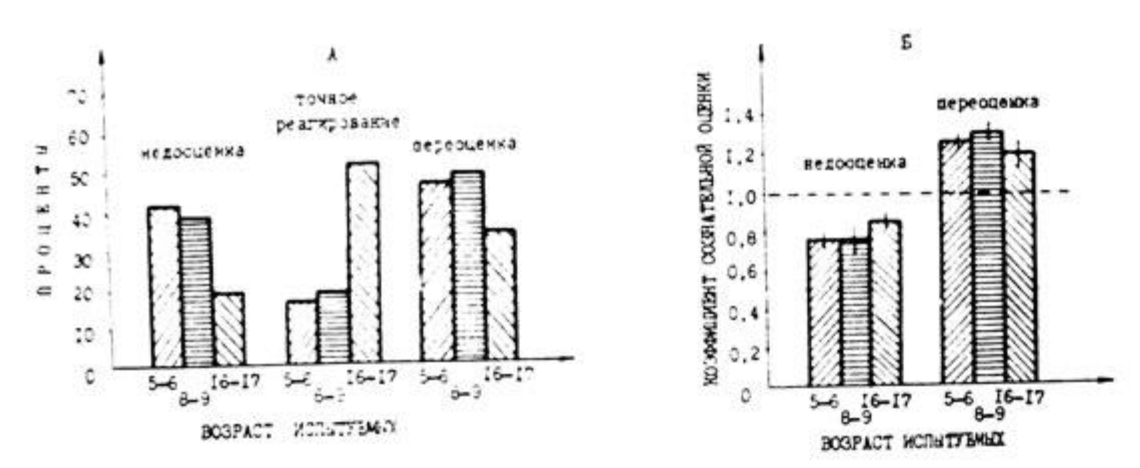

Рис. 2. Недооценки, точное реагирование и переоценки интервала, через который включался подкрепляющий стимул (в процентах), у исследуемых предварительно просчитавших 'про себя' длительность следовой паузы (А), и коэффициент сознательной оценки времени (Б), высчитанный у этих же испытуемых. Горизонтальная штриховая линия - уровень точной оценки следового интервала

Наконец, в этой серии опытов и детям, и взрослым предлагалось попытаться, нажимая на кнопку как можно точнее, опережать момент действия света. Свет при этом включался через 15-секундный интервал после звука (условного сигнала).

В результате этих опытов оказалось, что 5-9-летние ребята опережали световую стимуляцию, нажимая в среднем не через 13-14 секунд, как это делали взрослые, а через 7-10 секунд (рис. 3А). У них же выявлены большие, чем у 16-17-летних, индивидуальные различия произвольных реакций, характеризующие их способность предвосхищать возможность действия внешних агентов (рис. 3Б).

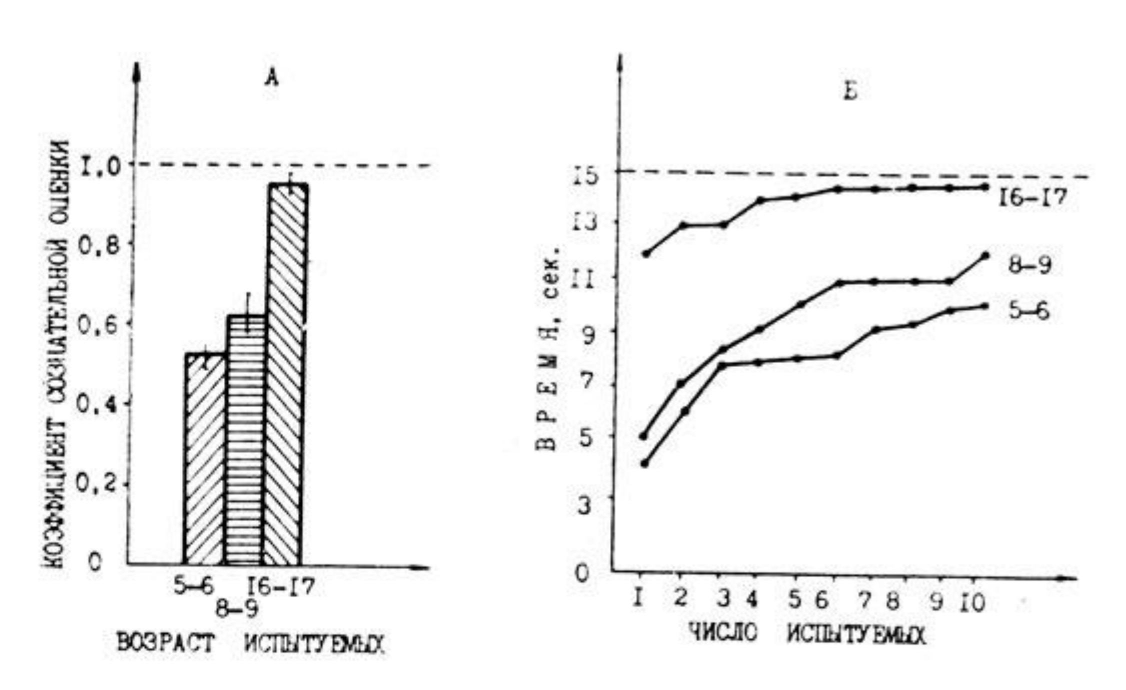

Рис. 3. Коэффициент сознательной оценки момента включения света (А) и выражение индивидуальных различий произвольных реакций испытуемых (Б). Горизонтальная штриховая линия - уровень точного реагирования

Итак, вышеописанные эксперименты показывают, что в результате активного участия второй сигнальной системы осознанное запечат-ление следов стимулов и точное воспроизведение их в виде условного рефлекса на время осуществляется, главным образом, у 16-17-летних испытуемых.

Обращает на себя внимание факт, что независимо от того, недооценивал или переоценивал испытуемый 15-секундный интервал времени, у него регистрировалось неосознанное воспроизведение сформированного следа возбуждения точно на месте ранее действовавшего очередного раздражителя (рис. 4А). Затем оказалось, что следовая реакция может проявляться не только через 15 секунд после выключения испытуемым раздражителя, но и за 15 секунд до его включения (рис. 4Б). Неосознаваемые проявления следовых эффектов выражались в изменениях КГР, на ЭЭГ в виде депрессии альфа-активности и в репродукции хорошо выраженных ЭМГ-реакций.

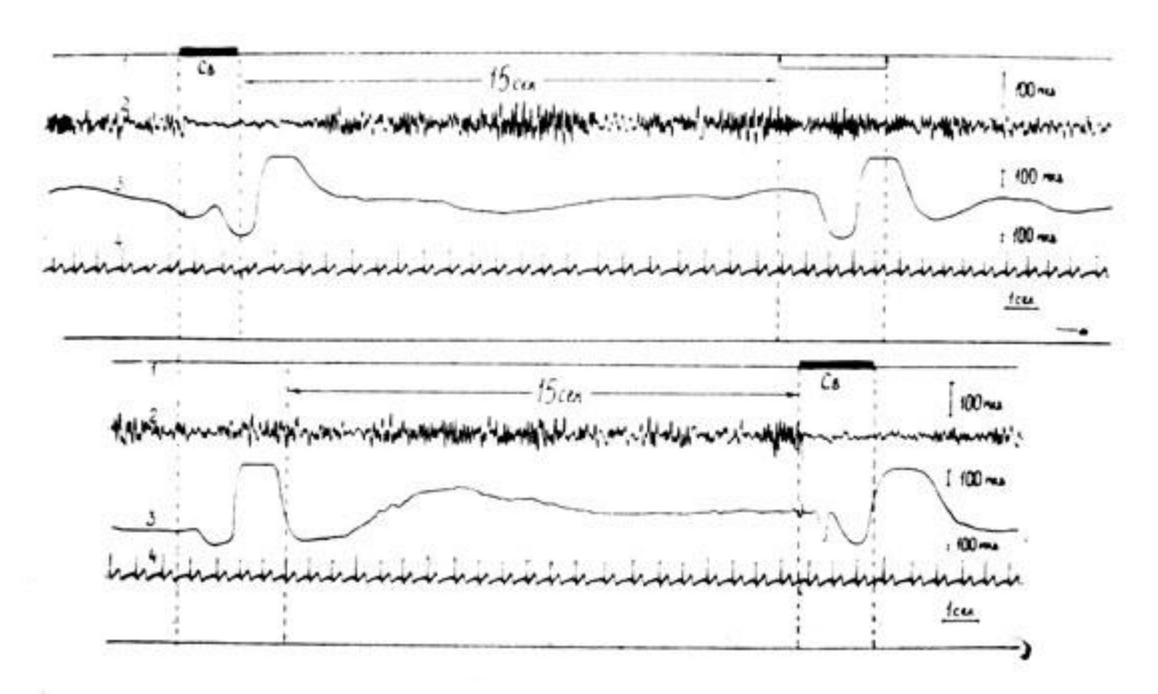

Рис. 4. Воспроизведение неосознаваемых следов возбуждений в КГР через 15 сек. после выключения исследуемым светового (СВ) стимула (А) и за 15 сек. до его включения (Б). 1-отметка раздражения; 2-ЭЭГ затылочной области; 3-КГР; 4-ЭКГ

2. Осознание следовых реакций, вызванных световым раздражителем

Эта серия опытов отличалась от первой тем, что формирование следов возбуждений в виде условного рефлекса на время осуществлялось в результате повторения одного и того же раздражителя (светового) каждые 15 сек. Вторая серия опытов, так же как предыдущая, была направлена на выяснение закономерностей взаимодействия неосознаваемых следовых реакций с осознаваемыми у испытуемых разных возрастов и у больных церебральным атеросклерозом.

Выполнить задачу исследования в полной мере на детях 2-3-летнего возраста не удалось потому, что они не понимали инструкцию. Но если все же считать, что 2-3-летние дети пытались самостоятельно воспроизвести длительность межстимульной паузы, то все их реакции нужно отнести к недооценкам (рис. 5).

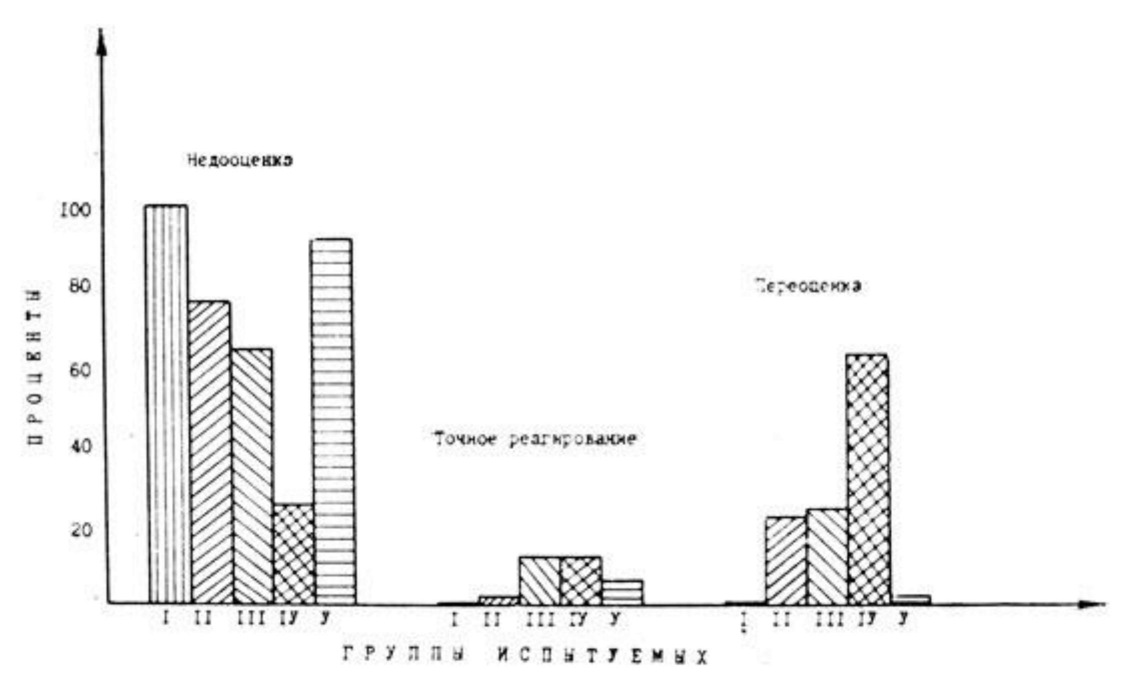

Рис. 5. Недооценки, точное реагирование и переоценки следового интервала у детей в возрасте 2-3 лет (I), 4-5 лет (II), 6-7 лет (III), у взрослых здоровых испытуемых в возрасте 18-30 лет (IV) и у больных церебральным атеросклерозом (V) в возрасте 55-70 лет

4-5-летние дети понимали инструкцию, но в 76% испытаний недооценивали 15-секундную следовую паузу, а в 22% - переоценивали ее. В остальных 2% случаев было обнаружено точное определение интервала времени (рис. 5).

Точность определения величин интервала времени значительно повысилась у 6-7-летних испытуемых. У них также несколько увеличился процент запаздывающих ответов (рис. 5). У всех испытуемых этого возраста общее число недооценок, выражающих преждевременные реакции, достигло 64%, запаздывающие реакции (переоценки) и точные составили соответственно 24% и 12%. Как выяснилось из расспроса детей после опыта, два (из десяти) для оценки следовой паузы применяли счет "про себя". Этот фактор, очевидно, и был решающей причиной того, что у 6-7-летних исследуемых точные ответы появлялись в относительно большом числе случаев.

У испытуемых этого возраста повысилась способность запоминать отрезок времени. Оказалось, что если детей 6-7-летнего возраста предупредить о необходимости запомнить длительность межстимульной паузы, а затем ее продемонстрировать один раз, то 33% из них воспроизводят заданные интервалы времени значительно точнее, чем до этого.

Взрослых здоровых лиц и больных церебральным атеросклерозом мы разделили на две группы: в первую группу вошли испытуемые, не определявшие при помощи счета "про себя" интервал между включениями стимулов, во вторую группу - пользовавшиеся этим приемом еще в начале исследования самостоятельно, без каких-либо инструкций. Больные, как правило, хотя и пробовали в начале оценить межстимульную паузу при помощи счета "про себя", но быстро от этого отказывались, полагая, что таким образом точно установить момент включения стимула нельзя. По их мнению, наиболее адекватным "мерилом" начала действия раздражители является "внутреннее чувство вспышки света". Опыты показали, что больные испытуемые в 92% проб недооценивали 15-секундный отрезок времени, а здоровые взрослые испытуемые преждевременно реагировали только в 25% (рис. 5). Переоценка этого отрезка времени у здоровых лиц достигала 63% проб, в то время как у больных она колебалась на уровне 0-5%, составляя в среднем 2% (рис. 5). Предварительное определение межстимульной паузы путем счета "про себя" у здоровых испытуемых увеличивало точность рефлекса на время с 8-14% до 33-35%. У больных же этот прием почти не влиял на точность оценки времени, которая не превышала у них 3-9%. Было также обнаружено, что здоровые исследуемые запоминают длительность межстимульного интервала после однократной демонстрации и затем воспроизводят этот интервал в течение 10 проб без единой ошибки. У больных такого рода предварительное "научение" не улучшало последующую репродукцию следовой паузы.

Наконец, у всех групп испытуемых была испытана способность к формированию условного рефлекса на время в виде реакции (нажим на кнопку), опережающей подкрепляющий стимул (свет), который экспериментатором включался 10 раз на три секунды всего через 15-секундные интервалы. Критериями опережающей реакции служила не только произвольная реакция в виде нажима пальцем на кнопку, но и открывание глаз.

Попытка провести эти эксперименты на 2-3-летних детях не увенчалась успехом из-за полного непонимания ими инструкции. 4-5-летние испытуемые на протяжении всей межстимульной паузы непрерывно нажимали на кнопку. Наиболее адекватные реакции были зарегистрированы у 6-7-летних детей. Однако и они нажимали на кнопку и открывали глаза менее точно, чем это делали здоровые взрослые, которые уже после двух-трех включений стимула запечатлевали в памяти длительность следовой паузы.

Вольные, так же как и дети младшего возраста, с трудом понимали инструкцию, часто забывали ее и выражали удивление по поводу того, что можно опережать включение света. Только после 8-12, а иногда и более применений раздражителя у больных появлялись первые неуверенные и неточные попытки предвосхищения момента включения сигнала. Постепенно, с возникновением "чувства, что свет зажигается", у больных проявлялось более точное реагирование, чем у детей, но менее точное, чем у здоровых взрослых.

В результате отчета испытуемых о способах определения длительности паузы выяснилось следующее: 4-7-летние испытуемые не могли объяснить тот метод, который они использовали для репродукции следового интервала. В некоторых случаях дети говорили: "зажигалилампочку так, как вы просили" или "зажигали лампочку так, как надо". Пять 18-30-летних испытуемых из 19-ти также затруднялись ответить, как они оценивали межетимульную паузу. Более того, три человека из них даже не заметили ритмичности предъявления стимулов, считая, что они .включались ?бессистемно. 7 из 19 взрослых для сознательной оценки длительности межстимульного интервала пользовались счетом "про себя". Но точно (выразить время в секундах им не удавалось. Так, например, при следовой паузе, равной 15 сек., и длительности "безусловного" агента, равной 3 сек., испытуемым могло показаться, что прошло около 2-4 минут. Два взрослых здоровых исследуемых в процессе определения межстимульного интервала мысленно представляли движущуюся секундную стрелку на циферблате часов.

Больные, как уже отмечалось, для воспроизведения длительности следовой паузы и для опережения момента включения раздражителя использовали "внутреннее чувство, что свет зажигается". Они полагали, что "счет не способствует, а, наоборот, мешает правильному выполнению распоряжений врача".

Таким образом, у здоровых взрослых в отличие от детей и больных был обнаружен более разнообразный набор способов определения интервала времени.

Наконец, следует отметить, что и в описываемой серии опытов были факты точного воспроизведения следов возбуждений в электрографических реакциях независимо от того, переоценивал или недооценивал исследуемый интервал. Так, например, на рис. 6 видно, что 5-летний испытуемый недооценивает время, нажимая на кнопку несколько раз в течение 15 сек., в то время как его нервная система более точно отсчитывает этот интервал в р е ме-ни на неосознанном уровне, что отражается на КГР.

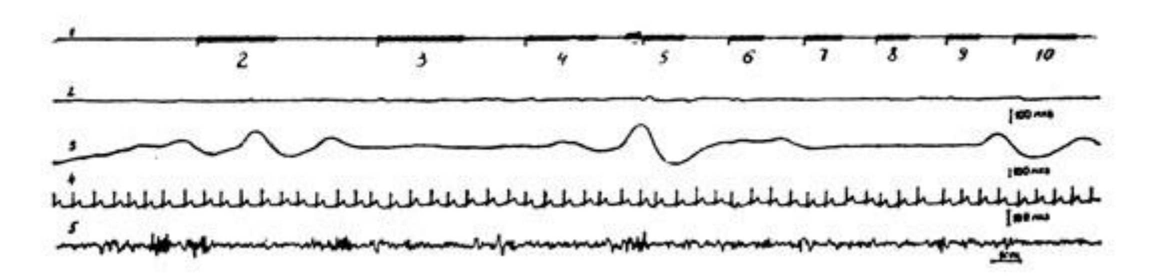

Рис. 6. Воспроизведение осознанных (1) и неосознанных (3) следовых процессов у 5-летнего испытуемого. 1 - отметка включения раздражения; 2 - механограммы (МГ); 3 - КГР; 4 - ЭКГ; 5 - ЭЭГ затылочной области

Обсуждение результатов исследования

Основной из установленных нами фактов заключается в том, что характер осознанных воспроизведений длительности следового интервала определяется свойствами нервных процессов возбуждения и торможения, их

силой, уравновешенностью и подвижностью. Относительное преобладание торможения над возбуждением может несколько задерживать реакции испытуемых, при помощи которых они сигнализируют о величине межстимульной паузы. Конечно, не следует понимать так, что все дело только в торможении сигнализирующего движения. По-видимому, свойства нервных процессов - их неуравновешенность и инертность-определяют и активность мозговых механизмов ориентировки во времени. В том случае, когда возбуждение сильно преобладает над торможением, это приводит к недооценкам длительности отрезка времени. Наше представление основано не только на общетеоретических взглядах павловской школы, но и на результатах собственных исследований. Опыты с детьми, у которых еще недостаточно развиты свойства нервных процессов, и с больными церебральным атеросклерозом, у которых эти свойства патологически ослаблены, подтверждают наше представление. У больных, в силу большой инертности процесса возбуждения, возникает "чувство включения света". Это "чувство" в ряде случаев было главным фактором, определявшим точность репродукций межстимульной паузы.

В первой и во второй сериях опытов мы провели количественное сравнение одного из наблюдавшихся явлений, а именно того, что с возрастом у испытуемых повышается способность осознанно воспроизводить более длительные интервалы времени. Осознанные реакции детей, основанные на следах от звукового агента и изучавшиеся в первой серии опытов, характеризовались в большей степени недооценкой межстимульной паузы, чем такие же реакции, сформированные на следах от светового стимула в процессе второй серии опытов. У взрослых испытуемых такого различия не было обнаружено. Уместно напомнить, что выраженность следового эффекта в виде условного рефлекса на время перед очередным включением света также была выше у испытуемых, у которых реакция выработана на следах от звукового стимула.

С целью анализа этих результатов было проведено сравнение закономерностей проявления условных реакций на время (УРВ) и осознаваемых репродукций межстимульной паузы у детей и взрослых испытуемых, участвовавших в первой (А) и во второй (Б) сериях опытов (рис. 7).

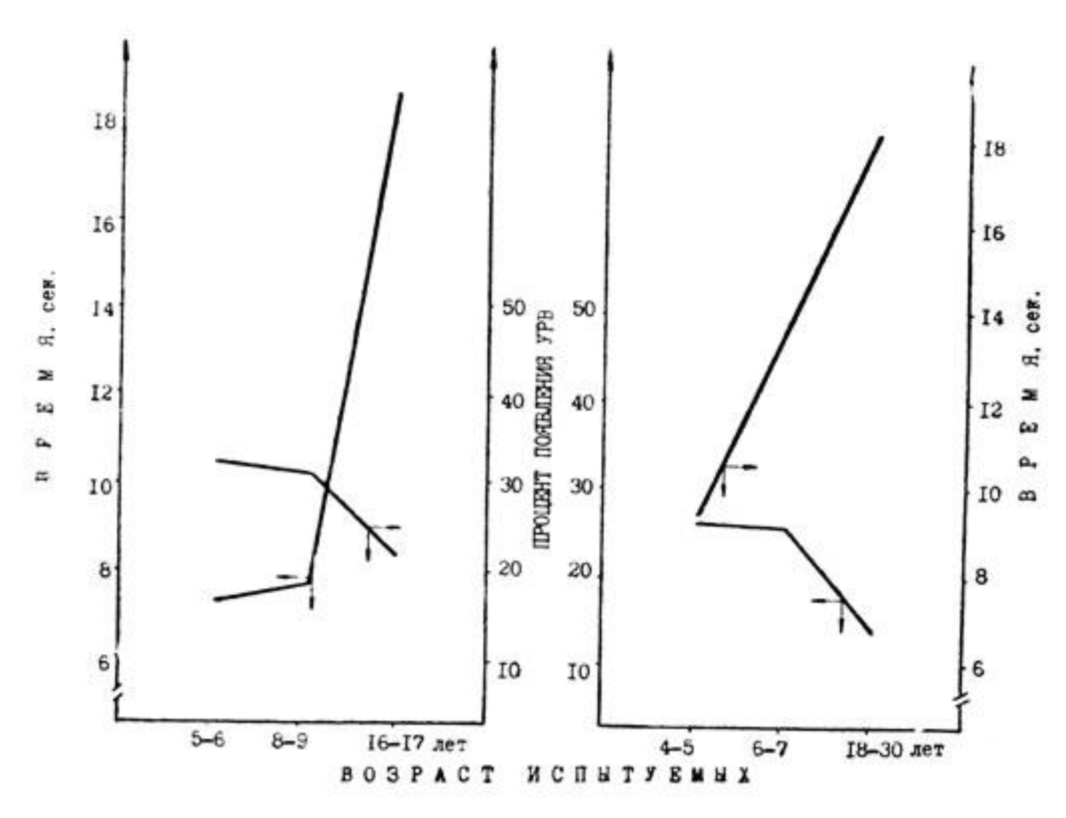

Рис. 7. Динамика взаимоотношений выраженности условных рефлексов на время и сознательной оценки времени у испытуемых разных возрастов, которых формировались следы возбуждений от звукового агента (А), и у испытуемых, у которых формировались следы от светового стимула (Б)

Как видно на рисунке 7, уменьшение выраженности УРВ совпадает с увеличением времени, равного, по мнению испытуемых, длительности следового интервала.

Следовательно, этот факт уже прямым образом свидетельствует в пользу нашего предположения, что характер произвольных реакций на время обусловливается уравновешенностью процессов возбуждения и торможения:

преобладает возбуждение в межстиму льном интервале- налицо недооценки; относительно сильнее торможение, чем возбуждение - увеличивается количество переопенок.

Обсуждая результаты вышеописанных опытов, при проведении которых мы встретились с осознанными и неосознанными реакциями испытуемых, следует помнить, что основным механизмом высшей нервной деятельности человека является, в свете современных знаний, механизм постоянного формирования и "оживления" хранящихся в памяти прямых и обратных, наличных и следовых временных связей, образующихся в результате восприятия мозгом непосредственных и словесных раздражений. Однако мы все еще не можем ответить на вопрос, как и при аюмощи каких саморегулирующих процессов происходит сложнейшая комбинация и перекомбинация этих временных связей.

Отсутствие ответа на этот основной вопрос ни в какой мере не препятствует рассмотрению частных вопросов, если исходить при этом из представлений о двух "половинах" высшей нервной деятельности человека по И. П. Павлову, одна из которых может протекать неосознанно, непроизвольно, а другая - осознанно, произвольно.

Хотя обе эти "половины" деятельности высших отделав головного мозга тесно связаны, при некоторых условиях опыта, а также на первых этапах онтогенеза, при некоторых состояниях организма (например, в состоянии сна, при патологии головного мозга) удается наблюдать как бы самостоятельное проявление каждой из них в отдельности. В этих случаях возможно исследование того уровня первой сигнальной системы, тех механизмов высшей нервной деятельности, которые являются общими для людей и животных.

С вопросом о двух "половинах" высшей нервной деятельности человека тесно связан вопрос о двух ее уровнях - осознануом и неосознанном. Было бы ошибочно думать, что неосознанные реакции - это результат процессов, протекающих только в сфере первой сигнальной системы, а осознанные - только в сфере второй сигнальной системы. Все те речевые временные связи, которые хранятся в памяти и находятся в деятельном контакте со второй сигнальной системой, относятся к неосознанному уровню высшей нервной деятельности. С другой стороны, все условные рефлексы, выработанные на непосредственные раздражители и еще не символизированные второй сигнальной системой (или если в силу автоматизации их связь с этой системой заторможена), актуализируются на неосознанном уровне. Поэтому, нельзя считать идентичными понятия "первая сигнальная система" и "неосознанный уровень высшей нервной деятельности". Однако мы часто встречаемся с неосознанными реакциями, являющимися следствием процессов, протекающих в сфере первой сигнальной системы. Поэтому мы как бы условно отождествляем оба понятия. В то же время нам пришлось иметь дело с речевыми временными связями, которые в силу их слабой активности не оказывали влияния на процесс осознания. Так, например, если испытуемые участвуют в опытах пассивно, ограничиваясь выполнением инструкции экспериментатора: "при включении света открывать глаза, а при выключении раздражителя глаза закрывать", то формирование следовых реакций у них осуществляется чаще всего на уровне первой сигнальной системы. Речевая символизация, осознание этих реакций при таких условиях их образования затруднительны или даже совсем невозможны. В пользу этого вывода говорят, с одной стороны, наблюдавшиеся нами в подавляющем числе проб недооценки или переоценки испытуемыми величин межстимульной паузы, а с другой - проявление электрографических компонентов условного рефлекса на время точно на том месте, где ранее действовал стимул. В подобных случаях есть все основании считать, что эти реакции протекают на неосознанном первюсигнальном уровне.

Результаты наших опытов, а также данные литературы [12; 25; 27; 28] показывают, что в работе головного мозга могут возникать состояния, при которых осознанные и неосознанные реакции протекают автономно и до некоторой степени независимо друг от друга. Однако следует еще раз подчеркнуть, что такая автономность возможна только при определенных условиях. Так, если испытуемым дается задание запоминать определенные моменты опыта, т. е. в ход опыта активно включается их вторая сигиальная система, то изменения ЭЭГ, КГР, МГ становятся более стабильными. Самое же главное, пожалуй, что осознанные реакции становится точно приуроченными к неосознанным. О важной роли направленного внимания в формировании осознанных реакций говорят и результаты многих психофизиологических исследований [29].

Результаты нашей работы, проведенной в возрастном аспекте, показали, что внимание как определенное состояние второй сигнальной системы играет важную роль в осознании следовых реакций, главным образом у здоровых взрослых. У детей же в возрасте 2-б лет, а в ряде случаев и у 6-7-летних воспроизведение следов раздражения всегда проявлялось на неосознанном уровне. Вторая сигнальная система у них, по сути дела, не оказывала влияния на характер следовых реакций, которые репродуцировались на неосознанном уровне. Только у 8-9-летних детей отчетливо обнаруживается значение речевых сигналов в воспроизведении запечатленных раздражений по механизму условного рефлекса на времи.

Особый интерес для нас представили результаты исследования больных церебральным атеросклерозом, у которых осознание реакций, выработанных на следах раздражений, могло происходить в силу появления интуитивного предчувствия, что световой стимул сейчас должен возникнуть. Каков механизм этого предчувствия, трудно сказать. Возможно это "оживление" тех комплексов второсигнальных временных связей, которые, некогда сформировавшись, перешли на неосознанный уровень высшей нервной деятельности. Активация этих комплексов могла произойти через первую сигнальную систему, в сфере которой зырабатывались адекватные им временные связи.

Наконец, большой интерес, на наш взгляд, вызывает тот факт, что-проявляться следовые реакции на неосознанном и осознанном уровнях могли у испытуемых как при наличии, так и при отсутствии изменений ЭЭГ-реакций и что правильное воспроизведение межстимуль-ного интервала испытуемые могли осуществлять без каких-либо заметных электрографических реакций. Интересны эти факты тем, что они показывают не только разнообразие внешних проявлений осознанных и неосознанных реакций, но и возможность протекания этих реакций на том уровне мозговой деятельности, который не сопровождается видимыми - при современных методах исследования - изменениями интегральной электрической активности.

В заключение обсуждения материала, излагаемого в данной статье, уместно вспомнить слова, сказанные в свое время И. П. Павловым: "Ведь в психологии речь идет о сознательных явлениях, а мы отлично знаем, до какой степени душевная психическая жизнь пестро складывается из сознательного и бессознательного" [14, 87]. Однако несмотря на значительно большую информацию о неосознаваемых и осознаваемых реакциях, чем в те времена, мы и в настоящий момент далеко не всегда можем определить грань между ними и понять механизмы их взаимодействия.

62. The Role of Unconscious and Conscious Processes in the Mechanisms of Memory. L. G. Voronin, V. Ph. Konovalov

Institute of Biophysics, Academy of Sciences, Pushchino-on-the-Oka

Summary

Two groups of subjects were used: 1) normal Ss of various ages and 2) patients with cerebral atherosclerosis with disturbances of memory. Conscious judgement of time, reproduction of unconscious trace phenomena, and some aspects of interaction between conscious and unconscious reactions were investigated. The data reveal the basic factors determining different types of voluntary reaction in the form of reproduction of time intervals.

Литература

1. Бассин Ф. В., Сознание и "бессознательное". В сб.: Философские вопросы высш. нерв. деят. и психол., М., 1963, стр. 425.

2. Бассин Ф. В., Проблема бессознательного (о неосознаваемых формах высшей нервной деятельности), М., 1968.

3. Бассин Ф. В., О перспективах экспериментального исследования неосознанных явлений. В сб.: Вопросы патопсихологии, М., 1970, стр. 26.

4. Бехтерев В. М., Общие основы рефлексологии человека, Л., Госиздат, 1926.

5. Вундт В., Лекции о душе человека и животных, СПб., 1894.

6. Джемс У., Психология, СПб., 1911.

7. Карпентер У., Основания физиологии ума, СПб., 1877-1887.

8. Корсаков С. С, Об алкогольном параличе, М., 1887.

9. Корсаков С. С, Болезненные расстройства памяти и их диагностика, М., 1890'..

10. Корсаков С. С, Курс психиатрии, М., 1901.

11. Курцин И. Т., Критика фрейдизма в медицине и физиологии, М. -Л., 1965.

12. Ленд А. К., Условные слюноотделительные рефлексы человека в сопоставлении с данными сознания испытуемого субъекта. Физиол. ж. СССР, 1934, 17, 6, 1198.

13. Орбели Л. А., Вопросы высшей нервной деятельности, М. -Л., 1949.

14. Павлов И. П., Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных, М.-Л., 1928.

15. Павловские клинические среды, М.-Л., 1957, 3.

16. Рибо Т., Память в ее нормальном и болезненном состояниях, СПб., 1894.

17. Сеченов И. М., Рефлексы головного мозга, М., 1952.

18. Тарханов И. Р., Гипнотизм, внушение и чтение мыслен, СПб., 1886.

19. Ушинский К., Человек как предмет воспитания, СПб., 1885, 2.

20. Франкенхойзер М., Некоторые аспекты исследований в физиологической психологии. В кн.: Эмоциональный стресс, Л., 1970, стр. 24.

21. Шорохова Е. В., Проблема сознания в философии и естествознании, М., 1961.

22. Эббинггауз Г., Основы психологии, СПб., 1912.

23. Экман Г., Некоторые аспекты психофизических исследований. В сб.: Теория связи в сенсорных системах, М., 1964, стр. 13.

24. Экман Г., Измерение субъективных реакций. В кн.: Эмоциональный стресс, Л., 1970, стр. 37.

25. Юс А., Юс К., Нейрофизиологические исследования "бессознательного" (Пороги восприятия и элементы "бессознательного" при выработке условных рефлексов). Ж. невропат, и психиатр, им. С. С. Корсакова, 1967, 67, 12, стр. 1809.

26. Ekman, G., The measurement of subjective reactions. Forsvarsmedicin, 1967, 3. Suppl. 2, p. 27.

27. Hudgins, C V., Conditioning and voluntary control of the pupillary light reflex. J. Gen. Psychol., 1933, 8, I, p. 3.

28. Jasper, H., Shagass, C, Conscious time judgements related to conditioned time intervals and voluntary control of the alpha rhythm. J. Exp. Psychol., 1941, 28, 5, p. 503,

29. Libet, B., Cortical activation in conscious and unconscious experience.. Perspect. Biol. and Med., 1965, 9, 1, p. 77.

63. Психология установки и микроструктурный подход. Б. М. Величковский, А. Б. Леонова

МГУ, факультет психологии

В соответствии с принципами психологической теории деятельности, ее образуют направленные на достижение сознательно поставленной цели действия, каждое из которых может быть охарактеризовано с точки зрения конкретных способов его выполнения или операций (Леонтьев, 1959). Анализ психических процессов в терминах этой концепции позволил получить ряд основополагающих научных результатов (Запорожец, 1941; Зинченко, 1961; Смирнов, 1948). В то же время при решении теоретических и, особенно, практических задач иногда приходится сталкиваться с ситуациями, выходящими за пределы "разрешающей способности" анализа

макроструктуры деятельности. Это в полной мере относится к восприятию и к широкому классу явлений установки (Узнадзе, 1939), которые чаще всего связаны в нашей повседневной жизни с процессами, выполняющими функции операций и локализованными вне фокальной области сознания. Если признать, что при этом они не перестают быть сложными психическими процессами, то становится понятной необходимость разработки принципов анализа микроструктуры деятельности, которые позволили бы дать детальное описание перцептивных действий и операций, а также, что особенно важно, установить характер складывающихся между ними координации. Особое внимание, очевидно, должно |быть уделено ситуациям актуального становления - микрогенеза - психических процессов, продолжающимся подчас лишь десятые и сотые доли секунды.

Именно эти задачи выступают на первый план в микроструктур-ном подходе к исследованию познавательной и исполнительской деятельности (Зинченко, 1972). Однако, если в классических исследованиях микрогенеза его фазы соотносились с фазами интроспективного впечатления (Ланте. 1893; Зандер, 1940), микроструктурный подход прежде всего направлен на изучение скрытых от непосредственного внешнего и внутреннего наблюдения психических процессов. Это обстоятельство позволяет надеяться, что методические приемы микроструктурного анализа могут способствовать решению проблем, разрабатываемых в рамках психологии установки. Цель настоящей статьи состоит в систематизации и анализе методических приемов изучения микроструктуры восприятия. Выбор этой области объясняется перцептивным характером исходных проявлений установки, а также тем, что по отношению к другим разделам когнитивной психологии подобная методологическая работа уже частично проведена (ср. Бауэр и Тулвинг, 1974).

С точки зрения микроструктурного подхода существует возможность экспериментального выделения в микрогенезе познавательных и исполнительских процессов определенных уровней организации, каждый из которых представляет собой взаимосвязанное множество операций, выполняемых над одной из форм репрезентации окружения или схемы тела. По характеру выполняемых ими преобразований операции могут быть весьма различными. В одних случаях они включены в состав относительно инвариантных стратегий переработки. Примером может служить так называемый "эффект Струпа", при котором восприятие названия предъявленного слова происходит несмотря на сознательное стремление испытуемого ограничиться восприятием цвета букв (Уорен, 1974). В других случаях несомненна активная реконструкция субъектом недостающей информации, гибкая перестройка стратегий в зависимости от задач деятельности (Зинченко, 1971; Колере, 1972). Следует подчеркнуть, что изучение "алфавита" перцептивных преобразований осуществляется в ходе экспериментов, основанных на строгом контроле условий и деятельности испытуемого. Минимизация субъективных и случайных влияний открывает путь к объективному изучению глубоко индивидуальных особенностей организации психических процессов, в том числе .и процессов построения образа (ср. Пайвио, 1975).

Поскольку психические процессы развертываются в реальном масштабе времени, определение их временных характеристик является одной из главных целей и средств микроструктурного анализа. В самом деле, если перцептивная задача состоит из нескольких подзадач, решение которых осуществляется с помощью соответствующих операций, то продолжительность этих операций в общем случае не должна быть больше времени решения основной задачи. Таким образом, даже простое сравнение времени микрогенеза различных процессов зрительного восприятия может служить ценным указанием на существующие между ними структурные отношения. Другая причина широкого распространения хронометрических исследований связана с применением современных схем планирования и обработки результатов эксперимента. Действительно, феномен обладает микроструктурой, если в его основе можно выделить не менее двух процессов. Для изучения их координации уже недостаточно варьирования одного фактора. Применение же многомерных статистических процедур (Фишер, 1934) остро ставит вопрос о допустимых трансформациях шкал полученных данных, т. к. эти трансформации могут либо вводить, либо элиминировать информацию о взаимодействии независимых переменных. Здесь и обнаруживается особый абсолютный характер временной шкалы, которая, в отличие от многочисленных пороговых и точностных шкал (Бардин, 1976; Пачела, 1974), не допускает возможности произвольной трансформации.

К сожалению, наиболее популярный прием классических исследований микрогенеза - изменение длительности экспозиции - не позволяет оценить продолжительность восприятия предъявленной информации. Во-первых, перцептивные процессы не оканчиваются в момент физического прекращения стимуляции (Луизов, 1961). Во-вторых, внутри определенного временного интервала, называемого "критическим интервалом суммации", пороговые и надпороговые перцептивные эффекты в той же степени зависят от времени предъявления, как и от энергетических характеристик раздражения (Блок, 1885; Глезер, 1966). Поэтому в тех исследованиях, где с помощью одновременного факторного варьирования длительности предъявления и интер-стимульного интервала стремятся определить зависимость результирующего познавательного эффекта (узнавания, воспроизведения, понимания и т. д.) от перцептивных и постперцептивных процессов, величина интерстимульного интервала на всех уровнях изменения этого фактора выбирается существенно более продолжительной, чем время "инерции" перцептивных процессов (Величковский ,и Шмидт, 1977). Эта возможность использования длительности

предъявления для решения вопросов микроструктурного анализа, разумеется, служит слабым утешением в случае необходимости изучения взаимоотношений процессов построения образа. Поэтому в исследованиях восприятия, как правило, применяют два производных методических приема контроля врехМени микрогенеза.

Первый из этих приемов основан на предположении, что предъявление второго стимула в непосредственной пространственной и временной близости к первому способно эффективно "прервать" процессы его восприятия (Сперлинг, 1967). Согласно распространенной в настоящее время двухфакторной теории обратной зрительной маскировки (Шерер, 1973), термин "прерывание" действительно адекватно описывает перцептивные события при некоторых специальных условиях - значительных асинхроиностях включения стимулов (свыше 100-150 мс), использовании структурированной маски, дихоптическом предъявлении. В других случаях ухудшение восприятия следует, по-видимому, объяснять пространственным наложением (интеграцией) тестового и маскирующего изображений, что затрудняет интерпретацию получаемых данных. Принципиальная трудность с использованием ситуации маскировки для остановки перцептивной обработки и прямой оценки продолжительности процессов восприятия состоит в том, что зачастую интерференция нескольких быстро следующих друг за другом событий сопровождается не ухудшением, а обогащением и улучшением восприятия (Величковский, 1977). В частности, при этом могут возникать динамические эффекты типа стробоскопического движения, снижаться пороги обнаружения элементарных и сложных зрительных стимулов (Лэпин и Бэл, 1972). Поэтому ситуация обратной маскировки является сейчас прежде всего объектом интенсивного изучения, и лишь затем -? методическим приемом изучения микроге-неза различных перцептивных категорий.

Второй методический прием связан с подсчетом величины критического интервала суммации. Долгое время феномен временной суммации считали либо психологическим проявлением фотохимического закона Бунзена-Роско (Луизов, 1961, с. 92), либо следствием организации психофизиологических процессов на уровне коры мозга, разбивающих сенсорную информацию на дискретные кадры длительностью порядке; 100 мс (Винер, 1968). Результаты ряда исследований говорят о том, что эти гипотезы, вероятнее всего, неверны. Прежде всего, было установлено, что величина критического интервала суммации устойчиво зависит от решаемой наблюдателем перцептивной задачи и меняется в диапазоне от 10 до нескольких сот мс (Канеман и Норман, 1964; Гросберг, 1968). Кроме того оказалось, что в пределах критического интервала возможно перцептивное различение предъявлений различной длительности (Сакс, 1971). Эти и аналогичные данные определили отношение к критическому интервалу суммации как к показателю, непосредственно соотносимому с продолжительностью того или иного перцептивного действия.

Видное место в методическом арсенале микроструктурного подхода занимают хронометрические процедуры, основанные на регистрации времени моторных реакций. Задача, очевидно, состоит в декомпозиции времени реакции - выделении стадий, связанных с выполнением различных, в том числе перцептивных операций. Еще Ф. Дондерс (1868) предложил решать задачу декомпозиции с помощью вычитания времен реакции, полученных в различных, отличающихся по своей сложности условиях. Отдельные примеры успешного применения этого методического приема (Эриксен, Поллах и Монтегю, 1970) не могут скрыть тот факт, что он предполагает априорное представление о составе операций. Несомненно более совершенным является "метод аддитивных факторов", разработанный С. Стернбергом (1969, 1975). Его суть состоит в поиске таких пар факторов, влияние которых на время реакции в задачах бинарной классификации было бы статистически независимым. Аддитивность эффектов считается признаком того, что соответствующие факторы влияют на разные стадии переработки информации, взаимодействие - признаком влияния на одну и ту же стадию. Таким образом, картина статистических взаимодействий в факторном эксперименте служит указанием на существование некоторых стадий процесса решения данной познавательной задачи, а рассмотрение самих факторов позволяет качественно охарактеризовать психические операции, выполняемые на каждой из стадий. Хотя количество исследований восприятия, выполненных с помощью этой общей схемы анализа, пока еще невелико (например, Массаро, 1975), в будущем можно ожидать их резкого увеличения. Особенно перспективным представляется в связи с этим использование в качестве зависимой переменной такого непосредственно связанного с восприятием показателя, как время перцептивной реакции, определяемое по критерию субъективной симультанности/последовательности двух перцептивных событий (Величковский и Цзен, 1973; Стернбсрг и Кнол, 1973). Основными недостатками метода аддитивных факторов является невозможность определения продолжительности переработки информации на каждой стадии и невозможность установления порядка стадий.

Распространенным хронометрическим приемом изучения микрогенеза восприятия является задача бинарной классификации совпадения/несовпадения двух последовательно предъявляемых объектов в отношении тех или иных характеристик. В типичном варианте методики (Познер, 1969) испытуемому предъявляется на некоторое время символ, например заглавная буква "А". Через некоторое время предъявляется второй символ. Задача испытуемого состоит в том, чтобы как можно быстрее определить, являются ли обе буквы физически идентичными ("А" и "А"). Задача может также состоять в установлении идентичности "имен" ("А" и "а"), принадлежности символов к одной л той же фонологической ("А" и "Е", а не "А" и "К") или семантической ("А" и

"К", а не "А" и "4") категорий. Относительная скорость и точность ответов испытуемого позволяет сделать вывод о том, какой тип репрезентации материала использует испытуемый. В частности, тот факт, что через несколько секунд после предъявления сравнение физически идентичных стимулов оказывается не более быстрым, чем сравнение стимулов, совпадающих лишь по своему названию, мог бы говорить о переходе к преимущественно фонематическому описанию информации. За редким исключением (Шепард, 1975), критической переменной в подобных исследованиях оказывается асинхронность включения стимулов, а не время реакции, служащее лишь для определения относительной легкости решения задачи. Применимость этого методического приема ограничивается его низкой временной разрешающей способностью и рядом скрытых допущений о продолжительности и особенностях взаимодействия различных характеристик материала в памяти.

Важнейшим методическим принципом микроструктурного анализа является одновременнвш учет не только скорости, но и точности выполнення той или иной экспериментальной задачи, поскольку эти два показателя в общем случае связаны монотонным соотношением, получившим название "рабочей характеристики скорости/точности ответов". В последние годы были разработаны процедуры выделения инвариантных относительно критерия ответа скоростных и точностных оценок эффективности работы испытуемого (Лапин и Харм, 1973; Пачела, 1974). Использование же обычных хронометрических приемов выделения и определения продолжительности стадий актуального развития восприятия считается возможным только при постоянном и достаточно низком уровне ошибок в различных экспериментальных условиях. Существует, однако, большая группа методических приемов микроструктурного анализа, основанных на определении сравнительной легкости решения перцептивных задач. С помощью этих приемов, не предъявляющих жесткие требования к оценке временных показателей, можно установить факт взаимодействия перцептивных операций, примерно определить порядок и уровень их выполнения.

Для изучения взаимодействия процессов восприятия в последние годы широко используются, с одной стороны, задачи идентификации и классификации многомерных стимулов, а с другой - ситуации возникновения разнообразных сенсорных послеэффектов. О взаимодействии перцептивных процессов, например, можно судить по тому, влияет ли на процесс оценки и использования информации о том или ином перцептивном признаке объекта сопутствующее варьирование иррелевантных признаков (Гарнер, 1974). Взаимодействие ("интегральность") соответствующих перцептивных процессов проявляется либо в виде облегчения задачи в случае избыточного (коррелирующего) изменения признаков, либо в виде усложнения задачи, когда признаки меняются ортогонально. Эти признаки также могут дифференцироваться с помощью процедур многомерного шкалирования сходства: шкалирование интегральных перцептивных измерений ведет к эвклидовой метрике, а шкалирование неинтегральных измерений - к "метрике городских кварталов" (city block metric - Этнив, 1950).

Определенная информация о взаимодействии или независимости может, очевидно, содержаться и в распределении ошибок идентификация признаков многомерных стимулов (Глезер, 1975). Более или менее случайное сочетание ошибок считается доказательством независимости соответствующих перцептивных процессов, тогда как закономерное смещение ошибок по признакам расценивается в качестве указания на взаимодействие этих процессов. Как правило, основанием для интерпретации результатов подобных экспериментов служат простые модели параллельной и строго последовательной организации восприятия, при которой ошибка на некотором раннем этапе переработки информации увеличивает вероятность ошибки на последующих этапах (Дик, 1972). С представлением о последовательном выполнении некоторых перцептивных операций тесно связано понятие "внутреннего порога" (Барон, 1973), описывающее состояние, при котором временные и энергетические условия достаточны для успешной оценки одних и недостаточны для успешной оценки других характеристик объекта. Следует отметить, однако, что в рамках данного методического приема невозможно строго развести различные теоретические объяснения случаев перцептивной зависимости.

Распространенным приемом микроструктурного анализа восприятия (Энстие, 1975) и более сложных познавательных процессов (Зинченко, Леонова и Стрелков, 1977) является изучение феноменов селективной адаптации и утомления. В случае восприятия речь идет об адаптации к различным характеристикам стимуляции. Прототипом подобных исследований можно считать работы С. В. Кравкова (1948), посвященные анализу взаимодействия "органов чувств". Подавляющее большинство современных исследований направлено на изучение взаимодействий, которые разыгрываются в рамках одной модальности (Сакс, Начмиас и Робсон, 1971). Особый интерес представляют при этом так называемые "зависимые послеэффекты", например эффект, открытый Ч. Маккалох (1965). На адаптационной стадии ее экспериментов испытуемому попеременно показывались вертикальная черно-красная и горизонтальная черно-зеленая решетки. На стадии тестирования оказалось, что меняя пространственный признак ориентации контуров можно вызывать разные цветовые последовательные образы: вертикальная черно-белая решетка казалась зеленоватой, а горизонтальная - розовой. Разработанный одним из авторов (Бирсу, 1973) алгоритм планирования подобных исследований позволяет с помощью трех экспериментов выяснить, о каком из пяти логически возможных типов взаимоотношений двух перцептивных процессов (независимость, полное совпадение, частичное пересечение или два симметричных варианта

включения) должна идти речь. Обилие обнаруженных на сегодняшний день перцептивных послеэффектов иллюстрирует их недифференциированную чувствительность к самым различным взаимодействиям перцептивных процессов, в частности взаимодействиям, имеющим межуровневый характер. Об этом говорят исследования Дж. Мёрча (1972), показавшего, что цветовые и пространственные компоненты одного и того же сложного послеэффекта начинают вести себя по-разному, если на стадии адаптации и стадии тестирования стимулируются разные глаза. В этом случае выраженность пространственных послеэффектов остается неизменной, цветовые же послеэффекты исчезают.

Только что рассмотренный экперимент служит примером использования для определения уровня, ответственного за возникновение того или иного феномена, старого теста на интерокулярный перенос. Этот прием можно считать слабым вариантом методики циклопической стимуляции (Юлез, 1971). Сильным вариантом той же методики является изучение перцептивных ответов на предъявление случайных точечных стереограмм. Эти етереограммы идентичны за исключением горизонтального смещения нескольких центральных участков, причем в вариантах методики смещение может задаваться не только рельефом яркости, но и движением, цветом, формой элементов текстуры. Информация о направлении и величине смещения, а также о форме смещенных участков может быть выделена лишь центральными зрительными механизмами, вследствие чего методика циклопической стимуляции позволяет избирательно тестировать их функциональные возможности. Аналогичным образом можно изучать микроструктуру слухового восприятия, анализируя, например, слышимые биения, возникающие при дихотомической подаче звуковых тонов. К методике циклопической стимуляции тяготеют и другие приемы локализации перцептивных феноменов, основанные на использовании данных об анатомо-физиологической организации мозга (Газзанига, 1972).

Уже первые исследования константности (Брунсвик, 1929) состояли в определении сравнительной зависимости тех или иных характеристик восприятия от изменения проксимальных и дистальных условий стимуляции. Очевидно, этот прием можно использовать и для локализации соответствующих феноменов, поскольку зависимость от дистальных условий может возникать не ранее того уровня восприятия, на котором уже выделена основная пространственная информация об удаленности, направлении и ориентации объектов. Напротив, выраженная "привязка" феномена к топографии проксимальной стимуляции резко увеличивает вероятность того, что он возникает на относительно низком уровне микрогенеза (Зинченко, см. статью в настоящем сборнике). Не менее важным приемом микроструктур ного анализа является систематическое варьирование требуемого от испытуемого типа ответа. Известно, что использование в качестве индикатора воспринятой испытуемым информации таких процедур, как форсированный выбор или регистрация движений, приводит к совершенно другим выводам, нежели использование словестного интроспективного отчета (Шиллер и Смит, 1966; Хелд, 1970). В методическом плане эти данные служат дополнительным предостережением против универсализации результатов, получаемых в методиках, которые предполагают словесное описание различных характеристик воспринимаемых объектов (ср. Брунсвик, 1956). Теоретическое значение подобных исследований заключается в открывающейся перспективе декомпозиции образа.

Наконец, примерное определение уровня может быть осуществлено с помощью методик, предназначенных для описания эффектов внимания, ожидания и установки при решении разнообразных познавательных задач. К работам О. Кюльпе (1904) восходит методика "перед - после", состоящая в сравнении успешности селективного воспроизведения элементов многомерного массива объектов в двух условиях подачи инструкции - до и после предъявления объектов. Можно было бы думать, что чем раньше выделяется соответствующая перцептивная категория в микрогенезе образа, тем относительно более эффективным должно быть предварительное информирование испытуемого (Чепмен, 1932; Бродбент, 1970). В общем случае правомерность подобного вывода зависит от понимания процесса микрогенеза и от выбранной модели внимания. Вторая методика связана с использованием аппарата теории обнаружения сигнала, согласно которой принятие решения испытуемым может быть описано как процесс, состоящий из двух этапов: на первом осуществляется формирование сенсорного ответа, на втором - принятие решения о достаточности его отличия от собственного шума сенсорной системы. Операционально эти этапы характеризуются показателями чувствительности (d') и критерия (р). Из психофизических исследований известно (Грин и Свете, 1964), что процессы, влияющие на показатель чувствительности, действительно могут быть локализованы на ранних этапах переработки информации, тогда как влияние на выбранный критерий ответа предположительно говорит о постперцептивной природе процесса. Огромное количество данных, однако, свидетельствует о том, что когнитивные процессы, в том числе и принятие решения, непосредственно включены в процессы построения перцептивного образа, что, разумеется, затрудняет применение данного методического приема в психологии восприятия.

Таким образом, существующие методические приемы микроструктурного анализа в отдельности позволяют решать лишь весьма частные экспериментальные задачи. В то же время, частичная комплементарность существующих методик открывает возможность их широкого использования в качестве конвергирующих процедур. Не случайно в последние годы все чаще появляются методики, объединяющие различные приемы, как,

например, методика Мёрча (1972) или методика, использующая ситуацию, в которой возникает стробоскопическое движение ("Величковский и Цзен, 1973). В последнем случае при попеременном циклическом предъявлении двух объектов можно менять их пространственные, временные, цветовые и фигуративные характеристики, отмечая, при каких величинах асинхронное™ включения в восприятии начнут отражаться эти изменения. С помощью подобных комплексных методик можно не только установить продолжительность микрогенеза различных категорий образа, но и выяснить, от каких факторов и в какой степени она зависит, а также ответить на основной вопрос микроструктурного анализа - каков тип их координации. По нашему мнению, работа в данном направлении является одной из возможностей практического преодоления того "постулата непосредственности", о котором писал Д. Н. Узнадзе (1966).

Как известно, фундаментальным теоретическим достижением психологии установки является позитивная характеристика бессознательного в психике человека (Прангишвили, 1966; Шерозия, 1969, 1973). В качестве необходимого опосредующего звена между действием среды и поведением, установка в существенной мере определяет протекание конкретных психических процессов. Приемы микроструктурного анализа могли бы иметь значение как для дальнейшего разграничения и систематизации различных классов установок, так и для детального определения характера их влияния на познавательные и исполнительские процессы. Возможности традиционных методов психологического исследования, основанных на интроспекции и фенографии внешнего поведения, представляются нам в этом отношении весьма ограниченными.

63. The Psychology of Set and the Microstructural Approach. B. M. Velichkovsky, A. B. Leonova

Moscow State University, Department of Psychology

Summary

The paper deals with the problem of objective psychological study of mental processes not amenable to immediate outer or inner observation. Development of relevant techniques is one of the main tasks of microstructural approach to the analysis of cognitive and performance activity. Over ten particular techniques are considered as exemplified by a study of perceptive phenomena. It is shown that notwithstanding the shortcomings of particular techniques, their combined use permits the solution of tasks of microstructural analysis. The confidence is expressed in conclusion that development of this line of investigations may prove to be one of the ways of practically overcoming the "postulate of immediacy".

Литература

Бардин К. В., Проблема порогов чувствительности М., 1976.

Величковский Б. М., Зрительная память и модели переработки информации человеком. Вопросы психол., 6, 1977.

Величковский Б. М., Микроструктурный анализ взаимоотношений процессов восприятия движения и формы. Эргономика. Труды ВНИИТЭ. Вып. 5, М., 1973.

Величковский Б. М., Шмидт К. Д., Перцептивная долговременная память. Вестник МГУ. Психология. I, 1977. ВИНЕР П., Кибернетика М., 1968.

Глезер В. Д., Механизмы опознания зрительных образов, Л., 1966.

Глезер В. Д. (ред.), Зрительное опознание и его нейрофизиологические механизмы Л., 1975.

Запорожец А. В., Особенности и развитие процесса восприятия. Ученые записки Харьковского ГПИ, 4, 194).

Зинченко В. П., Продуктивное восприятие. Вопросы поихол., 6, 1971.

Зинченко В. П., О микроструктурном методе исследования познавательной деятельности. Эргономика. Труды ВНИИТЭ. Вып. 3, 1972.

Зинченко В. П., Леонова А. Б., Стрелков Ю. К., Психометрика утомления, М., 1977. ЗИНЧЕНКО П. И., Непроизвольное запоминание, М., 1961.

Кравков С. В., Взаимодействие органов чувств, М., 1948.

Ланге Н. Н., Психологические исследования, Одесса, 1893.

Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики, М., 1959.

Луизов А. В., Инерция зрения, М., 1961.

Прангишвили А. С, Психологические исследования, Тб., 1966.

Смирнов А. А., Психология запоминания, М., 1948.

Узнадзе Д. Н., Психологические исследования, М., 1966.

Шерозия А. Е., К проблеме сознания и бессознательного психического, т. I-II, Тб., 1969, 19/3.

Anstis, S., What does visual perception tell us about visual coding? In: M. S. Gazzan-iga, C- Blakemore (eds.) Handbook of Psychobiology. N. Y.: Academic Press, 1975.

Attneave, F., Dimensions of similarity. Am. J. Psychol.. 63, 516-557, 1950.

Aron, J., Perceptual dependence: Evidence for an internal threshold. Perc. and Psychophys., 13, 527-533, 1973.

Bloch, A. M., Experiences sur la vision. C R. Soc. Biol., 37, 493-495, 1885.

Bower, G., Tulving, E., The logic of memory representation. In: G. Bower (ed.) The Psychology of Learning and Motivation. N. Y.: Academic Press. 1974.

Broadbent, D., Stimulus set and response set. In: D. I. Mostofsky (ed.) Attention: Contemporary Theories and Analysis. N. Y.: Appleton-Century-Crofts, 1970.

Brunswick, E.,ZurEntwiklungderAlbedowahrnehmung. Z, Psychol.. 109, 40-115, 1929.

Brunswick, E., Perception and the representative design of psychological experiment. Berkeley: UP of California. 1956.

Chapman, D. W., Relative effects of deteiminant and irceteimirart Aufgaben. Am. J. Psychol., 44, 163-174, 1932.

Dick, A. O., Visual hierarchical feature processing: The relation of size, spatial position and identity. Neuropsychol., 10, 171-177, 1972.

Donders, F. C., On the speed of mental processes (1868/69). Republished in W. G. Koster (ed.) Attention and Performance 2, Amsterdam: North Holland, 1969.

Eriksen, C. W., Pollack, M. D., Montague, W., Implicit speech: Mechanism in perceptual encoding? J. Exp. Psychol., 84. 502-507, 1970.

Fisher, R. A., The Design of Experiments. L.: Oliver and Boyd, 1935.

Garner, W. R., The Processing of Information and Structure. Potomac: L. Erlbaum, 1974.

Gazzaniga, M. S.. One brain - two minds? Am. Scientist, 60, 311-317, 1972.

Green, D. M., Swets J. A., Signal Detection Theory and Psychophysics. N. Y.: J. Wiley and Sons, 1966. GROSSBERG, M., The latency of response in relation to Bloch's law at threshold. Perc. and Psychophys.. 4,228-232, 1968.

Julesz, B., The Foundation of Cyclopean Perception. Chicago: UP of Chicago, 1971.

Kahneman, D., Attention and Effort. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1963. 738

Kahneman, D., Norman, D., The time-intensity relation in visual perception as a function of the observer's task. J. Exp. Psychol., 68, 215-220, 1964.

Kolers, P., Some pioblems of classification. In: J. F. Kavanagh, I.G. Mattingly (eds.) Language by Ear and Eye. Cambridge: M. I. T. Press, 1972.

Küplpe, O., Versuche fiber Abstraktion. In: Bericht uber d. Berliner Kongress d. experim-entellen Psychologic Berlin, 1S04.

Lappin, J. S., Bell, H. H., The detection of coherence in moving random dot patterns. Vis. Res., 16, 161-168. 1976.

Lappin, J. S.. Harm, O. J., On the rate of acquisition of visual information about space, time, and intensity. Perc. and Psychophys., 13, 439-445, 1973.

McCulloch, Ch., Colour adaptation of edge-detectors in the human visual systems. Science, 149, 1115-1116, 1965.

Massaro, D., Experimental Psychology and Information Processing. Cnicago: Rand McNally, 1975.

Murch, G. M., Binocular relationship in a size and colour orientation specific after-effect J. Exp. Psychol., S3, 30-34, 1972.

Pachella, R. G., The interpretation of reaction time in information-processing research. In: B. H. Kantowitz (ed.) Human Information Processing: Tutorial, in: Performance and Cognition. Hillsdale: L. Erlbaum, 1974.

Paivio, A., Neomentalism. Canad. J. Psychol., 29, 263-291, 1975.

Posner, M., Abstraction and the process of recognition. In: G. Bower (ed.) Tne Psychology of Learning and Motivation. N. Y.; Academic Press, 1969.

Sachs, M. B., Nachmias, J., Robson, J. G., Spatial-frequency channels in human vision. J. Opt. Soc. Am., 61, 1176-1186, 1971.

Sacks, F. I., As cited in J. S. Lappin and O. J. Harm. 1973.

Scheerer, E., Integration, interruption, and processing rate in visual backward masking. 1. Review. Psychol. Forsch., 36, 71-93, 1973.

Shepard, R., Form, formation, and transformation of internal representations. In: R. L. Solso (ed.) Information Processing and Cognition. Hillsdale: L. Erlbaum, 1975.

Sperling, G., Successive approximations to a model for short-term memory. Acta Psychol., 27. 285-292, 1967.

Sternberg, S., The discovery of processing stages. In: W. G. Koster (ed.) Attention and Performance 2. Amsterdam: North Holland, 1969.

Sternberg, S., Memory scanning: New findings and current controversies. In: D. Deutsch and J. A. Deutsch (eds.) Short-Term Memory. N. Y.: Academic Press. 1975.

Sternberg, S., Knoll, R.L., The perception of temporal order. In: S. Kornblum (ed.) Attention and Performance 4. N. Y.: Academic Press, 1973.

Uznadze, D. N.. Untersuchungen zur Psychologie d. Einstellung. Acta Psychol., 4. 123-169, 1939.

Virsu, V., Haapsalo, S., Relationships between channels for colour and spatial frequency in human vision. Perception, 2. 31-40, 1973.

Warren, R., Stimulus encoding and memory. J. Exp. Psychol., 94, 90-100, 1972.

64. Некоторые аспекты семиотической структуры и функциональной организации "правополушарного мышления" Л. Р. Зенков

I Московский медицинский институт

1. Одним из наиболее .значительных достижений неврологии и психологии последних десяти лет является исследование функциональных свойств т. н. "субдоминантного" мозгового полушария. На протяжении полутора столетий изучения деятельности мозга человека обширная область когнитивной деятельности, связанной с правым полушарием, оставалась вне поля внимания исследователей. Очевидно, что это было связано не с редкостью патологии правого полушария, а гораздо скорее с игнорированием аспектов мышления, не поддающихся адекватной вербализации. Словесная форма языка науки налагает свой отпечаток на всю систему человеческого мышления так, что словесный язык превращается в некое прокрустово ложе для нашей мысли [23; 10].

Единство и однозначность соответствия вербального языка и мышления рассматривались как самоочевидные представителями различных школ и направлений. Наиболее яркое выражение эти представления нашли в работах школы логического позитивизма и логического анализа [3; 41]. Причиной такого привилегированного положения вербального мышления является то, что оно всегда находится в поле сознания человека, составляет основу культуры, исследовано с точки зрения его структуры. Видимым подтверждением его очевидного преобладания является громадное количество фактов клинической невропатологии и нейропсихологии, показывающих наличие многочисленных "центров" в левом полушарии мозга, с которыми можно связать все известные типы речи [91.

Одним из наиболее ранних высказываний по поводу значительно более сложной процедуры процесса мышления, чем простая вербализация фактов, можно считать запись В. И. Ленина в "Философских тетрадях" о взаимодействии научного мышления и фантазии [8]. Не. отрицая роли вербально-логического аспекта в процессах мышления и коммуникации, ряд исследователей убедительно показал, что процессы творческого мышления не исчерпываются только простым оперированием словами и символами по правилам формальной логики. Представления о важной, а возможно, и доминирующей роли невербальных знаков и способов коммуникации в творческом мышлении сформулировали П. А. Флоренский [15], А. Пуанкаре [14], Вертхаймер [43], Адамар [26], Кестлер [31], Рачт [39], А. А. Налчаджан [10]. По мнению Кестлера и Дьюи, мышление часто протекает не словами, а образами и знаками. Кестлер пишет: "Язык очень часто вносит путаницу и создает впечатление ясности и понятности там, где нет ни того, ни другого". Рагг считает, что творческое мышление должно быть охарактеризовано как чувственное. Первоначально оно чаще выражается жестами, чем словами. Теория творчества, по его мнению, должна строиться на основе невербальных выражений мысли. Это перекликается с отчетами А. Эйнштейна, говорившего, что процессы творчества для него - это не столько процессы оперирования формулами и выводами, сколько мышечными и визуальными ощущениями. Пуанкаре приписывал подсознательным процессам невербального мышления чуткость, способность к различению, выбору, отгадыванию. Он отмечал, что подсознательное мышление часто превосходит по эффективности сознательное вербализованное оперирование.

Следует отметить, однако, что представления о роли невербального мышления в большинстве случаев высказывались без каких-либо объективных подтверждений, на основе лишь интроспекции.

Очевидные трудности связаны здесь с двумя факторами: а) с отсутствием адекватных представлений о принципах работы невербального мышления и б) с отсутствием нейрофизиологических обоснований теории невербального мышления. Уже упомянутый примат представлений об исключительно вербальном характере мышления придавал односторонность всем исследованиям в области нейропсихологии и патологии мышления. Если при поражении какого-либо участка мозга не возникало нарушений в лингвистической сфере, что как раз и характерно для правого полушария, это рассматривалось как признак сохранности мышления. Отсюда делался вывод о неучастии правого полушария в процессах мышления.

Несмотря на значительный фактический материал, накопленный за последние годы относительно роли систем правого полушария в процессах мышления, имеется ряд трудностей, тормозящих создание теории организации этих систем и поиски более формального подхода к их анализу. Представляется, что трудности связаны здесь с отсутствием адекватных представлений о том, какого рода знаками оперирует правое полушарие, какими

семиотическими и коммуникативными свойствами обладают эти знаки, а также какая нейрофизиологическая организация может служить основой функционирования данной семиотической системы. Попытку анализа некоторых аспектов этой проблемы представляет настоящее сообщение.

2. Прежде всего просуммируем, хотя бы частично, фактический материал, касающийся роли правого полушария в процессах мышления и коммуникации. Рядом исследователей показано развитие синдрома прозопагнозии (неузнавания лиц) при поражении правого полушария. Одновременно у этих больных наблюдается нарушение узнавания окружающего пространства и дезориентация [21; 17; 32; 37]. Выявлена также связь цветовосприятия, распознавания музыкальных тонов, мелодий и невербальных звуков с правым полушарием [42; 18; 13]. При поражении правого полушария наблюдается нарушение восприятия не только внешнего, но и "внутреннего" соматического пространства [2; 27; 28; 18; 1]. Это приводит у больных с нарушениями в правом полушарии к развитию конструктивной апраксии [2; 27; 28; 18].

При поражении правого полушария возникают нарушения процессов визуального мышления типа иллюзий и галлюцинаций [23] и нарушаются психические процессы, связанные со сновидениями [29].

Таким образом, исследование патологического материала показывает, что правое полушарие функционально связано с восприятием и синтезом целостных образов и комплексов воздействия в пространстве и времени, то есть с чувственно-образным восприятием мира, что определает его роль в процессах эстетического восприятия и творчества. При поражении левого (вербального) полушария мозга артистические способности у художников и музыкантов заметным образом не страдают, а иногда даже повышается художественно-эмоциональный уровень выразительности в творчестве, несмотря на грубые нарушения в речевой сфере [19; 16; 34]. С другой стороны, мы (совместно с А. И. Аверочкиным и Ю. А. Соловьевым) наблюдали у больных с поражением правого полушария нарушение творческих способностей. Так, больной, поэт, после тотального удаления менингеомы правого полушария с практически полным выздоровлением без каких-либо дефектов в сфере обыденного мышления и речи полностью потерял способность к поэтическому творчеству (стихосложению). У математика с внутримозговой опухолью в правой теменно-затылочной области отмечалась утрата способности к творческим нетривиальным решениям при полной сохранности способностей к формально-логическим и счетным операциям. В третьем случае шахматист-перворазрядник, после развития мозгового инсульта в правом полушарии с последующим практически полным выздоровлением, полностью утратил способность к комбинаторной творческой игре, несмотря на сохранность формально-логического мышления и отсутствие трудностей в разыгрывании стандартных этюдных ситуаций.

Все описанные особенности правого полушария мозга, обнаруженные у больных с органическими поражениями, были в дальнейшем подтверждены исследованиями лиц, у которых по медицинским показаниям производилось расщепление хирургическим путем мозга на два изолированных полушария. При этом было обнаружено, что правому полушарию присущи способности к ассоциативному мышлению, абстракции, социально мотивированным эмоциям [25; 20]. Выявилось также преобладание правого полушария в процессах запоминания сложных фигур и конструкций [44].

В последние годы были проведены многочисленные психофизиологические эксперименты на здоровых, выявившие те же особенности ла-терализации функций в мозге, которые были обнаружены при исследовании больных. Возможность таких исследований обусловливается тем, что левая половина тела, левое полу-поле зрения и левое ухо связаны преимущественно с правым мозговым полушарием, и аналогичные отношения имеют место для левого полушария. В этих исследованиях были получены важные данные о механизмах восприятия мозгом вербальных и невербальных стимулов. Эксперименты с опознанием отдельных элементов ансамбля, состоящего из слов или зрительных образов, показали, что при опознании слов время решения задач прямо пропорционально количеству этих элементов в ансамбле; при опознании же визуальных образов время, затрачиваемое на их опознание, не зависит от их количества в ансамбле [22]. Это говорит о симультанной работе правого полушария по опознанию образов и о сериальной последовательной работе левого при восприятии вербальной информации.

Таким образом, результаты исследования здоровых людей показывают преобладание правого полушария в восприятии, синтезе и обработке невербального слухового, зрительного, сомато-сенсорного и моторного материала. Эти же исследования дают доказательства в пользу того, что "левое перцепторное пространство" характеризуется тем, что явления в этом пространстве селективно перекодируются в невербальные и пространственно-временные целостные образы. Левое же полушарие функционально специализировано для восприятия сигналов вербальных и связанных с вербальной коммуникацией, а также для оперирования этого рода сигналами. Соответственно этому организуется "правое перцепторное поле" человека, оказываясь в основном полем вербальной коммуникации.

3. С целью выявления возможной асимметрии перцептуального пространства в продуктах человеческой деятельности мы проанализировали памятники древнерусского искусства, содержащие, как известно, и визуальные и вербальные элементы в одном живописном произведении. При этом мы исходили из гипотезы, что слово должно располагаться в правом (вербальном) полу-поле изображения, а визуо-смысловой центр - в левом, проецирующемся в невербальное полушарие.

При анализе 70 произведений живописи XIV-XVI веков [6] выявилось следующее: 43 памятника содержали слово в виде надписи, свитка или книги. В 41 случае слово оказалось в правом полу-поле зрения (в правой половине иконы или в правом полупространстве от персонажа, к которому оно отнесено). В 63 произведениях имелась асимметричная композиция. Из них в 58 визуальный (невербальный) смысловой центр иконы (обычно фигуры или лики персонажей) располагался в левом полу-поле иконы, обращаясь, таким образом, в правое невербальное полушарие зрителя.

Совершенно очевидно, что такое единообразие пространственных решений при богатстве иконографии и определенной свободе художника в рамках канона говорит о глубоком ощущении средневековым художником реальности асимметрии нашего перцептуального мира [4].

4. Суммирование всех изложенных данных приводит к выводу, что в процессе фило- и онтогенеза, очевидно, в большой степени под влиянием культуры мозг формирует два типа мышления и два модуса работы его полушарий. Левое полушарие при этом оказывается специализированным для оперирования вербальным материалом, символами и знаками, связанными с вербальной коммуникацией. Способ его работы при этом тесно связан с формальной логикой, дискретностью, сериальным, последовательным типом синтеза, высокой релевантностью дискретных единиц, являющихся предметом оперирования. Отсюда - высокая эффективность в создании формализованных структур, точность и однозначность коммуникации.

Правое полушарие мозга специализировано для оперирования невербальным материалом, целостными комплексами пространственно-визуальных образов. Основными характеристиками его активности являются симультанность синтеза, континуальность и аналоговость, большая свобода в комбинации знаков, многозначность, независимость от логики вербального языка. Отсюда способность "схватывания" существа проблемы, осуществления нетривиальных решений, гибкость и отсутствие логической последовательности.

Представляют интерес некоторые данные о характере возможного взаимодействия этих двух систем мышления. Творческое просветление, констатирует Рагг, созревает в середине психического континуума "бессознательное-сознательное", в "трансламинальной динамической сфере". Это - единственная сфера психики, свободная от цензуры привычек, свободная для творчества. По мнению Рагга, процессы в этой сфере отличаются четырьмя особенностями: а) непрекращающимся приемом внешней информации; б) непрерывностью течения образов по всей трансламинальной сфере; в) наличием непрекращающихся идеомоторных актов, держащих организм в психофизиологической готовности; г) концептуальным, образным, упорядоченным невербальным содержанием [39; 10].

Эту промежуточную, трансламинальную сферу сознания можно сопоставить с подсистемой мозга, включающей общие для обоих полушарий механизмы, срединные структуры и поперечные спайки мозга. Трансламинальную сферу следует понимать не как фиксированный набор анатомо-физиологических связей, а скорее как систему динамической организации, находящуюся в каждый момент времени в состоянии определенной.степени активности. Есть основания полагать, что наиболее высокого уровня активности эта трансламинальная сфера достигает IB моменты "инсайта", озарения, просветления, в моменты, когда челоъек сознает, что им обнаружен внутренний смысл объекта мышления. Эта фаза соответствует определенному выравниванию информационных потоков между вербальной и невербальной системами. Ряд исследователей идентифицирует это состояние как ненапряженное, спокойное внимание, гипнотическое состояние, состояние между сном и бодрствованием [10; 39; 12].

Частичная верификация этих гипотез возможна на пути фармакологических исследований с применением нейролептиков. Под влиянием, в частности, дроперидола возникает состояние снижения внешней активности, отрешения от эмоциогенных внешних стимулов при сохранении сознания и спокойного направленного внимания. Проведенные нами исследования действия дроперидола в стрессовой ситуации подготовки к операции дали определенные указания на выравнивание уровня активности обоих полушарий мозга в состоянии нейролепсии, проявлявшееся уменьшением или даже исчезновением межполушарной асимметрии зрительных вызванных потенциалов. Психологически это состояние характеризовалось повышением уровня понимания ситуации и снятием связанных с ней конфликтных переживаний [5].

5. Состояние "инсайта" сопровождается обычно выраженными положительными эмоциональными переживаниями. Положительной эмоции соответствует, по-видимому, момент, когда достигается максимум целостности мышления, когда невербализованный до этого иррациональный материал становится доступным вербализации и формальнологическому упорядочиванию. В этом плане нам представляется возможным интерпретировать те эмоциональные проявления, которые наблюдались у больных при избирательном функциональном выключении правого или левого полушарий с помощью введения в сонную артерию амитала натрия или однополушарных электрошоков. Как известно, при инактивации правого полушария возникает состояние эйфории, а при инактивации левого - депрессии. Эти данные послужили поводом для поспешного, с нашей точки зрения, вывода о том, что правое полушарие является субстратом для отрицательных, а левое - для положительный эмоций. В предварительном обсуждении (с В. С. Ротенбергом) мы пришли к выводу, что изменения эмоционального состояния при описанных процедурах можно объяснить с точки зрения характера информационных процессов, протекающих на уровне каждого из полушарий, и их социальной значимости. В нашей культуре, являющейся по своему характеру ,в основном вербальной, состояние оптимальной социальной адаптации, соответствующей эмоциональному комфорту, определяет способность придать мыслительным процессам логическую вербальную структуру. В соответствии с этим логичность ситуации сопровождается положительными эмоциями, а иррациональность - отрицательными. Таким образом, острое выключение левого полушария медицинским вмешательством ставит субъекта перед реальностью, которая не может быть в этих условиях логизирована и рационализирована, что и приводит к отрицательным эмоциям. Напротив, выключение правого полушария создает иллюзию простоты и ясности в весьма сложной, в действительности, психологической ситуации (электрическим шокам подвергают, например, больных с тяжелой депрессией), что и приводит к неадекватной эйфории.

Такое понимание дает возможность заключить, что эмоциональные эффекты, возникающие при дифференцированных воздействиях на мозговые полушария, являются следствием изменения информационных процессов, а не собственно эмоциогенных механизмов. Можно полагать, что если процесс выключения полушария будет происходить постепенно, то описанных эмоциональных последствий он не вызовет, так как будет существовать определенный период адаптации к измененной системе восприятия и мышления. Это подтвердилось в проведенных нами исследованиях. Было обследовано 30 больных с верифицированными опухолями мозга, у 16 из которых опухоль локализовалась в правом, а у 14 - в левом полушарии. Исследование состояло из выяснения настроения больного путем опроса по схеме, включавшей оценку настроения, самочувствия, отношения к заболеванию, к предстоящей операции, оценку перспектив на выздоровление и последующую адаптацию, характеристику изменения настроения в связи с заболеванием. Кроме этого проводилось полное психоневрологическое исследование по методике А. Р. Лурия. По 4 больных из каждой группы (правые, левые мозговые поражения) были обследованы по миннесотскому многофазному личностному тесту, позволяющему количественно оценить уровень депрессии (шкала 2) и уровень эйфории (шкала 9). В результате, ни один из применявшихся методов оценки эмоционального состояния не выявил каких-либо систематических изменений, находившихся в связи с литерализацией поражения. По миннесотскому тесту показатели по обеим шкалам у всех больных оказались в границах нормы. В основном эмоциональный настрой больных соответствовал их объективной ситуации. Не выявилось ни стойкой эйфории, ни депрессии. Только в двух случаях больные с правосторонними опухолями и эпилептическими припадками отмечали кратковременные эпизодические приступы дисфории.

Таким образом, нам представляется по крайней мере преждевременным локализовать положительные и отрицательные эмоции по полушариям. Представляется, что "информационная" трактовка фактов в данном случае более адекватна.

6. Следующим вопросом, на который мы хотели бы обратить внимание, является рассмотрение принципов коммуникации, на основе которых функционирует правое полушарие. В первую очередь встает проблема определения типа знаков, используемых невербальной психикой человека. Суммирование характерных особенностей функций правого полушария мозга позволяет считать, что основной формой знаков должны для него являться знаки, определенные Пирсом [38] как "иконы". Иконические знаки - знаки, обладающие некоторыми свойствами предметов, которые они отображают, - имеют свойства своих денотатов. Поскольку иконические знаки создаются на основе структурной модели реальности, то иконический знак - это знак, воспроизводящий модель структуры отношений, которые обнаруживаются при рассмотрении самого предмета [35]. Неарбитрарность иконического знака обусловливает высокую степень коннотативности кода иконической системы. Первичный код, на котором базируется сообщение из первичного источника, непрерывно подвергается девальвации, и семантическое сообщение оказывается не связанным жесткими рамками кода, подобного вербальному. Извлечение смысла сообщения при этом основывается на контексте самого сообщения, условиях коммуникации или указаниях на код з самом сообщении. В силу этого иконическая коммуникация вовлекает значительно больший, практически бесконечный объем коннотатнвных словарей и репертуаров для ее осуществления. Высокий "коннотативный накал" иконической коммуникации обусловливает неясность сообщения и открытость

его для всевозможных интерпретаций. Это, в свою очередь, обусловливает высокую семантическую информативность иконической коммуникации, поскольку склоняет адресата к множественным интерпретативным выборам. Высокая информативность сообщения граничит с "шумом", однако эта неясность плодотворна в том смысле, что будит внимание и побуждает к интерпретационным усилиям, направленным на поиски скрытых кодов [24]. Новый код сообщения, создающийся на основе коннотативных словарей и репертуаров, определяется как идиолект иконическото сообщения. Наличие идиолекта позволяет восстанавливать недостающие части сообщения на основе идиолекта, поскольку из сохраненных частей сообщения можно сделать вывод о коде всего сообщения, а также воспринимать все сообщение как единое континуальное целое, не поддающееся делению на дискретные единицы [24].

Сравнительно с возможностями арбитрарных кодов (построенных по принципам словесных) иконические коды допускают бесконечно большое количество возможностей отображения предмета; дополнительной особенностью нконических кодов является возможность их прочтения адресатами, не обучавшимися специально этому коду. Невозможность сведения иконической коммуникации к двум уровням структурной лингвистики и к дискретным методам оперирования приводит к рассмотрению нконических знаков как знаков аналоговых (в том смысле, который вкладывают в понятие аналоговый конструкторы "электронных мозгов"). При этом предпочитают говорить не об "аналоговом коде", а об "аналоговой модели", чем подчеркивается иконический характер системы кодификации [24].

Приведенная характеристика иконической системы коммуникации очевидным образом соответствует основным характеристикам правопо-лушарного типа мышления и коммуникаций, описанным выше.

7. Признание важной роли в процессах мышления невербальной системы и иконического характера знаков, используемых в этих процессах, ставит вопрос об обнаружении нейрофизиологических механизмов, которые могли бы являться материальной основой этих процессов. До последнего времени основной концепцией процессов обучения и мышления. Такая система вполне соответствует дискретно-логическому способу процесс моделирования действительности мозгом представлялся как установление фиксированной связи между дискретными элементами. Таким образом, предполагалось, что каждому явлению реальности в мозге соответствует определенным образом фиксированная нейрональ-ная конфигурация. Линейнологические системы представляли мозг как мозаику пунктов, специализированных на определенные типы поведения. Такая система вполне соответствует дискретно-логическому способу работы левого полушария мозга. Очевидно, однако, что оперирование сложными иконическими знаками не может быть осуществлено на основе замыкательной модели. Такая модель не может объяснить хотя бы такие аспекты поведения, как распознавание сложных образов по любому отдельному их фрагменту, обучение с одной пробы, симультанность узнавания [30] (*На принципиальную неадекватность "замыкательных" теорий для раскрытия особенностей работы мозга было указано еще в 1935 г. Н. А. Бернштейном (Арх. биол. наук. 1935, I) - Примеч. ред*).

Дальнейшие исследования показали, что удаление больших и разнообразных участков мозга не приводит к полной утрате заученного поведения [33]". Было показано, что при запечатлении в мозге определенного стимула включаются огромные массы нейронов [40]. Эти данные подорвали универсальную замыкательную теорию, поскольку очевидно, что разрушение хотя бы части фиксированной системы запечатления должно было бы приводить к необратимым изменениям поведения и разрушению энграммы памяти. В связи с этим была выдвинута холистическая или голографическая теория работы мозга по восприятию, переработке и воспроизведению информации [33; 13] (*Данные, лежащие в основе голографической теории работы мозга, пришли из области исследований по физической оптике. В 1948 г. Табором был открыт новый способ оптического отображения предметов - голография [11]. Знаменательным оказалось уже само совпадение названий: холистическая система мозга (Лешли) и голография (Табор). Важнейшим свойством голографнческого способа отображения является то, что информация в голограмме не локализована, то есть отдельные части информации не привязаны к пространственным адресам. Голограмма фиксирует не изображение предмета, а поле рассеянной им волны. Смещая точку наблюдения, можно с помощью этого поля видеть объект с разных сторон в виде трехмерного образа, поразительно сходного с реальным. Физически голограммы реализуются не фиксированными конфигурациями дискретных элементов а когерентными колебаниями двух виртуальных источников волн [11]. Поскольку каждый участок голограммы содержит всю существенную информацию, утрата части голограммы не приводит к уничтожению изображения: при разбиении голограммы на фрагменты происходит не раздробление изображения, а создается соответствующее количество изображений, идентичных первоначальному. Далеко идущее сходство процессов, происходящих в мозге и в голографических физических системах, позволяет возвести оба процесса к общей формализованной системе. На основе голографии даны формализованные описания процессов вспоминания и зрительного восприятия [13; 7]*).

Согласно голотрафической теории, при восприятии и обучении происходит создание репрезентативной системы больших популяций нейронов почти во всех областях мозга, активность которых изменяется

координированным образом под влиянием пространственно-временных характеристик стимула. Быстрое распространение когерентного "паттерна" разрядов нейронов на большинство образований мозга инициирует развитие общего модуса активности, временной "паттерн" которого когерентен во всех вовлеченных в систему областях. В такой системе информационное значение события представлено средним поведением нейронного ансамбля, а не исключительным поведением какого-либо специфического нейрона. Один и тот же ансамбль может репрезентировать многие разнотипные содержания, каждое из которых создает особый когерентный "паттерн" отличия от случайности распределения частот разрядов нейронов или от фонового "паттерна" [30].

Такая организация имеет ряд особенностей: а) система, построенная на ее основе, работает как целое и осуществляет целостное отображение стимула; б) для создания подобной системы не требуется длительного предварительного построения (симультанность); в) в подобной системе нет необходимости сопоставления всех характеристик образа для его распознавания - распознавание осуществляется по любому аспекту стимула; г) в подобной системе возможно восстановление целостного отображения при отсутствии ряда кажущихся существенными пространственных звеньев, восстанавливающихся за счет общего модуса активности, распространяющейся на "темные" участки системы. Эти особенности работы голографической системы опознания и отображения объекта совпадают с семиотическим понятием идиолекта иконического сообщения. Этот тип восприятия и переработки информации также очевидным образом соответствует образно-визуальной системе мышления и коммуникации правого полушария.

8. Принятие голографического принципа з качестве основного принципа работы правого полушария раскрывает пути к объяснению целого ряда клинических фактов и экспериментальных наблюдений. В частности, теряет свою парадоксальность факт относительной редкости грубых нарушений "правополушарного" мышления при органических поражениях правого полушария мозга. Действительно, уничтожение какой-либо части голограммы не ведет к утрате информации,поскольку любой из ее участков содержит всю существенную информацию. Исходя из принципов оптической голографии можно на формализованном математическом уровне описать и понять и такие явления, как перевод звуковой информации в зрительную, процессы распознавания образов, процессы разложения образа на отдельные элементы и восстановления целого образа из сохранившихся фрагментов.

Можно представить также голограмму, являющуюся некогерентным наложением голограммы разных предметов или частей одного и того же предмета. При этом фотопластинка суммирует создаваемые ими освещенности. Такая голограмма без существенных искажений восстановит несколько последовательно зарегистрированных световых волн [11]. Это позволяет понять, как в одном и том же морфологическом субстрате (ансамбле нейронов) может быть одновременно зарегистрировано несколько информационных наборов и осуществляться распознавание различных образов.

В оптической голографии при изменении опорного источника света, длины волны, нелинейностях первого порядка наблюдаются изменения изображения - уменьшение или увеличение, аберрации, нарушения резкости, фальшивые изображения. Все это коррелирует с наблюдаемыми при патологии (особенно - правого полушария) синдромами дизморфопсии, нарушениями пространственной ориентации, микро- и макропсиями, галлюцинациями и иллюзиями. Восстановление изображения с помощью голограммы может объяснить феномены фантомных ощущений в ампутированных конечностях, а также процессы нахождения утраченных частей иконического сообщения по идиолекту.

Резюмируем: анализ фактов, связанных с функционированием правого полушария мозга, позволяет считать, что в основе его коммуникативной активности лежит иконическая семиотическая система. Оперирование иконическими знаками возможно только на базе голографически построенной информационной системы, базирующейся на нейрофизиологической организации, работающей по статистическим принципам и имеющей универсальную дивергентно-конвергентную структуру. Неслучайно область применения голографии х информатике получила название иконики. Представляется, что исследования, учитывающие эти три аспекта проблемы, позволят более эффективно и на более формализованном уровне исследовать процессы невербального, подсознательного мышления.

64. Some Aspects of the Semiotic Structure and Functional Organization of "Right Hemispheric Thinking". L. R. Zenkov

1st Medical Institute, Moscow

Summary

Clinical and experimental data on the cognitive and communication functions of the right cerebral hemisphere are analyzed in terms of semiotic structure and neurophysioiogical organization. The analysis shows that the right hemispheric functions are performed on the basis of an iconic sign system. From an analysis of different types of information systems it is inferred that operations with iconic signs necessitate a holographic and statistical neurophysioiogical organization. "Right hemispheric thinking" structures in various cultural, philosophical and psychological systems and in man's practical activity are traced.

Литература

1. Бабенкова С. В., Волков В. Н., Ж. невропатол. и психиатр., 1968, 68, 3, 385-391.

2. Бабенкова С. В., Ж. невропатол. и психиатр., 1970, 70, 4, 521-527.

3. Витгенштейн Л., Логико-философский трактат, М., 1958.

4. Зенков Л. Р., Функциональная асимметрия мозга и некоторые аспекты человеческой коммуникации. В кн.: Семиотика и культура (в печати).

5. Зенков Л. Р., Падалко В. В., Лавдовский В. С, Тонха Д. К., Нейрофизиологическое исследование предоперационного стресса. В кн.: Стресс и его патогенетические механизмы, Кишинев, 1973, 74-76.

6. История русского искусства (под ред. И. Э. Грабаря), т. III, М., 1955.

7. Кирлявис Д., Ванагас В., Квазиголографические принципы Лешли в нейронной организации зрительного анализатора. В кн.: Тезисы докладов V Всесоюзной конференции по нейрокибернетике, Ростов-на-Дону, 1973.

8. Ленин В. И., Философские тетради, М., 1969.

9. Лурия А. Р., Высшие корковые функции человека, М., 1962.

10. Налчаджан А. А., Некоторые психологические и философские проблемы интуитивного познания, М., 1972.
И. ОСТРОВСКИЙ Ю. И., Голография и ее применение, М., 1973.

12. Платон, Избранные диалоги, М., 1966.

13. Прибрам К., Языки мозга, М., 1975.

14. Пуанкаре А., Ценность науки, М., 1906.

15. Флоренский П. А., В кн.: Труды по знаковым системам, V, Тарту, 1971.

16. Alajaunite, T., Brain, 1948, 71, 229-241.

17. Assal, G., Zander, E., Schweiz. Arch. Neurol. Psychiat., 1969, 105, 2, 217-239.

18. Benton, A. L., Contin. Neurol. (Basel), 1967, 29, 1, 1-16.

19. Benton, A. L., Joynth, J. Arch. Neurol., 3, 205-222, 1960.

20. Bogen, J. E., Gazzaniga M. S., J. Neurosurg., 1965, 23, 39-4399.

21. Brain, W. R., Brain, 64, 244-272, 1941.

22. Cohen, B., J. Exp. Psychol.. 1973, 97, 349.

23. Dewey, J., How We Think, N. Y., London, 1933.

24. Eco, U., Pejzaz semiotyczny, Warszawa, 1972.

25. Gazzaniga, M. S., Sci. Amer., 1967, 217, 24-29.

26. Hadamard, J., An Essay on the Psychology of Invention in the Mathematical Field, N. Y., 1954.

27. Hecaen, H., Clinical symptomatology in right and left hemispheric lesions. In: Interhemispheric Relations and Cerebral Dominance, Baltimore, 1962.

28. Hecaen, H., Assal, G., Neuropsychologia, 1970, 8, 3, 289-304.

29. Humphrey, M., Zangwill, O., J. Neurol. Neurosurg. Psychiat., 1954, 14, 322-325.

30. John, E. R., Science, 1972, 177, 4052, 850-868.

31. Koestler, A., Le Cri d'Archimede, Paris, 1965.

32. Korner, F., Regli, F., Haijnal, A., Arch. Psychiatr. Nerven., 1926, 209, 1-8.

33. Lashley, K. S., Symp. Soc. Exp. Biol., 4, 454-460, 1950.

34. Luria, A. R., Tsvetkova, L. S., Fuler, D. S., J. Neurol. Sci., 1965, 2, 288-292.

35. Morris , Ch., Sign, Language and Behavior, N. Y., 1946.

36. Mullan, S., Penfield, K., Arch. Neurol. Psychiat., 81, 269-284, 1959.

37. Nielsen, J. M., Bull. Los Angeles Neurol. Soc, 1940, 5, 135-149.

38. Peirce, Ch. S., Collected Papers, vol. II, Cambridge, Mass., 1932.

39. Ragg, H.. Imagination, N. Y., London, 1963.

40. Rosen, J., Stein, D., Butters, N.. Science, 173, 355-361, 1971.

41. Russell, B., An Inquiry into Meaning and Truth, N. Y., 1940.

42. Scott, G., Spinnler, H., J. Neurol. Neurosurg. Psychiat., 1970, 33, I, 22-28.

43. Wertheimer, M., Productive Thinking, N. Y., 1943.

44. Zangwill, O. L., Quart. J. Exp. Psychol., 1972, 24, 2, 123-138

65. Об эндокринном механизме осознаваемых и неосознаваемых стадий развития мотивации. В. М. Ривин, И. В. Ривина

НИИ психиатрии МЗ РСФСР, Москва

Известно, что в настоящее время не существует общепринятой теории психофизиологических механизмов неосознаваемой психической деятельности. Поиски решения возникающих в этой связи проблем в подавляющем большинстве случаев ведутся на уровне исследования соответствующих мозговых структур, на уровне изучения нейрональных процессов. Вместе с тем накоплено все возрастающее количество экспериментальных фактов, обнаруживающих влияние эндокринной системы на характеристики многих психических процессов - как осознаваемых, так и бессознательных. Однако теоретическое значение этих фактов остается все еще предметом дискуссий.

Сторонники теории нервизма рассматривают эндокринную систему как группу эффекторных органов, чье функционирование имеет вторичный характер, полностью обусловленный и управляемый нервной системой и внешними стимулами. После открытия нейроэндокринного механизма стресса все шире распространяются представления о "равнозначимости" нервных и эндокринных влияний на психику и поведение, о синхронном, кольцевом характере нейроэндокринного комплекса. Недавно была предложена также "концепция принудительности", согласно которой эндокринные воздействия на нервные структуры определяют основные характеристики психической деятельности, а нервная система, опосредующая действия внешних и внутренних стимулов, способна лишь в ограниченной степени корректировать спонтанную генетическую программу функционирования органов внутренней секреции [2].

Такой подход открывает новые возможности исследования некоторых механизмов бессознательного. В частности, может быть рассмотрена в новом аспекте проблема зависимости ряда психических феноменов от мотиваций. Мы провели в этой связи экспериментальное исследование, имеющее целью выявление некоторых зависимостей между гормональными воздействиями и изменениями болевых и тактильных порогов ощущений. Исследование проводилось на группе испытуемых, страдающих различными формами гипогонадизма, нуждающихся в лечении андрогенами. Кроме того, в работе сделана попытка теоретического рассмотрения некоторых закономерностей развития половой потребности, определения стадий развития половой мотивации и обнаружения связей между развитием мотиваций и некоторыми феноменами неосознаваемой психической деятельности.

Гормоны и ощущения

В опытах по исследованию влияния гормонов на пороги ощущений участвовали 9 испытуемых: мужчины от 16 до 34 лет с пониженной эндогенной продукцией андрогенов, связанной с врожденным гипогона-дизмом. Исходное содержание 11-кетостероидов составляет по группе в среднем примерно 8,2 мг/24 час. Кроме того, можно считать, что концентрации андрогенов в крови у испытуемых не только низки, но также характеризуются равномерностью, не имеют резких колебаний во времени и заметных проявлений цикличности.

В опыте у каждого испытуемого измерялись фоновые пороги тактильных и болевых ощущений на двух точках: нейтральной (наружная поверхность правой руки между локтем и кистью) и нейтрально-эрогенной (внутренняя поверхность верхней трети бедра). Испытуемый, находящийся в изолированной комнате, получал через электроды электростимулятора возрастающие по силе стимулы последовательно на каждую из указанных точек. Возникновение ощущений фиксировалось по словесному отчету испытуемых.

Затем испытуемый получал - впервые в жизни - 4 таблетки метил-тестостерона по 0,005 гр. и через 30, 60, 90, 120 минут после приема гормона снова по той же методике измерялась величина порогов на тех же точках. Полученные результаты приводятся в таблицах 1 и 2.

Область воздействия	Фон	Время воздействия (в мин.) : через			
		30	60	90	120
рука	17,3	24,1	24,3	25,8	18,3
бедро	13,5	11,6	12,1	12,4	14,2

Таблица 1. Изменения порогов тактильных ощущений в среднем по группе испытуемых при воздействиях электростимулами (сила стимула указывается в вольтах)

Известно, что экзогенное введение андрогенов приводит к постепенному повышению их концентрации в крови и последующему понижению до фоновых значений в связи с их инактивацией. Как видно из таблиц, пороги тактильных и болевых ощущений также претерпевают определенные изменения, а затем возвращаются близко к фоновым величинам. Это позволяет предположить наличие зависимости между изменениями этих порогов и изменениями концентраций андрогенов в крови.

Область воздействия	До получения гормона	Время воздействия (в мин.) : через			
		30	60	90	120
рука	50	57,5	67,5	68,8	56,4
бедро	44,6	43,3	44,0	43,2	44,5

Таблица 2. Изменения порогов болевых ощущений в среднем по группе при воздействиях электростимулами (сила стимула указывается в вольтах)

Результаты опыта показывают, что чувствительность в разных точках рецепторного поля изменялась в различных направлениях. С ростом концентрации андрогенов в крови тактильные и болевые пороги нейтральной точки повышались, пороги точки, близкой к эрогенной зоне, понижались. Это указывает на специфичность действия гормонов на рецепторное поле.

Характер изменения чувствительности, вызванного андрогенами, очевндно связан с модальностью гормона. Хотя неизвестен механизм действия андрогенов на рецепторы, но вне зависимости оттого, является ли это действие непосредственным или осуществляется через центральную нервную систему, можно считать, что рецепторное поле представляет собой одну из многих "мишеней" для половых гормонов.

Опыты по выявлению корреляций между концентрациями андрогенов и изменениями болевой и тактильной чувствительности носили предварительный, поисковый характер. Однако, на наш взгляд, они показывают перспективность исследований влияния различных типов гормонов на различные аспекты рецепторного процесса.

Стадийное развитие мотиваций

Приведенные в таблицах результаты опытов позволяют сделать некоторые предположения о закономерностях развития половой мотивации.

Известно, что основной закономерностью функционирования гонад является цикличность. Поскольку у наших испытуемых эндогенное продуцирование андрогенов лишено выраженной цикличности, введение им метил-тестостерона по существу моделирует, хотя и не полностью, процесс развития одного естественного цикла половой мотивации, характеризующегося постепенным повышением концентрации андрогенов в крови, а затем их падением. Исследование изменений порогов ощущений в ходе этого процесса, наблюдения за поведением испытуемых, некоторые литературные данные и общие теоретические соображения позволяют предположить, что половая мотивация претерпевает в процессе своего развития закономерные изменения, не является однородным феноменом, состоит из сменяющих друг друга стадий, обладающих различными характеристиками. При построении модели развития половой мотивации могут быть выделены следующие стадии.

1. Латентная стадия развития мотивации. Обычно возникновение половой потребности связывается с моментом ее осознания в качестве специфического влечения, сексуальной мотивации. Предшествующий этап ее развития выпадает из поля зрения исследователей, поскольку, пока потребность неощутима и неосознаваема, она как бы не существует вообще и не влияет на психическую деятельность. Безосновательность подобных представлений очевидна в свете изложенных в таблицах результатов, которые показывают, что уже через 30 минут после получения андрогенов их концентрации в крови хотя и не вызывают осознанных переживаний, однако являются реальным фактором, оказывающим существенное влияние на определенные психические процессы. В частности, увеличение чувствительности специфичных для данной мотивации рецепторных зон и уменьшение чувствительности всех остальных, индефферентных для данного влечения рецепторов может рассматриваться как специфическая "настройка" чувствительности к внешним раздражителям. Эта настройка должна приводить к направленным изменениям афферентного потока от рецепторного поля даже при действии на организм случайных неспецифических раздражителей, что может способствовать формированию половой доминанты (А. А. Ухтомский), а также определять закономерности образования "следа памяти" от воздействия различными стимулами.

Специфическая настройка рецепторов может служить также одним из физиологических механизмов формирования подсознательной установки (*В смысле, придаваемом понятию установки представителями*

грузинской школы психологов: Д. Н. Узнадзе, Психологические исследования, М., 1966; И. Т. Бжалава, Психология установки и кибернетика, Тб., 1966; А. С. Прангишвили, Исследования по психологии установки, Тб., 1967; А. Е. Шерозия, К проблеме сознания и бессознательного психического, том I, Тб., 1969; том II, Тб., 1973) на определенный вид будущей деятельности, в данном случае половой, еще до того, как эта деятельность осознается в качестве желаемой цели.

В наших экспериментальных условиях латентная стадия продолжалась примерно 40-60 минут после введения метил-тестостерона. В течение этого периода концентрация андрогенов в крови не была одинакова, поскольку всасывание гормона происходило постепенно. Зависит ли возникновение той или иной реакции на внешний раздражитель от концентрации гормона уже на латентной стадии развития мотивации? Основываясь на субъективных отчетах испытуемых, можно утверждать, что в этом смысле уже латентная стадия является неоднородной и может быть разделена на два периода.

а) Период негативной реакции. Перед получением тестостерона, то есть в период, когда концентрации адрогенов у наших испытуемых были низкими, большинство из них отмечало, что тактильные и болевые воздействия на эрогенную зону вызывали у них неприятные ощущения. Такая эмоциональная окраска внешних воздействий на специфические рецепторы может хотя бы частично объяснить некоторые факты, например появление реакции активного или пассивного избегания полового партнера в момент низкой концентрации андрогенов. Таким образом, на данном периоде развития мотивации предъявление стимула, адекватного данной мотивации (тактильного для эрогенной зоны), вызывает негативную реакцию на него. Весьма вероятно, что такой стимул может служить тормозом для развития самой мотивации, вызывать задержку ее дальнейшего развития.

б) Период позитивной реакции. Через 30 минут после получения тестостерона большинство испытуемых уже отмечали приятный характер ощущений при воздействии электростимулов на эрогенную зону. В это время ни один из испытуемых не замечал еще никаких субъективных изменений своего психического состояния, однако, как это видно из таблиц, такие неосознаваемые изменения уже произошли и, по-видимому, именно они определили изменения эмоциональной окраски реакции на внешний раздражитель. Приятные ощущения, возникающие при воздействии адекватного стимула на специфические рецепторы, в данном периоде могут объяснить, почему адекватный раздражитель способен в некоторых случаях вызвать явную половую мотивацию тогда, когда внутреннее ощущение влечения еще отсутствует. В данном периоде внешний стимул ускоряет развитие мотивации.

Говоря о механизме этих феноменов, можно предположить, что при негативном периоде развития мотивации низкий уровень функционирования гонад (низкая концентрация андрогенов в крови) может определить формирование такого "афферентного синтеза", который включает в себя "центры неудовольствия", что приводит к уменьшению секреции гонадотропина и, естественно, временному ослаблению спонтайной функции гонад, а также к увеличению продукции АКТГ. стимулирующего выброс стрессовой группы кортикостероидов. В результате должна возникнуть негативная реакция на половой раздражитель. При более высоком секретировании андрогенов, их повышенные концентрации, возможно, переключают рецепторную афферентацию на пути, включающие "центры удовольствия", что повышает секрецию гонадотропина и стимулирует функцию гонад, ускоряя, таким образом, развитие мотивации. В обоих случаях мы имеем дело с примером влияния внешнего раздражителя, корректирующего через нервную систему спонтанную программу функционирования эндокринного комплекса.

2. Стадия неосознаваемой модальности мотивации. Через 40-60 минут после приема тестостерона наши испытуемые начинали субъективно ощущать признаки изменения своего состояния, хотя это новое состояние не оценивалось ими как возникновение специфического влечения. Испытуемые отмечали усиливающееся чувство непонятной тревоги, легкого головокружения, у них отмечалось двигательное беспокойство или, напротив, вялость, которая описывалась как "приятная истома", у некоторых замечались такие вегетативные реакции, как покраснение лица и появление красных пятен на шее. Эти признаки совпадают с описанием психофизиологических симптомов первой стадии стресса - стадии тревоги (Г. Селье). Можно предположить, что, когда повышение адрогенов достигает определенного уровня, они становятся стрессором, включающим повышение секреции катехоламинов, которые, активизируя соответствующие мозговые структуры, вовлекают новые психофизиологические системы в процесс развития специфической мотивации.

По-видимому, конкурирующее действие катехоламинов приводит к тому, что через 60 минут после приема андрогенов пороги тактильных и болевых ощущений изменяются очень мало по сравнению с измерением на 30-й минуте, хотя следует полагать, что концентрация гормона в крови за этот период увеличилась. На стадии неосознаваемой модальности энергия мотивации носит настолько неспецифический характер, что может быть сублимирована в поведение другой модальности. Общее стремление наших испытуемых к движению,

деятельности проявлялось в том, что они не могли усидеть на месте, ходили, стали более общительными, а один из них попросил даже разрешения поработать на пишущей машинке. Такое состояние в обыденной жизни описывается обычно словами: "чего-то хочет, сам не знает чего". Вместе с тем уровень андрогенов на этой стадии достигает, по-видимому, "подпорогового" значения, и возникновение в такой момент адекватного внешнего стимула может очень быстро вызвать повышение эндогенной секреции тестостерона и, следовательно, ускорить развитие мотивации. По нашему мнению, именно такая закономерность данной стадии и породила иллюзию, будто именно внешний стимул вызывает возникновение соответствующей мотивации в любой момент времени.

3. Стадия осознания мотивации. Примерно через 70-100 минут после получения тестостерона 7 испытуемых из девяти оценили свое психологическое состояние как состояние сексуального влечения. Они отмечали повышение общего психического и физического тонуса, возникновение приятных ощущений в области таза и гениталий, появление мыслей о женщинах, мечтаний и планов сексуального характера, наконец, появление чувства стыда оттого, что они переживают сексуальное возбуждение в неподходящих условиях научной лабораторни. При этом, двигательное беспокойство, стремление к деятельности не только возрастает, но, судя по признаниям испытуемых, приобретает более целенаправленный характер, который в условиях лаборатории проявляется, например, в желании поговорить с женщинами. Как видно из таблиц, к этому времени специфические изменения порогов ощущений становятся наиболее значимыми (например, на нейтральной точке тактильный порог возрастает по сравнению с фоном более чем в полтора раза). Все это позволяет предположить, что на данной стадии концентрации андрогенов приобретают такое значение, которое не может быть замаскировано действием стрессовых гормонов, чья энергия теперь, по-видимому, подчинена специфической мотивации. Величина концентрации андрогенов на данной стадии обеспечивает процесс завершения формирования психофизиологического механизма специфической сексуальной установки.

На стадии осознания мотивации процесс удовлетворения соответствующей потребности способен вызвать положительные эмоциональные переживания, которые, однако, выражены недостаточно сильно, чтобы при этом возникало чувство глубокого эмоционального удовлетворения.

4. Стадия мотивационного поведения. Дальнейшее развитие мотивации не может быть прослежено на испытуемых, получавших метил-тестостерон, поскольку уже через 120 минут экзогенный гормон, по-видимому, полностью инактивируется в организме, что отражается как на субъективном состоянии испытуемых, так и на изменении порогов ощущений, которые к этому времени возвращаются к величинам, близким к фоновым (см. таблицы). Однако, наблюдения и литературные данные показывают, что естественное, эндогенное развитие половой мотивации не завершается на стадии осознания, если на этой стадии не происходит удовлетворения половой потребности. В этом случае дальнейшее спонтанное повышение секреции андрогенов приводит к возникновению полового поведения, связанного с поисками возможностей удовлетворения потребности. Высокая продукция андрогенов определяет цели и направление поведения, а также "включает" механизм повышения секреции группы стрессовых гормонов стадии резистентности, что обеспечивает высокий уровень психической и физической активности поведения.

Специфическая, андрогенная настройка всех систем организма вызывает детерминированный, не зависящий (или мало зависящий) от сознания характер реакций на внешние стимулы, знак эмоций при этом зависит от того, соответствуют или не соответствуют эти стимулы цели поведения. Специфическая настройка рецепторов является физиологической базой для развития ряда характерных психических состояний. Так, например, в опытах с крысами нами было установлено, что введение внутриорюшинно 0,005 грамма метил-тестостерона самцу весом в 250-300 грамм (16 животных) приводит примерно через 60-100 минут к понижению болевой чувствительности лапок к силе тока на железной решетке примерно в три раза (6 и 18 вольт) и повышению порога выносливости к боли примерно на 8-10 вольт. Биологическое значение такого существенного изменения болевых порогов понятно. Этот феномен объясняет, почему животные при высоком содержании андрогенов "не обращают внимания" на некоторые болевые раздражители, мешающие достижению удовлетворения потребности, почему они "смело" вступают в опасные ситуации для достижения целей мотивации. Весьма вероятно, что в формировании этих и некоторых других психических состояний участвуют специфические физиологические изменения рецепторного поля.

Данная стадия является оптимальной для процесса удовлетворения потребности, и этот процесс теперь приносит субъективное переживание глубокого эмоционального удовлетворения.

5. Стадия перенапряжения мотивации. Продолжающееся повышение концентраций андрогенов в крови приводит к стадии перенапряжения половой мотивации, при которой перенапряженное влечение деформирует всю психическую деятельность, вызывает нарушения поведения и может привести к соматической патологии разного рода. На этой стадии включается также механизм дистресса, определяющий картину агрессивности и нарушений

способности адекватной оценки ситуации. Адекватный стимул может вызвать в этих условиях парадоксальные реакции. Удовлетворение потребности может оказаться невыполнимым, затрудненным или окрашенным эмоциями "болезненного наслаждения".

6. Стадия истощения мотивации. Длительное интенсивное функционирование гонад приводит в конце концов к истощению их секреторной способности, концентрации половых гормонов при этом падают ниже фонового уровня, возникают на определенный срок нарушения половой цикличности. Одновременно происходит также истощение стрессовых структур надпочечников. В результате этих процессов возникает как специфическая по модальности, так и общая психофизиологическая депрессия, разного рода соматические и психические расстройства. Например, нами была показана значимая корреляция между пониженной продукцией ряда гормонов и неврозами [1]. Адекватный внешний стимул на данной стадии не вызывает никакой реакции и не способен изменить параметры функционирования гонад. Удовлетворение половой потребности на этой стадии невозможно.

Выводы

Гипотеза о стадийном развитии половой мотивации позволяет сделать некоторые предварительные выводы, которые могут послужить основой для экспериментальных исследований.

1. Литературные, экспериментальные данные и теоретические соображения открывают возможность для разработки общей теории стадийного развития мотиваций всех модальностей. Исходя из представлений об эндокринной природе всех биологических потребностей и генетическом характере программы функционирования каждого из эндокринных органов ("органов потребностей"), можно прийти к выводу, что динамическое взаимодействие всех этих программ определяет психофизиологическое состояние организма в любой момент времени, которое и обусловливает основные характеристики реакций организма на внешние стимулы.

2. Спонтанные изменения основных гормональных параметров в процессе развития мотиваций приводят к закономерному возникновению некоторых эндогенных психических эффектов. В процессе стадийного развития мотиваций, в частности, изменяются параметры рецепторного процесса, в результате чего непосредственно претерпевают изменения такие формы психической деятельности, как ощущения и восприятие, а опосредованно - также память и мышление. Происходит закономерная смена эмоциональных состояний, эндогенно обусловленная смена форм поведения. В самом общем виде развитие любой мотивации вызывает переход организма из состояния пассивности к обусловленной внутренним побуждением активности.

3. Спонтанное развитие мотиваций корректируется воздействиями внешних и внутренних стимулов, а характеристики реакций зависят, в основном, не столько от силы стимула, сколько от того, на какой стадии развития мотивации такие воздействия осуществляются. Например, один и тот же стимул адекватной модальности не вызывает никаких изменений мотивации на стадии истощения, затормаживает ее развитие в негативном периоде латентной стадии и стимулирует ее развитие на остальных стадиях. Стимул конкурирующей модальности может усилить мотивацию на стадии перенапряжения (по механизму доминанты), а на других стадиях может прервать на определенное время ее развитие. Как это видно из таблиц 1 и 2, в процессе развития мотивации сила воздействий нейтральных стимулов на организм может оказаться существенно измененной в связи с изменением порогов ощущений. Положительные эмоции возникают или усиливаются с развитием мотивации в случае действия адекватного стимула, отрицательные - при действии конкурирующего.

4. Основные психические характеристики, возникающие в процессе удовлетворения любой потребности, также прежде всего зависят от того, на какой стадии развития соответствующей мотивации такой процесс происходит. В принципе процесс повышения концентраций гормонов в крови психологически выражается в усилении неприятных эмоциональных переживаний, тогда как процесс падения этих концентраций переживается субъективно как приятное состояние. В связи с такой закономерностью становится понятно, почему, например, на неосознаваемых стадиях развития мотивации неприятные эмоции слабы, но и процесс удовлетворения потребности не вызывает сильных положительных эмоций, а на стадии мотивациоиного поведения высокий уровень внутреннего напряжения сменяется при удовлетворении потребности сильными положительными чувствами, которые обычно характеризуются, как чувства наслаждения, радости, счастья, удовлетворения.

5. Представления о стадийном развитии мотивации выявляют решающее значение момента удовлетворения потребности для возникновения и протекания многих феноменов психической деятельности, как осознаваемых, так и бессознательных. Эти представления показывают, что поиск психофизиологических механизмов психической деятельности должен вестись системно, с учетом психических, нейрональных и эндокринных уровней. Исследования эндокринного механизма мотиваций может помочь, в частности, заменить неясные, гипотетические, а то и полумистические объяснения физиологических механизмов различных неосознаваемых

психических феноменов, какие предлагаются, например, 3. Фрейдом или К. Лоренцом (в частности понятие "психической энергии"), более адекватными, физиологически обоснованными представлениями.

65. On the Endocrine Mechanisms of Conscious and Unconscious Stages of Motivation Development. V. M. Rivin, I. V. Rivina

Moscow Scientific Research Institute of Psychiatry, RSFSR Ministry o. Health

Summary

The paper presents a description of experimental results which allow to establish a correlation between the level of sex hormones in human and animal blood and the change of tactile and pain thresholds in neutral and erogenic zones. In this connection a hypothesis is advanced on the endocrine-caused stadial development of motivation of any modality.

The following stages are identified: 1) latent; 2) unconscious modality ot motivation; 3) becoming aware of motivation; 4) motivational behaviour; 5) overstrain of motivation.

A brief discussion is given of the possible psychophysiological mechanism of each stage, its conscious and unconscious components; the dependence of the kind of reaction of the organism to external stimuli in the stage of the development of motivation.

Литература

1 Иовлев Б. В., Ривин В. М., Ставровский Е. М., Биохимические исследования эмоционального стресса у больных неврозами, Третий Всероссийский съезд невро-патологов и психиатров, т. II, М., 1974.

2. Ривин В. М., О принципе принудительности в процессе этоцикла, Проолемы кибернетики, № 25, М., 1972.

3 . Узнадзе Д. Н., Психологические исследования, М., 1966.

4. Ухтомский А. А., Доминанта как фактор поведения. Собр. соч., т. 1, Л., 1950.

67. Некоторые аспекты функциональной активности мозга при коматозном состоянии. Л. И. Сумский

Институт скорой помощи им. Склифосовского, Москва

В течение длительного времени неосознаваемая психическая деятельность изучалась почти исключительно в периоде бодрствования. В какой-то мере это было вызвано, по-видимому, тем, что наиболее известные в настоящее время методы исследования неосознаваемых мотивов, установок, перцепции были разработаны для применения именно в условиях бодрствования. В то же время в условиях бодрствования неосознаваемая психическая активность находится в тесном взаимодействии с сознанием, и нельзя исключить, что при анализе состояний со сниженной контрольночрегуляционной функцией сознания удастся выявить неизвестные до сих пор закономерности организации неосознаваемой психической деятельности. Состояния, сопровождающиеся утратой сознания, могут поэтому представлять особый интерес для изучения процессов, протекающих на бессознательном уровне.

Одно из таких состояний, сон, всегда привлекало внимание психологов в качестве примера доминирования бессознательного. Но, несмотря на то, что человек проводит 1/3 своей жизни во сне и интерес к механизмам сна появился еще в период античной культуры, только в последние два десятилетия применение нейрофизиологических методов позволило изучать те процессы, которые происходят во время снижения регулирующего влияния сознания. До этого многие исследователи не очень дифференцировали сон от комы, считая оба состояния недоступными для объективного изучения. Между тем, большой материал, накопленный при анализе особенностей электрической активности мозга в периоде сна, указывает на важную роль нейрофизиологических исследований для понимания принципов организации психики в состоянии коматозного выключения сознания.

Общеизвестные данные об определенной сохранности жизнедеятельности мозга при коме делают предположение о наличии психической деятельности в коматозном состоянии не абсурдным. Если же исходить из этого предположения, кома может рассматриваться как своеобразная, хотя и патологическая, модель функционирования бессознательного психического.

Особый интерес представляет вопрос о возможности восприятия и переработки информации в сенсорных системах мозга при коме. Для изучения этого наиболее адекватным является метод вызванных потенциалов [ВП] как показатель динамики информации в сенсорных системах. В настоящее время ВП рассматривается как колебание суммарного постсинаптического потенциала нейронов в регистрируемой точке мозга в ответ на поступающий афферентный сигнал. Причем генерацию отдельных компонентов ответа и латентное время их появления связывают с функцией различных образований мозга, что дает-возможность подойти к рассмотрению вопроса о степени сохранности функциональных мозговых систем.

Мы исследовали ВП у 30 больных, находившихся в глубоком коматозном состоянии вследствие черепномозговой травмы пли инсульта. ВП регистрировали монополярно в затылочных, теменных, центральных, лобных и височных областях обоих полушарий. Стробоскоп устанавливался на расстоянии 30 см от глаз больного. Вспышки света силой 0,27 и 1,45 дж подавались с частотой 0,5 гц. Ответ усиливался на электроэнцефалографе и подавался на компьютер "АНОПС-10", работающий в режиме усреднения. Суммировалось 64 ответа с эпохой анализа 330, 660 и 1320 моек.

У 6 больных отмечалось грубое нарушение ВП во всех отведениях. Вызванный ответ при этом состоял из 1-2-фазных колебаний в диапазоне длиннолатентных компонентов, и произвести паспортизацию отдельных осцилляции не представлялось возможным. У остальных 24 больных были выявлены выраженные нарушения вызванного ответа. Наблюдалось обеднение компонентного состава ВП и увеличение латентных периодов отдельных колебаний. Наиболее грубые изменения претерпевали волны поздних осцилляции: резко возрастало время развития до максимума, уменьшалась амплитуда колебаний, искажалась конфигурация отдельных компонентов. У всех больных отсутствовал сенсорный альфа-послеразряд. Однако, несмотря на отчетливо выраженные и грубые нарушения вызванной активности, ответ регистрировался не только в специфической проекционной зоне, но и во всех отведениях, причем ВП в неспецифических областях по скорме и временно-амплитудным показателям отдельных волн незначительно отличались от ответа, наблюдаемого в затылочной области. Следует отметить также, что ВП, несмотря на грубые изменения, сохраняли в основном специфическую конфигурацию зрительного вызванного ответа. Эти факты указывают на относительную сохранность способности воспринимать и трансформировать афферентную информацию по различным отделам мозга в периоде коматозного состояния.

7 больным была произведена стимуляция с интенсивностью1 вспышки (1,45 дж.) в пять раз более мощной, чем та, которая вызывает четкий ВП у здоровых испытуемых (0,27 дж.). При этом у 5 больных было отмечено увеличение амплитуды ранних компонентов ответа.

Для понимания нейрофизиологических и психофизиологических процессов, протекающих в мозге в период коматозного состояния, немаловажным является вопрос, насколько грубо нарушаются функциональные взаимосвязи основных образований и систем, обеспечивающих жизнедеятельность организма. Определенным индикатором может злееь служить степень изменения такого устойчивого, филогенетически древнего и витально необходимого процесса, как цикл "бодрствование - сон". Нами было исследовано в этом плаке 14 больных в коматозном состоянии после черепномозговой травмы. Производилось дневное ЭЭГ-исследование, продолжавшееся несколько часов, и ночное полиграфическое исследование с дополнительной регистрацией пульса и дыхания.

У 8 больных были отмечены изменения электрической активности мозга в течение суток. Они характеризовались ночью изменением амплитуды и частичным замещением низкоамплитудной асинхронной активностью ритмов, доминировавших при дневном исследовании. Эти изменения ЭЭГ происходили параллельно с последовательным снижением амплитуды электромиограмм, уменьшением движений тела и частоты дыхания и пульса. У ряда больных наблюдалось даже появление отдельных феноменов, характерных для ночного сна: К - комплексов, сонных веретен в виде "осколков" этого ритма [2], высокоамплитудных колебаний длительностью 500-800 мсек. Все эти изменения при ночной регистрации носили, однако, случайный характер, и выявить четкую циклическую закономерность не удалось. Движения же тела приводили, как правило, к возврату дневной ЭЭГ, сочетавшейся с симультанным увеличением мышечного тонуса и учащением пульса и дыхания. Общая картина поэтому в какой-то степени напоминала динамику полиграфических показателей в ночном сне у здоровых испытуемых.

У 2 больных эпилепсией, развившейся после травмы, при ночном исследовании в коматозном состоянии были зарегистрированы разряды пароксиз.мальной судорожной активности типа комплекса "пик-волна" (3 колебания в 1 сек.), амплитудой до 250 мкв., продолжавшиеся в течение нескольких секунд. У одного больного эти разряды периодически сочетались с клиническими подергиваниями. В то же время выявить пароксизмальную активность при дневном исследовании не удалось.

Несмотря на крайнюю малочисленность исследований ВП при коме [5; 11; 13] и разноречивость трактовок полученных результатов, обращает на себя внимание сам факт реакции мозга на афферентные раздражения в этом состоянии полной утраты сознания. Появление ВП на зрительный стимул указывает на способность зрительного анализатора воспринимать и трансформировать (а, возможно, и как-то обрабатывать) афферентный сигнал. Следует при этом отметить незначительную разницу в конфигурации ВП в различных отведениях, что указывает на относительную сохранность связи специфических зрительных проводящих путей с различными корковыми полями. А если принять во внимание указания на наличие независимых связей релейного ядра зрительного пути в тала-мусе с различными отделами неокортекса [3], то полученные данные можно расценить как показатель относительной сохранности не только проводящих путей, но зрительной сенсорной системы в целом. К тому жэ выявленные изменения конфигурации ВП в определенной степени сходны со зрительными ВП, зарегистрированными во время ночного сна здоровых испытуемых [1; 4; 8], что может быть объяснено сходством нейрофизиологических процессов, протекающих в лимбическои и ретикулярной системах при сне и коме. Отсюда возникают некоторые основания рассматривать нарушения ВП не столько как результат морфологической деструкции, обусловленной травмой или инсультом, сколько как влияние утраты сознания и изменений активности лимоико-ретикулярного комплекса при этих двух состояниях.

У большинства больных, как видно из приведенных данных, электрическая активность мозга в коматозном состоянии не представляла собой однотипный монотонный континуум, но совершала определенные превращения в суточном цикле. Это подтверждается не только изменением показателей самой ЭЭГ, но и развитием судорожной активности только при ночном исследовании. Известно, что у больных, страдающих эпилепсией, в результате определенных нейрофизиологических взаимоотношений, возникающих при переходе от бодрствования ко сну, происходит значительное облегчение развития судорожных реакций.

Изменение электрической активности в течение суток у коматозных больных показано в нескольких работах [7; 9; 121. Некоторые авторы обращают внимание на сохранность циклической структуры ночного сна у больных в коматозном состоянии, что рассматривается как показатель функциональной целостности мозга и хороший прогностический признак. Имеется даже сообщение (пока, по-видимому, единственное) о наличии быстрого сна у отдельных больных в коматозном состоянии [10].

Таким образом, на основании и литературных и наших собственных данных можно прийти к заключению, что если мозг в коматозном состоянии и не претерпевает полностью изменений, характерных для ночного сна, то все же сохраняет способность к определенным флуктуациям активности. Наличие подобных колебаний в рамках суточного ритма свидетельствует об определенной сохранности функциональных систем. А если рассматривать отдельные участки полиграфической записи, как проявление активности физиологических механизмов сна, на что указывают и данные литературы, то нет веских оснований отрицать возможность неосознаваемой психической деятельности в эти периоды. Проведенные исследования указывают на относительную сохранность у обследованных больных восприятия и трансформации сенсорных сигналов и наличие состояний, во время которых у здоровых косвенно выявляется неосознаваемая психическая активность. Это позволяет предположить и при коме возможность существования неосознаваемой психической деятельности по переработке ранее накопленной и даже вновь поступающей информации.

Литература

1. Рутман Э. М., В кн.: Проблемы психофизики, М., 1974, с. 65.

2. Сумский Л. И., Роль лимбическои системы в физиологических механизмах ночного сна человека. (Канд. лисе), М., 1971.

3. Фарбер Д. А., В кн.: Основные проблемы электрофизиологии головного мозга, М. 1974, с. 222.

4. Шагас И., Вызванные потенциалы мозга в норме и патологии, М., 1975.

5. Bergamini, L., Bergamasco, B., EEG Clin. Neurophysiol., Suppl., 1967,26, 114,

6. Bergamini, L., Bergamasco, B., EEG Clin. Neurophysiol., 1968, 24, 374.

7. Chatrian, C, EEG., Clin. Neurophysiol., 1963, 15, 272.

8. Ciganek, L., EEG Clin. Neurophysiol., 1965, 18, 712.

9. Lueching, C, EEG Clin. Neurophysiol., 1970, 28, 214.

10. Jouvet, M., Revue de Neurologie, 1961, 105, 181.

11. Adler. J., Golda, V., Petr, R., Kacer, O., Mensihova, Z., Stranshy, P., Sb. Ved. pr. Lek fak. Uk Hrodci Kralove, 1973, 18, 227-240.

12. Naquet, R., EEG Clin. Neurophysiol., 1968, 25, 88.

13. Frosoborg, W., Jorgensen, E. O., EEG Clin. Neurophysiol., 1973, 35. 102.

68. Саморегуляция продуктивного мышления и проблема бессознательного в психологии. В. Н. Пушкин, Г. В. Шавырина

НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР, Москва

К настоящему времени фундаментальные психологические исследования не только экспериментально установили наличие и существование бессознательных психических процессов, но и смогли включить эти проблемы в современную теорию общей (психологии [1; 2; 6; 12]. При разработке этой общепеихологической теории [10] была обнаружена определенная психологическая реальность - установка, которая, не будучи осознанной человеком, выполняет функцию регулятора психической деятельности.

Однако вопрос о природе и механизмах бессознательного в высшей интеллектуальной сфере не может в настоящее время считаться решенным. Разработка закономерностей неосознаваемого компонента мышления является насущной задачей не только психологической науки, но и современной науки вообще. Необходимость раскрытия этих компонентов диктуется, с одной стороны, ролью этих компонентов з творческом мышлении, с другой стороны, теми трудностями, которые возникают при попытке управлять этими процессами. Развиваемый на основе исследований, проведенных в нашей лаборатории, тезис о субъекте мышления как о сложной системе познавательно-личностной саморегуляции позволяет до некоторой степени подойти к его решению. Для раскрытия природы бессознательного, прежде всего, необходимо остановиться на том значении, которое может иметь для психологии понятие субъекта психологической саморегуляции.

При анализе целостной деятельности человек, решающий ту или иную проблему, рассматривается в качестве единого и нерасчлененного субъекта. Этот субъект мышления анализирует различные признаки объектов, составляющих проблемную ситуацию, соотносит условия и требования задачи, принимает решение и т. д. Такой подход, предполагающий нерасчлененность, однородность сознающей и осуществляющей умственные операции личности, может оказаться достаг точным для изучения многих проявлений интеллекта. Вместе с тем существует, по крайней мере, одна форма мышления, анализ которой не согласуется с пониманием субъекта мышления как нерасчлененного целого. Это - продуктивное или творческое мышление, которое состоит в решении новых для человека задач [7; 8; 9; 11].

Известно, что одним из существенных моментов продуктивного мышления является перерыв в деятельности, возникающий после того, как человек перепробовал все известные ему варианты решения сложной задачи и констатировал для себя, что вся совокупность его знаний, (весь арсенал прошлого опыта не позволяет ему решить эту задачу. В том случае, если сложная задача все же оказывается решенной, период перерыва деятельности сменяется пониманием существенных для данной ситуации связей и отношений между составляющими его объектами. Совершенно естественно, что понимание этого возникает у человека не случайно, а является следствием закономерного процесса переработки информации, полученной в ходе анализа ситуации и попыток решения. История открытий и данные психологии мышления свидетельствуют о том, что некоторые весьма существенные звенья этого процесса не осознаются решающим задачу человеком.

Эти звенья не могут быть поняты как звенья целенаправленной поступательной деятельности субъекта мышления, если этого субъекта рассматривать как единое нерасчленеиное целое. Поскольку эти неосознаваемые и весьма важные для творческого мышления процессы все же осуществляются, возникает необходимость рассматривать субъект мышления как сложное системное образование.

Сложный системный характер познающей личности глубоко проанализирован в психологической концепции установки. Согласно этой (концепции, уже в ходе перцептивных процессов формируются такие системы отношений, которые не осознаются воспринимающим субъектом, но которые детерминируют процессы восприятия. Эта принципиальная схема познавательной саморегуляции со своей регулирующей инстанцией, обозначаемой как установка, функционирует и в мышлении.

Вместе с тем в связи с проблемой системности мышления особое значение приобретает нейропсихологический анализ процесса решения задач [3; 5]. Здесь намечаются определенные дифференциации структуры субъекта, обнаруживая, по крайней мере, два уровня мозговой регуляции мышления. Один уровень осуществляет управление целостным поведением, другой - связан с управлением собственно познавательной функции, составляющей основу процесса решения задач.

В наших нейропсихологических исследованиях [7; 8; 9; 11] нам удалось с еще большей определенностью развести целостно-поведенческий и познавательный уровни регуляции мыслительной деятельности.

В экспериментах участвовали больные с опухолью базально-лоб-ных и теменных отделов коры головного мозга. Больным предлагалось решить два варианта пространственно-комбинаторных задач (ситуации игры "5"); а) зрительное решение последовательно усложняющихся, задач и б) решение эквивалентных задач, отличающихся друг от друга исходным и конечным расположением фишек, но предполагающих один и тот же принцип решения.

В результате эксперимента было обнаружено, что больные с различными корковыми поражениями по-разному решали новые для них пространственно-комбинаторные задачи. Особенно интересным, с точки зрения проблемы саморегуляции интеллектуальных вопросов, оказалось (сопоставление решения ситуаций игры "5" больными с базальным и теменным поражениями.

Анализ результатов показал, что больные с базально-лобными поражениями коры, у которых наблюдалось выраженное нарушение личностной регуляции поведения, успешно решали предложенные задачи, в то время как теменные больные при полной сохранности личностной ориентировки и осознанности своего положения не только не могли решать пространственно-комбинаторные задачи, но даже не могли понять, чего добивается от них экспериментатор. Они различали перенумерованные фишки, но не могли связать их между собой, воспринимая фишки всегда дискретно.

Таким образом, с точки зрения интересующей нас проблемы теменные больные дают картину, прямо противоположную той, что обнаружена у базально-лобных больных. Одна группа (больные с базально-лобными поражениями) сохраняет гностический уровень регуляции деятельности при утрате личностной регуляции, другая группа (теменные больные) обнаруживает утрату гностического, познавательного уровня при сохранности уровня личностной регуляции.

Эти нейропсихологические данные свидетельствуют о разных уровнях регуляции различных функций мыслительной деятельности. Именно метод нейропсихологичеекого анализа, давая характеристику корковых уровней регуляции мыслительной деятельности, позволяет тем самым проследить структуру субъекта мышления. Но этот метод не дает возможности изучения уровней мозговой регуляции у здорового человека.

Поэтому для этой группы испытуемых был использован метод реоэнцефалографии (РЭГ). Нами был найден критерий (показатель катакротического отношения РЭГ-волны), который указывал на степень уплошекия пульсации волн и тем самым мог свидетельствовать об активности различных зон мозга.

Цель этого этапа исследования состояла в регистрации различных уровней, входящих в структуру субъекта мышления. Эксперименты позволили обнаружить специфичность реакции уплощения РЭГ-волны относительно предъявляемой нагрузки. Так, например, оказалось, что при специфической нагрузке зрительных систем уплощение волн реоэнцефалограммы наблюдается в затылочной области, а при решении пространствено-комбинаторных задач - в теменно-височной коре.

Совокупность предварительных данных позволила организовать основную серию опытов реоэнцефалографического этапа исследования, в которых исследовалась структура корковой регуляции интеллекта.

Эта серия опытов проводилась при решении интеллектуальных (преимущественно пространственно-комбинаторных) задач при двух отведениях: фронтально-фронтальном и фронталъно-маетоидальном. При этом предполагалось, что первое отведение позволяет наблюдать динамику личностного уровня, а второе - динамику гностического уровня системы интеллектуальной саморегуляции.

Работа каждого из исследованных уровней может быть со значительной долей правдоподобия переведена на психологические понятия. Так, есть все основания утверждать, что сдвиг РЭГ-показателя лобной области означает преимущественное повышение общеличностной напряженности. Примером может служить напряженность испытуемого, впервые пришедшего на опыт по мышлению и предполагающего, что в ходе эксперимента могут быть обнаружены особенности его интеллектуальной одаренности. Именно эта ориентировка на обстановку опыта определяет значительно более высокий уровень напряжения, зарегистрированный в данном случае з лобной области коры.

С другой стороны, испытуемый может быть ориентирован на саму задачу, захвачен процессом ее решения. В этом случае повышается РЭГ-показатель в реограмме, записанной с отведения, захватывающего теменно-височную область. Наконец, возможен случай, когда одновременно имеют место и нелостно-личностное и собственно-познавательное напряжение. В таком случае указанные уровни характеризуются синхронной динамикой.

В решении каладой, более или менее сложной экспериментальной задачи могут наблюдаться смены фаз, когда осуществляется переход от целостно-личностной направленности к гностическим доминантам. Как об этом свидетельствует наш материал, смена таких фраз действительно имеет место при решении задач. Вместе с тем данные показывают, что характер соотношения между уровнями может быт.о устойчив для данного человека и может являться его характеристикой как субъекта мышления.

Все это свидетельствует о том, что субъект мышления является системным образованием, включающим несколько взаимодействующих между собой психологических уровней. Именно такое понимание" субъекта мышления позволяет подойти к функциональному определению сознательной и бессознательной психической деятельности.

Сознательная деятельность возникает в том случае, когда одновременно работают оба крупных блока или уровня психологической саморегуляции-личностный и познавательный, гностический. Если же эти блоки работают раздельно, то в таком случае можно говорить, в основном, о бессознательной психической деятельности. О такой возможности раздельной работы различных зон и уровней коры больших полушарий свидетельствуют данные нейропсихологичеекого и нашего электрофизиологического анализа деятельности методом реоэнцефалографии.

Таким образом, наше понимание бессознательного связано с функциональным взаимодействием различных уровней той целостной системы психологической саморегуляции, какой является содержание работы коры больших полушарий. Кора больших полушарий, будучи регулятором поведения, сама может быть рассмотрена как единая самоуправляемая система. Необходимым условием любого процесса управления является отражение управляемого объекта в регуляторе. Следовательно, модели объектов окружающей среды, создаваемые в гностической области коры, должны быть определенным образом представлены в высшем корковом регуляторе, а для этого необходимо специальное средство представления или специальный язык. Именно на этом языке в определенных кодах осуществляется высшая неосознаваемая мыслительная деятельность человека.

В настоящее время пока нет материалов, позволяющих судить о структуре этого языка. Можно только утверждать, что существование подобного языка следует из самого факта внутрикорковой саморегуляции и что язык этот отличен от обычной речи. В литературе известно [4], что речь может рассматриваться лишь как орудие управления, но не как инстанция, обеспечивающая формирование программы деятельности и команд, реализующих эти программы Однако при нарушении фронтальных участков лобной коры речь теряет свою регулирующую функцию. Следовательно, инстанцию, обеспечивающую высшую регуляцию интеллекта, следует искать не в речевых корковых зонах, а именно в высших отделах лобной доли.

Об этом же свидетельствуют наши эксперименты с влиянием гипноза на интеллектуальную творческую деятельность (Г. И. Ангушев, В. Н. Пушкин, В. М. Фетисов). Важнейшим условием гипнотических воздействий

является торможение высших отделов лобной доли загипнотизированного субъекта. Именно отключение этих отделов коры приводит к тому, что субъект полностью теряет собственную активность. Функцию фронтальных зон лобных долей начинает выполнять гипнотизер, который через речевые корковые зоны связывается с различными уровнями мозговой регуляции поведения и вегетативных процессов в организме загипнотизированного [8].

Гипнотический метод позволяет выяснить вопрос о том, в какой степени субъект, функционально лишенный фронтальных областей коры, при перекрестном управлении гностическими полями извне гипнотизером действительно оказывается в состоянии осуществлять интеллектуальное творчество, выражающееся в создании чего-то принципиально нового для данного человека.

В наших исследованиях влияние гаигнотичеакой стимуляции процесса решения задач изучалось на материале постгипнотических воздействий на успешность решения ситуаций игры "5". Для обнаружения границ гипнотического влияния на мышление было организовано две серии опытов.

В первой серии в состоянии гипнотического сна испытуемому на единичных примерах объяснялись принципы решения ситуаций игры "5". После каждого сеанса перед пробуждением проводилось специальное внушение амнезии. После пробуждения проводился контроль забывания всего, что было внушено в гипнозе. Выявлено, что любые ситуации игры "5", несмотря на специальное внушение забывания, решались испытуемыми данной группы существенно успешнее, чем испытуемыми контрольной группы. Характерно, что при этом каждая успешно решаемая ситуация воспринималась субъектом как новая.

Во второй серии экспериментов исследовались границы "чистого" влияния интенцифирующей формулы внушения. Испытуемые этой серии до гипнотического сна решали некоторые ситуации игры "5". В гипнозе они получали лишь общий приказ повысить уровень мыслительной деятельности, успешнее решать задачи. В этой серии также внушалась амнезия относительно задач, решенных ранее.

Опыты показали, что в этом случае в постгипнотическом решении существенно повышались результаты решения лишь тех задач, которые решались испытуемыми до гипноза, но которые были забыты ими и воспринимались как новые в силу внушенной амнезии. Что же касается действительно новых ситуаций игры "5", то при их решении не была зарегистрирована разница по сравнению с деятельностью испытуемых контрольной группы.

Полученные в настоящем исследовании результаты позволяют сделать вывод о том, что гипноз действительно дает возможность повысить уровень интеллектуальной деятельности, но это повышение связано с операциональным, репродуктивным компонентом мышления. Что же касается компонента собственно продуктивного, творческого, то гипноз как способ перекрестного управления психической деятельностью не позволяет получить качественных сдвигов в ее осуществлении. Такой вывод, однако, не исключает принципиальной возможности разработки специальных методов интенсификации функционирования лобных долей и повышения, таким образом, уровня интеллектуальной активности.

Приведенные здесь эксперименты с гипнозом еще раз свидетельствуют в пользу той концепции, о которой было сказано выше, а именно, о системном понятии субъекта мышления. Эта концепция психологической саморегуляции мышления, в частности продуктивного мышления, позволяет подойти к решению проблемы бессознательного - одной из острых и важных проблем общей психологии - с определенной, новой точки зрения, учитывающей не только сознательные, но к глубинные процессы гностической деятельности субъекта, протекающие на уровне бессознательного психического.

Примечание редакции

Публикуя статью В. Н. Пушкина и Г. В. Шавыриной, редколлегия считает нужным отметить следующее.

Авторы статьи утверждают, что по степени уплощения РЭГ-вол-ны можно заключать о функциональном состоянии определенных ограниченных областей коры б. полушарий головного мозга (уплощение, например, этих волн в затыл. обл- при специфической стимуляции зрительных систем и т. д.). Следует, однако, заметить, что представление о возможности такого непосредственного и локального отражения мозговой активности на РЭГ отнюдь не является общепризнанным, и поэтому в пользу обоснованности подобного истолкования авторам следовало бы привести экспериментальные аргументы и статистические данные, которые в их статье, к сожалению, отсутствуют.

68. Self-Regulation of Productive Thinking and the Problem of the Unconscious in Psychology. V. N. Pushkin, G. V. Shavyrina

Research Institute of General and Educational Psychology. USSR Academy of Pedagogical Sciences, Moscow

Summary

The conscious and the unconscious are viewed as forms of the functioning of the entire system of psychological self-regulation which ensures man's productive thinking activity. In this system levels of personality and gnostic regulation of the problem formulation and problem solution processes interact. Conscious activity is found in cases when both levels function simultaneously; unconscious processes appear in cases of their independent work. This system-function approach to the nature of the conscious and the unconscious is supported by neuropsychological and rheoencephalographic research in which different relations between the levels of psychological self-regulation are observed.

Литература

1. Бассин Ф. В., Проблема бессознательного, М., 1968.

2. Григолава В. В., К вопросу о восприятии неосознанных признаков предмета. Сб.: Психологические исследования, Тб., 1973.

3. Лурия А. Р., Высшие корковые функции человека, М., 1962.

4. Лурия А. Р., Хомская Е. Д., Нарушение интеллектуальных операций при поражении заднелобной области. Докл. АПН РСФСР, № 6, 1962.

5. Лурия А. Р., Цветкова Л. С, Нейропсихологический анализ решения задач, М., 1966.

6. Прангишвили А. С., Исследования по психологии устанозки, Тб., 1957.

7. Пушкин В. Н., Эвристика - наука о творческом мышлении, М., 1967.

8. Пушкин В. Н., Психологические возможности человека, М., 1972.

9. Пушкин В. Н., Шавырина Г. В., О системности интеллекта. Вопросы психологии, № 5, 1972.

10. Узнадзе Д. Н., Экспериментальные основы психологии установки, Тб., 1961.

11. Шавырина Г. В., Исследование системности мышления при решении пространственно-комбинаторных задач. Канд. дисс, М., 1973.

12. Шерозия А. Е., К проблеме сознания и бессознательного психического. Тб., т. 1, 1969; т. 2, 1973.

69. О стимулировании творческих возможностей бессознательного. Л. М. Сухаревский

Центральный дом культуры медицинских работников, Институт ювенологии, Москва

1. Советская психология уделяет большое внимание изучению проблематики бессознательного психического. Этому обстоятельству отечественная наука в значительной степени обязана тбилисской школе психологов, плодотворно продолжающей развитие идей выдающегося грузинского исследователя Д. Н. Узнадзе. Особое внимание привлекли в последние годы фундаментальные работы А. Е. Шерозия. Они представлены в широкоизвестном двухтомнике [10; 11]. Исследования, содержащиеся в его монографиях, как и многие другие рабочы сходной тематики, осуществленные научным коллективом Института психологии Академии наук Грузинской ССР во главе с академиком А. С. Пран-гишвили [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 13], существенно обогатили наши знания о природе, функциях и методах исследования бессознательного психического и помогли приступить к изучению вопроса о стимулировании возможностей его творческой активности.

Многие твердо установленные экспериментальные факты заставляют прийти к убеждению, что коэффициент практического использования мыслительных возможностей условного "среднего" человека относительно невысок. Это происходит потому, что имеющиеся у человека творческие способности не всегда раскрываются в полную меру. Для такого раскрытия требуется, по-видимому, какая-то дополнительная стимуляция психологических механизмов. Приведем некоторые примеры.

Хорошо известно, что у многих людей творческие способности проявились не в ранние детские и подростковые или юношеские годы, а значительно позже - в возрасте пожилом и даже старческом. Яркой иллюстрацией является в этом отношении писатель Гессен Арнольд Ильич. Он написал ряд талантливых книг, хорошо известных всем нам. Это "Набережная Мойки, 12", "Во глубине сибирских руд", "Все волновало нежный ум...", "Москва, я думал о тебе" и др. И, что особенно интересно, первую свою книгу он создал на 84-ом году своей жизни. Все они посвящены жизни и деятельности А. С. Пушкина.

В связи с подобными наблюдениями возникла гипотеза о наличии у человека как бы "второго дна" его сознания, его умственных и духовных сил. Это образное выражение как бы подчеркивает, что у многих людей их творческие данные не сразу выявляются с должной эффективностью. Исследуя подобные проявления, приходится прийти к выводу, что "второе дно" нашего сознания это нечто, так или иначе связанное со сферой бессознательного. Однако механизмы его декодирования еще почти не раскрыты, мы не умеем ими руководить.

Какие существуют на сегодня методические подходы по расшифровке скрытых возможностей психической деятельности и их стимулированию? Некоторые из них известны очень давно, другими наука стала заниматься лишь в последние десятилетия.

Заслуживают, например, в этом отношении, внимания выводы, к которым пришло французское философское общество "Центр синтеза" (Париж), организовавшее обсуждение данной темы еще в 1934 г. Материалы этого обсуждения выявили существование некоторых интересных аналогий между формами творческой деятельности, развертывающимися на уровне сознательного и бессознательного. Сходным вопросам была посвящена и двухдневная научная конференция, состоявшаяся в Москве в 1971 году, под названием "Сознательное и подсознательное в управлении и творческой деятельности", а также некоторые другие специальные совещания последних лет.

2. Известно, что всякое чувство человека в той или иной степени влияет на его поведение и чем оно интенсивнее, тем сильнее это влияние, формирующее психологические установки, хорошо нам знакомые по работам грузинских психологов.

Формирование подобных установок это, по-видимому, одна из важнейших функций нашего бессознательного. К пониманию этого, правда в неясной форме, неоднократно уже приходили лучшие умы прошлого. Известный римский философ-стоик Луций Анн ей Сенека, не сомневаясь, утверждал: "Сколько человек прожить хочет - может". Интересно подчеркнуть, что спустя столетия к этому же выводу пришел Гете. По поводу смерти одного знакомого он писал: "Вот умер 3., едва дожив до 75 лет. Что за несчастные создания люди - у них нет смелости прожить дольше. Главное, надо научиться властвовать над самим собой". В своих воспоминаниях секретарь поэта, Эккерман, рассказывает: "Вы говорите о смерти - обратился он к своему шефу, - как будто она зависит от нашего произвола? Да, - твердо ответил Гете, - я часто позволяю себе так думать".

Я приведу еще одну иллюстрацию, почерпнутую из современности. Известный украинский кинорежиссер А. Довженко, приступая к постановке фильма "Повесть пламенных лет" о Великой отечественной войне, спросил у одного из своих консультантов, армейского хирурга, что того наиболее поразило за все годы пребывания на фронте. "Воля, - ответил хирург, - человек на войне - это воля, есть воля - есть человек, нет воли - нет человека, сколько воли - столько и человека".

Подобные факты - а их бесчисленное множество - подчеркивают всю принципиальную важность проблемы психологической установки и безусловную невозможность разработки теории поведения отвлечением от этой проблемы [1; 2].

3. Важную роль бессознательное выполняет, по-видимому, и при коллективных формах стимулирования творческого труда. В качестве примера можно сослаться на методику так называемой "мозговой атаки". Задачи этой методики - максимально мобилизовать резервы творческих возможностей каждого члена коллектива при решении важных, поставленных перед коллективом задач. Эта методика применяется следующим образом.

Формируются две группы: а) группа генерации идей и б) группа оценки.

В первую входят рядовые сотрудники. По инструкции каждый в этой группе равнозначен, он никому не подчиняется, его мнения совершенно свободны, и что бы он ни сказал, это не будет вызывать ни скептического отношения, ни улыбки, ни, тем более, критики. Каждый из участников этой пруппы выдвигает идеи, ничего не опасаясь и ничего не стесняясь. Он знает, что, как бы ни было парадоксально его предложение, никто не будет выступать против него, ибо задача выступающих заключается не в том, чтобы критиковать друг друга, а в том, чтобы вносить предложения, которые либо спонтанно возникают в их сознании внезапно, как "озарения", либо в качестве реакции на предложения, вносимые другими участниками этой же группы. Высказываемые идеи, мнения, предложения записываются магнитофоном. В итоге, как показывает практика, за полчаса работы группы может иной раз поступить до сотни самых разнообразных предложений.

Интересно отметить, что Н. Винер положительно оценивал методику "мозговой атаки", и даже имеются некоторые данные в пользу того, что сама идея кибернетики родилась на одном из подобных заседаний первой группы "мозговой атаки", на котором присутствовал и сам Н. Винер.

Вторая группа "мозговой атаки" - группа оценки идей - работает отдельно от первой. Она, в отличие от первой, формируется из руководящего состава, располагающего правовыми и материальными возможностями принятия решений. К ней, в эту вторую группу, поступают все предложения из первой. Предложенные идеи здесь подвергаются анализу и оценке, и наиболее эффективные из них отбираются для реализации и внедрения в практику.

Состав групп формируется продуманно. В первую вводятся люди эмоциональные, с развитым воображением, со значительной активностью творческой фантазии, умеющие быстро "загораться" поставленными задачами, с удовольствием, даже с энтузиазмом принимающие участие в этом процессе "генерации идей". И, наоборот, в группу оценки идей входят люди более спокойного, скептического темперамента, более сдержанных чувств, могущие хладнокровно взвешивать все данные "за" и "против" предложений, выдвинутых в первой группе.

Каковы теоретические обоснования методики "мозговой атаки"? По-видимому, при ее проведении активизируются в какой-то мере интимные структуры, функционирующие по "ту сторону" сознательного и способные при соответствующем психологическом настрое формировать внезапные вспышки мысли типа творческого "озарения" и, на этой основе, направлять в область сознания закодированный в памяти прошлый опыт.

По-видимому, те же или близкие нейро-психические механизмы способствуют доказанной продуктивности другой аналогичной методики - "синектики". Наименование это означает сочетание мысленных компонентов, органически между собой, по первому представлению, не связанных. Методика эта добивается изменения характера возникающих ассоциаций. В отличие от ассоциаций обычного типа, для которых характерна определенная упорядоченность, логичность, "еинектика" предполагает тренировку умения продуцировать ассоциации неожиданные, парадоксальные.

В плане стимулирования бессознательного особенно важное значение приобретает метод, разработанный Институтом кибернетики Академии наук Грузинской ССР под руководством В. В. Чавчанидзе. Этот метод обоснован в ряде трудов института и, в частности, в монографии "Проблемы управления интеллектуальной деятельностью. Психоэвристическое программирование" [12], открывающей новые пути в сфере стимулирования интеллекта и его творческих возможностей. Он (этот метод) выдвигает как ведущую идею "индуцирование психоинтеллектуальной деятельности" в общении между людьми, во время которого собеседники индуцируют друг друга к ответной реакции. Преимущество этого метода по сравнению с зарубежными методиками "мозговой атаки" и "синектики" состоит в использовании продуманной системы вопросов-ответов и специфически организованной структуры происходящих встреч.

4. В заключение, я хочу обратить внимание на организационную сторону обсуждаемой проблемы. У нас очень много делается по линии повышения уровня физической культуры человека, обеспечения его здоровья. Это очень нужно и очень хорошо. Но, к сожалению, наряду с этим, пока все еще мало внимания уделяется не менее, а, может обыть, даже более важной стороне жизнедеятельности человека, его психической культуре, рациональному воспитанию и тренировке психических компонентов его личности.

Я имею в виду применение, наряду с обычными формами и методами воспитания и обучения, также и процессов рационального и эффективного самовоспитания типа "саморегулирующей тренировки", "психоэвристического программирования" и др.

По-видимому, этим важным приемам следует обучать человека с детских лет, сначала в семье, в порядке игр, затем в дошкольных учреждениях и в школах различных профилей и ступеней. Теоретическую основу для этого

должны создать функционирующие в нашей стране научно-исследовательские институты, заинтересованные в данной проблематике (психологические, физиологические, педагогические и др.). Следует приступить к более глубокому изучению сложнейшей проблематики сознательного и бессознательного, дабы научно добиться тех же выдающихся результатов, которыми эмпирически овладели, например, индийские йоги, к сожалению, однако, их тщательно скрывающие и связывающие с религиозно-мистическими целями.

Мы живем в период научно-технической революции, предъявляющей все большие требования к умственной деятельности, к творческой активности человека. Именно поэтому проблема этой активности, умение ее полноценно использовать, не вредя здоровью, приобретает на сегодня такую огромную важность. В этой связи назрело время для разработки подлинных научных рекомендаций по всесторонней оптимизации умственного труда, его творческого потенциала, неразрывно связанного, как мы это теперь все лучше понимаем, с активностью психологических установок и бессознательного.

69. On the Stimulation of the Creative Potentialities of the Unconscious. L. M. Sukharebsky

Central House of Madical Workers, Institute of Juvenile Studies, Moscow

Summary

The creative potentialities of the unconscious and of the mind are vast. However, they have not been studied adequately and probably only a few know how to use them rationally. Therefore stimulation of these potentialities is a most significant problem.

To raise the creative potentialities some processes of autotraining and mastering the skills of so-called autogenous training are recommended. It has become now necessary to introduce special methods of self-regulating training, psychoheuris ic programming, etc., into the state education system.

One should be trained in this from childhood at home, in preschool institutions and at school.

Литература

1. Бассин Ф. В., Проблема бессознательного, М., 1968.

2. Бассин Ф. В., Рожнов В. Е., О современном подходе к проблеме неосознаваемой психической деятельности. Вопросы философии, 10, 1975.

3. Бжалава И. Т., Психология установки и кибернетика, М., 1966.

4. Прангишвили А. С., Исследования по психологии установки, Тб., 1967.

5. Прангишвили А. С., Психологические очерки, Тб., 1975.

6. Узнадзе Д. Н., Психологические исследования, М., 1966.

7. Хачапуридзе Б. И., Проблемы и закономерности действия фиксированной установки, Тб., 1962.

8. Ходжава 3. И., Проблема навыка в психологии, Тб., 1960.

9. Чхартишвили Ш. Н., Проблема бессознательного в советской психологии, Тб., 1967.

10. Шерозия А. Е., К проблеме сознания и бессознательного психического. Опыт исследования на основе данных психологии установки, т. I, Тб., 1969.

11. Шерозия А. Е., К проблеме сознания и бессознательного психического. Опыт интерпретации и изложения общей теории, т. II, Тб., 1973.

12. Проблемы управления интеллектуальной деятельностью. Психоэвристическое программирование, Тб., 1974.

13. Психологические исследования, Тб., 1973.

Алфавитный указатель авторов

Цифры в скобках обозначают начальную страницу публикации автора в настоящем томе монографии

Димитров Хр. (282), Институт философии Болгарской Академии наук, София, Болгария

Досужков Т. (692), Институт логопедии, Прага, Чехословакия

Ермолаева-Томина Л. Б. (652), Институт общей и педагогической психологии АПН СССР, Москва, СССР

Зенков Л. Р. (740), I Московский медицинский институт, Москва, СССР

Зинченко В. П. (133), Московский государственный университет, факультет психологии, Москва, СССР

Ильин Г. Л. (338), Институт истории естествознания и техники АН СССР, Москва, СССР

Какабадзе В. Л. (191), Институт философии АН Груз. ССР, Тбилиси, СССР

Киященко Н. К. (760), Московский государственный университет, факультет психологии, Москва, СССР

Клеман К. (410), Парижский университет, Париж, Франция КОНОВАЛОВ В. Ф. (717), Институт биофизики АН СССР, Пущино-на-Оке, СССР

Костандов Э. А. (633), Центральный НИИ судебной психиатрии, Москва, СССР

Котов А. В. (596), Институт нормальной физиологии АМН СССР, Москва, СССР

Кремериус И. (446), Фрейбургский университет, кафедра психотерапии, Фрейбург, ФРГ

Кречмер В. (174), Тюбингенский университет, Тюбинген, ФРГ

Криппнер С. (658), Институт психологии человека, Сан Франциско, Калифорния, США

Лейбин В. М. (358), Институт научной информации по общественным наукам АН СССР, Москва, СССР -

Леонова А. Б. (730), Московский государственный университет, факультет психологии, Москва, СССР

Мак-Кензи К. Р. (180), Университет Калгари, Калгари, Альберта, Канада

Мосидзе В. М. (702), Институт физиологии им. И. С. Бериташвили АН Груз. ССР, Тбилиси, СССР

Музатти Ч. (528), Миланский университет, Милан, Италия

Мэйн Т. (437), Больница функциональных нервных расстройств им. Касселя, Хем Коммон, Ричмонд, Суррей, Англия

Надирашвили Ш. А. (111), Институт психологии им. Д. Н. Узнадзе АН. Груз. ССР, Тбилиси, СССР

Палаци Ж. (469), Колумбийский университет, Нью-Йорк, США

Поль Ж. (509), Немецкая академия психоанализа, Мюнхен, ФРГ

Прангишвили А. С. (15, 23, 67,71,84,213,557), Институт психологии им. Д. Н. Узнадзе АН Груз. ССР, Тбилиси, СССР

Прибрам К. (569), Станфордский Университет, Станфорд, Калифорния, США

Пушкин В. Н. (770), Институт общей и педагогической психологии АПН СССР, Москва, СССР

Ривин В. М. (751), НИИ психиатрии МЗ РСФСР, Москва, СССР

Ривина И. В. (751), НИИ психиатрии МЗ РСФСР, Москва, СССР

Ройтбак А. И. (606), Институт физиологии им. И. С. Бериташвили АН Груз. ССР, Тбилиси, СССР

Роллинс Н. (266), Медицинский Центр детской больницы, Гарвардский медицинский институт, Бостон, США

Самойлович Л. А. (668), Московский государственный университет, факультет психологии, Москва, СССР

Стоев С. Г. (290), Институт философии Болгарской Академии наук, София, Болгария

Судаков К. В. (596), Институт нормальной физиологии АМН СССР, Москва, СССР

Сумский Л. И. (766), Институт скорой помощи им. Склифосовского, Москва, СССР

Сухаревский Л. М. (776), Центральный дом культуры медицинских работников, Институт ювенологии, Москва, СССР

Татосян А. (311), Марсельский университет, медицинский факультет, Марсель, Франция.

Трауготт Н. Н. (707), Институт эволюционной физиологии и биохимии им. И. М. Сеченова АН СССР, Ленинград, СССР

Труш В. Д. (668), Московский государственный университет, факультет психологии, Москва, СССР

Фейгенберг И. М. (167), Централ ьныи институт усовершенствования врачей, Москва, СССР

Филиппов Л. И. (426), Институт философии АН СССР, Москва, СССР

Чхартишвили Ш. Н. (95), Институт психологии им. Д. Н. Узнадзе АН Груз. ССР, Тбилиси, СССР

Шавырина Г. В. (770), Институт общей и педагогической психологии АПН СССР, Москва, СССР

Шеврин Г. (610, 676), Мичиганский университет, факультет медицины, Анн Арбор, Мичиган, США

Шерозия А. Е. (15, 23, 37, 67, 71, 213, 557), Тбилисский государственный университет,факультет философии и психологии; Институт психологии им. Д. Н. Узнадзе АН Груз. ССР, Тбилиси, СССР

Шерток Л. (347), Институт Ларошфуко, Центр психосоматической медицины им. Дежерина, Париж, Франция

Шингаров Г. Х. (206), АМН СССР, кафедра философии, Москва, СССР

Эй А. (540), Бонневальская психиатрическая больница, Бонневаль, Франция